MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. XI [XXVI] nr. 1

Chișinău
2017

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacție
Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacție: dr. Aurel Zanoci
Redactori: Vlad Pohilă, Mariana Balan, Iulia Postică

Membri: dr. Marius Alexianu (Iași); dr. Ana Boldureanu (Chișinău); dr. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. Maria Danilov (Chișinău); dr. hab. Ion Eremia (Chișinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. Elena Izbitzer (New York), dr. hab. Elke Kaiser (Berlin); dr. Maia Kašuba (Sankt Petersburg); dr. Igor Manzura (Chișinău); dr. Eugen Nicolae (București); dr. hab. Ion Niculiță (Chișinău); dr. Virgil Nițulescu (București); dr. hab. Elena Ploșniță (Chișinău); dr. Elena Postică (Chișinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chișinău); dr. Ion Tentiuc (Chișinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chișinău); dr. Victor Trifonov (Sankt Petersburg); dr. Lilia Zabolotnaia (Chișinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice corespondență se vor trimite pe adresa Colegiului de redacție al „Tyragetiei”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Tyragetia”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

© Muzeul Național de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen inponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Denis Topal, Martin Golec
Vekerzug culture and new finds of Scythian akinakai in Moravia (Cultura Vekerzug şi noi descoperiri de akinakes-uri scitice în Moravia)..... 7

Akinobu Kuroda
Why and How Did Silver Dominate across Eurasia Late-13th through Mid-14th Century? Historical Backgrounds of the Silver Bars Unearthed from Orheiul Vechi (De ce şi cum argintul a dominat în Eurasia de la sfârşitul secolului XIII până la mijlocul secolului XIV? Istoria lingourilor de argint descoperite la Orheiul Vechi) 23

II. Materiale şi cercetări (Papers and surveys)

Наталья Бурдо
Интерпретация культурного слоя раннетрипольского поселения Бернашевка I (Interpretation of the cultural layer of the early Trypillian site of Bernashevka I) 35

Михаил Видейко, Рене Улрау, Евгений Слесарев, Мария Видейко
Новые исследования на поселении трипольской культуры этапа BI-II Коломийцив Яр (New investigations at the Trypillia BI-II site of Kolomyitsiv Yar) 55

Юрий Рассамакин
Уникальная находка модели носа из погребения ямной культуры в кургане на р. Молочной (Украина) (A unique find of a cast of a nose from a grave of the Pit Grave culture, the Molochnaya River region (Ukraine) 67

Дмитрий Тесленко
Катакомбное погребение с повозкой у с. Войково (A Catacomb grave with wagon near the village of Voikovo)..... 75

Elena Izbitser
Novokorsunskaya 2/18, A Grave with a Wagon: work on mistakes (Mormântul cu car Novokorsunskaya 2/18: corectarea unor erori) 83

Александр Колесник
Неутилитарный контекст обожженных кремней из поселений бронзового века Северского Донца (Non-utilitarian context of the burnt flint artifacts from the Bronze Age settlements in the Seversky Donets River region)..... 87

Mariana Sîrbu, Stanislav Ţerna
Stolniceni II – o nouă aşezare cu „cenuşare" descoperită în zona de nord a Republicii Moldova (Stolniceni II – a new settlement with "ash lenses" discovered in the northern zone of the Republic of Moldova) 93

Octavian Munteanu, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu
Descoperiri cu semnificaţii de cult în aşezarea din epoca bronzului târziu de la Ulmu (Discoveries with cult significance from the Late Bronze Age settlement of Ulmu)..... 107

Игорь Прохненко
Городища эпохи поздней бронзы - раннего железа на территории Закарпатской области Украины (Hillforts of the Late Bronze Age and Early Iron Age in the Transcarpathian Region of Ukraine) 119

Mihail Băţ
Aşezarea din prima epocă a fierului de la Ţahnăuţi, raionul Rezina (Early Iron Age settlement in Ţahnăuţi, Rezina District) 137

Иван Власенко
Многослойное поселение Рудь XX (раскопки 1982 г.) (Multi-layered settlement Rudi XX (excavations in 1982) 165

Aurel Zanoci, Natalia Mateevici
Colecţia de ceramică de la Butuceni din fondurile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Collection of ceramic items from Butuceni in the National Museum of History of Moldova) 183

Dumitru Boghian, Alexandru Berzovan, Sergiu-Constantin Enea
Cetatea getică de la Criveşti (comuna Strunga, jud. Iaşi) (The Getic fortress from Criveşti (Strunga Commune, Iaşi County) 201

Сергей Курчатов
Предчерняховский горизонт многослойного поселения Черница I (Pre-Chernyakhov horizon of the multilayer settlement of Chernitsa I)..... 207

Игорь Сапожников
Древние валы и дороги района переправы через Дунай у озера Картал: опыт картографической стратиграфии (Ancient defensive walls and roads around the Danube crossing near Lake Kartal: Experience of cartographic stratigraphy)..... 213

Vasile Mărculeţ
Un posibil quaestor Justinianus exercitus: Germanus, fiul lui Dorotheus (Posible quaestor Justinianus exercitus: Germanus, son of Dorotheus)..... 227

Стелла Дончева
Метрическая система и соразмерность в христианской архитектуре раннего периода (Metric systems and principles of dimensioning in early Christian architecture) 235

Vlad D. Ghimpu
Basarabi-Murfatlar şi Corbii de Piatră – unele contribuţii crimeene în bisericile româneşti din evul mediu timpuriu (Basarabi-Murfatlar and Corbii de Piatră – about the Crimean influence on the architecture of the Romanian churches of the early Middle Ages)..... 253

Борис Раев, Максим Белов, Анна Жадаева
Половецкое погребение в кургане 2 могильника Кисляковский 13 (Краснодарский край) (A grave of a Cuman noble woman in the Kislyakovsky 13 kurgan cemetery (Krasnodar kray)..... 265

Юрий Пятницкий
Выставка «Византия сквозь века» в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге (Exhibition "Byzantium through the Centuries" at the State Hermitage Museum, St Petersburg) 281

Ana Boldureanu
Cronica descoperirilor monetare (XI) (Chronicle of coin findings (XI)..... 293

III. Recenzii şi prezentări de carte (Paper and book review)

George Bilavschi, Unelte agricole din Moldova medievală, Brăila: Editura Istros, 2016, 488 p. ISBN: 978-606-654-222-7 (*Ludmila Bacumenco-Pîrnău*) 301

IV. Omagieri (Homage)

Nikolaus Boroffka sau lupta cu inerţia (*Tudor Soroceanu, Eugen Sava*)..... 303

Lista abrevierilor (List of abbreviation) 321

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia" 324

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal 325

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 326

VEKERZUG CULTURE AND NEW FINDS OF SCYTHIAN AKINAKAI IN MORAVIA

Denis Topal
Martin Golec

Keywords: Iron age, akinakes, dagger, Scythian culture, Vekerzug culture, Lusatian culture, Middle Scythian period.

The first documented discoveries of Scythian bladed weapons generally coincide with the first discoveries in the Scythian archeology. They belong even to 18th century (e. g. excavations of Litaya Mogyla lead by general Alexey Melgunov in 1763 (Тункина 1998, 12-21)) and the first half of the 19th century (excavations of Kul-Oba and Kekuvatskyi aristocratic barrows in Crimea in 1830, Alexandropol barrow in 1852) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, 7). Exactly after the excavations of the Kul-Oba the pursuit of spectacular finds begins, there are a lot of officials involved in archaeological research, often without special scientific training (Формозов 1961, 54). However, at the beginning of 19th century Russian Empire formed the first archaeological museums and the first professional archaeologists (Лебедев 1992, 61). In 1846 it Imperial Russian Archaeological Society was founded, but for the first 25 years of its existence the excavations were rarely organized, without any definite plan (Веселовский 1900, 207). Therefore, the first systematic publication of Scythian weapons date back no later than the 1870s and relate primarily to the activities of the scientific center of the Russian Empire – Imperial Archaeological Commission (founded in 1859) and the study of burial mounds like Ostraya Tomakovskaya Mogyla in 1861 and Chertomlyk in 1862-1863 (ДСГ 1872, 59, 74).

However, the second half of the 19th is the time of the first discoveries on the western frontiers of Scythia. At the end of the 1840s, in Lower Silesia, at Plohmühle village (*now* Płoo in Strzelin county, Lower Silesian voivodeship, Poland) a sword with a blade fragment was found. Unfortunately, the artifact was lost and now is known only from a sketch made in 1885 (Jahn 1928, 15, fig. 3). In 1882 the famous hoard of jewelry from Vettersfelde (*now* Witaszkowo in Krosno Odrzańskie county, Lubusz voivodeship, Poland) was discovered, which included a dagger decorated with gold (Furtwaengler 1883, 4). In the late 19th - early 20th century the Catalogue of prehistoric collection of the Budapest Museum was published, which included Scythian swords and daggers from Árdánháza (*now* Ardanovo in Irshava district, Zakarpatska region, Ukraine), Nógrád County and Piliny (Hampel 1876, 23, 49, 129, fig. 7, 34, 127), a burial with a sword in Gyöngyös was excavated in 1907 (Márton 1908, táb. II/5) and a dagger from Szirmabesenyő was discovered (Reinecke 1897, áb. 10). Around the same time of discovery belongs the find from Beregszász (*now* Beregove in Zakarpatska region, Ukraine) in Transcarpathia (Hampel 1893, áb. 3) and unique Scythian dagger found in Serbia from Vršac (*Romanian* Vârşeţ) (Milleker 1898, áb. 1).

The interest in Scythian weapons resumed in 1950-1960s and were published several items like akinakes from burial 120 from Szentes-Vekerzug (Parducz 1955, 5, fig. 3, pl. XIII/2), Tarpa (Párducz 1968, 81, tab. XXI/5). Up until the 1970s a lot of strayfinds were introduced into scientific circuit – e. g. pommel from Bodzanowo (Zielonka 1952, ryc. 1), dagger from Łubnice (Bukowski 1977, tab. XII/1.) in Poland, Želiezovce in Slovakia (Bottyán 1955, tab. 36/4), Arad County in Romania (Buzdugan 1976, 240) and Penc (Patay 1955, 68), Tarnabod-Báb (Párducz 1969, táb. VII/1a, 1b) in Hungary. In 1984 Tibor Kemenczei published a special article dedicated to the Scythian bladed weapons from the collection of the National Museum in Budapest: from Timár, Tiszabercel, Tiszadob (Szabolcs-Szatmár-Bereg county), Borsod (Borsod-Abaúj-Zemplén county), burial from Nagykáta (Pest county) and Veszprém (Kemenczei 1984, Abb. 1/1, 4, 5; 2/2; 3/2, 3). Already in 2010s *Corpus* was supplemented by finding from

the Museum of Copper in Legnica (Lower Silesian Voivodeship, Poland) (Baron, Miazga 2013, 335, fig. 1) and a rich complex excavated near Bátmonostor in southern Hungary (Bács-Kiskun County) (Gyucha et al. 2015, 181, fig. 4/3).

In 2016 authors of this paper obtained information about three Scythian daggers from the territory of the Czech Republic (Moravia). They were found by unknown persons with the help of metal detectors in the vicinity of Brno, on the territory of *Horákovský hrad* hillfort (Horákov castle), which predates the castle: Čižmář 2004, 119-120). Daggers probably were part of a large collection containined the bronze triple-edged arrowhead with an outer and inner socket of uknown quantity (maybe a few hundred pieces) from which only 26 pieces are officially registered (Horákov No. 1-26; Bartík et al. 2017). Unfortunately, we got only few photographs at our disposal and the drawings we present here were prepared basing on these photos. Furthermore, taking into account the circumstances of obtaining this important information, the measurements were established with a certain degree of approximation.

1. Dagger no. 1 (fig. 1/1) has the pommel in the form of volutes and a narrow segment hilt. The total length of the item is about 27 cm, the blade has a rhomboid cross-section, 15 cm length and 3 cm width. The handle is 6.5 cm long, 2 cm wide, the thickness is 0.5 cm. The height of hilt is 2 cm, the width is 4.6 cm; the pommel' height is 3.9 cm, the width is 6 cm.

2. The total length of the dagger no. 2 (fig. 1/2) is 26 cm, the length of the triangular blade with a rib in the middle is 14 cm, maximum width is 3.8 cm. The handle is expanding to the pommel and is composed of two rollers and recesses (0.7-0.8 cm wide) in the central part; the length of the handle bar is 7.6 cm, the maximum width is 2.1 cm, cylinders thickness is 0.6 cm. The length of the elongated tops tapering outwards is 6 cm, its height is 0.8 cm. The height of butterfly-like hilt is 3.5 cm, its width is 6.2 cm.

3. The total length of the dagger no. 3 (fig. 1/3) is 26 cm, the length of the blade (rhomboid in cross-section) is 17 cm, the width is 2.4 cm. The handle with rounded edges is 6 cm long, its maximum width is 2.2 cm, thickness is 0.5 cm. The pommel of the dagger is subrectangular with a slightly raised ends, its width is 3.5 cm, height is 1.3 cm. The hilt is slightly rounded in the part closed to the handle and in opposite one has a small notch; hilt' width is 3.7 cm, the height is 1.8 cm.

Dagger no. 2 and the beginning of Middle Scythian period

In our opinion, the dagger no. 2 is the earliest one. Due to its specific features like triangular blade, massive hilt and narrow elongated pommel it could be attributed to the Vettersfelde type (Топал 2014, 30; Топал 2016, 279). In the end of 1980s Alexandru Vulpe draw his attention to this series of daggers as an independent typological unit. According to his typology he allocated *Suseni-Măcişeni type* consisting of daggers with straight pommel and massive hilt (Vulpe 1990, 38). Later, Elena Fialko and Yury Boltrik noticed this group of items during the collecting of analogies to their find from Trakhtemirov hillfort (Фіалко, Болтрик 2003, 46). Igor Bruyako appealed to this category of finds as an evidence of the Scythian penetration in Moldova[1] (Бруяко 2005, 154). Leonid Babenko in his article about compact group of daggers from Kharkiv region used for their description the term *short dagger with a T-shaped handle* (Бабенко 2009, 26). However, Suseni-Măcişeni type highlighted by A. Vulpe is defined too broadly and, in our opinion, does not reflect the major structural features of the group – wide massive "kidney-" (or "heart"-like) hilt, narrow long pommel and wide triangular blade. Therefore, one of the authors of the given paper proposed earlier a compromise term *Vettersfelde type*[2], making an allusion to the most well-known discovery (Топал 2014, 30). Akinakai of Vettersfelde type were distinguished from other group of synchronous items as Shumeyko type is by the broader but less elongated blade (about 25 cm), wider kidney-shaped hilt and the narrow elongated pommel. Also, the exclusive sign of Vettersfelde daggers could be considered the decoration of the blade with longitudinal incisions.

[1] According to some researchers, this group acts as a link between the Early and Middle Scythian antiquities (Бабенко 2009, 25-26; Билинский, Шелехань 2014, 173). However, this assumption is based on a cautious approval of I. Bruyako that the part of the strayfinds from Romanian Moldova could be dated back to the first half of the 6th (or even the late 7th) century BC. Nevertheless, the serious reasons for this "low chronology" are still missing (Топал 2014, 29-31).

[2] Among other things, Hermann Parzinger used once the term *Vettersfelde type* describing the series of golden sheaths from Shumeyko mound, Golden barrow and Ostraya Tomakovskaya Mogyla (Parzinger 1993, Abb. 3).

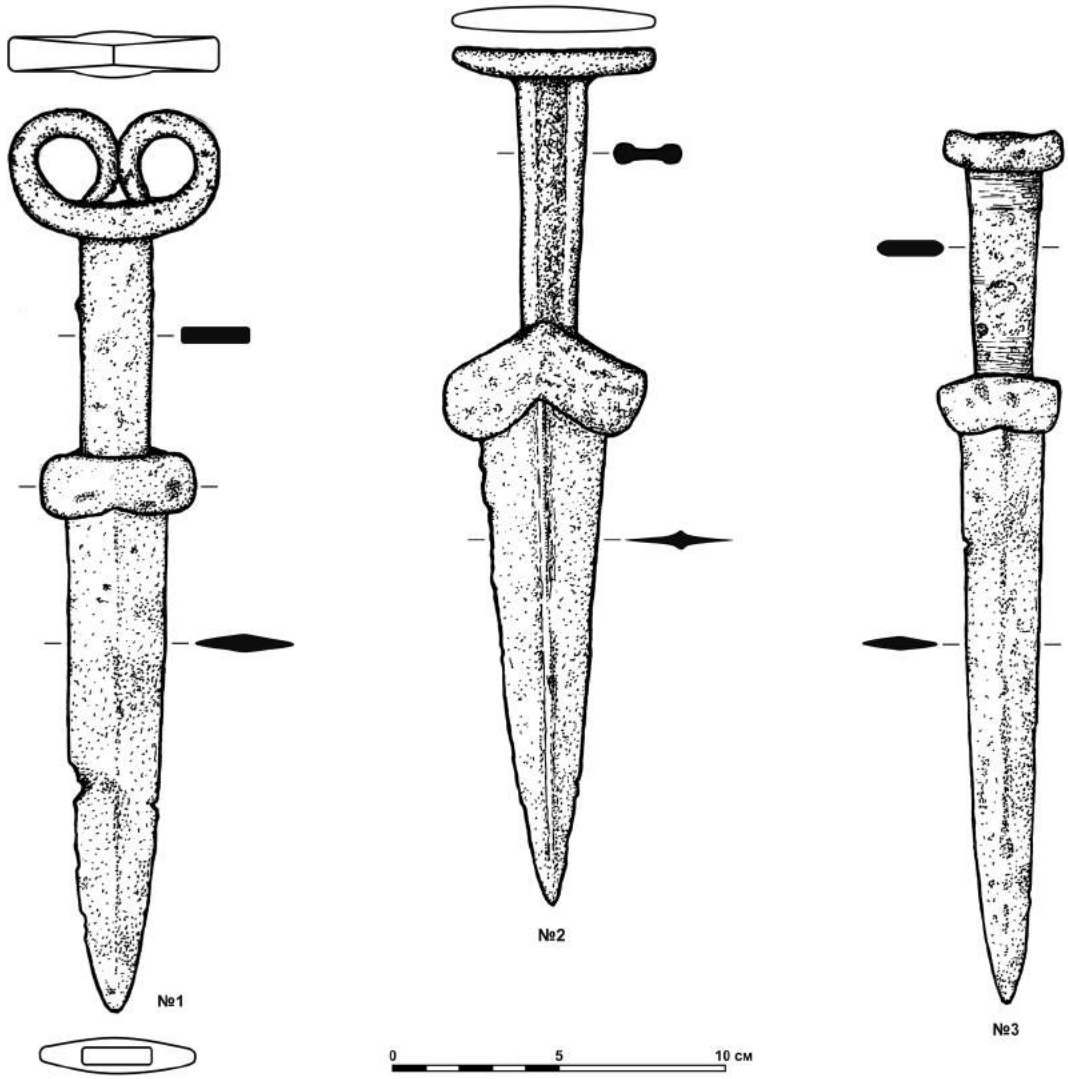


Fig. 1. Daggers from Horákovský hrad.

A large concentration of finds of the daggers of Vettersfelde type could be observed in Carpathian-Dniester region, especially within the mid-Dniester (Bukovina group), Siret-Dniester (Moldavian group) and Eastern Carpathian (Neamţ) groups (Топал 2014, 25, рис. 7). On the territory of Neamţ group also takes place a big series of strayfinds such daggers: in vicinity of Boureni (Brătianu 1925, fig. 1), Gindăoani (Mitrea 1969, fig. 2), Moţca (Iconomu 2001, 303, 304, fig. 3, 4) and between Văratec and Filioara villages (Mihăilescu-Bîrliba 1964, fig. 2, 3). Another accidental find was discovered near Suseni (Buzdugan 1976, fig. 7/7). In Bukovina region akinakai of Vettersfelde type have been found near Sokirintsy in Chemerivtsi district of Khmelnitskyi region of Ukraine (Гуцал 2004, рис. 1) and Ibăneşti in Botoşani County in Romania (Vulpe 1990, Taf. 7/34). Recently one of the authors of this article published two items of this type from the territory of the Republic of Moldova: from Boldureşti and Cuhureştii de Jos (Топал 2016, 279, рис. 1/1, 2). Such daggers are also known in the Danube region, on the territory of Bulgaria: e.g. strayfind from Profesor-Ishirkovo settlement in Silistra Province (Георгиева, Бъчваров 1994, 59, таб. LIII/1) and Debrene in Dobrich Province (Des Thraces 2006, 100, cat. 145). In the Dniester region one of the daggers of given type is known by a strayfind from Gnilyakovo (*now* Dachnoe) in Odessa region (Диамант, Черненко 1971, 159, 160). After eponymous find in the Lower Silesia from Vettersfelde (Witaszkowo), the dagger from Szirmabesenyő in Hungary could be considered

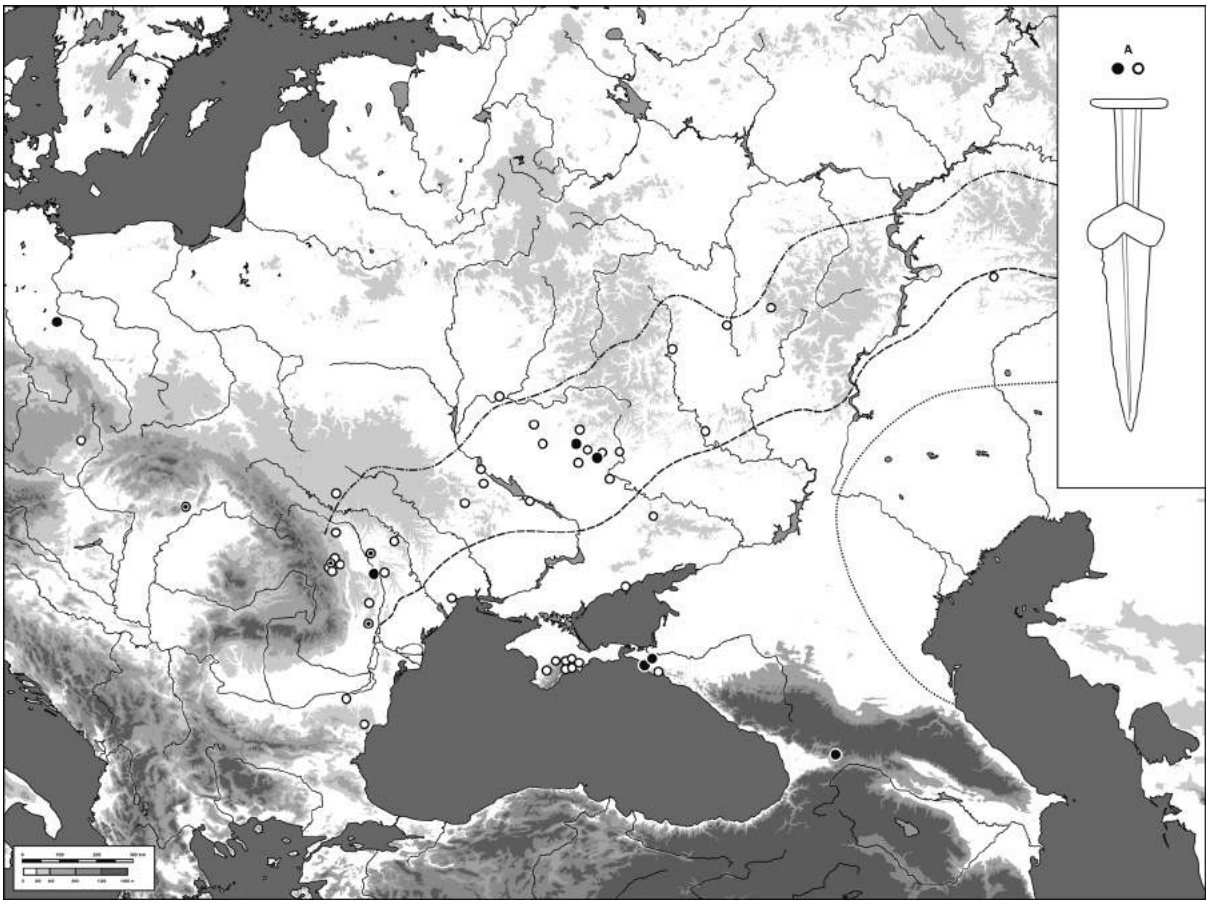


Fig. 2. Distribution of akinakai of Vettersfelde type (A).

one of the most western findings of this type (Reinecke 1897, áb. 10).

There are four strayfinds of this type on the right bank of Dnieper river, among them are – three from Cherkassy region: Staroselye, Horodyshche district (Галанина 1977, таб. 33/9), former Kanev uezd (county) (Ковпаненко 1981, 106, рис. 60/8), Novoselitsa, Chigirin district (Сиволап, Шелехань 2014, 211, рис. 1/2) and one from Poltava region, Burty in Kremenchug district (Кракало, Кулатова 1998, 168). A much larger number of daggers type of Vettersfelde type is presented on the left bank of the Dnieper – there are few strayfinds discovered at Mena in Chernihiv region (Яковенко, Покотило 1979, 90), Gadyach in Poltava region (Кулатова 1995, рис. 1), Romny (Билинский, Шелехань 2014, рис. 1/19) and Khmelyovka, Krasnopolye district (Кулатова 1990, 49) in Sumy region. At least six esemplars were provided from the territory of the Kharkiv region – from Verkhniy Saltov (Либеров 1962, рис. 6/3), Bogolyubovo in Bogodukhov district, Kharkov, Shelestovo in Krasnokutsk district (Бабенко 2009, 19-21, рис. 1/1-3) and two finds from the Verkhniy Bishkin in Pervomaiskiy district (Билинский, Шелехань 2014, рис. 1/13-14). The Pontic steppe gave us strayfinds from Maryino in Donetsk region (Дубовская, Подобед 1993, рис. 54/2) and Berdyansk in Zaporizhia region (Болтрик 2014, рис. 6/3). A series of strayfinds were discovered in forest-steppe to the East of the Don river: in Pavlovsk, Voronezh region (Медведев 1999, рис. 51/5), Chernigovka, Zadonsk district of Lipetsk region (Клоков 1996, рис. 5/7), Tambov, Inozemnaya Dukhovka (Ворошилов 2006, рис. 1/5) and Novyi Valovay, Pachelma district in Penza region (Максимов, Поллесских 1971, рис. 1/3). The most eastern finding of the dagger of Vettersfelde type could be considered the item found at Buzuluk in Orenburg region (Денисов 2010, рис. 2/1).

There is also a series of items found in Crimea, for example, from Belogorsk Museum, found, according to the locals in a small mound at Karabi

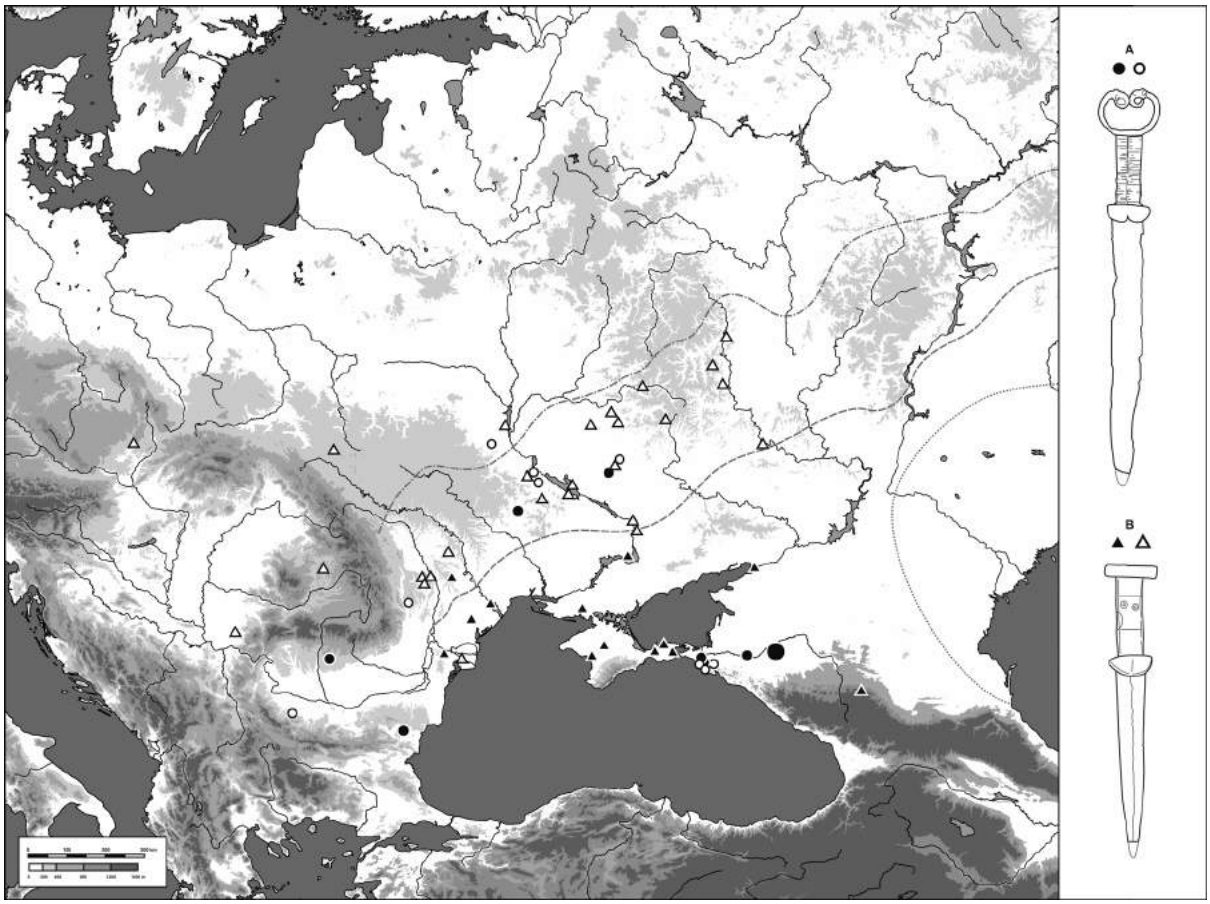


Рис. 3. Distribution of akinakai of Găiceana type (A) and akinakai with segment hilt (B).

Yayla mountain in the upper part of Main range of Crimean Mountains (Колтухов 2008, 246-247, рис. 2/1). In addition to this, another exemplar of Vettersfelde dagger was discovered in Crimean Mountains, which is now stored in Bakhchysarai Museum. It was found in 1971 not far from Glubokiy Yar village of Bakhchysarai district (Сыч 2014). Also, there are known three finds discovered in the foothills of the Internal ridge of Crimean Mountains – from the vicinity of Staryi Krym, Topolyovka, Zuya in Belogorsk district and Voron in Sudak district (Скорый, Зимовец 2014, 20, 22-24). It is noteworthy that on the one of the Scythian statues of Crimea is visible the image of a dagger that could be identified as a Vetterfelde type dagger: due to such features as wide kidney-shaped hilt, triangular blade, long narrow pommel two-part handle. This statue was found near Nadezhda village (Ольховский, Евдокимов 1994, рис. 53) and could be dated back to 6th-5th (Попова 1976, 110), late 6th - early 5th (Шульц 1967, 227) or likely to the 1st half of 5th century BC (Ольховский, Евдокимов 1994, 30).

Unfortunately, in spite of a representative sample, only a few items belong to the reliably dated complexes. The eponymous hoard from Vettersfelde-Witaszkowo (Furtwaengler 1883, 4-11) was unanimously dated back to the "turn of 6th-5th centuries BC" (Ростовцев 1925, 399, 410; Schefold 1938, 8, 14, 36, 62; Онайко 1966, 160; Bukowski 1977, 197-198; Алексеев 1991, 47; Алексеев 2003, 198). Agapia burial is rather referred to the 1st half of the 6th century BC and later (Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971, 441, fig. 1-2). The dagger from Comarna burial ground probably comes from a burial of 5th century BC (Niţu 1953, 8-9, fig. 3). In Măcişeni, besides the akinakes (Palade 1964, fig. 1, 2), there have been found various iron objects destroyed by rust (Palade 1964, 487), so it could be assumed that it was a disturbed grave (Vulpe 1990, 40). This type also includes a dagger from destroyed mound near Năvîrneţ village in actual Republic of Moldova, Făleşti district (Donici 1928, 323, fig. 2). Burial Mound no. 13 from Kirikovka also contained this type of sword (Мелник 1902, 686, fig. 131) and

refers to the time of "no later than the 6th century BC" (Черненко 1981, 39-40). In addition, there is a funeral complex (albeit disturbed) with that type from Lyubotin burial ground (Бабенко 2009, 21, рис. 1/4). The dagger type of Vettersfelde type is known in Kuban region, one item was found among the materials of Vladimirovskaya cemetery, which was generally dated back to the late 7th - early 5th centuries BC (Шишлов и др. 2007, рис. 3/3). A similar dagger (however it is distinguished by three-part handle of Kelermes type) was discovered in burial 4 near Modinakhe, in Georgia, and could be dated back to the 7th-6th centuries BC (Mehnert 2008, 61, Taf. 33/5; Apakidze 2009, 440, Taf. 259/3). Proceeding from the foregoing, it can be concluded that the Vettersfelde type could appear as early as the beginning of the 6th century BC[3], but its main period of existence refers, rather, to the 2nd half - late 6th century BC. In addition, finds of Vettersfelde daggers as part of funeral complexes are concentrated in three main regions: the left bank of Dnieper river (forest-steppe part), Western Kuban and the Eastern Carpathians (fig. 2).

Daggers no. 2 and 3 and the end of the Middle Scythian period

Daggers No. 1 and No. 3 from Horákovský hrad, as well as items from Vršac in Vojvodina, Serbia (Milleker 1898, 407) and Ardanovo (Árdánháza) in Ukraine (Hampel 1876, 22, 23, fig. 7) are distinguished by a small hilt in a shape of a "segment", which may indicate the 2nd half of the 6th - 1st half of 5th centuries BC (Бабенко, Шелехань 2015, 83, 88). Relative rarity of akinakai with "segment" hilts did not allow Anna Melyukova in the 1950s to argue their chronology reasonably (Мелюкова 1964, 55). However, over time, the lifetime of this type of Scythian hilt was determined within the framework of 6th-5th centuries BC (Фодор 1969, 253) or exclusively 5th (Евдокимов, Мурзин 1984, 78). An impressive series of swords and daggers with a "segment" hilt (55 ex.) was recently considered in detail by Ukrainian scholars, which tried to limit its dating to "the 2nd half of 6th - 1st half of 5th century BC" (Бабенко, Шелехань 2015, 83, 88). At the same time, it is remarkable that akinakai with a segment-like hilt from burials are characteristic for the steppes of Pontic region and Crimea, while strayfinds occur are discovered mainly in the forest-steppe between Don and Bug rivers and in the Eastern Carpathians.

In addition, a very significant group of swords with a segment-shaped hilts (or in the form of a "Thracian shield" according to A. Vulpe) (Vulpe 1990, 58) is distinguished by the presence of a high pommels with antennae forming an almost regular circle and are decorated with bird heads – e. g., from 5th mound at Cepari (Vulpe 1990, 59, Taf. 15/75), Găiceana (Mihăilescu-Bîrliba 1976, 109-110, fig. 1), the ruined burial near Kirovo (Супруненко 2002, 248, fig. 1), "Staroseletskaya Ekonomiya" (Бобринский 1887, 147, таб. VII/5) and Gamarnya (Мелюкова 1964, tab. 20/13). Once, the akinakai with such pommels in Scythian Animal style were separated by A. Melyukova from the swords with simple antennae pommels (Мелюкова 1964, 55). Also A. Vulpe researched separately the swords and daggers with zoomorphic pommels (Vulpe 1990, 57-64). The Romanian archaeologist placed the swords of Găiceana type into the last typological group (Formengruppe V) and dated back to the 2nd half of 6th - 1st half of 5th century BC (Vulpe 1990, 60). Our observations on the funeral complexes containing similar items rather confirm this chronology, although most of them tend, nevertheless, to the beginning and the 1st half of the 5th century BC. Geographically, finds of daggers of Găiceana type practically do not go beyond the forest-steppe area, concentrating in three main regions: among them is Carpathian-Danube, the forest-steppe of Dnieper (mainly the right bank of the river), and the Cis-caucasia (Kuban region) (fig. 3).

Akinakai on Lusatian territory

There are known five Scythian akinakai on the territory of Poland, but only four[4] are attributed to the North-Western group which belonged to Lusatian area (fig. 4). The earliest one can be considered a bimetallic akinakes, accidentally

[3] The fact that experiments on the development of this type of daggers could be carried out in Archaic (Early Scythian) period may be evidenced by the discovery of a bimetallic dagger from Łubnice (Bukowski 1977, tab. XII/1). The bronze handle of this akinakes consists of mushroom-shaped pommel and the kidney-shaped crosshair, and the wide triangular blade is decorated with longitudinal notches, like the third of all daggers of Vettersfelde type.

[4] The sword, found in the south-eastern Poland near Rozbórz (Przeworsk County, Subcarpathian Voivodeship), tends towards to the Western Ukrainian subgroup, which consists of several addressless finds from the Lviv museum and a strayfind from Dubno district of the Rivne region (Khanenko's collection).

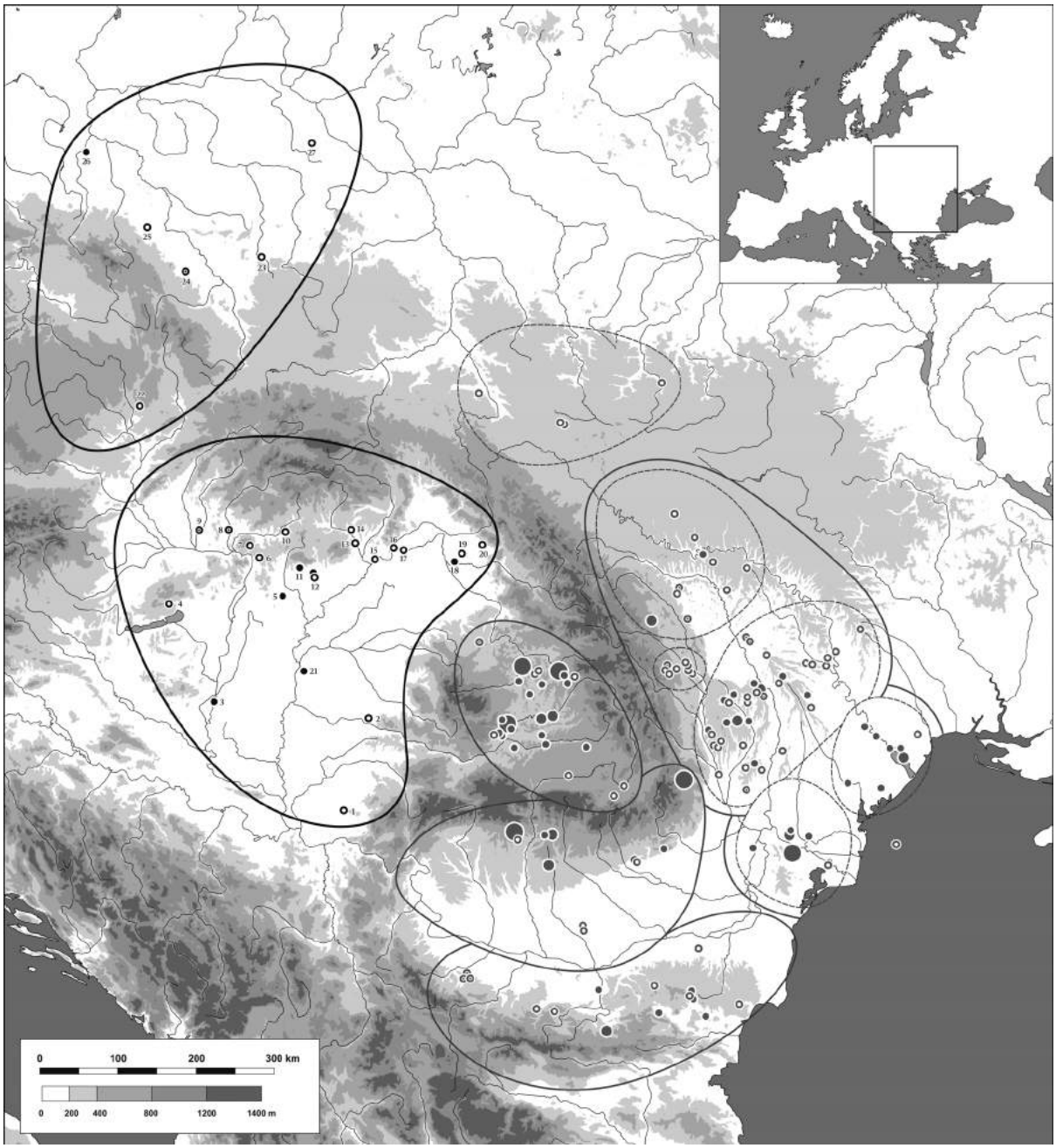


Fig. 4. Distribution of Scythian swords and daggers in the Lusatian and Vekerzug areas: 1 - Vršac (Vârşeţ); 2 - Arad; 3 - Bátmonostor; 4 - Veszprém; 5 - Nagykáta (Egreskáta); 6 - Penc; 7 - Nógrád; 8 - Želiezovce (Zseliz); 9 - Nové Zámky; 10 - Piliny; 11 - Gyöngyös; 12 - Tarnabod; 13 - Szirmabesenyő; 14 - Borsod; 15 - Tiszadob; 16 - Timár; 17 - Tiszabercel; 18 - Tarpa; 19 - Beregove (Beregszász); 20 - Ardanovo (Árdánháza); 21 - Szentes; 22 - Horákovský hrad; 23 - Łubnice; 24 - Pło; 25 - Legnica; 26 - Witaszkowo (Vettersfelde); 27 - Bodzanowo.

discovered near the village Łubnice (fig. 5/25) in Wieruszów County, Łódź Voivodeship, in central Poland (Gedl 1980, 31, Taf. 7/49). Its characteristic bronze handle with mushroom-shaped pommel and kidney-shaped hilt allow it to be attributed to the Gudermes type of the 7th century BC. E. In this case, the rejection of "frame technology" in the design of the handle may indicate a time of later production time in comparison with the Caucasian samples. To the Early Scythian period also belongs the handle of the Kelemes type from Pło (fig. 5/30) (Bukowski 1977, tab. XIV/4). The strayfind from Legnica (fig. 5/29) (Baron, Miazga 2013, 335, fig. 1) and the "ceremonial" akinakes from Vettersfelde (fig. 5/23) (Furtwaengler 1883, Taf. III) are dated back to the Middle Scythian pe-

riod. The dagger from Legnica is of the Shumeyko type and the main period of its existence could be determined within the 2nd-3rd quarter of the 6th century BC. The Vettersfelde type, to which the famous eponymous "golden" sword belongs, is "genetically" related to the Shumeyko type and dates somewhat later, within the 2nd half of the 6th century BC. The Vettersfelde Treasure which contained this sword, apparently, is dated back to the end of existence of the Vettersfelde type, while it is noted that the sword occupies the oldest part of the chronological framework (Алексеев 2003, 197). By the Middle Scythian period, probably, should also be attributed the discovery of a bronze hilt from Bodzanowo (fig. 5/24) (Bukowski 1960, 258). The sword or dagger from Bodzanowo was initially decorated with sculptural images of animals (bears?) and, apparently, echoes with the pommels of the akinakai in the form of opposing heads of predators of the 2nd half of the 6th century BC in Eurasia (mainly of Siberian origin).

Akinakai in Vekerzug culture

The main concentration of the swords and daggers of Scythian time in the area of Vekerzug culture falls on the northern foothill part (fig. 4). On the territory of Hungary, there are still unknown complexes with Early Scythian akinakai, moreover, all exemplars that could be attributed to the Early period were discovered accidentally. E. g. in Borsod county (*now* Borsod-Abaúj-Zemplén) a bronze dagger (fig. 5/1) of Siberian appearance was found. It is usually attributed to the early antiquities of Tagar culture (Гавлик 2004, 166) and even dated back to the 1st half of the 7th century BC[5] (Kemenczei 1991, 74). Another early Scythian item was discovered near Tiszabercel (fig. 5/20) in Szabolcs-Szatmár-Bereg county (Kemenczei 1984, 36, Abb. 3/3) and refers to bimetallic daggers of the *Posmuş type*[6] of the 2nd half of the 7th century BC (Топал 2015, 70; Козубова, Скаков 2016, 89). The chronological position of the dagger from Nové Zámky "mixed-rite cemetery" in Nitra region in Slovakia (fig. 5/19) is not quite clear: it is known only from the schematic drawing by Mikuláš Dušek (Dušek 1961, Taf. VI/7). According to other sources, this is a fragment of an iron sword with a bronze handle of the "Posmuş type" (Stegmann-Rajtár 2009, 58).

All other swords and daggers of Tisza region can be reliably attributed to the Middle Scythian period. The beginning of the period is the date for the stray finds of Shumeyko type from Piliny (fig. 5/6) in Nógrád county (Kemenczei 1984, Abb. 1/2), Timár (fig. 5/4) in Szabolcs-Szatmár-Bereg county of Hungary (Kemenczei 1984, 36, Abb. 1/1) and Arad county[7] (fig. 5/3) in Romania (Buzdugan 1976, 240, fig. 4/5). Akinakes from Szirmabesenyő (fig. 5/2) in Borsod-Abaúj-Zemplén county (Reinecke 1897, áb. 10) could be considered one of the most western finds of the Vettersfelde type (except of the eponymous one). At the same time, it is characterized by the archaic three-part handle of the "Kelermes type", which probably indicates an earlier dating of this dagger, rather than accepted for the bulk of these akinakai like the "2nd half of the 6th century BC" (Топал 2016, 281).

There are only two Hungarian complexes with single-edged swords of the *Nógrád type* (or *Tiszadob-Cepari* after A. Vulpe) which could have chronological determination, according to T. Kemenczei. Among them are the burial of Gyöngyös (fig. 5/10) (Márton 1908, táb. II/5) and Tarpa (fig. 5/13) (Párducz 1968, Tab. XXI/5). Part of the findings from Gyöngyös (Heves county) was accidentally discovered during plowing and was defined by L. Marton as grave goods of an incineration (e. g. bronze zoomorphic finials and bells, iron spearheads and bits etc.) (Kemenczei 2009, 168-169). Others findings, in particular a single-edged sword attributed to burial No. 7, were identified during the excavating of additional trenches, as a result of which a dozen more burials were discovered. The rest of things (iron axe, chisel, spoon, bronze bracelets) are listed as strayfinds (Márton 1908, 37-38, Kemenczei 2009, 169). Therefore, the dates of the sword from Gyöngyös are based on the general analysis of all these chronological indicators regardless of the conditions of the findings (Бруяко 2005, 279). T. Kemencei dates back

[5] This accuracy of dating (due to the references of T. Kemenczei) comes from Alexey Terenozhkin's hypothesis about the "Karasuk origin" of the Scythian akinakes and the idea of closing up the Karasuk and Early Scythian antiquities. However, even now, after a quarter of a century, hardly anyone will dare to date back the Podgornov stage of Tagar culture (with which, most likely, a whole series of West Siberian products of Carpathian-Danube region is connected) more accurate that in the limits of 7th-6th centuries BC.

[6] Such identification can be questioned on the basis of unusually "gracile" elongated pommel, which is not characteristic of Posmuş type. However, this may indicate its later dating, for example, in the late 7th - early 6th centuries BC.

[7] It is sometimes associated with the vicinities of the Pecica and Horia villages of Arad county (Vulpe 1990, 43).

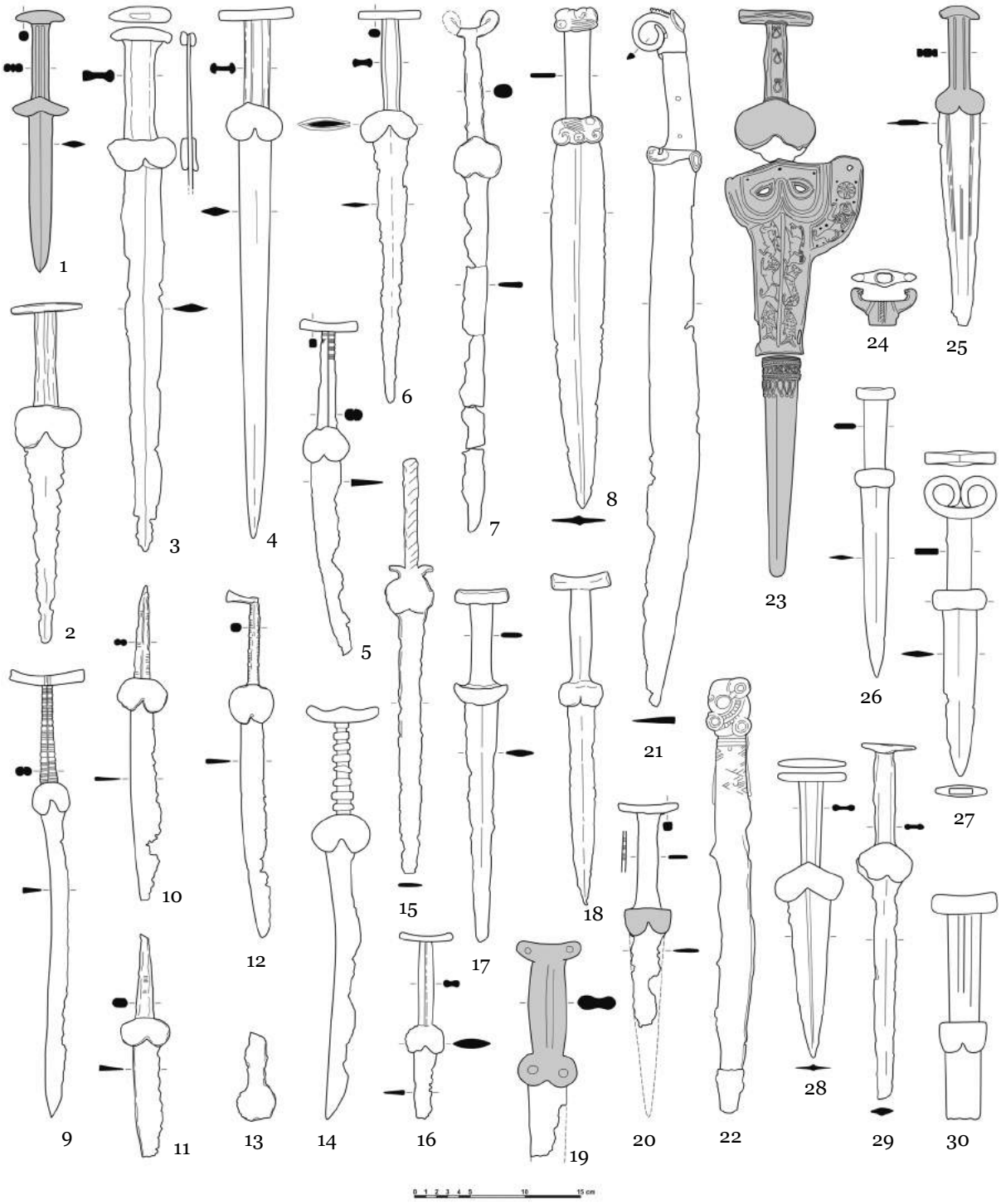


Fig. 5. Scythian swords and daggers in the Lusatian and Vekerzug areas: 1 - Borsod; 2 - Szirmabesenyő; 3 - Arad county (Horia or Pecica); 4 - Timár; 5 - Tiszadob; 6 - Piliny; 7 - Bátmonostor, grave.; 8 - Veszprém; 9 - Nógrád; 10 - Gyöngyös, gr. 7 (1907); 11 - Tarnabod-Báb; 12 - Nagykáta, grave (1904); 13 - Tarpa, burial mound.; 14 - Beregove; 15 - Tarnabod (grave?); 16 - Želiezovce; 17 - Ardanovo; 18 - Vršac; 19 - Nové Zámky (cemetery?); 20 - Tiszabercel; 21 - Penc; 22 - Szentes-Vekerzug, gr. 120; 23 - Vettersfelde hoard; 24 - Bodzanowo; 25 - Łubnice; 26-28 - Horákovský hrad; 29 - Legnica; 30 - Pło.

the complex of Gyöngyös (basing on finials decorated in Animal style and horse harness) to the 2nd half of the 6th - early 5th century BC (Kemenczei 1991, 75). J. Chochorowski is convinced that the sites like Gyöngyös or Mishkolc-Diósgyőr correspond to the late phase of the Mezőcsát culture of the HaB_3 period (Chochorowski 1987, 165). This attempt met the resistance of I. Bruyako, who believes that most of the chronological indicators of Gyöngyös tend not to the preceding epoch (s. c. Thracian-Cimmerian horizon), but to the next after it (after an appreciable break) – i.e. belongs to the early stage of the Vekerzug culture on the turn of the 7th-6th centuries BC (Бруяко 2005, 283).

Burial with a fragment of the handle of a single-edged sword from Tarpa (Szabolcs-Szatmár-Bereg county) was attributed by Hungarian researchers to the 7th-6th centuries BC on the basis of a bronze phalera (Párducz 1968, 82; Kemenczei 1991, 75). There is no explanation for the fact that a proper "Celtic" bowl typical for LaB (sic!) was found along with a sword of Nógrád type (Bottyán 1955, tab. 17/11) in Nagykáta (*former* Egreskáta in Pest county) burial (Kemenczei 2009, 37). Apparently, it should be considered nothing more than a historiographical issue, since the upper permissible limit of the Scythians' stay in Tisza region is considered to be the 5th century BC (Бруяко 2005, 277; Бруяко 2014, 43).

Recently was discovered the third well dated burial with a single-edged sword of Nógrád type – near Bátmonostor (fig. 5/7) in Bács-Kiskun county. It is characterized by the pommel decorated with volutes (Gyucha et al. 2015, 181, fig. 4/3), which is generally rare for Tisza region. In addition to the sword, the burial in a square pit with pillars was accompanied by the rich inventory. Among the items are a gray-clay jug, bronze decorations, a bronze arrowhead, three iron axes, a flat iron "winged" adze, iron spearheads, etc. (Gyucha et al. 2015, 181-182). Due to the grave goods, according to the authors of the discovery, the burial can be attributed to the 2nd half of 6th - turn of 5th-4th centuries BC. However, C^{14} analysis makes it possible to "cut off" the entire 5th century BC (Gyucha et al. 2015, 189), leaving the late 6th century BC as the upper limit for this complex. Other artifacts from the Alföld territory are represented by stray finds – e. g. sword from Nógrád county (fig. 5/9) (Hampel 1876, 49, fig. 34), Tiszadob (fig. 5/5) in Szabolcs-Szatmár-Bereg (Kemenczei 1984, 39, Abb. 3/2), from Tarnabod (fig. 5/15) (Párducz 1969, táb VII/2) and Tarnabod-Báb (fig. 5/11) (Párducz 1969, táb. VII/2) in Heves county in Hungary, Želiezovce[8] (fig. 5/16) (Bottyán 1955, tab. 36/14) in Levice district of the Nitra region in Slovakia and Beregove (fig. 5/14) (Hampel 1893, áb. 3) in Transcarpathian Ukraine. Generally, they are similar to the bulk of single-edged akinakai of Nógrád type, although the handle of the sword from Želiezovce is oval in cross-section (Kemenczei 2009, 177), while the sword of Tarnabod is decorated with oblique parallel incisions and the hilt at the top is provided with unusual protrusion (Kemenczei 1991, 75).

It could be assumed that Nógrád type of Scythian akinakai appeared on the base of Shumeyko type, which distributed widely at the turn of the Early and Middle Scythian period. This is indicated by such features of Nógrád type, characteristic for the Shumeyko type, like the narrow elongated blade (often triangular), massive kidney-shaped hilt, two-part handle (and its decoration with transverse incisions), and the narrow elongated pommel. Akinakai Nógrád type as the swords and daggers of the Shumeyko type, probably, appear in the late 7th-early 6th century BC, and were used in fact until the end of the 6th century BC. There were used and some other types of single-edged swords in this milieu closer to the Late Hallstatt time. Among them are swords with zoomorphic hilts in the Scythian animal style from Penc (fig. 5/21) (Patay 1955, 68, XVII) and burial No. 102 of Szentes-Vekerzug cemetery[9] (fig. 5/22) (Parducz 1955, 5, fig. 3, pl. XIII/2).

[8] Perhaps, the akinakes from Želiezovce was found in a destroyed burial, from which come such finds like the cross-shaped plaque decorated in Scythian Animal style and the arrowheads (Kemenczei 2009, 177, Taf. 184/1-6). According to Yu. Polidovich, the plaque from Želiezovce belongs to the first (early) group of the 2nd half of the 6th century BC (Полідович 2000, 38-39).

[9] A similar design of the hilt (in the shape of a head of a bird of prey) is shown on other fighting knives – e. g. on the knives from the burial No. 17 of Csárdaszállás cemetery (Havassy 2001, 134, Kat. 21), Veľký Grob (Studeniková 1987, 38, Abb. 11.), Nyíregyháza-Manda-bokor (Istvánovits 1997, 78, kat. XI/7) and Mikulovice (Frolík, Sedláček 2015, 32, obr. 8). Despite the absence of clear chronological reference points in the burial No. 120 from Szentes, the items from Nyíregyháza and Mikulovice, due to their context and analogies could be dated to the late 6th - early 5th century BC (Kozubová 2013, 105). Besides that, a similar knife was found in the Caucasus region, in burial of the 1st Alleroy burial ground (Виноградов 1972, рис. 45/1).

Other finds of akinakai from the territory of the Vekerzug culture, apparently, should be attributed to the finale of the Middle Scythian period. A two-edged dagger from Veszprém (fig. 5/8) (Kemenczei 1984, Abb. 2/2) and a one-edged sword from Penc from Pest county (Kemenczei 1984, Abb. 3/1) are decorated in a same realistic manner characteristic of the Animal style of the end of the Middle Scythian period. The hilt of the "machaira from Penc" is realized in the shape of a beak of a bird of prey, and the image of the head of the "griffin" from the pommel (with a curved beak and a long ear) was repeated on the hilt. The decoration of the hilt and the pommel of the dagger from Veszprém was constructed in a same way – i.e. one of the images is turned upside down in any position of the dagger, which is typical, for example, for the "griffin daggers" of the 2nd half of the 6th century BC from Urals and Siberia to North China. The manner these two items were produced also brings them closer to the akinakai of *Găiceana type* (after A. Vulpe) of the 2nd half of the 6th - 1st half of the 5th century BC.

Most likely, the first Scythian akinakai reach Alföld (at least its northeastern part) in the Early Scythian period, not later than the turn of the 7th-6th centuries BC (foremost bronze and bimetallic items). Nevertheless, the bulk of Scythian swords and daggers belong to the Middle Scythian period. It is quite possible that the first funeral complexes in the territory of modern Hungary are associated already with the transition period from the Early Scythian period to the Middle Scythian one at the early 6th century BC (e. g. Gyöngyös and Tarpa). Then, the strayfinds of akinakai of Shumeyko and Vettersfelde types (including the dagger No. 2 from Horákovský hrad) are strictly connected with the beginning of Middle Scythian period of the 1st half of the 6th century BC. The burial from Bátmonostor and a series of swords of Nógrád type (of the whole 6th century BC) are also associated with that period of time. Close to the end of Middle Scythian period (at early 5th century BC) appear swords and daggers decorated in Scythian Animal style and akinakai with segment-shaped hilts like daggers No. 1 and No. 3 from Horákovský hrad. Thus, the finds from the Horákovský hrad significantly expand the geography of the Middle Scythian akinakai, until now completely unknown in the Czech Republic. In the period between the two proposed dates for the akinakai from Horákovský hrad, we are dating a major decline of the Moravian Hallstatt cultures (Horákov and Platěnice cultures) at the latest in Ha D2-early (Parzinger 7a). It is explained by the expansion / military expeditions of Vekerzug or other Eastern cultures in Moravia and Bohemia (Golec, Čermáková, Fojtík 2017), which corresponds to the situation in Poland. Moreover, this discovery in Moravia allows to connect Lusatian and Vekerzug areas of distribution of Scythian weaponry and could outline the probable pathways of bladed weapons far to the west of the main territory of the Scythians.

Bibliography

Apakidze 2009: J. Apakidze, Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600-700 v. Chr. PAS 24 (Rahden 2009).

Baron, Miazga 2013: J. Baron, B. Miazga, Scythian akinakes or medieval kidney-dagger? Archaeometric study of a recent find from Legnica (South-Western Poland). AK 43 (3), 2013, 335-343.

Bartík et al. 2017: J. Bartík et al., The Vekerzug and other Eastern cultures in the Czech Republic. Studia Archaeologica Brunensia 22/1, 2017, 27-68.

Bottyán 1955: Á. Bottyán, A szkíták a magyar Alföldön. Régészeti Füzetek 1 (Budapest 1955).

Brătianu 1925: Gh. I. Brătianu, Le poignard scythe de Boureni (Moldavie). Dacia 1924-1925, 417-419.

Bukowski 1960: Z. Bukowski, Nowe znaleziska "scytyjskie" z Polski. AP 4 (2), 1960, 257-283.

Bukowski 1977: Z. Bukowski, The Scythian influence in the area of Lusatian culture (Wrocław 1977).

Buzdugan 1976: C. Buzdugan, Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României. CA II, 1976, 239-273.

Chochorowski 1987: J. Chochorowski, Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. PA 34, 1987, 161-213.

Čižmář 2004: M. Čižmář, Encyklopedie hradišť na Moravě a ve Slezsku (Praha 2004).

Des Thraces 2006: Des Thraces aux Ottomans. La Bulgarie à travers les collections des musées de Varna (Montpellier 2006).

Donici 1928: A. Donici, Contribution á l'étude antropologique des Scythes. Archives suisses d'Anthropologie générale 1 (V), 1928, 321-327.

Dušek 1961: M. Dušek, Die thrako-skythische Periode in der Slowakei. SA 9, 1961, 155-174.

Frolík, Sedláček 2015: J. Frolík, R. Sedláček, Artefakt jihovýchodní provenience z Mikulovic (okr. Pardubice, Česká republika). In: (Ed. O. Ožďáni) Popolnicové polia a doba halštatská. Zborník referátov z XII. medzinárodnej konferencie "Doba popolnicových polí a doba halštatská". Archaeologica Slovaca Monographiae, Communicationes, 17 (Nitra 2015), 27-41.

Furtwaengler 1883: A. Furtwaengler, Der Goldfund von Vettersfelde. Winckelmannsfeste der archæologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43 (Berlin 1883).

Gedl 1980: M. Gedl, Die Dolche und Stabdolche in Polen. PBF, Ab. 4, Bd. 4 (München 1980).

Golec, Čermáková, Fojtík 2017: M. Golec, E. Čermáková, P. Fojtík, Vekerzugský kmenový svaz na Moravě? Pravěk NŘ 24/2016, 2017, 175-200.

Gyucha et al. 2015: A. Gyucha, G. Gulyás, B. Török, P. Barkóczy, A. Kovács, Connected regions, shared traditions: A unique Middle Iron Age burial from the Danube-Tisza Interfluve. In: (Hrsg. I. Szathmári) An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit (Budapest 2015), 179-198.

Hampel 1876: J. Hampel, Catalogue de l'Exposition Préhistorique des Musées de Province et des collections particulières de la Hongrie: arrangée a l'occasion de la VIIIème Session du Congrès International d'Archéologie et d'Anthropologie Préhistoriques a Budapest (Budapest 1876).

Hampel 1893: J. Hampel, Scythiai emlékek magyarorszagban. AÉ 5, 1893, 385-407

Havassy 2001: (Ed. P. Havassy) Hatalmasok viadala. Az Alföld szkíta kora. Gyulai katalógusok 10 (Gyula 2001).

Iconomu 2001: C. Iconomu, Descoperiri arheologice întâmplătoare în comuna Moţca, jud. Iaşi. ArhMold XXIII-XXIV, 2001, 303-308.

Istvánovits 1997: E. Istvánovits, Nyíregyháza-Manda-bokor. Kora vaskori település a Kr. e. VI-IV századból. In: (Ed. P. Raczky, T. Kovács, A. Anders) Utak a múltba. Az M-3-as autópálya régézet leletmentései. Paths into the Past. Rescue excavations on the M3 motorway (Budapest 1997), 75- 80.

Jahn 1928: M. Jahn, Die Skythen in Schlesien. SVBS 9, 1928, 11-25.

Kemenczei 1984: T. Kemenczei, Skythenzeitliche Akinakes in der Prähistorischen Sammlung des Ungarischen Nationalmuseums. FA 35, 1984, 33-49.

Kemenczei 1991: T. Kemenczei, Die Schwerter in Ungarn II (Vollgriffschwerter). PBF, Ab. 4, Bd. 9 (Stuttgart 1991).

Kemenczei 2009: T. Kemenczei, Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe. Inventaria Praehistorica Hungariae 12 (Budapest 2009).

Kozubová 2013: A. Kozubová, Pohrebiská vekerzugskej kultúry v Chotíne na juhozápadnom Slovensku. Dissertationes Archaeologicae Bratislavenses 1 (Bratislava 2013).

Márton 1908: L. Márton, Szkíta sírleletek Gyöngyösőn. AÉ 28, 1908, 37-54.

Mehnert 2008: G. Mehnert, Skythika in Transkaukasien. Reiternomadische Sachkultur im archäologischen Fundkontext. Nomaden und Sesshafte, Bd. 10 (Wiesbaden 2008).

Mihăilescu-Bîrliba 1964: V. Mihăilescu-Bîrliba, Un „akinakes" descoperit la Văratic (com. Agapia, jud. Neamţ). SCIV 20/2, 1964, 329-336.

Mihăilescu-Bîrliba 1976: V. Mihăilescu-Bîrliba, Akinakai from Moldavia. A new discovery. Thraco-Dacica 1, 1976, 109-116.

Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971: V. Mihăilescu-Bîrliba, I. Untaru, Notă despre un nou „akinakes" găsit la Agapia. Memoria Antiquitatis III, 1971, 441-454.

Milleker 1898: B. Milleker, A Versecsi Múseum régiségeiről. AÉ 18, 1898, 407-415.

Mitrea 1969: I. Mitrea, Un pumnal scitic descoperit la Ghindăoani (corn. Bălţăteşti, jud. Neamţ). SCIV 20/3, 1969, 453-456.

Niţu 1953: A. Niţu, Despre unele urme scitice în Moldova. MCA I, 1953, 1-11.

Palade 1964: V. Palade, Un pumnal scitic descoperit la Măcişeni (r. Târgu Bujor, R. Galaţi). ArhMold II-III, 1964, 487-489.

Párducz 1955: M. Parducz, Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug III. AAASH 6, 1955, 1-22.

Párducz 1968: M. Párducz, Szkítakori sír Tarpán. Ein Grab aus der Skythenzeit in Tarpa. Évkönyv Nyíregyháza 11, 1968, 81-88.

Párducz 1969: M. Párducz, Szkítakori leletek Heves megyében. Évkönyv Eger 7, 1969, 35-54.

Parzinger 1993: H. Parzinger, Vettersfelde – Mundolsheim – Aspres-lès-Corps. Gedanken zu einem skythischen Fund im Lichte vergleichender Archäologie. In: (Hrsg. A. Lang u.a.) Kulturen zwischen Ost und West. Das

Ost-West-Verhältnis in vor- und frühgeschichtlicher Zeit und sein Einfluß auf Werden und Wandel des Kulturraums Mitteleuropa, Georg Kossack zum 70. Geburtstag am 25. Juni 1993 (Berlin 1993), 203-37.

Patay 1955: P. Patay, Szkíta leletek a nógrádi dombvidéken. FA 7, 1955, 61-74.

Reinecke 1897: P. Reinecke, Magyarországi skytha régiségek. AÉ 17, 1897, 1-27.

Schefold 1938: K. Schefold, Der skythische Tierstil in Südrussland. ESA XII, 1938, 1-78.

Stegmann-Rajtár 2009: S. Stegmann-Rajtár, Žiarové pohrebisko východohalštatskej a vekerzugskej kultúry v Nových Zámkoch. Príspevok k pohrebiskám doby halštatskej vo východoalpsko-zadunajskej oblasti. SA 57 (1), 2009, 57-116.

Studeníková 1987: E. Studeníková, K halštatskému osídleniu juhovýchodnej časti Trnavskej sprašovej terasy. Zborník Slovenského národného múzea 81, 1987, 21-45.

Vulpe 1990: A. Vulpe, Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. PBF, Ab. VI, Bd. 9 (München 1990).

Zielonka 1952: B. Zielonka, Miscellanea kujawskie. Z otchłani wieków 21 (2), 1952, 111-112.

Алексеев 1991: А.Ю. Алексеев, Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. АСГЭ 31, 1991, 43-56.

Алексеев 2003: А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. (Санкт-Петербург 2003).

Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: А.Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык (Киев 1991).

Бабенко 2009: Л. И. Бабенко, Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине. В сб.: (Отв. ред. С.С. Бессонова) Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого (Киев, Полтава 2009), 19-29.

Бабенко, Шелехань 2015: Л.І. Бабенко, О.В. Шелехань, Кинджали з сегментоподібним перехрестям у зібранні Харківського історичного музею. Археологія 4, 2015, 77-91.

Билинский, Шелехань 2014: О. Билинский, А. Шелехань, Случайные находки мечей и кинжалов скифского времени на Днепровском Левобережье. В сб.: (Отв. ред. В. Мордвинцева, Г. Харке, Т. Шевченко) Археологические и лингвистические исследования. Материалы Гумбольдт-конференции, Симферополь-Ялта, 20-23 сентября 2012 (Киев 2014), 170-185.

Бобринский 1887: А.А. Бобринский, Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. 1. (Санкт-Петербург 1887).

Болтрик 2014: Ю.В. Болтрик, Соляні промисли Північного Причорномор'я в скіфський час. Археологія 4, 2014, 63-79.

Бруяко 2005: И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе X-V вв. до Р. Х. (Кишинев 2005).

Бруяко 2014: И.В. Бруяко, Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом. Stratum plus 3, 2014, 39-49.

Веселовский 1900: Н.И. Веселовский, История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования (1846-1896) (Санкт-Петербург 1900).

Виноградов 1972: В.Б. Виноградов, Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза) (Грозный 1972).

Ворошилов 2006: А.Н. Ворошилов, Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (итоги исследования). Вестник ВГУ 2. История, политология, социология (Воронеж 2006), 129-134.

Галанина 1977: Л.К. Галанина, Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). САИ Д1-33 (Москва1977).

Гавлик 2004: A. Гавлик, Бронзовый кинжал из Русских Фольварков, р-н Каменец-Подольский. In: (Ed. J. Chochorowski) Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci (Kraków 2004), 161-168.

Георгиева, Бъчваров 1994: Р. Георгиева, И. Бъчваров, Тракийски некропол при село Професор Иширково, Силистренско (Силистра 1994).

Гуцал 2004: А.Ф. Гуцал, Скіфські кинжали з Поділля. Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету 12, 2004, 43-47.

Денисов 2010: А.В. Денисов, Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья. В сб.: (Отв. ред. Л.В. Кузнецова) 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки XV (Самара 2010), 222-229.

Диамант, Черненко 1971: Э.И. Диамант, Е.В. Черненко, Скифский кинжал из Одесского музея. АИУ 1968, 3, 1971, 159-160.

ДСГ 1872: Древности Геродотовой Скифии. Сборник археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Выпуск II (Санкт-Петербург 1872).

Дубовская, Подобед 1993: О.Р. Дубовская, В.А. Подобед, Находки предскифского и скифского времени. В сб.: (Отв. ред. А. В. Колесник) Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. АА 1 (Донецк 1993), 40-49.

Евдокимов, Мурзин 1984: Г.Л. Евдокимов, В.Ю. Мурзин, Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Черненко) Вооружение скифов и сарматов (Киев 1984), 75-82.

Клоков 1996: А. Ю. Клоков, Находки скифских мечей и кинжалов в бассейне Верхнего Дона. В сб.: (Отв. ред. А.Н. Бессуднов) Археологические памятники лесостепного Придонья (Липецк 1996), 122-132.

Колтухов 2008: С. Г. Колтухов, Случайные находки предскифского и скифского времени из горной и предгорной части Крымского полуострова. В сб.: (Отв. ред. А. А. Петрова) Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко (Симферополь 2008), 243-250.

Ковпаненко 1981: Г. Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).

Козубова, Скаков 2016: А. Козубова, А. Ю. Скаков, Проблема датировки кинжалов типа Posmuş и их кавказские аналоги. РА 3, 2016, 84-101.

Кракало, Кулатова 1998: І.В. Кракало, І.М. Кулатова, Кинджал з Кременчуччини. АЛЛУ 1-2 (3-4), 1998, 168.

Кулатова 1990: І.М. Кулатова, Кинджал ранньоскіфського часу з Сумщини. В: Питання археології Сумщини (Суми 1990), 49.

Кулатова 1995: І.М. Кулатова, Кинджал. ПАЗ 3, 1995, 174-175.

Лебедев 1992: Г.С. Лебедев, История отечественной археологии. 1700-1917 гг. (Санкт-Петербург 1992).

Либеров 1962: П.Д. Либеров, Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. В: Лесостепные культуры скифского времени. МИА 113, 1962, 5-85.

Максимов, Полесских 1971: Е.К. Максимов, М.Р. Полесских, Заметка об акинаках. СА 2, 1971, 238-242.

Медведев 1999: А.П. Медведев, Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. (Москва 1999).

Мельник 1902: Е.Н. Мельник, Раскопки курганов в Харьковской губернии. Труды АС XII, 1902, 673-702.

Мелюкова 1964: А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ Д1-4 (Москва 1964).

Новичихин 2006: А.М. Новичихин, Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э (по материалам погребальных памятников) (Анапа 2006).

Ольховский, Евдокимов 1994: В. С. Ольховский, Г. Л. Евдокимов, Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. (Москва 1994).

Онайко 1966: Н. А. Онайко, О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. В сб.: (Отв. ред. А.И. Болтунова) Культура античного мира (Москва 1966), 159-176.

Полідович 2000: Ю. Полідович, Скіфські хрестоподібні бляхи. Археологія 1, 2000, 35-48.

Попова 1976: Е.А. Попова, Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры. СА 1, 1976, 108-121.

Ростовцев 1925: М.И. Ростовцев, Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических (Ленинград 1925).

Скорый, Зимовец 2014: С.А. Скорый, Р.В. Зимовец, Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции (Киев 2014).

Супруненко 2002: О.Б. Супруненко, Кинджал скіфського часу з-під Полтави. В: Археологічні відкриття в Україні 2000-2001 рр. (Київ 2002).

Сыч 2014: Д. Сыч, Секреты древнего города. Акинак скифский. URL: http://bikz.org/novosti/sekrety-drevnego-goroda-akinak-skifskij/ Дата обращения 15.07.2014 г.

Сиволап, Шелехань 2014: М. Сиволап, О. Шелехань, Клинкова зброя скіфського часу в зібранні Черкаського краєзнавчого музею. Наукові записки 21, 2014, 209-217.

Топал 2014: Д.А. Топал, Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 7-43.

Топал 2015: Д.А. Топал, Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия. МАСП 13 2015, 54-79.

Топал 2016: Д.А. Топал, Два среднескифских акинака из Бессарабской лесостепи. In: (Ed. L. Sîrbu et al.) Culturi, procese şi contexte în arheologie (Chişinău 2016), 278-285.

Тункина 1998: И.В. Тункина, Первый исследователь скифских курганов. К биографии А.П. Мельгунова (1722-1788). В: (сост. А.А. Формозов) Очерки истории отечественной археологии, вып. II (Москва 1998), 12-26.

Фіалко, Болтрик 2003: О.Є. Фіалко, Ю.В. Болтрик, Напад скіфів на Трахтемирівське городище (Київ 2003).

Фодор 1969: И. Фодор, Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем. CA 3, 1969, 251-254.

Формозов 1961: А. А. Формозов, Очерки по истории русской археологии (Москва 1961).

Черненко 1981: Е.В. Черненко, Скифские лучники (Киев 1981).

Шишлов и др. 2007: А.В. Шишлов, Н.В. Федоренко, А.В. Колпакова, А.П. Кононенко, Материальная культура Владимировского могильника. Исторические записки 5, 2007, 4-19.

Шульц 1976: П.Н. Шульц, Скифские изваяния. В сб.: (Отв. ред.: Н.И. Сокольский) Художественная культура и археология античного мира (Москва 1976), 218-231.

Яковенко, Покотило 1979: Е.В. Яковенко, В.Ф. Покотило, Скіфська зброя в Менському краєзнавчому музеї. Археологія 30, 1979, 90-91.

Cultura Vekerzug şi noi descoperiri de akinakes-uri scitice în Moravia

Cuvinte-cheie: epoca fierului, akinakes, pumnal, cultura scitică, cultura Vekerzug, cultura Lausitz, perioadă scitică medie.

Rezumat: În anul 2016 autorii lucrării de faţă au obţinut informaţii despre trei pumnale scitice de pe teritoriul Moraviei. Ele au fost găsite de către persoane necunoscute cu ajutorul detectoarelor de metale în apropierea oraşului Brno, lângă aşezarea fortificată Horákovský hrad. Pumnalul nr. 2 este cel mai timpuriu şi, datorită caracteristicilor sale (cum ar fi lama triunghiulară, o gardă masivă riniformă şi o măciulie alungită şi îngustă), poate fi atribuit tipului Vettersfelde din a doua jumătate a secolului al VI-lea a. Chr. Pumnalele nr. 1 şi nr. 3 se caracterizează prin gărzi mici, în formă de scut tracic, detalii ce ar putea încadra aceste piese în perioada mijlocul secolului VI - mijlocul secolului al V-lea a. Chr. Anterior, spadele şi pumnalele scitice, nu erau cunoscute pe teritoriul Republicii Cehe, astfel încât descoperirile de la Horákovský hrad vin să extindă aria de răspândire a akinakesuri-lor, mai ales, pentru perioada scitică medie. Mai mult ca atât, descoperirile respective din Moravia permit conectarea zonelor culturilor Lausitz şi Vekerzug de distribuţie a armelor scitice cu lamă şi ar putea schiţa căile de răspândire a armelor nomazilor timpurii la vest de teritoriul lor de origine.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Pumnale de la Horákovský hrad.

Fig. 2. Distribuţia spadelor şi pumnalelor akinakai de tip Vettersfelde (A).

Fig. 3. Distribuţia akinakai de tip Găiceana (A) şi akinakai cu grada în formă de scut tracic (B).

Fig. 4. Distribuţia spadelor şi pumnalelor scitice în arealul culturilor Lausitz şi Vekerzug: 1 - Vršac (Vârşeţ); 2 - Arad; 3 - Bátmonostor; 4 - Veszprém; 5 - Nagykáta (Egreskáta); 6 - Penc; 7 - Nógrád; 8 - Želiezovce (Zseliz); 9 - Nové Zámky; 10 - Piliny; 11 - Gyöngyös; 12 - Tarnabod; 13 - Szirmabesenyő; 14 - Borsod; 15 - Tiszadob; 16 - Timár; 17 - Tiszabercel; 18 - Tarpa; 19 - Beregove (Beregszász); 20 - Ardanovo (Árdánháza); 21 - Szentes; 22 - Hrad Horákovský; 23 - Łubnice; 24 - Pło; 25 - Legnica; 26 - Witaszkowo (Vettersfelde); 27 - Bodzanowo.

Fig. 5. Spadele şi pumnalele scitice în arealul culturilor Lausitz şi Vekerzug: 1 - Borsod; 2 - Szirmabesenyő; 3 - judeţul Arad (Horia sau Pecica); 4 - Timár; 5 - Tiszadob; 6 - Piliny; 7 - Bátmonostor, mormânt; 8 - Veszprém; 9 - Nógrád; 10 - Gyöngyös, mormântul 7 (1907); 11 - Tarnabod -Bab; 12 - Nagykáta, mormânt (1904); 13 - Tarpa, tumul; 14 - Beregove; 15 - Tarnabod (mormânt?); 16 - Želiezovce; 17 - Ardanovo; 18 - Vršac; 19 - Nové Zámky (necropola?); 20 - Tiszabercel; 21 - Penc; 22 - Szentes-Vekerzug, m. 120; 23 - tezaurul Vettersfelde; 24 - Bodzanowo; 25 - Łubnice; 26-28 - Horákovský hrad; 29 - Legnica; 30 - Pło.

Культура Векерзуг и новые находки скифских акинаков в Моравии

Ключевые слова: железный век, акинак, кинжал, скифская культура, культура Векерзуг, лужицкая культура, среднескифский период.

Резюме: В 2016 г. стало известно о трех кинжалах с территории Моравии, которые относятся к скифскому времени. Они были обнаружены при помощи металлодетекторов в окрестностях г. Брно, в местечке Гораковский град. Наиболее ранним, по нашим представлениям, является кинжал №2. По ряду признаков – широкий треугольный клинок, массивное перекрестье и узкое вытянутое навершие – его можно отнести к типу Феттерсфельде второй половины – конца VI в. до н.э. Кинжалы №1 и №3 отличает небольшое перекрестье «сегментовидной» или «усеченно-бабочковидной» формы, что может указывать на вторую половину VI – первую половину V в. до н. э. Находки из Гораковского града значительно расширяют географию среднескифских акинаков, до этого момента совершенно неизвестных на территории Чехии. Более того,

массовое обнаружение этих изделий в Моравии позволяет определенным образом соединить лужицкий и векерзугский ареалы распространения скифского вооружения и наметить пути проникновения клинкового оружия далеко на запад от основного ареала скифов.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Кинжалы из Гораковского града.

Рис. 2. Распространение акинаков типа Феттерсфельде (A).

Рис. 3. Распространение акинаков типа Гэичана (A) и акинаков с сегментовидным перекрестьем (B).

Рис. 4. Распространение скифских мечей и кинжалов в ареале лужицкой культуры и культуры Векерзуг: 1 - Вршац; 2 - Арад; 3 - Батмоноштор; 4 - Веспрем; 5 - Надьката; 6 - Пенц; 7 - Ноград; 8 - Жельезовце; 9 - Нове Замки; 10 - Пилинь; 11 - Дьёндьёш; 12 - Тарнабод; 13 - Сирмабешеньё; 14 - Боршод; 15 - Тисадоб; 16 - Тимар; 17 - Тисаберцаль; 18 - Тарпа; 19 - Берегово; 20 - Арданово; 21 - Сентеш; 22 - Гораковский град; 23 - Лубнице; 24 - Пло; 25 - Легница; 26 - Феттерсфельде; 27 - Бодзаново.

Рис. 5. Мечи и кинжалы скифского времени в ареале лужицкой культуры и культуры Векерзуг: 1 - Боршод; 2 - Сирмабешеньё; 3 - жудец Арад; 4 - Тимар; 5 - Тисадоб; 6 - Пилинь; 7 - Батмоноштор, погр.; 8 - Веспрем; 9 - медье Ноград; 10 - Дьёндьёш, погр. 7 1907 г.; 11 - Тарнабод-Баб; 12 - Надьката, погр. 1904 г.; 13 - Тарпа, кург.; 14 - Берегово; 15 - Тарнабод (разруш. погр.?); 16 - Жельезовце; 17 - Арданово; 18 - Вршац; 19 - Нове Замки (могильник?); 20 - Тисаберцаль; 21 - Пенц; 22 - Сентеш-Векерзуг, погр. 120; 23 - Феттерсфельде; 24 - Бодзаново; 25 - Лубнице; 26-29 - Гораковский град; 30 - Пло.

09.06.2017

Denis Topal, University of High Anthropological School, 5 N. Iorga Str., MD-2009 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: denis.topal@gmail.com

Martin Golec, Palacký University Olomouc, 8 Svobody Rd., 779 00 Olomouc, Czech Republic, e-mail: golec@seznam.cz

WHY AND HOW DID SILVER DOMINATE ACROSS EURASIA LATE-13TH THROUGH MID-14TH CENTURY? HISTORICAL BACKGROUNDS OF THE SILVER BARS UNEARTHED FROM ORHEIUL VECHI

Akinobu Kuroda

Keywords: silver, China, appanages, tributes, Orheiul Vechi, Kipchap Khanate.

1. Introduction

The Mongolian regime, for the first time throughout human history, built a bridge connecting different monetary systems beyond civilizations each of which had kept own monetary system until late 13th century. Until the mid-13th century, there was no commonly accepted unit of exchange even in the upper level markets across Eurasia. Following the collapse of the Roman Empire, where gold, silver and bronze had circulated, Western European minting came to depend exclusively on silver. East Mediterranean which included the Byzantine world continuing the Roman system, West Asia and South Asia used both precious metals and non-precious materials as currencies. Although there were a variety of local preference, in West Asia, basically, silver worked as most popular monetary account and currency. Importantly, however, with the name of silver unit, dirham, various types of silver-copper alloy and silver-coated copper popularly circulated as late as mid-13th century. Continuing debasement of silver under 'silver famine' which numismatists call caused some regions to revive gold as monetary unit in West Asia.

In the eastern part of the Eurasia, however, the use of silver as currency and monetary unit was quite limited. Chinese dynasties had almost never produced silver coinage, depending instead on copper coinage for local exchange and silk for interregional transfer. Silver ingots were used only as a supplement to silk. Surrounding countries followed Chinese practice, and East Turkestan documents strongly suggest that both taxation and commerce in the region were conducted in terms of cloth or copper coins[1].

Many societies in the 13th century used goods as their principle units of exchange, like Novgorod relying on fur as we will see later. Especially, certain grains or cloths commonly served for transactions in local markets. For example, the twelfth-century islanders of Rügen, off the coast of Germany, used linens as currency (Sargent, Velde 2002, 11). 13th-century peasants in Xiuzhou (Jiaxing) county, China, brought rice to a market town, Weitang-zhen, to exchange for salt or oil (Fang Hui 1971, 698).

In the last quarter of the 13th century, however, use of silver abruptly became common across the entire Eurasian landmass. The circulation of silver continued to increase during the first half of 14th century when silver appears to have been far more abundant than it would become in the 15th century. In conjunction with the increased circulation of silver across Eurasia during this period, taxation came increasingly to be collected in silver as well.

In the 1570s silver from Potosí began to circulate literally around the globe. It has been argued that the global spread of precious metals in the 16th century should be seen as an epoch heralding the rise of the capitalist world. Unlike the late 16th silver boom in which silver circulated physically, the pan-Eurasian growth in the popularity of silver that began in the late 13th century was based instead on its function as a common unit of account even as real silver did not circulate widely. Even if so, the rise of silver in Eurasia during the height of Mongol empire paved the way for the global rise of silver three centuries later.

2. Before the Eurasian Silver Century: Silver as A Substitute of Silk

At the end of the 19th century, a cached of uncoined Chinese-style silver was unearthed from the remains of medieval Brandenburg. The dates on the European coins found together with the silver suggest that it may have been left there as

[1] For Europe see Spufford 1988; for China – Kuroda 2008b; for central Asia – Moriyasu 2004. I use the term copper coin instead of bronze coin to avoid the confusion of referring to Chinese coinage as bronze prior to the mid-16th century and brass (as used in the *jiaqing tongbao*) after that point.

late as the end of the 11th century[2]. If this silver were truly of Chinese origin, what circumstances brought it to eastern Germany? We must look earlier than the Mongol invasions of Europe of the early 13th century.

Without understanding the monetary role played by silk we cannot understand the function of silver in the eastern part of Eurasia during the ancient and medieval periods. Since the establishment of a currency system based on copper cash, which was convenient for daily business but too bulky for large scale trade, during the Western Han, there had been a need desire a complementary currency suitable to long distance transport. Gold worked as a currency for high value transactions at first, but it did not hold its position for long. Instead, beginning after the fall of the Eastern Han, it was silk that played the principal role in transferring tax revenues from local authorities to the central government. Until the Tang period, silk continued to serve as the most important instrument for bulk transactions. As one example, agrarian dynasties often obtained horses, which were a military necessity for Chinese states, from nomads in exchange for silk (Kuroda 2008b)[3].

Silver began to take over silk's monetary role to a limited extent during the Tang. It was in the Northern Song period, however, when silver clearly took on a role as more than an ornamental item. During the Northern Song, silver ingots (sycee) were cast at a higher frequency than in previous periods, suggesting that silver had become a more popular form of currency than ever before. One clue to the amount of silver production during the Northern Song is the amount of silver tribute from silver mining districts. In 1075, 411,420 *liang* (about 16 metric tons) were collected across the Song dynasty, and the peak likely came at the end of the 11th century, when a single silver mine, Baorui, near Fuzhou, recorded 440,000 *liang* of silver tribute. Silver tribute is believed to represent only one fifth of total production, meaning that Baorui likely produced 2.2 million *liang* of silver that year (Wang Lingling 2005, 27-28, 59-60).

The 11th century silver mining boom happened in conjunction with an increase in the minting of copper cash. During the Yuanfeng period (1078-1085), the Song state issued 6 million guan (6 billion wen) of copper cash every year, the largest quantity of copper cash minted at any point in Chinese history. The high frequency of Yuanfeng coins found in hoards from this period offers further support to evidence from the written records of the activities of the imperial mints. Copper mines active in this period generally also produced silver ore, though the reverse was not true, which, in conjunction with the fact that there was no minting of silver at this time, suggests that the increased production of silver in the Northern Song was not planned, but rather a by-product of the increased minting of copper cash. Casting 6 million guan of copper cash requires 12,000 metric tons of copper, so even if copper ore was just one thousandth part silver, it would have meant the production of 12 metric tons of silver as a by-product. Though published in the late 16th century, *Tiangong Kaiwu*, a scientific encyclopaedia, described copper ore as containing silver, suggesting that silver was seen as a by-product of copper production (Song Yingxing 1978, 356).

Although silver mines were mostly located in southern China, a significant quantity of silver made it to the north and west. Along with the horse-silk trade, the power of northern nomadic dynasties relative to the Song led to streams of silver flowing north. The treaty of Shanyan between the Liao and the Song in 1004 resulted in annual tribute payments of 200,000 bolts of silk and 100,000 liang of silver from the Song to the Liao. In a similar treaty between the Xixia and the Song, the Qingli treaty of 1044, the Song promised to make annual payments of 50,000 liang of silver, 130,000 bolts of silk and 20,000 jin of tea to the Xixia. This means that, all told, on an annual basis, 6 metric tons of silver would have been sent to the two nomadic dynasties in the mid-11th century.

We cannot be sure of the origin of the Chinese-style silver ingots unearthed in Brandenburg mentioned at the beginning of this section. But it is impossible to completely deny the possibility that some ingots from among the Song's 6 metric ton silver tribute could have made their way to eastern Germany.

As background, we should note the difference between China and Europe in terms of the demand

[2] Silver lumps were found in small linen bags as seen in late 19th century China (Friedel 1896, 5).

[3] As for complementarity among currencies, see Kuroda 2008a.

for silver. As described above, in spite of the increasing production of silver beginning in the 8th century, silver was rarely used as money in China proper prior to the 12th century. In contrast, Europe, especially north of the Alps, had depended exclusively on silver coinage since the collapse of the Roman Empire, and in both taxation and large commercial transactions, silver coin was the dominant medium. Thus, generally speaking, in the early 2nd millennium, the western end of Eurasia had stronger demand for silver than did the eastern end.

However, we should must also note that it is difficult for a metallic coin to be useful for all kind of transactions. As in China, where a single type of currency, copper cash, was used to conduct all transactions, a single type of coin, the silver denarius, dominated in medieval Europe. The big difference was the value of each coin. Roughly speaking, a silver coin was 100 times as valuable as a copper one, as the typical Chinese exchange rate of one silver *liang* for one thousand wen of copper cash suggests. Thus, the denarius was too valuable to be used for every day transactions (Spufford 1988, 238) and, in their daily lives, most Europeans depended on cloths and grains as units of exchange, with silver serving only as a unit of account.

Northern China under the Jin, the state which the Mongol Yuan would eventually replace, was the first state in Chinese history to use silver as a unit of account. However, introducing silver as the unit of account did not mean that silver was actually much used either for collecting taxes or making purchases. At the start of the dynasty, the Jin did not have much copper cash in circulation and so, like the Southern Song, its neighbour and rival, it issued paper currency denominated in terms of copper cash. Unlike the Song, the Jin did issue coined silver, but it failed to establish silver in circulation and soon discontinued its use. Silver worked in tandem with silk as the main medium for tax payments, and there was even paper money denominated in terms of silk issued during the transition between the Jin and the Yuan (Abe 1972, 98). From this, we can see that in the eastern half of Eurasia, during the 11th through 13th centuries, silver function merely as an auxiliary to silk, a fact that will prove necessary to understand patterns in the use of silver ingots explained in section 5.

Although significant quantities of Chinese silver might already have been moving along Eurasian trade routes, payment in silver was far from common until the late 13th century, when circumstance changed drastically.

3. The Emergence and Collapse of the Eurasian Silver Century

In the last quarter of the 13th century silver suddenly became affluent across Eurasia. In Tunis, silver became cheaper than gold in 1278, a fall in silver price that seems to have occurred at the same time as a similar shift in Genoa (Spufford 1988, 178-179). Egypt seems to have emerged from a period of silver shortage at this time. A hoard from Moldavia, Prajesi, contained silver Golden Horde coins from the last two decades of 13th century as well as Byzantine gold coins (Boldureanu 2007; Watson 1967, 18). In Caucasian hoards from the 13th century through the 14th century, silver is dominant, while in other periods only gold coinage from Byzantium is found. Under the Ilkhanate, silver output appears to have increased beginning in the 1280s (Martinez 1984, 155). A clearer change of the currencies appeared in the quality rather than the quantity in West Asia in which coinages in silver unit, dirham, had been dominant. Silver coins of higher finesses with whiter appearance rapidly substituted lower finesses ones in black in the late 13th century. In the case of Transoxania the transformation was distinct. The governor Masud Beg banned silver coated copper dirham in 1271-72, thereafter the standard of high fineness (80%) for silver dirham established. There was an increase in the number of silver mints in the 1280's (Davidovich, Dani 1998, 406). The Delhi sultans began to issue silver rupees on a large scale in 1295 (Deyell 1983, 209). Documents unearthed from East Turkestan reveal that, during the latter half of the 13th century, the most common form of payment shifted dramatically away from cloth and copper coins and towards silver (Moriyasu 2004). The official history of Korea described the circulation of uncoined silver beginning in 1287, following another Mongol expedition to the peninsula (Jeon Rinji 1972, 736-739). None of these localized changes is conclusive on its own, but taken as a whole, they suggest that silver usage became popular across Eurasia in the late 13th century. This shift originated in China Proper.

There is an important difference between the use of coined silver and the use of uncoined silver, the

value of which was determined by weight. Beginning at its establishment, the Mongol issued silver coins, which can be confirmed from archaeological remains (Whaley 2001, 52). The usage of coined silver was continued by the western khanates in later periods (Wang, Zhong 2007, 16, 23). The Mongol thus stand in stark contrast to other Chinese dynasties, most of which had been reluctant to issue silver coins and instead used silver only by weight. However, the conquest of the Southern Song led the Yuan to deviate from its initial policy toward silver. In 1276, the capture of the Lower Yangzi, the most prosperous region of China, where Hangzhou, the capital of the Southern Song was located, must have brought the Yuan court a large amount of confiscated silver ingots. The Yuan minister Dayan is said to have ordered that the bags of soldiers be searched for silver to be taken for the use of emperor Khubilai (Tao Zongyi 1959, 377).

The year 1276 was a turning point, when a set of institutions built on taxation in terms of paper money helped bring about the continental-wide circulation of silver. From 1263 to 1311 (except for 1284 through 1287), the Yuan prohibited the use of silver in private commerce, though nobles were allowed to use it in both commerce and religious activities. For this monopolization of the use of precious metal to have succeeded, the 1282 policy of registering gold and silver craftsman must have been effective, though it is impossible to imagine that there were none left unregistered (Vogel 2013, 162).

The conclusion of this silver age can be defined precisely. At the end of the 1350s, anti-Yuan rebels occupied the core region of the Lower Yangzi, which provided a large quantity of grain to Beijing and produced silk and porcelain for export (Maeda 1973, 75). Already at this time, after several decades of stability, the value of paper money had begun to fall sharply. Copper coins, which had been formally abandoned, came back into use, with their value in relation to paper money varying by locality within the Lower Yangzi region (Kong Qi 1987, 25). Silver would retreat from use in China for more than half a century, until the 1436 Ming introduction of silver taxation, called *jinhuayin*.

In Bengal, the issuance of silver rupees stagnated after the 1360s, and Delhi also began to suffer from the scarcity of silver in the late 14th century. In 1359, the basic unit of silver in Aden was decreased in weight (Shamrookh 1996, 304); in the 1360s, Egypt fell into a silver shortage severe enough to force it to switch to reliance on minted copper. In this period, then, the Aegean Sea region appears to have relied predominately on copper alloy coinage with little silver available. Given that prior to 1350, as Pegolotti has noted, there were a number of types of silver coins in circulation in Cyprus, the rapid retreat of silver in Greece during the second half of the 14th century appears to share a cause with the shift in currency availability in Egypt mentioned above (Grierson 1979, XI, 491). In Caffa the inferiority of the *aspers*, a type of silver coin, produced after 1380 caused local authorities to mark coins from later than that date with a special stamp (Di Cosmo 2005, 415). Italian cities appeared to experience an outflow of silver on account of the Levant trade, and the minting of silver in London decreased sharply[4].

Thus, the Eurasian continent appears to have undergone a shared and sudden collapse in the availability of silver after 1360, and silver would not be found in abundance again through the end of the 15th century.

The emergence and disappearance of silver abundance across Eurasia that I have described above occurred synchronically. During the late 13th century, with a lag of several years after the widespread issuance of paper money by the Yuan, there was a large surge in the output of minted silver in London. During the mid-14th century, the peak of silver rupee issuance by the sultans of Bengal was followed by the London mint, once again with several years delay (Kuroda 2009, 253-54).

One possible bit of evidence is that silver of Chinese origin may have contained more antimony, allowing us to track where it was circulating, but this possibility remains to be examined scientifically (Blake 1937, 328). A mechanism operating behind the scenes under the Mongol regime helped to increase the silver usage across the Eurasian continent.

[4] On Egypt (Bacharach 1983). Allen estimates that silver circulation in England fell from between £700,000 and £900,000 in 1351 to between £150,000 and £200,000 in 1422 (Allen 2001, 607).

4. Institutional Setting Happened to Create Commensurability

What the Mongols did in organising taxation at Samarkand soon after the conquest suggested their principle in building administration. They kept the existing exchange system (merchants made businesses in terms of gold, while people depended on copper base currencies) and imposed taxes respectively in gold on merchants and in copper coinage on commoners (Kolbas 2006, 68). The policy must have resulted from Chinggis Qan's considerations of the advice of local Muslims who were "skilful in the laws and customs of cities" (Allsen 2001a, 5). However, importantly, they introduced taxation in terms of silver against the Mongols and their trade circuits. Prevailing a common universal unit across empire accompanied with a practical flexibility of keeping existing local systems with some modifications in order to interface with a universal system.

Here we should pay attention to the unified system of measurement applied to the postal relay system across the entirety of the Mongol world, from the Korean peninsula to Eastern Europe, a system which supported the commensurability of various local currencies. Because it crossed a variety of administrative regions, the postal relay system should have used a single set of measurement units, to avoid substantial differences from station to station in the amounts of grain and liquor supplied to messengers. The standard established under Ögedei Khan was that a certain amount of grain and wine should be provided to messengers stopping at postal relay stations (Matsui 2004, passim). A main purpose of the requisitions called *qubchir* was to support the postal relay system across the entire Mongolian Empire. Thus, even if local variations in measurement remained in local markets, there should have been a standard measurement system across the entire Mongol empire for use in official business that crossed regional administrative boundaries, as the postal relay system did.

The major difference between developments under the Yuan and in the western khanates is that, while silverization in taxation was accompanied by actual payment in paper money under the Yuan, the western khanates did not issue paper money, and so should have collected taxes in real silver. The Ilkhanate had tried to introduce a paper money system in 1294, but in vain.[5] This contrast in currency systems affected cross-regional trade. Typically, Italian merchants brought linen to Sarai or Urjench, which they exchanged for silver, specifically the *somo* silver ingots of the Golden Horde khanate, and then advanced to Hangzhou where they converted silver for paper money with which they could purchase silk and porcelain, a process described by Pegolotti (Lopez, Raymond 1955, 358). Visitors from Europe, including Marco Polo, unanimously concurred in noting that paper money circulated stably in China. Yet, we must ask, where did the silver used in Sarai or Urjench come from?

One apparent evidence of westward silver flow is the remittance of tribute from estates in China Proper called *touxia* to the westerns khanates. Since their occupation of northern China and Jin defeat, the Mongol had allotted estates to their princes and nobles that they could use to raise horses and collect labour and grain. After making empire-wide census in 1257, Mongke apportioned lands among nobles across Eurasia. Subsequently, the Mongol khans shared their estates across their proper territories. The Yuan possessed its appanages in Iran, as western Khanates kept theirs in China. As Hulegu sent tribute to Mongke, the cross possession among Mongol khans must have enhanced silver transfers in distance (Martinez 2011, 93). In the stage of Mongke era, however, the system bring few significant change to economy. However, the incorporation of Southern China hoarding numerous silver ingots in the *touxia* system after 1276 happened to ignite unprecedented silver march. The late 13th century through the mid-14th century was the only period during which nomad lords based in northern and central Asia could have directly collected revenues from estates in wealthy southern China.

There are a few cases concretely demonstrating that tribute was brought from these Chinese estates to the western khanates. For example, in 1281, a tribute called *wuhusi* was sent from an estate in Taiyuan, Shanxi, controlled by the Yongning King, to Bishbalik, Turkistan (Muraoka 2002,

[5] The use of metal currencies was prohibited in the same way as under the Yuan. The compulsory use of paper money, called *Chao*, led to the stop of trade in the Ilkhanate so that after two months the Ilkhanate had to abolish this policy (Makhdumi 1988, 52-53). This year the output of silver decreased (Martinez 1984, 165).

158, 160)[6]. This was the same year in which the postal relay system was extended from Bishbalik to the Caucasus regions. It is perhaps not coincidental that there many *touxia* were established that year. Only in 1281 the Yuan made fiefs of 1,048,107 households in Southern China.

The first peak of establishments of fiefs in Southern China begging in 1276 must result from the conquest of Southern Song territory. The establishment of new fiefs suspended between 1285 and 1298. The resumption of new establishments might have been influenced by an easier situation of transfer in distance due to the ending of Batu's rebellion against the Yuan. More importantly, not only the newly established *touxia* but also the resumption of transfer through existing *touxia* channel might have caused the second surges of silver minting in West Eurasia. Ghazan of Ilkhanate dispatched envoys with gifts to the Yuan in 1297-98 and they returned with silk stuffs which were collected from Hulegu's holdings in China (Allen 2011a, 49-50). Coin specimens in museums show that Ilkhanate silver minting had a sudden peak around 1300 (Martinez 1995-1997, 153).

Besides the two peaks of establishing new fiefs, as far as the Golden Horde was concerned, with a high possibility, the tribute transfers through *touxia* system appeared to resume in 1339 after a previous suspension. The khanate had apportioned territories in Pingyang, Jinzhou and Yongzhou in China. The history of Yuan wrote that, from 1339, 2400 *ding* in *zhongtongchao* (paper money) was given to the Golden Horde annually (Song 1976, 2906). The amount is equivalent to 2300kg in silver. In 2007, a pot containing 65 silver bars was excavated from Orheiul Vechi, a fortress town of the Golden Horde. The pot is thought to be left between 1340 and 1360 (Boldureanu 2007). The bars had two features showing Chinese connections. One is the weights. They were apparently moulded around 200 grams, equivalent to five *liang*, and one tenth weight of silver *yuanbao*. They must be the silver bars called *somo* by contemporaries. Another is the bubbled surfaces which appear to be similar with the popular appearance of Chinese silver ingots as we touch later[7]. The excavation strongly demonstrates that the tribute in silver from China surely reached the Golden Horde.

Thus, there were two silver flows crossing Eurasia under Mongol rule. Some silver moved east, to China Proper, to be used to buy silk, porcelain and other commodities. This silver was converted to paper money as soon as it arrived. Flowing west, some silver may have been used to purchase goods from the western side of Eurasia, like horses and cobalt, the trade in which is described below. However, main westward stream of silver was not used for purchasing goods, but rather resulted from the remittance of taxes collected at *touxia* estates located in China Proper, but owned by western khanates.

Important is that a contrast emerged between the monetary systems of the western khanates and the Yuan due to the proliferation of paper money in China Proper during the late 1270s[8]. Two different currencies denominated in terms of silver became common: silver coinage like the *somo* in the western khanates and paper money like the *zhongtong chao* in the Yuan. As long as paper currency in terms of silver could substitute for silver itself in the eastern part of the Mongol domains, it was inevitable that silver would be sucked toward the western part through any channel, whether remittance or investment.

Importantly, unprecedented scale of tribute transfers through *touxia* channels was made by transporting silver bars of large denominations. They were quite of different functions from silver coinages previously circulated such as dirham and denarius. Unlike silver coins available to both of interregional settlements and local transactions, silver bars such as *somo* worked exclusively for distant exchange. Through affluent movements of silver bars across the Eurasia, for the first time, humans had a unit of account for interregional settlement prevailing far beyond the boundary of civilization.

Here we should remember that in Central Asia silver-coated copper coins dominated until the 1270's. The Chagatai Khanate had also minted them, but them and high fineness silver increased issuance in the 1280's after Masud Beg banned silver-coated copper coins. The silver bars exca-

[6] In 1283 the office for issuing paper money was located there (Maeda 1973, 77).

[7] Thanks to Dr Ana Boldureanu, the author could examine and weigh 65 silver bars at the National History Museum of Moldavia on 21st September 2016.

[8] In Turkestan, paper money began to circulate during the Yuan occupation of 1280-1287. Before and after this period, though, paper money was not in use (Maeda 1973, 77-78).

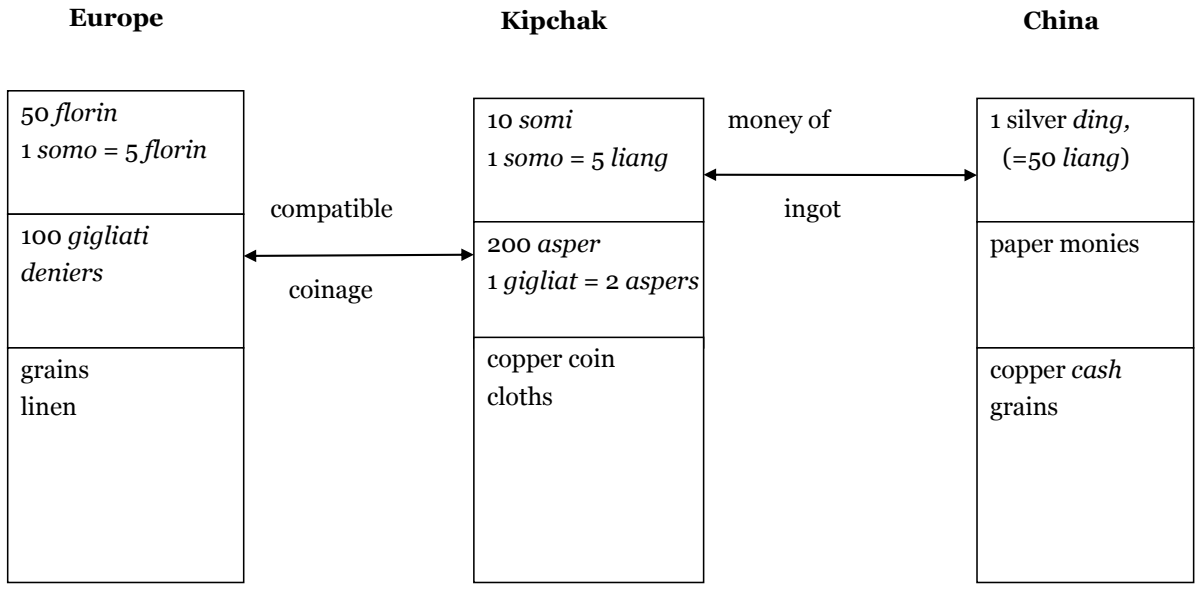


Fig. 1. Multiple Strata of Monies.

vated from Orheiul Vechi are of high fineness and have full of small halls on surface. The bubble like surface is the way for proving purity and the way Chinese silver moulders continued to make from the 8th century to early 20th century. Importantly, a silver bar in possession of the British Museum, which is thought *grivna* from 14th century Novgorod, has bubble-like small halls on surface as same as the silver bars from Orheiul Vechi. Thus, we can assume that sudden affluent silver supplies caused Central Asia, in which silver-coated copper were circulating, to adopt the bubbled surface silver bars in order to prove purity.

Silver bars called *grivna* had already existed in the Kievian Russia. However, when the tribute that Novgorod paid to the Golden Horde shifted from fur to silver, the *grivna* became popular (Martin 1978, 406). *Grivna* was the original form of the Ruble, a term derived from the word rubit ("to cut"), which designated a silver bar. It might not be just accident that two *grivna* from Novgorod possessed by the British Museum appear to be cut almost half a weight of *somo*.

Considering that, as the confiscation records shown, silver bars worked as the most popular form as liquid wealth in Bruge until the late 14th century, when it was replaced by gold among Italian merchants, *somo* might have acted as a protagonist in the silverization of the western part of Eurasia. We should note that the German Hanse trade monopolies connected trade in Novgorod with fur trade in Bruges (Ogilvie 2011, 97)[9].

Consequently, in the first half of the 14th century, moving from west to east across Eurasia there was a chain of commensurable currencies: the gold *florin* or large silver *gross* in Western Europe, the silver *somo* in the western khanates, and the silver *yuanbao* (counted by *ding*) in China Proper. Five *florins* were equivalent to one *somo*. The gold coin reappeared in Western Europe for the first time after the collapse of the Western Roman Empire and was part of this chain. It actually began to circulate as early as the 1340s when the third peak of silver coinage started as well[10]. Increasing issuance of large size silver coinages in the eastern-end Mediterranean having held gold usages might have created the condition that gold could be sold easier to Western Europe[11]. Meanwhile, ten *somi* were equivalent to one silver *ding*. Thus, along a major route of interregional trade from Western Europe to the Korean peninsula, there was a set of currencies that could be converted easily (Figure 1).

[9] See also Abu-Lukhud 1989.
[10] Gold became significant in Bruges, the financial centre of medieval Europe, only after 1340 (Murray 2005, 295-296).
[11] The Rupenid mint at Cilicia purchased foreign silver for more gold than local exchange rate (Martinez 1995-1997, 226-227).

Again, a silver bar of 200 grams worked quite differently from a silver coin of around 3 gram such as dirham. It was convenient for a long distant trader dealing in large scale trade in valuable goods, but was far from practical for the daily transactions of ordinary people. In lower level markets, as we will see in the next section, there were many different local currencies in circulation.

We have already seen that, in the eastern part of Eurasia, the real silver was not much used. Transactions were so dependent on paper money, especially in Northern China, that the prices were often given in terms of *zhongtong chao*. Paper money was used to pay for taxes denominated in terms of silver and was exchanged with silver bars brought to China by merchants from the west. When paper money fell out of use in China Proper, the institutional setting in which silver bars moved widely along Eurasian trade routes collapse, a process that took place in the 1360s.

The Royal Mint in London maintained annual records of silver coinage. Large peaks in the issuance of silver currency appeared in 1278-88, 1300-14, and 1344-55. The quantity of silver minted annually in this period was larger than in any other period prior to the Napoleonic wars (Spufford 1988, 204-205). All three peaks of silver mintage in Europe from the late 13th century to the mid-14th century overlapped with the peaks of remittance from *touxia*.

5. Markets Stratified

As mentioned in the preceding section, at the highest levels of transcontinental trade, uncoined silver was the main unit of exchange. The *yuanbao* ingots of China Proper and its surrounding regions and the *somo*, a silver bar, from the region stretching from Turkestan to Eastern Europe, both seem to have circulated widely. However, the weight of silver contained in these unminted forms was not identical.

The weight of 65 silver bars unearthed from remains dating to between 1340 and 1360 at Orheiul Vechi in Moldavia ranges from 173 to 227 grams[12]. The weights appear to be distributed around 200 grams, but the variance is rather large. Similar variance is found in the case of *yuanbao* ingots, distributed around a mean weight of 50 *liang*[13]. The irregular distribution of weight among 72 silver ingots found in the 10th century Intan shipwreck near Java suggests that uncoined silver had never circulated in ingots of uniform weight in China (Flecker 2002, 84-85).

Silver had originally been a substitute for silk in the east. Few would worry about small differences in length or weight of a bolt of silk when making a transaction. Similarly, neither the *yuanbao* in the east nor the *somo* in the west was defined by any precise standard. Unlike transactions conducted according to the fixed measures adopted by mercantile states in later periods, economic activities under the Mongol regime did not depended on intrinsic properties of silver. Rather silver served primarily in a conceptual role as the unit of account.

The conceptual function of silver as unit of account was the basis of currency commensurability across the continent and developed in tandem with the creation of a division between currency used for interregional settlement and that which was used in local transactions. Even if we can confirm that late 13th century bills of exchange could be used to enable transactions between some cities, like Genoa and Tabriz (Moshenskyi 2008, 197), across western Eurasia the *somo* must have played a significant role as a means of bridging the gap between different local currencies. At the same time, this sort of link did not mean that prices converged across different local markets connected to each other through silver-denominated trade. The connections between local markets were quite loose connection and prices of most goods moved independently in different places.

According to a late version of Russian Law one *grivna* was paid for annual wage of one female labourer with one daughter (Vernadsky 1953, 126). The *grivna* must have been inappropriate to mediate the exchange in the market place which was, typically, held on Fridays and in which farmers brought their produce for sale (Vernadsky 1953, 117). Fractions of *grivna* were known as *nogata* and *rezana*: there were 20 *nogata* and 50 *rezana* in one *grivna*. The lowest unit was known as *veksha* (literally, "squirrel"); in Smolensk one

[12] The hoard is preserved at the National History Museum of Moldavia, Inventory number 24875 (1-65).

[13] The weights of silver ingot with the inscription of 50 *liang* made under the Yuan show substantial variation (Vogel 2013, 482-484). This is in striking contrast to four ingots from the same county, Jurong, moulded in the same year 1277, which differed in weight by only three grams.

nogata was equal to 24 *veksha* (Vernadsky 1953, 122). To facilitate the exchanges of peasant products in the market places, small currencies of furs (or low fineness silver as fur's substitutes) whose value was sufficiently fractional like *veksha* must be indispensable.

In the Golden Horde khanate, a type of silver coin called the *tamga* was already in wide circulation, with one *somo* theoretically equivalent to 120 *tamga*. As mentioned above, in the Golden Horde and Chagatai khanates, *tamga* was also the name of the commercial tax. The term was also used to refer to customs taxes in Anatolia under the Ilkhanate, suggesting that the same type of silver coin – the *tamga* – might have been used across western Eurasia (Köprülü 1992, 67).

Novgorod had *den'gi*, a subunit of the *grivna*. With one *grivna* worth 100 *den'gi*, silver coins with inscriptions from the late 13th century, found in the Chagatai khanate and weighing 1.8-2.0 grams (almost half a *gigliate*, or one twentieth of a *liang*) may have been seen as equivalent to *den'gi*, rather than to the *tamga* (Wang, Zhong 2007, 17-18). The silver coins must have been minted after the reformation by Masud Beg which unified the weight at 2.1 grams (Davidovich, Dani 1998, 406).

In the case of Tana on the Sea of Azov, the *somo* was used to purchase goods in long-distance trade, while the mint used the silver from a single *somo* to coin about 200 *aspers* for local use. A Genoese statute of 1304 treated the Golden Horde *asper* as equivalent to ten Genoese *deniers*. The Byzantine *folleri*, a copper coin valued at one-16th of an *asper*, was used to purchase vegetables and small items for daily use (Wang, Zhong 2007, 17-18; Lopez, Raymond 1955, 356; Yule 1914, 159).

As the case of Tana demonstrates, commercial exchange tended to be divided into three layers, each with its own distinctive currency. Uncoined silver like the *somo* was used at the top layer to conduct interregional trade. A local mint would issue silver coins, like the *asper*, made from melted-down ingots, for local uses like tax payments. Meanwhile, even the smallest denominations of silver coins were still too valuable to be used by most people in daily life, and so various coins made of other metals, like the copper *folleri*, were used in most small transactions. The three currencies thus worked in concert to handle all levels of commerce; their relationship was not substitutive but complementary.

Multiple layers of commercial activity, with various currencies in use, appeared across Eurasia during the Mongol period. In Yuan territory, paper money appeared to circulate commonly, as required by regulation. However, a lower layer of transactions still existed, making use of several local currencies. As mentioned above, copper coins continued to play a significant role in former Southern Song territories in towns across Central and West Asia, while in Yunnan, *cowries*, shell money from the Maldives, were more important for local commerce. Meanwhile, in regions like northern China, with no available currency of small enough value to be used in daily life, various monetary substitutes including wooden tablets and wrapping paper provided by merchants served to supplement official paper money. In addition to these examples, in rural areas, grain continued to be used as currency.

6. Conclusion. The Importance of the Silver Bars from Orheiul Vechi

Monetary system in pre-industrial ages was an association of means of exchange for lower-level (or local) market and upper-level (or interregional) market. Two monies worked independently, since there are significant differences between proximate exchanges and distant exchanges in size, frequency, and seasonality of transactions[14]. The Mongolian regime did not seriously affect the lower level markets, but its empire-wide tribute transfers with a unified system of measurement happened to build a commensurability in distant exchanges, and subsequently invited a series of global transformations of entire exchange systems in later period.

The 65 silver bars which were found from Orheiul Vechi prove that, through transfer system, silvers of large denomination surely moved across Eurasia mid-14th century and synchronised economic activities from the Korean peninsula to London.

Acknowledgement

This research is supported by the Japan Society of Promotion of Science (project no. 26285073) and the Lavex, École Normale Supérieure, Paris, 2016.

[14] The horizontal dichotomy between monetised urban and self-sufficient rural makes us blind from the vertical multiplicity of exchanges and the complementarity among monies (Kuroda 2008a).

Bibliography

Abe Takeo 1972: Abe Takeo, Gendai shi no kenkyū [Study of the Yuan Period] (Tokyo: Sōbunsha 1972).

Abu-Lukhud 1989: Janet L. Abu-Lughod, Before European Hegemony: The World System A.D.1250-1350 (Oxford: Oxford University Press 1989).

Allen 2001: Martin Allen, The volume of the English currency, 1158-1470. Economic History Review 54/4, 2001, 595-611.

Allsen 2001: Thomas T. Allsen, Culture and Conquest of Mongol Eurasia (Cambridge: Cambridge University Press 2001).

Bacharach 1983: Jere L. Bacharach, Monetary movements in medieval Egypt, 1171-1517. In: Richards, Precious metals, 1983, 159-181.

Blake 1937: Robert P. Blake, The Circulation of Silver in the Moslem East Down to the Mongol Epoch. Harvard Journal of Asiatic Studies 2, 3/4, 1937, 291-328.

Boldureanu 2007: Ana Boldureanu, Some Remarks on the Metrology of the Golden Horde Silver Ingots in the Light of a Hoard Found at the Orheiul Vechi. http://www.arheomet.ro/ro/evenimente/simpozion2007/rezumate/boldureanu.html (accessed on 21 April 2015).

Davidovich, Dani 1998: Elena A. Davidovich, Ahmad H. Dani, Coinage and the monetary system. In: (Eds. M.S. Asimov, C.E. Bosworth) History of civilizations of Central Asia, vol. 4/part 1 (Paris: Unesco Publishing 1998), 391-419.

Deyell 1983: John Deyell, The China connection: problems of silver supply in medieval Bengal. In: (Ed. J.F. Richards) Precious metals in the later medieval and early modern world (Durham: Carolina Academic Press 1983), 112-136.

Di Cosmo 2005: Nicola Di Cosmo, Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts. In: (Eds. R. Amitai, M. Biran) Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World (Leiden: Brill 2005), 391-424.

Fang Hui 1971: Fang Hui, Gujinkao (Considerations on past and present) (Taipei: Xuesheng Shuju 1971).

Flecker 2002: Michael Flecker, The Archaeological Excavation of the 10th Century Intan Shipwreck (Oxford: Archaeopress 2002).

Friedel 1896: Ernst Friedel, Hervorragende Kunst- und Alterthums-Gegenstände des Märkischen Provinzial-Museums in Berlin. Heft 1: Die Hacksilberfunde (Berlin: Verlag von Dr. E. Mertens & Cie 1896).

Gao Zongming 2016: Gao Zongming, "Zizhou jiaohui" kao "淄州交会"考 [A Study of the "Zizhou jiaohui"]. Zhongguo qianbi 138, 2016, 9-12.

Grierson 1979: Philip Grierson, Later medieval numismatics (11th-16th centuries) (London: Variorum 1979).

Jeon Rinji 1972: Jeong Rinji, Goryeosa (The official history of Koryo), vol. 2, second ed. (Seoul: Yonsei University 1972).

Kolbas 2006: Judith Kolbas, The Mongols in Iran: Chingis Khan to Uljaytu 1220-1309 (London: Routledge 2006).

Kong Qi 1987: Kong Qi, Zhizheng zhiji [Kong Qi's literary Collection] (Shanghai: Shanghai Guji 1987).

Köprülü 1992: Mehmet Fuat. Köprülü, The Origins of the Ottoman Empire (translated and edited by Gary Leiser, Albany) (NY: State University of New York Press 1992).

Kuroda 2008a: Akinobu Kuroda, What is the Complementarity among Monies? An Introductory Note. Financial History Review 15/1, 2008, 7-15.

Kuroda 2008b: Akinobu Kuroda, Locating Chinese Monetary History in Global and Theoretical Contexts: From Multiple and Complementary Viewpoints'. In: (Ed. Huang Kuanzhong) Jidiao yu bianzou: 7 zhi 20 shiji de Zhongguo (Keynote and Variations: China from 7th century to 20th century) 2 (Taipei: Chengchi U. Dept of History 2008), 33-50.

Kuroda 2009: Akinobu Kuroda, The Eurasian Silver Century, 1276-1359: Commensurability and Multiplicity. Journal of Global History 4/2, 2009, 245-269.

Li Zhian 2007: Li Zhian, Yuandai fenfeng zhidu yanjiu [Study of the fief system under the Yuan] (Beijing: Zhonghua shiju 2007).

Lopez, Raymond 1955: R.S. Lopez, I.W. Raymond, Medieval trade in the Mediterranean world: illustrative documents (New York: Columbia University Press 1955).

Maeda 1973: Naonori Maeda, Genchō shi no kenkyū [Study of the Yuan Dynasty] (Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai 1973).

Makhdumi 1988: Rafiuddin Makhdumi, Mongol Monetary System. In: (Ed. R.C. Sharma) Perspective on Mongolia (Delhi: Seema 1988), 49-54.

Martinez 1984: A.P. Martinez, Regional Mint Outputs and the Dynamics of Bullion Flows through the Il-Xanate. Journal of Turkish Studies 8, 1984, 121-173.

Martinez 1995-1997: A.P. Martinez, The wealth of Ormus and of Ind: The Levant Trade in Bullion, Intergovernmental Arbitrage, and Currency Manipulations in the Il-Xanate. Archivum Eurasiae medii aevi 9, 1995-1997, 123-252.

Martinez 2011: A.P. Martinez, The Il-Khanid Coinage: An Essay in Monetary and General History Based Largely on Comparative Numismatic Metrology. Archivum Eurasiae Medii Aevi 17, 2011, 59-64.

Martin 1978: Janet Martin, The Land of Darkness and the Golden Horde: The Fur Trade under the Mongols XIII-XIVth Centuries. Cahiers du monde russe et soviétique 19/4, 1978, 401-421.

Matsui Dai 2004: Matsui Dai, Mongoru jidai no doryōkō: higashi torukisutan shutsudo bunken kara no saikentō [Metrology under the Mongol period: revision based on unearthed documents from East Turkistan]. Tōhōgaku 107, 2004, 153-166.

Moriyasu 2004: Takao Moriyasu, Sirukurōdo tōbu ni okeru tsūka [Currencies in the eastern part of the Silk Road]. In: Chūō Ajia shutsudo bunbutsu ronsō (Papers on the Pre-Islamic documents and other materials unearthed from Central Asia), edited by Takao Moriyasu (Kyoto: Hōyū 2004).

Moshenskyi 2008: Sergii Moshenskyi, History of Weksel: Bill of Exchange and Promissory Note, (Xlibris Corporation 2008).

Muraoka Hitoshi 2002: Muraoka Hitoshi, Mongoru jidai no uyoku urusu to Sansei chihō [The Right Wing Ulsu and Shanxi District under the Mongol]. In: (Ed. Matsuda Kōichi) Hikoku tō shiryō no sōgō bunseki ni yoru mongoru jidai=genchō no seiji keizai sisutemu no kisoteki kenkyū (Tokyo 2002). Kagaku kenkyūhi hojokin kenkyū seika hōkokusyo no 12410096.

Murray 2005: James M. Murray, Bruges, Cradle of Capitalism, 1280-1390 (Cambridge: Cambridge University Press 2005).

Ogilvie 2011: Sheilagh C. Ogilvie, Institutions and European Trade: Merchant Guilds, 1000-1800 (Cambridge: Cambridge University Press 2011).

Richards 1983: J.F. Richards (ed.), Precious metals in the later medieval and early modern world (Durham: Carolina Academic Press 1983).

Sargent, Velde 2002: Thomas J. Sargent, François R. Velde, The Big Problem of Small Change (Princeton: Princeton University Press 2002).

al-Shamrookh 1996: Nayef Abdullah al-Shamrookh, The commerce and trade of the Rasulids in the Yemen, 630-858/1231-1454 (Kuwait: State of Kuwait 1996).

Song Lian 1976: Song Lian, Yuan shi [The official history of Yuan] (Beijing: Zhonghua shuju 1976).

Song Yingxing 1978: Song Yingxing, Tiangong Kaiwu (Hong Kong: Zhonghua shuju Xiang Gang fenju 1978).

Spufford 1988: Peter Spufford, Money and Its Use in Medieval Europe (Cambridge: Cambridge University Press 1988).

Tao Zongyi 1959: Tao Zongyi, Nancun chuogeng lu [Notebooks of the Dull Agricultural Season] (Beijing: Zhonghua Shuju 1959).

Vernadsky 1953: Georges Vernadsky, The Mongols and Russia (New Haven: Yale University Press 1953).

Vogel 2013: Hans U. Vogel, Marco Polo Was in China: New Evidence from Currencies, Salts and Revenues (Leiden: Brill 2013).

Wang, Zhong 2007: Hailin Wang, Changwen Zhong, Duishufu xian faxian Chahetai hanguo jiaocang yinbi de yanjiu [Study of Chaghadaid Khanate silver coins from Duishufu hoards]. Neimengu Jinrong Yanjiu Qianbi Zengkan 1, 2007.

Wang Lingling 2005: Wang Lingling, Sondai kuangye yanjiu [Study of mining industries in Song China] 宋代矿业研究 (Baoding: Hebei University Press 2005).

Watson 1967: Andrew M. Watson, Back to gold – and silver. Economic History Review, second series, 20/ 2, 1967, 1-34.

Whaley 2001: Mark A. Whaley, An account of 13th century Qubchir of the Mongol "Great Courts". Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 54/1, 2001, 1-84.

Yule 1914: Henry Yule, Cathay and the way thither, vol. 3 **(**London: The Hakluyt Society 1914).

De ce şi cum argintul a dominat în Eurasia de la sfârşitul secolului XIII până la mijlocul secolului XIV? Istoria lingourilor de argint descoperite la Orheiul Vechi

Cuvinte-cheie: argint, China, teritorii supuse, tribut, Orheiul Vechi, hanatul Kypceak.

Rezumat: Noile descoperiri monetare, asociate cu informaţii referitoare la circulaţia monetară din Asia Centrală şi de Vest, confirmă ipoteza că o mare parte a lingourilor de argint de provenienţă chinezească ajungeau până în părţile de vest ale Eurasiei, inclusiv până la Londra, în anii 1280, 1300 şi 1350. Cele trei apogee de emitere a monedelor de argint la Londra coincid cu introducerea sau reluarea plăţilor tributului din teritoriile chinezeşti supuse, numit touxia 投下, către hanatele mongole de vest. Descoperirile monetare din Transoxania şi Iran confirmă că după anul 1270 monedele din argint de calitate proastă şi cele din cupru argintate, sunt înlocuite cu monede din argint calitativ. Forma şi greutatea celor 65 de lingouri de argint de la Orheiul Vechi (Republica Moldova) mărturisesc în mod vădit că tributul plătit în argint, venit din teritoriile supuse din China, ajungeau neapărat în hanatul Kypceak. Regimul mongol n-a avut o influenţă importantă asupra pieţelor de nivel inferior, însă sistemul de taxare şi dislocare a tributului pe scara întregului imperiu, cu un sistem unic de măsură, a condus la comensurabilitate în cazul schimburilor îndepărtate, apoi şi la un şir de modificări globale ale unor sisteme de schimb în perioadele ulterioare.

Почему и как серебро господствовало в Евразии с конца XIII до середины XIV века? История серебряных слитков, обнаруженных в Старом Орхее

Ключевые слова: серебро, Китай, зависимые территории, дань, Старый Орхей, Кыпчакское ханство.

Резюме: Новые нумизматические находки, наряду с имеющимися сведениями о монетах средневековой Центральной и Западной Азии, подкрепляют предположение о том, что большое количество серебряных слитков китайского происхождения достигало западной части Евразии, до Лондона, около 1280, 1300 и 1350 годов. Три пика выпуска серебряных монет в Лондоне совпадают с установлением или возобновлением выплаты дани из зависимых китайских территорий, touxia 投下, западным монгольским ханствам. Нумизматические находки из Трансоксании и Ирана свидетельствуют, что после 1270-х годов монеты из низкопробного серебра и посеребренной меди были заменены высокопробными серебряными монетами. Формы и массы 65 серебряных слитков, обнаруженных при раскопках памятников (1340-1360 гг.) в Старом Орхее (Молдова), явно свидетельствуют о том, что дань серебром из зависимых территорий в Китае, несомненно, попадала в крепость Кыпчакского ханства. Монгольский режим не оказал серьезного влияния на рынки более низкого уровня, но его система взимания и перемещения дани в масштабах всей империи, с единой системой мер, привела к соизмеримости при удаленных обменах, а затем и к ряду глобальных преобразований целых обменных систем в более поздний период.

21.04.2017

Prof. Dr. Akinobu Kuroda, University of Tokyo, 7-3-1 Hongo, Bunkyo, Tokyo 113-0033, Japan,
e-mail: ankuroda@ioc.u-tokyo.ac.jp

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ РАННЕТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БЕРНАШЕВКА I

Наталья Бурдо

Ключевые слова: культурный слой, строительный горизонт, стратиграфия, Триполье, Бернашевка

История исследования

Наиболее раннее из известных в Украине поселение Триполья А открыто в 1969 г. во время работы Среднеднестровской экспедиции Института археологии АН УРСР под руководством С.Н. Бибикова на юго-западной окраине с. Бернашивка Могилев-Подольского района Винницкой области (рис. 1/1). В 1970 г. сотрудники этой экспедиции провели разведочные раскопки, полученный материал свидетельствовал о древности Бернашевки I, синхронной поселениям Флорешть I в Республике Молдова и Извоар I 1 в Румынии (Євдокимов, Збенович 1973, 61-64). Стационарные полевые исследования на памятнике были проведены в 1972-75 гг. В.Г. Збеновичем. Площадь раскопов составила 1000 м² (Збенович 1980, 14). В.Г. Збенович полагал, что исследовал все сохранившиеся на поселении объекты – остатки 7 глинобитных жилищ. Как остатки одной сильно разрушенной постройки была интерпретирована зафиксированная геомагнитной съемкой аномалия, раскопки которой не производились. Культурный слой памятника уже на момент раскопок в 70-х годах был сильно поврежден в результате как природных процессов – интенсивного размыва вершины холма и переоткладывания артефактов на его склонах, так и распашки места поселения (Збенович 1980, 9-10). Результаты раскопок в Бернашевке получили монографическое освещение (Збенович 1980), однако ключевым моментом в изучении материалов Бернашевки всегда была проблема происхождения трипольской культуры, а анализу данных о культурном слое памятника и раскопанных объектов не уделялось достаточно внимания.

В 2009 г. (Черновол и др. 2010) и 2013-2015 гг. (Черновол 2016) раскопки Бернашевки проводил отряд Днестровской комплексной экспедиции под руководством Д.К. Черновола. К сожалению, об этих раскопках нет исчерпывающих публикаций. Изданы статьи, которые содержат только общую информацию о раскопках, отрывочные сведения об исследованных объектах, а также результаты анализа отдельных категорий находок из некоторых объектов – кремневого инвентаря и палеоботанических материалов (Слесарев и др. 2014; Шидловский, Слесарев 2015; Пашкевич,

1

2

Рис. 1. Бернашевка I. Раскоп Д.К. Черновола на Google map.

Черновол 2015, 99-103). В результате работ Днестровской комплексной экспедиции было установлено, что в 70-е годы была раскопана только часть памятника. В 2013-2015 гг. были изучены остатки 10 сожженных глинобитных построек («площадки» №№ 8-17), две ямы, а также исследован культурный слой между домами (Черновол 2016).

Д.К. Черновол (Черновол 2016, рис. 1) предложил план совмещения «площадок» из раскопов 70-х годов и своих раскопов с гипотетическими контурами остатков построек – «площадок» (рис. 2/3). Однако, при попытке совмещения опубликованных планов поселения из раскопок В.Г. Збеновича (рис. 2/1) и Д.К. Черновола (рис. 2/3) видно лишь относительное совпадение раскопов №№ 1, 2, 3, 6, расположенных достаточно компактной группой в северо-восточной части поселения, зато бросается в глаза значительное несовпадение мест расположения объектов («площадок») раскопов №№ 5 и 4 (рис. 2/4) в южной части. Кроме того, «площадка» № 12, раскопанная Д.К. Черноволом, расположена на месте раскопа № 5 В.Г. Збеновича. Вероятно, частичное несоответствие планов раскопов В.Г. Збеновича и Д.К. Черновола объясняется техническими моментами. Обращает внимание то, что только на краю «большого аномального пятна», выявленного геомагнитной съемкой на западном склоне холма, который занимает поселение, и интерпретированного В.Г. Збеновичем как «полностью разрушенное жилище № 7» (Збенович 1980, 12), раскопками Д.К. Черновола выявлены остатки глинобитной постройки, «площадки № 8». Большая часть аномалии, которая по размерам соответствует площади приблизительно трех построек, так и не была исследована. Таким образом, можно констатировать, что в Бернашевке, как полагает и Д.К. Черновол (Черновол 2016, 20), исследованы еще далеко не все объекты. Подтверждено наличие на поселении не менее двух стратиграфических горизонтов, материал которых типологически не различим, что позволяет оба горизонта относить к одной подфазе Прекукутень II 1-Триполье А.

Установлено, что в дополнение к разрушениям культурного слоя, выявленным на 1970 г., поселение еще и частично разрушено гидрологическими сооружениями.

Суммарная площадь раскопов Среднеднестровской и Днестровской комплексной экспедиций составила к настоящему времени 3 000 м². Исследования Д.К. Черновола позволяют утверждать, что общая площадь поселения Бернашевка I составляла не менее 3 га. Таким образом, новые раскопки в Бернашевке I, проведенные Днестровской комплексной экспедицией, изменили прежние представления о площади и планировке поселения. Однако это скорее количественные, чем качественные изменения, поскольку Д.К. Черновол существенно не изменил интерпретацию культурного слоя и объектов, найденных на памятнике.

В итоге в результате раскопок В.Г. Збеновича и Д.К. Черновола в Бернашевке исследованы остатки 17 глинобитных сожженных построек, культурный слой между ними и четыре углубления (ямы).

Абсолютные даты для Бернашевки получены в разное время, в трех разных лабораториях и по разным образцам – кости, керамике, углю (Бурдо 2001-2002, 439; Бурдо, Ковалюх 1998, 61; Тимофеев и др. 2004, 114; Rassamakin 2012, 37).

Абсолютные даты для поселения Бернашевка

Образец	Индекс	BP	cal. BC	Публикация
Кость	Ki-6670	6440±60	5432-5324	Бурдо 2001-2002, 439
Кость	Ki-6681	6510±55	5444-5345	Бурдо 2001-2002, 439
Кость	Ki-16544	5450±70	4370-4230	Rassamakin 2012, 37
Кость	Ki-16545	5610±90	4530-4350	Rassamakin 2012, 37
Керамика	Ki-11472	6445±90	5365±76	
Керамика	Ki-11473	6520±90	5425±86	
Уголь	Ле-3594	5110±60	3970-3808	Тимофеев и др. 2004, 114
Уголь	Ле-3799	6880±100	5820-5610	Тимофеев и др. 2004, 114
Уголь	OxA 22516	5772±30	4702-4526	Rassamakin 2012, 37

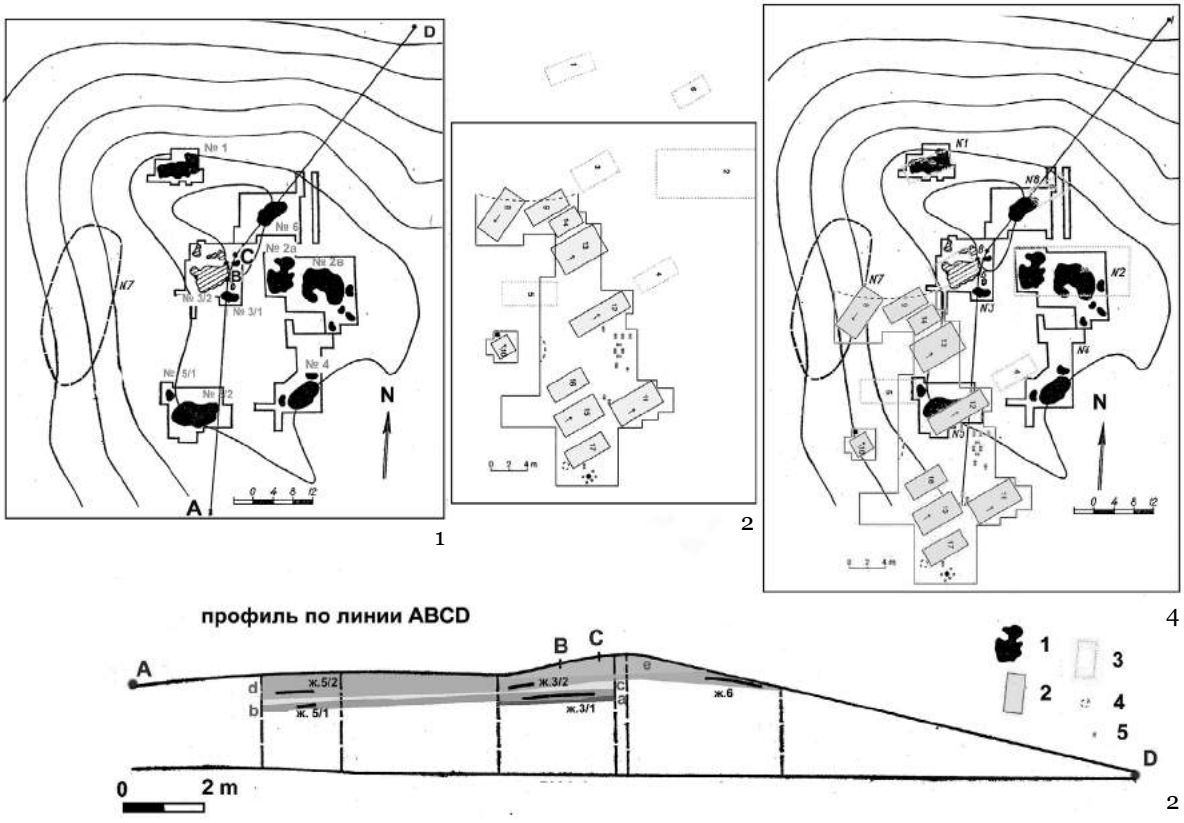


Рис. 2. Бернашевка I. 1 - План раскопов 1972-1973 гг., 2 - профиль холма с поселением (по Збенович 1980, 13, рис. 3); 3 - план раскопов 2009, 2013-2015 гг. (по Черновол 2016, 20, 1); 4 - совмещенный план раскопов В.Г. Збеновича и Д.К. Черновола. Условные обозначения: 1 - остатки жилищ на плане В.Г. Збеновича; 2 - реконструированные контуры площадок, раскопанных Д.К. Черноволом; 3 - предполагаемые контуры площадок, исследованных В.Г. Збеновичем; 4 - ямы; 5 - скопления камней.

Противоречивость приведенных выше абсолютных датировок требует отдельного анализа и не рассматривается в данной работе. Даты Киевской лаборатории, полученные в 90-е годы XX в., выполненные по образцам из кости и керамики, позволяют датировать поселение Бернашевка I второй половиной V тысячелетия до н.э. Эти даты входят в большой пакет радиоуглеродных дат для памятников неолита и раннего энеолита Украины (Бурдо 2001-2002). В целом эти даты, по нашему мнению, лучше согласуются с периодизацией Триполья А-Прекуктень.

Анализ данных полевых исследований

До настоящего времени Бернашевка I остается наиболее полно раскопанным и опубликованным памятником периода Триполье А - Прекукутень II для всего культурного региона. Однако очевидно, что за прошедшие со времени исследований В.Г. Збеновича десятилетия были усовершенствованы методы полевых исследований и геомагнитной съемки, а также изменились подходы к интерпретации различных поселенческих объектов (Зиньковский 2013, 39-46; Бурдо 2003а). Это предоставляет возможность вернуться к анализу данных, полученных в результате раскопок в Бернашевке, и предложить новую интерпретацию их результатов. Анализ информации о полевых исследованиях В.Г. Збеновича позволяет внести коррективы в интерпретацию раскопанных объектов и стратиграфию поселения.

Для анализа материалов раскопок В.Г. Збеновича большое значение имеет выяснение методики полевых исследований. Необходимо подчеркнуть, что раскопкам тогда предшествовала геомагнитная съемка (кроме остатков жилища № 1, раскопанного в 1972 г.). Съемка была проведена в 1973 г. Г.Ф. Загни-

ем при помощи магнитометра М-27. Геомагнитная съемка выполнялась по сетке квадратов 5×5 на площади 10 000 м², включая весь холм-останец и его основание. На холме было выявлено 7 участков с выраженной аномалией. По данным В.Г. Збеновича, нанесенные на план участки с аномалией представляли собой 6 овальных пятен разных размеров, расположенных по кругу. Еще одно пятно находилось в центре круга. Выявленные участки с аномалиями представляли собой скопления обожженной глиняной обмазки и культурных остатков и были интерпретированы как остатки глинобитных жилищ. На основании данных магнитной съемки В.Г. Збенович полагал, что площадь поселения составляла 1,1 га (100×110 м²). В.Г. Збенович сообщает, что планировка поселения Бернашевка в виде круга из шести жилищ и одного жилища в центре «просматривается весьма четко» на «аэрофотоснимке местности, дешифрованном К.В. Шишкиным» (Збенович 1980, 11-12). Поскольку «*условия раскопок не позволяли вскрыть всю площадь поселения*», В.Г. Збенович «*закладывал раскопы на месте аномальных пятен*». Причем исследователь отмечает, что во время раскопок выяснилось, что в ряде случаев залегание обмазки не соответствовало контурам аномалий, иногда выходя за их пределы. По мнению В.Г. Збеновича, это явление вызвано «значительным рассеиванием обломков обожженной глины, переотложенных и растащенных плугом» (Збенович 1980, 12). Необходимо отметить, что план геомагнитной съемки Бернашевки так и не был опубликован, а детальное сопоставление выявленных аномалий и реально раскопанных объектов не было произведено. Следует отметить, что обычно магнитная съемка трипольских поселений в те годы проводилась по сетке 4×4 м, а позднее – даже 3×3 м. И даже при такой сетке могли быть пропущены (как показали дальнейшие исследования) отдельные объекты и неверно определены контуры и/или количество обнаруженных.

В публикации В.Г. Збеновича нет никаких данных о характере культурного слоя за пределами раскопов, заложенных на месте аномалий. Д.К. Черновол исследовал площадь поселения в 2000 м² полностью и установил, что на разных участках насыщенность культурного слоя между постройками различна. В центральной части выявлена наименьшая интенсивность заполнения культурного слоя. Раскопки Д.К. Черновола вполне убедительно показали ошибочность суждения о планировке поселения Бернашевка (Черновол 2016, 21), опирающегося, фактически, на неуточненные и не проверенные раскопками результаты геомагнитной съемки.

Методику раскопок 70-х годов, примененную в Бернашевке, нельзя назвать совершенной. Прежде всего, это касается фиксации обнаруженных объектов и находок. Культурный слой памятника чрезвычайно насыщен находками, поэтому при раскопной сетке 2×2 м и фиксации находок по «штыкам», т.е. в интервале 0,2 м, информация о точном расположении того или иного предмета утрачивается. Практика нанесения на один чертеж архитектурных остатков и находок, составляющих бытовой инвентарь, также приводит к утрате информации. На чертежах планов (выполненных для одного из нескольких горизонтов) раскопанных объектов отсутствуют нивелировочные отметки (Збенович 1980, рис. 5, 9, 13, 18, 27, 39, 48). Отсутствует фиксация отпечатков деревянных конструкций на глиняной обмазке, поэтому характер, количество и направление отпечатков неизвестно.

Общей характеристики почвенной и археологической стратиграфии для стратифицированного памятника в монографии не было приведено. Есть только характеристика для раскопа № 5. В тексте упоминается «пахотный слой», упоминается «почвенно-растительный слой (гумус)» (10), а на чертежах обозначен «гумус» (Збенович 1980, 10).

Из описания раскопок следует, что практически во всех раскопах В.Г. Збенович фиксирует наличие двух-трех стратиграфических горизонтов, а кроме остатков сожженных построек в виде скоплений обожженной глины в раскопах исследованы разной площади и интенсивности скопления культурных остатков. Однако описание находок в монографии (Збенович 1980, 10-55) приводится суммарно по раскопам, а не по выделенным им горизонтам. Таким образом, выяснить, какие находки связаны с конкретными жилищами разных горизонтов, а какие с окружающей площадью

на той или иной глубине, и как они располагались (при раскопках была использована сетка квадратов 2×2 м) практически невозможно.

Например, в раскопе № 3 В.Г. Збеновичем были прослежены следующие слои: культурный слой мощностью около 0,3 м, насыщенный находками в разной степени; строительные остатки в виде скоплений обожженной глиняной обмазки («площадка»), относящиеся к верхнему строительному горизонту; культурный слой с разнообразными находками, лежащий ниже уровня залегания строительных остатков верхнего горизонта; культурный слой нижнего строительного горизонта, включающий строительные остатки в виде скоплений обожженной глиняной обмазки («площадка»); культурный слой под строительными остатками нижнего горизонта. Очевидно, что выявленные в раскопе № 3 находки относятся к нескольким разным объектам, однако В.Г. Збенович приводит «описание вещественного материала суммарно для обоих жилищ» (Збенович 1980, 23-30). На самом деле как материалы из жилища № 3 описаны и фигурируют во всех подсчетах находки, полученные со всей площади раскопа № 3. Суммарный подсчет материалов из разных объектов и стратиграфических горизонтов в пределах одного раскопа и дальнейшие статистические подсчеты проведены для кремневой индустрии (Збенович 1980, 68, табл. 1), керамики (Збенович 1980, 105, табл. 2; 106, рис. 66), остеологических находок (Збенович 1980, 142, табл. 4). При таком подходе к фиксации и анализу находок неубедительным выглядит утверждение В.Г. Збеновича про «полное сходство инвентаря двух жилищ [верхнего и нижнего строительных горизонтов], проявляющееся в идентичности форм и орнаментальных сюжетов керамики всех технологических групп, в процентном соотношении этих групп, наборе орудий труда и предметов пластики» (Збенович 1980, 30).

Современное свидетельство не вполне совершенной методики раскопок 70-х годов в Бернашевке получено Д.К. Черноволом. Им была частично исследована яма № 2. Было установлено, что ее перерезала траншея, ориентированная север-юг, шириной 1 м. Однако в документации о раскопках В.Г. Збеновича никаких углубленных объектов, обнаруженных им в траншеях, не значится (Черновол 1980, 34). Несовершенные методы фиксации затрудняют как объективную интерпретацию выявленных объектов, так и возможные реконструкции.

Топография

Поселение Бернашевка I расположено на холме-останце, который на 3 м возвышается над первой надпойменной террасой, на которой он расположен на левом берегу р. Днестр в устье р. Жван (рис. 1), на высоте около 9 м над летним уровнем Днестра. Вершина холма овальная в плане, площадью около 1,5 га, вероятно, не затапливалась в результате паводков. Следы наводнений в виде прослоек ила зафиксированы В.Г. Збеновичем в разрезах только у подножья холма. Однако Д.К. Черновол ссылается на мнение Б.Т. Ридуша о возможности затопления поселения водами рек Днестр и Жван (Черновол 2016, 34). Вопрос о возможности затопления непосредственно площади поселения Бернашевка пока окончательно не выяснен. Проблема наводнений на памятнике имеет принципиальное значение, так как, по мнению Д.К. Черновола, «во время затопления определенные сооружения прекращали свое существование, они подвергались ритуальному сожжению, а на их месте возникали другие объекты. Этим можно объяснить мощность культурного слоя между жилищами, который образовался в результате смывов, и заиливание материала еще в процессе существования поселения. Кроме того, объяснить состояние площадок, которые не только слабо обожжены, но и размывались уже после исчезновения поселения». Однако вероятность затопления верхней части холма пока не подтверждена данными раскопок. Для Триполья известны и другие стратифицированные поселения, где зафиксировано возобновление поселков на месте сожженных построек, например, Поливанов Яр. И эти поселения расположены в топографических условиях, исключающих их затопление. То есть затопление поселения не являлось причиной сожжения домов и сооружения нового поселка. Затопление не могло быть причиной накопления значительного количества культурных остатков, а только создавало возможность их перемещения и, возможно, концентрации в определенных местах.

Разрушение археологических объектов в результате паводков уже в более позднее время вполне вероятно. Косвенным подтверждением такой возможности может быть фиксация В.Г. Збеновичем в Бернашевке материалов кириленской группы Триполья С II. Стратиграфически они не выделяются, их находки приурочены к самой высокой части холма. Объекты этого этапа не обнаружены (Збенович, 1980, 128-129). Важно отметить, что по данным В.Г. Збеновича фрагменты керамики позднего Триполья найдены непосредственно на глиняной обмазке от конструкций построек этапа Триполья А II 1 в жилище № 2. Здесь найдено также 2 кремневых топора. Вместе с находками верхнего горизонта раннетрипольского жилища № 3 обнаружены фрагменты керамики, два миниатюрных расписных сосуда, деформированных от повторного обжига, 20 кремневых изделий, среди которых большие пластины и 2 наконечника стрел. Такое расположение артефактов разных этапов Триполья свидетельствует о переотложении культурных остатков и нарушениях культурного слоя (Збенович 1980, 21).

Планировка поселения

Представления о планировке Бернашевки обновлены, хотя предположения Д.К. Черновола о планировке и общем количестве жилищ нуждаются в дальнейшем уточнении (Черновол 2016, 20); объективных данных, позволяющих окончательно представить застройку поселения, на данный момент недостаточно. В решении данного вопроса о застройке поселения опираться на результаты геомагнитной съемки 70-х гг. было бы не корректно, поскольку они могут быть подвергнуты сомнению на основании раскопок как В.Г. Збеновича, так и Д.К. Черновола. Анализ планов поселений, полученных в результате геомагнитной съемки магнитометром М-27 по сетке квадратов 4×4 м на площади в сотни гектар, например для Майданецкого, показал, что эти планы могут рассматриваться как близкие к реальности только в общих чертах.

Именно исследования Д.К. Черновола дают представление о планировке большей части поселения Бернашевка (Черновол 2016). Необходимо подчеркнуть, что речь идет о планировке поселения верхнего строительного горизонта. Точных данных о том, что постройки, выявленные В.Г. Збеновичем и Д.К. Черноволом существовали одновременно, пока не приведено, однако с большой долей вероятности можно предположить, что семь жилищ верхнего строительного горизонта из раскопов №№ 1-6 и жилища №№ 8-17, раскопанные Д.К. Черноволом, относились к одному, а именно верхнему, строительному горизонту. Глинобитные постройки поселения верхнего строительного горизонта были расположены вдоль берега Днестра на вершине и пологом склоне невысокого холма. Дома расположены группами, четкая структура застройки в виде рядов или кругов построек не прослежена (рис. 2/3-4).

Аналогичная планировка характерна для таких поселений Прекуктень-Триполье А как Тырпешть (Marinescu-Bîlcu 1981, fig. 11), Александровка (Бурдо 1989, 6, 1), а также для многих памятников Кукутень, например Тырпешть, Трушешть-Цугуиета, Хэбэшешть-Холм (Lazarovici, Lazarovici, Ţurcanu 2009, 29, fig. 4; 30, fig. 6; 119, fig. 1).

Остатки построек

Приведем и рассмотрим основные данные относительно остатков построек, исследованных в Бернашевке В.Г. Збеновичем.

В *раскопе № 1* (Збенович 1980, 14-18) исследованы строительные остатки жилища № 1. Это единственная постройка на поселении, расположенная на довольно крутом склоне. Перепад высот современной дневной поверхности в направлении с востока на запад достигает 0,3 м на 10 м, а с юга на север – 0,2 м на 4 м. Остатки жилища № 1 обнаружены «непосредственно под пахотным слоем на глубине 0,3 м от поверхности (1,0-1,1 м от репера)». Они представлены «в виде отдельных скоплений кусков обожженной глины, составляющих массив с рваными краями». Наибольшая длина скопления обожженной глины – 11 м, ширина – 2 м. Обожженная глина с примесью половы, цветовая гамма светлых тонов, соответствующих слабому обжигу – «светло-желтый, белесоватый, коричневый». Комья обмазки преимущественно аморфные. На нижней стороне кусков обмазки «иногда встречаются отпечатки лозы и ветвей деревьев». Толщина обмазки деревянных конструкций на большинстве участков составля-

ет 0,05-0,06 м. В центральной части выявлен участок, состоящий из «плитчатого пола», куски обмазки толщиной 0,1-0,12 м с ровной верхней поверхностью расслаиваются по горизонтали. Плитчатые обломки известняка найдены вдоль краев скопления обмазки и «непосредственно среди» кусков обожженной глины.

Непосредственно среди обмазки «находок немного», развалы трех сосудов зафиксированы за пределами скопления обожженной глины. Находки (скопления костей и рогов, камни, два больших рога тура, найденные рядом с камнями в 1 м друг от друга, фрагменты керамики, роговой топор) чаще встречаются вдоль краев скопления обожженной глины, на одном с ним уровне и чуть ниже. Восточная часть скопления обожженной глины насыщена находками больше, чем западная. Непосредственно под слоем обмазки зафиксирован слой «закопченного грунта мощностью 0,15 м», в нем «значительное количество находок». Одиночные находки встречаются до глубины 0,4-0,5 м. Находки из раскопа № 1: более 200 орудий труда; 832 фрагмента от 186 сосудов; 2 фрагмента антропоморфных статуэток.

В *раскопе № 2* (Збенович 1980, 18-23) выявлены скопления обмазки, которые можно интерпретировать как остатки двух построек. Слой обмазки обнаружен на глубине 0,45-0. Западное жилище № 2a отделяется от восточного № 2b полосой шириной около 1,5 м, в которой редко встречаются комья обожженной глины, преобладают находки известняка.

Залегание обожженной глины жилища № 2a длиной 9 м, шириной 6 м; № 2b – 14 м и 8 м. Обе постройки в плане прямоугольные, с неровными рваными краями, ориентированы приблизительно по линии север-юг (Збенович 1980, 19, рис. 9). Залегание обожженной глины в обоих случаях состоит из отдельных аморфных в плане скоплений обмазки с рваными краями. В обмазке растительная примесь, «на отдельных плитчатых обломках снизу видны отпечатки лозы». Цвет обмазки варьирует от ярко-красного до серовато-желтого. В юго-западном углу жилища 2a обнаружен небольшой участок ошлакованной глины. Ровные в верхней части куски обмазки часто расслаиваются, их толщина – 0,1-0,12 м. Преобладают аморфные комья обмазки небольшой толщины.

Вдоль северного края жилища № 2b за пределами скопления обожженной глины зафиксировано скопление костей животных, мелких и средних камней, раковин *Unio*, отщепы и орудия из кремня, немногочисленные фрагменты керамики. Мощность этого слоя составляет 0,15 м. Непосредственно на слое обмазки и между комьями обожженной глины в значительном количестве встречены фрагменты керамики (развалов нет), кости и рога животных, кремневые орудия и отщепы, фрагментированные антропоморфные статуэтки. У южного края жилища № 2b найден череп быка, рядом – поддон фруктовницы. Еще один череп быка обнаружен также в юго-восточном углу постройки под слоем обожженной глины. Материал беспорядочно разбросан в пределах площадки.

В раскопе № 2 «в верхней части культурного слоя, иногда прямо на площадке, изредка встречаются материалы позднетрипольского времени» (Збенович 1980, 21).

По всей площади раскопа № 2 под слоем обожженной глины выявлен культурный слой мощностью до 0,4 м, насыщенный находками костей животных, много находок камней, немного фрагментов керамики и орудий труда. Культурные остатки залегают во взвешенном состоянии, не составляя четких скоплений.

Находки из раскопа № 2: более 1000 предметов производственного инвентаря, 2626 фрагментов керамики от 661 сосуда, 20 фрагментов антропоморфной пластики, створки *Unio* с отверстиями, прямоугольная пластинка из *Unio*, плоская овальная каменная подвеска.

Раскоп № 3 (Збенович 1980, 23-33) площадью 150 м^2 расположен в центральной части поселения на вершине холма. Здесь зафиксировано стратиграфическое залегание культурных и строительных остатков, позволяющих говорить о наличии двух горизонтов.

Верхний горизонт начинается на первом штыке (0,25 м от репера) в виде культурного слоя мощностью около 0,3 м, прослежен по всей площади раскопа, но залегал неравномерно в виде скоплений культурных остатков, вклю-

чая многочисленные кости и рога животных, фрагменты керамики, кремневые, сланцевые изделия, предметы пластики, камни. Спорадически встречались комья обожженной глины. Наиболее насыщенные находками скопления зафиксированы в западной части раскопа на площади около 8 м². Здесь найдены многочисленные кости и рога животных, фрагменты керамики, отдельные целые маленькие сосудики, кремневые и сланцевые изделия, предметы пластики. В скоплении площадью около 16 м² в северо-восточной части присутствовало очень много отщепов, нуклеусов, орудий из кремня. В центральной части раскопа культурный слой насыщен значительно слабее.

Остатки сожженной постройки (жилища верхнего горизонта) в виде залегания обожженной глины площадью около 13 м² выявлены у восточного края раскопа на глубине 0,26-0,33 м от репера, то есть непосредственно на первом штыке. Толщина обмазки с примесью половы и дробленых створок раковин составляла 0,1 м, в нижней части кусков иногда были зафиксированы отпечатки лозы. Цвет обмазки красновато-кирпичный или желтый. На слое обмазки и среди комьев обожженной глины встречены фрагменты керамики, кости животных, кремневые изделия и камни. Рядом с описанным скоплением обмазки обнаружены остатки глиняного возвышения диаметром 1,1 м с покатыми краями, высотой около 0,05 м. На возвышении обнаружен рог тура и несколько камней. Грунт под возвышением сильно обожжен, содержит примесь угольков. Южная часть возвышения была перекрыта аморфными комьями обожженной глины. Это свидетельствует о том, что возвышение, вероятно, находилось в жилище.

Нижний горизонт в раскопе № 3 зафиксирован на глубине 0,6-0,8 м от репера. Большую часть раскопа занимает скопление обожженной глиняной обмазки. Залегания обмазки верхнего и нижнего горизонта лежат одно ниже другого на 0,3-0,5 м. В плане эти залегания не совпадают. Непосредственная стратиграфия остатков глинобитных площадок обоих горизонтов зафиксирована лишь на очень небольших участках. Остатки жилища нижнего горизонта представляли собой аморфное в плане скопление обожженной глины, образованное отдельными скоплениями обмазки. Толщина обмазки красного цвета колеблется от 0,06-0,08 м до 0,15-0,17 м, отмечены отпечатки лозы и «толстых веток деревьев». На небольшом участке зафиксирован обжиг обмазки до состояния шлака. Скопление обмазки не имело четких краев. Характер строительных остатков не позволяет установить ни форму, ни ориентацию постройки. Непосредственно на слое обмазки и между скоплениями обожженной глины обнаружено много камней.

В юго-западной части раскопа под комьями обожженной глины была зафиксирована яма диаметром и глубиной 0,5 м, в которой находились фрагменты большого сосуда – зерновика, часть кухонного горшка и фрагменты 9 кухонных сосудов. Все находки сильно пережжены.

В северо-восточном углу раскопа за пределами залегания обмазки зафиксировано скопление керамики в виде развалов 15 сосудов, в том числе фруктовниц, крышек, больших кухонных горшков. Вдоль северной и южной сторон раскопа в большом количестве встречались кости и рога животных. Выявлено несколько скоплений находок, в которые входили кости животных, створки раковин, отбойник; отбойник, роговой топорик, кости животных между большими плитчатыми кусками известняка.

Остатки жилища нижнего горизонта носят явственные следы пожара: это обгоревшие, оплавленные сосуды, перегоревшие кремневые и сланцевые орудия труда, следы нагара на глиняной обмазке. Грунт под залеганием обожженной глины (особенно в южной ее части) и кости животных, встреченные здесь, местами обожжены до черноты.

Под слоем обожженной глины от жилища нижнего горизонта обнаружен культурный слой мощностью около 0,3 м (преимущественно кости животных, камни, немного фрагментов керамики).

Находки из всех горизонтов раскопа № 3: кремневый инвентарь – более 1000 предметов, 5150 фрагментов керамики от 1381 сосудов, 14 фрагментов антропоморфных статуэток.

В раскопе № 3 найдено несколько кремневых изделий, фрагментов керамики и два расписных миниатюрных сосудика, относящихся к этапу Триполья С II. Находки этого периода встречались как в нижнем, так и в верхнем строительных горизонтах, но в основном в верхнем.

Площадь *раскопа № 4* (Збенович 1980, 33-41) – 150 м². Верхний горизонт представлен насыщенным культурным слоем мощностью 0,7 м. Находки концентрируются в виде скоплений на глубине второго и третьего штыков.

Остатки жилища представлены залеганием обожженной глины, аморфным в плане, с неровными краями, максимальной длины 7 м, максимальной шириной 3 м. Остатки постройки прослежены в южной части раскопа. Толщина кусков обмазки с обильной примесью половы составляет 0,7-0,9 м. Верхняя часть кусков обмазки заглажена, на нижней и боковой частях иногда встречаются отпечатки толстых ветвей и небольших плоских плашек. Цвет обмазки красный и желтовато-розоватый. Вдоль краев скопления обмазки зафиксированы находки камней. Находки обнаружены на слое обмазки и среди кусков обожженной глины. Это кремневые изделия и обломки кремня, фрагменты керамики, фрагменты крупного зерновика и кости животных.

Ниже уровня залегания обожженной глины зафиксирован культурный слой мощностью до 0,5 м. Под слоем обмазки на глубине 1,15-1,3 м от репера найдены костяной рыболовный крючок, проколка, развертка из клыка кабана, антропоморфная статуэтка, дно большого сосуда. В основном же культурный слой под обмазкой на глубине 1,0-1,5 м от репера насыщен костями и рогами диких животных, небольшими камнями, отдельными фрагментами керамики, редкими кремневыми изделиями. На глубине 1,4-1,6 м расчищено скопление, состоящее из целого черепа тура, лежащего кверху затылочной частью, челюсти и нескольких костей быка, рогов оленя и козы. Здесь же кремневый шаровидный отбойник и около 10 мелких фрагментов керамики.

В центральной части раскопа скопления из аморфных кусков обожженной обмазки встречаются лишь спорадически. Между такими скоплениями залегают уплощенные куски известняка, кости и рога животных, керамика. В целом культурные остатки здесь довольно разрежены, количество фрагментов керамики и костей приблизительно одинаково, кремень встречается реже.

В северной части раскопа лишь изредка встречаются отдельные комья рыхлой обмазки, теряющиеся среди сплошного залегания камней, костей, обломков кремня. Между камней (а также на них и под ними) в изобилии залегали кости животных – трубчатые, фаланги, челюсти, ребра; рога оленя и тура. Всего на уровне 0,8-1 м в раскопе № 4 обнаружено более 1700 крупных и средних костей животных (в основном диких), основное их количество приходится именно на северную часть раскопа. На краю скопления костей на глубине 1 м рядом с небольшими кусками обмазки найдены оленьи рога и целый череп тура (Збенович 1980, рис. 37). Кроме того, в северной части раскопа выявлена концентрация находок кремня на глубине 0,8-1 м. Скопления состояли из 70 и 90 обломков и орудий из кремня (обломки, отщепы, сколы, нуклеусы, отбойники, готовые орудия). В одном скоплении найдено 11 нуклеусов, в других скоплениях присутствовало по 12, 18, 9 нуклеусов.

Находки из раскопа № 4: 1150 кремневых изделий, 14 каменных орудий, 15 костяных и 3 роговых предмета, 1878 фрагментов керамики от 650 сосудов, 11 фрагментов антропоморфных статуэток, зооморфные ручки черпаков, орнитоморфная ручка крышки, много створок раковин *Unio* с отверстиями в базальной части.

В *раскопе № 5* (Збенович 1989, 41-48) выявлено два строительных горизонта. Верхний строительный горизонт представлен остатками жилища в виде залегание обожженной обмазки, которое обнаружено на уровне второго штыка. Скопление обмазки аморфное в плане, удлиненное по линии запад-восток, с неровными краями, максимальная длина 9 м, максимальная ширина 3,5 м. На большей площади раскопа сохранились лишь разрозненные небольшие куски рыхлой комковатой обмазки. Более или менее компактное залегание кусков обожженной глины обнаружено лишь в западной части раскопа. Зафиксиро-

ваны выровненные сверху куски обмазки размерами 0,15×0,18 м, толщиной 0,07-0,09 м. На нескольких из них сверху прослежены отпечатки узких (0,05-0,06 м) плашек. На нижней стороне кусков обмазки заметны отпечатки лозы или довольно толстых веток. Вдоль северного края раскопа залегали плитчатые обломки известняка. Среди кусков обмазки обнаружены фрагменты керамики, у северо-западного края скопления обмазки найден развал сосуда с костями животных, орудия труда из кремня, камня, кости и рога, кости и рога животных, створки раковин. У южного края на глубине 0,91 м от репера найден целый череп овцы. Рядом с восточным краем залегания обмазки на площади около 12 м² на глубине 0,65-0,75 м обнаружено мощное скопление культурных остатков, включая многочисленные плиты известняка. Среди камней обнаружены многочисленные кости и рога животных, ракушки, куски кремня, орудия, немного фрагментов керамики.

В северо-западной части раскопа на расстоянии 6 м от западного края скопления обожженной глины обнаружено небольшое по площади (около 1 м²) аморфное в плане скопление обожженной глины в сопровождении плиток известняка, отдельных фрагментов керамики, крупных костей животных, кусков кремня и около 10 круглых кремневых отбойников (Збенович 1989, 44).

На всей площади раскопа № 5 был зафиксирован культурный слой, залегающий ниже уровня остатков жилища верхнего строительного горизонта. Много находок обнаружено непосредственно под площадкой: роговая мотыга, сланцевый топорик и костяное шило, крышечка и фрагмент антропоморфной статуэтки. Также много фрагментов керамики, кремневых изделий и обломков кремня, костей животных. На некоторых костях хорошо заметны следы охры. Грунт под площадкой местами имеет примесь золы, а на культурных остатках – следы нагара.

Нижний строительный горизонт представлен остатками постройки в виде небольшого скопления плитчатых обломков обожженной глины на площади 2 м². Залегание состояло из разрозненных кусков рыхлой глины со значительной примесью половы, лишь на небольшом участке составлявших компактный массив. Остатки жилища нижнего горизонта обнаружены в восточной части раскопа в 3 м от восточного края залегания строительных остатков жилища верхнего горизонта, на глубине 1,05-1,18 м от репера, на 0,4-0,5 м ниже уровня залегания обмазки жилища верхнего горизонта. Среди обломков глины и рядом с ними найдены кости (кучка на глубине 1,18 от репера), раковины, несколько фрагментов керамики, обломки известняка, «мелкие камни и несколько кремней.

Находки из раскопа № 5: 583 кремневых изделия, 13 изделий из камня, 10 изделий из кости, 1617 фрагментов керамики от 617 сосудов, 3 фрагмента антропоморфной пластики.

В *раскопе № 6* (Збенович 1980, 48-55) сильно разрушенные остатки жилища обнаружены на втором штыке на глубине 0,35-0,4 м от репера. Максимальные размеры площади, на которой встречаются комья обмазки – 10×5 м. Зафиксированы отдельные скопления культурных остатков, более или менее компактное залегание обожженной обмазки отмечено лишь на площади около 4 м² (Збенович 1980, рис. 48). На остальных же участках раскопа найдены небольшие и далеко отстоящие одна от другой кучки комковатой рыхлой обмазки розового и белесоватого цвета, толщиной 0,05-0,06 м. Вдоль края залегания обмазки, на обмазке и между кусками обмазки залегали развалы сосудов, фрагменты керамики, орудия труда, многочисленные кости животных, мелкие камни. Вдоль западного края раскопа обнаружены плитчатые обломки известняка, также есть скопления известняка. Под слоем с обожженной глиной обнаружен культурный слой мощностью до 0,3 м, который состоит преимущественно из костей и рогов животных. В северо-западной части раскопа выявлено небольшое скопление раковин на глубине 0,89 м от репера.

Находки из раскопа № 6: 534 кремневых изделия, 19 изделий из камня, 5 изделий из кости и 3 из рога, 1762 фрагмента керамики от 539 сосудов, 10 фрагментов, антропоморфной пластики, фрагмент керамического стульчика-трона, 3 фрагмента зооморфных деталей керамики, 1 амулет с зубчатыми краями, изготовленный из створки раковины *Unio*.

Особенности остатков построек и культурного слоя Бернашевки

Остатки сожженных глинобитных построек являются основными объектами поселения Бернашевка. Строительные остатки в виде скоплений обожженной глины и В.Г. Збенович и Д.К. Черновол называют «площадками». Однако необходимо подчеркнуть, что характер остатков сожженных построек в Бернашевке отличается от типичных для Триполья, в том числе и раннего этапа (Бурдо 1989, 7-10), залеганий пластов обожженной глины, получивших условное название «площадка» или «platforma» в румынской историографии. Приведем основные отличия бернашевских строительных остатков.

В Бернашевке строительные остатки представляют собой преимущественно аморфные в плане пятна культурного слоя, фактически не имеющие четких границ и включающие отдельные скопления кусков обожженной глиняной обмазки в сопровождении многочисленных находок фрагментов керамики, кремневых артефактов, костей животных. Более или менее большие по площади аморфные скопления не формировали монолитного залегания обожженной глины, называемого «площадкой».

В большинстве случаев выявлено залегание обожженной обмазки отдельными пятнами, оно сопровождалась фрагментами керамики, артефактами из кремня, камня, фрагментами керамики, костями и рогами животных, иногда целыми их черепами, отдельными предметами пластики и другими культовыми предметами. Судя по скоплениям обмазки, жилища были различных размеров. Однако во многих случаях фрагментарность строительных остатков не позволяет с уверенностью установить форму и ориентацию постройки, не говоря уже о реконструкции ее деталей и интерьера.

Попытки Д.К. Черновола реконструировать строительные остатки на основании «площадок» других, преимущественно более поздних и принципиально отличных от Бернашевки поселений (Черновол 2016), выглядит неубедительно и искажает реальную картину. Строительные остатки, зафиксированные на чертежах В.Г. Збеновича, не позволяют согласиться с выводом Д.К. Черновола, что «форма остатков обнаруженных сооружений главным образом близка прямоугольной», тем более что он сам констатирует, что *из-за слабой сохранности объектов трудно проследить их размеры* (Черновол 2016, 22).

Предположения и выводы Д.К. Черновола о конструкции и интерьере жилищ из Бернашевки построены на очень невыразительных материалах сожженных построек, от которых не сохранилось почти ничего, кроме комьев обожженной глины. Привлечение аналогий малопонятным конструктивным деталям бернашевских объектов из раскопок памятников более поздних периодов Триполья (вплоть до этапа CI) не всегда корректно. Отметим также, что опубликованные «фрагменты орнаментированных стен», найденные на площадке № 15 (Черновол 2016, 27-28, рис. 11), на самом деле являются фрагментами толстостенных сосудов-зерновиков с налепным декором.

Строительные остатки из Бернашевки представлены преимущественно небольшими кусками глиняной обмазки с примесью половы (в единичных случаях зафиксированы добавки раздробленных створок раковин) толщиной 0,05-0,12 м. Комья обмазки аморфные, часть из них имеет заглаженную ровную поверхность, иногда с отпечатками лозы, прутьев. Обжиг глиняной обмазки неравномерный, цветовая гамма соответствует преимущественно невысокой температуре обжига. Цвет обмазки варьирует от желтого и коричневого до темно-красного. Для одного жилища отмечен небольшой участок глины, обожженной до состояния шлака.

Залегания обожженной глины от построек в Бернашевке сопровождает культурный слой, состоящий из сотен фрагментарных сосудов, костей, рогов и отдельных черепов животных. В.Г. Збенович отмечает редкие случаи нахождения развалов сосудов, но даже в этих случаях это не полные сосуды, а лишь их крупные части. Классические площадки, как правило, содержат преимущественно развалы сосудов, причем иногда они исчисляются десятками (Бурдо 2003b). Фрагментарная керамика обычно встречается гораздо реже, чем развалы. Характер находок из остатков построек в Бернашевке больше напоминает заполнение трипольских углублений и ям.

Таким образом, остатки глинобитных построек из Бернашевки отличаются как конструктивными особенностями строительных остатков, так и инвентарем жилищ.

Объяснение необычного характера строительных остатков Бернашевки отчасти объясняется плохой сохранностью памятника и последующими разрушениями объектов. Однако исключительно эти факторы не могли привести к образованию культурного слоя поселения. Остатки построек из Бернашевки дают слишком мало данных для их реконструкции. Вероятно, при сооружении домов использовалось дерево для опорных конструкций и перекрытий и глина для обмазки конструкций. Обмазка с отпечатками «лозы» и прутьев («веток деревьев») может происходить от плетневых стен, обмазанных глиной.

На обмазке деревянных перекрытий глинобитных построек Триполья А как правило четко зафиксированы отпечатки бревен и горбылей, а для более поздних периодов распространены отпечатки колотого дерева. Вероятно, при строительстве домов в Бернашевке глины использовалось значительно меньше, чем при сооружении домов, от которых остаются строительные остатки в виде «площадки». Об этом свидетельствует как толщина кусков обмазки, так и меньший массив обожженной глиняной обмазки. Обжиг глиняной обмазки четко указывает на сожжение жилищ, однако температуры пожара обмазки из Бернашевки не достигали 1000°, как это наблюдается на большинстве исследованных трипольских поселениях (Бурдо 2003b).

Характер находок среди строительных остатков Бернашевки свидетельствует о том, что здесь инвентарь не расставляли определенным образом перед сожжением дома, как во многих раскопанных жилищах (Бурдо 2003b). Именно это второе важное отличие бернашевских построек. В связи с этим можно предположить, что, во-первых, в Бернашевке строили дома несколько отличной от последующих периодов Триполья конструкции, а во-вторых, ритуал оставления поселения отличался некоторыми деталями. По мнению Д.К. Черновола, «площадки классического вида появляются только в конце раннего Триполья. Вероятно, в процессе развития культ сожжения построек обрастал определенными традициями, в частности расстановкой посуды в доме по определенным правилам» (Черновол 2016, 22). В действительности «классические площадки» зафиксированы уже для памятников начала фазы Прекукутень III-Триполье А.

Глиняные возвышения-«вымостки» в Бернашевке единичны. Одна вымостка обнаружена в жилище № 3 верхнего строительного горизонта. Глиняное возвышение с покатыми краями растрескалось на отдельные куски. Его диаметр 1,1 м, высота около 0,05 м. На возвышении обнаружен рог тура и несколько камней. Грунт под возвышением сильно обожжен, содержит примесь угольков. Южная часть возвышения была перекрыта аморфными комьями обожженной глины. Это свидетельствует о том, что возвышение, вероятно, находилось в жилище. По мнению В.Г. Збеновича, это возвышение было подом печи (Збенович 1980, 26), однако никаких деталей свода не обнаружено. Кроме того крепление свода к покатым краям возвышения вряд ли возможно.

Глиняные возвышения размерами около 1,5×1,5 м за пределами домов обнаружены Д.К. Черноволом вблизи остатков жилищ №№ 11 и 17. По мнению исследователя, они были «открытыми очагами» и «обустраивались для хозяйственно-бытовых потребностей – например, приготовления пищи в летнее время, чтобы лишний раз не поднимать температуру в жилом помещении». На поверхности такого возвышения вблизи «площадки» № 17 было обнаружено чашевидное углубление диаметром 0,3 м, глубиной 0,2 м. По мнению исследователя, оно могло служить для «установки горшка» (Черновол 2016, 32-33). Вымостка с чашевидным углублением в центре находит близкие аналогии в глиняной конструкции очага из жилища № 1 поселения Кукутень В Кукутень-Дымбул Морий (Lazarovici, Lazarovici, Ţurcanu 2009, fig. 2).

Вокруг возвышения в радиусе 2 м были найдены многочисленные фрагменты «кухонной керамики», что косвенно подтверждает назначение вымостки как открытого очага для приготовления пищи, по крайней мере в летнее время». По сообщению Д.К. Черно-

вола, между «площадкой» № 17 и вымосткой найдены пережженные гальки, которые, «вероятно, накалялись на вымостке, а затем ими нагревали воду или подогревали пищу» (Черновол 2016, 33, рис. 12).

Интерпретация таких объектов, предложенная Д.К. Черноволом, выглядит неубедительно. Зачем нагревать пищу накаленными на очаге гальками, если можно было делать это на очаге? Есть ли доказательства того, что сосуды, условно называемые «кухонными», служили именно для приготовления пищи? И почему фрагменты этих сосудов (а не разбитые сосуды) рассеяны в радиусе 2 м вокруг очага? И, наконец, стремление «не поднимать температуру в помещении в летнее время» должно было привести к сооружению глиняных возвышений-очагов рядом со всеми жилищами, однако, несмотря на широко раскопанные площади вокруг построек на поселении, такие объекты единичны.

Углубленных объектов в Бернашевке найдено немного. Их можно разделить на ямы (углубления диаметром до 2,5 м), обнаруженные в домах или на площади поселения, и углубления (диаметр превышает 2,5 м).

В юго-западной части раскопа № 3 в нижнем строительном горизонте под комьями обожженной глины была зафиксирована яма диаметром и глубиной 0,5 м в которой находились пережженные фрагменты большого сосуда-зерновика, часть кухонного горшка и фрагменты 9 кухонных сосудов. Все находки сильно пережжены (Збенович 1980, 27). Д.К. Черновол обнаружил аналогичные ямы в жилищах № 8 и 10, они находились под слоем обожженной обмазки. Их диаметр – 1 м, глубина не превышала 0,5 м.

Яму и два углубления за пределами построек исследовал Д.К. Черновол. Яма № 3 обнаружена рядом с торцевой частью жилища № 17, ее диаметр 1,5 м, глубина всего 0,2 м. На дне ямы обнаружены плоские камни известняка, на которых выявлено скоплении костей и рогов крупного рогатого скота (Черновол 2016, 34). Углубления были разрушены и исследованы частично. Углубление № 1 зафиксировано на склоне, оно было диаметром не менее 8 м, раскопанная площадь составила 30 м², предполагаемая площадь до 60 м². Заполнение углубления от самого верха чрезвычайно насыщено находками, в том числе фрагментами керамики, костями животных, изделиями из кремня, камня, кости. Кроме того, в яме обнаружены угольки, фрагменты антропоморфной пластики, обугленные зерна злаков, кости рыб и птиц, мелкие изделия из меди. На глубине 0,5 м от поверхности обнаружено залегание обожженной глиняной обмазки, которое повторяло профиль ямы, понижаясь до глубины 0,7 м (Черновол и др. 2010, 464).

По мнению Д.К. Черновола, слой обожженной глины в заполнении углубления свидетельствует о том, что яма находилось в жилище, сожженные конструкции которого упали в углубление, которое «в процессе дальнейшего существования поселения обустроили под утилизацию хозяйственных отходов. … можно предположить, что яма вначале была котлованом для выборки глины» (Черновол 2016, 34). Однако представляется, что углубление такого размера не могло находиться «под площадкой», то есть в жилище. Такому предположению противоречит и первоначальное назначение ямы («глинянки») для добычи глины. Более вероятно, что на втором этапе существования углубление использовалось для захоронения сожженного жилища нижнего строительного горизонта (слой обмазки), а затем для сбрасывания «священного мусора» – то есть остатков жертвоприношений. Ямы с похороненными остатками жилищ зафиксированы на многих поселениях Триполья (Бурдо, Видейко 2016, 176-178).

Углубление № 2 было в диаметре не менее 5 м, стенки пологие, заполнение насыщено фрагментами керамики, костями животных и «хозяйственными отходами». На краю и на дне углубления обнаружены скопления обожженных створок раковин *Unio*. Слой раковин и заполнение с многочисленными находками разделены прослойкой стерильного грунта толщиной 0,1 м. По мнению Д.К. Черновола, это углубление также первоначально использовалось для добычи глины, затем в этом месте были некие «рабочие места», связанные с получением извести из раковин, а впоследствии в яму сбрасывали мусор (Черновол 2016, 34). Отметим, что Д.К. Черновол зафиксировал единственный для Бернашевки случай большого скопления раковин *Unio*.

На других раннетрипольских поселениях, расположенных на первой надпойменной террасе Днестра, таких как Берново-Лука, Лука-Врублевецкая (Бибиков 1953, 25, рис. 9, рис. 14-17; 55, рис. 29; 65, рис. 65), слои из раковин в углублениях встречаются достаточно часто. Возможно, что стерильная прослойка в углублении № 2 появилась в результате затопления нижней части холма, на котором расположена Бернашевка, разливом Днестра.

Культурный слой на поселении Бернашевка во всех прослеженных горизонтах, как в пределах залегания обмазки, так и вокруг, чрезвычайно насыщен находками. Наиболее многочисленны кости и рога животных, фрагменты керамики, кремневые артефакты, необработанные камни известняка разных форм и размеров. Аналогичный культурный слой, без фиксации каких либо объектов, для поселений Прекукутень II -Триполье А Флорешть I (Пассек 1961, 199), Флорешть III (Bodean 2001, 47), Ларга-Жижия (Александреску 1961, 21). В ряде случаев наряду со скоплениями находок прослежены угольки, золистые пятна, пережженный грунт и обожженные находки.

По данным Д.К. Черновола, мощность культурного слоя на свободной от застройки площади поселения составляет 0,2 м. По его наблюдениям наибольшее количество находок происходит из культурного слоя вокруг жилищ, в то время как на незастроенной площади находки немногочисленны. По данным В.Г. Збеновича, мощность культурного слоя на разных участках холма, который занимало поселение, колеблется от 0,3 до 0,5 м (Збенович 1980, 56). Отметим, что столь интенсивно насыщенный и достаточно мощный (до 0,5 м) культурный слой вне построек является особенностью, не типичной для большинства трипольских памятников.

В свое время были предложены различные версии интерпретации культурного слоя за пределами остатков построек. Так, по мнению В.Г. Збеновича, культурный слой за пределами жилищ может быть связан «с бытовыми отходами, выброшенными за пределами жилья» (Збенович 1980, 20-21). Наиболее насыщенные находками скопления в раскопе № 3 на площади около 8 м², включали многочисленные кости и рога животных, фрагменты керамики, отдельные целые маленькие сосудики, кремневые и сланцевые изделия, предметы пластики. Они интерпретированы В.Г. Збеновичем как «кухонные отбросы» (Збенович 1980, 27). Находки большого количества костей и рогов животных вдоль северной и южной сторон раскопа № 3, а также скопления, включающие кости, раковины, отбойник; отбойник, роговой топорик, кости животных между большими плитчатыми кусками известняка исследователь интерпретирует как «участки, связанные с какими-то хозяйственными занятиями (разделкой мяса, обработкой сырья и т.д.)», находившиеся у края жилища (Збенович 1980, 30). В скоплении на глубине 0,8-1 м в раскопе № 4 обнаружено более 1700 костей животных. На краю скопления костей на глубине 1 м рядом с небольшими кусками обмазки найдены оленьи рога и целый череп тура. Этот участок, по мнению В.Г. Збеновича, представлял собой «скорее всего место для разделывания туш животных» (Збенович 1980, 37; 44, рис. 37). Необходимо упомянуть и другую интерпретацию черепов быка и тура в культурном слое, предложенную В.Г. Збеновичем. Он отмечал, что эти находки «указывают на важную культовую роль» быка в мировоззрении трипольцев (Збенович 1989, 166).

На некоторых участках культурного слоя в скоплениях много находок кремня. Например, в скоплении площадью около 16 м² в северо-восточной части раскопа № 3 присутствовало очень много отщепов, нуклеусов, орудий из кремня. Этот участок рассматривается как «рабочая площадка или мастерская» (Збенович 1980, 27). В раскопе № 4 выявлена концентрация находок кремня на глубине 0,8-1 м. По мнению В.Г. Збеновича, «место с повышенной концентрацией кремня [площадь приблизительно до 6 м²] можно рассматривать в качестве специального участка для его обработки, возможно – мастерской. Поскольку кремень располагался преимущественно между и под костями, можно предположить, что со временем мастерская перестала существовать и была перекрыта отходами обработки туш животных». Разный характер находок в скоплениях в культурном слое раскопа № 4 позволяет В.Г. Збеновичу утверждать, что здесь, «кроме жилища 4, открыта

примыкающая к нему легкая постройка типа сарая, а также находящиеся рядом участки с направленной хозяйственной деятельностью (очевидно, расположенные под открытым небом, и, возможно, вымощенные камнем) – кремневая мастерская и площадка для обработки туш убитых на охоте животных» (Збенович 1980, 38).

В нескольких случаях среди скоплений материала в культурном слое присутствуют куски обожженной глины. Например, в раскопе № 4 скопления из аморфных кусков обожженной обмазки лишь встречаются спорадически. Между такими скоплениями залегают уплощенные куски известняка, кости и рога животных, керамика (Збенович 1980, рис. 33). В целом культурные остатки здесь довольно разрежены, количество фрагментов керамики и костей приблизительно одинаково, кремень встречается реже. По мнению В.Г. Збеновича, это «следы от небольшого легкого помещения типа сарая, непосредственно примыкавшего к жилью» (Збенович 1980, 36). Скопление керамики в виде развалов 15 сосудов, в том числе фруктовниц, крышек, больших кухонных горшков, выявленное в раскопе № 3 за пределами залегания обмазки, позволяет В.Г. Збеновичу высказать предположение, что «возможно, здесь находилась кладовая или легкая пристройка, где хранились сосуды с припасами» (Збенович 1980, 30). В раскопе № 6 на расстоянии 6 м от скопления обожженной глины обнаружено аморфное в плане (площадь около 1 м^2) скопление обожженной глины в сопровождении плиток известняка, отдельных фрагментов керамики, крупных костей животных, кусков кремня и около 10 круглых кремневых отбойников. По мнению В.Г. Збеновича, здесь было «помещение типа сарая хозяйственного либо производственного назначения» (Збенович 1980, 44-45).

Аналогичных взглядов придерживается и Д.К. Черновол. Скопление плоских больших камней и костей животных возле остатков жилищ № 11 и № 15 трактуется как «место для свежевания и разделки туш животных». Насыщенность находками культурного слоя поселения за пределами построек Д.К. Черновол объясняет тем, что «хозяйственные отходы выбрасывались за пределы жилищ» (Черновол 2016, 33). Отметим, что убедительные данные о находках конструктивных деталей «мастерских», «амбаров», «сараев» отсутствуют.

Приведенные примеры показывают, что почти все версии интерпретации скоплений находок в культурном слое за пределами объектов связаны с хозяйственно-бытовой сферой жизни поселения.

Стратиграфия поселения

Стратиграфические горизонты в культурном слое Бернашевки зафиксированы В.Г. Збеновичем и подтверждены раскопками Д.К. Черновола (Черновол 2016). В.Г. Збенович пришел к выводу о том, что «полная идентичность керамики и орудий труда, происходящих из разных уровней культурного слоя, свидетельствует о том, что последний сформировался на протяжении короткого отрезка времени; на это же указывает небольшая мощность прослойки между двумя строительными горизонтами в жилище № 3 (всего 0,3 м). Это поселение нельзя отнести к категории долговременных; прожив здесь, очевидно, несколько десятилетий, жители покинули его» (Збенович 1980, 59).

Четко установлены два строительных горизонта для поселения, однако интерпретация данных раскопок В.Г. Збеновича позволяет говорить о более сложной стратиграфии и выделении не менее пяти слоев/горизонтов, связанных с функционированием поселения (рис. 2/2).

На поселении Бернашевка анализ стратиграфических данных раскопок В.Г. Збеновича (Збенович 1980) позволяет выделить пять горизонтов, зафиксированных в раскопе № 3. Первый (нижний) горизонт [*a*] представлен насыщенным культурным слоем мощностью до 0,3 без строительных остатков. Следующий горизонт [*b*] представлен насыщенным культурным слоем и остатками сожженных построек №№ 3/1 и 5/1. Следующий горизонт [*c*], разделявший горизонты [*b*] и [*d*], в которых зафиксированы остатки жилищ, содержал только многочисленные находки. К верхнему строительному горизонту [*d*], вероятно, относятся остатки 17 жилищ (№№ 1, 2a, 2b, 3/1, 4, 5/1, 6 и №№ 8-17), выявленных в Бернашевке В.Г. Збеновичем и Д.К. Черново-

лом (рис. 2/1, 3-4). Горизонт [*e*] зафиксирован на ограниченной площади в виде искусственного всхолмления над остатками жилища № 3/2 (верхнего строительного горизонта) в центре поселения, хорошо заметном на профиле. Вероятно, горизонты [*b*] и [*d*], содержащие остатки сожженных построек, можно рассматривать как два строительных периода на поселении. Горизонты [*a*], [*c*] и [*e*], которые представлены исключительно насыщенным культурным слоем, предположительно являются периодами посещения места поселения с сожженными домами для проведения ритуалов.

Находки

Количество находок в Бернашевке из раскопок В.Г. Збеновича исчисляется тысячами: 13865 фрагментов керамики, 5077 кремневых артефактов, 12 656 фрагментов костей животных. Сопоставление данных о распределении находок в разных раскопах показывает, что, хотя есть тенденция увеличения находок для жилищ большей площади, все же количество находок не зависит напрямую от площади постройки. Так, в самом большом по площади раскопе № 2 (две постройки) найдено наибольшее количество изделий из кремня и антропоморфных статуэток. В то же время наибольшее число керамики происходит из раскопа № 3 (два строительных горизонта), занимающего по показателю площади второе место, а наибольшее количество костей животных – из гораздо меньшего по площади раскопа № 4. В целом не только количество находок в Бернашевке, но и их состав, и фрагментарность керамики соответствует, скорее, заполнению ям и углублений, а не инвентарю жилищ многих трипольских поселений.

Особенно поражает обилие костей животных. Остеологическая коллекция из Бернашевки (только раскопок В.Г. Збеновича) самая крупная среди трипольских памятников (Видейко, Бурдо 2004, 74). Жителями семи жилищ верхнего строительного горизонта и нижнего строительного горизонта, согласно нашим подсчетам, было съедено не менее 294,7 т мяса. Если предположить, что в поселке каждого горизонта жило по 50 человек, то на каждого человека в год приходилось по около 60 кг мяса. Такое потребление мяса не характерно для земледельческих обществ, в которых мясо было преимущественно ритуальной пищей, чаще всего во время обрядов жертвоприношений. Ярким свидетельством таких обрядов являются относительно многочисленные находки рогов и в особенности черепов быков, туров, овцы, зафиксированные в Бернашевке и известные на других памятниках Триполья (Бурдо 2004, 358-359).

Вероятно, с обрядами жертвоприношения связано также и значительное фрагментирование керамики. Минимальное число сосудов из шести раскопов составляет, согласно подсчетам автора раскопок, 4038, т.е. в среднем каждый сосуд представлен всего тремя фрагментами (Збенович 1980, 105). Даже если принять эту цифру, то соответственно на каждого из 50 гипотетических жителей жилищ каждого строительного горизонта приходится более 40 сосудов. По нашему мнению, эти подсчеты, как и фрагментарность керамики, подтверждают использование бытовых сосудов в ритуалах.

Антропоморфная пластика из Бернашевки представлена преимущественно фрагментами, лишь одна статуэтка целая (Бурдо 2012, 24). Фрагменты статуэток чаще всего встречаются вместе с другими находками как среди остатков жилищ, так и в культурном слое вне построек. Такой контекст явно культовых предметов придает ритуальный смысл сопровождающих их находкам.

Возможно, каменные выкладки и скопления камней, в особенности те, которые сопровождаются находками костей животных, также связаны с выделением ритуально значимых мест на поселении.

Ритуальными действиями, по нашему мнению, следует объяснять не только сожжение жилищ, но и наличие следов огня, зафиксированного в виде находок угольков, золистых скоплений, прокаленного грунта.

Ритуал захоронения в ямах остатков сожженных построек, а также использование ям для складирования «священного мусора», зафиксирован раскопками Д.К. Черновола ямы № 1 (Черновол и др. 2010, 464).

Новая интерпретация культурного слоя и объектов Бернашевки

Представляется, что интерпретация изложенных выше данных о культурном слое и объектах Бернашевки возможна только на основании комплексного подхода к археологическому материалу. Традиционно при реконструкции древних поселений доминируют рациональные объяснения находкам, предполагающие примат экономических, хозяйственных, бытовых сфер в архаических обществах. В действительности в архаических и традиционных обществах иррациональное играет не меньшую, а едва ли не большую роль, чем прагматизм, а сакральное тесно переплетено с профанным. Установлено, что в таких обществах ритуализованы буквально все сферы быта, хозяйства, производство, социальные отношения. Следовательно, от ритуальной деятельности жителей поселения должно остаться очень много следов.

Именно вследствие ритуальной деятельности жителей Бернашевки сформировался культурный слой памятника. Этот культурный слой напоминает такие археологические объекты, как зольники, широко распространенные в культурах бронзового, раннего железного века, в античности, у ранних славян. Интерпретация зольников вызывает споры среди исследователей. Б.А. Рыбаков задался вопросом: «что же представляют собой зольники – жилые бугры или священную помойку?», то есть зольники это бытовые памятники или культовые? Анализ обширного археологического материала и сопоставление с этнографическими данными приводит исследователя к выводу, что зольникам присущи и бытовые, и ярко выраженные ритуальные черты (Рыбаков 1981, 305-318). Именно эта двойственность присуща культурному слою Бернашевки.

К.В. Зиньковский более 30 лет тому назад уже выдвинул идею о «двойной сущности трипольских памятников», когда дома на поселении были и местом обитания людей, и местом упокоения их предков. По мнению исследователя, жилища на поселении в определенный момент превращались в культовый памятник в результате ритуального сожжения домов (Зиньковский 1983, 20-21). Эта идея позволила обосновать новую концепцию домостроительства трипольской культуры (Бурдо 2012b).

Двойная сущность присуща и поселению в целом. То есть в Бернашевке мы фиксируем остатки построек, погибших в ритуальном пожаре, остатки сгоревших домов, захороненных в ямах, а также и следы длительной многоплановой ритуальной активности, сопровождавшейся жертвоприношениями и огненными ритуалами. Можно также предположить, что жители Бернашевки совершали определенные ритуальные манипуляции с остатками сожженных построек и найденными между ними артефактами, связанные с обрядом жертвоприношения.

В Бернашевке зафиксировано два периода в жизни поселения. Вероятно, перерыв между существованием этих поселений не был длительным. Можно предположить, что цикл ритуального сожжения соответствовал жизни двух – трех поколений (40-60 лет). Подтверждение этому – однообразие керамического комплекса поселений разных горизонтов. Для верхнего строительного горизонта зафиксированы остатки 17 жилищ, а для нижнего на том же участке только 2. Можно предположить, что строители жилищ поселка верхнего строительного горизонта (Бернашевка I/2) перед возведением своих домов расчистили территорию будущего поселения от руин сожженных домов поселка нижнего горизонта (Бернашевка I/1). Вероятно, частично остатки сожженных построек были захоронены в ямах, о чем свидетельствуют находки обожженной обмазки от жилищ в яме № 8, исследованной Д.К. Черноволом (Черновол и др. 2009).

Можно предположить также, что выбор места для строительства нового поселка Бернашевка I/2 на месте сожженного поселения Бернашевка I/1 был обусловлен тем, что жители обоих поселков принадлежали к одному родовому коллективу и предпочитали строить дома на том самом месте, где селились их предки. Такой обычай в какой-то мере схож с традицией, приводившей в неолите и энеолите в Анатолии и на Балканах к образованию многослойных поселений-теллей. Жители теллей многократно возводили новый поселок на руинах глинобитных домов предыдущего поселка, иногда также предварительно

сожженных (например, в телле культуры Гумельница Пиетреле (Hansen et al. 2009).

В отличие от них, трипольцы практиковали обряд оставления поселка, предусматривающий сожжение домов, а при возведении на месте старого поселения новых домов строительные остатки, оставшиеся после сожжения, хоронили в ямах и/или, вероятно, складировали на определенных участках на площади поселения. Жизнь обоих поселков была подчинена сакральным циклам и постоянно сопровождалась ритуалами, многие из которых оставили вещественные свидетельства в культурном слое поселения Бернашевка.

Библиография

Александреску 1961: А.Д. Александреску, О второй фазе докукутенской культуры. Dacia 5, 1961, 21-38.

Бибиков 1953: С.Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. В: Материалы и исследования по археологии СССР, 38 (Москва-Ленинград 1953).

Бурдо 1989: Н.Б. Бурдо, Александровская группа раннетрипольских памятников. В: Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо, Л.Ю. Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1989), 5-29.

Бурдо 2001-2002: Н.Б. Бурдо, Новые данные для абсолютной датировки неолита и раннего энеолита на территории Украины. Stratum plus 2, 2001-2002, 431-446.

Бурдо 2003a: Н.Б. Бурдо, Методика исследования архитектуры протогородов трипольской культуры. В сб.: (Ред. О.Г. Корвін-Піотровський) Трипільські поселення-гігінти (Київ 2003), 14-17.

Бурдо 2003b: Н.Б. Бурдо, Сакральный аспект архитектуры трипольских протогородов. В сб.: (Ред. О.Г. Корвін-Піотровський) Трипільські поселення-гігінти (Київ 2003), 18-21.

Бурдо 2004: Н.Б. Бурдо, Сакральний світ трипільської цивілізації. В: (Ред. Л.М. Новохатько) Енциклопедія трипільської цивілізації, I (Київ 2004), 344-420.

Бурдо 2012a: Н.Б. Бурдо, Антропоморфні статуетки ранньотрипільського поселення Бернашівка. В: (Ред. П.П. Толочко) Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Джерела та дослідження. – Археологія і давня історія України, 8 (Київ 2012), 23-29.

Бурдо 2012b: Н.Б. Бурдо, Личностный фактор в проблеме исследования трипольского домостроительства. В: (Ред. П.П. Толочко) Історія археології: Дослідники та наукові центри. Археологія і давня історія України, 9 (Київ 2012), 68-77.

Бурдо, Видейко 2016: Н.Б. Бурдо, М.Ю. Видейко, «Погребенные дома» и ритуал сожжения поселений Кукутень-Триполья. В сб.: (Ред. С. Черна, Б. Говедарица) Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И.В. Манзуры (Кишинев 2016), 175-192.

Бурдо, Ковалюх 1998: Н.Б. Бурдо, М.М. Ковалюх, Нові дані про абсолютне датування Трипілля А. В сб.: (Ред. Н. Гаврилюк, Д. Козак) Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. (Київ 1998), 60-61.

Видейко, Бурдо 2004: М.Ю. Видейко, Н.Б. Бурдо, Животноводство трипольской культуры в период 5400-2700 гг. до н.э. In: (Ed. Kośko A., Szmit M.) Nomadizm a pastoralizm w międzyrzeczu Wisły i Dnepru (Poznań 2004), 66-93.

Євдокимов, Збенович 1973: Г.Л. Євдокимов, В.Г. Збенович, Ранньотрипільське поселення поблизу с. Бернашівка на Віннчині, Археологія 10, 1973, 61-65.

Збенович 1980: В.Г. Збенович, Поселение Бернашевка на Днестре: К происхождению трипольской культуры (Киев 1980).

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Ранний этап трипольской культуры на территории Украины (Киев 1989).

Зиньковский 1983: К.В. Зиньковский, К процедуре исследования проблемы домостроительства трипольских племен. В: (Ред. Г.А. Дзиз-Райко) Материалы по археологии Северного Причерноморья (Киев 1983), 16-22.

Зиньковский 2013: К.В. Зиньковский, Жилища племен трипольской культуры. Stratum plus 2, 2013, 27-100.

Пассек 1961: Т.С. Пасек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. Материалы и исследования по археологии СССР, 84 (Москва 1961).

Рыбаков 1981: Б.А. Рыбаков, Язычество древних славян (Москва 1981).

Слесарев и др. 2014: Е.С. Слесарев, И.С. Радомский, П.С. Шидловский, Новые исследования Бернашевского поселения. Анализ производственного инвентаря подъемного материала. Верхнедонской археологический сборник, 6 (Липецк 2014), 209-217.

Тимофеев и др. 2004: В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов, А.М. Шукуров, Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии (Санкт-Петербург 2004).

Черновол 2016: Д. Черновол, Поселение трипольской культуры Бернашевка I. Revista Arheologiča S.N. XII/1-2, 2016, 20-36.

Черновол и др. 2010: Д.К. Черновол, Є.В. Пічкур, Дьяченко О.В., А.О. Корвін-Піотровський, О.С. Кириленко, Рятівні роботи поблизу с. Бернашівка. В: (Ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2009 р. (Київ-Луцьк 2010), 463-465.

Шидловский, Слєсарєв 2015: П. Шидловский, Є. Слєсарєв, Крем'яний інвентар з господарської споруди на поселенні Бернашівка. В сб.: (Ред. О. Дяченко, Ф. Менотті, С. Рижов, К. Бунятян, С. Кадров) Культурний комплекс Кукутень-Трипілля та його сусіди. Збірка наукових праць памяті Володимира Круца (Львів 2015), 441-462.

Bodean 2001: S. Bodean, Aşezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova (Chişinău 2001).

Hansen et al. 2009: S. Hansen, M. Toderaş, A. Reingruber, N. Becker, I. Gatsov, M. Kay, P. Nedelcheva, M. Prange, A. Röpke, J. Wunderlic, Pietrelie: Der kupferzetliche Siedlungshügel "Măgura Gorgana" und sein Umfeld. Eurasia Antiqua 15, 2009, 15-66.

Lazarovici, Lazarovici, Ţurcanu 2009: C.-M. Lazarovici, G.-C. Lazarovici, S. Ţurcanu, Cucuteni. A Great Civilization of the Prehistorik World (Iaşi 2009).

Marinescu-Bîlcu 1981: S. Marinescu-Bîlcu, Tirpeşti. From Prehistory to History in Eastern Romania. BAR International Seria, 1078 (Oxford 1981).

Rassamakin 2012: Yu. Rassamakin, Absolute chronology of Ukrainian Tripolian settlements. In: (Ed. F. Menotti, A.G. Korvin-Piotrovskiy). The Tripolye culture gigant-settlements in Ukraine: formation, development and decline (Oxford 2012), 19-69.

Interpretarea stratului cultural al aşezării tripoliene timpurii Bernaševka I

Cuvinte-cheie: strat cultural, orizont de construcţie, stratigrafie, Tripolie, Bernaševka.

Rezumat: Aşezarea Bernaševka se află la sud-est de localitatea eponimă, pe malul Nistrului. A fost cercetată de către V.G. Zbenovič în anii 1969-1975 (1000 m², vestigiile a 7 construcţii) şi de către D.K. Černovol în perioada 2009, 2013-2015 (2000 m², resturile a 9 construcţii şi 3 gropi). Astfel, suprafaţa totală excavată constituie 3000 m², fiind studiate vestigiile construcţiilor de diferite tipuri şi dimensiuni, gropi, precum şi structura stratului cultural. De asemenea, a fost elaborat şi planul părţii investigate a aşezării. Bernaševka este în prezent cea mai timpurie aşezare Tripolie A - Precucuteni II la est de râul Nistru.

Analiza tuturor informaţiilor disponibile ne oferă o imagine diferită comparativ cu alte aşezări ale culturii tripoliene. Există motive să se presupună că particularitatea stratului de cultură, cum ar fi prezenţa unui număr foarte mare de fragmente de vase, oase de animale, multe figurine, poate fi asociată cu anumite ritualuri care erau efectuate în acest loc. Acestea sunt, probabil, legate de ritualurile de părăsire a aşezării. Ritualurile au inclus nu numai arderea caselor, ci şi anumite manipulări cu resturile lor după ardere. Probabil, acele ritualuri erau asociate şi cu sacrificii. Ofrandele erau periodice şi includeau carne, vase, figurine.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Bernaševka I. Secţiunea lui D.K. Černovol pe harta Google map.

Fig. 2. Bernaševka I. 1 - planul secţiunilor excavate în anii 1972-1973; 2 - profilul dealului pe care este amplasată aşezarea (după Zbenovič 1980, 13, fig. 3); 3 - planul secţiunilor excavate în anii 2009, 2013-2015 (după Černovol 2016, 20, 1); planul comun al secţiunilor trasate de V.G. Zbenovič şi D.K. Černovol. Legenda: 1 - resturile locuinţelor pe planul lui V.G. Zbenovič; 2 - contururile reconstituite ale construcţiilor excavate de D.C. Černovol; 3 - contururile presupuse ale construcţiilor cercetate de V.G. Zbenovič; 4 - gropi; 5 - aglomeraţii de pietre.

Interpretation of the cultural layer of the early Trypillian site of Bernashevka I

Keywords: cultural layer, building horizon, stratigraphy, Trypillia, Bernashevka.

Abstract: Bernshevka I is located SW of the same name village, on the bank of the Dniester River. It was explored by V. Zbenovich in 1969-1975 (1000 м², remains of 7 houses) and D. Chornovol in 2009 and 2013-15 (2000 м², remains of 9 houses and 3 pits). Thus, the total area explored at Bernashevka I is 3000 м², there were excavated remains of dwellings of different sizes and constructions, pits and cultural layer areas in few horizons. Also, we have plan of explored part of this site. Bernashevka I now is the earliest Trypillia A – Precucuteni II site known east of the Dnister.

Analysis of the whole available data shows the picture different from other Trypillian sites. It is possible to suppose that fragments of animal bones, many clay figurines and other finds are connected with some rituals performed at this place. These rituals probably were connected with the ritual of abandonment of the village and burning the dwellings. Perhaps, this was associated with the performance of sacrifices.

List of illustrations:

Fig. 1. Bernashevka-I. Trench (excavation by D. Chornovol) on Google Earth.

Fig. 2. Bernashevka-I. 1 - Trenches of 1972-1973; 2 - profile of the site (1, 2 - after Збенович 1980); 3 - trenches of 2009, 2013-2015 (after Черновол 2016); 4 - Combined plan of Bernashevka-I based on plans presented by V. Zbenovich and D. Chernovol.

02.02.2017

Др. Наталья Бурдо, Институт археологи, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭТАПА BI-II КОЛОМИЙЦИВ ЯР

Михаил Видейко, Рене Улрау, Евгений Слесарев, Мария Видейко

Ключевые слова: трипольская культура, регион Среднего Днепра, этап BI-II, геомагнитная съемка.

В пределах современной Киевской области ныне известно более двух десятков поселений этапа BI-II. Поселения этого периода по сравнению с более поздними – этапов BII, CI и CII – все еще можно отнести к числу наименее изученных в этой части трипольской территории. Поселение в урочище Коломийцив Яр у села Копачев Обуховского района Киевской области одно из самых восточных в северной части этого региона и расположено в районе эпонимного памятника у с. Триполье. В 2016 году археологическая экспедиция Научно-исследовательской лаборатории археологии Киевского университета имени Бориса Гринченко (далее – НИЛ археологии) провела раскопки на памятнике. Впервые для памятников этого типа (и времени) удалось получить план части поселения с помощью магнитной съемки. Полученные материалы позволяют расширить представления о поселениях этого времени на Среднем Днепре, времени и путях их появления здесь, хозяйстве и связях.

Поселение в урочище Коломийцив Яр открыто М.В. Квитницким (Квітницький 2006, 34-38), а также исследовано совместной экспедицией Киевского областного археологического музея и Института археологии НАН Украины в 2006-2007 и 2011 годах (Відейко, Бурдо 2007, 110-114; Відейко 2012, 236). Исследования тех лет были спасательными, так как часть культурного слоя интенсивно разрушалась при добыче чернозема в пойме ручья. Памятник многослойный, представлены материалы трипольской культуры (этап BI-II), раннего железного века, ранних славян и Руси (XII-XIII вв.). Археологические памятники, более поздние по времени, нежели трипольская культура, расположены в нижней части долины, в полосе 70-100 м по правому берегу ручья. Основная часть трипольского поселения, расположенная на склоне долины, уцелела, однако была недоступна для разведки, так как зарастала бурьянами. В последние годы на этом месте выращивают различные культуры, что открыло возможности для сбора подъемного материала в весеннее и осеннее время и более точного определения таким образом размеров трипольского поселения. Возобновление исследований связано с утверждением пятилетней научной темы НИЛ археологии «Древняя история Украины: общество и технологии (по результатам археологических исследований)».

Поселение расположено на пологом склоне долины, вдоль левого берега безымянного ручья – правого притока р. Стугны (рис. 1). Нижняя часть долины местами заболочена, местами заросла лесом, а сам ручей рядом с поселением запружен, при этом часть культурного слоя была разрушена при сооружении чаши водохранилища. Склон долины с уступами, его верхняя часть более крутая, нижняя – пологая. Стекающие во время дождей с плато потоки воды разрушают склон, а местами и культурный слой поселения. В то же время наносы аккумулируются в нижней части долины. Процессы эти привели к возникновению в этом месте слоя чернозема, достигавшего местами 0,8-1 м. В то же время на склоне чернозем отсутствует, верхний слой почвы представляет собой коричневый суглинок. Под ним на глубине 0,15-0,25 м находится культурный слой трипольского времени. Противоположный, правый берег долины высокий, местами порос лесом. У его подножья, как раз напротив поселения, есть источник питьевой воды.

Благодаря сотрудничеству с университетом имени Христиана-Альбрехта, школой «Human Development in Landscapes» (г. Киль, Герма-

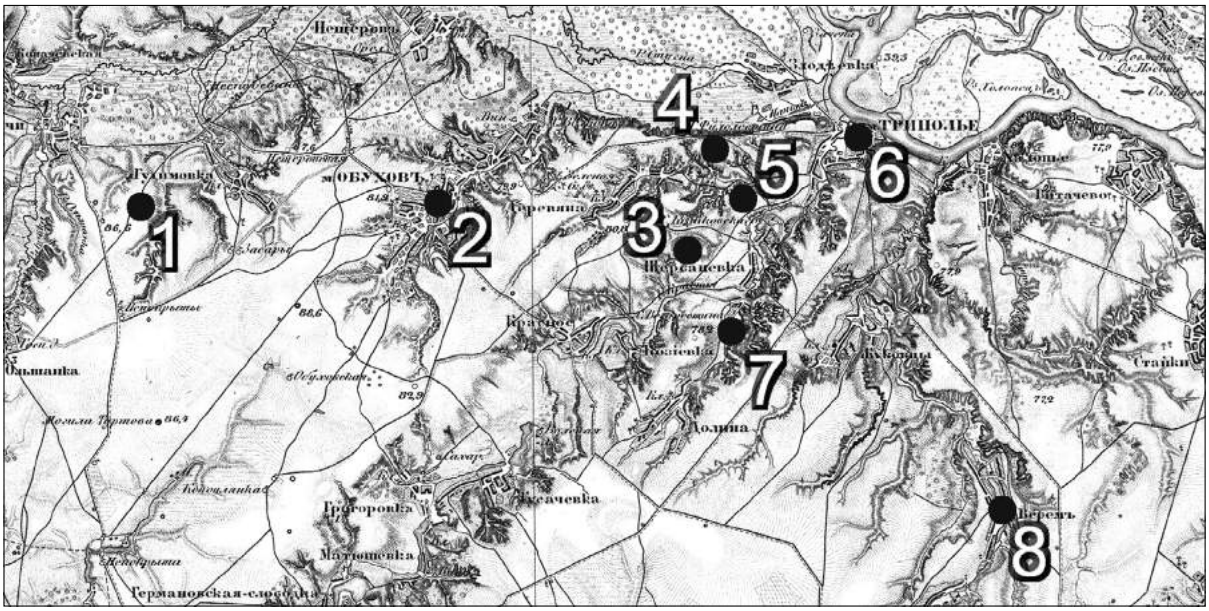


Рис. 1. Карта распространения поселений трипольской культуры этапа BI-II между Копачевым и Трипольем: 1 - Коломийцив Яр; 2 - Обухов, ул. Киевская; 3 - Щербанівка; 4 - Дерев'яна; 5 - Трипілля; 6 - Трипілля-Посадова Гора; 7 - Долина; 8 - Верем'я.

ния) до начала раскопок была осуществлена магнитная съемка на части поселения. Она охватила около 3 га площади на склоне и мысу в нижней части долины (Відейко та ін. 2017). В результате обнаружены остатки 19 сгоревших построек трипольской культуры и следы 6 ям различных размеров (рис. 2). Судя по аномалиям, они различной сохранности – от хорошо сохранившихся до сильно разрушенных вспашкой и эрозией, в особенности на участках со значительным уклоном. Заложенные на поле раскопы 14 и 15 полностью подтвердили результаты магнитной съемки, как относительно наличия, так и сохранности объектов.

Аномалии от остатков построек расположены тремя рядами на склоне вдоль ручья, протекающего по дну долины. Наиболее многочислен верхний ряд – 11 строений. Во втором их пять, в нижнем – лишь три. Вероятно, большинство остатков зданий на этом участке было расположено за пределами поля, где некоторые из них были исследованы в 2005-2007 гг. Рядом с остатками зданий выявлены аномалии от ям. При этом самая большая яма расположена напротив торца постройки под раскопом 14, которая также выделяется своими размерами (рис. 2). Это позволяет предположить, что первоначально эти ямы могли быть использованы в качестве котлованов для добычи глины при строительстве.

На участках, исследованных в 2005-2011 гг., было не менее двух рядов построек, также располагавшихся вдоль ручья. Таким образом, общее число рядов на поселении могло достигать 5. Завершение работ над планом позволит уточнить как размеры поселения, так и число построек в сохранившейся части. В то же время видно, что едва ли площадь этого поселения достигала 30 га, как это указано М.В. Квитницким (Квітницький 2006, 34), в лучшем случае она может составить от 15 до 20 га с учетом разрушенной части.

Археологические исследования 2016 года включали сбор подъемного материала при проведении магнитной съемки и во время проведенных позднее раскопок. Поскольку летом поле было занято соей, раскопы заложены за его пределами на нескольких участках ближе к берегу ручья. Здесь заложено 3 раскопа (№ 11-15) общей площадью 48,4 м². Еще два контрольных раскопа 1×1 м сделаны на месте построек на поле, с перспективой продолжения исследований в следующем сезоне. Ниже приводим их описание.

Раскоп 11 размерами 6×4 м заложен на склоне, где на поверхности обнаружены обломки обмазки и фрагменты посуды (рис. 3/1-3). Верхний черноземный слой в этом месте был снесен бульдозером во время земляных работ

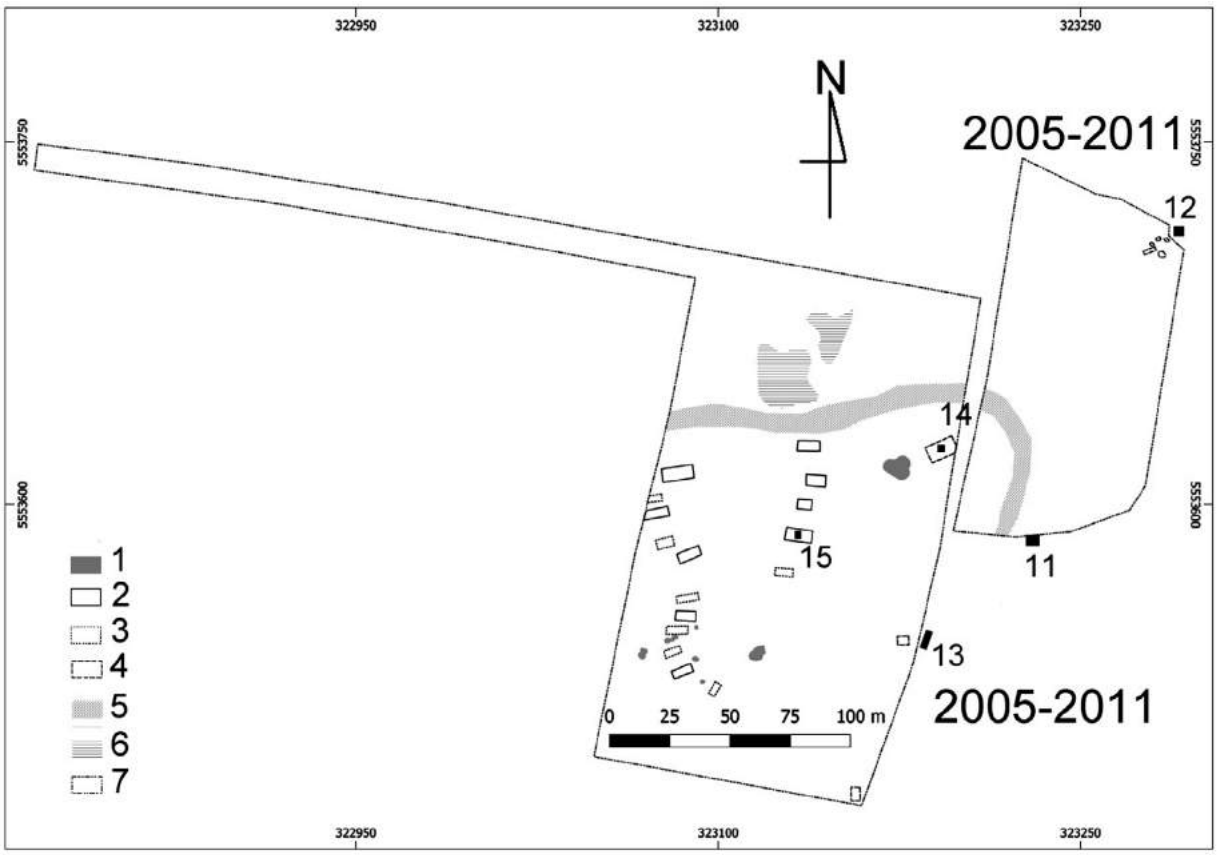
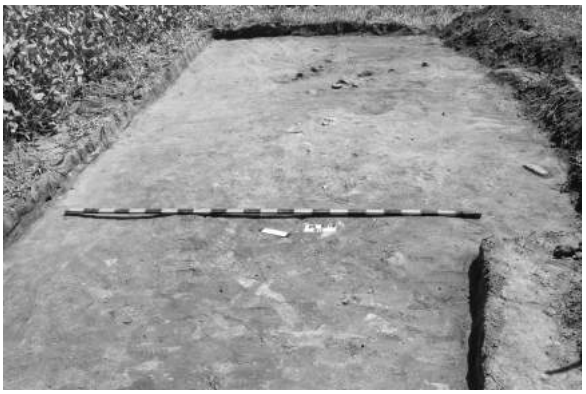


Рис. 2. План части поселения трипольской культуры в ур. Коломийцив Яр по результатам магнитной съемки 2016 года (интерпретация Р. Улрау). Условные обозначения: 1 - яма; 2 - сгоревший дом; 3 - то же, нарушено эрозией; 4 - вероятно трипольские постройки; 5 - старая полевая дорога; 6 - остатки современных построек (разрушены); 7 - контуры отснятой территории; 2005-2011 - территории, на которых проводилось исследование остатков трипольского поселения в 2005-2011 гг.; 11-15 - номера раскопов 2016 г.

2006 года. Практически с поверхности зафиксирован слабо насыщенный находками (фрагменты керамических изделий, мелкие обломки обмазки, кости животных) культурный слой. Исследование проведено слоями по 0,2 м с послойной зачисткой и фиксацией находок. Для получения разрезов оставлено две бровки (рис. 3/2). На глубине 0,25 м от современной поверхности зачищены развал шлемовидной покрышки, рядом – крупные фрагменты сосудов с углубленным декором. Приведенные выше наблюдения дают основания сделать вывод о том, что в этом месте исследована яма, вероятно располагавшаяся вблизи здания из второго (от ручья) ряда застройки, уничтоженная при добыче чернозема. Слабая насыщенность находками нижнего горизонта ямы может быть свидетельством того, что перед нами котлован для добычи глины, впоследствии использованный обитателями дома.

Раскоп 12 размерами 2,3×0,8 м (18,4 м²) заложен на краю мыса, вне посевов, на месте, где обнаружены мелкие фрагменты обмазки. Раскопки доведены до глубины 2,4 м от современной поверхности, следы объекта обнаружены не были. Наличие находок на поверхности в этом месте можно объяснить пахотой или смывом фрагментов с поля.

Раскоп 13 размерами 6×1 м (6 м²) заложен за пределами поля, напротив места, где на поверхности между посевами обнаружена обожженная обмазка – остатки разрушенной вспашкой или земляными работами сгоревшей постройки, зафиксированные с помощью магнитной съемки (рис. 3/4). Место было выбрано для раскопок, поскольку здесь, напротив короткой стороны сооружения, могла находиться яма. Верхние 0,3 м состояли из слоя чернозема, частично смытого с поля. Ниже



1

2

3

4

Рис. 3. Коломийцив Яр, исследования 2016 года. 1-3 - Раскоп 11; 4 - раскоп 13, развал сосуда.

обнаружен культурный слой, в котором на глубине 0,4 м от современной поверхности расчищен развал сосуда (рис. 2/6) с ушками, расположенными в несколько рядов. Ниже находок и заполнения обнаружено не было. Возможно, в этом месте действительно находилась яма, верхняя часть которой срезана бульдозером. Учитывая толщину чернозем-ного слоя, зафиксированного ранее на этом участке – 0,8 м, общая глубина ямы от поверхности могла составлять 1,2-1,3 м. Первоначально она, как и объект в раскопе 11, могла быть котлованом для добычи глины при строительстве жилища.

Раскопы 14 и 15 размерами 1×1 м каждый заложены в поле, на месте аномалий, обнаруженных магнитной съемкой. Цель – проверка сохранности и глубины залегания остатков сооружений трипольского времени. Установлено, что обожженная обмазка находится на глубине до 0,2 м от современной поверхности. В раскопе 14 сохранность слоя обмазки оказалась очень хорошей, она залегала сплошным массивом. Зато в раскопе 15 этот слой был разрушен пахотой. Намечено продолжить работы на раскопках 14 и 15 в следующем сезоне, чтобы раскрыть объекты полностью.

Таким образом, в двух раскопках, 11 и 12, обнаружен культурный слой, который можно связать с ямами трипольского времени, расположенными неподалеку от наземных жилищ, от которых остались объекты в виде скоплений обожженной глины.

Во время исследований получена внушительная коллекция находок, которая включает фрагменты керамической посуды и костей животных, орудия из камня и кремня, образцы обожженной обмазки.

Сбор подъемного материала (431 ед. находок) позволил получить внушительную коллекцию фрагментов керамических изделий, а также орудий труда из камня и кремня (рис. 4-10). Керамические материалы в большинстве представлены фрагментами посуды трипольской культуры, есть единичные фрагменты,

которые можно отнести к раннему железному веку и/или раннеславянскому периоду. Орудия труда из камня и кремня можно отнести к трипольскому времени. Упомянутые находки позволяют, прежде всего, определить территорию распространения поселения трипольской культуры, которая охватывала, с учетом склонов долины, включая уничтоженные земляными работами территории, площадь чуть более 10 га. Немногочисленные материалы раннего железного века обнаружены преимущественно в районе небольшого мыса на площади около 2 га. Скопления трипольских находок в целом совпадали с аномалиями от сожженных зданий, выявленными магнитной съемкой, что является свидетельством разрушения последних в процессе пахоты. Судя по количеству собранного материала, а также обилию обожженной обмазки на поверхности, эти разрушения довольно значительны.

Вследствие проведенных исследований получена внушительная коллекция фрагментов керамических изделий, которая насчитывает 789 единиц. За исключением нескольких, все они принадлежат к этапу ВИ-II трипольской культуры. Материал фрагментирован, за исключением двух некомплектных развалов, выявленных в раскопках – сосуда с ушками в несколько рядов (раскоп 13) и шлемовидной покрышки (раскоп 11).

Представленные группы посуды типичны для данного этапа в регионе Среднего Поднепровья: так называемая «кухонная посуда» (рис. 4-5) и «столовая» трех видов: неорнаментированная, с углубленным или проглаженным орнаментом и рисованным (рис. 6-10).

Кухонная посуда («керамика типа Кукутень С»), изготовленная из массы с примесью толченых раковин и / или крупного песка, представлена фрагментами горшков с прямыми или отогнутыми венчиками (рис. 4-5). Внутренняя поверхность у большинства изделий покрыта полосчатым сглаживанием, у части – гладкая. Есть изделия с ушками и налепами (рис. 5/1-3, 10). Декор, расположенный на плечиках сосудов, выполнен с помощью углубленных линий, промежутки между которыми заполнены отпечатками разнообразного штампа, преимущественно гребенчатого (рис. 5). Найден фрагмент с отпечатками треугольного штампа (рис. 5/9). На многих венчиках сосудов помещены налепные украшения в виде «жемчужин» (рис. 4/1-8), изредка – ряд наколов (рис. 4/9). Следует также отметить, что среди керамики, происходящей с поселения Коломийцев Яр, есть многочисленные фрагменты типичной для этапа BI-II трипольской посуды с углубленным орнаментом, часть из которой так же, как и кухонная, имеет как примесь раковины в массе, так и полосчатые заглаживания на внутренней стороне. Находок таких достаточно много, что представляет особенность данного поселения.

Тем не менее, по основным признакам – формам и способу нанесения, орнаментальным композициям – керамика с углубленным орнаментом может быть отнесена к категории «столовой». Столовая посуда с углубленным и проглаженным декором представлена кубками, амфорами, коническими и шлемовидными покрышками, грушевидными и биноклевидными сосудами. Орнаментальные композиции выполнены с использованием лент, состоящих из нескольких параллельных углубленных линий (рис. 8-10).

Небольшое количество сосудов представлено изделиями с проглаженным орнаментом, напоминающим каннелюры раннетрипольского времени, нанесенные одной или двумя-тремя параллельными линиями, образующими угловые и криволинейные композиции, иногда дополненные оттисками круглого штампа (рис. 7/2-5).

Среди столовой керамики много фрагментов неорнаментированной посуды. Среди форм преобладают полусферические миски, крупных размеров, с ручками, расположенными под венчиками. У части поверхность заглажена, часть покрыта слоем облицовки – т.н. «рустом» (рис. 6). Найден фрагмент неорнаментированной шлемовидной крышки (рис. 7/1).

Расписная посуда представлена полусферическими мисками, амфорками, грушевидными сосудами. Роспись нанесена в одну (красную или черную) краску или же в две краски. При этом широкие полоски черные, узкие – красные, также красные заполнения контуров, проведенных тонкими черными линиями (рис. 8). Обращает на себя внимание как относительно большое количество фрагментов расписной керамики, преимущественно собранной на поверхности, так и наличие довольно крупных, в том числе грушевидных сосудов.

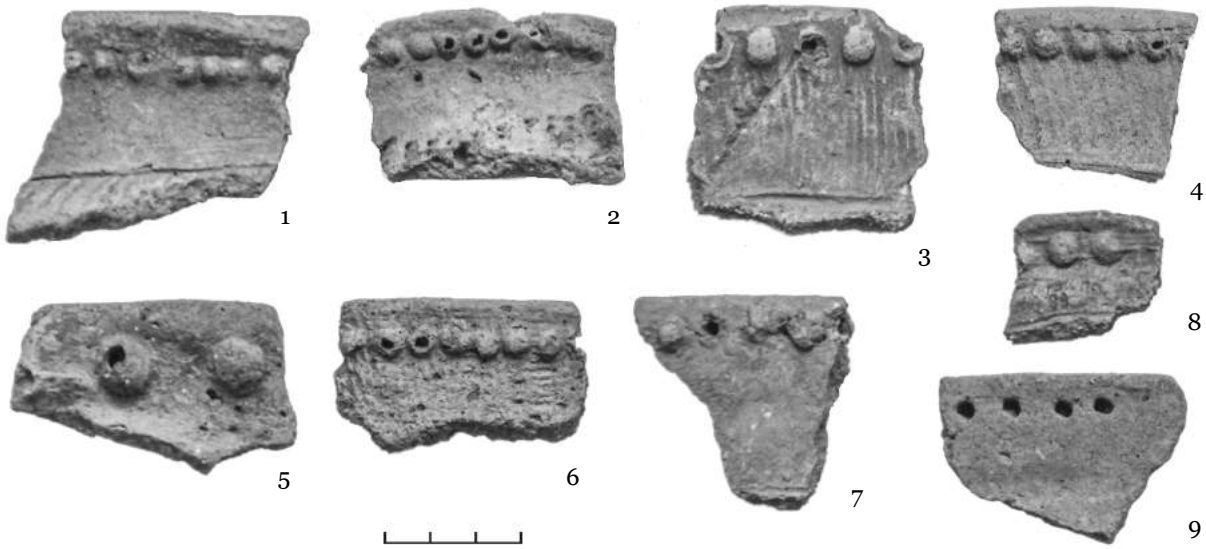


Рис. 4. Коломийцив Яр, исследования 2016 года. Фрагменты венчиков кухонных сосудов, украшенные «жемчужным» орнаментом (1-8) и наколами (9).

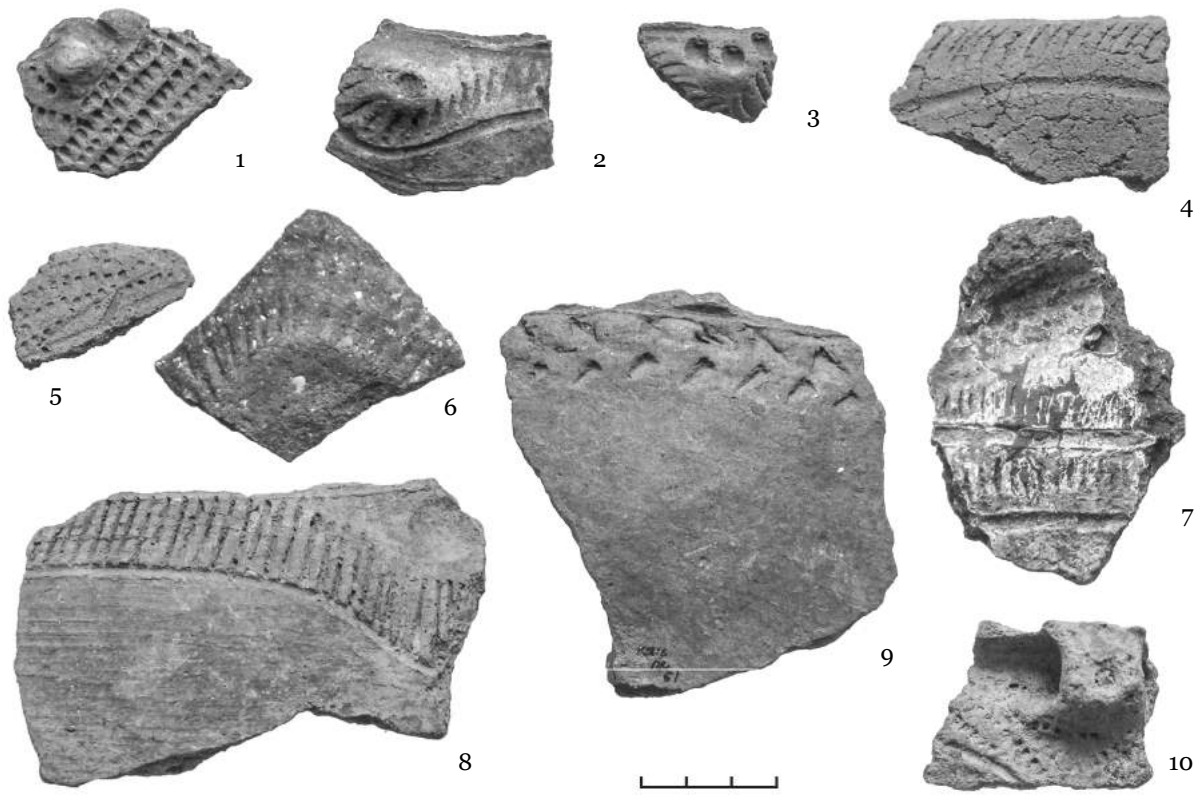


Рис. 5. Коломийцив Яр, исследования 2016 года. Фрагменты кухонной керамики с декором.

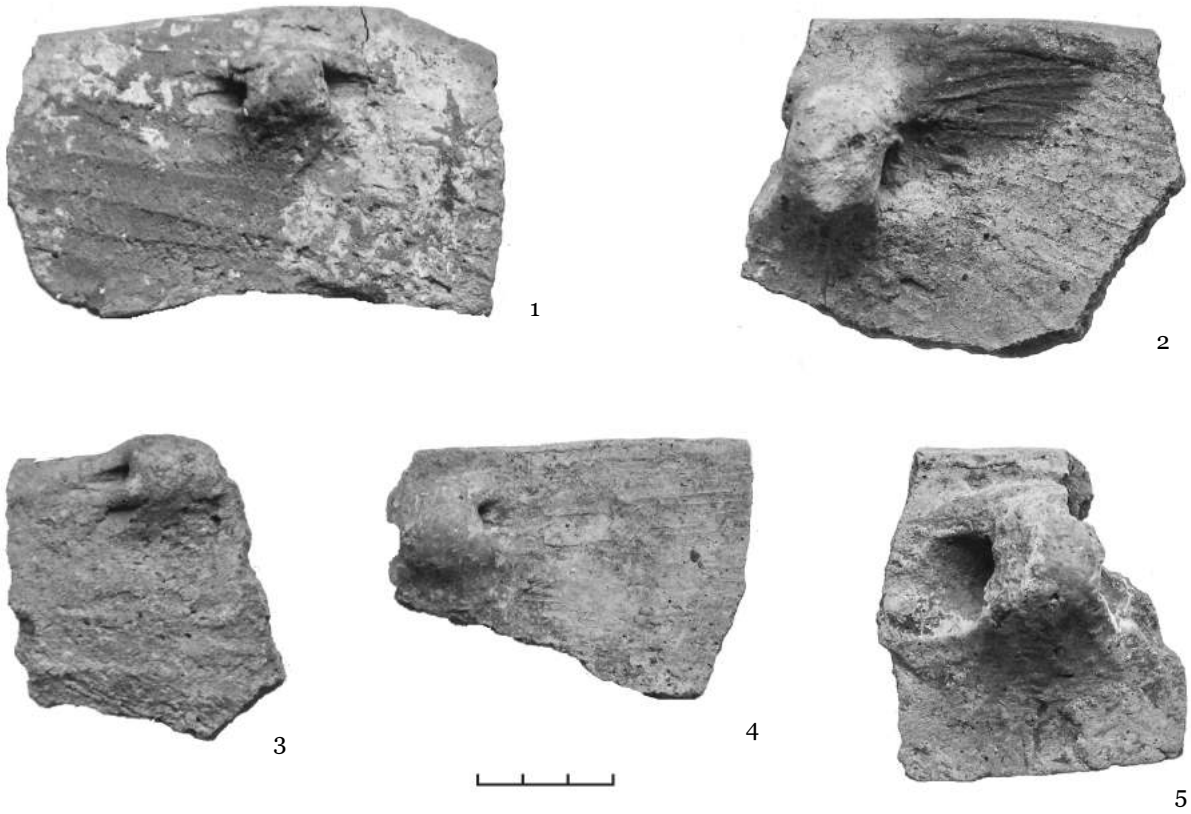


Рис. 6. Коломийцив Яр, исследования 2016 года. Фрагменты мисок с ручками.

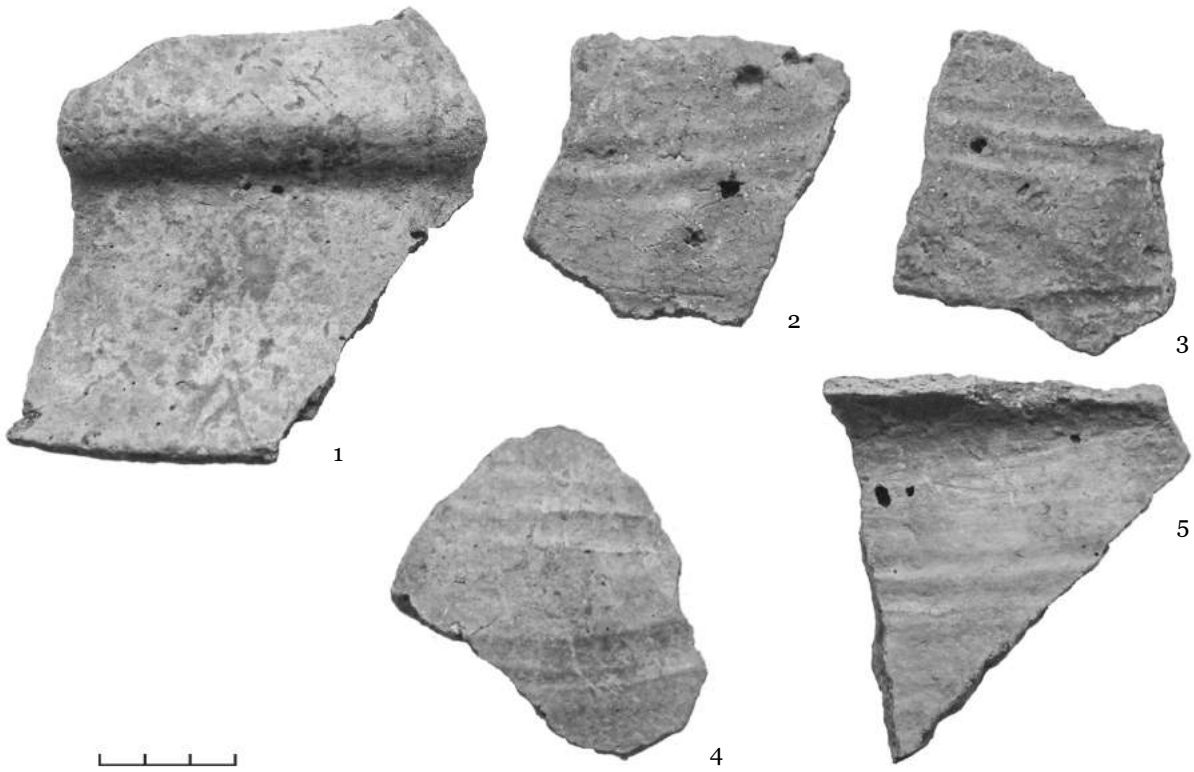


Рис. 7. Коломийцив Яр, исследования 2016 года. 1 - Фрагмент неорнаментированной шлемовидной крышки; 2-5 - фрагменты сосудов с проглаженным орнаментом.

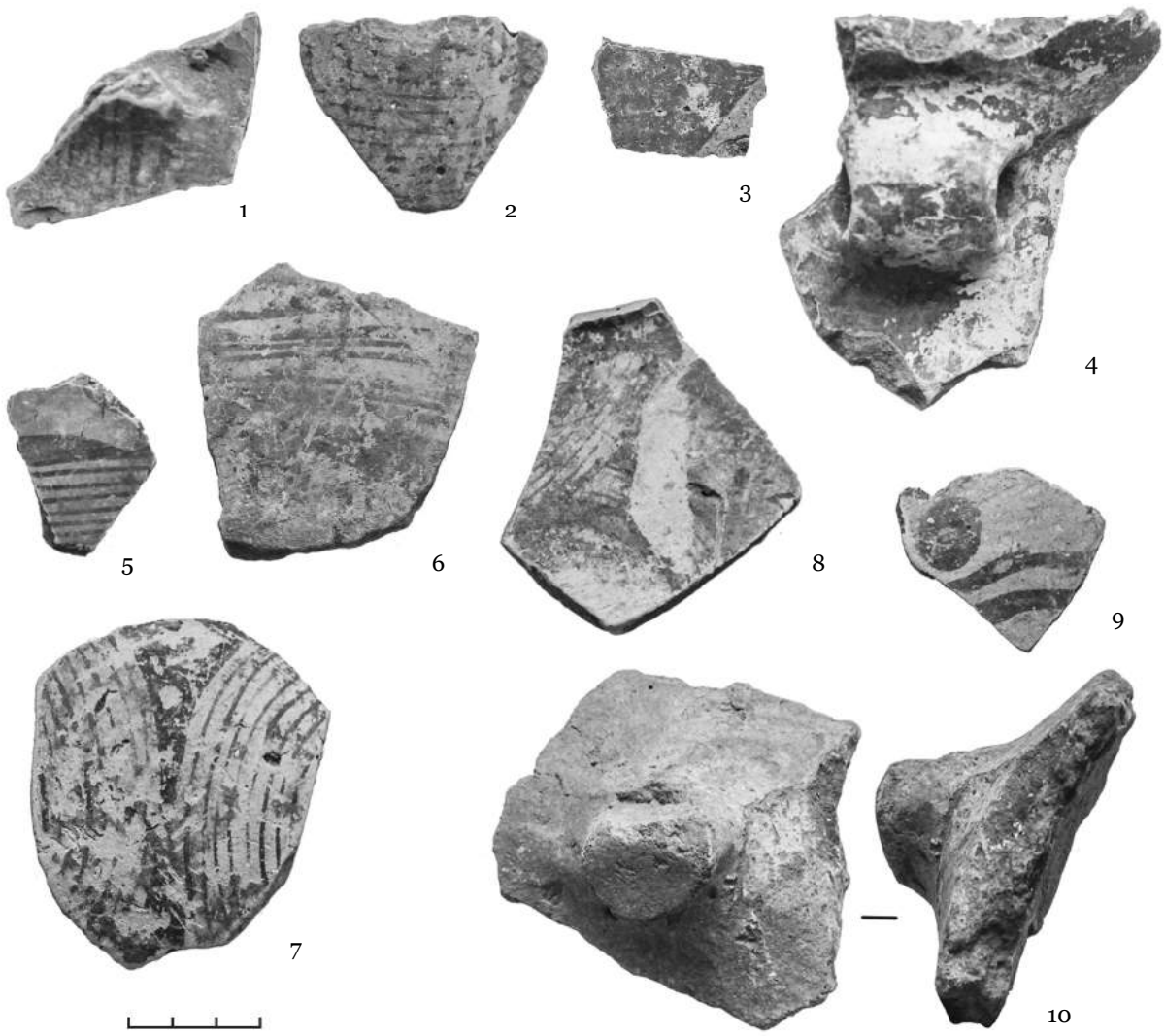


Рис. 8. Коломийцив Яр, исследования 2016 года. 1-9 - Фрагменты керамики с росписью (монохромная; 3, 6 - бихромная); 10 - фрагмент сосуда на ножках.

В целом описанный выше керамический комплекс является типичным для памятников этапа BI-II в Среднем Поднепровье, таких, как Шкаровка (Цвек 2006, рис. 21), Веремье, Щербаневка и Триполье (Хвойко 2006, табл. I-IV). С учетом прежних находок с этого памятника, опубликованных ранее (Квітницький 2006, рис. 5-10; Відейко, Бурдо 2007, рис. 3), поселение можно отнести к числу поздних памятников этапа BI-II в регионе Среднего Поднепровья.

Поселение трипольской культуры в урочище Коломийцив Яр представляет интерес для проведения дальнейших исследований по нескольким причинам. Это одно из немногих поселений этапа ВИ-II в регионе, для которых получена информация о планировке и расположении сооружений. Среди них есть не только обычные, рядовые, но и весьма значительные по размерам (раскоп 14). Исследования, проведенные здесь в предыдущие годы, дали интересный керамический материал, в том числе немало целых форм.

Кроме того, вполне вероятно открытие новых поселений этого времени в ближайших окрестностях. Есть основания полагать, что существующая карта распространения трипольских поселений этапа BI-II сегодня скорее отражает состояние изученности территории, нежели реальную картину расселения трипольцев в конце V тыс. до н.э. в восточной части трипольского ареала. В особенности

Рис. 9. Коломийцив Яр, исследования 2016 года. Фрагменты керамики с углубленным орнаментом: 1-9 - грушевидных сосудом; 10-12 - шлемовидных крышек.

сказанное можно отнести к северной части Киевщины, району Триполья. К примеру, из 8 памятников, известных здесь сегодня, 4 впервые открыты в начале XXI века (Квитницкий 2006, 34) и еще один, эпонимный – повторно (Видейко 2016, 129-135). Стандартное расположение большинства поселений на относительно пологих южных склонах долин небольших речек и ручьев, притоков Стугны и Днепра, облегчает продолжение поисков новых поселений этого времени. На части этой территории археологические разведки еще не проводились. Наличие между основным ядром поселений в районе Триполья и Коломийцева Яра довольно большого промежутка, в котором достаточно мест для поселений, обещает новые открытия.

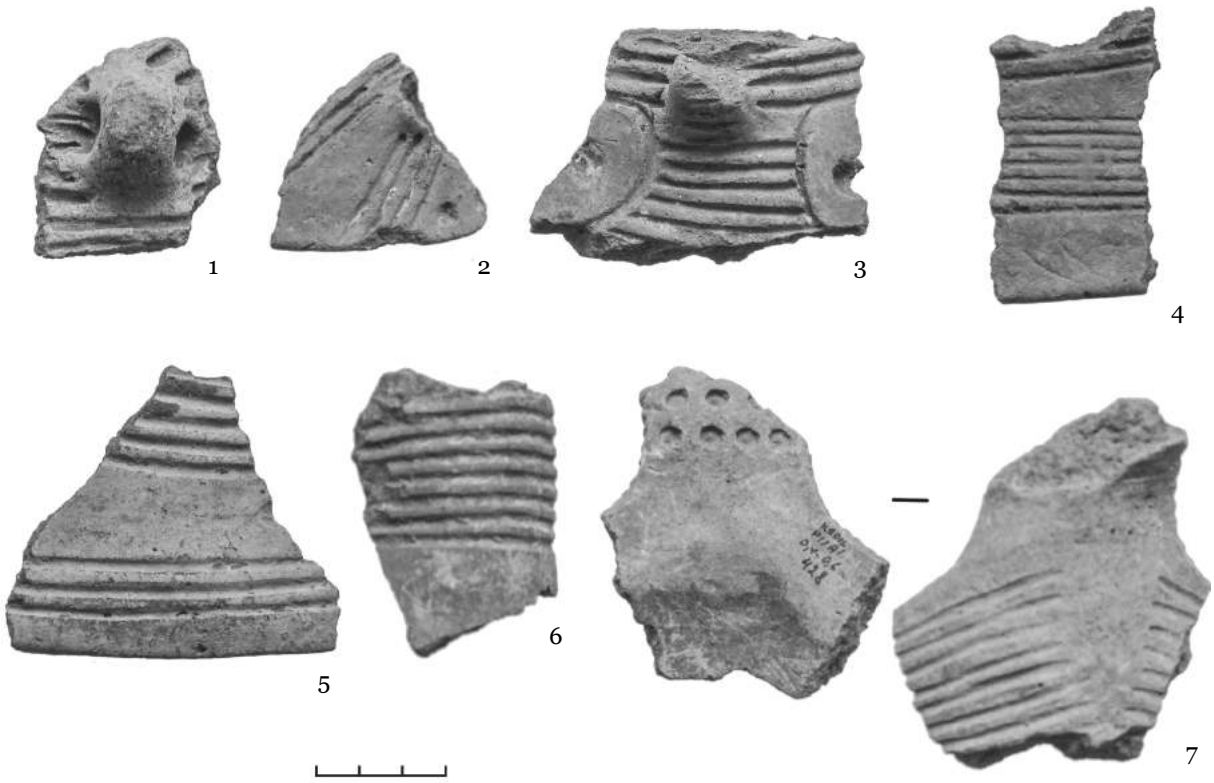


Рис. 10. Коломийцив Яр, исследования 2016 года. Фрагменты керамики с углубленным орнаментом: 1-5 - конических крышек; 6, 7 - биноклевидных сосудов.

Библиография

Відейко 2006: М.Ю. Відейко, Місця археологічних розкопок В.В. Хвойки на трипільських поселеннях. В: (Ред. М. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, частина II (Київ: Академперіодика 2006), 28-38.

Відейко 2012: М.Ю. Відейко, Розвідки обласного археологічного музею. В: (Ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2011 (Луцьк: Волинські старожитності, 2012), 236-237.

Видейко 2016: М. Видейко, Исследования поселения Триполье. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 129-145.

Відейко, Бурдо 2007: М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Рятувальні дослідження в ур. Коломійців Яр між с. Копачів та Перше Травня Обухівського району Київської області. В: (Ред. Н.О. Гаврилюк, М.П. Тимченко) Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 р. (Київ-Запоріжжя: Дике поле 2007), 110-114.

Відейко та ін. 2017: М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Р. Улрау, Є. Слєсарєв, М.М. Відейко, Х. Тіде, В. Тіде, Дослідження поселення трипільської культури в ур.Коломійців Яр біля с. Копачов 2016 року. In: Археологічні дослідження в Україні (в печати).

Квітницький 2006: М.В. Квітницький, Нові пам'ятки трипільської культури на Київщині. В: (Ред. Т.М. Моргун, О.В. Бреяк, О.Б. Солтис, М.Ю. Відейко) Охорона культурної спадщини Київської області (Київ: Академперіодика 2006), 29-42.

Хвойко 2006: В.В. Хвойко, Розкопки 1901 р. в області трипільської культури. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, частина 1 (Київ: Академперіодика 2006), 95-104.

Цвек 2006: О.В. Цвек, Поселення Східнотрипільської культури (Короткий нарис) (Київ: КП «ОТІ» 2006).

Noi cercetări în cadrul aşezării tripoliene din etapa Tripolie BI-II de la Kolomyitsiv Yar

Cuvinte-cheie: cultura Tripolie, regiunea Niprului Mijlociu, etapa BI-II, prospecţiune geomagnetică.

Rezumat: În limitele actuale ale regiunii Kiev în prezent sunt cunoscute mai mult de douăzeci de monumente din etapa BI-II. Aşezările din această perioadă, în comparaţie cu cele de mai târziu – etapele BII, CI şi CII, pot fi atribuite celor mai puţin studiate în această partea a teritoriului tripolian. Aşezarea de la Kolomyitsiv Yar din apropierea satului Kopačev, raionul Obuhov, regiunea Kiev este unul dintre cele mai estice din acestă regiune, fiind situat în zona sitului eponim de lângă localitatea Tripolie. În anul 2016, expediţia Laboratorului de cercetari ştiinţifice în domeniul arheologiei de la Universitatea „Boris Grinčenko" (Kiev), în colaborare cu Graduate School „Human Development in Landscapes" de la Universitatea Christian-Albrechts (Kiel, Germania), a început săpăturile în cadrul acestui sit. În premieră pentru monumentele de acest tip (şi din această perioadă), cu ajutorul prospecţiunilor geomagnetice a fost posibilă obţinerea planului unei părţi a aşezării. Au fost descoperite vestigiile a 19 construcţii de suprafaţă, situate în trei rânduri de-a lungul pantei văii unui râuleţ. Alături de unele dintre aceste construcţii au fost identificate anomalii, care reprezintă, probabil, conturul unor gropi. În urma investigaţiilor arheologice au fost descoperite două gropi în a căror umplutură au fost identificate fragmente de ceramică, oase de animale şi bucăţi de lut ars. Lotul de ceramică (grosieră, de „bucătărie", cu „perle" şi decorată cu impresiuni „cu pieptenele", şi fină – pictată (monocrom şi bicrom), cu ornament adâncit prin netezire, sau fără ornament) permite încadrarea monumentului în etapa BI-II şi datarea acestuia cu ultimul sfert al mileniului V a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta amplasării siturilor culturii Tripolie, faza BI-II, între Kopačev şi Tripolie: 1 - Kolomyitsiv Yar; 2 - Obuhiv, strada Kievskaja; 3 - Ščerbanivka; 4 - Derevjana; 5 - Tripolie; 6 - Tripolie-Posadova Gora; 7 - Dolina; 8 - Veremja.

Fig. 2. Planul geomagnetic al sitului Kolomyitsiv Yar obţinut în urma prospecţiunilor din 2016 (interpretare: Rene Ohlrau): 1 - groapă; 2 - resturile unei case arse; 3 - aceeaşi, resturi erodate; 4 - probabile construcţii tripoliene; 5 - drum vechi; 6 - vestigiile unor case contemporane (distruse); 7 - zona prospectată; 2005-2011 - spaţiul săpăturilor din perioada 2005-2011; 11-15 - secţiuni realizate în 2016.

Fig. 3. Kolomyitsiv Yar, 2016. 1-3 - Secţiunea 11; 4 - Secţiunea 13, vas *in situ*.

Fig. 4. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragmente de mânere, ceramică de „bucătărie" (tip Cucuteni C), decorată cu „perle" (1-8) şi găuri (9).

Fig. 5. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragmente de ceramică de „bucătărie" decorată (tip Cucuteni C).

Fig. 6. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragmente de străchini cu mânere.

Fig. 7. Kolomyitsiv Yar, 2016. 1 - Fragmentul unui capac nedecorat; 2-5 - fragmente cu decor „netezit".

Fig. 8. Kolomyitsiv Yar, 2016. 1-9 - Fragmente de ceramică cu pictură (monocromă şi (3, 6) bicromă); 10 - fragmentul unui vas cu picioare.

Fig. 9. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragmente de ceramică cu decor incizat: 1-9 - vase piriforme; 10-12 - capace în formă de „coif suedez".

Fig. 10. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragmente de ceramică cu decor incizat: 1-5 - capace tronconice; 6-7 - vase binoculare.

New investigations at the Trypillia BI-II site of Kolomyitsiv Yar

Keywords: Trypillia Culture BI-II phase, Middle Dnieper region, geomagnetic prospection.

Abstract: There are near 20 Trypillia Culture BI-II sites at the Kyiv Region. This period is relatively little studied here, compared with other phases, such as BII, CI or CII. The site of Kolomyitsiv Yar near the village of Kopachov (Kyiv Region, Obukhiv District) is not far from Trypillia. The archaeological expedition organized by the Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine) in cooperation with the Human Development in Landscapes Graduate School of the Christian-Albrechts-Universität (Kiel, Germany) started investigations at this site in 2016. For the first time for this kind of sites the magnetic prospection was done, which discovered on 3 ha area anomalies of 19 houses and 5 pits. Houses were located in three rows along the stream on slopes of the valley. At the area close to a field remains of two pits were explored. They probably related to houses destroyed some time before. Among the finds from this pits numerous fragments of pottery, bones, stones, and a small amount of burnt daub were found. The pottery ("kitchen ware" or Cucuteni C type, painted, with incised decoration and without decoration) is typical for BI-II phase in this region. It is possible to date this site up to the last quarter of the 5th mill. BC. These materials make it possible to expand our knowledge of settlements of this time in the Middle Dnieper, the time and the ways of Trypillia population appearance here, and their relations with other cultures.

List of illustrations:

Fig. 1. Trypillia Culture sites, phase BI-II, between Kopachov and Trypillia: 1 - Kolomyitsiv Yar; 2 - Obukhiv, Kyivska Street; 3 - Shcherbanivka; 4 - Dereviana; 5 - Trypillia; 6 - Trypillia-Posadova Gora; 7 - Dolyna; 8 - Veremiya.

Fig. 2. Magnetic prospection of Kolomyitsiv Yar in 2016 (interpretation by Rene Ohlrau): 1 - pit; 2 - remains of burnt house; 3 - eroded remains; 4 - probably a house; 5 - old field road; 6 - remains of contemporary houses (destroyed); 7 - prospected area; 2005-2011 - places of excavations in 2005-2011; 11-15 - trenches made in 2016.

Fig. 3. Kolomyitsiv Yar, 2016. 1-3 - Trench 11; 4 - trench 13, part of a vessel in situ.

Fig. 4. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragments of "kitchen" (Cucuteni C type) pottery decorated by "pearls" (1-8) and pinholes (9).

Fig. 5. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragments of decorated "kitchen" (Cucuteni C type) pottery.

Fig. 6. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragments of bowls with handles.

Fig. 7. Kolomyitsiv Yar, 2016. 1 - Fragment of an undecorated lid; 2-5 - fragments with pressed decoration.

Fig. 8. Kolomyitsiv Yar, 2016. 1-9 - Fragments of painted vessels (monochrome and 3,6 bi-chrome); 10 - fragment of a vessel with legs.

Fig. 9. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragments of pottery with incised decoration: 1-9 - pear-like vessels; 10-12 - helmet-shaped lids.

Fig. 10. Kolomyitsiv Yar, 2016. Fragments of pottery with incised decoration: 1-5 - conical lids; 6-7 - binocular vessels.

28.01.2017

Др. хаб. Михаил Видейко, НИЛ археологии, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Бульварно-Кудрявская 18/2, Киев, Украина, e-mail: ndl.a@kubg.edu.ua

Рене Улрау (Rene Ohlrau), Graduate School "Human Development in Landscapes" Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, Leibnizstr. 3, 24118 Kiel, Germany, e-mail: rohlrau@gshdl.uni-kiel.de

Евгений Слесарев, НИЛ археологии, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Бульварно-Кудрявская 18/2, Киев, Украина, e-mail: slesarev.ye@gmail.com

Мария Видейко, НИЛ археологии, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Бульварно-Кудрявская 18/2, Киев, Украина, e-mail: m.videiko@kubg.edu.ua

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА МОДЕЛИ НОСА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРГАНЕ НА РЕКЕ МОЛОЧНОЙ (УКРАИНА)

Юрий Рассамакин

Он взял бережливо найденный нос в обе руки, сложенные горстью, и еще раз рассмотрел его внимательно

Н.В. Гоголь, «Нос»

Ключевые слова: энеолит, эпоха ранней бронзы, ямная культура, смолистые вещества, деготь, подкурганные погребения.

Курган 24 был исследован автором в 1984 году, в период работы Запорожской археологической экспедиции Института археологии НАНУ (нач. В.В. Отрощенко) в зоне строительства Северо-Рогачикской оросительной системы. Курган находился у с. Виноградное Токмакского р-на Запорожской обл. (Отрощенко и др. 1984, 51-79). Он был одним из самых высоких курганов, которые располагались цепочкой вдоль края плато правого высокого берега р. Молочной, в 3 км от южной окраины села. С его вершины были хорошо видны другие высокие курганы, расположенные на высоких выступающих мысах, и открывался чудесный вид на широкую пойму реки. Поверхность кургана никогда не распахивалась. Современная высота составляла 5 м, диаметр 54×62 м. Северная пола крутая, южная – более пологая и несколько удлинена.

Глубина древнего горизонта 5,3 м от «0», мощность 0,35 м. Древний горизонт фиксировался только в пределах первой насыпи эпохи энеолита. Курган сооружен в 11 приемов и имел восемь насыпей и три локальные досыпки. В нем исследованы 35 погребений: три – энеолитические (№ 21, 27 и 30); 16 – ямной культуры (№ 2, 5, 7-9, 14, 16, 18, 20, 20а, 23-25, 28, 29 и 31); шесть – т.н. раннекатакомбных (№ 11, 15, 19, 22, 26 и 34); шесть – ингульской катакомбной культуры (1, 6, 12, 17, 32 и 33); одно – культуры многоваликовой керамики (№ 13); одно – киммерийское (№ 4) и два – неопределенных (№ 3 и 10)[1].

Большинство погребений кургана от эпохи энеолита до эпохи средней бронзы вместе с насыпями и досыпками образуют надежно установленную стратиграфическую колонку. Несмотря на интереснейшие материалы из многочисленных инвентарных погребений эпохи ранней бронзы, включая наличие в нескольких из них остатков деревянных колес и деталей от повозок, особый интерес вызвало погребение 18 ямной культуры благодаря одной неожиданной детали.

Это погребение было стратиграфически одним из наиболее поздних среди погребений ямной культуры. Уровень его впуска фиксировался в профиле одной из бровок. Погребение было перекрыто локальной досыпкой VII, мощностью 0,6 м. Оно предшествовало еще двум ямным погребениям 25 и 14, а также погребению 15 – первому из впускных раннекатакомбных погребений, перекрытых насыпью VIII. Затем в курган были впущены последовательно раннекатакомбные погребения, перекрытые досыпками, а позже – погребения ингульской катакомбной культуры. Для большинства стратифицированных погребений удалось также получить 23 радиоуглеродные даты. 11 из них опубликованы (Рассамакін 2006, 131-153; Görsdorf, Rassamakin, Häusler 2004); теперь вся серия требует более детального анализа в контексте стратиграфии кургана.

Для интересующего нас погребения по образцу дерева из перекрытия была получена дата в Берлинской лаборатории Немецкого Археологического Института: (Bln 4690) 4168±38 BP. Соответственно, калибрационные интервалы по программе OxCal 3.10 составили: δ1 2880-2850, 2820-2670; δ2 2880-2620 BC., что хорошо вписывается в общую шкалу абсолютных дат для ямных и раннекатакомбных погребений кургана.

Погребение 18 (рис. 1; 2) было совершено в яме с уступами. Верхняя часть ямы в плане не

[1] Энеолитические погребения и некоторая информация о кургане опубликованы (Рассамакін 1990, 66-69). Автор готовит полную публикацию материалов

Рис. 1. с. Виноградное, курган 24: общий вид погребения 18 (фото Ю.Я. Рассамакина).

прослежена, но ее разрез хорошо фиксировался в профиле бровки. Яма заполнена рыхлым комковатым черноземом. Уступы оставлены на глубине 3,1 м от поверхности кургана (5,4 м от «0»). Стенки верхней ямы к уступам расширялись.

Яма ниже уступов прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси ССЗ – ЮЮВ. Стенки ямы ко дну расширяются. Длина ямы по дну 2,0 м, ширина 1,52 м, глубина дна 4, 4 м от поверхности кургана (6,7 м от «0»). Яма перекрывалась поперек бревнами, просевшими в ее заполнение. Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ[2]. Руки вытянуты, правая лежала тела, ее кисть была согнута под прямым углом, очевидно, первоначально упиралась в бедро правой ноги. Левая рука лежала на теле, а ее кисть была зажата между бедренными ногами. Ноги согнуты под прямым углом к телу и острым в коленях. Кости окрашены охрой, особенно интенсивно череп. В области височных костей черепа были найдены две серебряные спиралевидные подвески (1). На лицевой части сильно раздавленного черепа обнаружена объемная модель носа из смолы (2), окрашенная яркой красной охрой. В зубах находилась зажатая смоляная пластинка с их отпечатками. По дну прослежена толстая меловая подсыпка, очерчивающая прямоугольную зону подстилки, ее размеры 1,65×1,05 м.

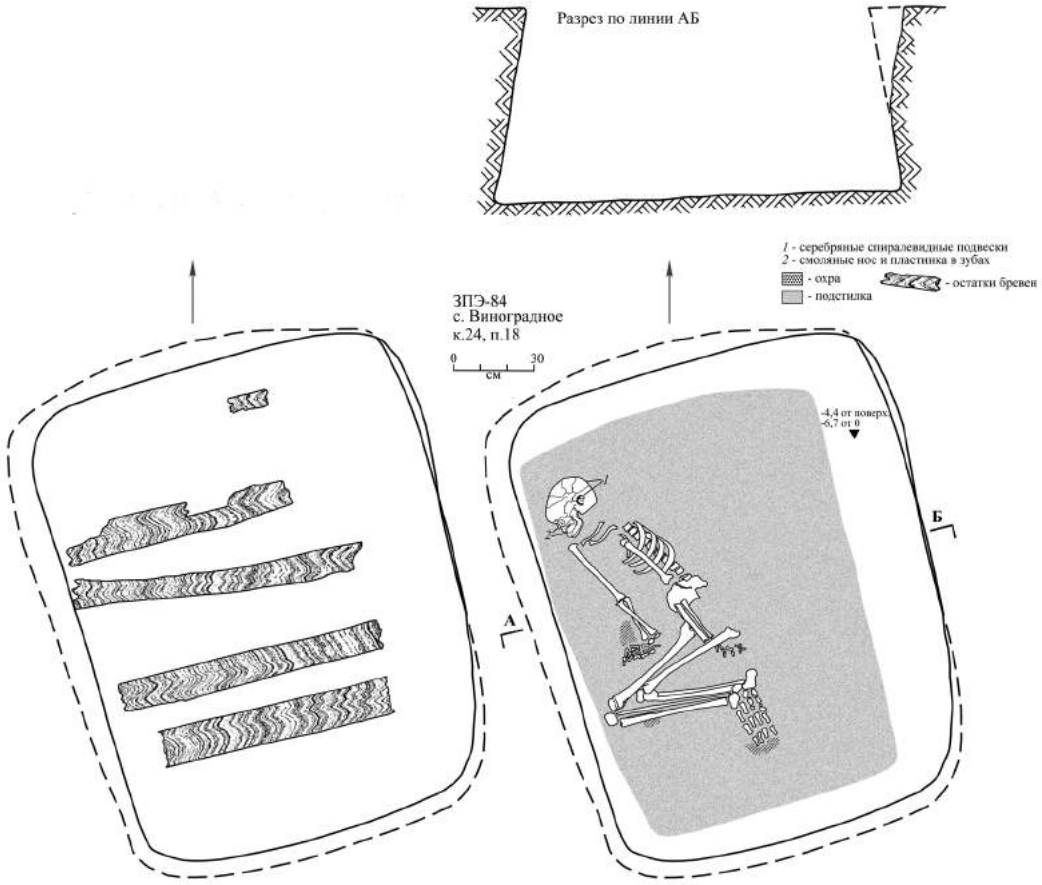
Описание находок:

1. Серебряные височные подвески в два с половиной оборота (2 экз.), изготовлены из тонкой, круглой в сечении проволоки, со слегка расплющенными и закругленными концами. Диаметр подвесок 0, 6 см, длина 1, 5 см (рис. 3).
2. Модель носа, образованная вследствие обмазки тонким слоем жидкой смолы кончика естественного носа умершей перед погребением (рис. 4; 5).

Несмотря на наличие редко встречаемых серебряных височных подвесок, в этом комплексе особый интерес вызвала модель носа, хорошо сохранившего свою естественную форму[3]. По сути, это был слепок, образовавшийся после того, как незадолго до погребения нос умершей ниже переносицы был тщательно обмазан тонким слоем жидкой смолы, окрашенной сверху красной охрой. Слепок сохранил хорошо выраженные детали, которые прекрасно передают естественную форму носа умершего человека, его рельефность, объем, ноздри и переход к верхней губе, а также к переносице. Конечно, форма несколько деформировалась в процессе разложения мягких тканей и затвердевания смолы, но тем не менее она отражает реальные черты лица представителя местной ямной культуры, что само по себе уникально.

[2] К сожалению, сохранность скелета, в частности, черепа была крайне плохой (рис. 1), но присутствующая при раскопках антрополог Е.А. Шепель установила, что скелет принадлежал относительно молодой женщине.

[3] Аналогичные подвески от 1,2-2 до 3,5 оборотов в Северо-Западном Приазовье (тип 1 по классификации автора) представлены в 8 погребениях ямной культуры из 589 изученных автором (Рассамакин 1992б, 94).



1

2

Рис. 2. с. Виноградное, курган 24: 1 - общий вид, остатки перекрытия и разрез ямы погребения 18; 2 - акварельный рисунок погребения 18.

Менее выразительной оказалась короткая рельефная смоляная пластинка, зажатая в зубах умершей, которую сложно проиллюстрировать. На ней просматриваются отпечатки нескольких зубов и, очевидно, складка, передающая отпечатки сомкнутых губ.

Само наличие смолы на костях погребенных не является явлением уникальным, хотя и редким. Кроме того, известны погребения, где найдены «лепешки» затвердевшей смолы, уложенные, очевидно, первоначально в жидком состоянии в специальные мешочки. Автор всесторонне не исследовал эту тему, но отметил случаи, когда подобные находки встречались в процессе раскопок, прежде всего, в ямных и так называемых раннекатакомбных погребениях, в частности, в курганах бассейна р. Молочной (Рассамакин 1992а, 10)[4]. Собственно, в этом же кургане 24, в ямном погребении 24 (Rassamakin 1999, fig.

[4] В погребениях Северо-Западного Приазовья смола была найдена в 13 случаях, что составляло 2,2% изученных погребений региона (Рассамакин 1992б, 111).

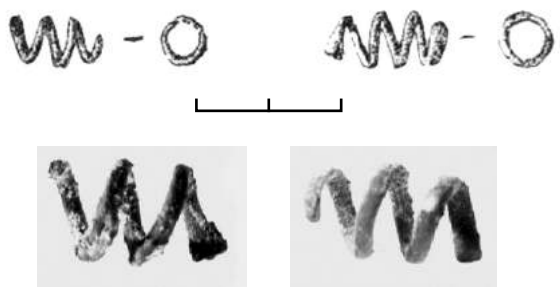


Рис. 3. с. Виноградное, курган 24, погр. 18: серебряные височные подвески.

3.50/3) у головы умершего лежала «лепешка» смолы, сохранившая форму небольшого, очевидно, кожаного мешочка со следами складок от него, а в раннекатакомбном погребении 22 того же кургана, в районе черепа, были найдены кусочки смолы, два из которых сохранили фасолевидную форму. По мнению автора, они могли закрывать ушные раковины и, возможно, ноздри. В недалеко расположенном от кургана 24 кургане 3, в парном погребении 7 ямной культуры у одного из скелетов правая глазница и ноздревые отверстия были «забиты» смолистым веществом, а в погребении 25 (Rassamakin 1999, fig. 3.50/7) кусочки смолы были найдены возле носовых отверстий.

Два очень выразительных раннекатакомбных погребения были исследованы Молочанской экспедицией под руководством А.И. Тереножкина в 1951-1952 годах возле с. Новофилиповка, недалеко от г. Мелитополя: группа «Аккермень I», курган 14, погр. 7 и курган 20, погр. 1 (Вязьмітіна та ін. 1960, 62, 126-127, рис. 46; 92). В первом случае слой смолы закрывал значительную часть черепа, на лобной части которого был отмечен след сильного рубящего удара, проломившего кость, а между позвонками поясницы и ребрами правой стороны был найден кремневый наконечник стрелы (Вязьмітіна та ін. 1960, 62). Во втором случае слой смолы с сохранившимися на нем отпечатками волос находился под черепом, но по мнению авторов раскопок первоначально закрывал весь череп.

Эти оба случая отметил Л.С. Клейн, который предложил очень интересную гипотезу, связанную с использованием смолы как своеобразного клея для прикрепления к головам умерших срезанных с них скальпов, рассмотрев смысл этих действий на фоне этнографических, письменных и археологических источников (Клейн 1961).

Случаи находок смолы отмечены и на других территориях. Например, в двух погребениях ямной культуры Днепровского Левобережья, в бассейне р. Самара, у с. Новошандровка, курган 3, погр. 2 и с. Вербки, гр. I, курган 9, погр. 2. В первом случае среди костей лицевого отдела упомянуты два «тампона» из смолистого вещества, закрывавших грушевидные отверстие. Во втором случае на лицевых костях черепа были собраны, «фрагменты погребальной маски из черного смолянистого вещества», а грушевидное отверстие также закрывали «тампоны». Автор публикации даже рассматривает эти находки как случаи частичного или полного портретирования, отражающие высокий социальный статус погребенных (Марина 1998, 53-54).

В Северо-Восточном Приазовье в ямных погребениях отмечены два случая находок небольших «лепешек» смолы, окрашенных охрой (Санжаров 2001, 26), а в трех раннекатакомбных погребениях (Огородное, к. 3, погр. 6; Жданов, Виноградники, к. 1, погр. 8 и Калиновка, к. 1, погр. 10) при пяти скелетах «у черепа на лице» обнаружена смола в виде небольших лепешек (Санжаров 2001, 54).

О четырех случаях находок смолы в погребениях эпохи средней бронзы из курганов бассейна р. Северский Донец (Тельмана, к. 1, погр. 9; Гончаровка, к. 1, погр. 5а и 5б; к. 1, погр. 6) пишет В.Ю. Выборный. Им была поставлена задача выяснить ее физико-химический состав и на основании сравнения с результатами аналогичного анализа двух современных образцов битума и прополиса определить характер использования смолы (Выборный 1990). Все образцы из погребений по составным элементам оказались более близкими к прополису, чем к битуму. Поэтому исследователь не исключил, хотя и не бесспорно, прополисное происхождение смолы из погребений, а следовательно, ее использование в лечебных целях (Выборный 1990, 53), но результаты самих анализов опубликованы не были.

К сожалению, анализы смол из упомянутых выше погребений эпохи ранней бронзы не

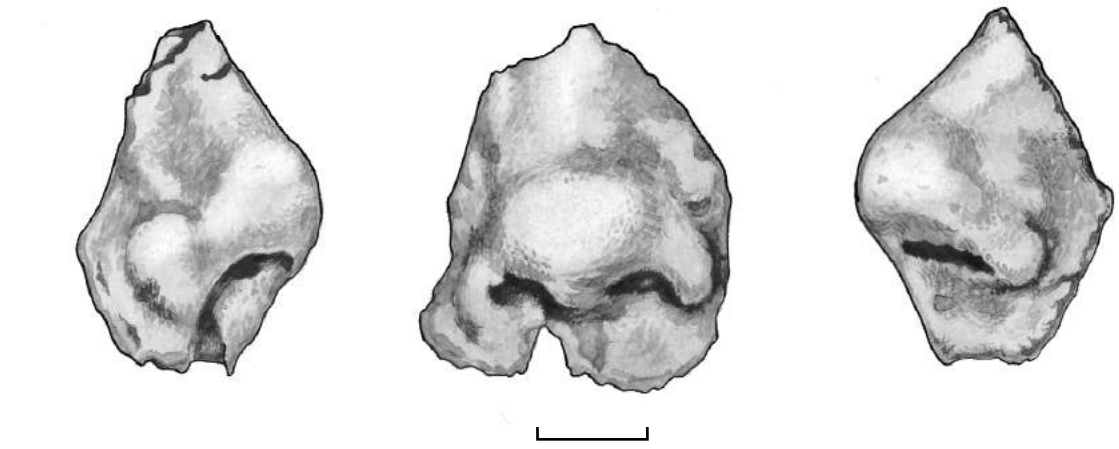


Рис. 4. с. Виноградное, курган 24, погр. 18: смоляной слепок носа, акварельный рисунок.

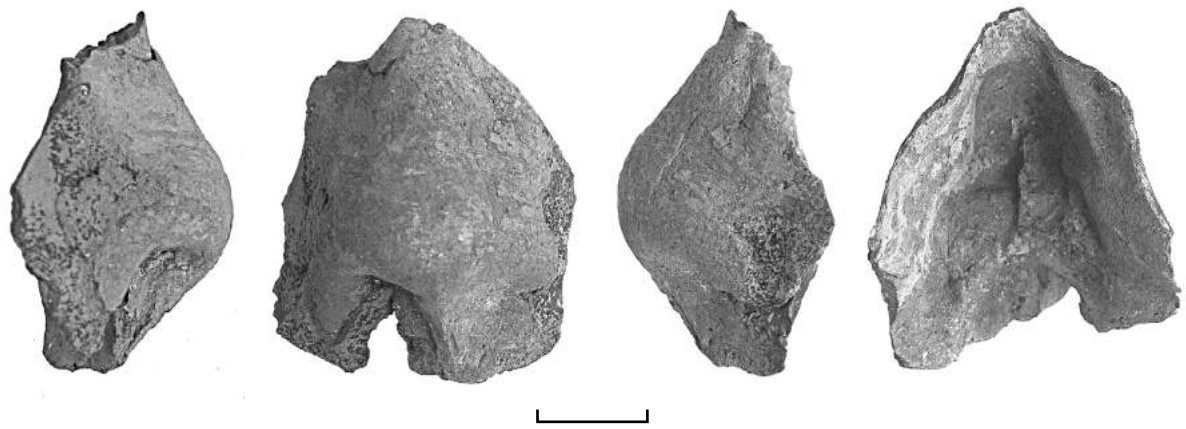


Рис. 5. с. Виноградное, курган 24, погр. 18: смоляной слепок носа (фото Ю.Я. Рассамакина).

проводились. Определенный свет на характер ее возможного использования проливают находки смолы из более древних погребений, указывая на более раннее появление этой традиции. В кургане 2 у с. Облои, Голопристаньского района, Херсонской области (Украина) древнейшими были погребения эпохи позднего энеолита, составлявшие небольшой подкурганный могильник (Евдокимов, Рассамакин 1988, 79-83). В трех погребениях (№ 11, 16 и 23) была обнаружена смола (Евдокимов, Рассамакин 1988, рис. 2, 3, 5, 6). В погребении 11 кусок смолы лежал у лобной кости погребенного. В погребении 16 кусок смолы в виде стержня длиной 5,5 см находился у основания черепа (рис. 6/1), а недалеко от левого плеча лежала «лепешка» смолы правильной овальной формы с мелкими, хорошо видимыми на всей поверхности белыми кольцевидными включениями – длиной 9,5 см, шириной 7,5 см, толщиной до 2 см (Евдокимов, Рассамакин 1988, рис. 3, 6, 9) (рис. 6/2). Еще в одном случае, в погребении 23, один кусок смолы был найден у челюсти, а большая смоляная пластина, имевшая размеры 11×7,5 см, прикрывала правую лопатку погребенного повторяя форму последней (рис. 6/3). Пробы смол из погребений 16 и 23 были проанализированы проф. Е. Лангером (Отдел химии университета им. А. Мицкевича в Познани) в рамках проекта по изучению древнейшего производства дегтя. Оказалось, что смола из обоих погребений происходила из одного «замеса» и представляла смесь березы и сосны, в пропорции 2:1, полученной

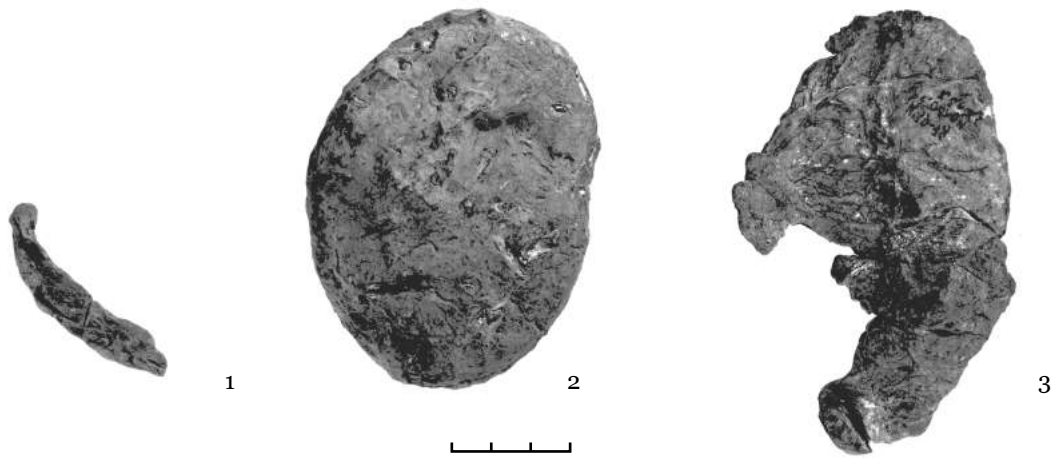


Рис. 6. с. Облои, курган 2, смола из погребений: 1, 2 - погр. 16; 3 - погр. 23 (фото Г.И. Лысенко).

в результате сухой дистилляции. Другими словами, это был деготь с хорошо известными его лечебными свойствами (Kośko, Langer 1986; Евдокимов, Рассамакин 1988, 90).

Интересно, что позднее, в той же лаборатории, был исследован образец смолы с трипольского мега-поселения Тальянки этапа Триполье С/I, анализ которого показал исключительно физическую чистоту субстанции без включений минеральных или органических материалов (например, луба) (Косько, Лянгер 2000, 135-137). При этом исследователи отмечают близость химического состава этой пробы к составу смол из погребений в Облоях[5], хотя в них подобные включения визуально были хорошо видны. С другой стороны, исследователи отметили отличие результатов анализа из Тальянок от данных, полученных для памятников куявской области культуры воронковидных кубков. Это дало основание сделать вывод о том, что производство дегтя на востоке Европы было более совершенным в результате двойного процесса, который давал возможность лучше очищать продукт (Косько, Лянгер 2000, 135-137). Относительно использования древнего дегтя авторы указывают на такие его функции, как применение в качестве клея, для консервации и в лечебно-магических целях (Косько, Лянгер 2000, 137), включая, например, лечение болезней кожи, а также в качестве антисептика для защиты ран.

Судя по характеру размещения смолы на скелетах в погребениях эпохи ранней бронзы, предпочтение, по-видимому, нужно отдать ее лечебно-магическим функциям, и публикуемый здесь слепок носа каким-то образом связан именно с этим. С другой стороны, также примечателен тот факт, что смолой, очевидно, могли закрываться ушные раковины и ноздри уже умершего человека, что должно было бы подтвердить магическую составляющую обряда. Но автор пока далек от мысли проводить какие-либо параллели с традицией «портретирования» черепов в погребениях ингульской катакомбной культуры.

[5] Погребения в Облоях, как и другие близкие позднеэнеолитические могильники в курганах данного региона, хронологически соответствуют периоду Триполье С/II (Евдокимов, Рассамакин 1988, 90; Рассамакин, Евдокимов 2010, 23-26).

Библиография

Выборный 1990: В.Ю. Выборный, Об одном из нетрадиционных изделий погребального обряда. В: Тезисы докладов областной научно-практической конференции «Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца (Луганск, 1990) (Луганск 1990), 51-53.

Вязьмітіна та ін. 1960: М.І. Вязьмітіна, В.А. Іллінська, Є.Ф. Покровська, О.І. Тереножкін, Г.Т. Ковпаненко, Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу "Аккермень". В: Археологічні пам'ятки УРСР, VIII, 1960, 22-135.

Евдокимов, Рассамакин 1988: Г.Л. Евдокимов, Ю.Я. Рассамакин, Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины. В сб.: (Отв. ред. О.Г.Шапошникова) Новые памятники ямной культуры на юге Украины (Киев: Наукова думка 1988), 79-92.

Клейн 1961: Л.С. Клейн, Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы. Советская этнография 2, 1961, 105-109.

Косько, Лянгер 2000: О. Косько, Ю. Лянгер, Дігтярство в трипільській культурі. Археологія 4, 2000, 135-138.

Марина 1998: З.П. Марина, Погребения ямной культуры Днепровского Левобережного Предстепья с изделиями из металла. В сб.: (Відп. ред. І.Ф. Ковальова) Проблеми археології Подніпров'я (Дніпропетровськ: ДДУ 1998), 47-57.

Отрощенко и др. 1984: В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакин Ю.Я., Л.Ф. Константинеску, Е.В. Нор, О.В. Покляцкий, И.П. Савовский, Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1984 году. Научный архив Института археологии НАН Украины, № 1984/10.

Рассамакин 1992а: Ю.Я. Рассамакин, Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук (Киев 1992).

Рассамакин 1992б: Ю.Я. Рассамакин, Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья. Рукопись диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук (Киев 1992). Научный архив Института археологии НАН Украины, Фонд диссертаций, № 718.

Рассамакін 1990: Ю.Я. Рассамакін, Енеолітичні поховання Північно-Західного Приазов'я. Археологія 1, 1990, 64-74.

Рассамакін 2006: Ю.Я. Рассамакін, Курган біля с. Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної. Матеріали та дослідження з археології Східної України 5, 2006, 122-156.

Рассамакин, Евдокимов 2010: Ю.Я. Рассамакин, Г.Л. Евдокимов, Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита. Донецкий археологический сборник 13-14, 2010, 7-29.

Санжаров 2001: С.Н. Санжаров, Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья (Луганск: изд-во ВНУ 2001).

Görsdorf, Rassamakin, Häusler 2004: J. Görsdorf, Yu. Rassamakin, A. Häusler, ^{14}C-Datings of Mound 24 of the Kurgan Group near Vinogradnoe Village, Ukraine. In: (Eds. T. Higham, C. Bronk, C. Owen) Radiocarbon and Archaeology: Fourth International Symposium, St Catherine's College, Oxford, 9-14th April, 2002 (Oxford: Oxford University School of Archaeology 2004), Monograph 62, 127-134.

Kośko, Langer 1986: A. Kośko, J. Langer, Z badań nad wytwarzaniem i użytkowaniem dziegciu w neolicie. Kwartalnik Historii Kultury Materialnej 4, 1986, 587-600.

Rassamakin 1999: Yu. Rassamakin, The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC. In: M. Levine, Yu. Rassamakin, A. Kislenko, N. Tatarintseva, Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe (McDonald Institute Monographs, University of Cambridge 1999), 59-182.

O descoperire unică a unui model de nas în înmormântarea culturii Jamnaja din tumulul de pe râul Moločnaja (Ucraina)

Cuvinte-cheie: eneolitic, epoca bronzului timpuriu, cultura Jamnaja, substanţe răşinoase, gudron, înmormântări tumulare.

Rezumat: În lucrare este publicat mormântul unei femei tinere, atribuit culturii Jamnaja. Pe partea din faţă a craniului, puternic zdrobit, a fost descoperit modelul volumetric al unui nas, realizat dintr-o substanţă răşinoasă, vopsit cu ocru de culoare roşie-aprinsă. Masca s-a format datorită faptului că, la scurt timp înainte de înhumare, nasul defunctei, mai jos de baza acestuia, a fost uns cu un strat subţire de răşină lichidă, vopsit deasupra cu ocru roşu. Modelul a păstrat bine detaliile care transmit perfect forma naturală a nasului defunctei, relieful acestuia,

volumul, nările şi trecerea la buza superioară precum şi baza nasului. Deşi piesa a fost puţin deformată în procesul de descompunere a ţesuturilor moi şi de întărire a răşinii, aceasta reflectă caracteristicile reale ale reprezentantului local al culturii Jamnaja, care, în sine este unic.

Mai puţin expresivă a fost o placă scurtă de răşină fixată între dinţii decedatei. Pe aceasta pot fi urmărite amprentele mai multor dinţi şi, evident, amprentele buzelor strânse.

În baza acestei descoperiri, autorul analizează alte cazuri de identificare a răşinilor în înmormântările epocii bronzului timpuriu (înmormântările culturii Jamnaja şi cele aparţinând tipului timpuriu al culturii înmormântărilor în catacombe). Pentru determinarea caracterului folosirii răşinii autorul utilizează exemple din morminte mai vechi ale epocii eneolitice tardive. Analizele răşinilor au demonstrat că este vorba despre gudron. Prin urmare, autorul consideră că în eneoliticul tardiv şi bronzul timpuriu răşina era utilizată în scopuri medicale şi magice.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Vinogradnoe, tumulul 24: mormântului 18, vedere generală (foto de Y. Rassamakin).

Fig. 2. Vinogradnoe, tumulul 24: 1 - resturile acoperişului şi secţiunea gropii mormântului 18, vedere generală; 2 - desenul în acuarelă al mormântului 18.

Fig. 3. Vinogradnoe, tumulul 24, mormântul 18: inele de tâmplă din argint.

Fig. 4. Vinogradnoe, tumulul 24, mormântul 18: modelul de răşină al nasului, desen în acuarelă.

Fig. 5. Vinogradnoe, tumulul 24, mormântul 18: modelul de răşină al nasului (foto de Y. Rassamakin).

Fig. 6. Obloi, tumulul 2, răşină din înmormântări: 1, 2 - mormântul 16; 3 - mormântul 23 (fotografie de G.I. Lysenko).

A unique find of a cast of a nose from a grave of the Pit Grave culture, the Molochnaya River region (Ukraine)

Keywords: Eneolithic period, Early Bronze Age, Pit Grave culture, resinous substances, tar, kurgan graves.

Abstract: A burial of a young woman belonged to the Pit Grave culture revealed a cast of a nose made of a resinous substance on the face of a badly crushed skull; the cast was covered with a layer of bright red ochre. It had been formed as a result of the fact that shortly before her burial a nose of the deceased, below the bridge, was carefully covered with a thin layer of liquid resin and painted over with red ocher. The cast retains well-defined details that perfectly reflect the natural shape of the deceased's nose: its shape, size, nostrils, transition into the upper lip and to the nasal bridge. Due to the decomposition of soft tissues and hardening of resin, the shape has been slightly deformed but, nevertheless, it reflects anatomical features of one of the bearers of the local Pit Grave culture.

A short resin plaque clamped between the teeth of the deceased is less informative. It shows the prints of several teeth and a fold which, probably, delineates the imprints of closed lips.

In connection with these finds the author discusses other cases of presence of resinous substances in graves of the Early Bronze Age (burials of the Pit Grave culture and burials of the early Catacomb type); also cited are examples from the burials of the earlier Late Eneolithic period. Analysis of resinous substances from the latter defined them as tar. Therefore, the author suggests that in the late Eneolithic and the Early Bronze Age the population used resinous substances for therapeutic and magical purposes.

List of illustrations:

Fig. 1. Vinogradnoe, kurgan 24: grave 18 (photo Yu. Ia. Rassamakin).

Fig. 2. Vinogradnoe, kurgan 24: 1 - plan, remains of the pit covering and profile of grave 18; 2 - watercolor drawing of burial 18.

Fig. 3. Vinogradnoe, kurgan 24, grave 18: silver temple pendants.

Fig. 4. Vinogradnoe, kurgan 24, grave 18: watercolor drawing of the resin cast of a nose.

Fig. 5. Vinogradnoe, kurgan 24, grave 18: resin cast of a nose (photo Yu. Ia. Rassamakin).

Fig. 6. Obloi, kurgan 2, resin: 1, 2 - grave 16; 3 - grave 23 (photo G.I. Lysenko).

19.09.2017

Др. Юрий Рассамакин, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: yuri.rassamakin@gmail.com

КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОВОЗКОЙ ИЗ КУРГАНА У С. ВОЙКОВО

Дмитрий Тесленко

Ключевые слова: катакомбная культура, деревянные повозки, Нижнее Поднепровье, погребальный обряд, архивные материалы.

В 1970 г. экспедицией Днепропетровского музея (руководитель Л.П. Крылова) при раскопках кургана кургана 2 в районе окисленных отвалов ЮГОК, у с. Войково (Днепропетровская область, Украина) было открыто катакомбное погребение (№ 23) с повозкой уникальной сохранности. В свое время автором раскопок материалы погребения опубликованы не были, а значительно позже они были частично включены в работы С.Ж. Пустовалова (Пустовалов 2000, 308-311, рис. 10/6, 7; 11/1, 2), Е.В. Избицер (Избицер 2010, 191-192, рис. 4/1-2), А.А. Мельника и И.А. Стеблиной (Мельник, Стеблина 2012, 407-408, рис. 256; 257/1-5).

Ниже приводится текст из отчета о раскопках, написанный Л.П. Крыловой (Крылова 1970). В нем дается и описание погребения, и процесс раскопок, и интерпретация сохранившихся частей повозки. К сожалению, условия находки повлияли на ход работ, на их уровень и фиксацию находок в полевой документации. Описания, приведенные в тексте, расходятся с данными, отраженными на чертежах; несоответствия присутствуют и на самих чертежах. Поэтому ниже приводятся как описание погребения согласно тексту отчета, так и приведенные автором раскопок чертежи (рис. 1; 2).

Катакомбное погребение № 23 являлось впускным в курган, где основным было погребение ямной культуры. Согласно официальному отчету экспедиции, входная яма (погребение № 23) прямоугольной формы со скругленными углами яма 2,5 м в длину и 2,0 м в ширину была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. При расчистке ямы, на 2,6 м от уровня обнаружения пятна, в заполнении появились бесформенные каменные глыбы железистого кварцита, размером от 0,2×0,1 м до 0,5×0,3×0,1 м. Ниже, на глубине 3,15 м, среди завала камней и земли стали появляться кости животных очень плохой сохранности, без определенного анатомического порядка. До самого дна заполнение ямы состояло из завала камней, костей и грунта. На уровне 3,6 м в западном углу ямы появились остатки кострища с золой, угольками и кальцинированными костями животных, расположенными на обожженной материковой глине. На уровне кострища были выявлены границы ступеньки, идущей по диагонали входной ямы, из северного угла к южному. Высота ступеньки составила 0,5 м. В северном углу ямы на дне лежали лопатки крупных животных со снятым гребнем и заостренным широким краем. Ко входу в камеру, устроенному в северо-восточной стенке входной ямы, вело покатое углубление длиной 1,1 м; в нем находились поставленные на ребро плиты, закрывавшие вход в камеру. На дне углубления были найдены фрагменты стенки реповидного сосуда, использовавшейся в качестве курильницы; там же встречались отдельные угольки. Вход в камеру сохранился открытым и представлял собой узкую горизонтальную щель шириной 1,1 м, высотой 0,5 м и длиной 0,7 м. Камера оказалась свободной от земли, так как ее стенки оползли вниз, а потолок не обрушился, а лишь сильно растрескался и провис по центру. В углах потолка сохранились границы камеры прямоугольной формы с четко выделенными углами; судя по углам, потолок камеры был горизонтальным, и на нем сохранились следы небольшого желобчатого орудия. Первоначальные размеры камеры, четко прослеживающиеся в углах, составляли 3 м в длину, 2,8 м в ширину и 2,6 м в высоту.

«На дне катакомбной камеры по центру были сосредоточены части деревянной двухколесной повозки, помещенной в разобранном виде. Оба колеса находились у северо-восточного угла камеры. По центру вся площадь

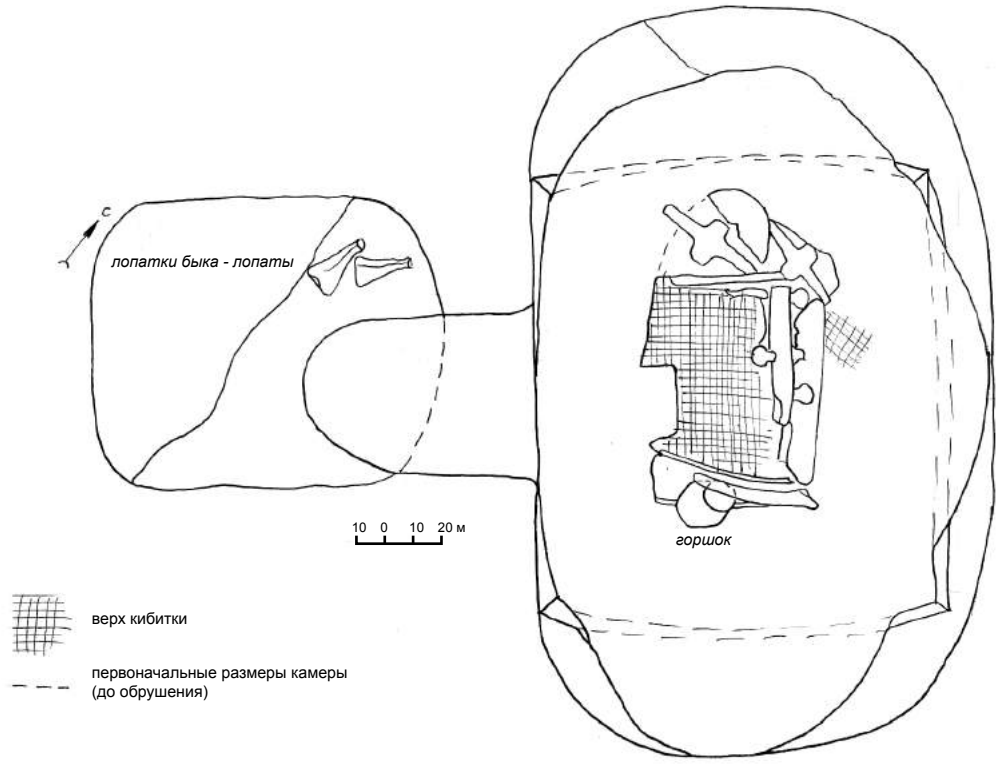


Рис. 1. План погребального сооружения (по Крылова 1970).

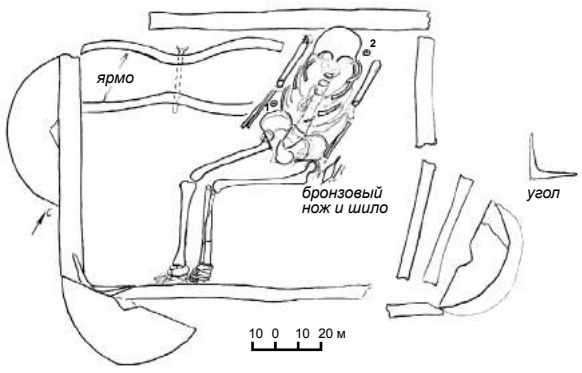


Рис. 2. Расположение погребенного и повозки в камере (по Крылова 1970).

повозки была покрыта плетенкой от верха обтяжки повозки, на которой сохранился геометрический узор, нанесенный красной, белой и черной краской и представлявший трехцветную зигзагообразную полосу. У задней стенки осевшей катакомбы находилась передняя стенка повозки, украшенная четырьмя фароподобными украшениями на ножке, вставлявшимися в передок. За ними располагалась и задняя стенка, лежавшая вдоль камеры. Между ними находились остатки ярма, разломившиеся на четыре части по местам, где вставлялся средний штырь, сделанный из тонкой деревянной палки, диаметром около 2-х см, оканчивавшейся вверху рогулькой. Из таких же палочек были боковые занозы, только меньшего диаметра. У юго-западного угла стоял горшок с выпуклыми боками и небольшим горлом, несколько более удлиненных форм, чем обычно горшки катакомбной культуры, высота его 27 см, наибольший диаметр 25 см. На горшок опиралась тонкая дощечка. После снятия части плетенки под ней обнаружили по краям передней и задней части дуговидные бруски с расширенными концами, на которые была натянута плетенка. По концам бруски крепились на округлые в сечении (2,5 см) столбики, разломившиеся на несколько частей. По углам плетенка загнута и прижата к брусьям остова угольниками. По центру повозки, под плетенкой сохранились следы костей человека во фрагментах: лобная часть черепной крышки, головки плечевых костей, ребра в мелких кусочках, фрагменты позвонков, пластинки от распавшихся тазовых костей, трубчатые кости в кусочках, по расположению

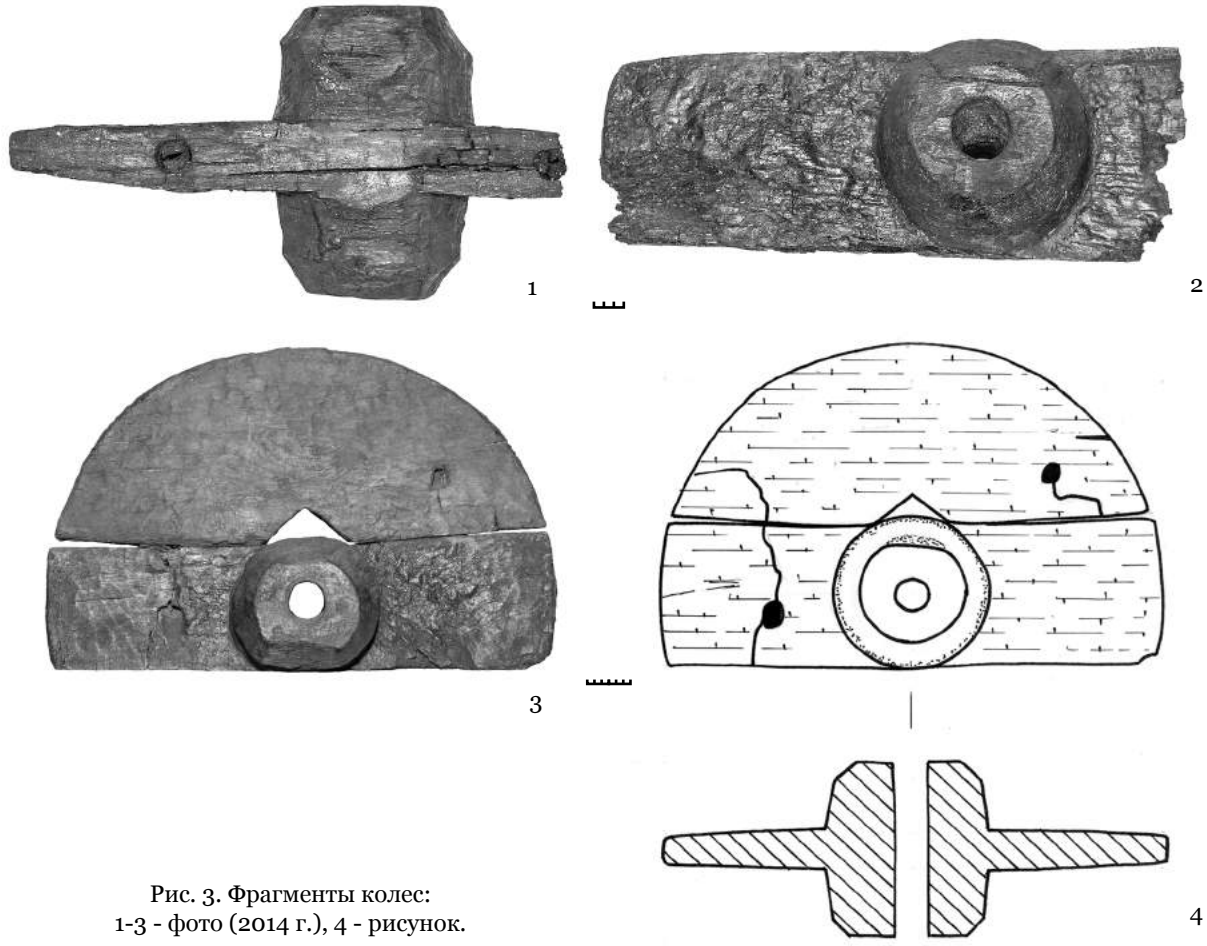


Рис. 3. Фрагменты колес:
1-3 - фото (2014 г.), 4 - рисунок.

которых можно судить о первоначальном положении погребенного в повозке человека. Он был в полусидячем положении, опираясь спиной на боковую стенку повозки и упираясь согнутыми в коленях ногами в противоположную стенку, но как бы по диагонали повозки, располагаясь головой на ЮВ, по оси ЮВ-СЗ» (Крылова 1970, 29-30).

Процесс расчистки описан автором отчета следующим образом: «В связи с аварийным состоянием свода катакомбной камеры, пустой внутри, который мог упасть в любое время и разрушить деревянные части повозки, находившиеся на поверхности завала, учитывая движение по соседству поездов электрички и невозможность в ночное время проделать работы по подготовке лесоматериалов для перекрытия повозки внутри камеры во избежание разрушения ее в случае обвала и воздействия воздуха, было решено не откладывая до утра приступить к извлечению частей повозки, находящихся сверху при свете фар трактора, одновременно проводя закрепление верхней части деревянных деталей слоем клея БФ-2 со спиртом, т.к. дерево было достаточно сухим. Таким образом, до утра из камеры были извлечены детали колес, передка, задней доски, остатки ярма, дуговидных брусьев, часть плетеной обтяжки, горшок и более мелкие детали, находившиеся сверху.

Дальнейшая работа по расчистке и фиксации погребения проводилась таким образом: вся внутренняя часть камеры по завалу земли и центр ее, где находились остальные детали повозки, были затянуты полиэтиленовой пленкой, во избежание попадания земли во время вскрытия свода катакомбы. Затем над центром и по всей площади камеры из входного отверстия вееро3м с упором на землю у стенок обвалившейся части были проложены бревна, по которым вдоль и поперек камеры сделали настил из досок так, что под ними в центре, где находились остатки повозки сохранилась пустота. Ставить опорные столбы

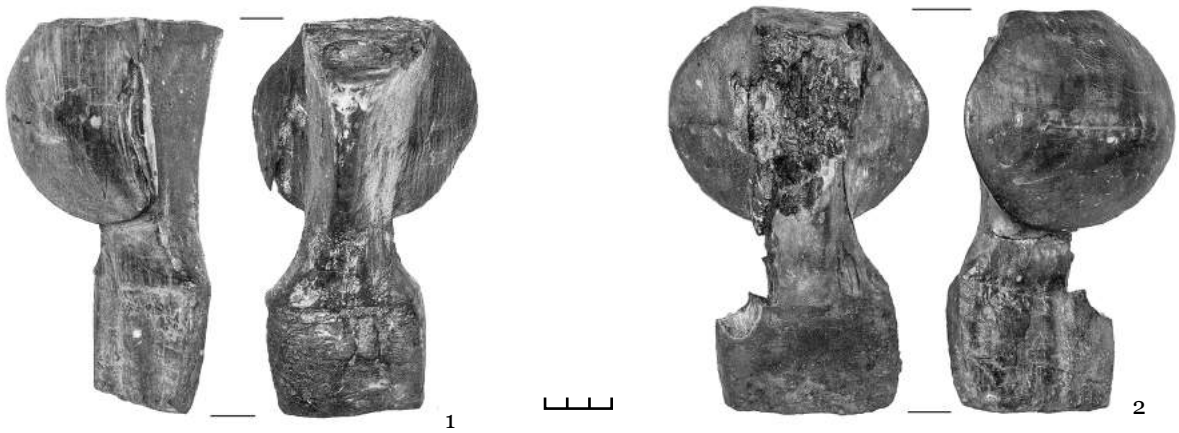


Рис. 4. 1-2: Украшения переднего (?) борта повозки (фото 2014 г.).

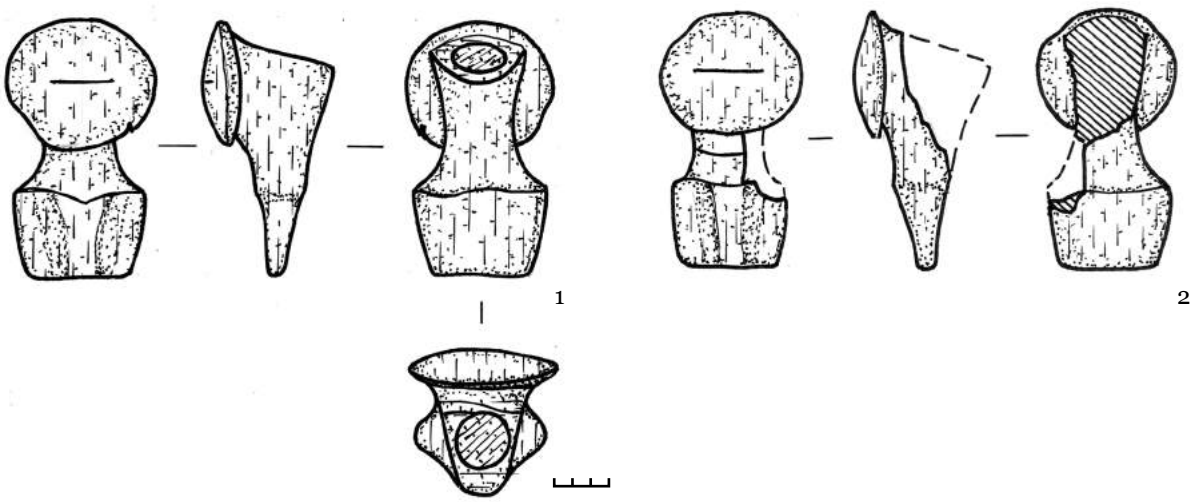


Рис. 5. 1-2: Украшения переднего (?) борта повозки.

и делать крепь внутри камеры было опасно, т.к. потолок (свод ее) достигал толщины всего около метра и имел трещины. После окончания сооружения настила верх был снят экскаватором «Беларусь», а затем настил очищен окончательно вручную. При первом же прикосновении к своду камеры ковша экскаватора, земля обрушилась и только наличие настила предохранило камеру от разрушения. Вскрытие камеры было произведено по большей площади, чем были ее размеры, и до уровня настила. Однако, при зачистке заполнения камеры по дну ее, дважды происходило оседание стенок в нижней части. Уже после снятия настила проводилась окончательная расчистка погребения. Несмотря на предпринятые меры, хотя земля и не попала на остатки повозки, проникновение воздуха оказалось губительным и все, не извлеченное сразу и не законсервированное на месте из-за невозможности проведения работ по технике безопасности, деревянные детали обратились в коричневую труху, по которой можно было лишь проследить отдельные детали положения повозки, ее остов, представлявший собой прямоугольную раму с перекрещивающимися посередине и идущими к углам плахами, опиравшимися в центре на какой-то круг с отверстием посередине. От границ круга, почти из центра, к северо-восточному углу камеры прослежены остатки деревянной, округлой в сечении, диаметром 5 см палки, для которой в углу дополнительно было выдолблено отверстие. Общая длина ее 2,3 м. При зачистке ко-

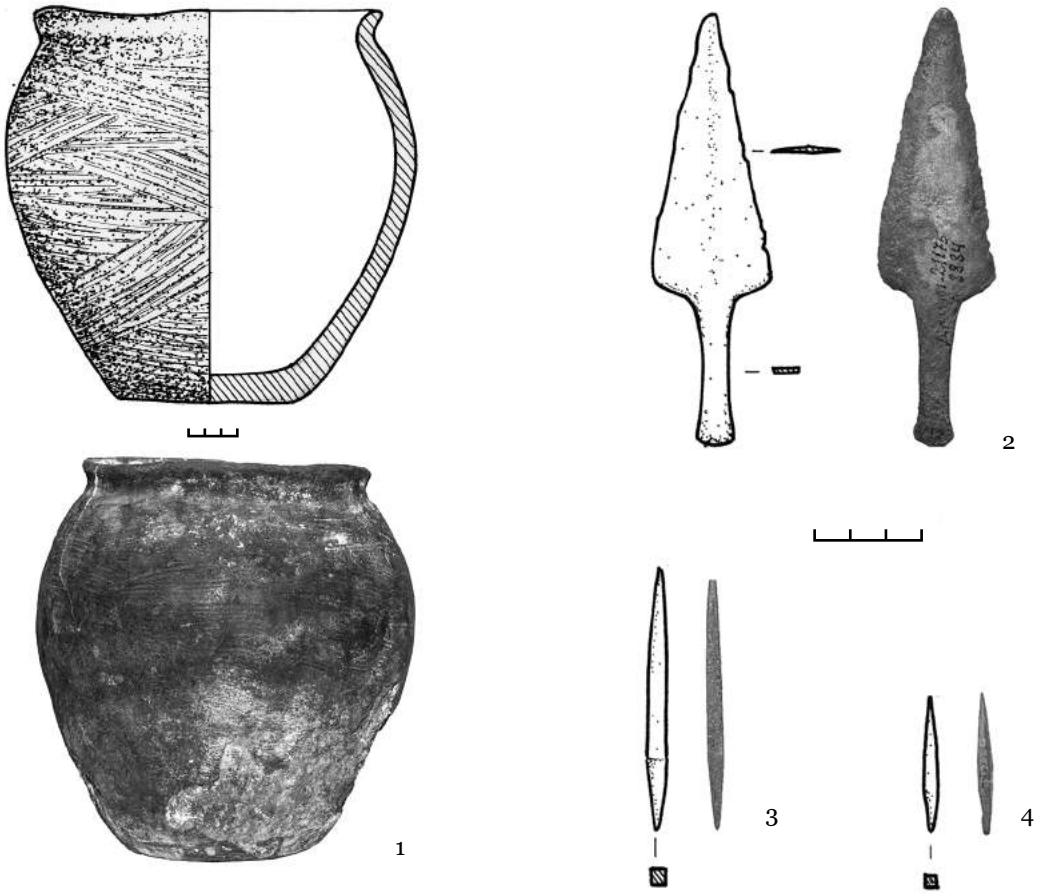


Рис. 6. Фото и рисунки погребального инвентаря:
1 - глиняный сосуд; 2 - бронзовый нож; 3, 4 - бронзовые шилья.

Рис. 7. Фрагменты ткани, покрывавшей кузов повозки.

стей погребенного в повозке человека обнаружено два бронзовых шила и бронзовый нож. Одно из шильев находилось рядом с горшком, второе, вместе с ножом располагалось у кисти левой руки. В области черепа и грудной клетки обнаружено две серебряных в 1,5 оборота подвески и около 300 мелких бусинок из ракушек диаметром около 1 мм. На дне повозки, выложенной корой дерева, и на костях предплечья сохранились следы разложившейся ткани, представлявшей собою что-то вроде современной тюли, округлые ячейки которой четко прослеживаются в виде сетки с отверстиями около 5 мм. На костях предплечья, у кистей, ткань расположена в несколько слоев. Сохранившиеся части позволяют реконструировать повозку в виде двухколесной кибитки, передвигавшейся двумя волами, запряженными с помощью ярма» (Крылова 1970, 28-32).

В качестве двухколесной повозке реконструирует и А.А. Мельник (Мельник, Стеблина 2012, рис. 257/7, 8). Однако в целом, предложенная

Рис. 8: 1-19 - Фрагменты конструкции деревянной повозки (фото 2014 г.).

реконструкция вызывает ряд вопросов. Во-первых, оснований для восстановления размеров кузова явно недостаточно. Во-вторых, ничем не обосновано предположение о том, что округлая палка, отходящая от круга, являлась фрагментом дышла; так же диаметр самого круга, от которого отходила палка, в отчете не указан. Сплошное дощатое дно кузова, представленное на реконструкции, даже в весьма настораживающих отчетных данных, ни разу не упоминается. Весьма неубедительно выглядит сцепка бортов при помощи угольников, при том, что и Крылова предполагала, что угольники должны были прижимать плетенку (Крылова 1970). Также неясно, почему борта кузова наклонены (Мельник, Стеблина 2012, рис. 258/1, 2). Под вопросом остается место конструкции с «фарами»: являлась ли она передним бортом? Налицо явная диспропорция толщины бортов. Также вызывает сомнение реконструкция устройства крыши: поскольку узлы крепления крыши крупнее и массивнее оголовника стойки каркаса, то такая тяжелая крыша попросту сломала бы стойки. Судя по описанию, размеры плетенки, покрывавшие кузов, значительно превышали площадь верха, поэтому было бы резонно предположить, что с боков повозка также была закрыта.

Если говорить о методике раскопок, то из текста отчета осталось неясным, что заставило сотрудников экспедиции заниматься извлечением деталей повозки и инвентаря погребения в глухую ночь при свете фар трактора. Учитывая глубину входной ямы и размеры дромоса, освещение было явно недостаточным. При этом, вопреки апелляции автора отчета к правилам по технике безопасности, именно эти правила, запрещающие подобную ночную деятельность, были нарушены. Неубедительны и ссылки на ночные электрички, вибрация от которых навряд ли оказала бы большее влияние на подвижку грунта, чем использовавшийся на кургане бульдозер.

Обращает на себя внимание, что адекватно описаны и переданы в музей детали повозки, изъятые ночью. На следующий день, вопреки установке дощатого настила, несмотря на весьма удобные условия для расчистки (экскаватор снял материк на площади, превышающей размеры камеры) не было зафиксировано и измерено ни одной деревянной детали, даже с учетом того, что дерево превратилось в труху. А при описании кузова нарушена последовательность – вначале описывается деревянная крестообразная конструкция с посередине, а затем указывается, что дно повозки было покрыто корой.

Как отмечалось выше, при сравнении текста и иллюстраций прослеживается ряд несоответствий. Согласно тексту отчета повозка была двухколесной, и в погребении она была оставлена в разобранном виде. В описании указано, что оба колеса повозки находились у северо-восточного угла камеры, а передний борт повозки, украшенный фигурными вставками, и задний борт, между которыми располагались остатки ярма, лежали у задней стенки камеры. В то же время, на общем плане погребения колёса показаны у одной стенки, а на выноске – три сегмента расположены у трех углов кузова, то есть колес было больше, чем два. Помимо этого, в 1980-е годы Л.П. Крылова в разговоре с сотрудницей отдела археологии Днепропетровского музея Л.Н. Чуриловой говорила, что повозка была в собранном виде, «целая». Три сегмента колес у трех углов кузова указывают на остатки трех колес; предположительно, остатками четвертого был круг, сохранившийся под кузовом.

При наличии всех указанных противоречий и вопросах, оставшихся необъясненными, важно указать, что при проверке ящиков с собранными деталями повозки, проведенной в 1996 году, было установлено, что все детали, описанные в отчете, сохранились в фондах музея (рис. 3-5, 7). Также, на учет было взято большое количество собранных фрагментов деревянных частей конструкции повозки (рис. 8). Обращает на себя внимание крайне незначительная степень сработанности ступицы колеса. Не исключено, что колёса были изготовлены специально для повозки, предназначавшейся для доставки покойника к месту погребения.

Несмотря на то, что точное местонахождение большинства фрагментов конструкции повозки не обозначено, их публикация может помочь их отождествлению в будущем, при сравнении с надежно документированными деталями повозок.

Библиография

Избицер 2010: Е.В. Избицер, Колесница с тормозом или реконструкции без тормозов. Stratum plus 2, 2010, 187-194.

Крылова 1970: Л.П. Крылова, Отчет об археологических раскопках Днепропетровского исторического музея в 1970 г., сентябрь-октябрь. Научный архив ИА НАНУ, Киев. 1969-1970/106.

Пустовалов 2000: С.Ж. Пустовалов, Курган «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта. Stratum plus 2, 2000, 296-321.

Мельник, Стеблина 2012: О. Мельник, І. Стеблина, Курганы Криворіжжя (Кривий Ріг 2012).

Mormântul cu car dintr-un tumul din preajma satului Voikovo

Cuvinte-cheie: cultura înmormântărilor în catacombe, car din lemn, regiunea Niprului Inferior, ritual funerar, materiale de arhivă.

Rezumat: În articol sunt publicate materialele din raportul de săpătură, ce include descrierea şi desenele unui mormânt al culturii înmormântărilor în catacombe din regiunea Niprului Inferior, în care a fost descoperit un car din lemn. Cercetarea insuficientă a acestuia a generat mai multe întrebări, unele dintre care sunt analizate în articolul de faţă. De asemenea, sunt publicate unele fragmente ale carului, păstrate în prezent în fondurile Muzeului Naţional de Istorie din Dnepropetrovsk, care, în viitor, ar putea fi comparate cu piesele similare provenite din complexe mai bine documentate.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Planul mormântului (după Крылова 1970).

Fig. 2. Poziţia defunctului şi a carului în camera funerară (după Крылова 1970).

Fig. 3. Fragmente de roată: 1-3 - fotografii (din 2014); 4 - desen.

Fig. 4. Decoraţiuni din lemn din partea din faţă a carului (fotografii din 2014).

Fig. 5. Desene ale decoraţiunilor din lemn din partea din faţă a carului.

Fig. 6. Fotografii şi desene ale inventarului funerar: 1 - vas din lut; 2 - cuţit din bronz; 3-4 - ace din bronz.

Fig. 7. Fragmente de material textil de la acoperişul carului.

Fig. 8. 1-19 - fragmente ale carului din lemn (fotografii din 2014).

A Catacomb grave with wagon from a kurgan near the village of Voikovo

Keywords: Catacomb culture, wooden wagons, Lower Dnieper region, burial rite, archival materials.

Abstract: This article provides a description and drawings of a Catacomb grave discovered in 1970 in the Lower Dnieper region, as they are presented in a field report. The grave contained a wooden wagon of a unique preservation but poorly made excavations and their recording have raised many questions; some of them the author discusses here. Meanwhile, a significant number of wooden fragments from the wagon are still preserved in storage at the Dnipropetrovsk National History Museum. Despite the fact that the fragments are not labeled and their initial location is unknown, their publication, when compared with documented details of other wagon constructions, could help with their identification in the future.

List of illustrations:

Fig. 1. Plan of the grave (after Крылова 1970).

Fig. 2. Position of the deceased and wagon in the grave chamber (after Крылова 1970).

Fig. 3. Wheel fragments: 1-3 - photo (taken in 2014); 4 - drawing.

Fig. 4. Wooden decorations of the front (?) board of the wagon's box (photos taken in 2014).

Fig. 5. Drawings of wooden decorations of the front (?) board of the wagon's box.

Fig. 6. Photos and drawings of grave goods: 1 - clay vessel; 2 - bronze knife; 3, 4 - bronze awls.

Fig. 7. Textile fragments from the wagon's cover.

Fig. 8. 1-19 – fragments of the wooden wagon (photos taken in 2014).

15.10.2017

Др. Дмитрий Тесленко, ДП Научно-исследовательского центра Охраны археологического наследия Института Археологии НАНУ, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 г. Киев, Украина, e-mail: dmytro.l.teslenko@gmail.com

NOVOKORSUNSKAYA 2/18, A GRAVE WITH A WAGON: WORK ON MISTAKES

Elena Izbitser

Keywords: Early Bronze Age, Maikop culure, Novosvobodnaya culture, kurgan graves, Krasnodar kray, wooden wagons.

A grave of the Novosvobodnaya culture (or the Novosvobodnaya stage of the Maikop culture) with remains of a wooden wagon came to the attention of Western European scholars after its English-language publication in 2002 (Rassamakin 2002, 53) and, especially, in German (Trifonov 2004; Gej 2004). However, practically all work on various aspects of early wheels and wheeled transport that mentioned the grave repeated its erroneous location that was given in first Russian publication of the grave. More serious mistakes related to it were made for a number of reasons and, primarily, due to a lack (by some scholars) of professional knowledge of the subject, archaeological context, and even geography. These issues are briefly outlined below.

In 1985, an expedition of the Krasnodar Regional Museum led by B.A. Tarabanov (Expedition Director) and A.V. Kondrashev (Expedition Leader) excavated two kurgans in the village of Novokorsunskaya located in the Timashevsk district of the Krasnodar kray (fig. 1). According to the field report, the kurgans were located on the right shore of the Levyi Beisuzhek River at the northwestern outskirts of the village, at the crossroad of Chkalova and Urozhainaya streets; distance between the tips of two mounds were 102 m (Тарабанов, Кондрашев 1986). Both kurgans contained burials accompanied by wooden wagons: three of them were discovered in kurgan 1, and four – in kurgan 2, all made in the Early Bronze Age but from various periods. From a chronological point of view the most interesting turned out to be grave 18 in kurgan 2 (fig. 2), with grave goods typical for the Novosvobodnaya stage of the Maikop culture. The first time it was published in 1988 (Кондрашов, Резепкин 1988); however, the name of the place was erroneously

Fig. 1. Location of kurgans excavated in Novokorsunskaya in 1985.

printed as Starokorsunskaya, Dinskoi district of the Krasnodar kray. As such, the grave has been subsequently mentioned numerous times in works on various aspects of early wheels and wheeled transport.

The correct name of the grave was used by A. Gej in his article about the Novotitarovskaya culture, though referencing its first publication in 1988 he did not mention the error (Gej 2004, 186). Now, with the grave properly named, a mistake was made in the description of the wagon's remains. As a result of an incorrect translation of Gej's article from Russian into German, the number of wheels unearthed during the excavations was reduced from two to one: "Ein Scheibenrad stammt aus Novokorsunskaja 85, Kurgan 2, Grab 18 in Kubangebiet (Kondrasov u. Rezepkin 1988)" (Gej 2004, 186). And this led some scholars to believe that there were two different graves. The table "The appearance of wheeled vehicles: a review of the evidence" lists them as follows: "Starokorsunskaya, Mound 2, Grave 18, Russia, Wooden wheels, Majkop culture" – under no. 19 and "Novokorsunskaya 85, Mound 2, Grave 18, Ukraine, Wooden wheel, Majkop culture" under no. 23 (fig. 3) (Mischka 2011). To add to the confusion, the location of the excavated grave was moved by

the author of the table from Russia to Ukraine. For a similarly unknown reason, the locations of the settlements given by the author under no. 22 is also indicated as Ukraine, while the first two (spelled incorrectly) are located in the autonomous republic of Adygea, Russia, and Konstantinovskoe – in the Lower Don region, also Russia. And the fact that the Maikop culture does not spread to the territory of Ukraine is not known to the author.

Interest for a whole range of issues has been connected to the prehistoric wheel and wheel transport inspired many studies. But an approach to include in tables, diagrams, and graphics as much data as possible, without familiarizing themselves with materials and an understanding of subject, leads to an inaccurate presentation of the data and creates mistakes.

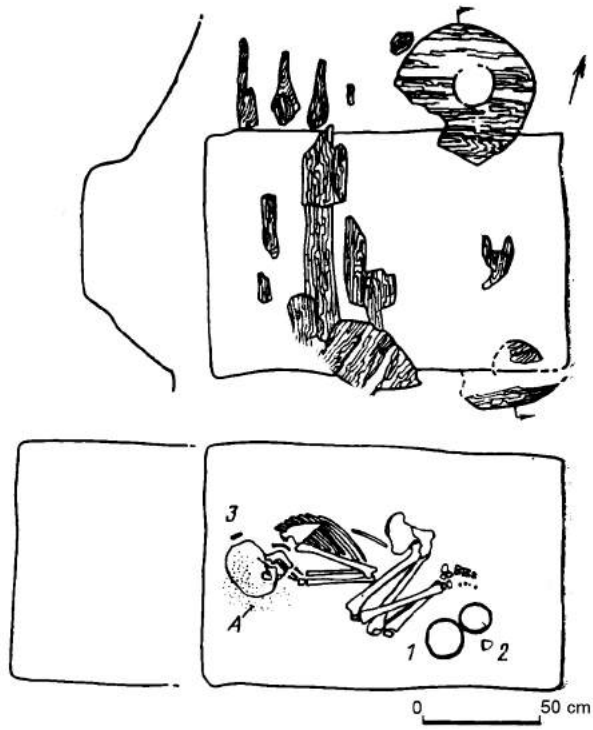


Fig. 2. Novokorsunskaya 2/18: A - ochre, 1, 2 - vessels, 3 - charcoals (after Кондрашов, Резепкин 1988).

Category B2: definite vehicles, no scientific dates							
19	**Starokorsunskaya Mound 2, Grave 18** Russia Wooden wheels Majkop culture			>3370 BC			Maran 2004b: 436–8; Trivonof 2004: 169–72
20	**Koldyri Mound 14, Grave 7** Russia Wooden wheels Majkop culture			>3370 BC			Maran 2004b: 436–8; Trivonof 2004: 169–72
21	**Mari, Tell Hariri** Mesopotamia Bitumen imprint of 2 wheels			>2850 BC			Butterlin & Magueron 2006: 319
							5
22	**Čšcho, Rsekujchabl'** Konstantinovskoe Ukraine Clay models from settlement layers Majkop culture			>3370 BC			Trivonof 2004: 169–72
23	**Novokorsunskaja 85, Mound 2, Grave 18** Ukraine Wooden wheel Majkop culture			>3370 BC			Gej 2004: 186

Fig. 3. Table "The appearance of wheeled vehicles: a review of the evidence", a fragment (after Mischka 2011).

Bibliography

Gej 2004: A. Gej, Die Wagen der Novotitarovskaja-Kultur. In: (Hrsg. M. Fansa, St. Burmeister) Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa (Mainz am Rhein 2004), 177-190.

Mischka 2011: D. Mischka, Table 3. Supplementary material to The Neolithic burial sequence at Flintbek LA 3, north Germany, and its cart tracks: a precise chronology. Antiquity 85, 2011, 742-758. https://antiquity.ac.uk/projgall/mischka329/mischka329_supplement.pdf

Rassamakin 2002: Y. Rassamakin, Aspects of Pontic steppes development (4500-3000 BC) in the light of the new cultural-chronological model. In: (Eds. K. Boyle, C. Renfrew, M. Levine) Ancient interaction: east and west in Eurasia (Cambridge 2002), 49-73.

Trifonov 2004: V. Trifonov, Die Majkop-Kultur und die ersten Wagen in der sudrussischen Steppe. In: (Hrsg. M. Fansa, St. Burmeister) Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa (Mainz am Rhein 2004), 167-176.

Кондрашов, Резепкин 1988: А.В. Кондрашов, А.Д. Резепкин, Новосвободненское погребение с повозкой. КСИА 193, 1988, 91-97.

Тарабанов, Кондрашев 1986: Б.А. Тарабанов, А.В. Кондрашев, Отчет о раскопках 2-х курганов в ст. Новокорсунской Тимашевского р-на Краснодарского края в 1985 г.

Mormântul cu car Novokorsunskaya 2/18: corectarea unor erori

Cuvinte-cheie: epoca bronzului timpuriu, cultura Maikop, cultura Novosvobodnaya, morminte tumulare, regiunea Krasnodar, care de lemn.

Rezumat: Mormântul cu car de lemn, atribuit culturii Novosvobodnaya (sau etapa Novosvobodnaya a culturii Maykop), a fost descoperit de către expediţia Muzeului regional Krasnodar în localitatea Novokorsunskaya, în anul 1985. În prima publicaţie locul descoperirii a fost indicat greşit, Starokorsunskaya. Ulterior, aceasta a indus în eroare pe unii cercetători, care au considerat că ar fi existat două înmormântări cu denumiri diferite.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Locul amplasării tumulilor, descoperiţi în anul 1985 în localitatea Novokorsunskaya.

Fig. 2. Mormântul Novokorsunskaya 2/18: A - ocru; 1, 2 - vase ceramice; 3 - cărbuni de lemn (după Кондрашов, Резепкин 1988).

Fig. 3. Fragment din tabelul „The appearance of wheeled vehicles: a review of the evidence" (după Mischka 2011).

Погребение с повозкой Новокорсунская 2/18: работа над ошибками

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы, майкопская культура, новосвободненская культура, подкурганные погребения, Краснодарский край, деревянные повозки.

Резюме: Погребение новосвободненской культуры (или новосвободненского этапа майкопской культуры), сопровождавшееся деревянной повозкой, было открыто в одном из курганов, раскопанных в 1985 г. в станице Новокорсунской экспедицией Крснодарского краеведческого музея. При первичной публикации была допущена ошибка, и название станицы обозначено как Старокорсунская. В дальнейшем, другие неточности при публикации погребения привели некоторых исследователей к выводу о существовании двух погребений с разными названиями и на разных территориях.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Месторасположение курганов, открытых в 1985 г. в станице Новокорсунской.

Рис. 2. Погребение Новокорсунская 2/18: А - охра; 1, 2 - глиняные сосуды; 3 - угли (по Кондрашов, Резепкин 1988).

Рис. 3. Фрагмент таблицы «The appearance of wheeled vehicles: a review of the evidence» (по Mischka 2011).

20.10.2017

Dr. Elena Izbitser, New-York, USA, e-mail: eizbitser@gmail.com

НЕУТИЛИТАРНЫЙ КОНТЕКСТ ОБОЖЖЕННЫХ КРЕМНЕЙ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Александр Колесник

Ключевые слова: обожженный кремень, поселения бронзового века, среднее течение Северского Донца, погребальная практика.

Введение

Обожженные кремни довольно часто встречаются в комплексах материальных остатков поселений каменного века и эпохи древнего металла. Их процент в коллекции кремневых изделий колеблется от 1 до 4-5 и редко бывает выше. На поселениях бронзового века среднего течения Северского Донца (рис. 1) количество обожженных кремней часто существенно превышает фоновое значение. Цели настоящей заметки – детализация указанного феномена (1) и попытка сформулировать объяснительную модель, приближающую его понимание (2).

Наблюдения

Источниковедческую базу настоящего обзора составляют коллекции кремневых изделий, собранные при раскопках поселений в среднем течении Северского Донца в последние десятилетия (рис. 1). Раскопки производились киевскими (Я.П. Гершкович) и донецкими (Э.Е. Кравченко, В.И. Кузин, Ю.Б. Полидович, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов и др.) археологами. Кремневые коллекции этих поселений полностью или частично опубликованы (Колесник, Гершкович 2006). Культурная колонка отражает последовательность от позднего этапа харьковско-воронежской катакомбной культуры к комплексам бондарихинской культуры финальной бронзы.

Дадим краткую характеристику интересующих нас кремневых комплексов.

Казачья Пристань, раскоп III. Вскрыт комплекс маломощных культурных слоев сезонных стойбищ позднего этапа харьковско-воронежской катакомбной культуры. Работы проводились Э.Е. Кравченко и В.И. Кузиным в 1990-е годы. Коллекция 1998 года содержит 273 кремня, из них 29 со следами пребывания в огне.

Казачья Пристань, раскоп II. Работы проводились Э.Е. Кравченко и В.В. Цимидановым. На поселении в пределах раскопов II и IV найдены материалы, которые относятся к III этапу днепро-донской бабинской культуры. Собрана значительная кремневая коллекция. Доступная для анализа коллекция 1998 г. из раскопа II включает 74 кремня, в том числе 20 обожженных.

Новоселовка I. Поселение раскапывалась в 1988-1990 гг. В.В. Цимидановым. Основная масса кремня относится к позднесрубному периоду. В коллекции, насчитывающей 349 экземпляров, значительный удельный вес занимают крупные куски и обломки кремня. Количество обожженного кремня беспрецедентно большое – 192 шт.

Висла Балка IV – поселение раннего этапа срубной культуры. Кремневая индустрия документируется серией из 48 изделий, из которых 16 со следами термического воздействия.

Выдылыха, раскоп III. Раскоп 2006-2007 гг. вскрыл участок с культурными слоями пеньковской культуры, позднего периода срубной культуры и неолита. Работы проводил В.И. Кузин. В коллекции кремней (165 шт.), происходящих из горизонта с керамикой позднего этапа срубной культуры, 15 экземпляров имеют следы воздействия огня.

Диброва I – многослойное поселение с остатками стационарных поселков раннесрубного и постсрубного времени. Раскапывалось в 1989 г. под руководством Я.П. Гершковича. Суммарно в кремневой коллекции срубного поселения содержится 100 кремней, включая 9 обожженных; в коллекции постсрубного облика – 550 кремней, из которых 47 со следами воздействия огня.

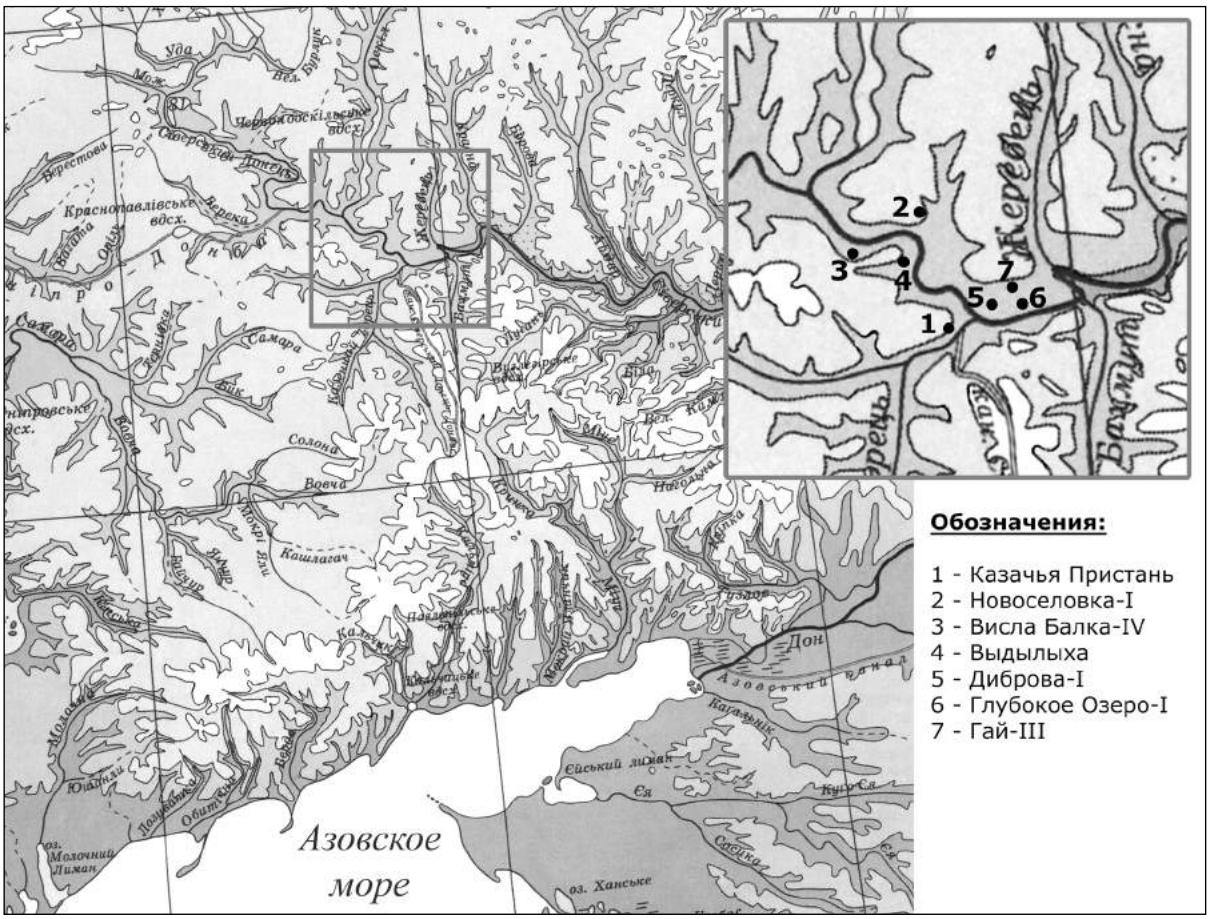


Рис. 1. Поселения с находками обожженного кремня на Северском Донце.

Глубокое Озеро II – двухслойное поселение, раскопано в 1991 г. Я.П. Гершковичем. В срубном культурном слое собрана коллекция из 365 кремней, из них 28 обожженных; в постсрубном слое найдены 505 кремней, включая 36, побывавших в огне.

Глубокое Озеро I – поселение бондарихинской культуры, раскапывавшееся Ю.Б. Полидовичем и В.В. Цимидановым в 1991 г. (Полидович 1991). Гомогенная кремневая коллекция содержит 243 кремневых изделия, в том числе 18 со следами воздействия огня (Колесник, Гершкович 2001, 107).

Гай III – поселение бондарихинской культуры. Раскапывалось Ю.Б. Полидовичем в 1989-1990 гг. Кремневая коллекция из 110 шт. включает 6 обожженных кусков.

В целом кремень использовался здесь в ограниченных производственных целях, а кремневое хозяйство не выходило за рамки домашнего промысла.

При массовом сравнении поселенческих кремневых коллекций бронзового века из данного региона обращает на себя внимание весьма высокий процент кремней, побывавших в огне (табл. 1).

Таким образом, обильные остатки кремневой индустрии со значительным удельным весом кремней, испытавших воздействие огня, встречаются в культурных слоях поселений среднего, позднего и финального бронзового века среднего течения Северского Донца. Процент обожженных кремней бронзового века явно превосходит таковой в слоях каменного века и энеолита. Степень термической деструкции кремней различная; состояние варьирует от рыхлой белесой матовой массы до сохранивших форму кремней, покрытых сетью трещин на глянцевой поверхности, окрашенной в красный цвет. Очевидно длительное пребывание кремней в открытом огне.

Таблица 1

Обожженные кремни из поселений среднего, позднего и финального бронзового века среднего течения Северского Донца.

№	Поселение, комплекс	Культура, хронология	Кол-во кремней	Кол-во обожженных кремней (%)
1	Казачья Пристань, раскоп III	Позднее катакомбное время	273	29 (10,6%)
2	Казачья Пристань, раскоп II	Бабино	74	20 (27%)
3	Новоселовка-I	Срубное время	349	102 (29,2%)
4	Висла Балка IV	Раннее срубное время	48	16 (33,3%)
5	Выдылыха, раскоп III.	Позднее срубное время	165	15 (9%)
6	Диброва-I	Срубное время	100	9 (9%)
7	Диброва-I	Бондарихинское время	559	47 (8.4%)
8	Глубокое Озеро II	Срубное время	365	28 (7,7%)
9	Глубокое Озеро II	Бондарихинское время	505	36 (7,1%)
10	Глубокое Озеро I	Бондарихинская культура	243	18 (7,4%)
11	Гай III	Бондарихинская культура	110	6 (5,5%)

Теоретически возможны три причины попадания кремней в очаги и специальные термические конструкции – преднамеренный обжиг в технологических целях (1); непроизвольное рассеивание кремней на поверхности обитания, в том числе в зону действия источников огня (2); преднамеренное вбрасывание кремня в открытый огонь (3).

При расщеплении кремня на поселениях использовались две технологии – бифасиальная и примитивная нуклеусная. Обе технологии исключают предварительную термическую обработку кремневого сырья. Признаки особых технологий термической подготовки кремня в виде «обжиговых ямок» с прослоем песка в нижней части, сколов с глянцевым маслянистым блеском и прочего (Гиря 1994; Crabtree, Butler 1964; Eriksen 1997) на поселениях бронзового века указанного региона отсутствуют. Иными словами, технологический контекст обжига кремня на поселениях бронзового века региона маловероятен.

Большой удельный вес обожженных кремней в культурных слоях бронзового века трудно объяснить бытовыми причинами – случайным попаданием кусков кремня в открытые кострища и очаги. Распределение обожженных кремней на площади поселений в большей степени соответствует модели чистки очагов в ходе их функционирования.

Следует обратить внимание на размер и форму обожженных кремней. Судя по сохранившимся кремням, не распавшимся по трещинам, в огонь попадали угловатые куски средней величины, реже небольшие конкреции или мелкие фрагменты. Процент обожженных орудий или отщепов минимальный и носит случайный характер. В целом воздействию огня подвергались недифференцированные по функциональному признаку кремневые отдельности средней величины. Видимо, это были не утилитарные изделия, а кремень как таковой, как порода камня.

Дискуссия

Возможно, объяснение избыточного удельного веса обожженного кремня в культурных слоях поселений следует искать в иной, неутилитарной плоскости, на чем в свое время заострил внимание В.В. Цимиданов (Цимиданов 1995, 486).

Истоки особого отношения к кремню уходят корнями в каменный век. Ярким примером неутилитарного отношения к кремню является небольшой скол от орудия, найденный на мезолитической стоянке Силино на Карельском перешейке. Сложный трасологический анализ показал, что небольшой скол подправки орудия для копания грунта длительное время носили с собой, возможно, в качестве амулета, а затем бросили в огонь (Гиря, Герасимов, Федоров 2013, 244).

Хорошо известно, что в эпоху раннего металла кремень занял прочное место в различных

по содержанию культовых церемониях и ритуалах. В частности, в одном из погребений ямной культуры Донбасса В.Ф. Клименко обнаружил набор кремневых отщепов, происходящих от одного желвака (Коваль, Клименко 2005). Часть кремневых сколов совмещаются в блок. Применялось бессистемное расщепление; следы сработанности на отщепах не отмечены. Очевидно, имело место простое дробление куска кремня в ритуальных целях. Разбивание куска кремня на фрагменты, разделение целого на части и было главной целью данной манипуляции. Важно, что дезинтеграции подвергся именно кремень. Дальним отголоском этого обряда, возможно, являются славянские сказания о разламывании Богом кремня на две части – для себя и для Сатаны (Петрухин 1991, 487).

Не менее интересный пример преднамеренного дробления кремня мы находим в ямном погребении из кургана Гаваноаса, 9/2, Молдова, где обнаружены фрагменты разбитого кремневого топора с отсутствующим лезвием. Фрагменты топора были выложены «веером» вокруг головы погребенного (Иванова, Цимиданов 1998, 157).

Особое место в церемониях и ритуалах эпохи раннего металла занимали кремневые орудия активного действия. Кремневые ножи имели определенную связь с обрядом ритуального заклания животных. В Древнем Египте, с его максимально централизованной общественной, экономической и политической жизнью, заклание животных в ритуальных целях строго регламентировалось государством. Этим занимался специальный клан жрецов, которым выдавались особые большие асимметричные кремневые ножи. Типология «разделочных ножей» (butchering knives) додинастического периода разработана А. Тиллманном (Tillmann, 1992).

Уникальное письменное подтверждение жертвоприношений с использованием кремневых ножей мы находим в Ветхом Завете. Аналогичным образом в древних иранских ритуалах, связанных с жертвоприношениями животных, употреблялись именно кремневые ножи (Цимиданов 2004, 56). Остатки жертвенников с кремневыми ножами известны и на поселениях средней и поздней бронзы. Следует отметить особый жертвенник, найденный в слое катакомбного времени поселения Казачья Пристань. Небольшой комплекс состоял из развала сосуда, заготовки асимметричного кремневого ножа и золы.

Значительная часть причерноморских погребальных комплексов Северного Причерноморья раннего и среднего бронзового века с металлическими и кремневыми ритуальными ножами собрана и проанализирована С.Н. Разумовым (Razumov 2011).

В погребениях позднего бронзового века кремневые изделия весьма малочисленны. Вопрос о значении кремня в погребальной практике срубной культуры специально проанализирован В.В. Цимидановым в нескольких работах (Цимiданов 1995; Цимиданов 2004, 55-56). На основании археологических закономерностей встречаемости кремней в погребениях срубной историко-культурной общности В.В. Цимиданов выдвигает версию об использовании кремня в обряде перехода «живой-мертвый» как магическом способе создания границы между двумя мирами (Цимiданов 1995). В этнографических ситуациях и в волшебных сказках (Пропп 1986, 343) этот обряд описывается как «магическое бегство», когда брошенный кремень создавал барьер между миром живых и миром мертвых в виде горы или леса. В.В. Цимиданов отмечает, что почти одна треть срубных погребений с кремнем может трактоваться в качестве погребений «жрецов» или «служителей культа» (Цимиданов 2004, 37).

Связь кремня с погребальной практикой прослеживается и по многочисленным данным этнографии. Известно, что в погребальных церемониях кремень нередко использовался как особый минерал. У жителей Памира в ходе похорон 10 пожилых мужчин читали молитву. Перед этим между ними делили 101 кремень. Кремни в данном действе символизировали огонь (Бабаева 1993, 109). Ханты после выноса гроба из дома клали на место, где он стоял, кремень (Соколова 1980, 134). У хантов кремень было также принято класть в рот или на грудь мертворожденным или детям, умершим вскоре после рождения (Ожередов 2006, 227).

Нет ничего удивительного в следах ритуального использования кремня и на поселениях бронзового века. Неоднократно отмеченная связь кремня и кремневых изделий с огнем

на поселениях срубной культуры, очевидно, не случайна и имеет определенную семантическую нагрузку. На поселении Тюбяк, Башкортостан, в очаге постройки (раскоп IV) найдены три кремневых скребка и два отщепа, а также бронзовое шило и подвеска из клыка медведя (Горбунов 1989, 77, 79). На поселении Раздольное-1, Тульская обл., в постройке к югу от очага выявлено «место отправления жертвенного культа», где находились кремневый скол, угли, кусочки прокаленной глины и кости быка (Гак 2011, 54-55). В жилище 1 поселения Усово Озеро, Донецкая область, среди прочих артефактов, находившихся в очаге и рядом с ним, был обнаружен кремневый серп (Березанская 1990, 18). Зафиксирован единственный случай находки микроскопления из 4-х пережженных кремней в слое культуры Бабино поселения Казачья Пристань на правом берегу Северского Донца.

Вероятная связь кремня и культа огня и ассоциация с обрядом перехода позволяет реконструировать данный ритуал, проводимый на поселении, как часть сложных по структуре поминальных действий, облегчающих переход души умершего в загробный мир. Возможно, обычай бросать кремень в костер на поселении было частью поминального ритуала, направленного на очищение огнем мира живых родственников. Происходило своеобразное соединение двух качеств кремня: «внутреннего» огня (кремень – огненный камень) и «внешнего» огня (костер).

В рамках проанализированной серии (табл. 1) обращает на себя внимание резкий рост удельного веса обожженных кремней в культурных слоях позднего катакомбного времени и раннего срубного времени. В этот период кремневые комплексы содержат почти до одной трети пережженных кремней при фоновом значении в пределах 7-9%.

Выводы

Таким образом, есть веские основания предполагать, что в среднем, позднем и финальном бронзовом веке южной лесостепи Восточной Европы кремень сохраняет важное сакральное значение в разнообразных ритуалах, в том числе на сезонных или стационарных поселках. Возможно, у племен бронзового века южной лесостепной зоны в ритуальном аспекте ценились не изделия из кремня (закончившие свою «жизнь»), а собственно кремень как особое вещество. Помимо жертвенников с кремневыми ножами, могло также практиковаться простое сжигание кремня в открытых источниках огня. Связь кремня с огнем позволяет предположить мотив данных культовых манипуляций: кремень – огненный камень. Ритуальное сожжение необработанных фрагментов кремня на поселениях – акт соединения двух «внутренних стихий» камня.

Библиография

Бабаева 1993: Н.С. Бабаева, Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX - начало XX века) (Душанбе 1993).

Березанская 1990: С.С. Березанская, Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце (Киев 1990).

Гак 2011: Е.И. Гак, Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи (Москва 2011).

Горбунов 1989: В.С. Горбунов, Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье (Куйбышев 1989).

Гиря 1994: Е.Ю. Гиря, Тепловая обработка кремнистых пород и способы ее определения в археологических материалах. В сб.: Экспериментально-трасологические исследования в археологии (Санкт-Петербург 1994), 168-174.

Гиря, Герасимов, Федоров 2013: Е.Ю. Гиря, Д.В. Герасимов, Д.Н. Федоров, Экспериментально-трасологическое исследование кремней, импортированных на территорию Карельского перешейка в каменном веке – эпоху раннего металла. В: Бюллетень Института истории материальной культуры РАН № 3 (охранная археология) (Санкт-Петербург 2013), 233-248.

Иванова 1998: С.В. Иванова, Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету (Запоріжжя 1998), IV, 141-162.

Коваль, Клименко 2005: Ю.Г. Коваль, В.Ф. Клименко, Комплекс кремневых изделий из погребения № 13, кургана III у г. Лисичанска. В сб.: Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья (Москва 2005), 46-49.

Колесник, Гершкович 2006: А.В. Колесник, Я.П. Гершкович, Традиция кремнеобработки в конце бронзового века на юго-востоке Украины. В сб.: Zmierch kompleksu Trzcinecko-Komarowskiego (Lublin 2006), 187-200.

Ожередов 2006: Ю.И. Ожередов, К семантике камня в ритуальной практике сибирских татар (к постановке проблемы). В сб.: Интеграция археологических и этнографических исследований (Красноярск-Омск 2006), 226-228.

Петрухин 1991: В.Я. Петрухин, Сатанаил. Мифологический словарь (Москва 1991), 487.

Пропп 1986: В.Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки (Ленинград 1986).

Соколова 1980: З.П. Соколова, Ханты и манси. В сб.: Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения (Москва 1980), 125-143.

Разумов 2010: С.М. Разумов, Крем'яні вироби населення Надчорномор'я доби ранньої та середньої бронзи (за матеріалами поховань) : дис.. ... канд. іст. наук : 00.07.06 (археология) (Київ 2010).

Ціміданов 1995: В.В. Ціміданов, Магічна втеча та деякі категорії поховального інвентарю зрубної культури. В сб.: Історія релігії в Україні (Львів 1995), 386-388.

Цимиданов 2004: В.В. Ціміданов, Социальная структура срубного общества (Донецк 2004).

Crabtree, Butler 1964: D.E. Grabtree, B.R. Butler, Notes on experiments in flint knapping: 1. Heat treatment of silica materials. Tebiwa 7/1, 1964, 1-6.

Eriksen 1997: B.V. Eriksen, Implication of thermal pre-treatment of chert in the German Mesolithic. Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa - Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995 (Warszawa 1997), 325-329.

Razumov 2011: S.M. Razumov, Flint artifacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200 - 1600 BC (based on burial materials). Baltic-Pontic Studies 16 (Poznań 2011).

Tillmann 1992: A. Tillmann, Die Steinartefakte des dynastischen Ägypten, dargestellt am Beispiel der Inventare aus Tell el-Dab'a und Qantir. Diss. (Tübingen 1992).

Contextul non-utilitar al silexului ars din aşezările epocii bronzului localizate în regiunea Doneţului de Nord

Cuvinte-cheie: silex ars, aşezări din epoca bronzului, cursul de mijloc al Doneţului de Nord, practică funerară.

Rezumat: Acest studiu vizează silexul ars provenit din straturile culturale ale aşezărilor din epoca bronzului de pe cursul de mijloc al Doneţului de Nord. Se analizează vestigiile provenite din cultura înmormântărilor în catacombe (faza târzie), cultura Babino, diferite etape ale culturii Srubnaja, din perioada post-Srubnaja şi cultura Bondariha. Contextul arheologic al acestor piese denotă funcţia lor non-utilitară. Se presupune că silexul ars reflectă o parte dintr-un ritual complex legat de practica funerară.

Ilustraţie:

Fig. 1. Aşezări din zona Doneţului de Nord în care s-a descoperit silex ars.

Non-utilitarian context of the burnt flint artifacts from the Bronze Age settlements in the Seversky Donets River region

Keywords: burnt flint artifacts, settlements of the Bronze Age, the Seversky Donets River region, funerary practice.

Abstract: This brief overview discusses the burnt flint found at the Bronze Age settlements located in the middle flow of the Seversky Donets River region. The objects came from the settlements' layers associated with various archaeological cultures and periods: the Late Catacomb, Babino, different stages of the Timber Grave, post-Timber Grave, and Bondarikhinskaia cultures.

Archaeological context of flint pieces suggests their *non-utilitarian meaning*. It has been assumed that the burnt flint may reflect a part of some complex ritual connected with funerary practice.

List of illustration:

Map 1. The Bronze Age settlements with finds of the burnt flint in the Seversky Donets River area.

12.09.2017

Др. Александр Колесник, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 83001 Донецк, e-mail: akolesnik2007@mail.ru

STOLNICENI II – O NOUĂ AŞEZARE CU „CENUŞARE” DESCOPERITĂ ÎN ZONA DE NORD A REPUBLICII MOLDOVA

Mariana Sîrbu
Stanislav Țerna

Cuvinte-cheie: perioada târzie a epocii bronzului, aşezare, cultura Noua, „cenuşare”, algoritmi geospaţiali, triangulare Delaunay, hartă calorică.

La momentul de faţă în literatura de specialitate sunt cunoscute peste 250 de aşezări atribuite culturii Noua, care ocupă zona de silvostepă şi stepa Bălţului (Sava 2014). Elementul caracteristic aşezărilor culturii Noua este reprezentat de aşanumitele „cenuşare” uşor vizibile pe suprafaţa solului arat sub forma unor pete de culoare gălbuie-cenuşie (Florescu 1964, 146; Dragomir 1981, 33; Sava 2014, 407). În ultimii ani, în mare parte datorită activităţii Agenţiei Naţionale Arheologice, a fost identificat şi cartat un şir de noi aşezări cu „cenuşare”, de pe a căror suprafaţă a fost colectat material arheologic specific culturii Noua. Orice aşezare nou-descoperită are o contribuţie în vederea completării datelor privind amplasarea, ponderea într-o anumită microzonă, tipul de aşezare (permanentă sau sezonieră) cât şi a altor aspecte care pot consolida ipoteze deja existente sau pot sta la baza unor idei noi.

În acest articol ne-am propus să prezentăm o aşezare a culturii Noua, care, deşi a fost descoperită încă în anul 2008, nu figurează în catalogul aşezărilor cunoscute. Înainte de a trece la descrierea sitului şi nemijlocit a materialului arheologic descoperit pe suprafaţa acestuia, vom începe cu un scurt istoric al identificării şi cercetării de suprafaţă.

Scurt istoric. În anul 2008, o echipă de la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, formată din V. Bicbaev, I. Tentiuc, V. Bubulici şi A. Levinschi, a întreprins periegeze în raioanele din zona cursului superior al râului Prut, al căror scop de bază era verificarea mai multor situri arheologice (în cea mai mare parte eneolitice), identificate în urma interpretării aerofotogramelor efectuate de K. Şişkin încă în anii ’70-’80 ai secolului trecut[1]. Astfel, în procesul de verificare a aşezării eneolitice Stolniceni I (fig. 1/A), de pe terenul aflat în imediata apropiere a extremităţii sud-vestice (fig. 1/B) a acesteia au fost colectate fragmente ceramice tipice culturii Noua (fig. 4/1-3). Din păcate, nu a fost întocmit nici un raport, în baza căruia situl ar fi fost inclus în catalogul aşezărilor cunoscute. În anul 2015 cercetările aşezării eneolitice au fost reluate de către S. Țerna şi K. Rassmann (Țerna et al. 2016). Verificarea teritoriului din vecinătatea sitului a permis observarea mai multor pete de culoare gălbuie-cenuşie, uşor vizibile pe solul arat. De pe suprafaţa aşezării a fost colectată ceramică din epoca bronzului (fig. 4/4-8) şi mai multe piese individuale, printre care se merită a fi menţionate un fragment de omoplat crestat (fig. 7/7) şi o fusaiolă din lut (fig. 7/5). Ulterior, în vara anului 2016, în cadrul desfăşurării ulterioare a lucrărilor proiectului de cercetare arheologică a aşezării eneolitice Stolniceni I (Țerna et al. 2017; Черна, Рассманн, Рудь 2017), situl cu „cenuşare” a fost din nou vizitat, în vederea identificării locului de plasare, în viitor, a unui sondaj arheologic pe una dintre „pete” care a suprapus un drum de acces pe situl cucutenian şi – credem noi – a conservat mai bine respectivul complex eneolitic. Cu acest prilej, s-a colectat din nou material ceramic expresiv de textură grosieră sau fină, printre care se evidenţiază un fragment de toartă cu proeminenţă în formă de şa (fig. 5; 6/1-5). De asemenea, pe suprafaţa „cenuşarelor” au mai fost găsite câteva piese individuale, printre care un fragment de tipar pentru turnare (fig. 7/3) şi o măciucă fragmentară (fig. 6/7) , ambele lucrate din piatră.

Amplasarea şi descrierea aşezării

Aşezarea se află pe malul stâng al râului Ciuhur, pe marginea vestică a promontoriului oval format de meandrul râului, pe care este amplasat situl eneolitic (fig. 1). Grupul format din circa 22

[1] Despre fotografierea aeriană a microzonei vezi Sorochin 1993; Бикбаев 2007.

„cenuşare” este amplasat uşor în pantă, în apropierea locului de confluenţă a văii Ciuhurului cu valea lină a unui alt pârâu fără nume, afluent de stânga al Ciuhurului. Promontoriul nu are o configuraţie plană, partea de est fiind mai înaltă, iar cea de vest, pe care se află cele două situri – eneolitic şi din epoca bronzului – este cu circa 45 m mai joasă, ceva mai aplatizată, coborând domol spre vest, spre valea râului (vezi profilele de elevaţie din fig. 2). Mai departe spre vest, pe celălalt mal al râului, se află un alt promontoriu triunghiular îngust, orientat pe axul NV-SE, format şi el de o modificare bruscă a cursului râului, spre nord-vest.

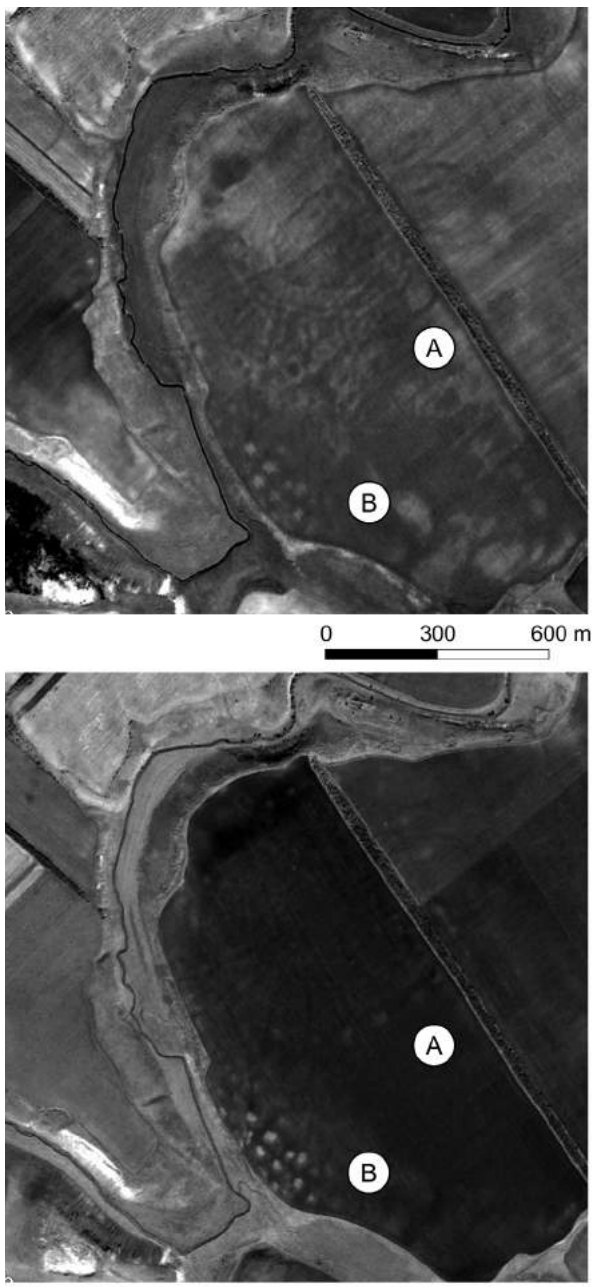


Fig. 1. Imagini satelitare cu amplasarea celor două situri - Stolniceni I (A) şi Stolniceni II (B). Sursa: Google Earth. Sus - imagine din aprilie 2015, jos - imagine din septembrie 2015.

„Cenuşarele” sunt organizate în trei şiruri paralele, uşor curbate, situate de-a lungul marginii promontoriului, pe axul NE-SV (fig. 3). Diametrul „cenuşarelor” variază între 15-35 m iar distanţa dintre acestea oscilează între 20-60 m. Suprafaţa sitului constituie circa 480×170 m sau aproximativ 8 ha.

Denumirea aşezării

Întrucât situl nu figura în catalogul aşezărilor cunoscute, acesta a fost cartat ca sit nou, fiind denumit Stolniceni II. În pofida faptului că actualmente situl se află pe moşia satului Pociumbeni, raionul Râşcani, denumirea dată de către noi se argumentează prin aceea că, „cenuşarele” suprapun uşor porţiunea de periferie a aşezării eneolitice (anume, căile de acces pe sit, bine vizibile pe pozele de satelit – vezi fig. 1), iar situl cucutenian a căpătat denumirea de Stolniceni I încă în perioada sovietică, când terenurile respective se aflau în administrarea satului Stolniceni, raionul Edineţ.

Descrierea materialului arheologic descoperit la suprafaţa aşezării

În urma periegezelor au fost colectate 166 fragmente ceramice de la buze (2/1-6; fig. 4/1-4), pereţi, toarte (fig. 4/4-7; 6/1-5) şi funduri (fig. 4/8). Starea fragmentară a ceramicii face dificilă analiza tipologică a acesteia, din care cauză ne vom limita la o scurtă caracteristică tehnologică. Dintre fragmentele ceramice atribuite culturii Noua, 127 prezintă ceramica grosieră şi 39 ceramica fină. Fragmentele sunt modelate din pastă neomogenă, cu degresanţi de ceramică pisată sau nisip, arse neuniform, din care cauză acestea au nuanţă galbenă-deschisă, brună-roşcată, însă cele mai multe au culoare cenuşie-negricioasă. Suprafaţa exterioară variază de la zgrunţuroasă la uşor netezită şi lustruită. Fragmente provin atât de la vase tip borcan cât şi de la vase-cupe, ceşti sau recipiente miniaturale. Multiple fragmente conţin ornament reprezentat de un brâu continuu (fig. 4/2; 5/2-6), alveolat sau incizat (fig. 4/1; 5/1), patru dintre ele prevăzute cu orificii deasupra brâului (fig. 5/1, 4).

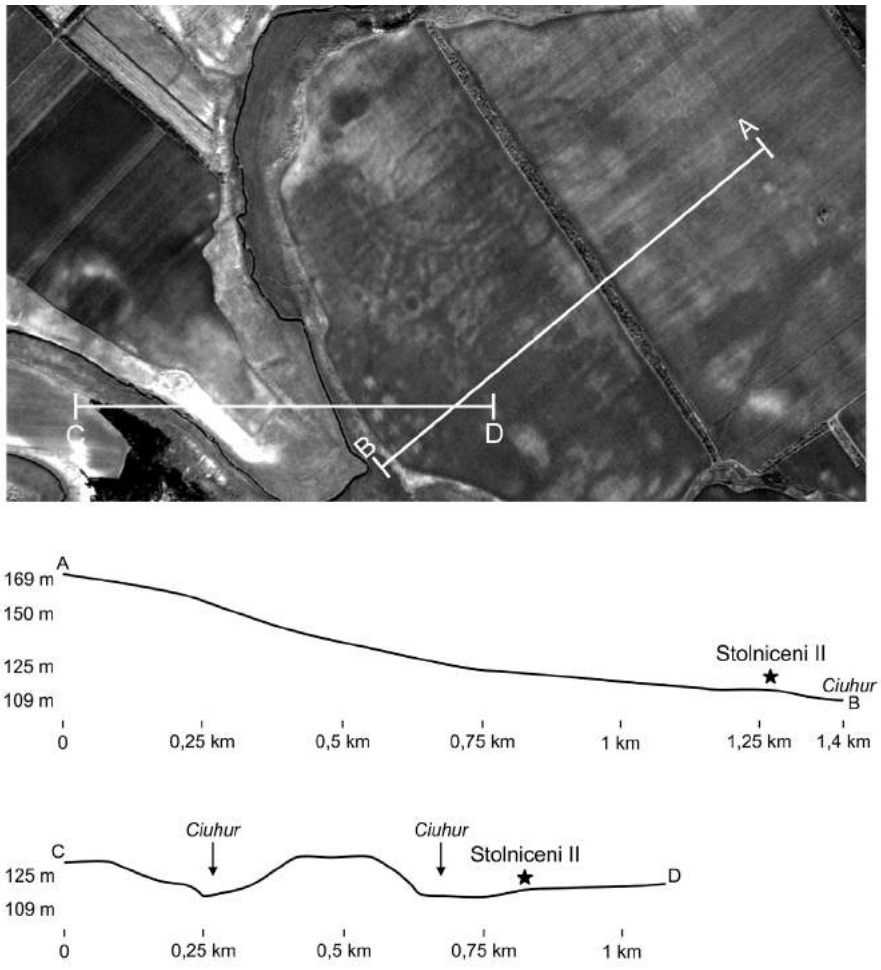


Fig. 2. Profile de elevaţie peste microzona din jurul sitului Stolniceni II. Sursa: Google Earth.

Catalogul pieselor individuale:

Fragment de omoplat crestat (fig. 7/7). Are marginea fosei articulare denticulată şi prezintă urme de utilizare. L: 7,3 cm.

Fusaiolă (fig. 7/5) bitronconică, rotunjită pe linia diametrului maxim, modelată din pastă de lut în amestec cu ceramică pisată. Suprafaţa exterioară are culoare brun-gălbuie. H: 3,1 cm, D_{max}: 3,9 cm, D_{orif}: 0,4 cm.

Fragment de răzuitor (fig. 7/6) de formă triunghiulară în plan şi dreptunghiulară în secţiune. Este lucrat din gresie de culoare cenuşie-gălbuie şi are toate laturile şlefuite cu excepţia părţii rupte. L: 10,0 cm; La: 9,7 cm; Gr: 4,0 cm.

Gratoar (fig. 7/1) de formă prismatică în secţiune şi circulară neregulată în plan, cu marginile slab retuşate. Este lucrat pe aşchie de silex de culoare cenuşie-închisă cu pete mici cenuşii-deschise. L: 3,2 cm; La: 3,5 cm; Gr_{max}: 1,2 cm.

Fragment de lamă lucrată pe aşchie de silex de culoare albă-cenuşie, calcinată, de formă trapezoidală în plan şi prismatică în secţiune. Are marginile mărunt retuşate. L: 2,2 cm; La: 1,8 cm; Gr: 0,9 cm.

Fragment de măciucă (fig. 6/7), semisferică în plan, cu suprafaţa fisurată şi zgrunţuroasă. Reprezintă a patra parte din piesă, prelucrată din gresie calcaroasă de culoare cenuşie. H: 3,1 cm; D_{max}: 6,3 cm; D_{orif}: 2,0 cm.

Fragment de tipar de turnare (fig. 7/3), de formă trapezoidală neregulată în plan şi forma literei L în secţiune, lucrat din gresie de culoare cenuşiu-gălbuie. Este prevăzută cu un şănţuleţ cu ad: 0,3 cm şi d: 1,0 cm. Suprafaţa piesei este minuţios

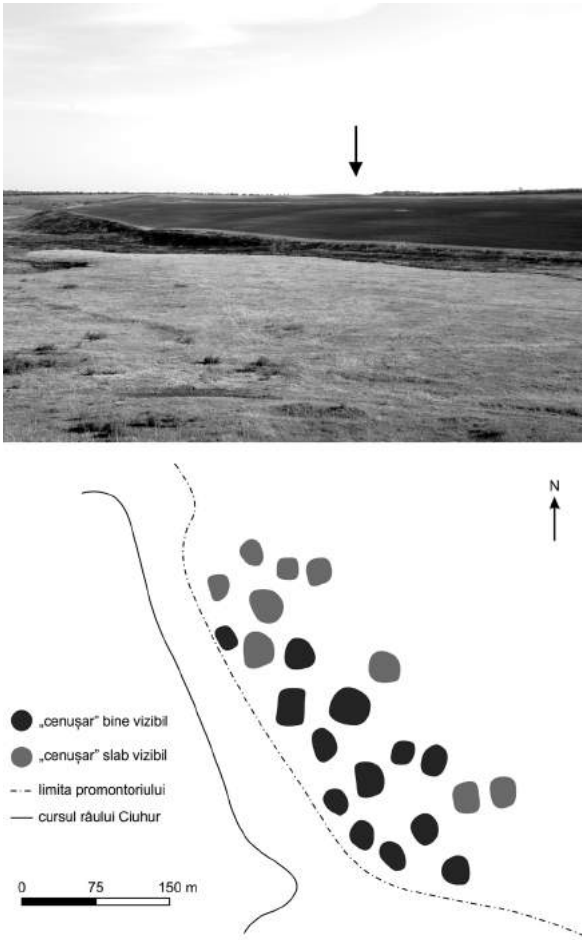


Fig. 3. Sus - vedere dinspre vest asupra sitului cu „cenuşare" (foto: S. Ţerna). Jos - planigrafia aşezării (redesenat după datele din Google Earth).

şlefuită cu excepţia părţii rupte. L: 3,0 cm; La: 1,6 cm; Gr: 0,5-1,0 cm.

Fragment de tipar de turnare (?) (fig. 8), de formă dreptunghiulară neregulată în plan şi trapezoidală neregulată în secţiune, cu laturile minuţios şlefuite, trei dintre ele convexe. Pe singura latură plată este prevăzut cu un şănţuleţ triunghiular în secţiune şi alte două linii adâncite slab evidenţiate. Este prelucrat din gresie de culoare brună-gălbuie şi are suprafaţa minuţios şlefuită, cu excepţia părţilor rupte. Posibil, reprezintă un fragment de tipar de turnare reutilizat în calitate de răzuitor. L: 7,5 cm; La: 5,0 cm; Gr: 3,2 cm.

Rondelă (fig. 7/2) de formă circulară neregulată şi este prelucrată din perete de vas ceramic modelat din pastă de lut în amestec cu ceramică pisată. Latura exterioară este de culoare gălbuie, cea interioară şi în secţiune – de culoare neagră. Partea interioară este lustruită. D: 3,5 cm; Gr: 1,0 cm.

Şlefuitor (fig. 6/6), de formă trapezoidală neregulată în plan, prelucrat din rocă dură de culoare brună-roşietică. Suprafaţa piesei este minuţios şlefuită. Una din laturi este acoperită cu un strat de cortex. L: 4,7 cm; LA: 4,7 cm; Gr: 2,1 cm.

Fragment din piesă din os cu utilitate incertă (fig. 7/4) neregulată în plan şi triunghiulară în secţiune, cu o latură şlefuită şi urme de ardere. Pe unul din capete păstrează o porţiune de orificiu (?) cu diametrul de 1,5 cm. L: 4,4 cm; La: 2,5 cm; Gr: 2,2 cm.

Pe lângă materialul arheologic descris mai sus, de pe suprafaţa „cenuşarelor" au fost colectate 30 oase de animale, cinci aşchii de silex şi un fragment de lut ars.

Discuţii

După numărul de „cenuşare" Stolniceni II reprezintă o aşezare de dimensiuni medii iar materialul arheologic bogat descoperit pe suprafaţa acesteia ne vorbeşte despre o locuire de lungă durată. Nu se deosebeşte prin amplasare de celelalte aşezări de tip Noua cunoscute, fiind situată pe o pantă uşor înclinată, adiacentă văii râului Ciuhur. În ceea ce priveşte amplasarea „cenuşarelor", acestea formează trei rânduri paralele uşor curbate, de altfel amplasare caracteristică pentru marea majoritate a aşezărilor de tip Noua, mai rar „petele" de culoare cenuşie fiind aranjate în formă circulară.

Semnificaţia şi funcţionalitatea aşa-numitelor „cenuşare" au ridicat multe semne de întrebare începând cu descoperirea primelor complexe de acest tip. Nu considerăm necesar a prezenta aici date ample cu privire la semnificaţia „cenuşarelor", dat fiind faptul că acest aspect a fost analizat în mai multe publicaţii de specialitate (Petrescu-Dîmboviţa 1953; Мелюкова 1961; Florescu 1964; Смирнова 1969; Morintz 1978; Dragomir 1981; Дергачев 1986; Тощев, Черняков 1986; Сава, Кайзер 2011; Sava 2014 etc.). Ne vom limita doar la menţiunea că „cenuşarele" reprezintă resturi de locuinţe, iar nuanţa albicioasă a acestora (după cum au demonstrat analizele pedologice efectuate în aşezarea culturii Noua de la Odaia-Miciurin, r-nul Drochia) reprezintă rezultatul mineralizării cu timpul a resturilor de lut în amestec cu cantităţi mari de resturi organice şi nu cenuşă (Сава, Кайзер 2011, 459-460).

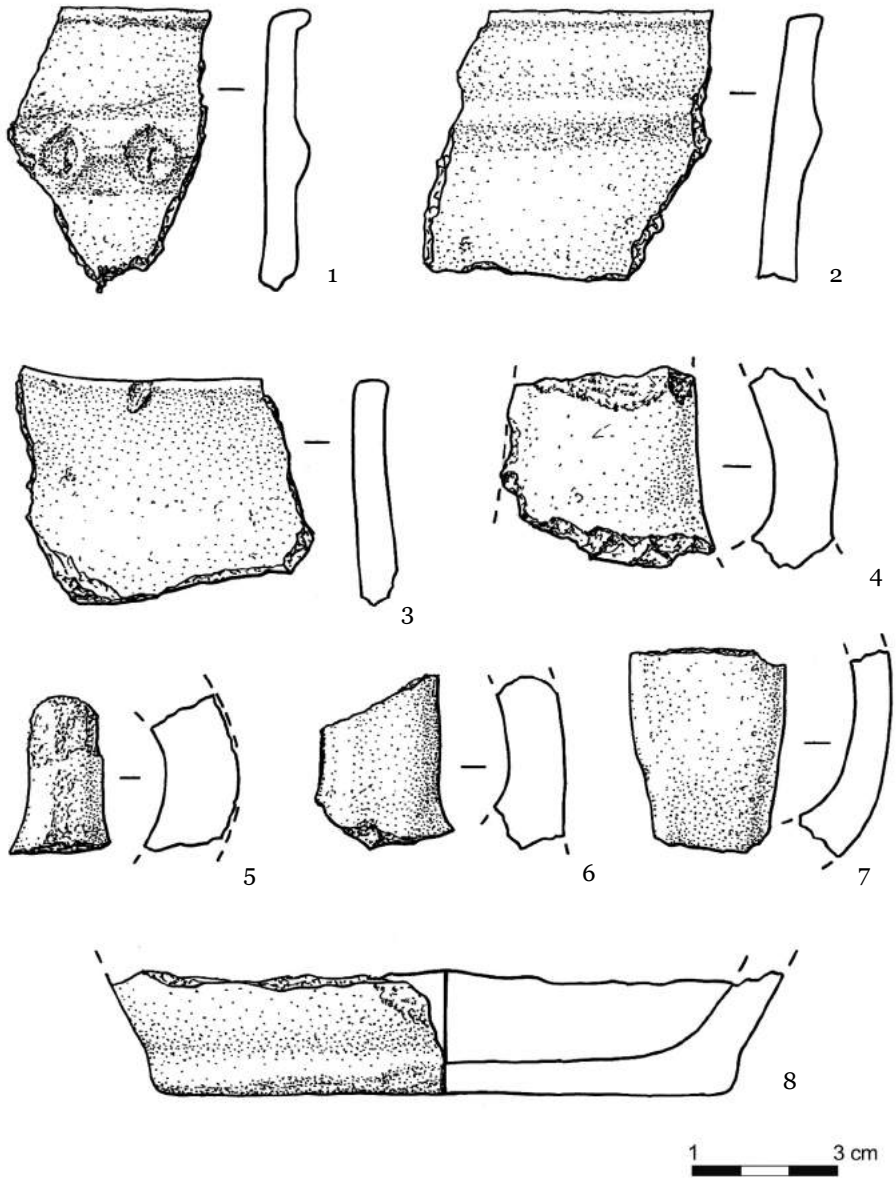


Fig. 4. 1-8 - Ceramică de pe suprafaţa sitului.

Numărul mare al aşezărilor atribuite culturii Noua nu vorbeşte despre existenţa unei „explozii demografice" ci mai degrabă a unui sistem economic care avea la bază păstoritul sezonier (Gershkovich 2003, 312-314; Sava 1998, 277-279; Sava 2014, 525). În mai multe lucrări publicate găsim ipoteza conform căreia crescătorii de animale părăseau aşezarea după o anumită perioadă şi organizau una nouă la distanţă de câţiva zeci de kilometri, în vederea refacerii păşunilor epuizate (Gershkovich 2003, 312-314; Sava 2005, 100-102; Сава, Кайзер 2011, 467). Posibil, exista un sistem de grupare a aşezărilor în microzone, fapt destul de clar observat în urma cartografierii (Sava, Sîrbu 2009; Diaconu 2012; Sava 2014). Se poate presupune că acest tip de păstorit sezonier practicat de comunităţile Noua, admitea existenţa concomitentă a aşezărilor staţionare (acomodate cu condiţii de viaţă pe parcursul întregului an) şi aşezări sezoniere (de vară) (Sava 2014, 504).

Pentru a stabili poziţia nou-descoperitului sit cu „cenuşare" în contextul mai larg al aşezărilor culturii Noua de pe teritoriul Republicii Moldova, a fost realizată o cartare exactă a acestora, ale cărei rezultate au fost procesate cu utilizarea mai multor algoritme de analiză spaţială GIS, fapt

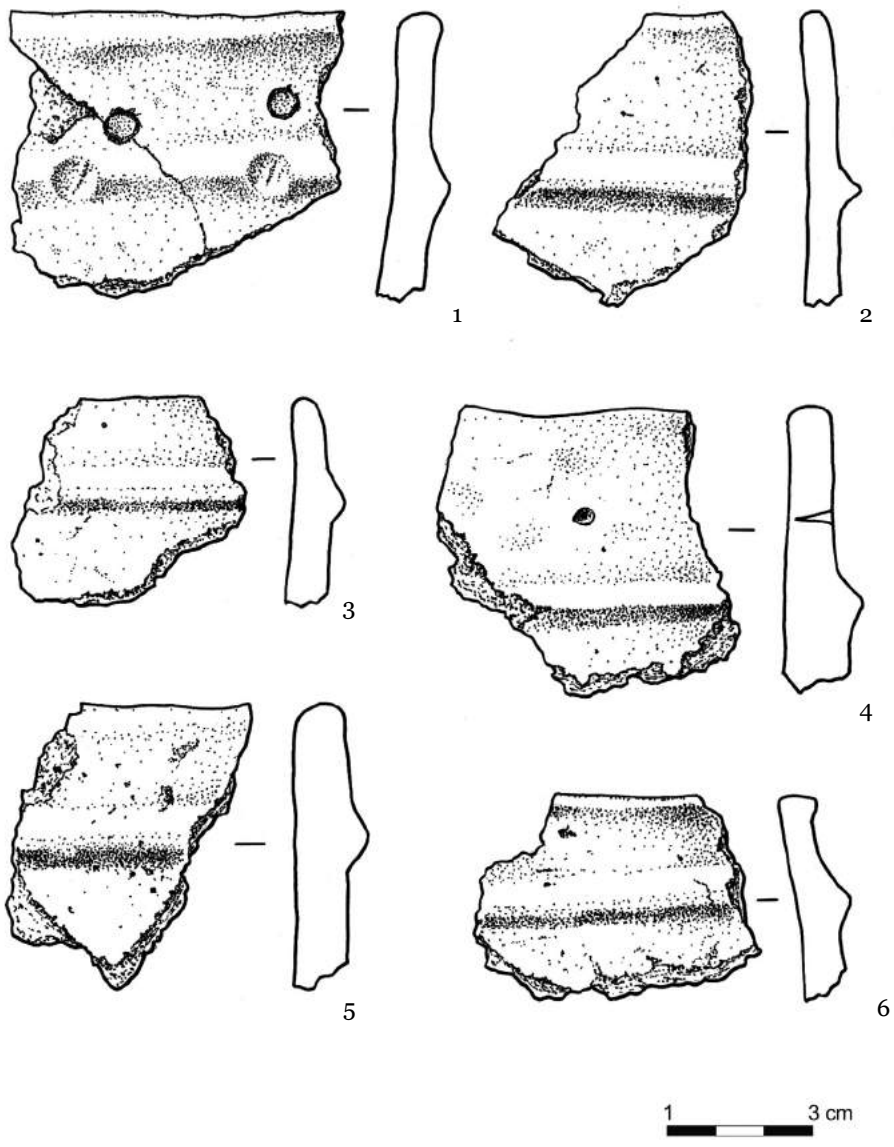


Fig. 5. 1-6 - Ceramică de pe suprafaţa sitului.

ce a permis vizualizarea şi stabilirea unor relaţii spaţiale dintre situri, care reflectă existenţa mai multor grupuri de aşezări în partea de nord a Republicii Moldova. Astfel, în baza repertoriului recent publicat (Sava 2014), au fost cartate 170 situri (fig. 9), în limitele hotarelor administrative ale Republicii Moldova. Cartarea a fost realizată în Google Earth, iar ulterior exportată în QGIS, pentru a fi procesată.

Analiza a fost efectuată cu aplicarea a doi algoritmi geospaţiali – triangularea Delaunay şi crearea hărţii calorice.

Triangularea Delaunay reprezintă o mozaicare compusă din triunghiuri generate dintr-un set de puncte în aşa mod, ca un cerc virtual trasat prin cele trei puncte ale unui triunghi să nu intersecteze nici un nod ce ar aparţine unui alt triunghi (Conolly, Lake 2006, 107; Hageman, Bennett 2000, 125-126). Ea asigură, ca cel mai apropiat nod din oricare punct al triunghiului *n* reprezintă unul din cele trei noduri în baza cărora este generat respectivul triunghi. Cu alte cuvinte, triangularea trasează linii drepte între un anumit punct şi cele mai apropiate puncte, în toate direcţiile. Aplicată la analiza distribuţiei aşezărilor

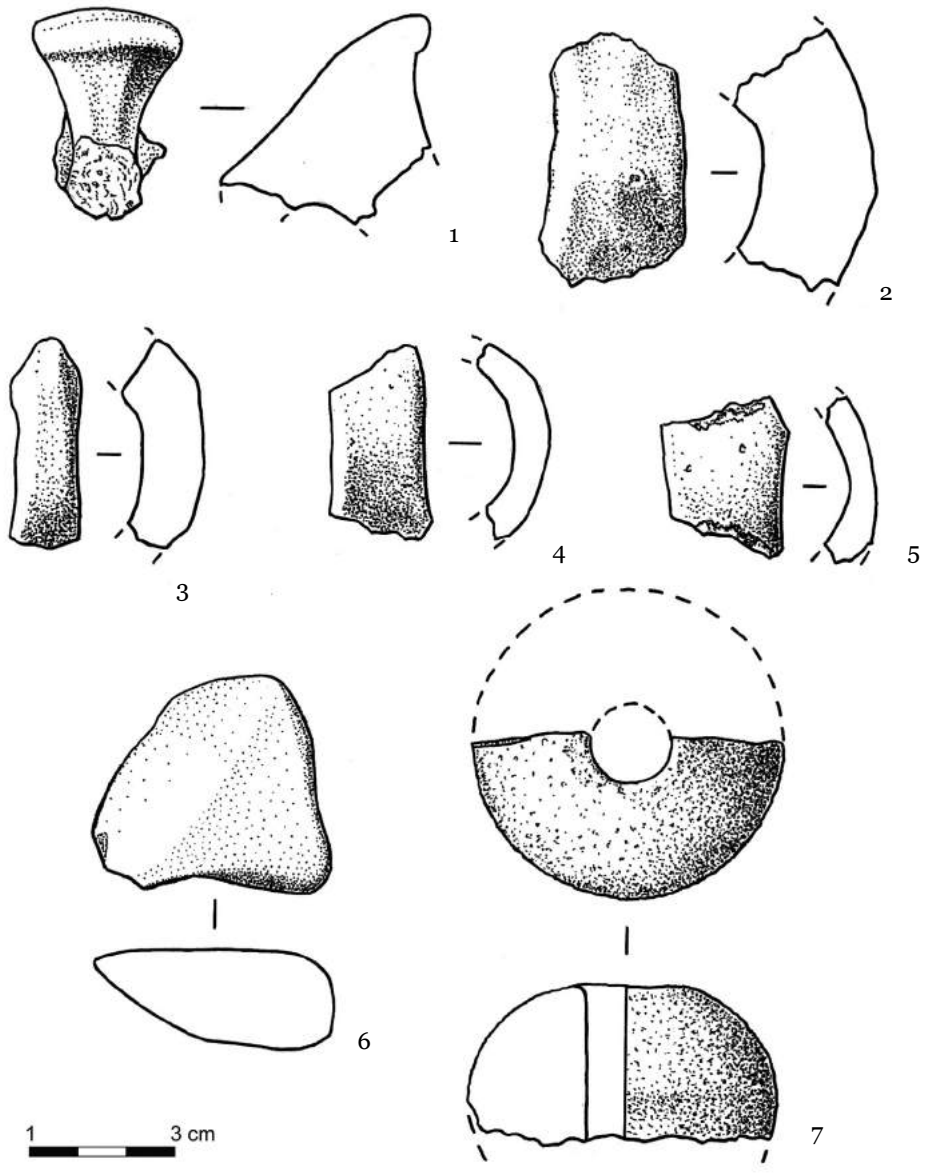


Fig. 6. 1-5 - Ceramică de pe suprafaţa sitului; 6 - şlefuitor din piatră; 7 - fragment de măciucă din piatră.

preistorice (unde fiecare punct corespunde unei aşezări), triangularea Delaunay permite o vizualizare schematică a relaţiilor spaţiale dintre situri şi oferă posibilitatea de a depista mai uşor grupările de aşezări şi a defini teritoriile ocupate de acestea (Wheatley, Gillings 2002, 135-136). Rezultatele triangulării siturilor Noua sunt prezentate în fig. 10.

Hărţile calorice reprezintă o modalitate de vizualizare a densităţii datelor de tip punct, unde fiecare punct corespunde unei aşezări. Ele permit identificarea aglomerărilor în plan, intensitatea culorii („căldurii") corelând cu densitatea punctelor. Harta calorică, generată pentru siturile Noua, este prezentată în fig. 11.

Astfel, algoritmii geospaţiali aplicaţi la procesarea distribuţiei siturilor Noua au arătat existenţa a circa 20 aglomerări, fiecare cuprinzând circa 5-9 situri şi având o suprafaţă totală de 25-70 km^2. În mod firesc, apare întrebarea: respectivul tablou redă o situaţie obiectivă sau stadiul incomplet / fragmentar al cercetărilor şi repertorierii arheologice a nordului Republicii Moldova? Tindem să credem, totuşi, că informaţiile despre siturile Noua, accesibile la momentul actual, sunt destul de complete şi reflectă destul de exact par-

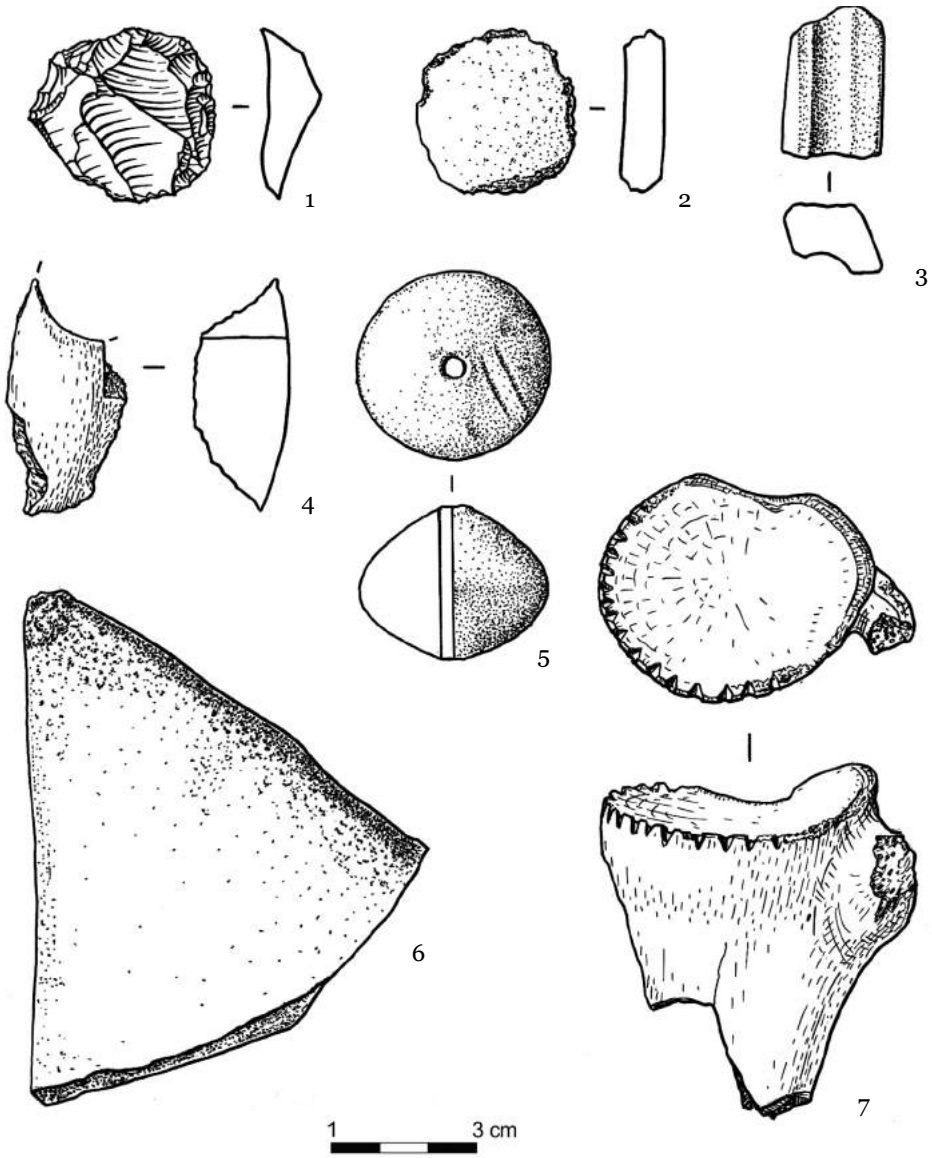


Fig. 7. Piese individuale de pe suprafaţa sitului: 1 - aşchie de silex; 2 - rondelă din lut; 3 - fragment de tipar (?); 4 - piesă din os cu gaură de înmănuşare; 5 - fusaiolă; 6 - fragment de răzuitor din piatră; 7 - omoplat crestat.

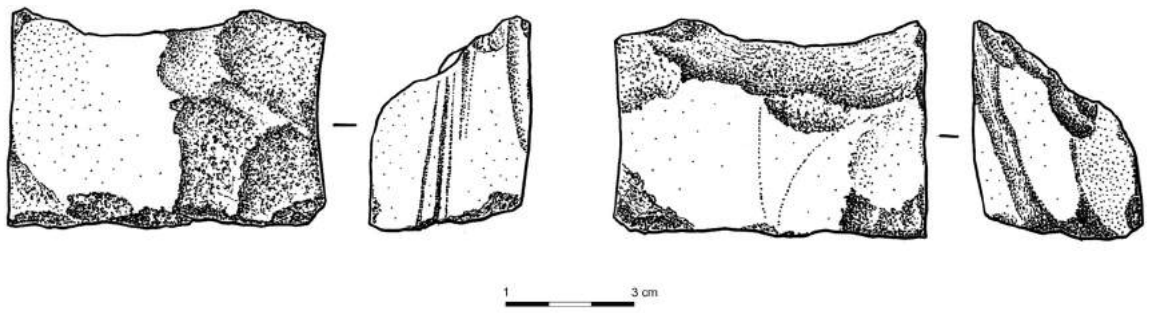


Fig. 8. Fragment de tipar de turnare din piatră.

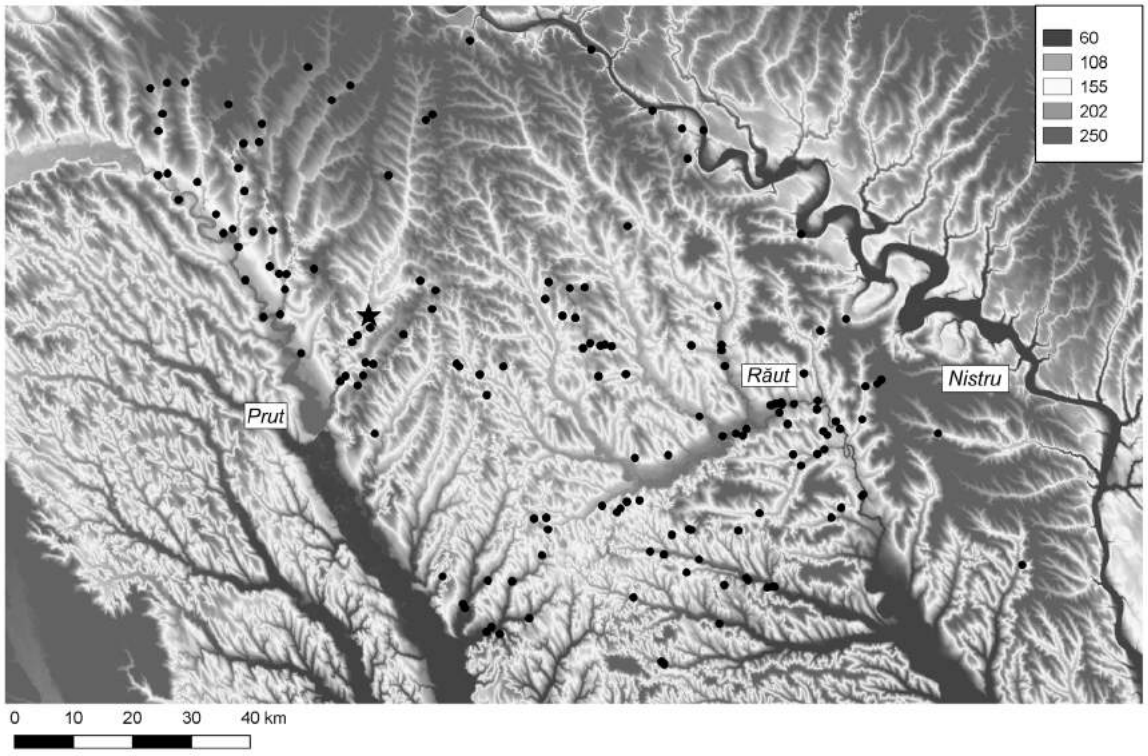


Fig. 9. Cartarea siturilor culturii Noua de pe teritoriul Republicii Moldova (suport cartografic – SRTM 30 m). Locaţia sitului de la Stolniceni este marcată cu o stea.

ticularităţile habitatului din bronzul tardiv al interfluviului pruto-nistrean, din mai multe motive. În mod general, raioanele de nord ale republicii sunt repertoriate bine, reprezentând arena unor cercetări intensive din perioada imediat postbelică, cu început încă în cea interbelică. Aşezările cu „cenuşare” sunt uşor observabile la suprafaţa terenului, graţie aspectului lor specific şi culorii cenuşii, ce se evidenţiază mai ales pe solul proaspăt arat. Acest grad sporit de observare vizuală a determinat şi identificarea rapidă a „cenuşarelor” pe fotografiile aeriene, fotografierea respectivă acoperind mai multe zone din nordul ţării (vezi Bicbaev, Sava 2004; Bicbaev 2011). În ultimul deceniu, accesibilitatea imaginilor geospaţiale Google Earth sau Geoportal face şi mai simplă observarea „cenuşarelor”, multe dintre siturile incluse în ultimul repertoriu (Sava 2014) fiind identificate şi pe această cale.

Argumentele expuse mai sus ne fac să credem că grupările de situri Noua, observate în urma cartografierii şi analizei primare GIS, reflectă poziţia unor formaţiuni spaţiale obiective, existente în bronzul târziu. Acestea, probabil, marchează teritoriile bine delimitate care serveau ca spaţiu de circulaţie continuă a comunităţilor distincte de păstori cu păşunile aferente.

Suprapunerea distribuţiei siturilor peste modelul digital de elevaţie al interfluviului pruto-nistrean (în calitate de suport cartografic noi am utilizat datele SRTM – *Shuttle Radar Topography Mission* cu rezoluţia de 30 metri / punct, accesibile on-line[2]) permite şi realizarea unor observaţii cu privire la relaţia dintre grupările de situri şi formele de relief. Astfel, toate siturile sunt nemijlocit legate de cursurile apelor, concentrându-se mai ales în avalul afluenţilor Prutului şi Răutului. Se observă, că în nord-estul şi estul Republicii Moldova siturile Noua sunt foarte puţine la număr, fapt ce poate fi pus în legătură cu predominarea formelor înalte de relief, cu valori absolute de peste 200 m. În mod evident, purtătorii culturii Noua preferau să circule în văile line şi nu foarte înalte ale râurilor cu debitul de apă suficient de puternic pentru a satisface necesităţile comunităţii.

[2] https://lta.cr.usgs.gov/SRTM1Arc, accesat pe 14.07.2017.

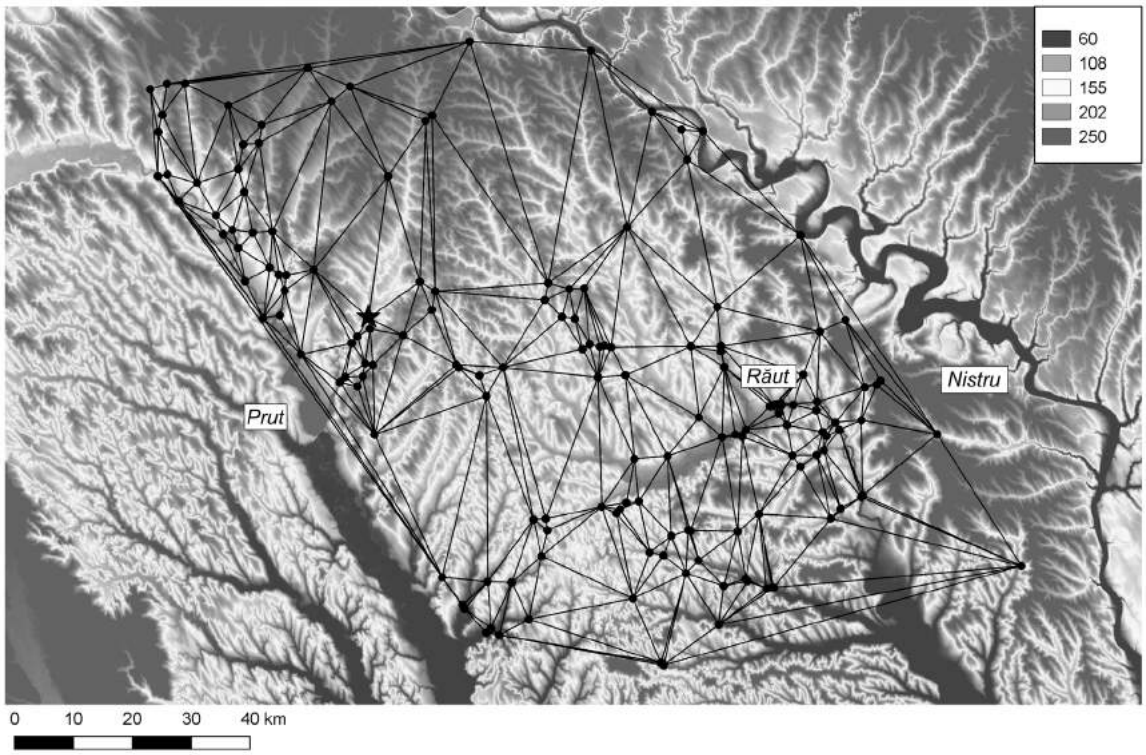


Fig. 10. Triangularea Delaunay a siturilor culturii Noua de pe teritoriul Republicii Moldova (suport cartografic – SRTM 30 m). Locaţia sitului de la Stolniceni este marcată cu o stea.

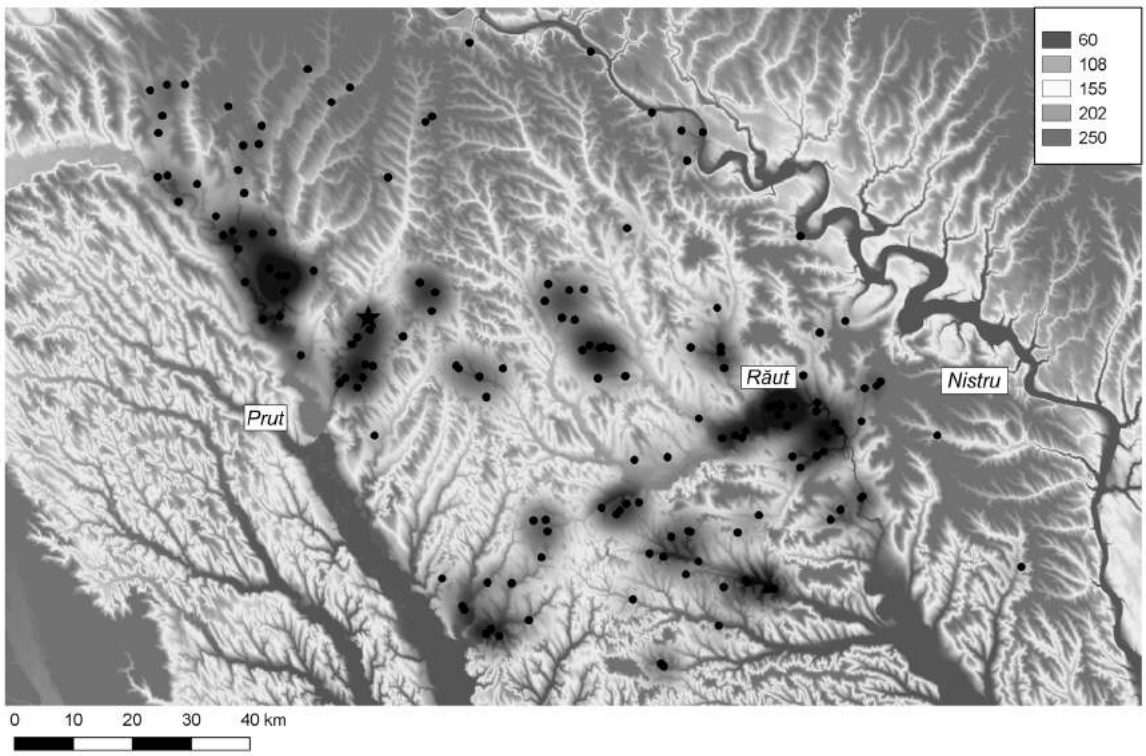


Fig. 11. Harta calorică a distribuţiei siturilor culturii Noua pe teritoriul Republicii Moldova (suport cartografic – SRTM 30 m). Locaţia sitului de la Stolniceni este marcată cu o stea.

Materialul arheologic colectat de pe suprafaţa aşezării Stolniceni II este tipic culturii Noua, fiind reprezentat, după cum am menţionat mai sus, de multiple fragmente ceramice, printre care s-a evidenţiat un fragment de toartă cu proeminenţă în formă de creastă, provenit de la un vas de tip kantharos (fig. 6/1). La categoria piese individuale dorim să menţionăm fragmentul de măciucă din piatră (fig. 6/7). Spre deosebire de celelalte câteva exemplare deja cunoscute, provenite din aşezările culturii Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 11/3; Sîrbu 2013, 172, fig. 6/9) şi Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 118, таб. III/24; Sîrbu 2013, 172, fig. 6/8, 10-11) prelucrate din roci dure de piatră, fragmentul de măciucă descoperit în aşezarea Stolniceni II este lucrat din rocă slabă de gresie calcaroasă şi are suprafaţa zgrunţuroasă. Ţinând cont de faptul că acestui tip de piesă i se conferă de regulă valoare simbolică, folosită ca armă de paradă sau având simbol social (Leahu 1966, 79; Klochko, Pustovalov 1994, 211; Dumitroaia 2000, 124; Diaconu, Niculică 2011, 75), putem presupune existenţa în aşezarea Stolniceni II la vremea respectivă a unei structuri sociale bine conturate. Fragmentul de omoplat crestat poate reprezenta dovada practicării meşteşugului de prelucrare a pieii iar cel de tipar de turnare – practicarea industriei bronzului. Până la o eventuală investigare arheologică a acestei aşezări, cele menţionate mai sus rămân a fi doar nişte ipoteze de lucru sau nişte interpretări logice bazate pe rezultatele obţinute în cadrul altor aşezări ale culturii Noua cercetate pe întreg arealul ei de răspândire.

În ceea ce priveşte rezultatele cartografierii siturilor, completarea repertoriului aşezărilor Noua, coroborată cu unele cercetări microzonale vor fi în stare să aprofundeze cunoştinţele noastre despre mişcările sezoniere sau multisezoniere ale purtătorilor culturii bronzului târziu din partea centrală şi de nord a Republicii Moldova. În această ordine de idei, considerăm necesară atât extinderea analizei spaţiale pe întreg arealul culturii, cât şi o analiză comparativă a tendinţelor de habitat din stepă, din zona Sabatinovka, manifestate într-un context ecologic diferit.

Bibliografie

Bicbaev, Sava 2004: V. Bicbaev, E. Sava, Interpretarea fotografiilor aeriene ale unor situri Noua. Memoria Antiquitatis XXIII, 2004, 335-353.

Conolly, Lake 2006: J. Conolly, M. Lake, Geographical Information Systems in Archaeology (Cambridge 2006).

Diaconu 2012: V. Diaconu, Depresiunea Neamţ. Contribuţii arheologice (Piatra Neamţ 2012).

Diaconu, Niculică 2011: V. Diaconu, B. Niculică, Sceptre de piatră aparţinând epocii bronzului, descoperite în judeţul Suceava. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 193-198.

Dragomir 1981: I.T. Dragomir, Contribuţii arheologice şi etnografice referitoare la procesul de formare al aşezărilor de tip cenuşar „zolniki". Danubius 10, 1981, 31-58.

Dumitroaia 2000: Gh. Dumitroaia, Comunităţi preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni până la bronzul mijlociu (Piatra Neamţ 2000).

Florescu 1964: A.C. Florescu, Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua. ArhMold II - III, 1964, 143-203.

Gershkovich 2003: Ya.P. Gershkovich, Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowland during the Bronze Age. In: (Eds. M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle) Prehistoric steppe adaptation and the horse (Cambridge 2003), 307-318.

Hageman, Bennett 2000: J. Hageman, D. Bennett, Construction of Digital Elevation Models for Archaeological Applications. In: (Eds. K. Wescott, R. Brandon) Practical Application of GIS for Archaeologists. A Predictive Modeling Toolkit (London 2000), 121-136.

Klochko, Pustovalov 1994: V.I. Klochko, S.Z. Pustovalov, The Warfare of the Northern Pontic Steppe - Forest-Steppe Pastoral Societies: 2750-2000 B.C. (Catacomb Culture). BPS 2, 1994, 196-215.

Leahu 1966: V. Leahu, Cultura Tei (Bucureşti 1966).

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii (I). Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Petrescu-Dîmboviţa 1953: M. Petrescu-Dîmboviţa, Contribuţii la problema sfîrşitului epocii bronzului şi începutului epocii fierului în Moldova. SCIV IV/3-4, 1953, 443-486.

Sava 1998: E. Sava, Die Rolle der „östlichen" und „westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. In: (Hrsg. B. Hänsel, J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Noma-

denbewegungen und Kulturaustasch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v. Chr.) (München-Rahden/ Westf. 1998), 267-312.

Sava 2004: E. Sava, Unele aspecte economice din perioada târzie a epocii bronzului (complexul cultural Noua-Sabatinovka). In: Studii de istorie veche şi medievală. Omagiu profesorului Gheorghe Postică (Chişinău: Ed. Pontos 2004), 68-75.

Sava 2005: E. Sava, Die spätbronzezeitlichen Aschehügel („Zol'niki") – ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte. Prähistorische Zeitschrift 80/1, 2005, 65-109.

Sava 2014: E. Sava, Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) (Chişinău 2014).

Sava, Sîrbu 2009: E. Sava, M. Sîrbu, Aşezări cu „cenuşare" în bazinul Răutului (Catalog). Tyragetia s.n. III/1, 2009, 169-192.

Sîrbu 2013: M. Sîrbu, Piese litice descoperite în aşezările culturilor Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 163-189.

Sorochin 1993: V. Sorochin, Modalităţile de organizare a aşezărilor complexului cultural Cucuteni-Tripolie. ArhMold XVI, 1993, 69-86.

Ţerna et al. 2016: S. Ţerna, K. Rassmann, M. Vasilache, K. Radloff, Stolniceni I – New Research on a Cucuteni-Tripolye Large Site. In: (Eds. A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitser, M. Băţ) Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava (Chişinău 2016), 41-52.

Ţerna et al. 2017: S. Ţerna, K. Rassmann, M. Vasilache-Curoşu, M. Sîrbu, V. Rud, A. Vornicu-Ţerna, G. Salefski, Stolniceni 2016. Cercetări arheologice preventive din partea de nord-est a sitului cucutenian de mari dimensiuni. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2016. Sesiunea naţională de rapoarte 24 mai 2017 (Chişinău 2017), 16-18.

Wheatley, Gillings, 2002: D. Wheatley, M. Gillings, Spatial Technology and Archaeology. The archaeological applications of GIS (London and New York 2002).

Бикбаев 2007: В.М. Бикбаев, «Башни» Петрен (от археологической интерпретации аэрофотоснимков к реконструкции жизни трипольских поселений). Tyragetia s.n. I/1, 2007, 9-26.

Бикбаев 2011: В. Бикбаев, Поселения эпохи энеолита-бронзы микрорегиона Бельцкой равнины по данным аэрофотоснимков и наземных исследований. В: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая, Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) / E. Sava, E. Kaiser, Die Siedlung mit „Aschehügeln" beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova (archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen) (Chişinău 2011), 37-78.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у с. Слободка-Ширеуць. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА СССР, 96, 1961, 5-52.

Сава, Кайзер 2011: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая, Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) / E. Sava, E. Kaiser, Die Siedlung mit „Aschehügeln" beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova (archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen) (Chişinău 2011).

Смирнова 1969: Г.И. Смирнова, Поселение Магала. Памятник древнефракийской культуры в Прикорпатье (вторая половина XIII-середина VII в. до н.э. МИА СССР, 150, 1969, 7-34.

Тощев, Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники сабатиновской культуры. В сб.: Исследования по археологий северо-западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Церна, Рассманн, Рудь 2017: С.В. Церна, К. Рассманн, В.С. Рудь, Гончарный горн с позднетрипольского поселения Столничень I (Единецкий район, Республика Молдова) и производство керамики к востоку от Карпат в IV тысячелетии до н.э. Stratum Plus 2, 2017, 301-330.

Stolniceni II – a new settlement with "ash lenses" discovered in the northern zone of the Republic of Moldova

Keywords: Late Bronze Age, settlement, Noua culture, "ash lens", geospatial algorithms, Delaunay triangulation, heat map.

Abstract: The article publishes archaeological materials found on the surface of a settlement with the "ash lenses" of the Noua culture discovered during the investigation of the nearby large Cucuteni-Trypillia settlement by the village of Stolniceni in the Edinet District. The finds are represented both by characteristic pottery and by various crafts made of clay, stone, flint and horn, among which there is a fragment of the mold or part of the mace head. Along with the introduction of findings from the Stolniceni II site into scientific use, an attempt is made to illustrate its local and regional context by mapping the settlements of the Noua culture from the territory of Moldova and the subsequent GIS processing of data on their distribution. The use of some algorithms of spatial analysis made it possible to allocate about 20 clusters of sites, each of which includes 5-9 settlements and is located on an area of 25-70 sq. km. It seems that such a distribution of sites marks the presence of clearly delineated territorial entities that served as an arena for cyclical movements of specific cattle-breeding communities, and a consistent change in the grazing area.

List of illustrations:

Fig. 1. Satellite pictures with the location of two sites - Stolniceni I (A) and Stolniceni II (B). Source: Google Earth. At the top - a picture of April 2015, below - a picture of September 2015.

Fig. 2. Profile of micro-zone heights around the Stolniceni II site. Source: Google Earth.

Fig. 3. At the top - a view from the west to the settlement with "ash lenses" (photo: S. Ţerna). Below - the planning of the site (based on data from Google Earth).

Fig. 4. 1-8 - Pottery from the surface of the settlement.

Fig. 5. 1-6 - Pottery from the surface of the settlement.

Fig. 6. 1-5 - Pottery from the surface of the settlement; 6 - stone polisher; 7 - fragment of the mace head.

Fig. 7. Individual findings from the surface of the settlement: 1 - flint flake; 2 - ceramic disc; 3 - fragment of the mold (?); 4 - a product made of bone with a hole for fixing the handle; 5 - spindle whorl; 6 - a fragment of a stone heavy-scraper; 7 - bone "stamp".

Fig. 8. Fragment of a stone mold.

Fig. 9. Distribution of Noua culture settlements on the territory of the Republic of Moldova (cartographic basis – SRTM 30 m). Location of the Stolniceni settlement is indicated by an asterisk.

Fig. 10. Delaunay triangulation of the settlements of the Noua culture on the territory of the Republic of Moldova (cartographic basis – SRTM 30 m). Location of the Stolniceni settlement is indicated by an asterisk.

Fig. 11. The heat map of the distribution of the settlements of the Noua culture on the territory of the Republic of Moldova (cartographic basis – SRTM 30 m). Location of the Stolniceni settlement is indicated by an asterisk.

Столничень II – новое поселение с «зольниками», открытое в северной зоне Республики Молдова

Ключевые слова: поздний бронзовый век, поселение, культура Ноуа, «зольник», геопространственные алгоритмы, триангуляция Делоне, теплокарта.

Резюме: В статье публикуются материалы с поверхности нового поселения с «зольниками» культуры Ноуа, открытого в процессе изучения расположенного рядом крупного кукутень-трипольского поселения у села Столничень Единецкого района. Находки представлены как характерной керамикой, так и различными поделками из глины, камня, кремня и рога, среди которых можно отметить фрагмент литейной формы или часть навершия булавы. Наряду с введением в научный оборот материалов памятника Столничень II в работе предпринята попытка иллюстрации его локального и регионального контекста путем картографирования поселений культуры Ноуа с территории Молдовы и последующей ГИС-обработки данных об их распределении. Использование некоторых алгоритмов пространственного анализа позволило выделить около 20 скоплений памятников, каждое из которых включает 5-9 поселений и располагается на площади в 25-70 км^2. Представляется, что подобное распределение памятников маркирует наличие четко оконтуренных территориальных образований, которые служили ареной цикличных перемещений конкретных скотоводческих общин, и последовательную смену территории выпаса скота.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Спутниковые снимки с расположением двух памятников - Столничень I (A) и Столничень II (B). Источник: Google Earth. Вверху - снимок апреля 2015, внизу - снимок сентября 2015.

Рис. 2. Профиль высот микрозоны вокруг памятника Столничень II. Источник: Google Earth.

Рис. 3. Вверху - вид с запада на поселение с «зольниками» (фото: С. Церна). Внизу - планиграфия памятника (на основании данных из Google Earth).

Рис. 4. 1-8 - Керамика с поверхности поселения.

Рис. 5. 1-6 - Керамика с поверхности поселения.

Рис. 6. 1-5 - Керамика с поверхности поселения; 6 - каменное лощило; 7 - фрагмент навершия булавы.

Рис. 7. Индивидуальные находки с поверхности поселения: 1 - кремневый отщеп; 2 - керамический диск; 3 - фрагмент литейной формы (?); 4 - изделие из кости с отверстием для крепления рукояти; 5 - пряслице; 6 - фрагмент скобеля из камня; 7 - костяной «штамп».

Рис. 8. Фрагмент каменной литейной формы.

Рис. 9. Распределение поселений культуры Ноуа на территории Республики Молдова (картографическая основа – SRTM 30 м). Расположение поселения Столничень указано звездочкой.

Рис. 10. Триангуляция Делоне поселений культуры Ноуа на территории Республики Молдова (картографическая основа – SRTM 30 м). Расположение поселения Столничень указано звездочкой.

Рис. 11. Теплокарта распределения поселений культуры Ноуа на территории Республики Молдова (картографическая основа – SRTM 30 м). Расположение поселения Столничень указано звездочкой.

24.07.2017

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

Stanislav Ţerna, Şcoala Antropologică Superioară, str. Nicolae Iorga, 5, MD-2029 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ternastas@mail.ru

DESCOPERIRI CU SEMNIFICAȚII DE CULT ÎN AȘEZAREA DIN EPOCA BRONZULUI TÂRZIU DE LA ULMU

Octavian Munteanu
Livia Sîrbu
Ghenadie Sîrbu

Cuvinte-cheie: perioada târzie a epocii bronzului, „pâinișoare" de lut, ritual, complex de cult.

Introducere

În anul 2005, la 45 de ani distanţă, au fost reluate cercetările în situl de la Ulmu[1], urmărindu-se scopul de a verifica dacă amenajarea lacului din preajma localităţii a mai lăsat neafectate spaţii acoperite de aşezarea de epocă Latène, cercetată în anul 1960 de către M.A. Romanovskaja (Романовская 1964). Cu părere de rău, nivelarea terenului din jurul lacului a distrus în întregime situl, complexe arheologice atribuite culturii Poieneşti-Lucaşeuca nefiind atestate, iar rezultatele rezumându-se la recoltarea unui număr redus de fragmente ceramice. Totuşi, chiar dacă spaţiul acoperit de situl de epocă Latène nu a supravieţuit, investigaţiile întreprinse au scos la lumina zilei un şir de complexe, dintre care o bună parte aparţineau perioadei târzii a epocii Bronzului. În rândurile ce urmează vom insista asupra unuia dintre ele, care reprezintă o groapă asemănătoare celei descoperite de către M. Romanovskaja în anul 1960, atât ca formă, dimensiuni, cât şi ca artefacte specifice. Descoperirile ce urmează a fi prezentate au suscitat interes din mai multe puncte de vedere. Astfel, în contextul noilor descoperiri, cât şi a racordării mai exacte la descoperirile mai vechi, se impun, în primul rând, precizări de ordin cronologic, iar în al doilea rând – de ordin funcţional. În acest fel, va fi posibilă o revedere a interpretării oferite de M. Romanovskaja în publicaţiile anterioare, care în contextul actual sunt necesare în mod imperativ.

Situl este localizat pe moşia satului Ulmu, raionul Ialoveni, şi este amplasat la 1,5 km nord-vest de acesta, întinzându-se pe o colină din dreapta r. Botna pe o suprafaţă de cca 300×200 m (fig. 1). A fost descoperit în anul 1959 de către L. Polevoj,

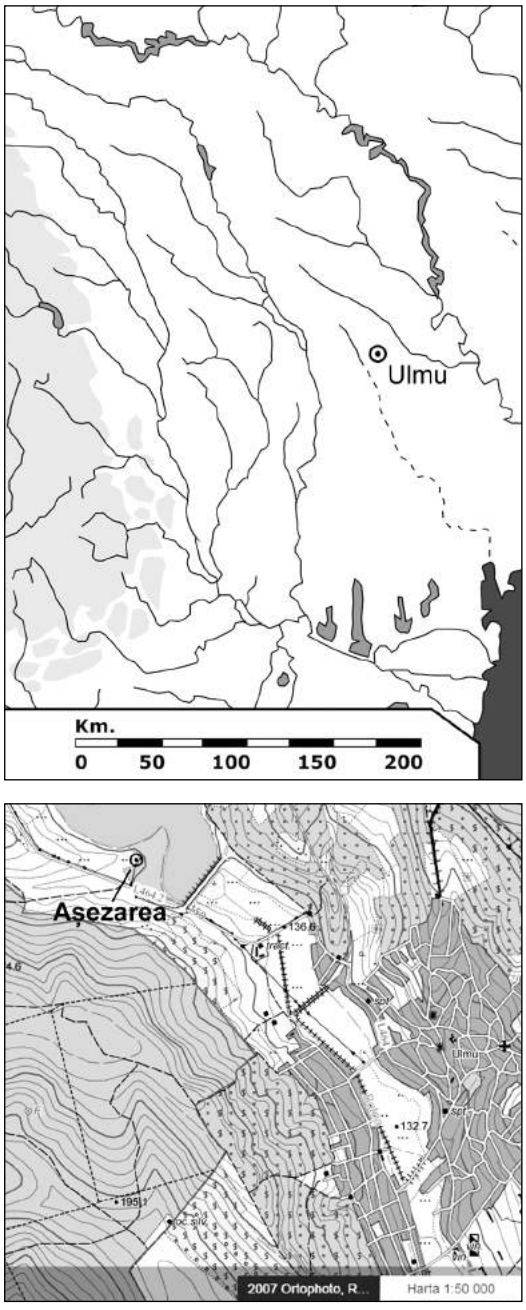


Fig. 1. Aşezarea de la Ulmu.
Amplasarea geografică şi ortofotoplanul.

[1] Ulmu III, conform *Repertoriului Arheologic* din anul 1993.

atestându-se, în acest fel, primele descoperiri atribuite epocii bronzului târziu pe valea râului Botna, în zona satului Ulmu. Dincolo de orizontul bronzului târziu, au fost semnalate vestigii atribuite perioadei getice, orizontului Poienești-Lucașeuca, culturii Sântana de Mureș-Černjahov și epocii medievale. Situl este cunoscut în literatura de specialitate atât cu denumirea Ulmu III (Tentiuc 1993, 26), cât și Ulmi (Romanovskaja 1987, 207).

Primele investigații arheologice de teren au avut loc în anul 1960 sub egida arheologului Marina Romanovskaja, care s-au soldat cu descoperirea mai multor complexe aparținând culturii Poienești-Lucașeuca (Романовская 1964). Doar în unul dintre ele a fost descoperit material specific perioadei târzii a epocii Bronzului – groapa nr. 6, din cadrul secțiunii nr. III. În anul 1964, M. Romanovskaja publicase vestigiile atribuite bronzului târziu, făcând trimitere la două aglomerații ceramice descoperite în secțiunea nr. III, la fragmentele ceramice surprinse în groapa nr. 6 și la o cantitate nu prea mare de ceramică colectată din strat (Романовская 1964). Ulterior, în anul 1987, M. Romanovskaja a republicat rezultatele cercetărilor arheologice unde încadrase parțial și materialele caracteristice epocii târzii a Bronzului. Fără a le analiza în detaliu, autoarea a prezentat desenul gropii și un șir de artefacte surprinse în umplutura acesteia (Romanovskaja 1987, 209, fig. 2), descriind succint forma și dimensiunile complexului, pe care le însoțise cu elemente de interpretare a acestuia (Romanovskaja 1987, 216). Notăm că autoarea a apreciat ceramica ce datează din epoca bronzului ca provenind de la un alt complex deranjat odată cu săparea gropii atribuită sec. II-I a. Chr. (Romanovskaja 1987, 223), iar obiectele din lut descoperite în complex au fost interpretate ca „opaițe" modelate din pastă de lut prost frământată și arsă superficial (Romanovskaja 1987, 223). Considerăm oportună revederea acestei ipoteze, deoarece respectivul tip de obiecte este pe larg cunoscut în literatura de specialitate ca fiind specific bronzului târziu (important în contextul descoperirii ceramicii specifice epocii Bronzului), respectiv, și atribuirea cultural-cronologică a gropii necesitând o reactualizare, în special în contextul descoperirilor realizate în anul 2005. Despre ce, totuși, este vorba?

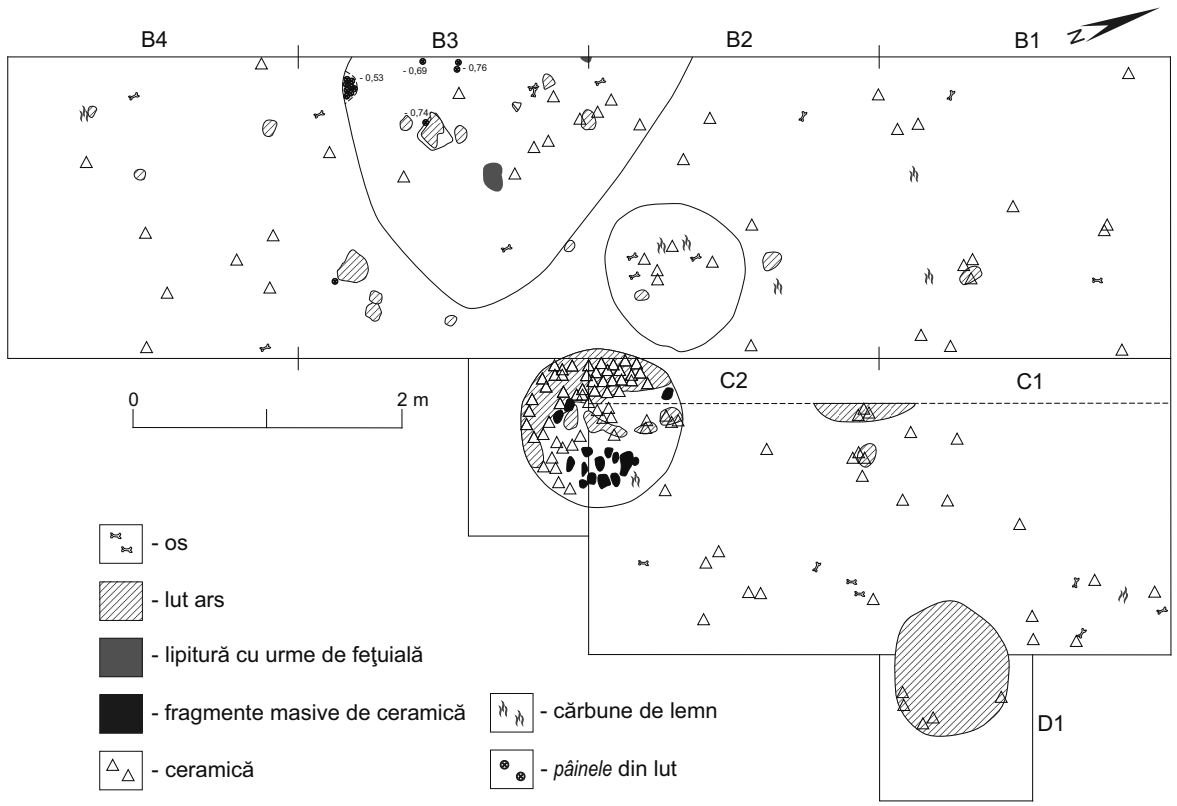


Fig. 2. Aşezarea de la Ulmu. Planul Secțiunii nr. V/2005, straturile I-IV.

Complexul nr. 9. Caracteristici generale şi cronologia

În procesul investigaţiilor din anul 2005, în cadrul secţiunii nr. V, după degajarea stratului 2 de săpătură, a fost sesizată o pată de sol mai întunecată la culoare, ulterior stabilindu-se că este vorba de o groapă care a fost denumită convenţional complexul nr. 9 (fig. 2; 3/I). Complexul reprezenta o structură adâncită în sol, de formă elipsoidală în plan, prevăzută cu prag. Diametrul gropii la deschidere era de 2,3 m, iar adâncimea – de cca 0,80 m. Umplutura gropii era relativ omogenă, constituită din sol afânat în asociere cu ceramică, pietre, oase şi multiple fragmente de lipitură (dintre care unele aveau dimensiuni mari, păstrând urme de nuiele şi de făţuire) şi un şir de piese de lut (fig. 3/II).

Ceramica. În cadrul complexului au fost descoperite 15 fragmente ceramice, toate atribuindu-se epocii târzii a Bronzului. Din punct de vedere tehnico-tehnologic ele se raportează la cele două categorii tradiţionale – *fină şi grosieră*, ultima fiind net superioară din punct de vedere cantitativ. *Ceramica grosieră* (14 fragmente) este modelată din pastă de lut în amestec cu cioburi pisate de granulaţie mică, sau în combinaţie cu nisip. Suprafaţa fragmentelor este prelucrată sumar şi variază de la zgrunţuroasă la netezită. De regulă, arderea era neuniformă, astfel încât vasele au culoare maronie şi cenuşie pe ambele părţi sau cenuşie la exterior şi maronie la interior, sau maronie la exterior şi neagră la interior. Fragmentul ce aparţine *categoriei fine* este lucrat din pastă bine frământată în amestec cu nisip, are culoare maronie şi nu a fost decorat. Din punct de vedere morfologic a fost posibilă identificarea a trei categorii de vase: *cupe* (fig. 4/1), *vase de tip borcan* (fig. 4/2, 5, 6) şi *străchini tronconice* (fig. 4/3). Din numărul total de fragmente, doar două sunt decorate: un fragment cu şir de alveole pe buză şi altul – cu brâu simplu amplasat sub buză.

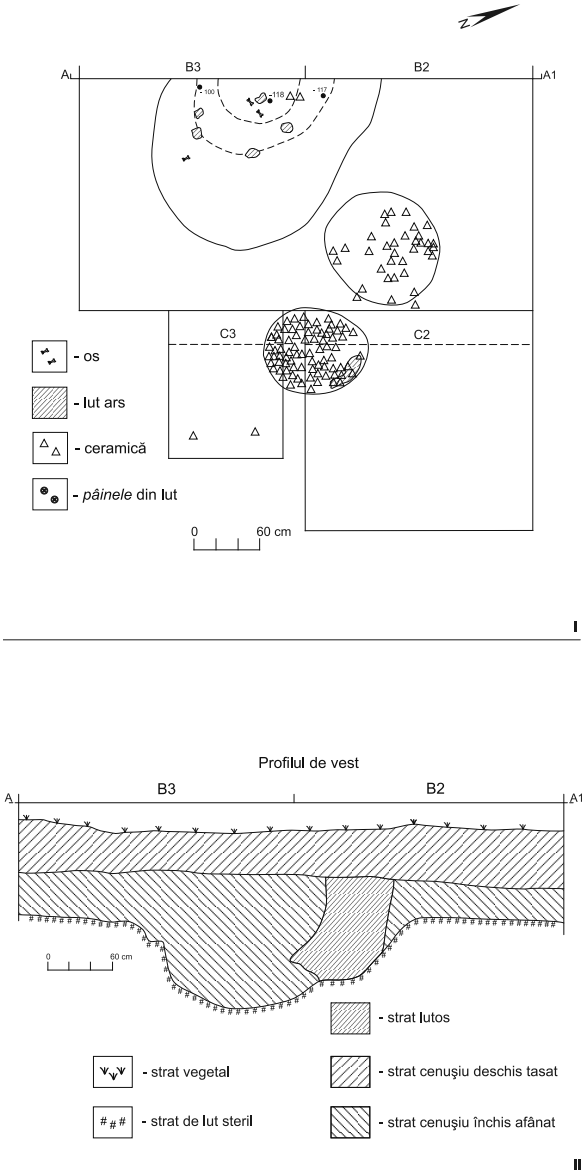


Fig. 3. Aşezarea de la Ulmu. I - Planul Secţiunii nr. V/2005, straturile V-VI; II - profilul de vest al complexului nr. 9.

Tabelul nr. 1

Statistica materialului ceramic din complexul nr. 9.

Ceramica	Număr	Fină	Grosieră	Cupe	Vase-borcan	Străchini	Decor
Pereţi	9	-	9	1	9	-	-
Buze	4	1	3	1	1	1	2
Funduri	2	-	2	-	2	-	-
Total	15	1	14	2	12	1	2

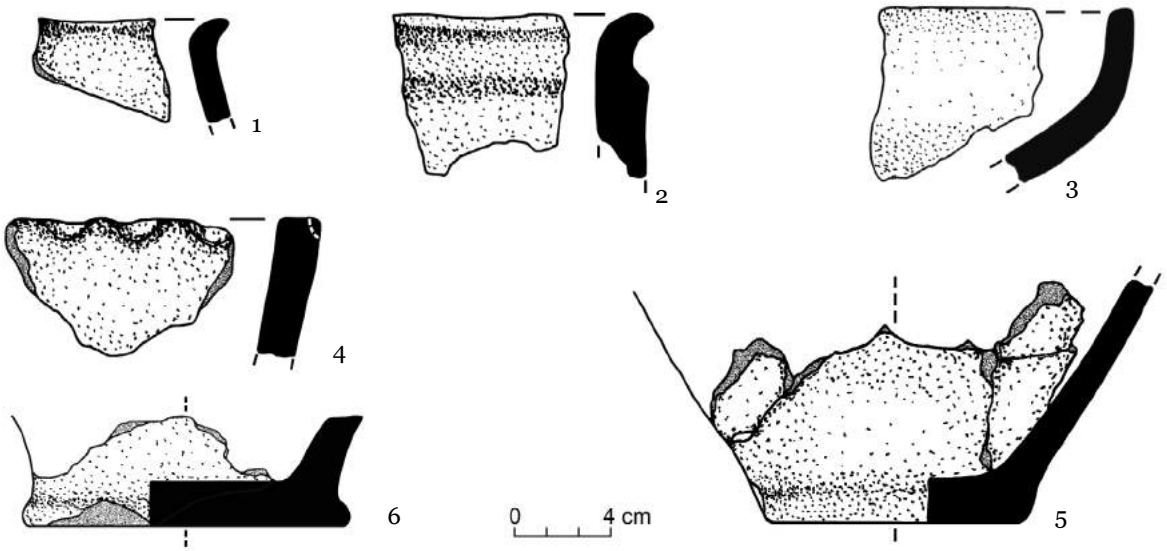


Fig. 4. Aşezarea de la Ulmu. Ceramică din complexul nr. 9.

Piesele de inventar. În complexul nr. 9 au fost descoperite 22 obiecte de lut, unele dintre ele fiind surprinse izolat, iar altele sub forma unor aglomeraţii. La adâncimea de 0,53 m a fost descoperită o aglomeraţie (nr. 1) compusă din opt exemplare având forma apropiată unor bile, dintre care pentru cinci (1-5 conform catalogului) pot fi restabilite formele aproximative, iar trei sunt amorfe. La adâncimea de 0,76 m a mai fost surprinsă o aglomeraţie (nr. 2) compusă din opt piese de lut de formă semisferică sau oval alungită. Dintre acestea, una s-a păstrat întreagă (nr. 9 conform catalogului), pentru cinci fiind posibilă restabilirea formelor aproximative (nr. 10-14), iar două dintre fragmente erau amorfe. Totodată, alte şase exemplare similare (nr. 6-8, 15-17 conform catalogului) reprezintă descoperiri singulare. În literatura de specialitate, pentru piesele de lut de formă sferică se utilizează noţiunea de *bile*, *globuleţe*, *ouşoare* sau *bulgări*, iar pentru cele de formă semisferică sau oval-alungită, prevăzute cu adâncitură mediană sau fără – de „*pâinici*" sau „*pâinişoare*" (Sîrbu 2012, 92; Sîrbu 2015, 96).

Cronologia. Primul subiect care se impune a fi clarificat după prezentarea descoperirilor, ţine de încadrarea cronologică. În baza vestigiilor descoperite în cadrul complexului nr. 9 (ne referim în primul rând la setul de fragmente ceramice), a situaţiei stratigrafice şi corelării cu alte complexe identificate la Ulmu, dar şi în baza analogiilor din cadrul altor aşezări, putem atribui cu certitudine această groapă perioadei târzii a epocii Bronzului. În acest context, merită menţionat faptul că cea mai apropiată analogie, atât din punct de vedere al contextului descoperirii, formei, dimensiunilor, cât şi al specificului materialelor descoperite, o reprezintă groapa nr. 6, cercetată în 1960 în aceeaşi aşezare de la Ulmu. Să ne amintim că autoarea cercetărilor, M. Romanovskaja, a atribuit descoperirile „pâinişoarelor", dar şi întreg complexul nr. 6, perioadei Latène, culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Prezenţa ceramicii din perioada târzie a epocii Bronzului în acest complex a fost interpretată de către autoare ca rezultat al deranjării unui complex din epoca Bronzului de către purtătorii culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Chiar dacă „pâinişoarele" au fost văzute ca elemente mai puţin specifice culturii Poieneşti-Lucaşeuca, autoarea le-a calificat drept opaiţe din perioada Latène.

De la distanţa timpului trecut şi din experienţele acumulate, întrezărim un şir de circumstanţe care ne duc spre reinterpretarea informaţiilor publicate de M. Romanovskaja. Astfel, pornind de la faptul că acest tip de „opaiţe" nu ne este cunoscut pentru mediul culturii Poieneşti-Lucaşeuca, având în vedere că descoperirile „pâinişoarelor" realizate de către M. Romanovskaja se poziţionau în partea inferioară a gropii, iar ceramica de tip Poieneşti-Lucaşeuca – predominant în partea su-

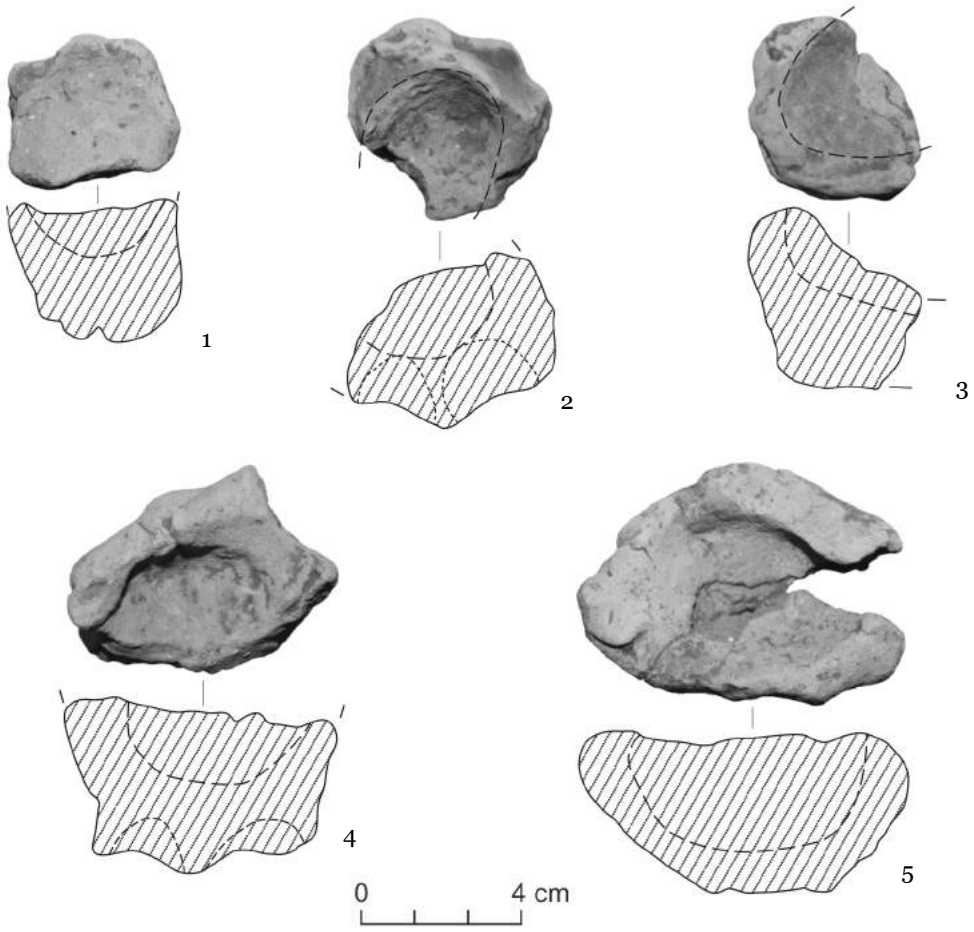


Fig. 5. Aşezarea de la Ulmu. Bile de lut din complexul nr. 9.

perioară, la care se adaugă analogiile descoperirilor din anul 2005 (cu siguranţă datând din epoca Bronzului), considerăm că s-a produs o eroare atât de ordin cronologic, atunci când s-a atribuit respectivul complex perioadei Latène (fiind vorba, totuşi, de descoperiri care se atribuie cert perioadei târzii a epocii Bronzului) cât şi de ordin interpretativ, atunci când M. Romanovskaja a calificat aceste piese, din punct de vedere utilitar-funcţional, drept „opaiţe".

Problema caracterului utilitar al „pâinişoarelor"

Înainte de a urmări acest subiect, este necesar să menţionăm că descoperiri ale pieselor care se pot încadra în categoria „pâinişoarelor" de lut s-au făcut pentru segmente de timp foarte extinse. Vom aminti aici că astfel de obiecte au fost descoperite în situri ce se datează cu perioade mult mai timpurii, printre cele mai vechi numărându-se exemplarele descoperite în mediul cucutenian (Винокур 1966, 160-162; Monah 2002, 49, fig. 7). Foarte multe exemplare sunt datate cu perioada epocii târzii a Bronzului, concentraţiile maxime raportându-se la spaţiile din nordul Pontului Euxin (Gerškovič 1999, 60, Taf. 18/1-5; Шарафутдінова 1964, 155, 165, рис. 6/12-15; Шарафутдінова 1982, 39 şi urm., рис. 39/5-12; Березанская 1982, 178; Телегін 1961, 4; Тощев, Черняков 1986, 123, рис. 3) şi vestul Pontului Euxin (Дергачёв 1969; Дергачев 1976, 41; Агульников 1984, 10, рис. 3; Агульников 2006, 229, рис. 7/2, 4; Агульников, Малюкевич 2010, 152; Renţa 2008, 32, fig. 13-17; Sava 2005, Abb. 9/1-8; Kaiser, Sava 2006, 162, Abb. 29/ 10; Тощев, Черняков 1986, рис. 4/10-15). În concentraţii mai mici acestea se extindeau pe spaţii mai întinse – spre Bazinul Volga-Ural (Колев 1999, 157, рис. 8/4-12; Каравайко 2012, 103, рис. 43/2-10; 64/5-10; 65), ajungând tocmai înspre Bazinul Tobol-Irtysh (Корочкова 2009, 75-84, рис. 4/31-32). Şi pentru epoca fierului spaţiile circumpontice au fost marcate de fenomenul răs-

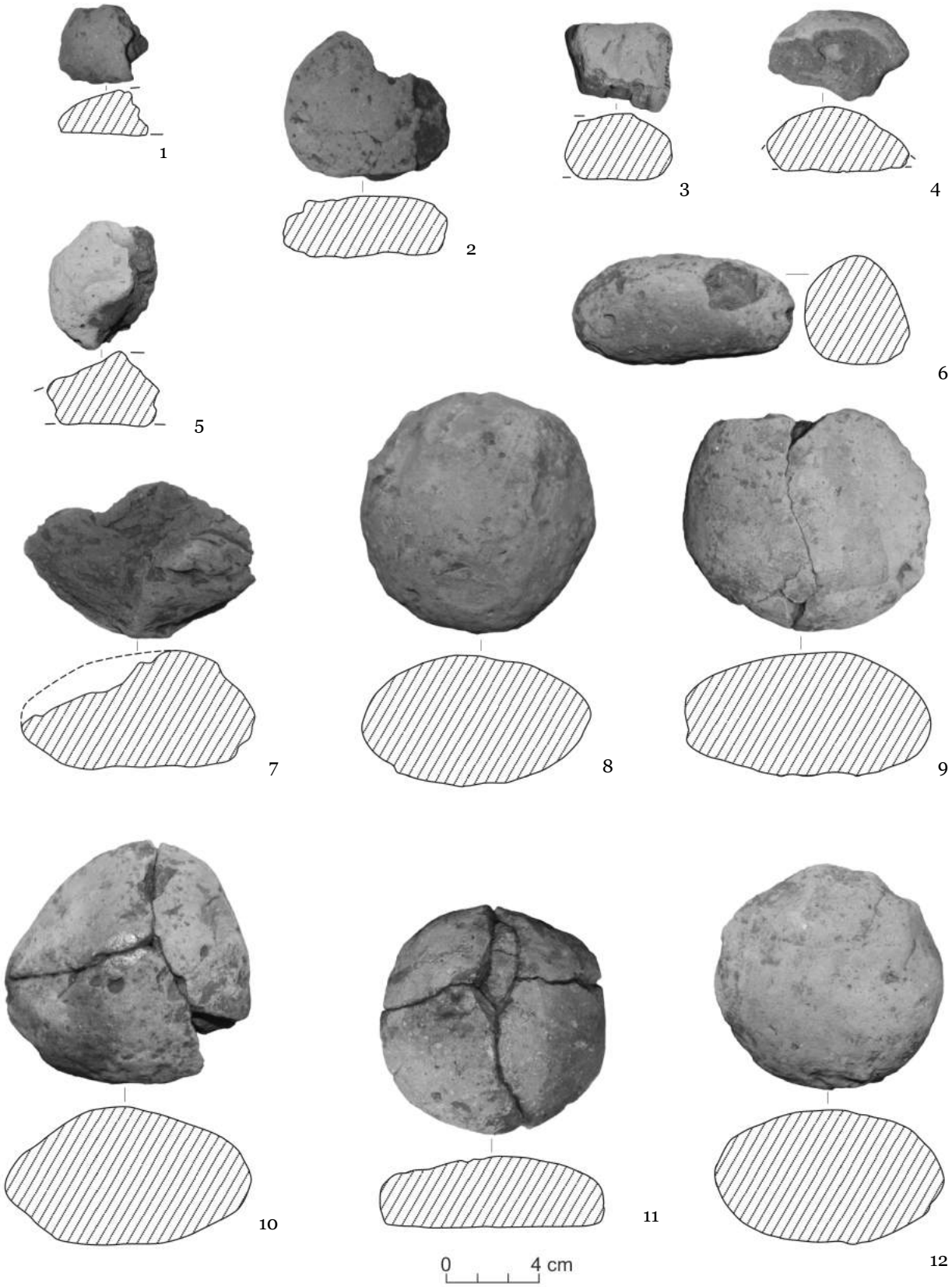


Fig. 6. Aşezarea de la Ulmu. „Pâinişoare” de lut din complexul nr. 9.

pândirii acestui tip de artefacte. „Pâinişoarele" le observăm atât în vestul Pontului, în mediul culturii getice (Sîrbu 1993, 129-175), cât şi în silvostepa nord pontică (Воропаева 2005, 6-13; Воропаева 2007, 17-23; Белая 2010, 62; Белая 2011) cu extinderi până spre bazinul Donețului (Шрамко 1962, рис. 77/6, 12; Шрамко 2016, 210-211, fig. 7/10-11; 9/1, 2). Nu mai puţin răspândite au fost „pâinişoarele" în primele secole ale erei creştine, în cadrul culturii Sântana de Mureş-Černjakhov (Тиханова 1963, 178-191; Винокур 1972, 18), dar şi în evul mediu timpuriu. Astfel, „pâinişoarele" sunt atestate în teritorii ce pornesc din estul Europei (Stamati 2000; Stanciu 2012, 253-278) şi ajung până în regiunile Uralului (Журавлева, Пастушенко 2015, 12; Сташенков 2003, 90, рис. 7/3-4).

Cu toate că aceste obiecte sunt foarte răspândite (atât în spaţiu, cât şi în timp), ele nu s-au bucurat de studii speciale decât în cazuri rare. Astfel, de amintit aici un excelent studiu al colegului Iu. Stamati dedicat respectivei categorii de artefacte cu referire la perioada evului mediu timpuriu în spaţiul vest-pontic (Stamati 2000, 361-394)[2]. Un al doilea studiu a fost elaborat de către cercetătorul clujean I. Stanciu privind acelaşi segment cronologic (Stanciu 2012, 253-278). Un al treilea se referă la un fenomen similar ce caracterizează regiunile de pe cursul mijlociu al râului Volga în perioada mileniului I a. Chr. (Журавлева, Пастушенко 2015, 123), iar un patrulea, care este unul foarte bine documentat (chiar dacă abordează tangenţial problema) este dedicat fenomenelor din perioada târzie a epocii Bronzului (Sîrbu 2015, 91-122). Foarte pertinente sunt analizele primilor doi autori, în special la capitolul ce ţine de aspectul utilitar-funcţional, reprezentând adevărate mostre de abordare metodologică şi de soluţionare a problemei.

Revenind la segmentul cronologic al perioadei târzii din epoca Bronzului şi la piesele de la Ulmu, trebuie să constatăm că, dincolo de faptul unei răspândiri frecvente şi pe spaţii suficient de largi, atât izolat cât şi în cadrul unor complexe închise, câte una sau în aglomeraţii, analogii perfecte pentru complexul nr. 9 de la Ulmu, până la acest moment, nu am găsit. Totodată, piesele propriuzise, locul descoperirii lor şi modul de amplasare în complex, ne permit stabilirea unor situaţii mai mult sau mai puţin asemănătoare. Spre exemplu, în „cenuşarul" nr. 4 de la Costeşti, în una dintre gropile locuinţei nr.56, alături de vatra de lut, a fost descoperită o concentraţie de piese din lut de formă sferică (atât exemplare întregi, cât şi fragmente ale acestora, Дергачев 1976, 41). În aşezarea de la Căuşeni au fost găsite piese din lut de formă semisferică prevăzute cu adâncitură mediană. Interesant este faptul că ele au fost aşezate în trei grupe, care se încadrau schematic într-un triunghi, iar alte două exemplare au fost descoperite izolat (Левинский 1986, 20-21). În aşezarea de la Mologa, a fost descoperită o groapa deosebită, unde erau concentrate 16 piese din lut de formă diferită şi prevăzute cu adâncitură mediană (Агульников, Малюкевич 2010, 156, рис. 4/1-4, 6-11). În procesul de cercetare a „cenuşarului" nr. 3 de la Mahala, în cadrul locuinţei nr. 3 a fost descoperită o groapă care conţinea câteva exemplare de piese sferice de lut, şi o vatră din lut bătătorit, în a cărei interior se afla o concentraţie de astfel de piese (Смирнова 1972, 17). Analogii sunt cunoscute în cadrul mai multor culturi din perioada târzie a epocii bronzului: Cavadineşti (Dragomir 1959, 456-457, fig. 3/5, 6); Coslogeni (Neagu, Nopcea 2007, 472-473); Novoselica (Тощев, Черняков 1986, рис. 4/10-15), Čkalovka (Шарафутдінова 1964, 156-157, рис. 6/12-14).

Majoritatea cercetătorilor care s-au dedicat problemei „pâinişoarelor" de lut, au întrezărit în ele elemente cu semnificaţie cultică. În dependenţă de locul descoperirii, contextul, modul şi specificul depunerii, „pâinişoarele" de lut au fost catalogate fie drept descoperiri ritualice (Шарафутдінова 1964, 166; Березанская 1982, 180; Агульников, Левинский 1990, 79), fie descoperiri cu caracter votiv (Тощев, Черняков 1986, 135). Astfel, pornind de la faptul că în pasta multor „pâinişoare" de lut s-au observat resturi sau urme de cereale precum orzul, secara sau grâul, unii autori le-au calificat ca fiind simbol al cultului agricol (Агульников, Левинский 1990, 79). Descoperirea frecventă a respectivelor artefacte în locuinţe, în preajma vetrelor, i-a determinat pe alţi cercetători să admită legătura lor cu cultul focului şi al vetrei casei, care este caracteristic pentru multe dintre popoarele de păstori şi agricultori (Шарафутдінова 1964, 166). Concomitent, a fost expusă şi ipoteza unor practici legate de cultul renaşterii şi al fertilităţii (Березанская 1982, 180). Respectarea ritualurilor ce ţineau de aceste practici religioase se făcea cu scopul asigurării bunăstării locuinţei (Березанская 1982, 168).

[2] Urmat ulterior de un altul (Stamati 2001).

La fel de plauzibilă este ipoteza conform căreia „pâinişoarele", descoperite uneori în asociere cu figurinele zoomorfe, simbolizau pâinea şi carnea şi reflectau ocupaţiile de bază ale comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni, şi anume – creşterea animalelor şi agricultura (Sîrbu 2012, 97-98). Totodată, pornind de la faptul că aceste artefacte se descoperă în preajma vetrelor, unii specialişti au fost tentaţi a le considera ca fiind obiecte nelegate de cult, ci folosite, mai curând, în procesul gătirii (Dietrich 2011, 117).

Ce putem spune, la final, despre complexul de la Ulmu? Îl putem considera ca fiind unul cu semnificaţie cultică, aşa cum se crede despre multele structuri cu obiecte similare ale epocii?

Sigur, este foarte tentant să considerăm că aglomerarea unui număr atât de mare de piese într-un singur complex (întregi, fragmentate în vechime sau doar fragmente), nu este întâmplătoare. Chiar dacă în marea majoritate a cazurilor similare gropile rituale erau însoţite de vase întregi sau întregibile şi de figurine zoomorfe, s-ar putea ca lipsa lor de la Ulmu să nu fie un impediment pentru a califica complexul ca fiind unul de cult. Acest fapt este posibil, cel puţin, din considerentul admiterii practicării unor altor rituale sau din perspectiva unui alt mod de percepţie al sacrului de către comunităţile care au locuit în aşezarea de la Ulmu. Respectiv, prin analogie cu multiplele complexe similare ale epocii (dar nu numai), şi complexul ce se află în vizorul nostru ar putea reflecta unele practici de cult asemănătoare cu cele presupuse de predecesorii noştri.

Totuşi, considerăm că ar fi o abordare prea simplistă şi pripită, problema fiind, de fapt, una foarte complexă şi deloc uşoară. Respectiv, nu credem că este potrivit să venim în acest moment cu un răspuns tranşant. Ceea ce putem constata şi afirma cu certitudine, este că va fi necesară o analiză distinctă şi profundă a acestui tip de obiecte, abordând în totalitate artefactele care se referă la epoca târzie a Bronzului, luând la evidenţă toate contextele existente, sistematizându-le, tipologizându-le şi analizându-le prin toate mijloacele posibile care ne stau astăzi la dispoziţie, aşa cum au făcut-o colegii noştri pentru analiza minuţioasă a artefactelor similare din perioada medievală. Noi, deocamdată, ne vom rezuma la completarea lungului şir de astfel de piese, acceptând provocarea de a reveni la subiect.

Catalogul „pâinişoarelor" de lut descoperite în complexul nr. 9:

1. ***Bilă de lut*** (fig. 5/4), fragment (FA-11441-7/4). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 1. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă quasiovală (cilindrică alungită), prevăzută pe centru cu o adâncitură elipsoidală bine pronunţată, arderea oxidantă şi culoare cărămizie.
Dimensiuni: L – 5,3 cm; LA – 3,6 cm; Gr – 2,7 cm.

2. ***Bilă de lut*** (fig. 5/2), fragment (FA-11441-9). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 1. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă quasiovală, prevăzută pe centru cu o adâncitură circulară bine pronunţată, arderea oxidantă, neomogenă ce oferă piesei culoare cărămizie cu pete cenuşii la suprafaţă şi cenuşie în secţiune.
Dimensiuni: L – 4,4 cm; LA – 3,4 cm; Gr – 2,9 cm.

3. ***Bilă de lut*** (fig. 5/5), fragment (FA-11441-7/2). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 1. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă quasiovală, prevăzută pe centru cu o adâncitură elipsoidală bine pronunţată, arderea oxidantă, neomogenă ce oferă piesei culoare cărămizie cu pete cenuşii la suprafaţă şi cenuşie în secţiune.
Dimensiuni: L – 6,6 cm; LA – 4,8 cm; Gr – 3,3 cm.

4. ***Bilă de lut*** (fig. 5/1), fragment (FA-11441-7/1). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 1. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă quasiovală, prevăzută pe centru cu o adâncitură elipsoidală bine pronunţată, ardere oxidantă, neomogenă ce oferă piesei culoare cărămizie cu pete cenuşii la suprafaţă şi cenuşie în secţiune.
Dimensiuni: L – 4,3 cm; LA – 3,5 cm; Gr – 2,6 cm.

5. ***Bilă de lut*** (fig. 5/3), fragment (FA-11441-7/3). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 1. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă quasiovală, prevăzută pe centru cu o adâncitură elipsoidală bine pronunţată, arderea oxidantă, neomogenă ce oferă piesei culoare cărămizie cu pete cenuşii la suprafaţă şi cenuşie în secţiune.
Dimensiuni: L – 4,9 cm; LA – 4,1 cm; Gr – 3,1 cm.

6. ***„Pâinişoară" de lut*** (fig. 6/8), întreagă (FB-28154-1). A fost descoperită în complexul nr. 9, caroul B3 (V-0,06 m; S-0,9 m), la adâncimea de 0,69 m. Este modelată din pastă lut, bine frământată cu adaos de nisip. Are formă circulară în plan,

cu secţiunea în partea centrală elipsoidală. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă. Una dintre laturi a păstrat urme slabe de ardere secundară.
Dimensiuni: D – 7,6 cm; Gr – 4,3 cm.

7. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/11), întreagă (FB-28154-6). A fost descoperită în complexul nr. 9, caroul B3 (V-0,44 m; S-0,9 m), la adâncimea de 0,74 m. Este modelată din pastă de lut bine frământată cu adaos de nisip. Are formă aproape circulară în plan, cu secţiunea în partea centrală aplatizată, aproape rectangulară. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă. S-au păstrat urme de ardere secundară.
Dimensiuni: D – 7,3 cm; Gr – 2,2 cm.

8. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/12), întreagă (FB-28154-7). A fost descoperită în complexul nr. 9, caroul B3 (V-0,06 m; S-0,9 m), la adâncimea de 0,76 m. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă circulară în plan, cu secţiunea în partea centrală elipsoidală. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă. S-au păstrat urme slabe de ardere secundară.
Dimensiuni: D – 7,4 cm; Gr – 4,1 cm.

9. *„Pâinişoară" de lut/vălătuc* (fig. 6/6), întreagă (FB-28154-5). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 2. Este modelată din pastă bine frământată în amestec cu nisip. Are forma unui vălătuc, cu secţiunea în partea centrală de formă aproximativ circulară. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă şi cenuşie în secţiune. Una dintre laturi a păstrat urme de ardere secundară.
Dimensiuni: L – 8,2 cm; D – 3,6 cm.

10. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/5), fragment (FA-11441-20). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 2. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Face parte din categoria celor de formă aproape circulară în plan, cu secţiunea în partea centrală elipsoidală. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă şi cenuşie în secţiune.
Dimensiuni: L – 5,2 cm, LA – 3,9 cm, Gr – 2,4 cm.

11. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/2), fragment (FA-11441-12). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 2. A fost modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Face parte din categoria celor de formă aproape circulară în plan, aplatizată, având secţiunea în partea centrală aproape rectangulară. Suprafaţa este sumar netezită, arderea era oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă şi cenuşie în secţiune.
Dimensiuni: L – 6,2 cm, LA – 5,2 cm, Gr – 2 cm.

12. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/1), fragment (FA-11441-15/1). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 2. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec nisip. Face parte din categoria celor de formă aproape circulară în plan, aplatizată, având secţiunea în partea centrală aproape rectangulară. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare maronie cu pete cenuşii la suprafaţă şi cenuşie în secţiune.
Dimensiuni: L – 2,9 cm, LA – 2,7 cm, Gr – 1,3 cm.

13. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/3), fragment (FA-11441-15/2). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 2. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Face parte din categoria celor de formă aproape circulară în plan, cu secţiunea în partea centrală de formă elipsoidală. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă, şi cenuşie în secţiune.
Dimensiuni: L – 3,5 cm, LA – 2,9 cm, Gr – 2,2 cm.

14. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/4), fragment (FA-11441-15/3). A fost descoperită în complexul nr. 9, aglomeraţia 2. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Face parte din categoria celor de formă aproape circulară în plan, cu secţiunea în partea centrală de formă elipsoidală. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare maronie la suprafaţă, iar în secţiune cenuşie.
Dimensiuni: L – 4,7 cm, LA – 2,6 cm, Gr – 1,7 cm.

15. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/9), întreagă (FB-28154-8). A fost descoperită în complexul nr. 9, caroul B3 (V-0,17 m; S-0,15 m), la adâncimea de 1,17 m. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă aproape circulară în plan, cu secţiunea în partea centrală de formă elipsoidală. Suprafaţa este sumar netezită, arde-

rea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă şi cenuşie în secţiune. S-au păstrat urme slabe de ardere secundară.
Dimensiuni: D – 8 cm; Gr – 3,6 cm.

16. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/10), întreagă (FB-28154-4). A fost descoperită în complexul nr. 9, caroul B3 (V-0,2 m; N-0,51 m), la adâncimea de 1,18 m. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă aproape circulară în plan, cu secţiunea în partea centrală elipsoidală. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă. S-au păstrat urme slabe de ardere secundară.
Dimensiuni: D – 8 cm; Gr – 4 cm.

17. *„Pâinişoară" de lut* (fig. 6/7), fragment (FA-11441-5). A fost descoperită în complexul nr. 9, caroul B3 (V-0,08 m; N-0,88 m), la adâncimea de 1 m. Este modelată din pastă de lut bine frământată în amestec cu nisip. Are formă aproape circulară în plan, cu secţiunea în partea centrală elipsoidală. Suprafaţa este sumar netezită, arderea oxidantă, neomogenă, oferind piesei culoare roşcat-maronie la suprafaţă şi cenuşie în secţiune. S-au păstrat urme slabe de ardere secundară.
Dimensiuni: L – 7,6 cm; Gr – 4 cm.

Bibliografie

Dietrich 2011: L. Dietrich, Gânduri asupra dimensiunilor sociale ale vaselor de tip Kantharos din cultura Noua. In: Archaeology: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babes at his 70th anniversary (Piteşti 2011), 115-122.

Dragomir 1959: I.T. Dragomir**,** Săpăturile arheologice de la Cavadineşti (r. Bereşti, reg. Galaţi). MCA VI, 1959, 454-467.

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. Archäologie in Eurasien, Bd. 7 (Rahden/Westf. 1999).

Kaiser, Sava 2006: E. Kaiser, E. Sava, Die „Aschehugel" der spaten Bronzezeit im Nordpontikum Erste Ergebnisse eines Forschungsprojekts in Nordmoldavien (Mit Beitragen von Michael Hochmuth und Gerwulf Schneider). Eurasia Antiqua 12, 2006, 137-172.

Monah 2002: D. Monah, Découvertes de pains et de restes d'aliments céréaliers en Europe de l'Est et Centrale. Civilisations – Revue internationale d'anthropologie et de sciences humaines, 2002, 67-76.

Neagu, Nopcea 2007: M. Neagu, C. Nopcea, Cercetările arheologice preventive de la Chirnogeni, jud. Constanţa (2001). Pontica 40, 2007, 471-485.

Renţa 2008: E. Renţa, Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomiţa (Târgovişte 2008).

Romanovskaja 1987: M. Romanovskaja, Aşezarea de la Ulmi. Săpăturile din anul 1960. ArhMold XI, 1987, 207-226.

Sava 2005: E. Sava, Die spätbronzezeitlichen Aschehügel („Zol'niki") – ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte. Prähistorische Zeitschrift 80/1, 2005, 65-109.

Sîrbu 1993: V. Sîrbu, Credinţe şi practici magico-vrăjitoreşti la traco-geto-daci. Banatica 12, 1993, 129-175.

Sîrbu 2012: M. Sîrbu, Piese din lut descoperite în aşezările culturilor Noua-Sabatinovka din spaţiul carpato-nistrean. Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 91-111.

Sîrbu 2015: M. Sîrbu, Viaţa spirituală a comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni prin prisma elementelor nonfunerare descoperite în aşezări. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 91-122.

Stamati 2000: I. Stamati, „Pâinişoarele" din lut (un exemplu de dialog între arheologie şi etnologie). Acta Musei Porolissensis XXIII/1, 2000, 361-394.

Stamati 2001: I. Stamati, Les petit pains en glaise – discussion sur la mentalité de habitants de l'établissement de Lazuri datant du Haut Moyen Ages. Transilvania Review 10/2, 2001, 83-97.

Stanciu 2012: I. Stanciu, About the use of the so-called clay "breadcakes" in the Milieu of the early slav settlements (6th-7th centuries). Ephemeris Napocensis XXII, 2012, 253-278.

Tentiuc 1993: I. Tentiuc. Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Ialoveni (Chişinău 1993).

Агульников 1984: С. Агульников, Отчет о раскопках на поселении Самурза I в 1982 г. (Кишинев 1984). Ahiva MNIM, nr. inv. 190.

Агульников 2006: С.М. Агульников, Поселения эпохи поздней бронзы в Буджакской степи. Revista Arheologică s.n. II/1-2, 2006, 217-262.

Агульников, Левинский 1990: С.М. Агульников, А.Н. Левинский, Исследования на поселении у г. Кэушень. АИМ в 1985 году (Кишинев 1990), 73-89.

Агульников, Малюкевич 2010: С. Агульников, А. Малюкевич, Ритуальный комплекс периода поздней бронзы с поселения Молога II в нижнем Поднестровье. Revista Arheologică s.n. VI/1, 2010, 151-163.

Белая 2010: Н.Н. Белая, Закономерности территориального распределения мелкой глиняной пластики скифского времени. Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология 2, 2010, 60-65.

Белая 2011: Н.Н Белая, Глиняная пластика скифского времени Днепро-Донской лесостепи, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Москва 2011), www.archaeolog.ru/media/avtoreferaty/belaya.doc.

Березанская 1982: С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).

Винокур 1966: І.С. Винокур, Археологічні дослідження на трипільському поселенні біля с. Магала (Чернівец. обл.). Археологія 20, 1966, 157-162.

Винокур 1972: С. Винокур, История та культура Черняховских племен Днестро-Днепровского междуречья II-V. ст. н.е. (Київ 1972).

Воропаева 2005: Н.Н. Воропаева, Жертвенники и жертвоприношения оседлого населения скифского времени в лесостепном Подонье. В сб.: Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета, вып. 10 (Воронеж 2005), 6-13.

Воропаева 2007: Н.Н. Воропаева, Культовый комплекс в системе хозяйственно-бытовых построек городища Волошино I. В сб.: Актуальні проблеми відчизняної та всесвітної історії, вип. 10 (Харків 2007), 17-23.

Дергачёв 1969: В.А. Дергачёв, Поселение бронзового века у с. Слободка Ширеуцы. В сб.: Далёкое прошлое Молдавии (Кишинёв 1969), 110-122.

Дергачев 1976: В.А. Дергачев, Отчёт об археологических исследованиях Припрутской экспедиции в 1975 году (Кишинев 1976). Arhiva MNIM, nr. inv. 101.

Журавлева, Пастушенко 2015: Г.Н. Журавлева, И.Ю. Пастушенко, Глиняные диски/«лепешки» Быргындинского IV поселения. В: Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология» Выпуск № 1, 2015, 117-125, http://cyberleninka.ru/article/n/glinyanye-diski-lepeshki-byrgyndinskogo-iv-poseleniya.

Каравайко 2012: Д.В. Каравайко, Памятники Юхновской культуры Новгород-Северского Полесья (Киев 2012).

Колев 1999: Ю.И. Колев, Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка I в Самарской области, Вопросы археологии Поволжья, вып. 1 (Самара 1999), 151-166.

Корочкова 2009: О.Н. Корочкова, Пахомовская культура эпохи поздней бронзы. Археология, этнография и антропология Евразии 3 (39), 2009, 75-84.

Левинский 1986: А.Н. Левинский, Отчёт о полевых работах черняховского отряда Каушанской новостроечной археологической экспедиции по исследованию многослойного поселения Кэушень-племсовхоз у пгт. Каушаны, Каушанского р-на в 1985 г. (Кишинев 1986). Arhiva MNIM, nr. inv. 229.

Романовская 1964: М. Романовская, Находки эпохи поздней бронзы на поселении Ульма. Археологические открытья 3-4, 1964, 288-291.

Смирнова 1972: Г.И. Смирнова Новые исследования поселения Магала. Археологический сборник Государственного Эрмитажа 14, 1972, 12-31.

Сташенков 2003: Д.А. Сташенков, Находки эпохи раннего железного века, Царев курган. Каталог археологической коллекции (Самара 2003).

Телегін 1961: Д.Я. Телегін, Питання видносної хронології пам'яток пізної бронзи Нижнього Подніпровья. Археологія 12, 1961, 3-15.

Тиханова 1963: М.А. Тиханова, Раскопи на поселении III-IV вв. у.с. Лепесовка в 1957-1959 гг. СА 2, 1963, 178-191.

Тощев, Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники Сабатиновской культуры. В сб.: Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Шарафутдінова 1964: І.Н. Шарафутдінова, Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука. Археологія 17, 1964, 153-169.

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Шрамко 1962: Б.А. Шрамко, Древности Северского Донца (Харьков 1962).

Шрамко 2016: Б.А. Шрамко, Культовые скульптуры Гелона (1985). В сб.: Бильске городище в науковых працях Б.А. Шрамка (Котельва-Харькив 2016).

Discoveries with cult significance from the Late Bronze Age settlement of Ulmu

Keywords: the Late Bronze Age; clay "breadcakes"; ritual; cult complex.

Abstract: The authors present a complex with several special discoveries, which was identified and investigated in 2005 in the village of Ulmu. The complex is a pit, ellipsoidal in plan, with a doorstep, in which, together with frag-

ments of clay coating, ceramics and osteological remains, 22 clay objects were found: 8 balls and 14 "breadcakes" discovered both in groups and isolated, preserved intact (or could be restored) or fragmented. The pit is similar to the one discovered by M. Romanovskaya in 1960 in the same site, both in shape, dimensions and specific artifacts. She dated the complex the 2nd century BC and the clay "breadcakes" were interpreted as "lamps". In the context of new discoveries and in the attempt to make a more accurate connection to older discoveries, it was necessary to make chronological and functional clarifications, which made possible to review the interpretation given by M. Romanovskaya for these types of finds.

The first part is a contextual presentation of the artifacts, followed by a presentation of identified analogies (both for the Bronze Age to which the complex is dated and for other chronological segments). The end of the article is a reflection on the utilitarian and functional nature of the relevant artifacts, the text being supplemented by a catalog of this type of finds in which a detailed description of each object is made.

List of illustratioons:

Fig. 1. The Ulmu settlement. Geographical location and orthophotomap.

Fig. 2. The Ulmu settlement. Excavation no. V/2005, layers I-IV.

Fig. 3. The Ulmu settlement. I - Excavation no.V/2005, layers V-VI; II - western profile of the complex no.9.

Fig. 4. The Ulmu settlement. Pottery from the complex no.9.

Fig. 5. The Ulmu settlement. Clay balls from the complex no.9.

Fig. 6. The Ulmu settlement. Clay "breadcakes" from the complex no.9.

Открытие комплекса с культовыми находками эпохи поздней бронзы у села Улму

Ключевые слова: поздний бронзовый век; глиняные «хлебцы»; ритуал; культовый комплекс.

Резюме: Авторы представляют вниманию комплекс с интересными артефактами, который был выявлен и исследован в 2005 году в поселке Улму. Это эллипсоидальная в плане яма с порогом, в которой вместе с фрагментами глиняной обмазки, керамики и остеологическими останками было обнаружено 22 предмета из глины: 8 шаровидных и 14 хлебцеобразных глиняных артефакта (целых или сохранившихся фрагментарно), найденных как в виде агломерации, так и изолированно. С точки зрения формы, размеров и археологического материала яма похожа на ту, которая была открыта М. Романовской в 1960 году на том же памятнике. Отметим, что автор датировал комплекс II веком до н.э., а глиняные «хлебцы» интерпретировались как «светильники».

В контексте новых открытий, а также в связи с более точной корреляцией этих предметов с аналогичными, возникла необходимость пересмотреть интерпретацию этих типов находок, данную М. Романовской, как с хронологической, так и с функциональной точек зрения. В связи с этим первоначально дается контекстуальное соотношение находок, за которым следует презентация идентифицированных аналогий (как для бронзового века, к которому относится комплекс, так и для других хронологических сегментов с аналогичными открытиями). Наконец, предпринимается попытка размышления на тему утилитарно-функционального характера соответствующих артефактов. Текст сопровождается каталогом этого типа находок с подробным описанием каждого предмета в отдельности.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Поселение Улму. Географическое расположение и ортофотоплан.

Рис. 2. Поселение Улму. Раскоп №V/2005, слои I-IV.

Рис. 3. Поселение Улму. I - Раскоп №V/2005, слои V-VI; II - западный профиль комплекса №9.

Рис. 4. Поселение Улму. Керамика из комплекса №9.

Рис. 5. Поселение Улму. Глиняные шарики из комплекса №9.

Рис. 6. Поселение Улму. Глиняные «хлебцы» из комплекса №9.

26.06.2017

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă", str. Ion Creangă, 1, MD-2069 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

Livia Sîrbu, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare, 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: livermur@yahoo.com

Ghenadie Sîrbu, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare, 1, MD- 2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ghena_ipc@yahoo.com

ГОРОДИЩА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ - РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ

Игорь Прохненко

Ключевые слова: поздний бронзовый век, гальштат, городище, фортификации, вал, ров.

Закарпатье – особенный историко-географический микрорегион в северо-восточной части Верхнего Потисья, климатическое и ландшафтное своеобразие которого определили его сравнительно слабую заселённость относительно соседних территорий Европы практически во все периоды древней истории. Каждый ощутимый прирост численности местного населения был связан с инвазиями в результате определённых обострений ситуации на континенте, заставлявших людей искать спасения на отдалённых от культурных центров заболоченных лесистых землях под Карпатскими горами.

Одним из таких периодов, который ознаменовался ощутимым проникновением инородного населения и ответным развитием местного военного зодчества, был гальштат, хронологически соответствующий концу эпохи бронзы и началу раннежелезного века. Согласно относительной хронологии этот период делится на четыре временных отрезка: HA-HD (Reinecke 1965). Первые два (HA-HB) отнесены к позднебронзовому веку (1200-700 гг. до н.э.), а HC-HD (700-450 гг. до н.э.), которые собственно и считаются гальштатской эпохой, – к раннежелезному (Котигорошко 2008, 94).

Памятники гальштатской культурно-исторической общности в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе выделены в два крупных ареала: западный и восточный. Одной из наибольших культур этого времени была Гава, начальный этап которой в Верхнем Потисье относится к XII в. до н.э. (Horedt 1966, 16-17; Смирнова 1973, 176; Смирнова 1976, 26-31; Балагури 2001, 332). Длительное время в научной литературе именно с ней связывалось формирование северофракийского этноса. Хронологические рамки культуры – XII-VIII вв. до н.э. – соответствуют фазам HA-HB по П. Рейнеке (Reinecke 1965). Культура Гава, распространённая на значительных пространствах Среднего и Верхнего Потисья, а вместе с ней и культура Киятице прекратили своё существование на большинстве занимаемых территорий в IX в. до н.э. В Восточной Словакии, частично в Трансильвании и Закарпатье культура Гава продолжила своё существование и позже. Для определения этих древностей в литературе утвердился термин Гава III или предкуштановицкий горизонт (Попович 2002, 73), который в хронологическом плане соответствует времени HB3-HC (VIII-VI вв. до н.э.).

Название культуры в научную литературу введено венгерской исследовательницей А. Можолич (по названию могильника у с. Гава Саболч-Сатмарской области Венгрии) (Mozsolics 1957, 121; Кеменцеи 1986, 115; 118). Систематические же исследования древностей культуры начались во второй половине XX в. (Балагури 1991, 89), и уже картографировано более ста памятников: поселений, городищ, могильников, единичных погребений, кладов и отдельных находок бронзовых предметов (Балагури 2001, 289).

Как было указано, на начальном этапе население культуры Гава занимало территорию Верхнего Потисья, но уже с X в. до н.э. определённая часть её носителей через восточные карпатские перевалы (Крушельницкая 1979, 307) проникла в Прикарпатье, в районы верхнего течения Днестра. Здесь они определяются как голиградская группа гавской культуры. Сравнение материалов памятников свидетельствует, что носители голиградской группы были этнически связаны с населением Верхнего Потисья (Крушельницька 1976, 25). Поэтому Г.И. Смирнова предложила объединить памятники Прикарпатья и Верхнего Потисья под общим названием культура Га-

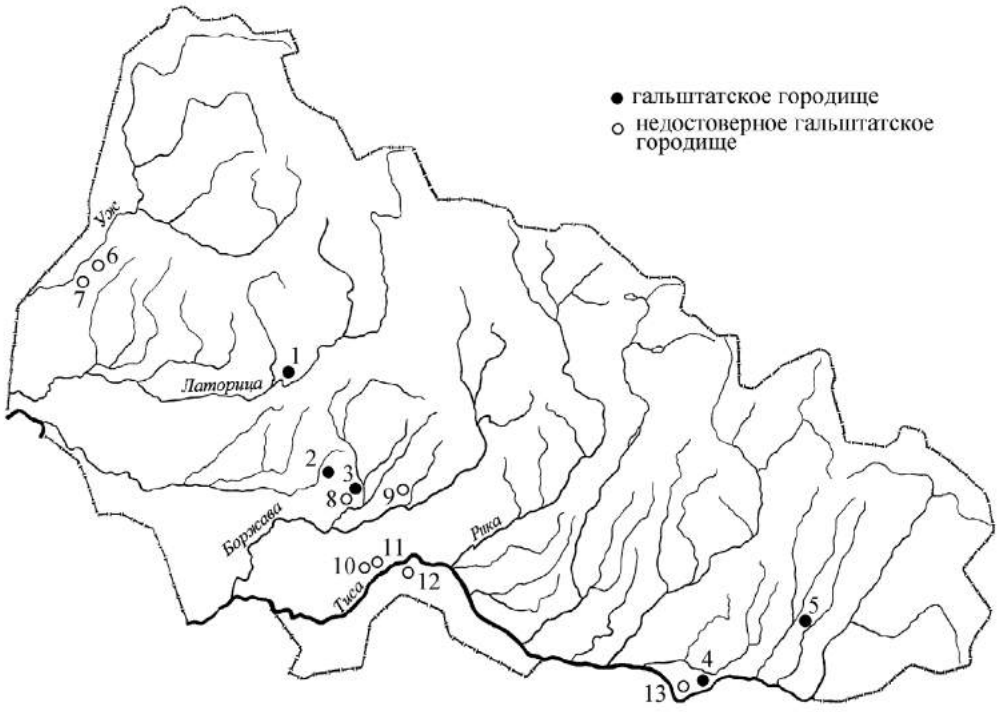


Рис. 1. Карта расположения гальштатских городищ на территории Закарпатской обл. Украины.
Достоверные городища: 1 - Шелестово; 2 - Арданово; 3 - Иршава; 4 - Белая Церковь; 5 - Среднее Водяное.
Недостоверные гальштатские городища: 6 - Невицкое; 7 - Ужгород; 8 - Сильце; 9 - Билки;
10 - Виноградово; 11 - Малая Копаня; 12 - Королево; 13 - Солотвино.

ва-Голиграды (Смирнова 1973, 167; Смирнова 1976, 18-34).

Вопрос о происхождении культуры дискуссионный. Одни исследователи (Г.И. Смирнова, М. Русу, К. Хоредт) выдвигают культуру Отомань как предшественницу Гавы (Смирнова 1973, 171; Балагури 2001, 315) и отвергают непосредственную роль в этом процессе культуры Становo (Сучью де Сус). Другие (С. Фолтини, Т. Кеменцеи, А. Можолич) считают, что носителями культуры Гава было местное население позднего периода культур Пилини, Отомань и группы Беркес-Демечер культуры Становo. Э.А. Балагури предположил, что культура Гава появилась в результате синкретических явлений местных этноэлементов и инородных (Пилини, Отомань фазы III, Становo), характерных для Тисо-Дунайского бассейна (Балагури 1991, 104-105; Балагури 2001, 317).

В эпоху поздней бронзы – раннего железа в лесостепной зоне отмечается возникновение широкой сети укреплённых поселений, от Северного Донца на востоке до Тисы на западе (Смирнова 1966, 406). Не обошёл этот процесс и Закарпатье, где более чем за столетие развития местной археологии в категорию городищ этого времени была зачислена целая группа памятников (13 местонахождений) (рис. 1). Однако многие из них на сегодняшний день выступают недостоверными, или как укреплённые пункты вообще, или как фортификации указанного времени. Исходя из важности данного вопроса, бегло рассмотрим каждый из них.

В категорию уничтоженных гальштатских городищ Закарпатья включена вершина замковой горы, расположенной в 0,5 км восточнее с. Невицкое Ужгородского района (Балагурі 1972, 9). Площадь урочища – 0,5 га. Западная часть полностью уничтожена средневековыми постройками. На сохранённом участке прослежен один вход. Фортификационная линия представлена валом, высота которого – 1,5 м, ширина – 4 м. В насыпи фиксируется гальштатская керамика, а в центральной части вала прослежены остатки глинобитной стенки. Однако стратиграфические наблюдения (нахождение средневековой шпоры ниже

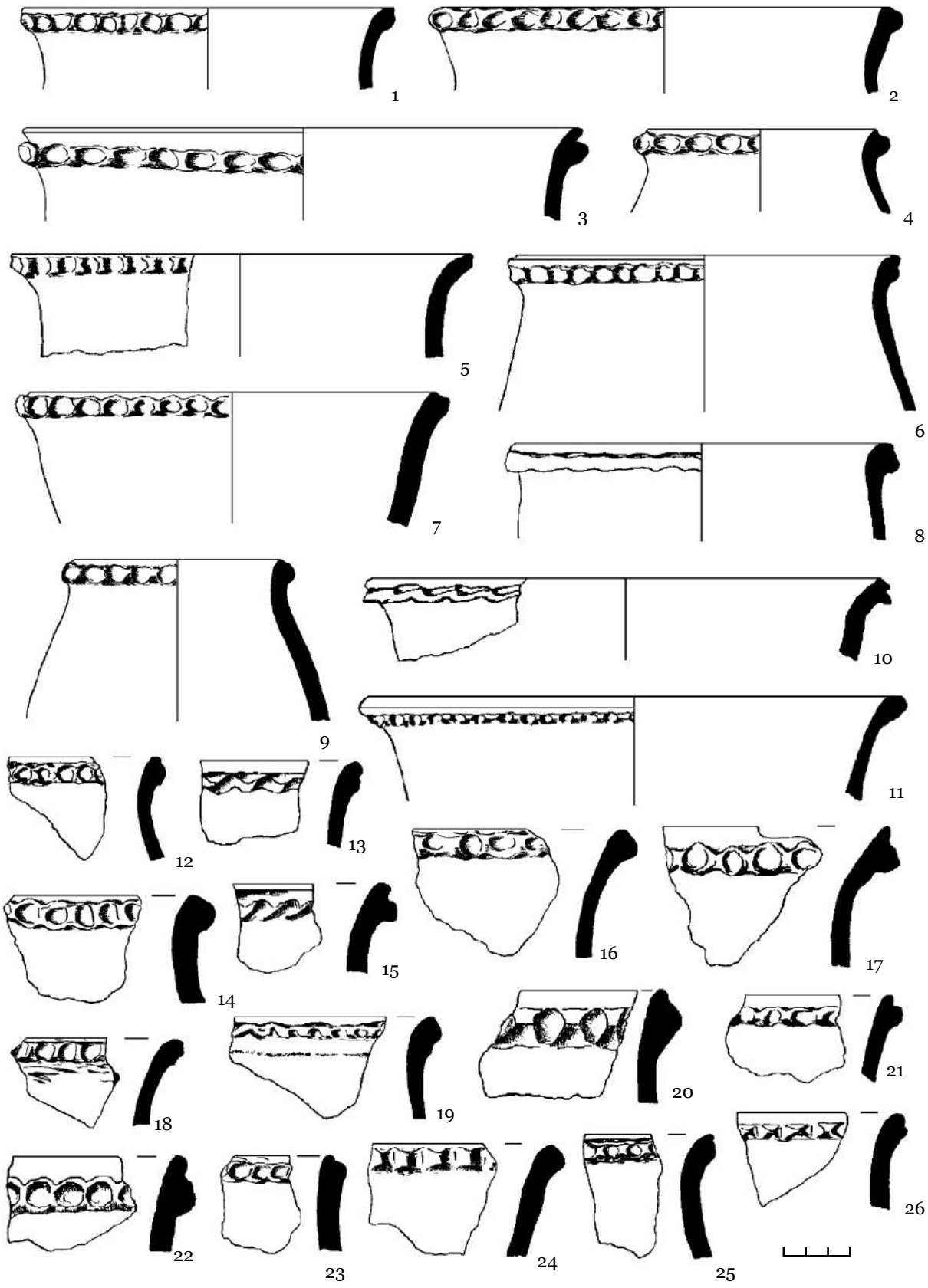


Рис. 2. Керамика эпохи поздней бронзы, выявленная на ошибочно зачисленном в категорию гальштатских городищ местонахождении Виноградовский замок.

горизонта сгоревшей стенки) и незначительная исследованная площадь не позволяют на сегодняшний день с уверенностью определить памятник как гальштатское городище.

Подобная ситуация уничтожения древних горизонтов средневековыми конструкциями и слабая исследованность памятника не позволяют внести в данную категорию и территорию Ужгородского замка, также обозначенную Э.А. Балагури как место функционирования укреплённого поселения раннежелезного века (Балагурі 1972, 9; Попович 2002, 89-90). О возможном наличии здесь гальштатского городища свидетельствуют результаты исследований А.В. Дзембаса во внутреннем замковом дворике, однако интерпретация обнаруженных горелых конструкций невозможна без дополнительных работ и получения полноценной информации о стратиграфической ситуации на данном участке.

Исследователи предпринимали попытки определить как гальштатские городища замковые территории в Хусте и Виноградове. В первом случае присутствие отдельных фрагментов керамики раннежелезного времени зафиксировано по подъёмному материалу, и поэтому говорить о местном городище рано. В Виноградово же массовые материалы дозамкового горизонта получены во время стационарных археологических исследований экспедиции Ужгородского национального университета в 2007 году (рис. 2, 3). Топография памятника и уничтожение его слоёв средневековыми постройками также не позволяют увидеть на данном местонахождении городище. Более того, датировка керамики XIV-XII вв. до н.э. и определение её принадлежности носителям культуры Станово (Сучью де Сус) также снимают вопрос о поиске здесь гальштатского городища (Прохненко, Гомоляк, Мойжес 2007, 219-255; Прохненко, Гомоляк 2007, 83-94).

Подобное хронологическое определение имеют и материалы раннего (додакийского) горизонта на месте возведения Малокопаньского городища, также внесённого в список гальштатских (Балагурі 1972, 9) (рис. 4). Многочисленные разрезы вала и его исследование широкой площадью не позволяют говорить о создании фортификаций ранее I в. до н.э. Схожая стратиграфическая ситуация и горизонты заселения на Солотвинском городище, также иногда в литературе фигурирующем в категории гальштатских (Балагурі 1972, 9).

Более запутанная ситуация с пунктом в урочище Сар в посёлке Королёво. В ходе работ палеолитического отряда Института археологии НАН Украины здесь был выявлен слой раннежелезного века, а сам памятник на вершине горы крепко укоренился в научной литературе как городище. Несмотря на наличие указанного горизонта, из-за отсутствия видимых следов укреплений он не может на сегодняшний день интерпретироваться как укреплённый.

Категорию недостоверных гальштатских городищ пополнили фортификации одного из наиболее исследованных памятников Закарпатья – Билок. Это поселение закрытого типа функционировало на краю северо-восточного отрога вершины горы «Городище», с которой отлично просматривается долина р. Боржавы. В плане поселение имеет форму вытянутого овала, ориентированного в направлении с северо-востока на юго-запад. Размеры местонахождения: 43×29 м. Площадь – 0,12 га (Дзембас 1991, 106) (рис. 5). Планировка памятника свидетельствует о том, что здесь построение фортификаций рассчитано на противодействие тактике штурма. Об ограниченных возможностях противодействия осаде свидетельствуют размеры пункта, отсутствие на нём источника питьевой воды и наличие всего одного входа. Площадь местонахождения не позволяла использовать его как убежище для значительного количества людей. А.В. Дзембас, исследовавший городище, считает, что оно было сторожевым пунктом, контролировавшим путь с верховьев р. Боржавы (Дзембас 1991, 107).

Фортификационные сооружения памятника представлены валом и рвом. Высота вала 2,2 м, ширина у основания – 6 м, ширина рва – 5 м, глубина – 1,3 м. Основание вала от середины до внутренней стороны составляла конструкция в форме штабеля, полностью обмазанная глиной, шириной 1,9 м, высотой – 1,6 м. Располагалась она на подсыпке толщиной 0,4 м (Дзембас 1991, 106) (рис. 6).

Подсчёты экспериментальной археологии позволяют приблизительно вычислить, что для

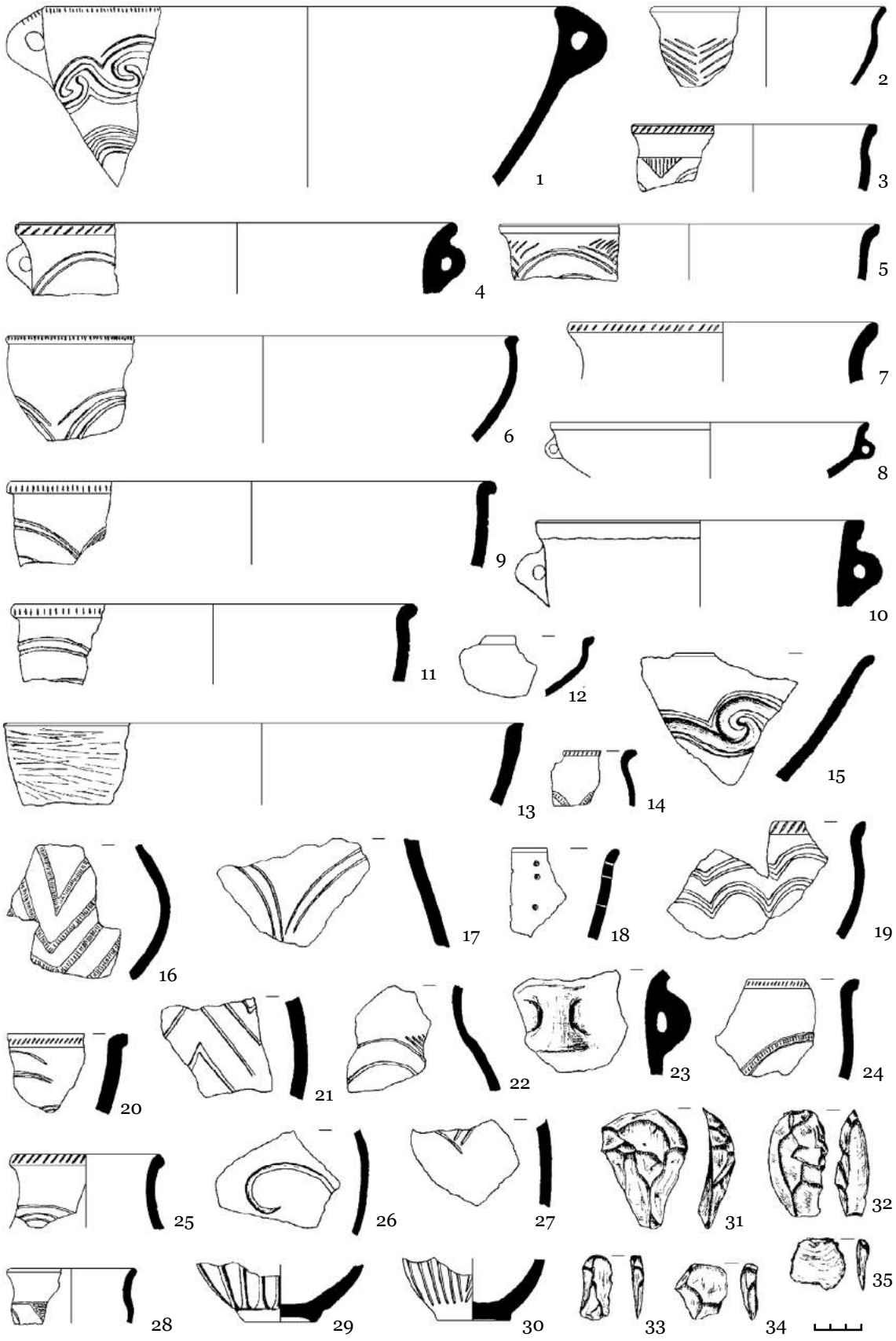


Рис. 3. Керамика эпохи поздней бронзы, выявленная на ошибочно зачисленном в категорию гальштатских городищ местонахождении Виноградовский замок.

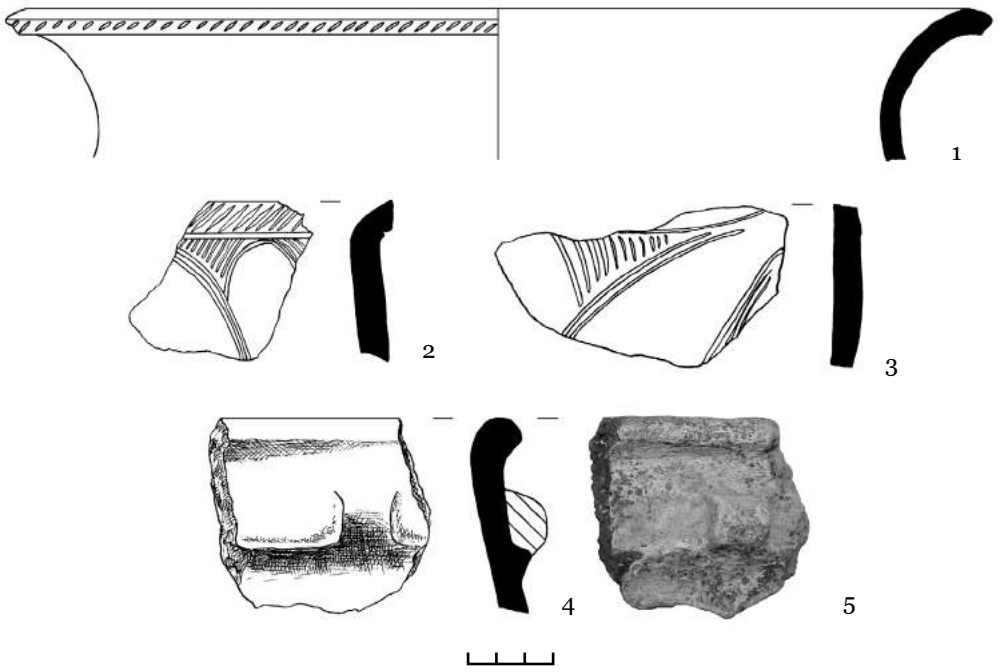


Рис. 4. Керамика эпохи поздней бронзы, выявленная на ошибочно зачисленном в категорию гальштатских Малокопаньском городище.

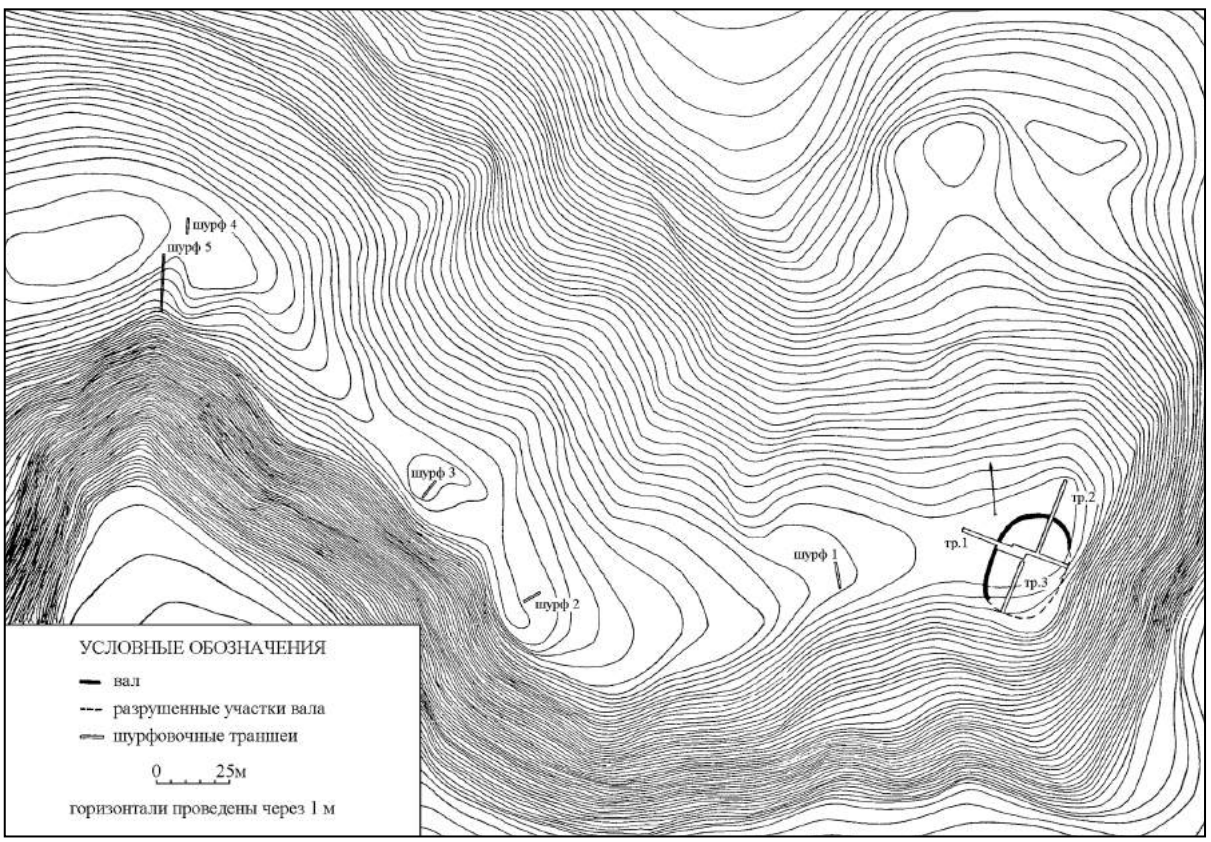


Рис. 5. Билки. Общий вид городища (по А.В. Дзембасу).

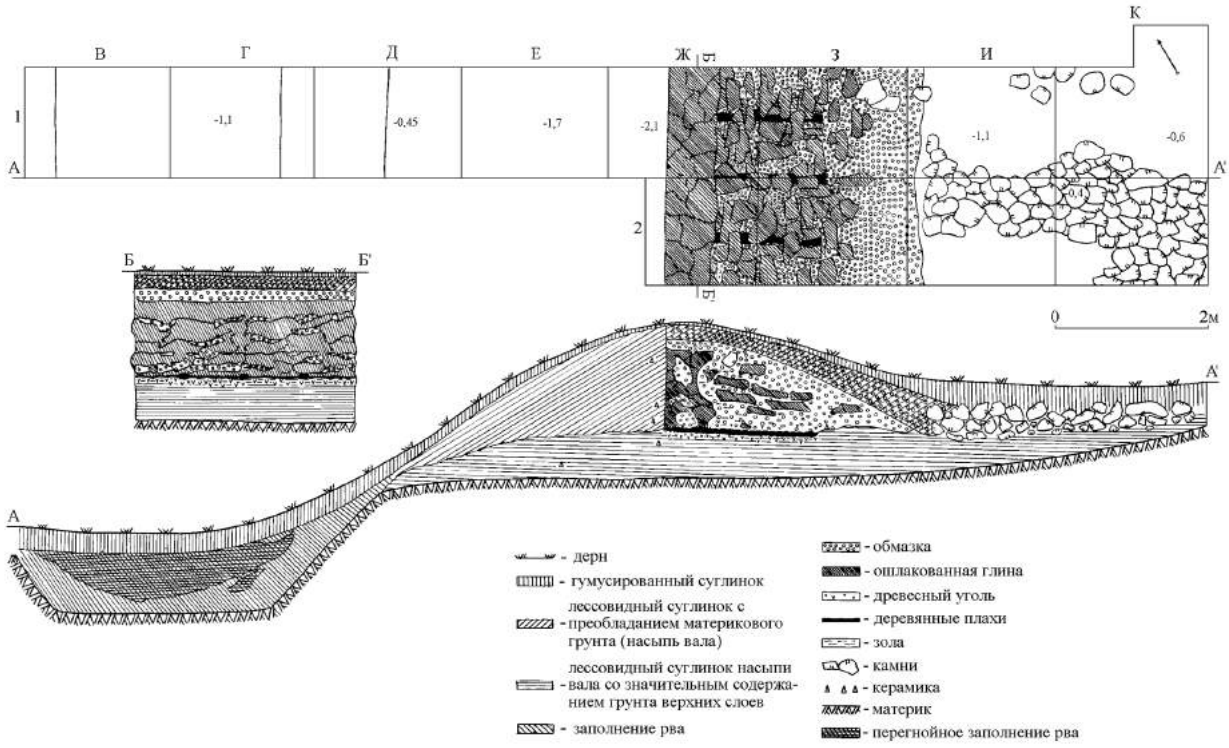


Рис. 6. Билки. Разрез вала и рва (по А.В. Дзембасу).

возведения линии укреплений городища Билки понадобилось около 2000 человеко-дней. Проследив сложную конструкцию укреплений и исследовав значительный участок внутри их, А.В. Дзембас обнаружил лишь пару мелких обломков лепной керамики, не подлежащей чёткому хронологическому определению. С оговоркой данный пункт можно предварительно определить как гальштатский, однако необходимо отметить, что аналогичная фортификация прослеживается на некоторых средневековых городищах, в частности Ленковецком. В комплексе эти факты не позволяют чётко связать пункт с гальштатским временем. Однако по определению времени его возведения городище выступает одним из наиболее перспективных, так как обладает всеми необходимыми для естественнонаучных анализов материалами, в первую очередь обугленными деревянными конструкциями, практически отсутствующими на других местонахождениях Закарпатья.

Исключив недостоверные памятники, на сегодняшний день на территории Закарпатья к гальштатскому периоду развития городищ можем отнести всего пять пунктов: Арданово, Иршаву, Шелестово, Белую Церковь и Среднее Водяное (Прохненко 1998, 56). Большинство памятников расположено в предгорной зоне, что характерно для подобных древностей всего Верхнетисского региона (Прохненко 1997, 186). Исключением является Среднее Водяное, представляющее особый интерес в плане изучения раннего этапа заселения горной зоны области (Прохненко 1998, 56).

Первое из рассматриваемых гальштатских городищ Закарпатья – Ардановское, находится в 400 м на юго-восток от с. Арданово, на вершине горы Богуслав (406 м над у. м.), входящей в горную систему Гать (Легоцький 1997, 21). Поселение в плане имело форму неправильного овала, вытянутого с севера на юг, длиной 700 м, шириной 200 м (Балагурі 1982, 119). В ходе проведения повторных замеров эти параметры были существенно уточнены (рис. 7). Северная часть городища возвышенная, средняя и южная – практически ровные, имеющие форму плато. На севере и востоке поселение укреплено валами, с запада и востока защищено естественными обрывами. По мнению Г.И.

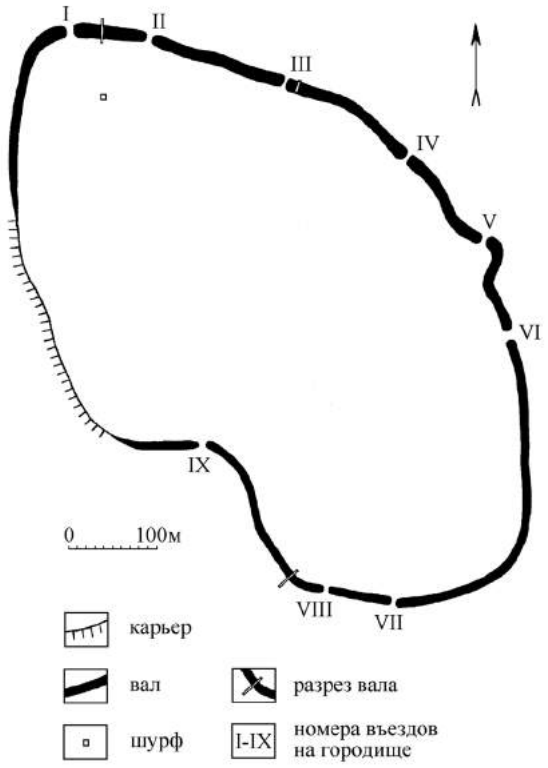


Рис. 7. План Ардановского городища (по В.В. Мойжесу).

Смирновой (1966, 397), на городище вели два основных въезда – северный и южный, хотя на современном этапе их можно насчитать девять. Роль защитных особенностей рельефа существенна, но большое значение имеют и искусственные части укреплений. Здесь просматривается более сложный тип организации обороны, чем на мысовых и островных городищах, полностью подчинённых защитным особенностям ландшафта. Планировка свидетельствует о большей подготовленности противостоянию штурму, чем к действиям в условиях пассивной осады. Сложности во время осады связаны с отсутствием источника воды на территории укрепления (Смирнова 1966, 897). С другой стороны, наличие значительного числа входов облегчало тактический элемент системы обороны – вылазки, задача которых – заставить противника снять осаду и отойти от городища (Раппопорт 1967, 216).

О возможностях противодействия штурму свидетельствуют конструкции фортификаций. Изучение структуры защитных сооружений связано с большими проблемами, чем изучение их планировки. Это определяется тем, что деревянные конструкции быстро разрушаются, с течением времени почти бесследно исчезают, а плановая структура прослеживается даже на сильно повреждённых памятниках (Раппопорт 1967, 114).

Материалы, полученные при исследовании южного вала в 1958 году экспедицией Государственного Эрмитажа (Смирнова 1966, 397), северного – в 1989 году экспедицией Ужгородского государственного университета (руководитель отряда – А.В. Дзембас) и в 2011 году экспедицией Ужгородского национального университета (руководитель отряда – В.В. Мойжес), позволяют реконструировать систему фортификаций Ардановского городища.

Южный вал насыпан лёссовидным суглинком с включением небольших обломков трахита и других андезитовых пород на андезитовую скалу. Ширина его у основания 6,2 м, высота – 0,98 м (Смирнова 1966, 397). Грунт для возведения насыпи брался с внутренней части, в результате чего образовался внутренний ров.

Северный вал состоит из лёссовидного суглинка. Ширина у основания 15,0 м, высота – 2,0 м. Выделяется несколько этапов его возведения. Сначала было проведено эскарпирование склона путём подсыпки земли, в результате чего увеличена крутизна склона и организована площадка для дальнейшего сооружения укреплений. Основа эскарпа вымощена галькой с целью замедления процесса его оползания. Следующей операцией было возведение непосредственно насыпи вала. Земля забиралась с внутренней стороны. После этого возводились сооружения на гребне вала. На расстоянии 0,4-0,5 м один от другого вкапывались столбы, углублённые в насыпь на 1,0-1,2 м. Наземная их часть, достигавшая 1,5-1,6 м, была оплетена прутьями (рис. 8).

На основании реконструкции системы укреплений можно подсчитать трудозатраты на их возведение. Вал с площадью разреза 8 м^2 в Арданово имеет протяжённость приблизительно 640 м, а с площадью разреза 28 м^2 – 360 м. Объём земли, необходимый для возведения вала – 7660 м^3. Согласно результатам эксперимента по сооружению защитного рва, один человек за день при помощи роговой мотыги,

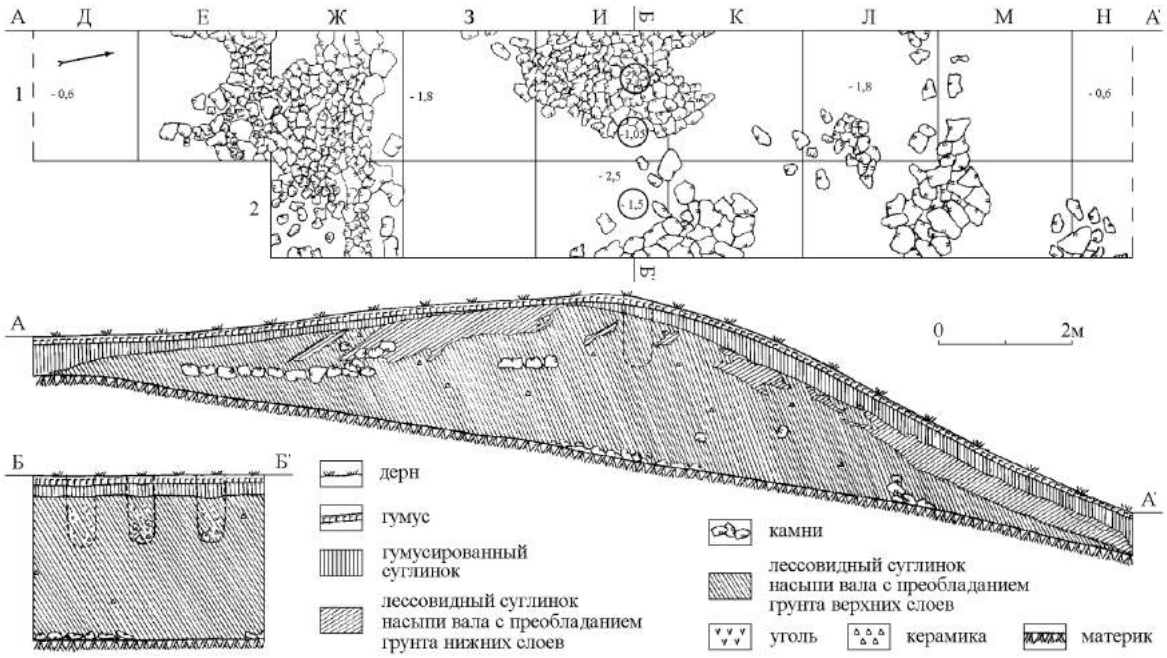


Рис. 8. Разрез вала Ардановского городища (по А.В. Дзембасу).

куска древесины и мешковины за 7 часов выкидывает 7 м³ земли. С. Венцел уточнил эти данные и определил, что один человек за 5-ти часовой рабочий день выкапывает 1 м³ земли (Коробкова 1980, 223). Сто человек выкапывали необходимое количество грунта за 76 дней, а для перемещения земли на 10 м было необходимо ещё 50 дней. На создание каменной забутовки и частокола – 130 дней. Для возведения всей фортификационной линии потребовалось 24600 человеко-дней.

На городище, даже в местах наибольшего скопления керамики, отсутствует чётко выраженный культурный слой (рис. 9), что, по мнению Г.И. Смирновой, свидетельствует о недолгом времени пребывания людей на месте укреплений. Она же отмечает, что население, вероятно, жило в открытых селищах, а территория городища использовалось как убежище в периоды опасности (Смирнова 1966, 404). Размеры пункта позволяли отгонять сюда и скот.

Одним из нерешённых вопросов остаётся датировка памятника. Г.И. Смирнова полученные керамические комплексы отнесла к последней фазе существования гальштата, а верхнюю дату функционирования памятника определила рубежом VII-VI вв. до н.э. В.В.

Рис. 9. Шурф на территории Ардановского городища.

Мойжес пересмотрел данное хронологическое определение и отметил, что основные типы представленной на данном памятнике керамики (рис. 10) характерны для классического этапа культуры Гава, а именно X-VIII вв. до н.э. (Мойжес 2011, 242). Как бы ни было, вопрос датировки остаётся открытым и требует дальнейших исследований и уточнений. В ходе его решения, исходя из непродолжительного времени использования городища, необходима и корректировка даты в рамках меньшего временного периода.

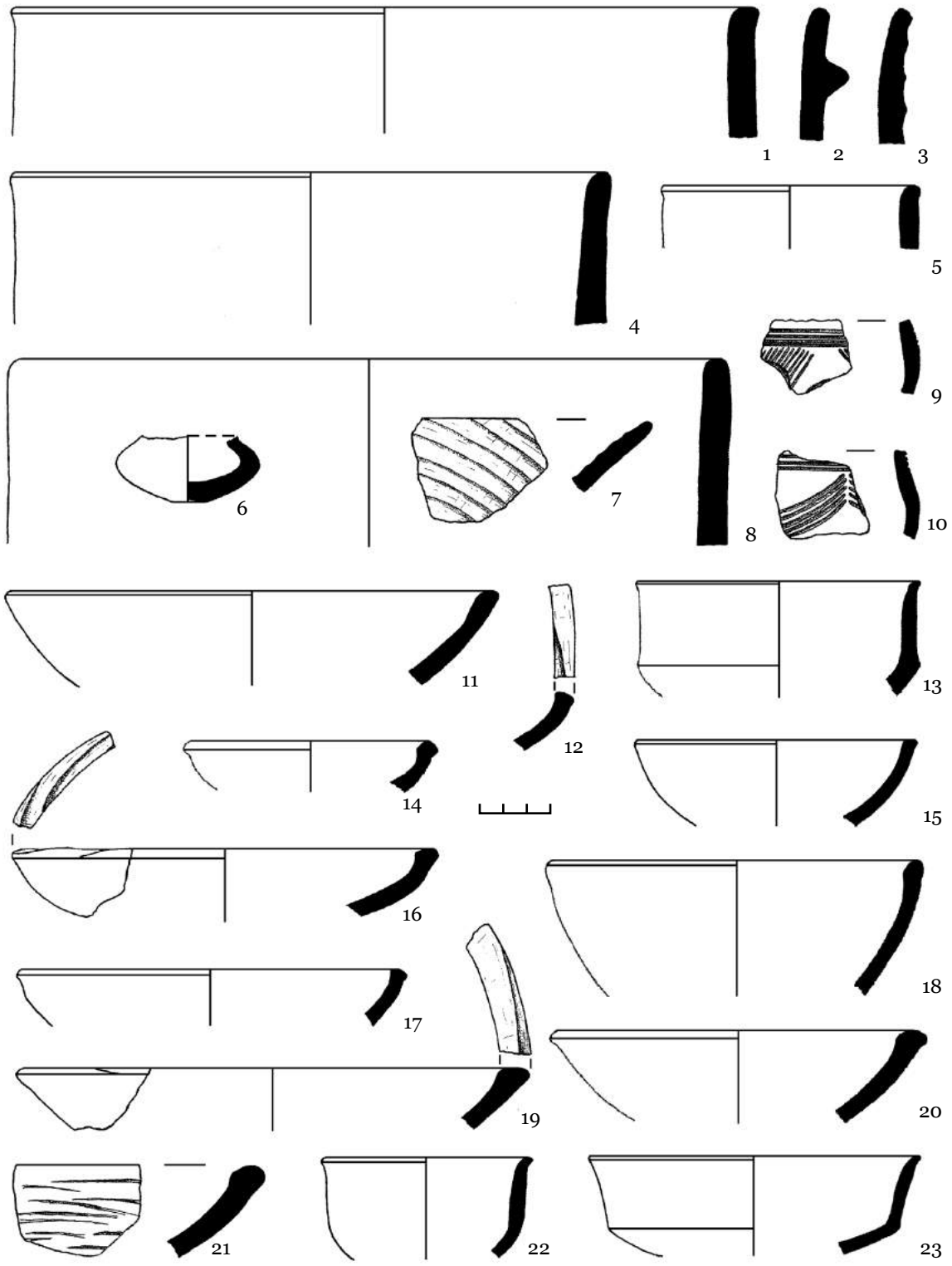


Рис. 10. Керамический материал Ардановского городища (по В.В. Мойжесу).

Недалеко от Ардановского функционировало Иршавское городище. Оно расположено на вершине горы Стремтура (350 м н. у. м.) к северо-западу от города. Гора занимает выгодное географическое место, с неё открывается панорама на Боржавскую долину и сейчас чётко просматривается местность до сёл Брид, Ильныця и Билки. Крутые склоны возвышенности с севера и востока омываются речкой Иршавкой, с юго-западного бока находились трудно проходимые горные массивы. Памятник принадлежит к тем городищам, на которых ландшафт решал большинство проблем по организации защиты. Местонахождение занимает площадь 8 га и состоит из двух частей – верхнего и нижнего городищ (Легоцкий 1997, 81). В плане городище имеет форму вытянутого овала, длинной осью ориентированного по направлению восток – запад. Длина внешнего вала – 1200 м (Попович 2002, 77). На пункте функционировало пять въездов (Пеняк, Попович, Потушняк 1981, 306).

Возведение двойной линии укреплений рассчитано на противодействие штурму. В случае падения первой линии обороны использовалась тактика отхода на второй фортификационный рубеж. Наличие пяти входов создавало широкие возможности для контрнаступления.

Об особом внимании противостоянию активным наступательным действиям противника свидетельствует сложная система фортификаций. Высота вала – 1,4-3,5 м, ширина у основания – 7-15 м. В конструкции прослежены клети размером 2×2 м, сооружённые из дубовых брусьев (Попович 1991, 104), которые засыпались грунтом, взятым с внутренней части городища. Образовавшийся таким образом ров был забутован камнями. Аналогичная система укреплений прослежена на городище Кишфалудьгедь. На возведение фортификационной линии городища Стремтура понадобилось около 36000 человеко-дней.

По мнению И.И. Поповича, городище возникло не ранее периода HB3. Исследователь на основе керамического материала (рис. 11) датирует его ранний горизонт началом VIII в. до н.э. - концом VII в. до н.э. (Попович 2002, 88). Необходимо отметить, что определённые элементы укреплений могли подвергаться реконструкции в римское время и в средневековье, культурные горизонты которых также существенно представлены на памятнике (Fecková et al. 2007, 17-26).

Наиболее урбанизированным пунктом гальштатского периода на территории Закарпатья было Шелестовское городище (рис. 12, 13). Оно располагалось в 300 м на восток от с. Кольчино, на вершине горы Тупча (342 м). В данное время памятник вместе с горой, на которой он функционировал, полностью уничтожен в результате работы карьера по добыче камня. В соответствии с формой верхней площадки городище имело вид неправильного овала, вытянутого с севера на юг, длинной около 830 м, шириной в центральной части – 160 м (Смирнова 1966, 397-398). Площадь памятника – 2 га (Балагурі 1972, 15). На пункте функционировало 12 входов. Наиболее удобными были II, VII, X, потому что дороги к ним проходили по менее крутым участкам склона (Смирнова 1966, 398).

Планировка городища свидетельствует о возможностях противодействия как тактике взятия копьём, так и тактике осады. Размеры пункта позволяли в момент опасности укрыть до 2000 человек и наладить минимально необходимый цикл производства. Количество входов позволяло осуществлять ответные наступательные вылазки.

Для противодействия штурму с трёх сторон – с юга, севера и востока – поселение было укреплено валом и рвом (Смирнова 1966, 398), длина которых около 1200 м (Балагурі 1972, 16). Фортификации исследовались в 1965 году экспедицией Государственного Эрмитажа и в 1971 году – экспедицией Ужгородского государственного университета.

Северный вал был без каких-либо внутренних конструкций. Он насыпан лёссовидным суглинком с включениями гальки и значительным содержанием камня вулканического происхождения. Высота вала 0,86 м, ширина – 5,6 м. С тыльной стороны расположен ров шириной 8,8 м, глубиной – 0,65 м (Смирнова 1966, 398).

Внутренние конструкции прослежены при разрезе северного вала. Его высота – 1,9 м, ширина – 8,5 м. С тыльной стороны находилась каменная кладка высотой 1,0 м, шириной 0,6 м, служившая для укрепления основы вала и сдерживания земли от оползания в ров. Внешнюю сторону укрепляла стенка высотой

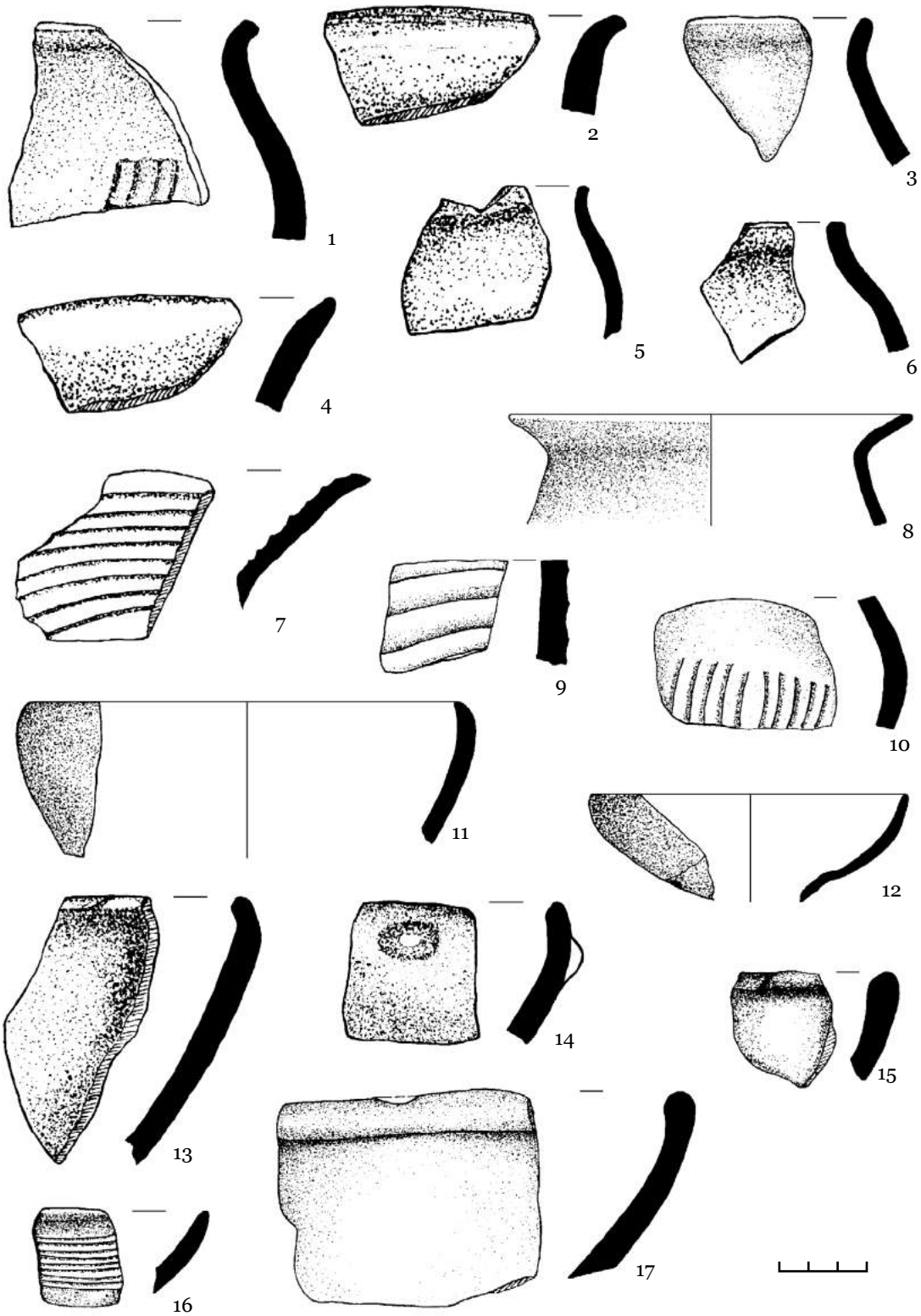


Рис. 11. Иршава. Материалы гальштатского горизонта городища (по И.И. Поповичу).

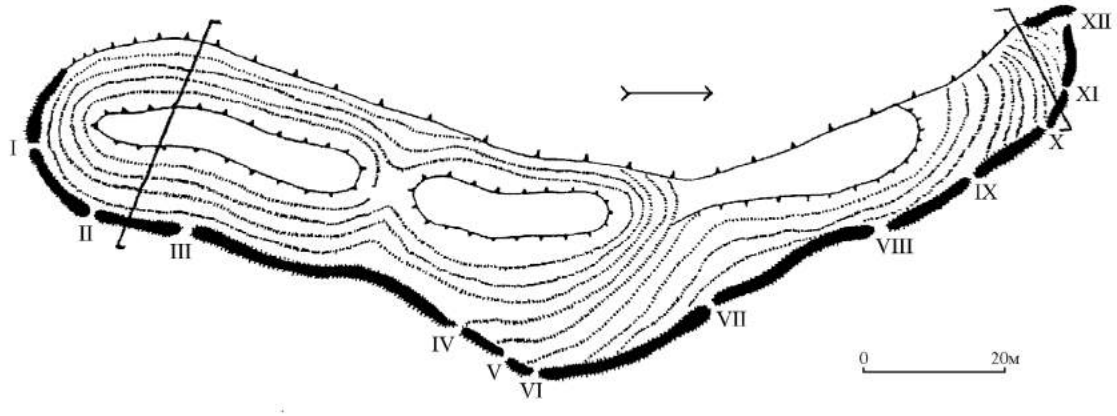


Рис. 12. План городища Шелестово (по Э.А. Балагури).

0,65 м, шириной 0,6 м. Она служила преградой для оползания насыпи вниз по склону. Между внешней и внутренней стенками прослежена выкладка из плоских камней, служившая фундаментом глинобитной стенки, зафиксированной на глубине 0,8 м от вершины вала (Балагурі 1972, 84).

Рядом с валом, с его внутренней части, находился ров, ширина которого 8,8 м, глубина – 1,6 м. По приблизительным подсчётам на возведение фортификационной линии городища Шелестово было затрачено около 25000 человеко-дней.

Ещё два гальштатских городища Закарпатья: Среднее Водяное и Белая Церковь – были открыты в 1996 году совместной украинско-румынской экспедицией, но планомерное изучение системы их укреплений пока не проводилось. Отдельные шурфовки были осуществлены В. Васильевым, который отнёс местонахождения к категории гальштатских укреплённых пунктов. Однако вопросы уточнения хронологии и изучения хозяйственно-бытовых комплексов внутри оборонительных сооружений остаются открытыми.

Данные о фортификациях в Арданово, Шелестово и Иршаве позволяют выделить региональные особенности в конструкциях защитных сооружений. Отмечается усложнение структуры укреплений с запада на восток (Прохненко 2016). В Шелестово и Арданово использовались простые конструкции на гребне вала (глинобитная стенка, плетень, частокол). На Стремтуре же зафиксированы клети, в Билках, если подтвердится его гальштатская принадлежность, – штабель из брёвен. Территориальные различия в конструкциях вызваны разницей хронологического диапазона их создания. Городища Шелестово и Арданово, расположенные в северной части распространения культуры Гава, по мнению Э.А. Балагури, начали функционировать в XI-X вв. до н.э., хотя И.И. Попович настаивает на омоложении их датировки. В результате давления со стороны проникающих в регион племён отдельные группы населения переместились в слабозаселённые зоны, где в IX в. до н.э. возникло Иршавское городище (Стремтура). Следующая волна миграций, скорее всего, приводит к возникновению укреплённых пунктов в Среднем Водяном и Белой Церкви.

Планировка городищ рассчитана на противодействие тактике штурма. Только местонахождение Шелестово могло выдержать длительную осаду. Инородные элементы проникали в регион небольшими группами и основывали свою тактику не на пассивной осаде, а на неожиданных, быстрых наступательных действиях.

В заключение отметим, что большинство вопросов, связанных с датировкой памятников, характеристикой их укреплений, определением функционального назначения, остаётся открытым даже после почти столетней истории исследования. В данной ситуации единственный выход – переход от разведывательных шурфовок к стационарному изучению городищ значительными площадями, что позволит дать ответы на все поставленные вопросы.

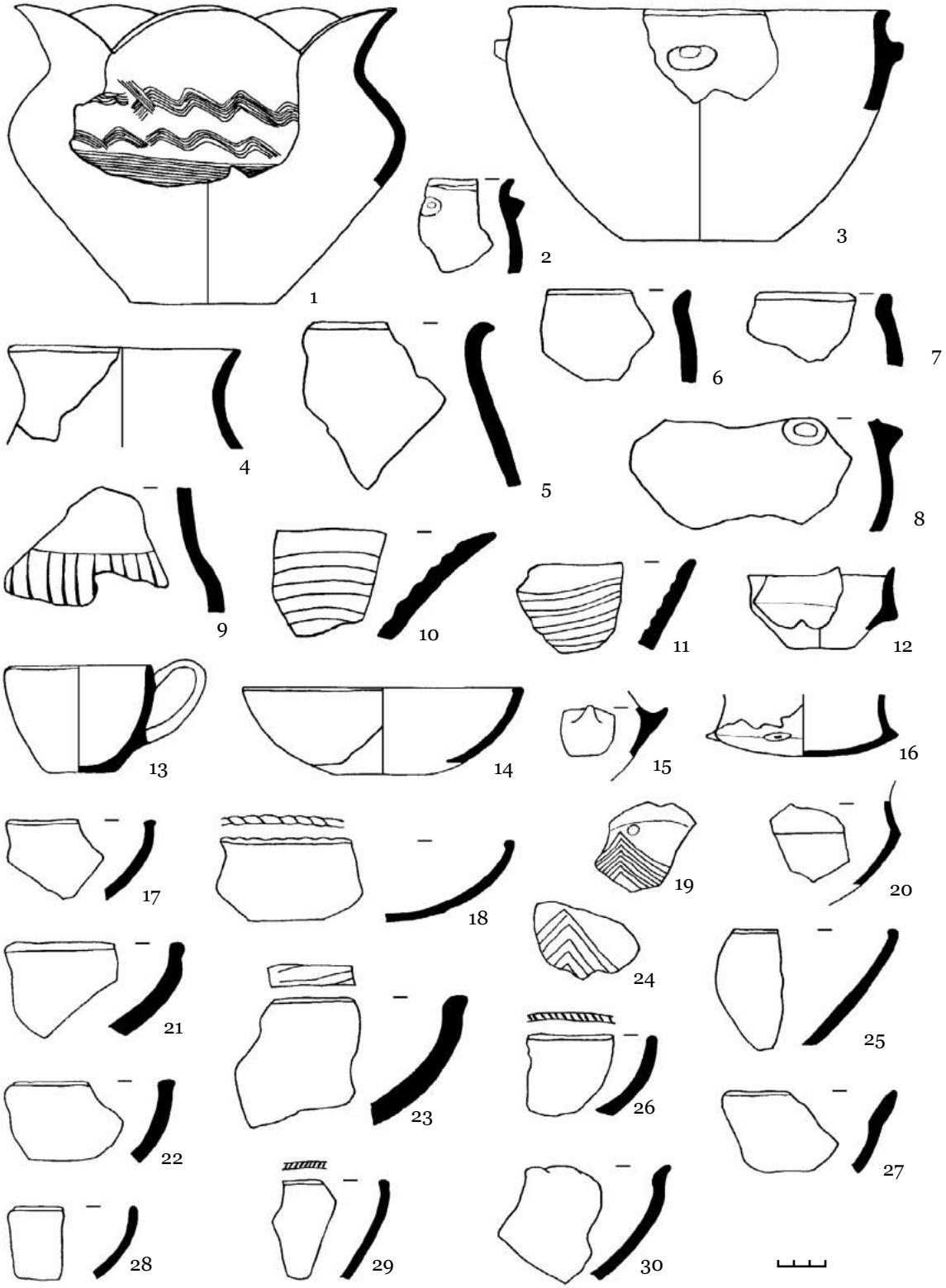


Рис. 13. Керамический материал городища Шелестово (по Э.А. Балагури).

Библиография

Балагурі 1971: Е.А. Балагурі, Звіт про результати досліджень городища ранньозалізної доби в с. Шелестове Мукачівського району Закарпатської обл. (Ужгород 1971).

Балагурі 1972: Е.А. Балагурі, Шелестівське городище – пам'ятка населення ранньозалізної доби Закарпаття. В сб.: Дослідження стародавньої історії Закарпаття (Ужгород 1972), 9-75.

Балагури 1983: Э.А. Балагури, История населения Верхнего Потисья в бронзовом веке. Дис. докт. ист. наук (Ужгород 1983).

Балагури 1991: Э.А. Балагури, Бронзовый век. Древняя история Верхнего Потисья (Львов 1991), 58-111.

Балагури 2001: Э.А. Балагури, Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы (Ужгород 2001).

Дзембас 1991: А.В. Дзембас, Отчёт отряда археологической экспедиции УжГУ (Ужгород 1991).

Дзембас 1991а: О.В. Дзембас, Нові дані про Білківське городище. Тези III народознавчої конференції (Хуст 1991), 36-38.

Дзембас 1992: О.В. Дзембас, Проблеми дослідження фракійських городищ Верхнього Потисся. Karpatika, 1 (Ужгород 1992), 41-46.

Кеменцеи 1986: Т. Кеменцеи, Культура полей погребальных урн; Культура Киятице; Культура Гава. В: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. - I тысячелетие н.э. (Москва 1986), 52-71; 103-138.

Коробкова 1980: Г.Ф. Коробкова, Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трассологические исследования. В сб.: Первобытная археология (Киев 1980), 212-225.

Котигорошко 2008: В. Котигорошко, Верхнє Потисся в давнину. 1 000 000 років тому – X сторіччя н.е. (Ужгород 2008).

Крушельницька 1976: Л.І. Крушельницька, Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза (Київ 1976).

Крушельницкая 1979: Л.И. Крушельницкая, Могильник конца бронзового века в Сопоте. Slovenska archaeologia XXVII/2, 1979, 291-316.

Легоцький 1997: Т. Легоцький, Історичні колоски (Ужгород 1997).

Мойжес 2011: В. Мойжес, Ардановское городище. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 237-246.

Пеняк 1995: С.І. Пеняк, Тиводар Легоцький і проблема заселення слов'янами Верхнього Потисся. В сб.: Проблеми археології Східних Карпат (Ужгород 1995), 111-114.

Пеняк, Попович, Потушняк 1981: С.И. Пеняк, И.И. Попович, М.Ф. Потушняк, Раскопки в Закарпатье. В сб.: Археологические открытия (Москва 1981), 306.

Попович 1991: І.І. Попович, Дослідження гальштатського городища в м. Іршава. Тези III народознавчої конференції (Хуст 1991), 25-27.

Попович 2002: І. Попович, Нові джерела для вивчення передкуштановицького горизонту пам'яток ранньозалізного віку Закарпаття. В: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 8 (Львів 2002), 73-91.

Прохненко 1997: И.А. Прохненко, Фортификационные сооружения гальштатских городищ Верхнего Потисья. В: V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Наукові матеріали (Київ 1997), 186-187.

Прохненко 1998: И.А. Прохненко, Городища Верхнего Потисья. В: Carpatica - Карпатика, 5. Старожитності Верхнього Потисся та суміжних регіонів (Ужгород 1998), 55-69.

Прохненко 1999: И.А. Прохненко, Карта распространения городищ XII-VIII вв. до н.э. Верхнего Потисья. В сб.: Relaţii româno-ucraienene: istorie şi contemporaneitate. Румунсько-українські відносини: історія і сучасність (Satu Mare 1999), 77-82.

Прохненко 1999а: І.А. Прохненко, Військове зодчество гальштатських городищ Закарпаття. В: Науковий вісник Ужгородського університету 3. Серія історія (Ужгород 1999), 72-76.

Прохненко 2016: И. Прохненко, Гальштатские городища Закарпатской области Украины. В: Conferinţa internaţională. Raporturi identitare în spaţiul românesc din perspectivă istorică: şcoli şi interpretări. Programul şi rezumatele comunicărilor. Chişinău, 3-5 noiembrie 2016 (Chişinău 2016), 29-31.

Прохненко, Гомоляк, Мойжес 2007: И.А. Прохненко, Е.М. Гомоляк, В.В. Мойжес, Результаты исследования Виноградовского и Королёвского замков в 2007 году. Carpatica –Карпатика, 36 (Ужгород 2007), 219-255.

Прохненко, Гомоляк 2007: І. Прохненко, О. Гомоляк, Дослідження Виноградівського та Королівського замків у 2007 році. В сб.: Relaţii româno-ucrainene. Istorie şi contemporaneitate. Румунсько-українські відносини. Історія та сучасність (Cluj-Napoca - Satu Mare 2007), 83-94.

Смирнова 1966: Г.И. Смирнова, Гальштатские городища в Закарпатье. Slovenska archaeologia XIV/2, 1966, 397-409.

Смирнова 1973: Г.И. Смирнова, Население Восточных Карпат в эпоху раннего гальштата (Гавско-Голиградский круг памятников). В: Культура і побут населення Українських Карпат: матеріали республіканської наукової конференції (Ужгород 1973), 166-176.

Смирнова 1976: Г.И. Смирнова, Гавско-Голиградовский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна. АСГЭ 17, 1976, 18-34.

Fecková et al. 2007: P. Fecková, L. Mihok, V. Kotygoroshko, I. Prochnenko, Iron Smelting Slags Found on Hillfort Stremtura. Carpatica - Карпатика, 36 (Ужгород 2007), 17-26.

Horedt 1966: K. Horedt, Aşezarea fortificată din periodata tîzie a bronzului de la Signetul Marmaţiei (Baia Mare 1966).

Mozsolics 1957: A. Mozsolics, Archäologische Beitrage zur Geschichte der großen Wanderung. Acta Archaeologica Hungaricae VIII (Budapest 1957), 119-156.

Reinecke 1965: P. Reinecke, Mainzer Aufsätze zur Chronologie der Bronze – und Eisenzeit (Bonn 1965).

Fortificaţiile din epoca bronzului târziu - prima epocă a fierului de pe teritoriul regiunii Transcarpatia, Ucraina

Cuvinte-cheie: epoca bronzului târziu, hallstatt, fortificaţie, sistem defensiv, val, şanţ.

Rezumat: În literatura de specialitate perioadei hallstattiene în Transcarpatia au fost atribuite 13 fortificaţii, dintre care sigure sunt doar cinci: Shelestovo, Ardanovo, Irshava, Bila Tserkva şi Seredne Vodyane. Cu excepţia celei de la Seredne Vodyane, amplasată în regiune montană, fortificaţiile sunt situate pe locurile înalte din spaţiul submontan. Conform suprafeţei, ele sunt divizate în situri de dimensiuni medii (2-10 ha): Shelestovo, Ardanovo, Irshava şi de dimensiuni mici (până la 2 ha): Bila Tserkva şi Seredne Vodyane.

Sistemul defensiv al fortifiacţiilor constă din valuri şi şanţuri, a căror configuraţie este adaptată la formele de relief pe care acestea sunt amplasate.

Valurile, de regulă, au actualmente înălţimea de cca 2-3 m şi lăţimea la bază de cca 6-10 m, iar şanţurile au adâncimea de cca 1,5-2,0 m şi lăţimea de cca 5 m şi mai mult. În unele cazuri, în locurile greu accesibile valurile nu au fost atestate (Bila Tserkva), iar pe laturile mai accesibile au fost amenajate linii defensive suplimentare (Irshava). Conform structurii interioare se disting valuri ridicate doar din pământ şi valuri din pământ şi piatră. Uneori în structura valurilor sunt atestate carcase din lemn (Irshava) sau ziduri seci din piatră (Shelestovo). Pe creasta unor valuri erau ridicate palisade din bârne de lemn, documentate prin gropile de pari de pe creasta valului de la Ardanovo.

În urma sondajelor efectuate în incintele cetăţilor au fost atestate urme nesemnificative de locuire şi lipsa de locuinţe şi construcţii cu caracter gospodăresc. La momentul de faţă, în lipsa unor săpături arheologice de amploare, care ar elucida caracterul habitatului din aceste fortificaţii, aceste situri sunt atribuite la categoria cetăţilor de refugiu. Însă, prezenţa materialului ceramic în structura valurilor de la Shelestovo, Ardanovo şi Irshava, demonstrează existenţa aici a unor aşezări anterior edificării fortificaţiilor.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Amplasarea fortificaţiilor hallstattiene pe teritoriul regiunii Transcarpatia, Ucraina. Fortificaţii sigure: 1 - Shelestovo; 2 - Ardanovo; 3 - Irshava; 4 - Bila Tserkva; 5 - Seredne Vodyane. Fortificaţii nesigure: 6 - Nevitskoye; 7 - Ujgorod; 8 - Sil'tse; 9 - Bilki; 10 - Vinogradovo; 11 - Malaya Kopanya; 12 - Korolyovo; 13 - Solotvino.

Fig. 2. Ceramică din epoca bronzului târziu, descoperită în castelul Vinogradovo, atribuit greşit categoriei fortificaţiilor hallstattiene.

Fig. 3. Ceramică din epoca bronzului târziu, descoperită în castelul Vinogradovo, atribuit greşit categoriei fortificaţiilor hallstattiene.

Fig. 4. Ceramică din epoca bronzului târziu, descoperită în cetatea Malaya Kopanya, atribuită greşit categoriei fortificaţiilor hallstattiene.

Fig. 5. Bilki. Planul general al fortificaţiei (după A.V. Dzembas).

Fig. 6. Bilki. Secţiune prin val şi şanţ (după A.V. Dzembas).

Fig. 7. Planul fortificaţiei Ardanovo (după A.V. Dzembas).

Fig. 8. Secţiune prin valul fortificaţiei Ardanovo (după A.V. Dzembas).

Fig. 9. Sondaj pe teritoriul fortificaţiei Ardanovo (după A.V. Dzembas).

Fig. 10. Ceramică din fortificaţia Ardanovo (după V.V. Moizhes).

Fig. 11. Irshava. Materiale din nivelul hallstattian al fortificaţiei (după I.I. Popovich).

Fig. 12. Planul cetăţii Shelestovo (după E.A. Balaguri).

Fig. 13. Ceramică din cetatea Shelestovo (după E.A. Balaguri).

Hillforts of the Late Bronze Age and Early Iron Age in the Transcarpathian Region of Ukraine

Keywords: the Late Bronze Age, Hallstatt, hillfort, fortifications, rampart, ditch.

Abstract: In the scientific literature, 13 hillforts of Transcarpathia are referred to the Hallstatt period, of which only five are credible: Shelestovo, Ardanovo, Irshava, Bila Tserkva, and Seredne Vodyane. With the exception of Seredne Vodyane, which is of particular interest in terms of studying the early stage of the settlement of the mountain zone of the region, they are all located on the hills in the foothill zone. By the area, the fortified points are divided into sites of medium size (2-10 hectares): Shelestovo, Ardanovo, and Irshava and small ones (up to 2 hectares): Bila Tserkva and Seredne Vodyane.

Fortifications are represented by ramparts and ditches. The ramparts reach a height of 2-3 m with a base width of 6-10 m, and ditches reach a depth of 1.5-2 m and a width of 5 m and more. In some cases, there is no rampart in the hard-to-reach places (Bila Tserkva), and additional lines of fortifications were erected in easily accessible places (Irshava). According to the structure of the embankment, the ramparts are divided into earthen and stone-earth. Sometimes for the strengthening of ramparts, stacked structures of logs (Irshava) or stone walls of dry masonry (Shelestovo) were used. Among the structures on the crest of a rampart, we note the palisades detected by the pits in Ardanovo.

In the course of the small-scale excavations of the hillforts, the presence of a very weak cultural layer and the almost complete absence of economic structures were observed that, before carrying out large-scale works and obtaining materials that disprove these data, allows classifying these sites as shelters. It should be noted that, in Shelestovo, Ardanovo and Irshava, a relatively large amount of ceramic material was found directly in the embankments of the shafts, which indicates that the fortifications were created already after the settlements began functioning on the mountain tops.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the location of the Hallstatt hillforts in the Transcarpathian Region of Ukraine. Credible hillforts: 1 - Shelestovo; 2 - Ardanovo; 3 - Irshava; 4 - Bila Tserkva; 5 - Seredne Vodyane. Doubtful Hallstatt hillforts: 6 - Nevitskoye; 7 - Uzhgorod; 8 - Sil'tse; 9 - Bilki; 10 - Vinogradovo; 11 - Malaya Kopanya; 12 - Korolyovo; 13 - Solotvino.

Fig. 2. Pottery of the Late Bronze Age found on the site of Vinogradovo Castle erroneously placed in the category of the Hallstatt settlements.

Fig. 3. Pottery of the Late Bronze Age found on the site of Vinogradovo Castle erroneously placed in the category of the Hallstatt settlements.

Fig. 4. Pottery of the Late Bronze Age found on the site of Malaya Kopanya Hillfort erroneously placed in the category of the Hallstatt settlements.

Fig. 5. Bilki. General view of the hillfort (after A.V. Dzembas).

Fig. 6. Bilki. The cut of the rampart and the ditch (after A.V. Dzembas).

Fig. 7. Plan of the Ardanovo hillfort (after V.V. Moizhes).

Fig. 8. Section of the rampart of the Ardanovo hillfort (after A.V. Dzembas).

Fig. 8. A test-trench in the territory of the Ardanovo hillfort.

Fig. 10. Pottery from the Ardanovo hillfort (after V.V. Moizhes).

Fig. 11. Irshava. Finds from the Hallstatt horizon of the hillfort (after I.I. Popovich).

Fig. 12. Plan of the Shelestovo hillfort (after E.A. Balaguri).

Fig. 13. Pottery from the Shelestovo hillfort (after E.A. Balaguri).

11.10.2017

Др. Игорь Прохненко, Ужгородский национальный университет, ул. Университетская 14, г. Ужгород, 88000, Украина, e-mail: prohnenkoigor@ukr.net

AŞEZAREA DIN PRIMA EPOCĂ A FIERULUI DE LA ŢAHNĂUŢI, RAIONUL REZINA

Mihail Băţ

Cuvinte-cheie: prima epocă a fierului, cultura Cozia-Saharna, regiunea Nistrului Mijlociu, aşezare, plastică antropomorfă.

Introducere

Situl (47° 43.652'N, 28° 53.517'E) se află în dreapta drumului naţional R13, la 1,3 km sud-est de satul Ţahnăuţi şi este situat pe o pantă uşor înclinată spre sud-vest, la marginea pădurii. Aşezarea are formă ovală cu dimensiunile de cca 100×300 m (fig. 1; 2). Suprafaţa, în care se află situl arheologic, este folosită de localnici în scopuri agricole, anual fiind plantate, încă din anii '50 ai secolului trecut, diferite specii de plante cerealiere şi tehnice.

Istoricul cercetărilor

Situl a fost descoperit în anul 1951 de către Expediţia slaveano-nistreană a Institutului de Istorie a Culturii Materiale al Academiei de Ştiinţe a URSS, condusă de G.B. Fiodorov. În acelaşi an, O.N. Mel'nikovskaja realizează pe sit două sondaje de proporţii reduse de 10×4 m şi 4×4 m (fig. 1/4), ale căror rezultate au fost publicate în 1954 (Мельниковская 1954). Ca urmare a analizei materialului descoperit, autoarea a evidenţiat trei perioade în evoluţia habitatului de la Ţahnăuţi: un nivel eneolitic de tip Cucuteni-Tripolie şi altele două atribuite epocii fierului (prescitic şi scitic timpuriu).

În anul 1979 investigaţiile au fost reluate, prin intermediul a două secţiuni, de către A.I. Meljukova[1] şi au avut drept scop cercetarea aşa-numitelor „cenuşare", precum şi studiul caracterului depunerilor culturale din aşezare.

Secţiunea 1/1979 (fig. 1/4; 3/1) a fost amplasată în partea de sud-est a aşezării. Iniţial, secţiunea a avut formă rectangulară cu dimensiunile de 20×2 m şi era orientată pe axa est-vest. Ulterior, pentru a cerceta integral solul cenuşos din careurile 1-4, la marginea ei de nord-est a mai fost trasată o anexă cu dimensiunile de 8×4 m. Astfel întreaga suprafaţă a secţiunii însumând 72 m².

Secţiunea 2/1979 (fig. 1/4; 4; 5) a fost trasată pe marginea de sud-vest a aşezării. Iniţial, ea a avut dimensiunile de 10×2 m. Însă, în urma identificării vestigiilor unui şanţ, pe laturile de nord, sud şi de est ale ei a fost adăugată o anexă, astfel secţiunea 2/1979, însumând o suprafaţă totală de 61 m². În urma cercetărilor A.I. Meljukova ajunge la concluzia că, în cazul sitului de la Ţahnăuţi a existat un singur nivel de locuire din epoca fierului, atribuit culturii Saharna-Solonceni (Мелюкова 1982, 3) şi nu două cum considera O.N. Mel'nikovskaja.

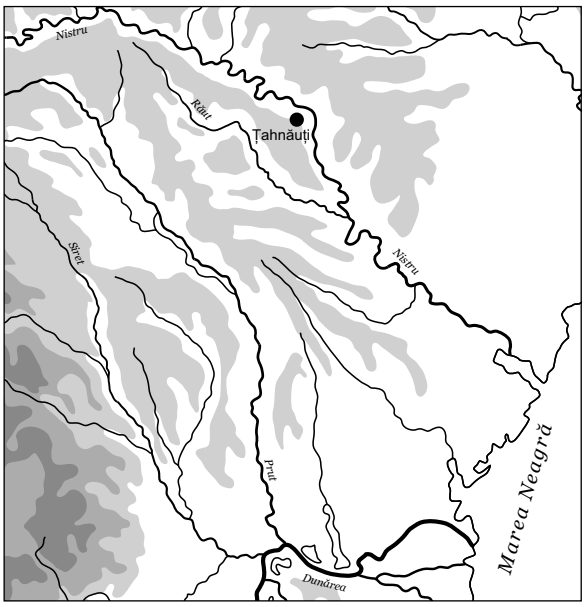
Recent, în anii 2016-2017, cu scopul de a localiza (GPS) şi de a verifica starea sitului, colaboratorii Laboratorului de Cercetări Ştiinţifice „Tracologie" din cadrul Universităţii de Stat din Moldova, au întreprins o serie de periegeze în microzonă (Zanoci, Niculiţă, Băţ 2016, 21). Ca urmare au fost colectate numeroase fragmente de ceramică, atribuite culturii Cozia-Saharna. De asemenea, s-a stabilit că aşezarea este amplasată la sud-est de localitatea Ţahnăuţi, dar nu la nord-est – cum apare în publicaţiile anterioare.

Complexe arheologice

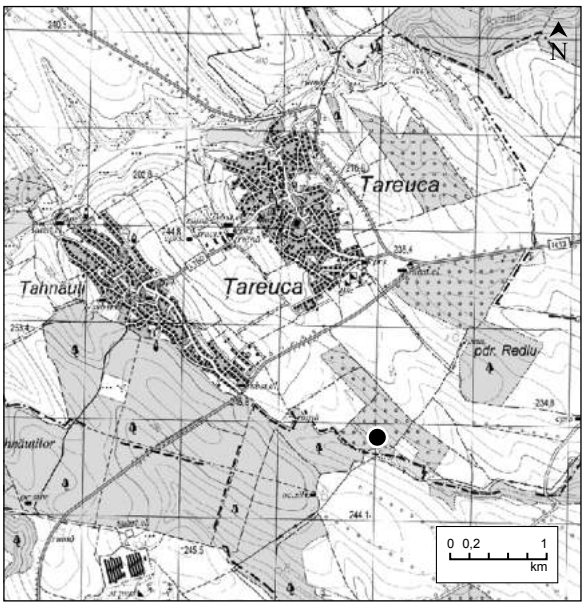
Ca urmare a analizei informaţiilor publicate (Мельниковская 1954) şi a materialelor de arhivă (Мелюкова 1979), s-a stabilit că în 1951 au fost cercetate trei gropi menajere. Acestor complexe li se atribuie un fragment de psalie (cat. nr. II.5; fig. 8/5) şi fragmentele care provin de la o ceaşcă cu toarta supraînălţată (fig. 11/10).

În timpul cercetărilor arheologice întreprinse în 1979 au fost descoperite mai multe complexe (trei gropi şi un şanţ), precum şi un bogat inventar

[1] Din echipa de cercetare mai făceau parte N.L Serova şi T.B. Barţeva.

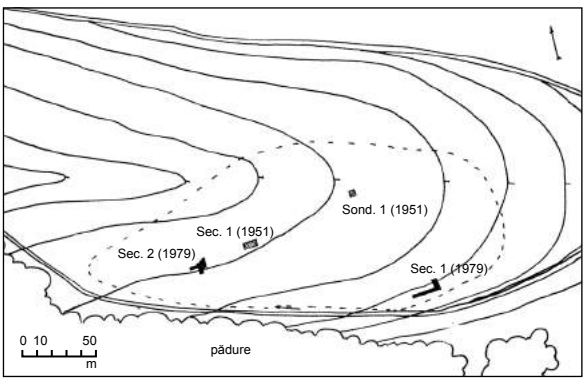


1

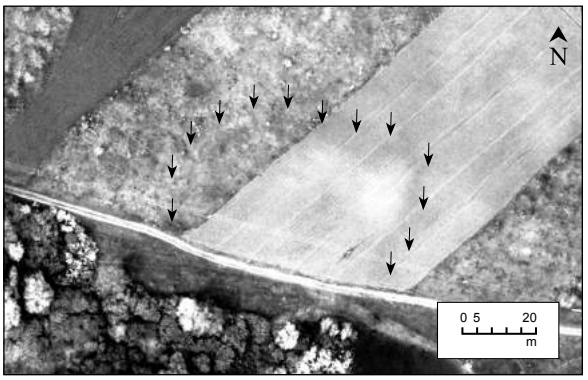


2

3



4



5

Fig. 1. Ţahnăuţi. 1 - Localizarea sitului; 2 - hartă topografică; 3 - ortofotoplan (după Google Earth Pro); 4 - schiţă topografică (după Мелюкова 1979); 5 - ortofotoplan cu marcarea şanţului (după https://www.moldova-map.md/).

Fig. 2. Aşezarea de la Ţahnăuţi. Vedere a sitului dinspre sud-est (fotografie din 2016).

arheologic, atribuite de către autoare culturii Saharna-Solonceni. Dacă inventarul acestei aşezări a fost publicat în repetate rânduri (Мелюкова 1982; Мелюкова 1989; Кашуба 2000 ş.a.), atunci complexele descoperite la Ţahnăuţi, rămân a fi inedite.

Groapa 1/1/1979 a fost atestată în secţiunea 1, la adâncimea de 0,7 m (fig. 3). Ea avea formă de clopot cu diametrul gurii de 0,61×0,86 m, al fundului – de 0,87×1,0 m şi adâncimea de 0,43 m. Emplectonul consta din cernoziom în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn carbonizat. Pe fundul gropii au fost descoperite patru pietre.

Inventar: 19 fragmente de ceramică de tip Cozia-Saharna[2], 56 fragmente de lut ars, dintre care patru cu urme de nuiele, şi patru pietre.

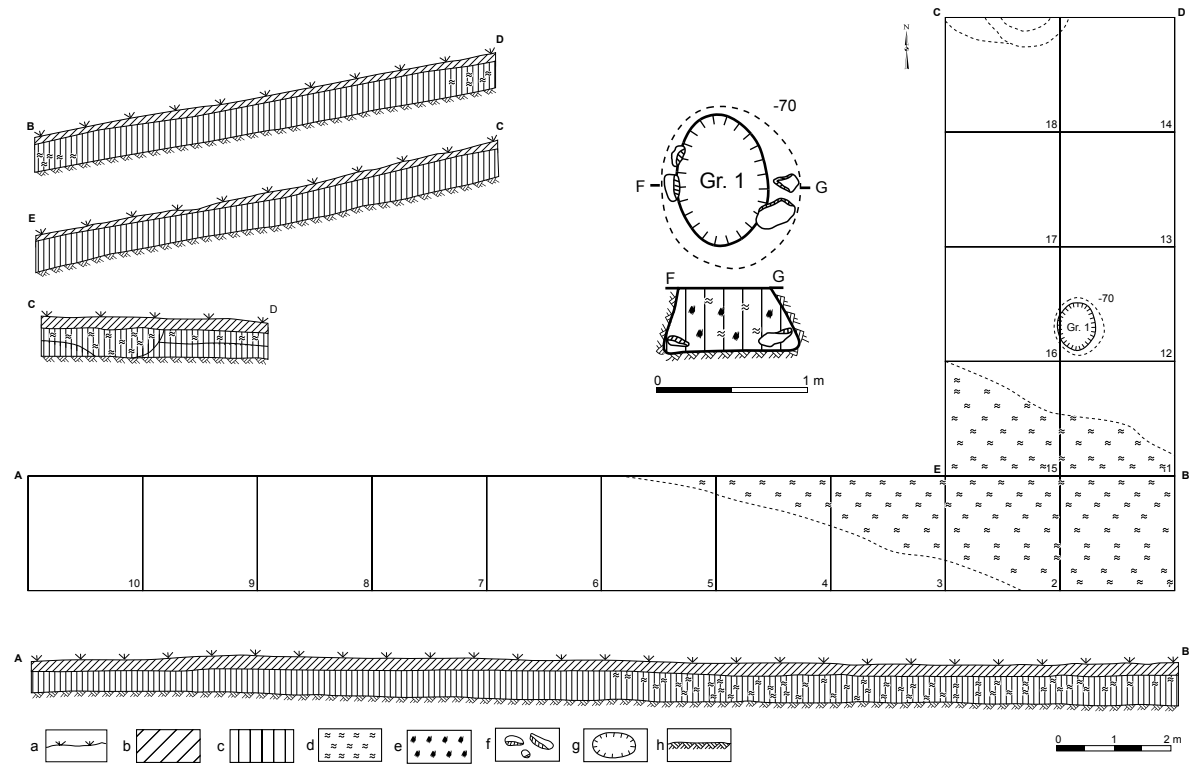
Groapa nr. 1/2/1979 a fost sesizată în secţiunea 2, la adâncimea de 0,4 m (fig. 4; 5/1). Ea penetrează o platformă de lut ars atribuită, de autorii descoperirii, culturii Cucuteni. Groapa avea formă de clopot cu diametrul gurii de 1,15 m, al fundului – de 1,80 m şi adâncimea de 1,2 m. Emplectonul consta din cernoziom şi fragmente de lut ars provenite, probabil, de la platforma de lut ars.

Inventar: un fragment de fusaiolă (cat. IV.16; fig. 7/11), un fragment de ceramică de tip Cozia-Saharna şi două fragmente de oase.

Groapa nr. 2/2/1979 a fost descoperită în secţiunea 2, la adâncimea de 0,8 m (fig. 4; 5/2). Groapa a avut forma de clopot cu diametrul gurii de 1,1×1,4 m, cel al fundului de 1,6×1,7 m şi adâncimea de 1,0 m. Emplectonul ei consta din cernoziom în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars.

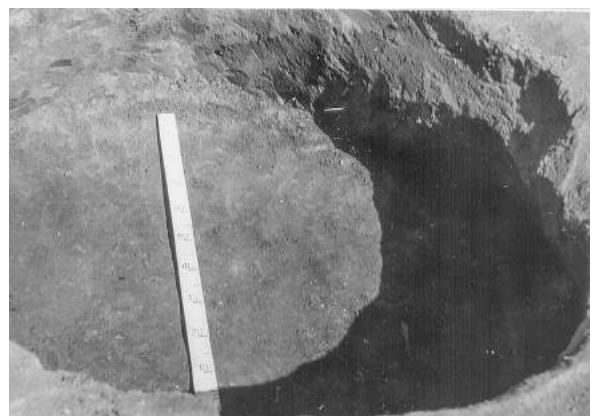
Inventar: un fragment de fusaiolă şi 11 fragmente ceramice de tip Cozia-Saharna.

[2] Cu regret, în raportul de săpătură din 1979, nu este specificat contextul arheologic al descoperirilor, vestigiile fiind reprezentate grafic de-a valma. Astfel, este dificil, uneori chiar imposibil, de a delimita descoperirile din complexe faţă de cele din stratul cultural.



1

2



3

Fig. 3: Ţahnăuţi. 1 - Planul şi profilul secţiunii 1/1979 (semne convenţionale: a. suprafaţa actuală de călcare; b. sol arat; c. cernoziom; d. cenuşă; e. fragmente de lemn ars; f. pietre; g. conturul gropii; h. strat steril); 2 - vedere dinspre nord a secţiunii; 3 - groapa nr. 1/1/1979 (după Мелюкова 1979).

Şanţul a fost atestat în partea de est a secţiunii 2, la adâncimea de 0,80-0,90 m de la nivelul actual de călcare (fig. 4; 5/3-6). A fost cercetat pe o lungime de 11,2 m. El era orientat sud-vest - nord-est şi avea formă trapezoidală în secţiune, cu lăţimea în partea superioară de cca 1,5-2,2 m, în cea inferioară – de 0,65-0,70 m şi adâncimea de 0,9-1,0 m. În peretele de est al şanţului, la adâncimea de 0,7 m, a fost atestată o treaptă lată de 0,3 m. Şanţul era umplut cu cernoziom în amestec cu cenuşă. Din umplutura şanţului au fost recuperate un fragment de ştanţă-matrice pentru aplicarea decorului ştanţat (cat. nr. IV.11; fig. 7/3), 132 fragmente ceramice de la recipiente de tip Cozia-Saharna şi un fragment de vas cucutenian (Tabelul 1).

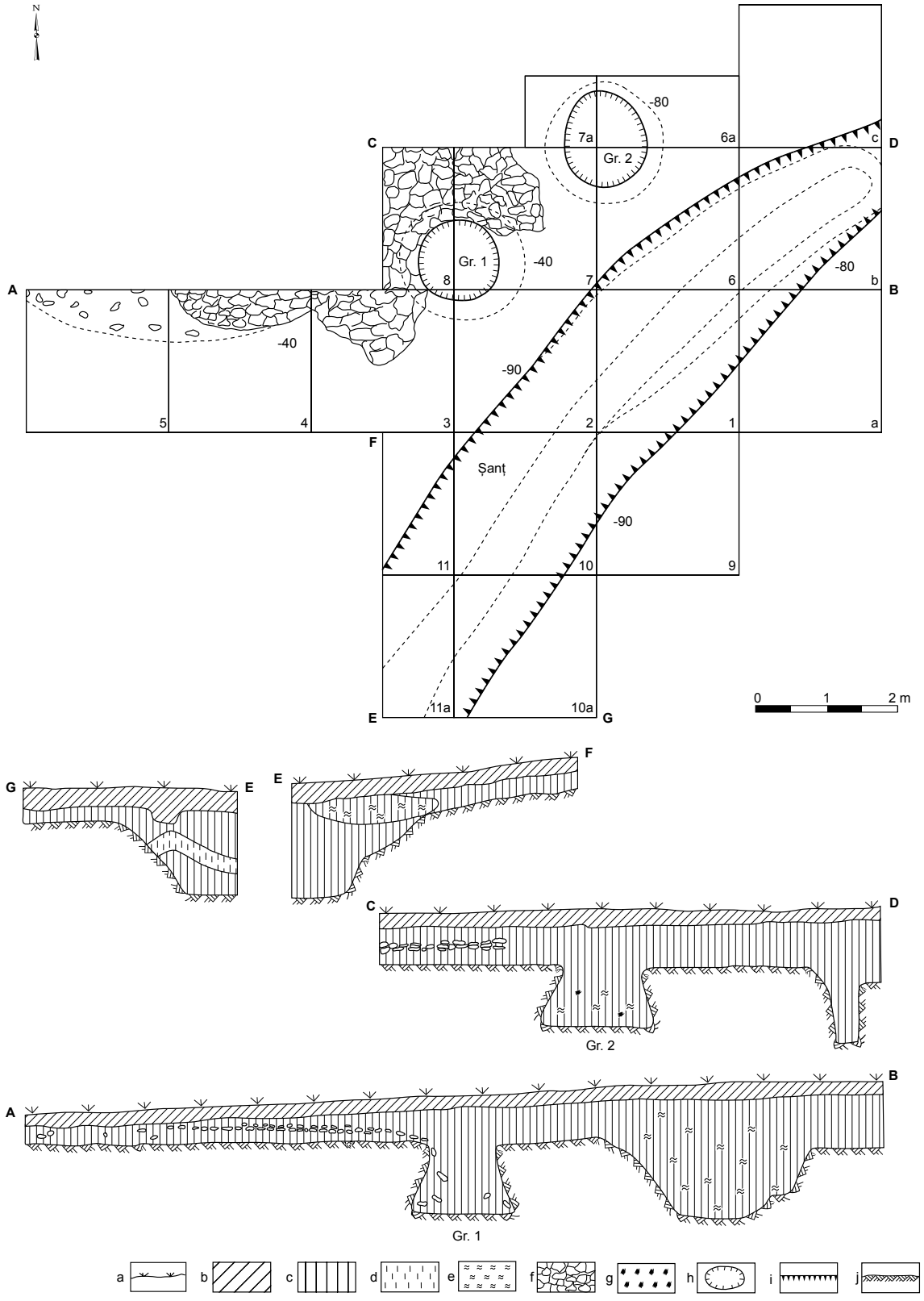
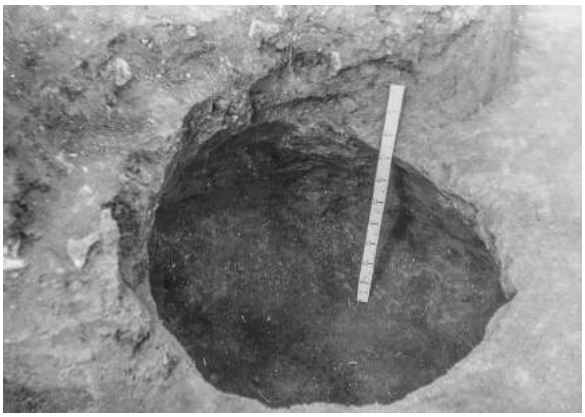


Fig. 4. Ţahnăuţi. Planul şi profilul secţiunii 2/1979 (semne convenţionale: a. suprafaţa actuală de călcare; b. sol arat; c. cernoziom; d. sol cenuşos/„cenuşar”; e. cenuşă; f. lipitură/platformă din lut bătătorit; g. fragmente de lemn ars; h. conturul gropilor; i. limita şanţului; j. strat steril) (după Мелюкова 1979).



1

2

3

4

5

6

Fig. 5. Ţahnăuţi. Secţiunea 2/1979: 1 - groapa nr. 1/2/1979; 2 - Groapa nr. 2/2/1979; 3, 4 - secvenţe din timpul săpăturilor; 5 - vedere dinspre sud-vest a şanţului; 6 - vedere dinspe sud a secţiunii (după Мелюкова 1979).

Tabelul 1

Distribuţia fragmentelor ceramice descoperite în şanţ în raport cu straturile de săpătură a umpluturii şanţului*

Adâncime, m	Fragmente ceramice	
	Cozia-Saharna	Cucuteni
0-0,2	65	-
0,2-0,4	25	1
0,4-0,6	15	-
0,6-0,8	27	-
	132	**1**

* Sursă: Мелюкова 1979, 10.

În baza datelor prezentate în tabelul de mai sus, A.I. Meljukova afirma că „e destul de evident că materialul descoperit în umplutura şanţului revine perioadei când aşezarea a fost populată de purtătorii culturii cunoscute după monumentele de tip Saharna-Solonceni de pe teritoriul Moldovei" (Мелюкова 1979, 10-11). Pe de altă parte, autoarea se întreba: „Dacă e să credem că şanţul a fost săpat de purtătorii culturii Saharna-Solonceni, atunci, este neclar de ce a fost acoperit el de aceeaşi populaţie care l-a edificat" (Мелюкова 1979, 11).

Ca urmare a analizei ortofoplanurilor recent disponibile, a fost posibilă stabilirea conturului unei anomalii (fig. 1/5) de formă semicirculară (circulară?) cu dimensiunile de cca 60×65 m, care, după părerea noastră, ar putea fi şanţul cercetat de A.I. Meljukova în 1979. La fel ca şi autoarei descoperirii, stadiul cercetărilor nu ne permite decât formularea unor ipoteze în privinţa funcţionalităţii şanţului: delimitează acesta un anumit spaţiu în interiorul aşezării? Reprezintă oare vestigiile locaşului pentru bârnele din structura palisadei? Este un sistem de drenare a apelor? Prospecţiunile magnetice şi săpăturile arheologice viitoare ar putea clarifica funcţionalitatea şanţului şi stabili perioada sa de funcţionare.

Inventarul arheologic

Unelte şi ustensile

Uneltele din fier sunt reprezentate de un fragment de lamă de cuţit cu muchia arcuită (cat. nr.I.1, fig. 8/3). Piese de acest gen au fost descoperite în arealul culturii Cozia-Saharna, atât în aşezări – Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 65/1), cât şi în necropole – Saharna I (Ţiglău) (Kašuba 2014, fig. 187/17).

Ustensilele din lut sunt cunoscute după două fragmente de matrice-ştanţă (cat. nr.IV.10, 11; fig. 7/2, 3), o bilă de lut (cat. nr.IV.22; fig. 7/8) şi şase fusaiole (cat. nr.IV.16-21; fig. 7/8-14). Ştanţele sunt frecvent întâlnite la monumentele culturii Cozia-Saharna (Кашуба 2000, рис. XXVI), fiind utilizate pentru aplicarea decorului imprimat. Fusaiolele au forma bitronconică. Înălţimea lor este cuprinsă între 1,5 cm şi 3,3 cm, diametrul maxim variază între 2,6 cm şi 5,1 cm şi, al bazelor – între 0,7 cm şi 2,5 cm, iar al orificiului – între 0,4 cm şi 1,2 cm. Dintre acestea se evidenţiază un exemplar decorat cu incizii (fig. 7/9). O piesă asemănătoare a fost descoperită în aşezarea Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 18/5).

Ustensile din piatră sunt identificate după o lamă din silex (cat. nr. III.1; fig. 8/4), care provine de la o unealtă compusă.

Armele sunt prezentate de trei vârfuri de săgeată din os, dintre care unul finit (cat. nr.II.1; fig. 8/8) şi două semifabricate (cat. nr.II.2, 3; fig. 8/7, 9). O piesă similară, confecţionată din corn de cerb, de formă romboidală în secţiune a fost atestată în aşezarea culturii Cozia-Saharna de la Mateuţi „La Başne" (Кашуба 2000, рис. XCVI/2).

Categoria ***pieselor de harnaşament*** este prezentată de două fragmente de psalie prelucrate din corn. Psalii cu capetele drepte se întâlnesc atât în mediul culturii Cozia-Saharna (Кашуба 2000, рис. XXX/5, 6, 11, 12), cât şi în siturile culturii Babadag (Ailincăi, Mihail 2010, fig. 2).

Piesele cu semnificaţie cultică sunt cunoscute după opt piese de plastică antropomorfă, un fragment de statuetă zoomorfă şi patru pintadere.

Pintaderele (cat. nr.IV.12-15; fig. 7/4-7) au o formă conică cu înălţimea cuprinsă între 1,0 cm şi 1,2 cm, diametrul bazei de 1,7-2,2 cm. Una dintre piese este decorată cu împunsături dispuse în formă de „X" (fig. 7/4). Exemplare similare au fost descoperite la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 159/5-9; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 66/15-17), Glinjeni (Гольцева, Кашуба 1995, рис. XLIV/3) şi Solonceni „Hlinaia" (Кашуба 2000, рис. XXXII/3).

Figurinele antropomorfe (cat. nr. IV.1-7, fig. 6) sunt reprezentate de trei exemplare întregi şi cinci – fragmentare. Dintre acestea se evidenţiază o figurină în formă de vioară („en violon"),

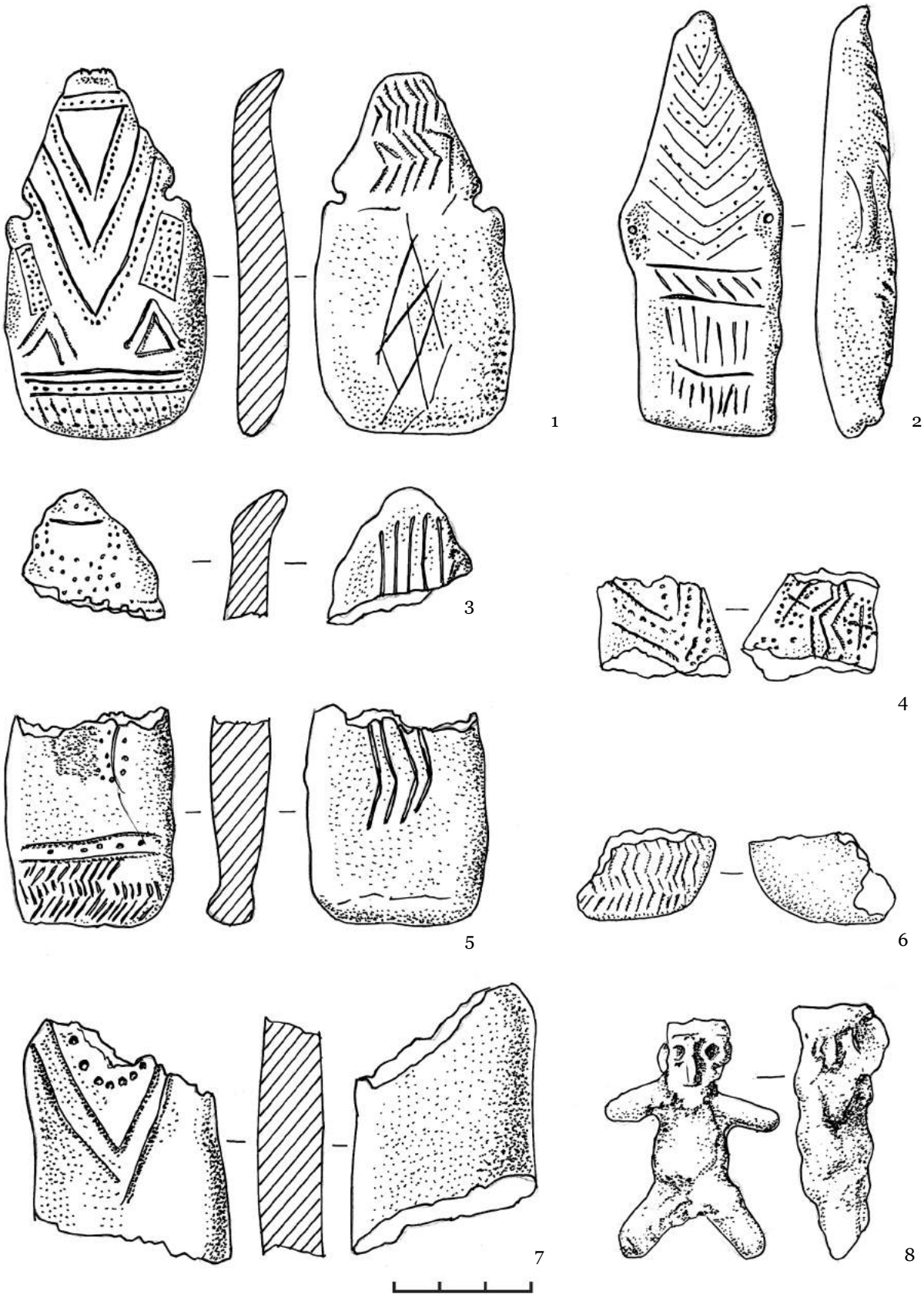


Fig. 6. Ţahnăuţi. Figurine antropomorfe (după Мельниковская 1954).

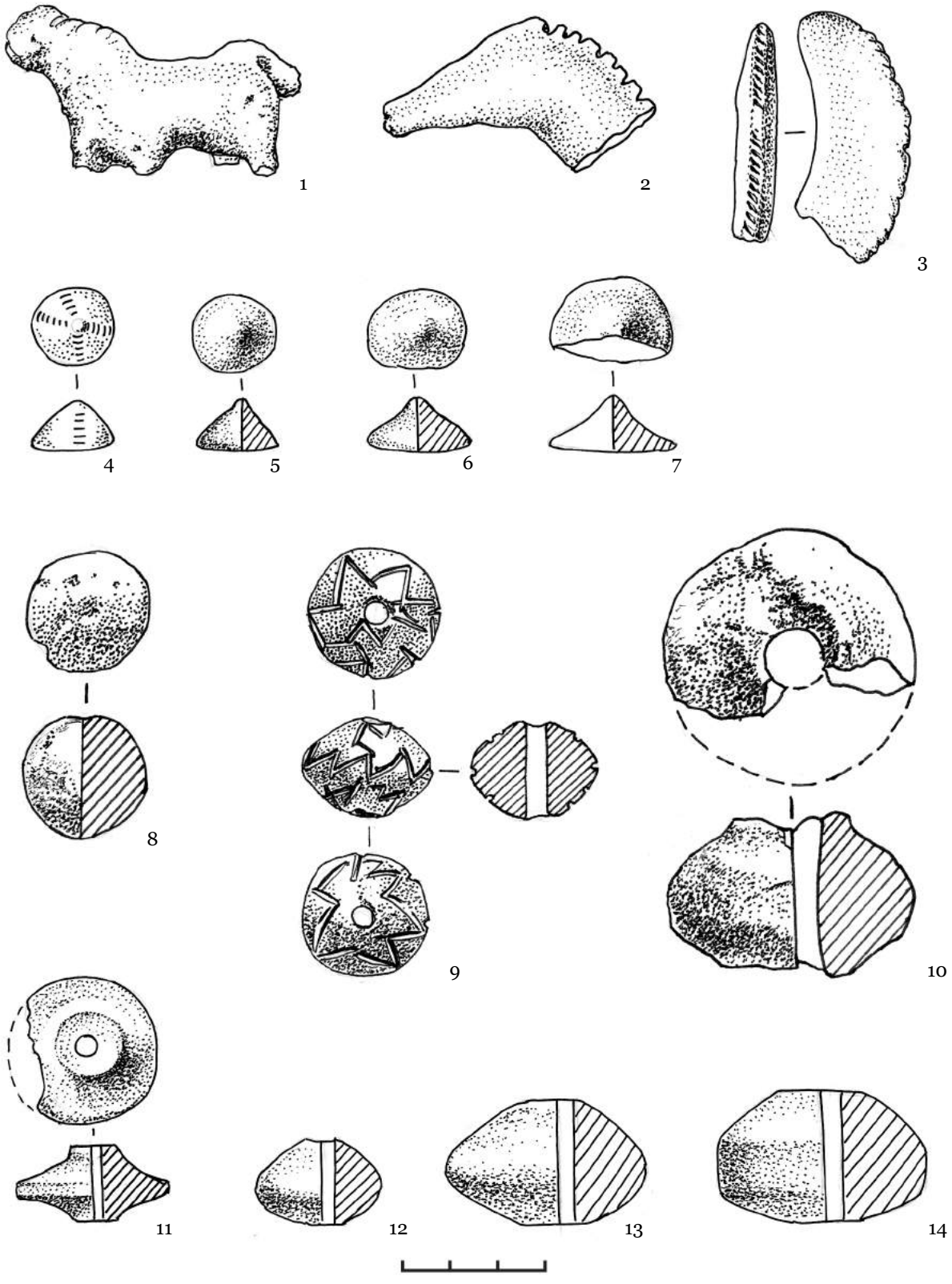


Fig. 7. Ţahnăuţi. Piese din lut (1, 2 - după Мельниковская 1954; 3-7, 11-14 - după Мелюкова 1982).

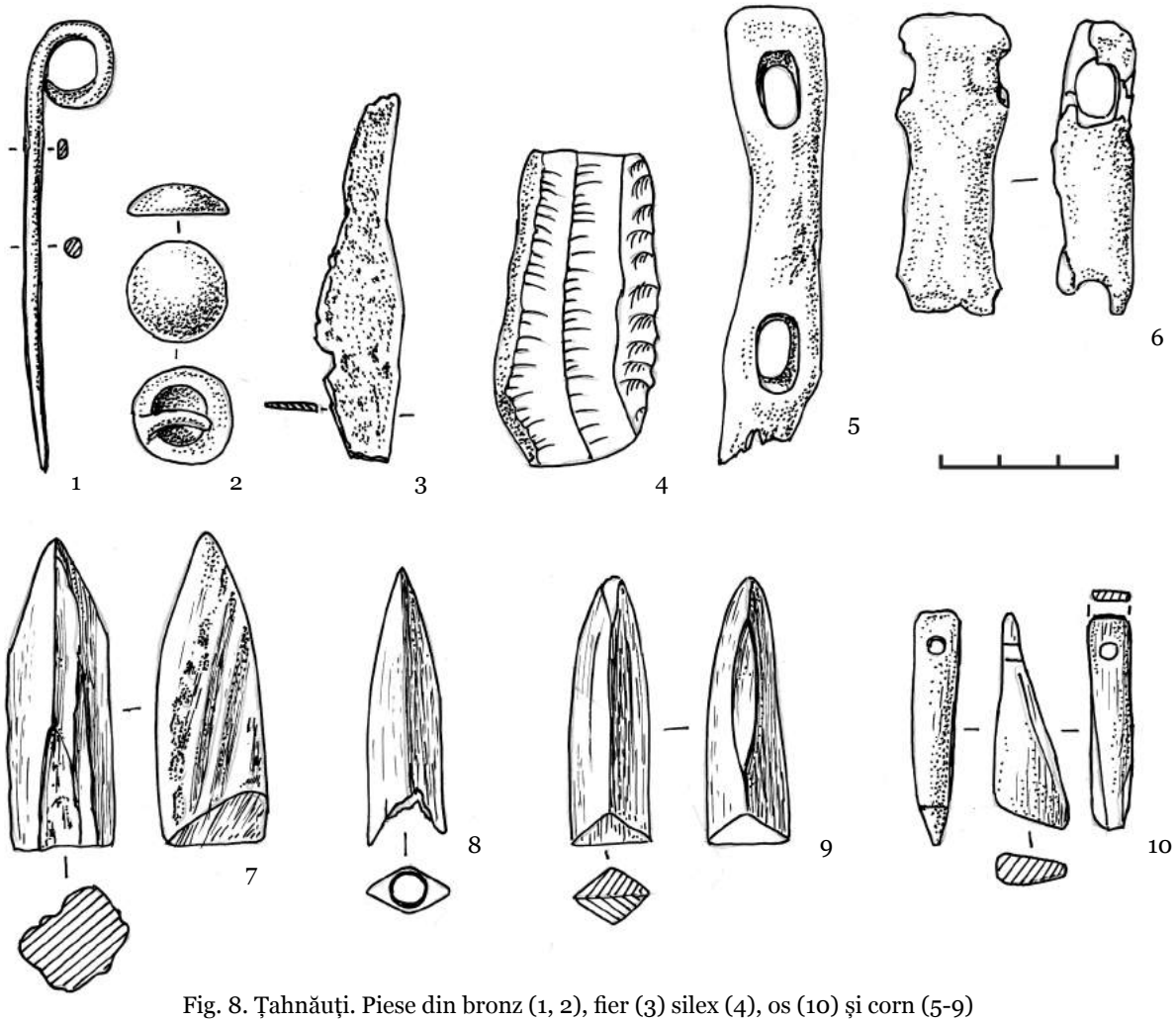


Fig. 8. Ţahnăuţi. Piese din bronz (1, 2), fier (3) silex (4), os (10) şi corn (5-9) (5, 6, 8 - după Мельниковская 1954; 1-4, 7, 9, 10 - după Мелюкова 1982).

care are corpul separat în două părţi bine delimitate (cat. nr. IV.1; fig. 6/1) şi o figurină cu corpul oval alungit (cat. nr. IV.2; fig. 6/2). Figurinele au fost decorate, atât pe partea frontală, cât şi pe cea partea dorsală, cu incizii şi împunsături, marcând probabil detalii anatomice (capul, părul aranjat, zona gâtului, laba piciorului etc.) sau vestimentare (colier, eşarfă, decolteu, centură, aplici etc.).

În aşezările culturii Cozia-Saharna, piese antropomorfe au fost descoperite la Saharna „Ţiglău" (Nicic, Băţ 2009, fig. 2/3; 3; Niculiţă, Nicic 2014, fig. 16/1; 18/1; 81/8; 133/5; 165/4), Alcedar III (Кашуба 2000, рис. XXXIII/7; Nicic, Băţ 2009, fig. 2/1), Solonceni „Hlinaia" (Мелюкова 1958, рис. 28/8; Кашуба 2000, рис. XXXIII/7; Nicic, Băţ 2009, fig. 2/2).

Fragmente ale unor figurine asemănătoare celor de la Ţahnăuţi au fost descoperite şi în mediul culturii Gáva-Holihrady (László 1995, fig. 1-3; Малеев 1992, обр. 5/а-д).

Fragmentul de statuetă zoomorfă redă corpul unei cabaline (cat. nr. IV.9, fig. 7/1). Capul este evidenţiat, coama fiind redată prin intermediul unor mici adâncituri. O figurină de cal a fost atestată şi în aşezarea culturii Cozia-Saharna de la Alcedar III (Кашуба 2000, рис. XXXIII/4; CXV/11).

Din categoria ***podoabelor şi pieselor vestimentare*** fac parte un ac de păr (cat. nr. I.2; fig. 8/1), un nasture (cat. nr. I.3; fig. 8/2) şi un fragment de pandantiv din os (cat. nr. II.4; fig. 8/10).

Acul a fost confecţionat dintr-o bară de bronz rotundă în secţiune. Are vârful ascuţit, iar capul este aplatizat şi răsucit lateral. Analogii apropiate pentru acest tip găsim în aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean (Sîrbu 2014, fig. 4/3, 4, 6, 7).

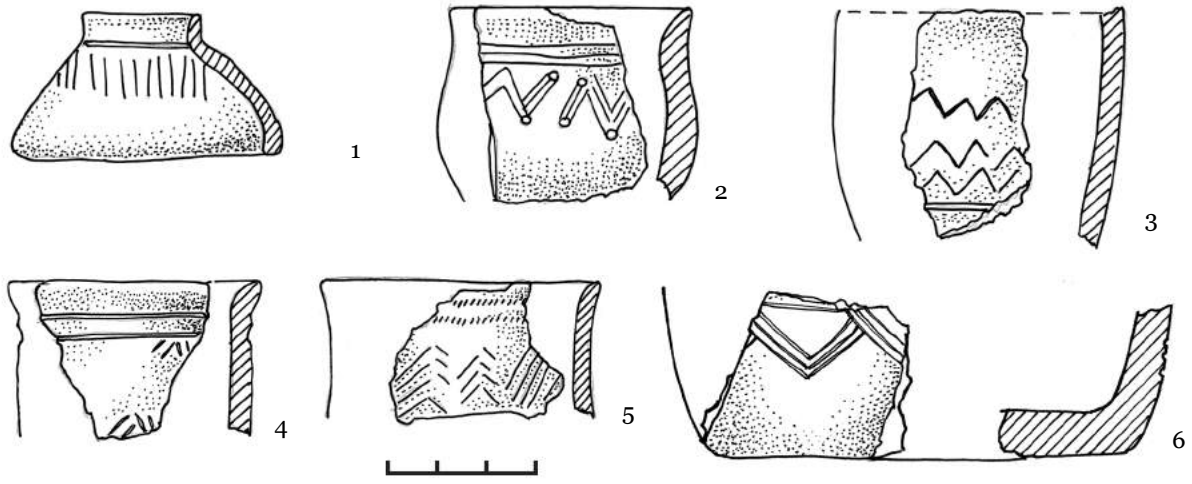


Fig. 9. Ţahnăuţi. Fragmente de pixide şi vase miniaturale (1-5 - după Мелюкова 1982).

Nasturi din bronz cu tortiţă de prindere pe partea interioară sunt cunoscuţi în mediul culturii Cozia-Saharna în aşezarea Saharna „Pădure" (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 240/20) şi în necropola Saharna I (Ţiglău) (Kašuba 2014, fig. 187/7-10; 190/2; 198/2; 207/2-9).

Ceramică

Ca urmare a cercetărilor arheologice de teren a fost evidenţiat un număr considerabil de fragmente de vase, multe din care cu decor incizat, ştanţat sau în relief. Fragmentele de ceramică provin de la vase din categoriile rudimentară şi fină. Dintre multiplele forme de vase se evidenţiază câteva tipuri: ceşti/cupe, străchini, vase cu corpul globular, pixide, vase miniaturale etc.

Cupe/ceşti. Acestea au fost modelate din pastă de lut bine prelucrată cu ingrediente de nisip mărunt, sau şamotă bine măcinată. Recipientele au gâtul cilindric, buza evazată, trunchiul globular cu diametrul maxim la mijloc (fig. 10/1-4; 7; 11/2, 6, 9, 11), sau în partea de jos (fig. 10/6, 8-11; 11/1, 3, 4, 7, 8, 10). De regulă, ele sunt ornamentate cu incizare (fig. 10), incizii combinate cu împunsături (fig. 11/1-5), imprimeuri (11/7, 8). Uneori, pe linia diametrului maxim sunt plasate suporturi mici (fig. 11/1, 6). Cu aceeaşi tehnică de ornamentare sunt decorate şi fragmentele de toartă (fig. 11/3; 12), care, de regulă, sunt supraînălţate buzei. Unele fragmente de toartă sunt prevăzute cu buton (fig. 10/8; 12/8, 18).

Străchini. Acest tip de vase este reprezentat, cu preponderenţă, de fragmente, pe baza cărora este posibilă reîntregirea grafică a recipientelor (fig. 13). Fragmentele de ceramică provin de la vase modelate din pastă semifină de culoare neagră sau surie-închisă. Majoritatea au trunchiul tronconic, pereţii rotunjiţi şi buza răsfrântă în interior sau în exterior (fig. 13; 14). Unele exemplare au pe partea de sus a trunchiului un decor incizat (fig. 13/5; 14/2) sau ştanţat (fig. 13/1-4; 14/8). La unele vase, astfel de ornament a fost realizat pe partea superioară a buzei (fig. 14/1, 3, 5-7, 9). La alte recipiente se întâlnesc proeminenţe aplatizate, amplasate pe marginea exterioară a buzei, a cărei parte superioară e acoperită cu decor incizat (fig. 14/1) sau ştanţat (fig. 13/1).

Vase cu trunchiul globular şi buza profilată în exterior au fost modelate din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea lor variază de la cafeniu la negru. Aceste vase sunt ornamentate pe linia diametrului maxim, cu decor ştanţat (fig. 15/3-7, 9, 10) sau incizat (fig. 15/8). Uneori, decorul ştanţat este aplicat şi pe marginea interioară a buzei (fig. 15/2).

În stratul cultural au mai fost descoperite fragmente de oală (fig. 16-20), unele recipiente fiind ornamentate cu decor incizat (16/1-7), ştanţat (fig. 16/8-14; 17/1-3, 5), combinat (fig. 17/4, 6) şi în relief (fig. 19; 20).

Un interes deosebit prezintă fragmentele de vase miniaturale şi cele de pixidă (fig. 9).

Recipientele ceramice descoperite la Ţahnăuţi sunt binecunoscute la monumentele din zona Nistrului Mijlociu, precum şi în alte spaţii ale culturii Cozia-Saharna.

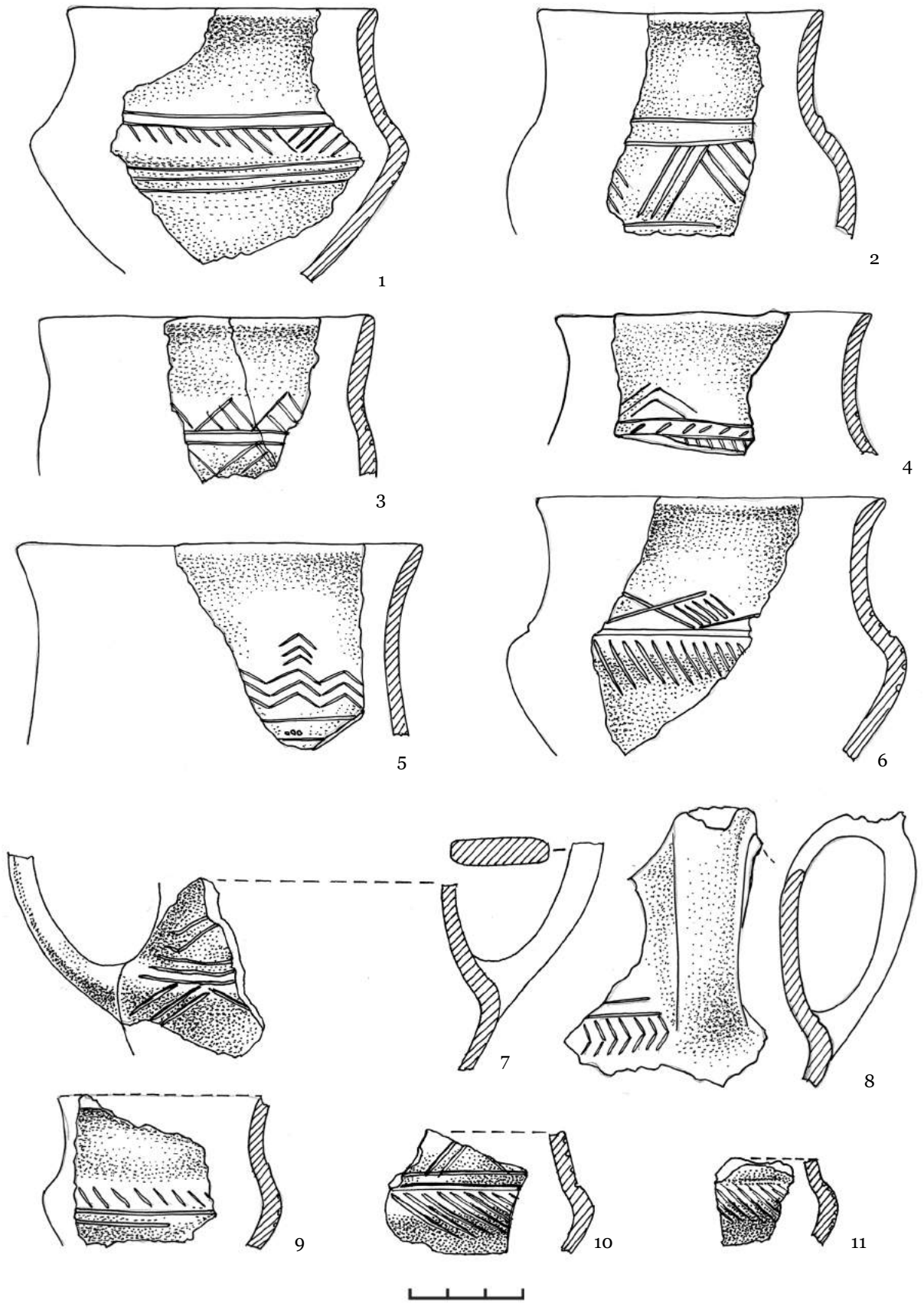


Fig. 10. Ţahnăuţi. Fragmente de cești și cupe (1-6, 8, 9 - după Мелюкова 1982).

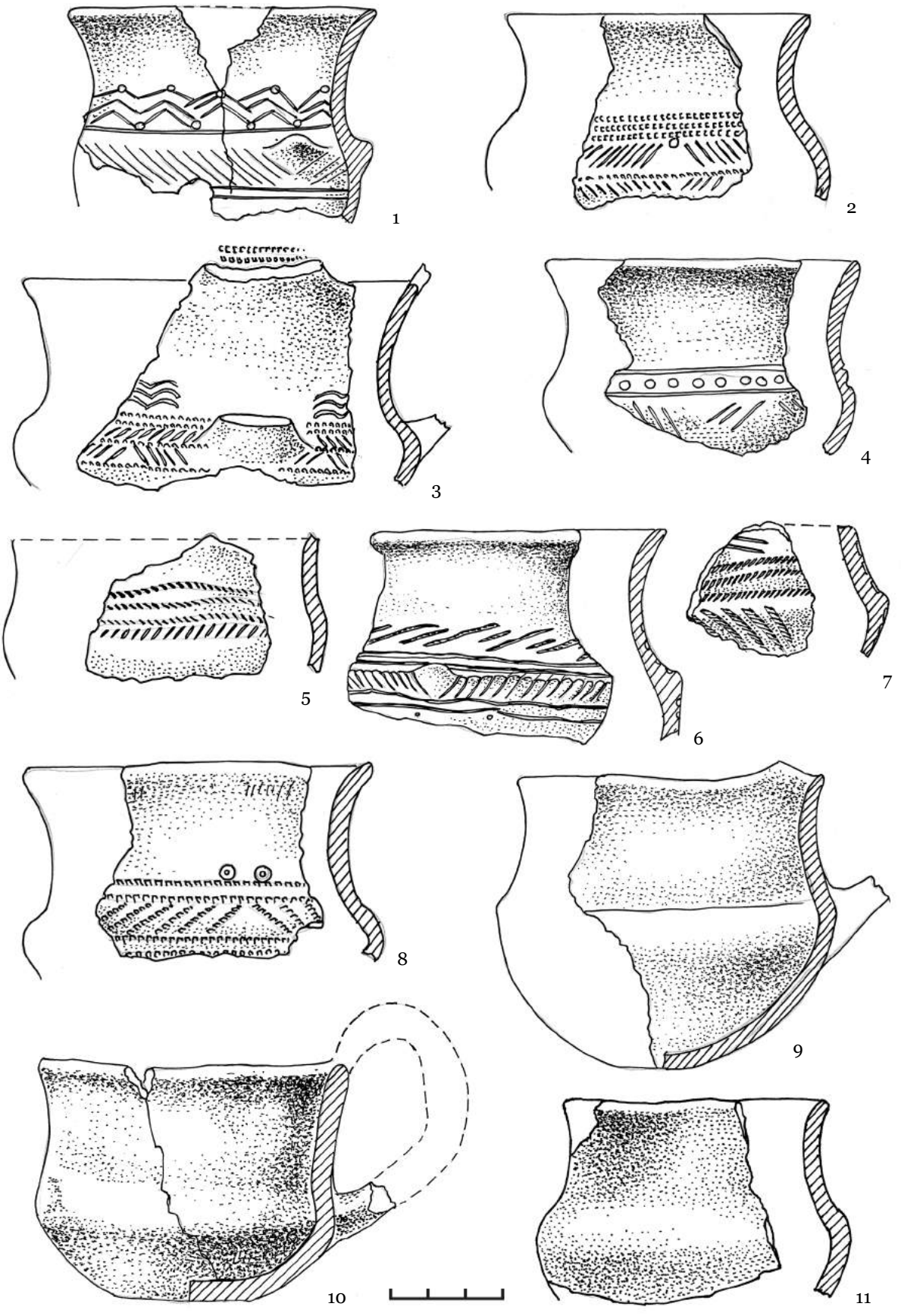


Fig. 11. Ţahnăuţi. Fragmente de cești și cupe (1-6, 8-10 - după Мелюкова 1982).

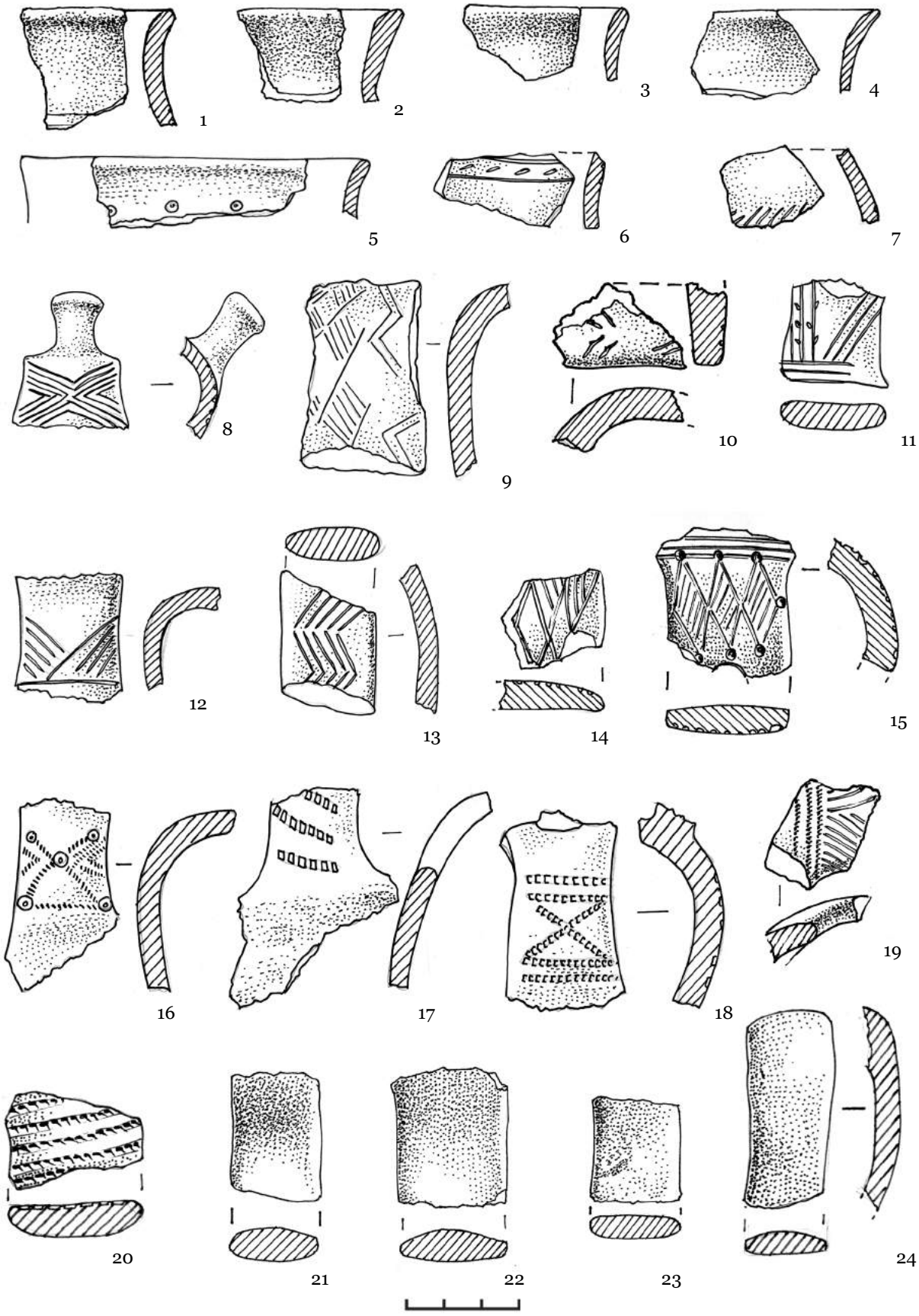


Fig. 12. Ţahnăuţi. Fragmente de cești și cupe
(8 - după Мельниковская 1954; 5, 6, 9, 12, 13, 16-18 - după Мелюкова 1982).

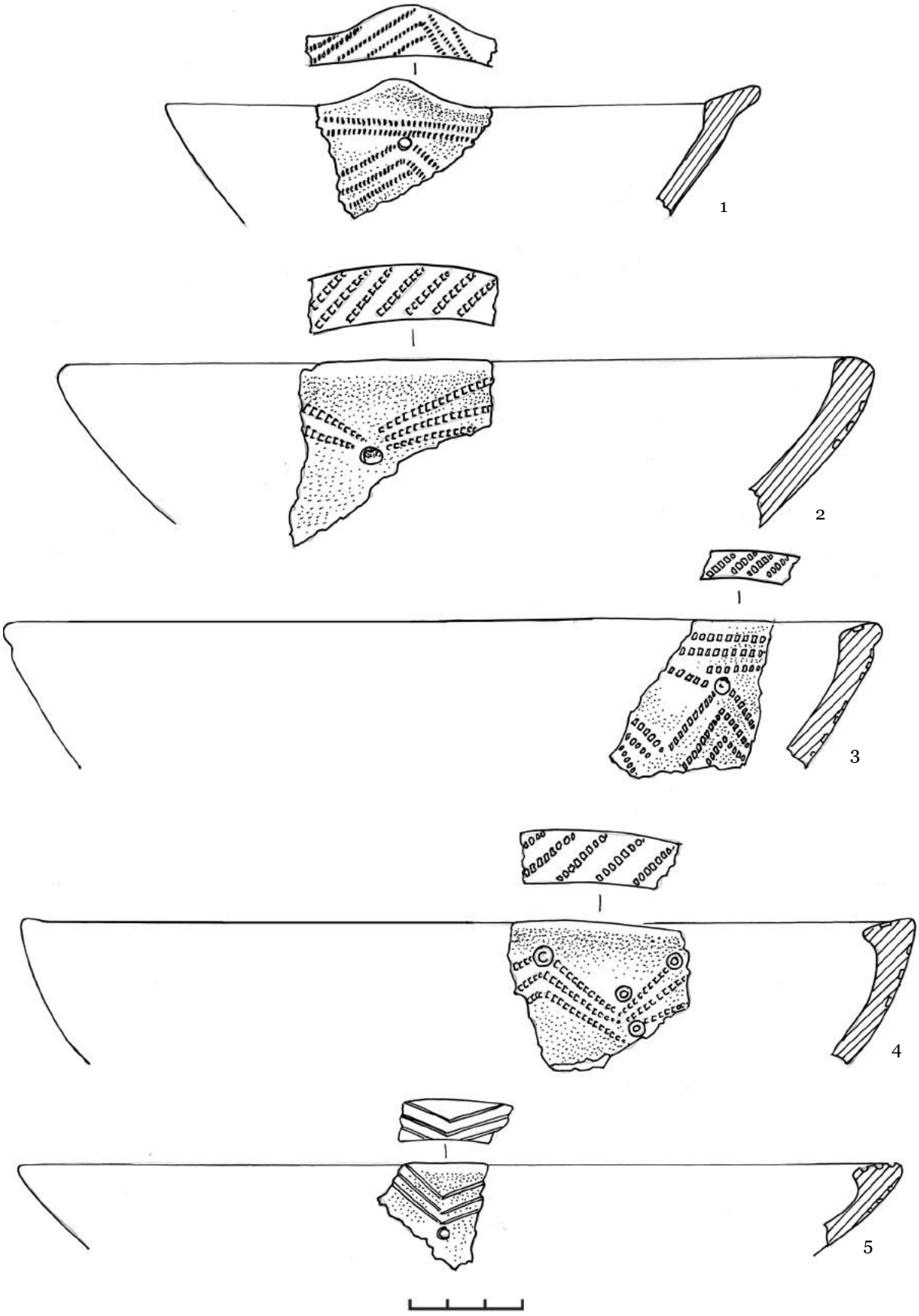


Fig. 13. Ţahnăuţi. Fragmente de străchini (după Мелюкова 1982).

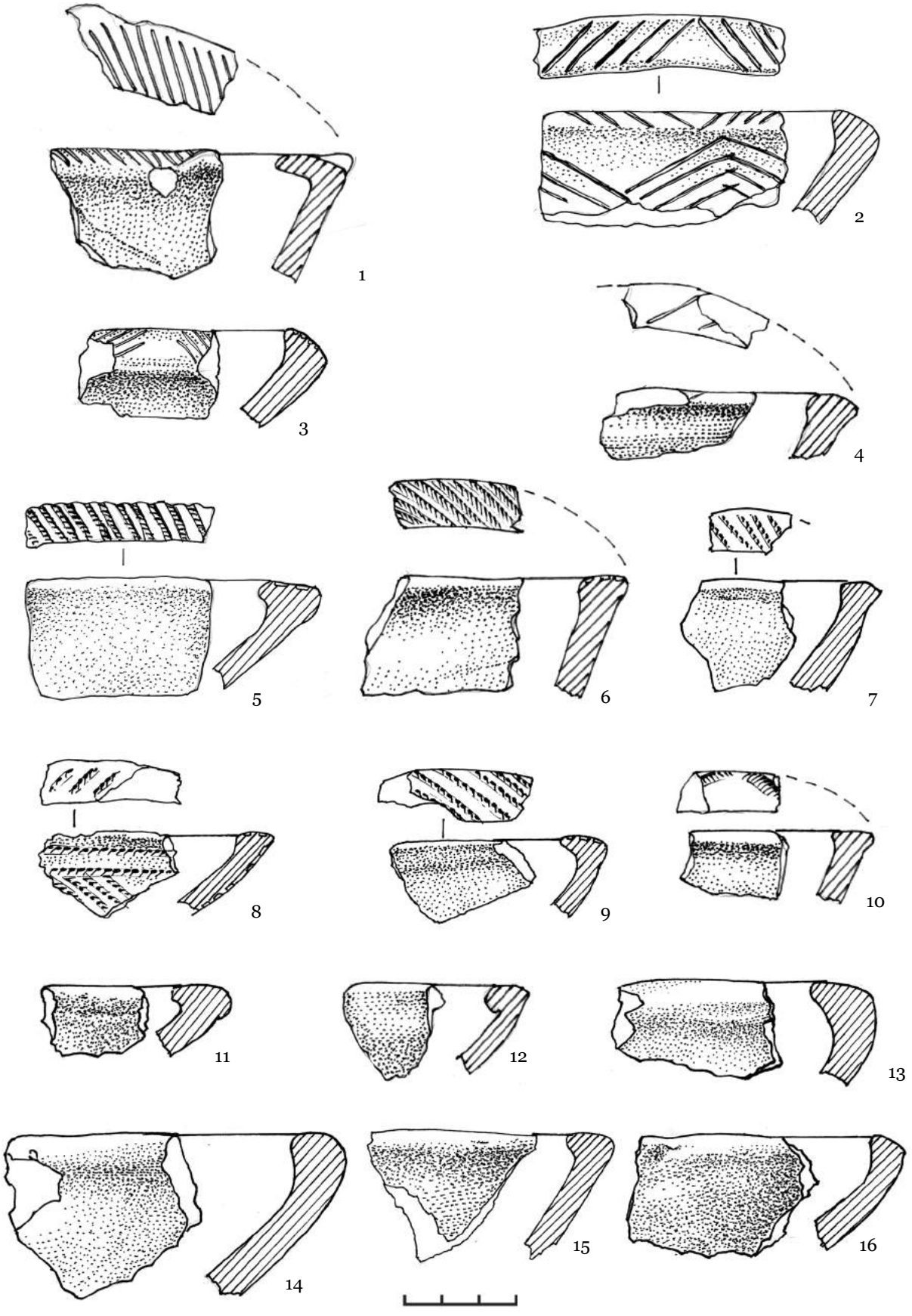


Fig. 14. Ţahnăuţi. Fragmente de străchini (2, 5 - după Мельниковская 1954).

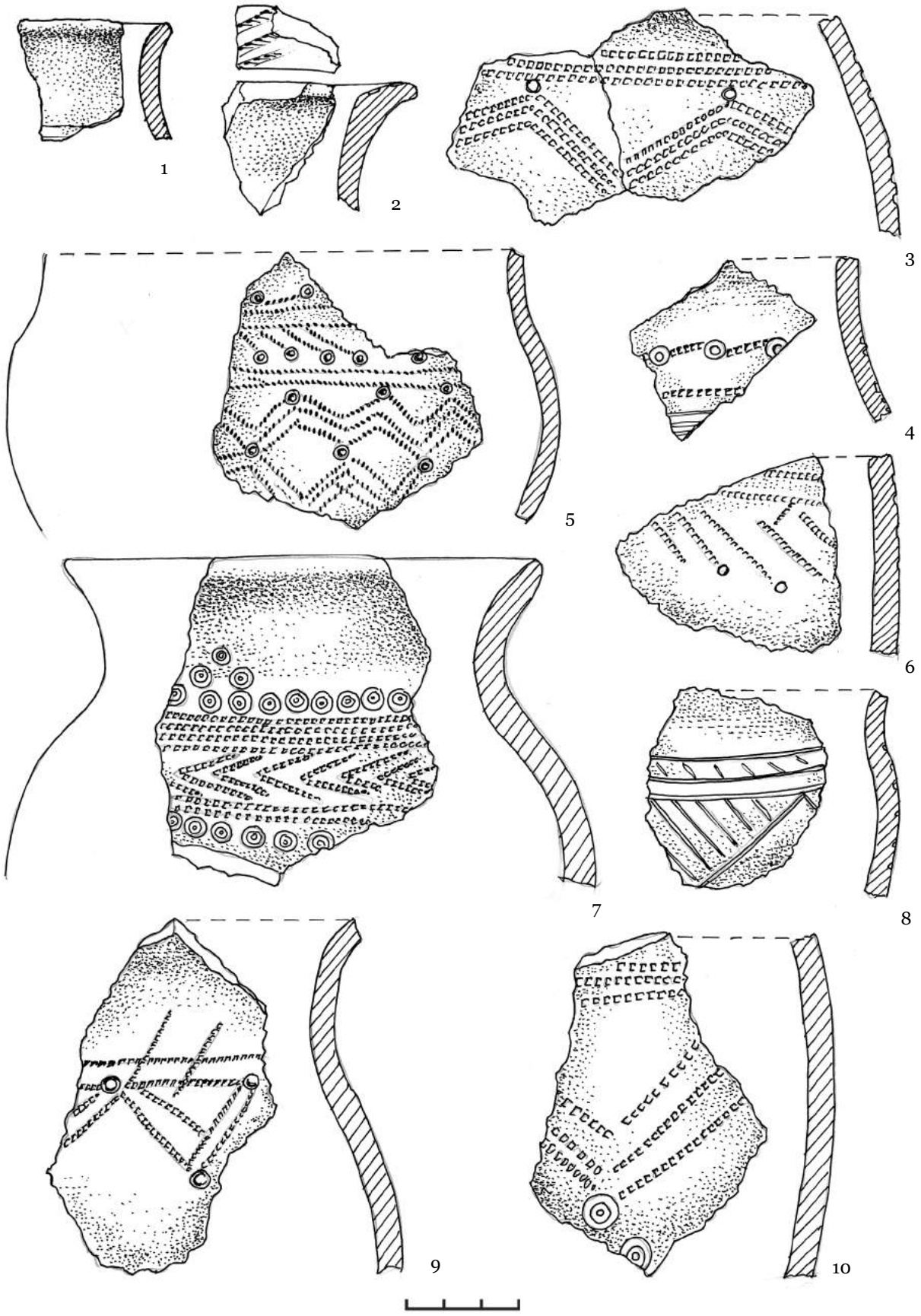


Fig. 15. Ţahnăuţi. Fragmente de oale (3-10 - după Мелюкова 1982).

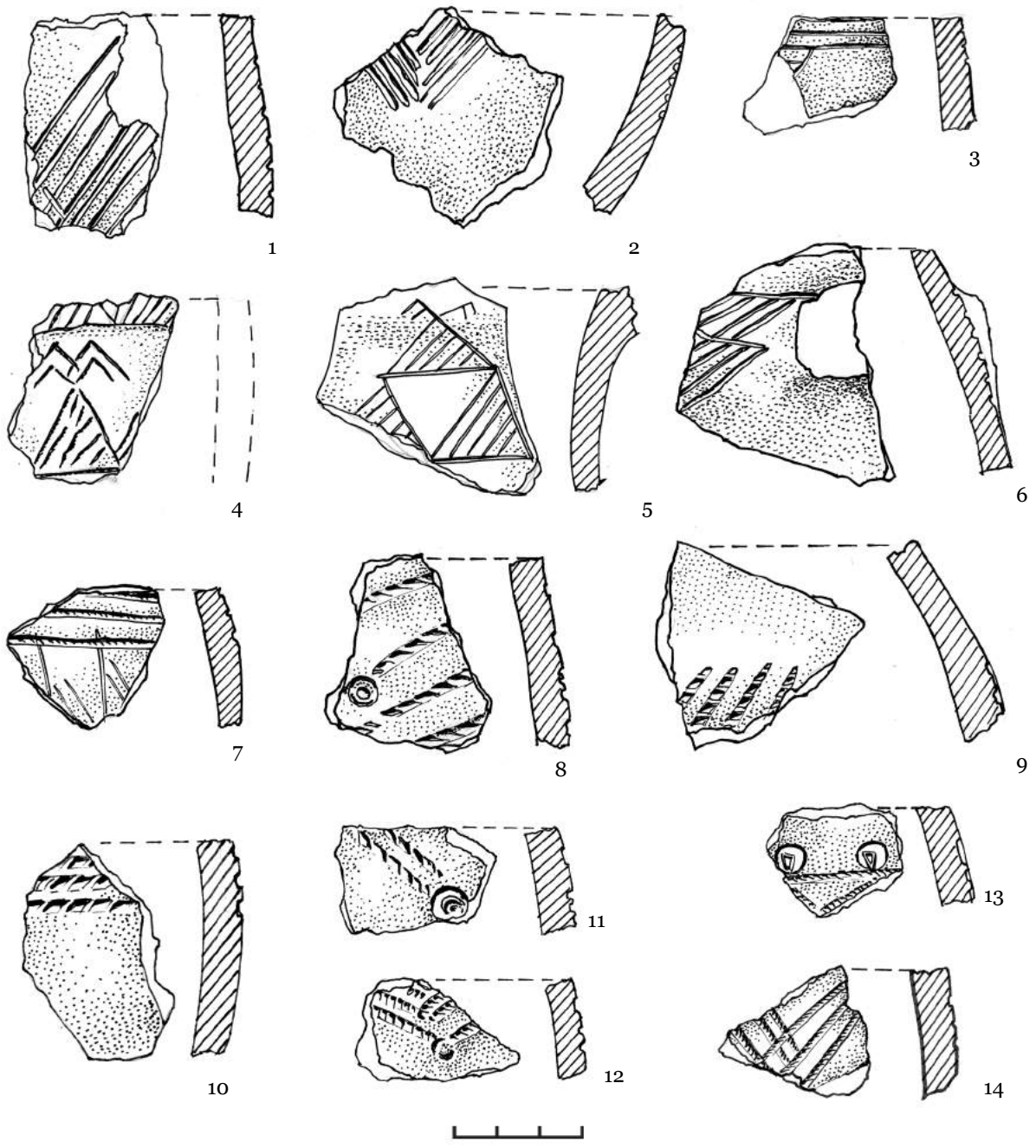


Fig. 16. Ţahnăuţi. Fragmente de oale (4 - după Мельниковская 1954; 5 - după Мелюкова 1982).

Stratigrafie şi cronologie

În urma investigaţiilor arheologice efectuate la aşezarea Ţahnăuţi în anii 1951, 1979, precum a celor recente din 2016-2017 a fost stabilită existenţa a două orizonturi cronologice: cultura Cucuteni, faza A-B1[3] (în special, partea de nord a sitului) şi cultura Cozia-Saharna (cu preponderenţă în partea centrală şi de sud a aşezării). Materialele arheologice descoperite (în special, psalia din corn cu capetele drepte) încadrează cronologic aşezarea de la Ţahnăuţi în intervalul de timp cuprins între a doua jumătate a secolului X a. Chr. şi începutul secolului VIII a. Chr. (Кашуба 2000, 340; 351; рис. XXXIX).

[3] Informaţie oferită de Sergiu Bodean, căruia îi adresăm mulţumiri şi pe această cale.

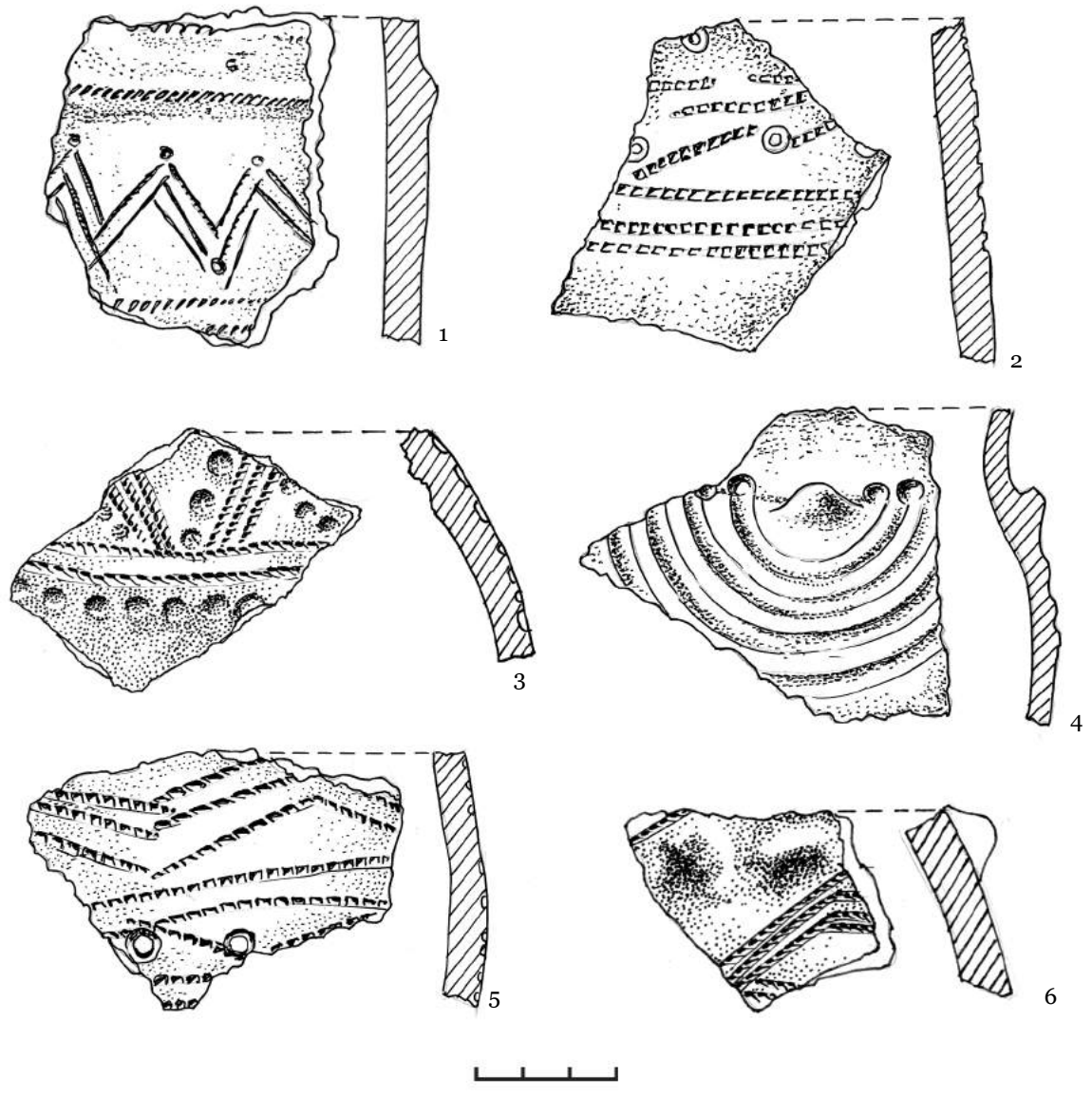


Fig. 17. Ţahnăuţi. Fragmente de oale (1 - după Мельниковская 1954; 2, 4 - după Мелюкова 1982).

Mulţumiri

Acest articol a fost realizat în cadrul Proiectului instituţional 15.817.06.20F „Centre rezidenţiale şi aşezări rurale din silvostepa pruto-nistreană în mileniul I a. Chr. - prima jumătate a mileniului I p. Chr.” (conducător de proiect: prof. univ. Ion Niculiţă). Exprimăm întreaga noastră gratitudine domnului dr. conf. univ. Aurel Zanoci pentru informaţiile despre existenţa materialelor inedite de arhivă şi pentru suportul permanent. Prezentăm sincere mulţumiri domnului dr. hab. Eugen Sava, director general al Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, pentru permisiunea de a studia rapoartele de arhivă şi colecţiile aflate în gestiunea muzeului. De asemenea, mulţumim colegilor de la Agenţia Naţională Arheologică Sergiu Bodean şi Sergiu Popovici pentru materialele din perieghează, precum şi studenţilor de la Facultatea de Istorie şi Filosofie (Universitatea de Stat din Moldova), implicaţi în proiectul de cercetare.

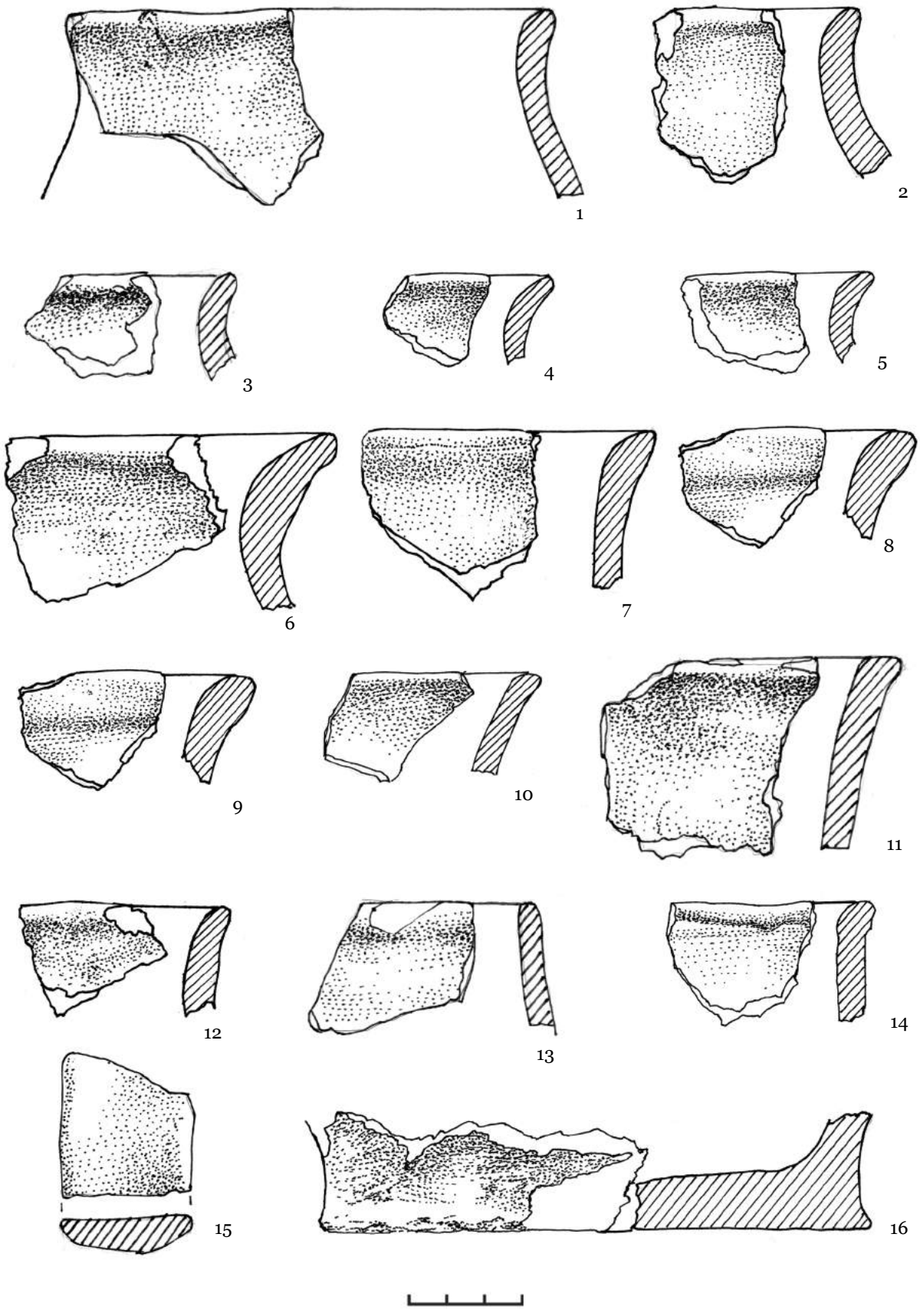


Fig. 18. Ţahnăuţi. Fragmente de oale.

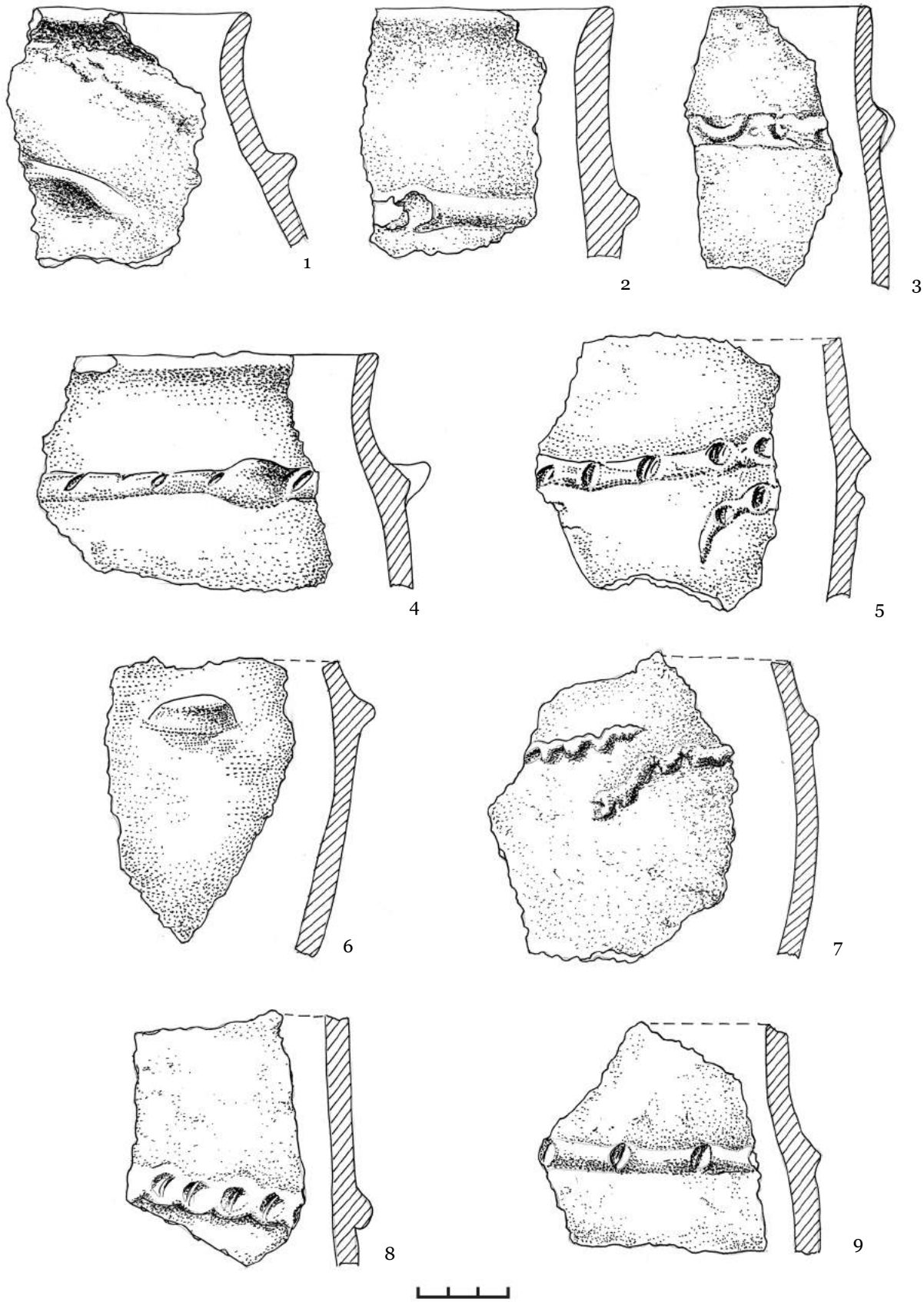


Fig. 19. Ţahnăuţi. Fragmente de oale (1, 2, 7 - după Мельниковская 1954; 3-6, 8, 9 - după Мелюкова 1982).

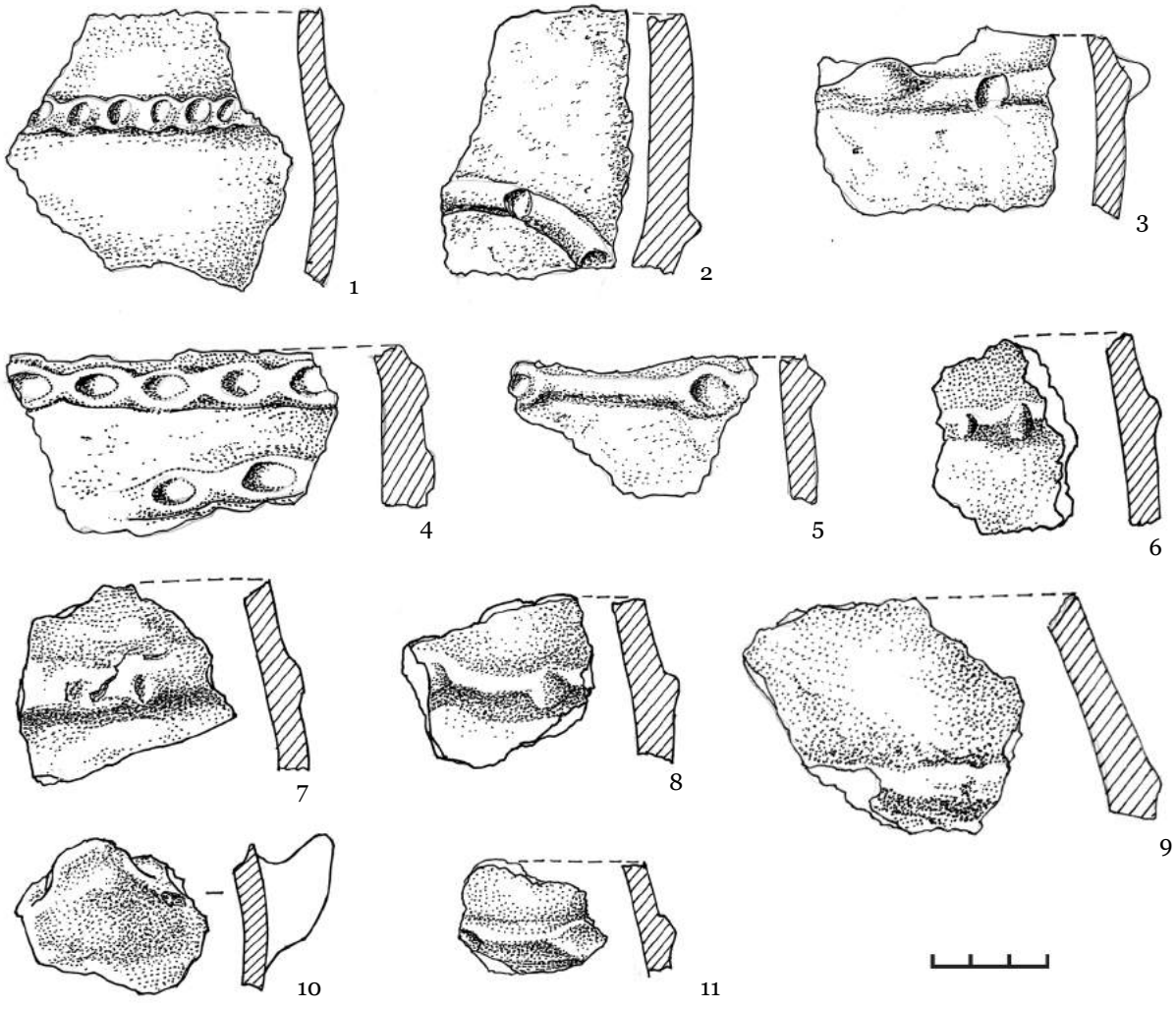


Fig. 20. Ţahnăuţi. Fragmente de oale (1-5 - după Мелюкова 1982).

Catalogul pieselor de inventar

I. Piese din metal

I.1. Lamă de cuţit, fragment (fig. 8/3). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,50 m. Confecţionată din fier. Forma – cu muchia arcuită. H=6,1 cm[4], L=0,5-1,5 cm, Gr=0,15 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/15; Мелюкова 1982, рис. 5/15; Кашуба 2000, рис. XXX/18.

I. 2. Ac pentru păr (fig. 8/1). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,40 m. Confecţionat dintr-o bară de bronz rotundă în secţiune cu D=0,35 cm. Are vârful ascuţit, iar capul este aplatizat şi răsucit lateral. H=7,5 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/14; Мелюкова 1982, рис. 5/14; Кашуба 2000, рис. XXVII/41.

I. 3. Nasture (fig. 8/2). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,50 m. Confecţionat din bronz. Discul are D=1,6 cm. Pe partea interioară este prevăzută cu o tortiţă de fixare. Мелюкова 1979, рис. 15/13; Мелюкова 1982, рис. 5/13.

II. Piese din os şi corn

II.1. Vârf de săgeată (fig. 8/8). Descoperit în 1951. Confecţionat din corn. Formă – romboidală. H=4,7 cm, baza=0,7×0,7 cm. Bucşă de înmănuşare cu D=0,5 cm. Мельниковская 1954, рис. 34/1;

[4] În catalog au fost utilizate următoarele abrevieri: H – lungimea/înălţimea; L – lăţimea; Gr – grosimea; D – diametrul; D_b – diametrul bazei (bazelor); D_{orf} – diametrul orificiului.

Мелюкова 1979, рис. 15/17; Мелюкова 1982, рис. 5/17; Кашуба 2000, рис. XXIX/16.

II.2. Vârf de săgeată, semifabricat (fig. 8/7). Secţiunea 1/1979, adâncimea 04-0,5 m. Formă – quasiromboidală. H=5 cm, baza=1,6×1,4 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/3; Мелюкова 1982, рис. 5/3; Кашуба 2000, рис. XXIX/8.

II.3. Vârf de săgeată, semifabricat (fig. 8/9). Secţiunea 1/1979, adâncimea 04-0,5 m. Formă – romboidală. H=4,5 cm, baza=0,8×0,8 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/2; Мелюкова 1982, рис. 5/2; Кашуба 2000, рис. XXIX/7.

II.4. Pandantiv, fragment (fig. 8/10). Secţiunea 2/1979, adâncimea – nu sunt date. Confecţionat din os. S-a păstrat cu H=3,6 cm. Este prevăzut cu un orificiu cu D=0,3 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/1; Мелюкова 1982, рис. 5/1; Кашуба 2000, рис. XXVII/10.

II.5. Psalie, fragment (fig. 8/5). Secţiunea 1/1951. Provine dintr-o groapă. Confecţionată din corn. Tipul – cu capetele drepte. H_{max}=7,5 cm. Piesa prezintă două perforaţii ovale cu D=1,4×0,5 cm. Мельниковская 1954, рис. 34/3; Мелюкова 1979, рис. 15/19; Мелюкова 1982, рис. 5/19; Кашуба 2000, рис. XXX/4.

II.6. Psalie, fragment (fig. 8/6). Secţiunea 1/1951. Confecţionată din corn. Tipul – cu capetele drepte. H_{max}=5 cm. Piesa prezintă două perforaţii ovale, una cu D=1,0×0,7 cm, cea de a doua păstrându-se fragmentar. Мельниковская 1954, рис. 34/2; Мелюкова 1979, рис. 15/20; Мелюкова 1982, рис. 5/20; Кашуба 2000, рис. XXX/3.

III. Piese din piatră

III.1. Lamă (fig. 8/4). Descoperită, probabil, în anul 1979. Confecţionată din silex. H=5,1 cm, L_{max}=2,7 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/16; Мелюкова 1982, рис. 5/16.

IV. Piese din lut

IV.1. Figurină antropomorfă (fig. 6/1). Descoperire fortuită (1951). Nu dispunem de date despre morfologia piesei. Piesa este decorată, atât pe partea frontală, cât şi pe cea dorsală, cu incizii şi împunsături. H=7,9 cm, L_{max}=4,2 cm, Gr=0,5-1,1 cm. Мельниковская 1954, рис. 33/1; Кашуба 2000, рис. XXXIII/12.

IV.2. Figurină antropomorfă (fig. 6/2). Descoperire fortuită (1951). Nu dispunem de date despre morfologia piesei. Partea frontală a piesei este decorată cu incizii şi împunsături. H=9,1 cm, L_{max}=3,5 cm, Gr=0,4-1,7 cm. Мельниковская 1954, рис. 33/2; Кашуба 2000, рис. XXXIII/13.

IV.3. Figurină antropomorfă, fragment (fig. 6/7). Descoperire fortuită (1951). Nu dispunem de date despre morfologia piesei. Fragmentul provine de la mijlocul figurinei. Pe partea frontală este prevăzută cu incizii şi împunsături. H=5,5 cm, L_{max}=4,2 cm, Gr=1,2-1,5 cm. Мельниковская 1954, рис. 33/6; Кашуба 2000, рис. XXXIII/10.

IV.4. Figurină antropomorfă, fragment (fig. 6/3). Descoperire fortuită (1951). Fragmentul provine din partea de sus a figurinei. Pe partea frontală este ornamentată cu împusături şi incizii, iar pe cea dorsală - cu incizii. Nu dispunem de date despre morfologia piesei. H=2,9 cm, L_{max}=3 cm, Gr=0,5-0,9 cm. Мельниковская 1954, рис. 33/5; Кашуба 2000, рис. XXXIII/3.

IV.5. Figurină antropomorfă, fragment (fig. 6/5). Descoperire fortuită (1951). Nu dispunem de date despre morfologia piesei. Fragmentul provine din partea de jos a figurinei. Ca şi piesa precedentă, figurina este ornamentată, pe partea frontală, cu împusături şi incizii, iar pe cea dorsală - cu incizii. H=4,5 cm, L_{max}=3,8 cm, Gr=0,7-1,2 cm. Мельниковская 1954, рис. 33/7; Кашуба 2000, рис. XXXIII/9.

IV.6. Figurină antropomorfă, fragment (fig. 6/4). Descoperire fortuită (1951). Nu dispunem de date despre morfologia piesei. Fragmentul provine din partea de sus a figurinei. Pe partea frontală este ornamentată cu împusături şi incizii, iar pe cea dorsală - cu incizii. H=2 cm, L_{max}=2,9 cm. Мельниковская 1954, рис. 33/3; Кашуба 2000, рис. XXXIII/8.

IV.7. Figurină antropomorfă, fragment (fig. 6/6). Descoperire fortuită (1951). Nu dispunem de date despre morfologia piesei. Fragmentul provine din partea de jos a figurinei. Este decorată cu incizii. H=1,8 cm, L_{max}=3 cm. Мельниковская 1954, рис. 33/4; Кашуба 2000, рис. XXXIII/5.

IV.8. Figurină antropomorfă (fig. 6/8). Descoperire fortuită (1951). Nu dispunem de date despre morfologia piesei. Capul este bine evidenţiat. Nasul, urechile şi bărbia au fost modelate prin apăsarea cu degetele din ambele părţi. Ochii sunt redaţi prin împunsături. Mâinile şi picioarele sunt depărtate de trunchi. H=5 cm, L_{max}=3,7 cm, Gr=0,6-1,8 cm. Мельниковская 1954, рис. 36/1.

IV.9. Figurină zoomorfă (fig. 7/1). Cercetări 1951. Nu dispunem de date despre morfologia piesei.

Piesa reprezintă corpul unei cabaline. Capul este evidenţiat, coama fiind redată prin intermediul unor mici adâncituri. Coada şi picioarele sunt fracturate. H=6cm, L_{max}=3,5 cm Мельниковская 1954, рис. 36/3; Кашуба 2000, рис. XXXIII/6.

IV.10. Ştanţă, fragment (fig. 7/2). Descoperire fortuită (1951). Nu dispunem de date despre morfologia piesei. Piesa reprezintă o matrice în formă de semilună cu capătul tronconic, prevăzut pentru imprimarea cerculeţelor. Pe margine a fost tăiat un şir de crestături, cu ajutorul cărora era realizat un decor de tipul pseudo-şnurului. H=5,5 cm, L_{max}=2,2 cm. Мельниковская 1954, рис. 36/2; Мелюкова 1979, рис. 15/18; Мелюкова 1982, рис. 5/18.

IV.11. Ştanţă, fragment (fig. 7/3). Secţiunea 2/1979, şanţul nr. 1, adâncimea 0,2 m de la gura şanţului. Confecţionată din pastă fină de lut în amestec cu nisip. Arderea incompletă şi uniformă, culoarea fiind cenuşie. Piesa reprezintă o matrice în formă de semilună. Partea activă este prevăzută cu un şir de crestături, cu ajutorul cărora era realizat un decor de tipul pseudo-şnurului. H=5 cm, L_{max}=2,1 cm, Gr=0,7. Мелюкова 1979, рис. 15/4; Мелюкова 1982, рис. 5/4.

IV.12. Pintaderă (fig. 7/4). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,15-0,45 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – conică. H=1,1 cm, D_b = 1,7 cm. Piesa este decorată cu împunsături dispuse în formă de „X”. Мелюкова 1979, рис. 15/5; Мелюкова 1982, рис. 5/5.

IV.13. Pintaderă (fig. 7/5). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,15-0,45 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – conică. H=1,0 cm, D_b = 1,7 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/6; Мелюкова 1982, рис. 5/6.

IV.14. Pintaderă (fig. 7/6). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,15-0,45 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – conică. H=1,2 cm, D_b = 2,2 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/7; Мелюкова 1982, рис. 5/7.

IV.15. Pintaderă, fragment (fig. 7/7). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – conică. H=1,2 cm, D_b = 2,6 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/8; Мелюкова 1982, рис. 5/8.

IV.16. Fusaiolă (fig. 7/11). Secţiunea 2/1979, groapa nr. 2/2/1979 (?). Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=1,5 cm, D_b = 0,8 cm, D_{max}=3,2 cm, D_{orf}=0,4 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/9; Мелюкова 1982, рис. 5/9.

IV.17. Fusaiolă (fig. 7/12). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,15-0,60 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=1,8 cm, D_b = 0,7 cm, D_{max}=2,6 cm, D_{orf}=0,5 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/10; Мелюкова 1982, рис. 5/10.

IV.18. Fusaiolă (fig. 7/13). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,15-0,60 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=2,7 cm, D_b = 1,8 cm, D_{max}=4,3 cm, D_{orf}=0,9 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/12; Мелюкова 1982, рис. 5/12.

IV.19. Fusaiolă (fig. 7/14). Secţiunea 2/1979, adâncimea 0,15-0,60 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=2,5 cm, D_b = 1,4 cm, D_{max}=4,1 cm, D_{orf}=0,7 cm. Мелюкова 1979, рис. 15/11; Мелюкова 1982, рис. 5/11.

IV.20. Fusaiolă (fig. 7/9). Descoperire fortuită (2016). Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – bitronconică. Este decorată cu linii incizate. H=2,1 cm, D_b = 0,8 cm, D_{max}=2,6 cm, D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

IV.21. Fusaiolă (fig. 7/10). Descoperire fortuită (2016). Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=3,3 cm, D_b = 2,5 cm, D_{max}=5,1 cm, D_{orf}=1,2 cm. Inedit.

IV.22. Bilă (fig. 7/8). Descoperire fortuită (2016). Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cenuşiu la cafeniu. Forma – sferică. D=2,5 cm. Inedit.

Bibliografie

Ailincăi, Mihail 2010: S. Ailincăi, F. Mihail, Psalii din corn descoperite în aşezări ale culturii Babadag din nordul Dobrogei. Studii de Preistorie 7, 2010, 189-200.

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti 2000).

Kašuba 2014: M. Kaşuba, Necropola Saharna I (Ţiglău) şi locul ei în studierea practicilor funerare ale comunităţilor culturii Saharna (în baza rezultatelor cercetărilor efectuate de G.D. Smirnov şi G.P. Sergheev în anul 1950). In: I. Niculiţă, A. Nicic, Aşezarea şi necropola din prima epocă a fierului Saharna-Ţiglău (Chişinău 2014), 127-156, 399-422.

László 1995: A. László, Statuetele antropomorfe ale culturii Gáva-Holihrady. Memoria Antiqvitatis XX, 85-97.

Niculiţă, Nicic 2014: I. Niculiţă, A. Nicic, Aşezarea şi necropola din prima epocă a fierului Saharna-Ţiglău (Chişinău 2014).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău 2016).

Sîrbu 2014: M. Sîrbu, Piese de bronz descoperite în aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul Pruto-Nistrean. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 185-202.

Zanoci, Niculiţă, Băţ 2016: A. Zanoci, I. Niculiţă, M. Băţ, Situri fortificate din microzona Ţahnăuţi - Ţareuca - Rezina. In: Sesiunea ştiinţifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală şi Arheologie (13 mai 2016, Chişinău), Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2016), 21-22.

Гольцева, Кашуба 1995: Н. Гольцева, М. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).

Кашуба 2000: М. Кашуба, Ранее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Малеев 1992: Ю. Малеев, Култова халщатска пластика от лесо-степното Поднестровие. Археология 2, 1992, 13-24.

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА 64, 1958, 5-102.

Мелюкова 1979: А.И. Мелюкова, Отчет о работе Западно-Скифской экспедиции в 1979 г. Arhiva Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, inv. nr. 144.

Мелюкова 1982: А.И. Мелюкова, Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончены в Молдавии. КСИА 170, 3-12.

Мелюкова 1989: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной зоне. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. В: Археология СССР (Москва 1989), 16-29.

Мельниковская 1954: О.Н. Мельниковская, Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. КСИИМК 56, 69-75.

Федоров 1951: Г.В. Федоров, Отчет о работе Славяно-Днестровской экспедиции ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР за 1951 год. Arhiva Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, inv. nr. 495.

Early Iron Age settlement in Ţahnăuţi, Rezina District

Keywords: the Early Iron Age, the Cozia-Saharna culture, the Middle Dniester Region, settlement, anthropomorphic figurines.

Abstract: The site (47° 43.652'N, 28° 53.517'E) is located to the right of the R13 national road, 1.3 km southeast of Ţahnăuţi village and is situated on a slope slightly inclined to the southwest, on the edge of the forest. The settlement has an oval shape with the dimensions of about 100×300 m. It was discovered in 1951 by the Slavic-Dniester Expedition of the Institute of History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences led by G.B. Fyodorov. In the same year, O.N. Melnikovskaya performs two small-scale surveys (10×4 m and 4×4 m) on the site, the results of which were published in 1954. In 1979 the investigations were resumed by A.I. Melyukova, two excavations were carried out with a total area of 133 sq.m. As a result of archaeological research, several complexes (five pits and a ditch) were discovered, as well as numerous archaeological finds attributed by the author to the Saharna-Solonceni culture. The finds from this settlement have been repeatedly published (Мелюкова 1982; Мелюкова 1989; Кашуба 2000, etc.), but the complexes discovered in Ţahnăuţi remain unpublished. In 2016-2017, with the aim of localizing (GPS) and checking the state of the site, the staff of the Research Laboratory for Thracology of the

Moldova State University carried out a number of field investigations in the microzone. As a result, many fragments of ceramics attributed to the Cozia-Saharna culture were collected. It has also been established that the settlement is located to the southeast of Ţahnăuţi, but not to the northeast, as it appears in previous publications.

List of illustrations:

Fig. 1. Ţahnăuţi. 1 - Location of the site; 2 - topographic map; 3 - orthofotomap (after Google Earth Pro); 4 - topographic outline (after Мелюкова 1979); 4 - orthofotomap with the mark of the ditch (after https://www.moldova-map.md/).

Fig. 2. The settlement from Ţahnăuţi. View of the site from the south-east (2016 photo).

Fig. 3. Ţahnăuţi. 1 - Plan and profile of excavation 1/1979 (conventional signs: a) modern ground surface; b) plowed soil; c) black earth; d) ash; e) fragments of burned wood; f) stones; g) pit contour; h) sterile layer); 2 - view of the excavation from the north; 3 - pit no. 1/1/1979 (after Мелюкова 1979).

Fig. 4. Ţahnăuţi. Plan and profile of excavation 2/1979 (conventional signs: a) modern ground surface; b) plowed soil; c) black earth; d) ashen soil / "ash lens"; e) ash; f) clay coating / rammed clay platform; g) fragments of burned wood; h) contour of pits; i) the ditch boundary; j) sterile layer) (after Мелюкова 1979).

Fig. 5. Ţahnăuţi. Excavation 2/1979: 1 - pit no. 1/2/1979; 2 - pit no. 2/2/1979; 3, 4 - moments of excavations; 5 - view of the ditch from the south-west; 6 - view of excavation from the south (after Мелюкова 1979);

Fig. 6. Ţahnăuţi. Anthropomorphic figurines (after Мельниковская 1954).

Fig. 7. Ţahnăuţi. Clay objects (1, 2 - after Мельниковская 1954; 3-7, 11-14 - after Мелюкова 1982).

Fig. 8. Ţahnăuţi. Objects made of bronze (1, 2), iron (3), flint (4), bone (10), and horn (5-9) (5, 6, 8 - after Мельниковская 1954; 1-4, 7, 9, 10 - after Мелюкова 1982).

Fig. 9. Ţahnăuţi. Fragments of pyxides and miniature vessels (1-5 - after Мелюкова 1982).

Fig. 10. Ţahnăuţi. Fragments of cups and bowls (1-6, 8, 9 - after Мелюкова 1982).

Fig. 11. Ţahnăuţi. Fragments of cups and bowls (1-6, 8-10 - after Мелюкова 1982).

Fig. 12. Ţahnăuţi. Fragments of cups and bowls (8 - after Мельниковская 1954; 5, 6, 9, 12, 13, 16-18 - after Мелюкова 1982).

Fig. 13. Ţahnăuţi. Fragments of bowls (after Мелюкова 1982).

Fig. 14. Ţahnăuţi. Fragments of bowls (2, 5 - after Мельниковская 1954).

Fig. 15. Ţahnăuţi. Fragments of pots (3-10 - after Мелюкова 1982).

Fig. 16. Ţahnăuţi. Fragments of pots (4 - after Мельниковская 1954; 5 - after Мелюкова 1982).

Fig. 17. Ţahnăuţi. Fragments of pots (1 - after Мельниковская 1954; 2, 4 - after Мелюкова 1982).

Fig. 18. Ţahnăuţi. Fragments of pots.

Fig. 19. Ţahnăuţi. Fragments of pots (1, 2, 7 - after Мельниковская 1954; 3-6, 8, 9 - after Мелюкова 1982).

Fig. 20. Ţahnăuţi. Fragments of pots (1-5 - after Мелюкова 1982).

Поселение раннего железного века в селе Цахнэуць Резинского района

Ключевые слова: ранний железный век, культура Козия-Сахарна, Среднее Поднестровье, поселение, антропоморфная пластика.

Резюме: Памятник (47° 43.652'N, 28° 53.517'E) расположен справа от национальной дороги R13, в 1,3 км к юго-востоку от села Цахнэуць, на небольшом юго-западном склоне, на краю леса. Поселение овальной формы, размерами приблизительно 100×300 м. Оно было обнаружено в 1951 г. Славяно-днестровской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством Г.Б. Федорова. В том же году О.Н. Мельниковская провела здесь две маломасштабные археологические разведки (10×4 м и 4×4 м), результаты которых были опубликованы в 1954 г. В 1979 г. исследования были возобновлены А.И. Мелюковой, было произведено два раскопа общей площадью 133 кв.м. В результате археологических исследований было обнаружено несколько комплексов (пять ям и один ров), а также богатый археологический инвентарь, отнесенный автором к культуре Сахарна-Солончень. Если инвентарь этого поселения был опубликован несколько раз (Мелюкова 1982; Мелюкова 1989; Кашуба 2000 и др.), то комплексы, обнаруженные в Цахнэуць, остаются неопубликованными. В 2016-2017 гг., с целью локализации (GPS) и проверки состояния памятника, сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Фракология» Государственного университета Молдовы произвели ряд полевых исследований в микрозоне. В результате было собрано множество фрагментов керамики, относящихся к культуре Козия-Сахарна. Кроме того, было установлено, что поселение находится к юго-востоку от села Цахнэуць, а не к северо-востоку, как было указано в предыдущих публикациях.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Цахнэуць. 1 – Расположение памятника; 2 - топографическая карта; 3 - ортофотоплан (Google Earth Pro); 4 - топографический набросок (Мелюкова, 1979); 4 - ортофотоплан с обозначением рва (https://www.moldova-map.md/).

Рис. 2. Поселение Цахнэуць. Вид памятника с юго-востока (фотография 2016 г.).

Рис. 3. Цахнэуць. 1 - План и профиль раскопа 1/1979 (условные знаки: a) современная дневная поверхность; b) вспаханная почва; c) чернозем; d) зола; e) фрагменты обгоревшей древесины; f) камни; g) контур ямы; h) стерильный слой); 2 – вид раскопа с северной стороны; 3 – яма № 1/1/1979 (Мелюкова 1979).

Рис. 4. Цахнэуць. План и профиль раскопа 2/1979 (условные знаки: a) современная дневная поверхность; b) вспаханная почва; c) чернозем; d) золистая почва/ «зольник»; e) зола; f) обмазка / платформа из утрамбованной глины; g) фрагменты обгоревшей древесины; h) контур ям; i) граница рва; j) стерильный слой) (Мелюкова 1979).

Рис. 5. Цахнэуць. Раскоп 2/1979: 1 - яма № 1/2/1979; 2 - яма № 2/2/1979; 3, 4 - моменты раскопок; 5 - вид рва с юго-запада; 6 – вид раскопа с юга (Мелюкова 1979);

Рис. 6. Цахнэуць. Антропоморфные статуэтки (Мельниковская 1954).

Рис. 7. Цахнэуць. Глиняные предметы (1, 2 - Мельниковская 1954; 3-7, 11-14 - Мелюкова 1982).

Рис. 8. Цахнэуць. Предметы из бронзы (1, 2), железа (3), кремня (4), кости (10) и рога (5-9) (5, 6, 8 - Мельниковская 1954; 1-4, 7, 9, 10 - Мелюкова 1982).

Рис. 9. Цахнэуць. Фрагменты пиксид и миниатюрные сосудики (1-5 - Мелюкова 1982).

Рис. 10. Цахнэуць. Фрагменты кружек и чаш (1-6, 8, 9 - Мелюкова 1982).

Рис. 11. Цахнэуць. Фрагменты кружек и чаш (1-6, 8-10 - Мелюкова 1982).

Рис. 12. Цахнэуць. Фрагменты кружек и чаш (8 - Мельниковская 1954 г.; 5, 6, 9, 12, 13, 16-18 - Мелюкова 1982).

Рис. 13. Цахнэуць. Фрагменты мисок (Мелюкова 1982).

Рис. 14. Цахнэуць. Фрагменты мисок (2, 5 - Мельниковская 1954).

Рис. 15. Цахнэуць. Фрагменты горшков (3-10 - Мелюкова 1982).

Рис. 16. Цахнэуць. Фрагменты горшков (4 - Мельниковская 1954; 5 - Мелюкова 1982).

Рис. 17. Цахнэуць. Фрагменты горшков (1 - Мельниковская 1954; 2, 4 - Мелюкова 1982).

Рис. 18. Цахнэуць. Фрагменты горшков.

Рис. 19. Цахнэуць. Фрагменты горшков (1, 2, 7 - Мельниковская 1954; 3-6, 8, 9 - Мелюкова 1982).

Рис. 20. Цахнэуць. Фрагменты горшков (1-5 - Мелюкова 1982).

28.07.2017

Mihail Băţ, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: mb_usm@yahoo.com

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ РУДЬ XX (раскопки 1982 г.)

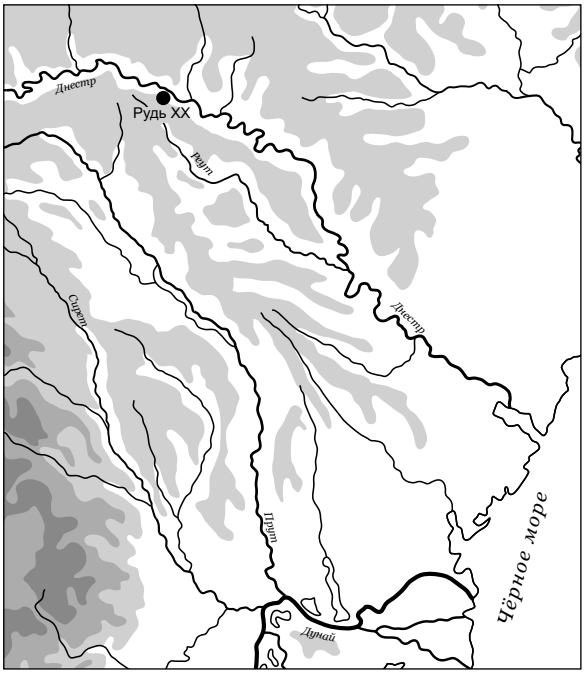
Иван Власенко

Ключевые слова: бассейн Днестра, железный век, средневековье, крематорий, печь-каменка, железные изделия.

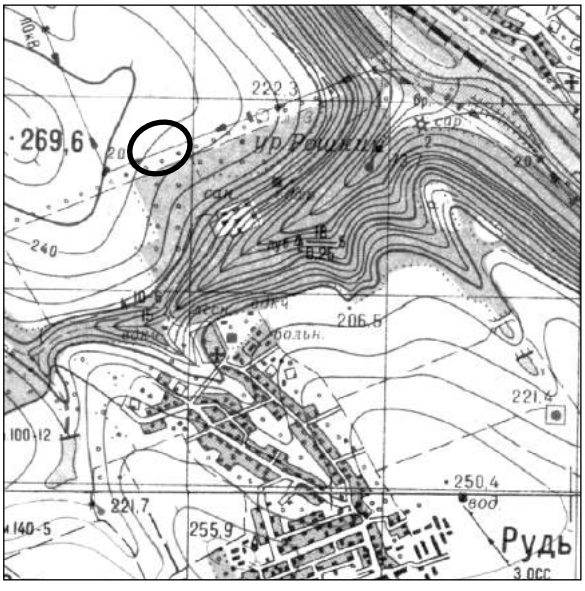
Среди новых средневековых археологических памятников в конце 70-х годов XX века внимание исследователей привлекло поселение Рудь XX, обнаруженное автором возле с. Рудь в зоне посадки Дондюшанского межколхозного сада (Власенко, Сорокин 1982, 188; Свод памятников 1987, 222; Sava et al. 1995, 287). На поселении выявлены ярко выраженные следы железоделательного производства. Площадь памятника была буквально насыщена железными шлаками.

Поселение Рудь XX расположено в 500 м к северо-западу от церкви с. Рудь Сорокского района, в 250 м к юго-западу от монастыря Святой Троицы, на левом, повышающемся к западу склоне каньона Рошкана, по дну которого протекает ручей, впадающий в Днестр (рис. 1/1, 2). На правом берегу ручья при его выходе в долину Днестра расположено средневековое городище Рудь «Фарфурия турчаскэ». Через поселение, примерно с юга на север, проходит высоковольтная ЛЭП. Нижняя (восточная) часть памятника изобилует выходами грунтовых вод. Площадь поселения ежегодно распахивается под сельскохозяйственные культуры, а в 1979 г. была подвергнута плантажной вспашке.

В 1980 г. стационарные раскопочные работы на поселении были проведены Славянской археологической экспедицией под руководством В.С. Бейлекчи (Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1981; Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1983, 171-183). В двух раскопах общей площадью 832 м², заложенных между двумя небольшими ложбинками в центральной, слегка возвышенной части поселения, исследованы две полуземлянки с печами-каменками, пять



1



2

Рис. 1. Расположение поселения Рудь XX: 1 - на географической карте; 2 - на топографической карте.

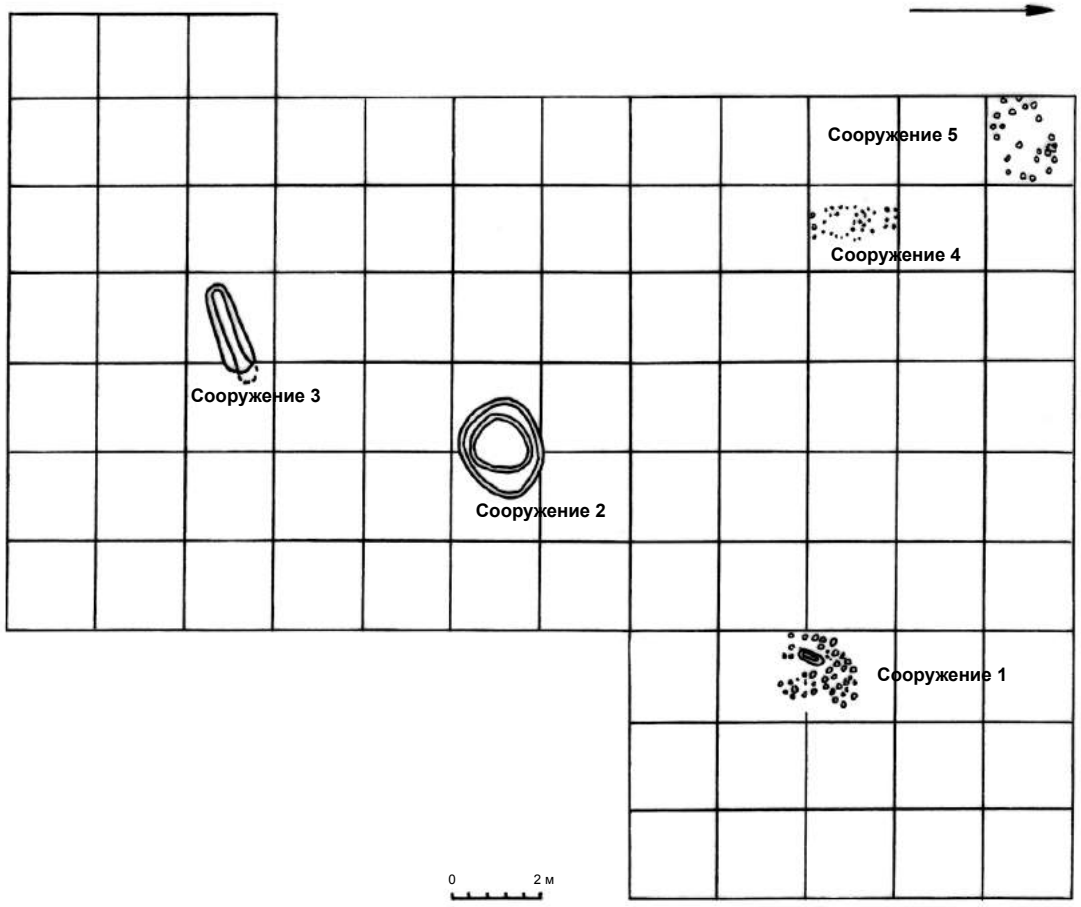


Рис. 2. Поселение Рудь XX. План донной части раскопа.

домниц для выплавки железа, яма для обогащения железной руды, а также собрано 57,7 кг железного шлака. Получены коллекции раннеславянской (VI-IX вв.) и древнерусской (X-XI вв.) керамики. Поселение в целом отнесено к раннеславянскому культурно-хронологическому горизонту, хотя сооружения в основном датируются VIII-IX вв. Кроме того, на поселении в небольшом количестве найдена керамика раннего железного века, черняховская и позднемолдавская.

В 1982 г. раскопки на поселении Рудь XX были продолжены Древнерусским отрядом Славяно-молдавской археологической экспедиции. Был заложен раскоп III, являвшийся продолжением раскопов I и II 1980 г. Раскоп восточной частью примыкал к р. I и на 2 м отстоял от р. II (вплотную прирезаться помешала грунтовая дорога местного хозяйственного значения). Длина раскопа с юга на север от 10 до 24 м, ширина от 12 до 18 м. Общая площадь 360 м^2 (рис. 2).

Повышение склона с востока на запад было в основном равномерным и составило 8 м на каждые 10 м. Находки сосредоточены преимущественно в чернозёме, залегавшем до глубины 40-50 см, ниже шёл слой коричневатого суглинка мощностью 10-15 см, глубже переходящего в жёлтую материковую глину. Полосы от плантажного плуга прослеживались на глубине 50-65 см. Промеры глубин производились от современной дневной поверхности. Фиксация сооружений, индивидуальных находок и массового материала производилась по квадратам и пластам. Но так как культурный слой неоднократно нарушался вспашкой, то массовый материал был сведён по пластам. Полученные в результате раскопок материалы позволяют сделать вывод о том, что на данной территории поселения сосредоточены

остатки в основном двух культурно-хронологических горизонтов: раннего железного века и раннесредневекового времени. Кроме того, на поселении в небольшом количестве встречаются находки предшествующего, промежуточного и более позднего периода.

К находкам древнекаменного века относится подтреугольный фрагмент кремнёвого листовидного патинизированного наконечника копья, на одной грани которого сохранилась ретушь и слабая заполировка, а на другой (обломанной в древности) видны лишь слабые следы заполировки. Длина 2,5 см, ширина около 3,5 см, толщина 0,6 см. Подобный, более целый наконечник был найден на этом же поселении в 1980 г. (Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1983, 176, рис. II/8). Кроме наконечника в раскопе найдено 17 невыразительных патинизированных кремнёвых отщепов. По определению И.А. Борзияка, этот материал относится к позднепалеолитическому времени. Видимо, где-то неподалёку находилась стоянка палеолита.

В раскопе собрано 10 фрагментов гончарной гладкостенной керамики культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, среди которой преобладает сероглиняная.

Древнерусская керамика нашла отражение в описании славянского культурно-хронологического горизонта.

Молдавская позднесредневековая керамика (7 фрагментов) представлена горшками красного или желтоватого цвета, хорошего обжига.

В культурном слое кроме керамики найдены кости животных, разрозненные камни, глиняная обмазка, фрагменты воздуходувных сопел и железный шлак.

Среди остеологического материала преобладают кости домашних животных. На первом месте был крупный и мелкий рогатый скот, затем шли свинья домашняя и лошадь. Из диких животных найдены кости только благородного оленя[1].

Большинство камней (40 мелких и средних размеров) из известняка и песчаника, в небольших количествах встречается сланец и галька, а также найдено несколько фрагментов гранита.

Обмазки собрано около 500 обломков (большинство в верхних пластах). Преобладают мелкие фрагменты. Они либо плотные с примесью песка, либо рыхлые с включением растительных примесей, два фрагмента плитчатые, четыре – с отпечатками прутьев.

Горизонт раннего железного века

К нему относятся около 35 отщепов из серого кремня, индивидуальные находки из кремня и керамики, фрагменты лепной посуды, мелкие обломки эллинистических амфор и сооружение 2 (яма).

Индивидуальные находки:

– кремнёвый скребок на двухгранной пластине серого цвета, ретушью покрыты три стороны. Длина 4,5 см, ширина 1,6-1,7 см, толщина 0,3 см;
– кремнёвый боковой скребок на отщепе серого цвета. На одном из боков прослеживается ретушь. Длина 4,7 см, ширина 3,7 см, толщина 1,5 см;
– фрагмент керамической статуэтки (?) (рис. 3/11) в виде ноги с обломанной верхней частью, в сечении подквадратной формы. Длина 3,5 см, сторона сечения 1,2 см. Тесто без видимых примесей. Обжиг не полный. Поверхность светло-коричневая, в изломе цвет чёрный;
– фрагмент керамической статуэтки (?) (рис. 3/8), по форме напоминает предыдущий, но в сечении имеет круглую форму. Длина 2,3 см, диаметр 0,8 см. Тесто плотное. Обжиг и цвет идентичны обжигу и цвету предыдущего фрагмента.

Керамика раннего железного века

В раскопе найдено 526 фрагментов керамики раннего железного века, 163 фрагмента красноглиняных и 3 фрагмента светлоглиняных эллинистических амфор. Керамика очень фрагментарна и невыразительна, не поддаётся чёткому распределению на столовую и кухонную. По типологическим признакам можно выделить фрагменты горшков, корчаг, кувшинов, мисок, черпаков и миниатюрных сосудов.

Горшки, корчаги, кувшины – наиболее многочисленная группа керамики. Целых форм нет.

[1] Кости животных определил доктор хабилитат биологических наук А.И. Давид.

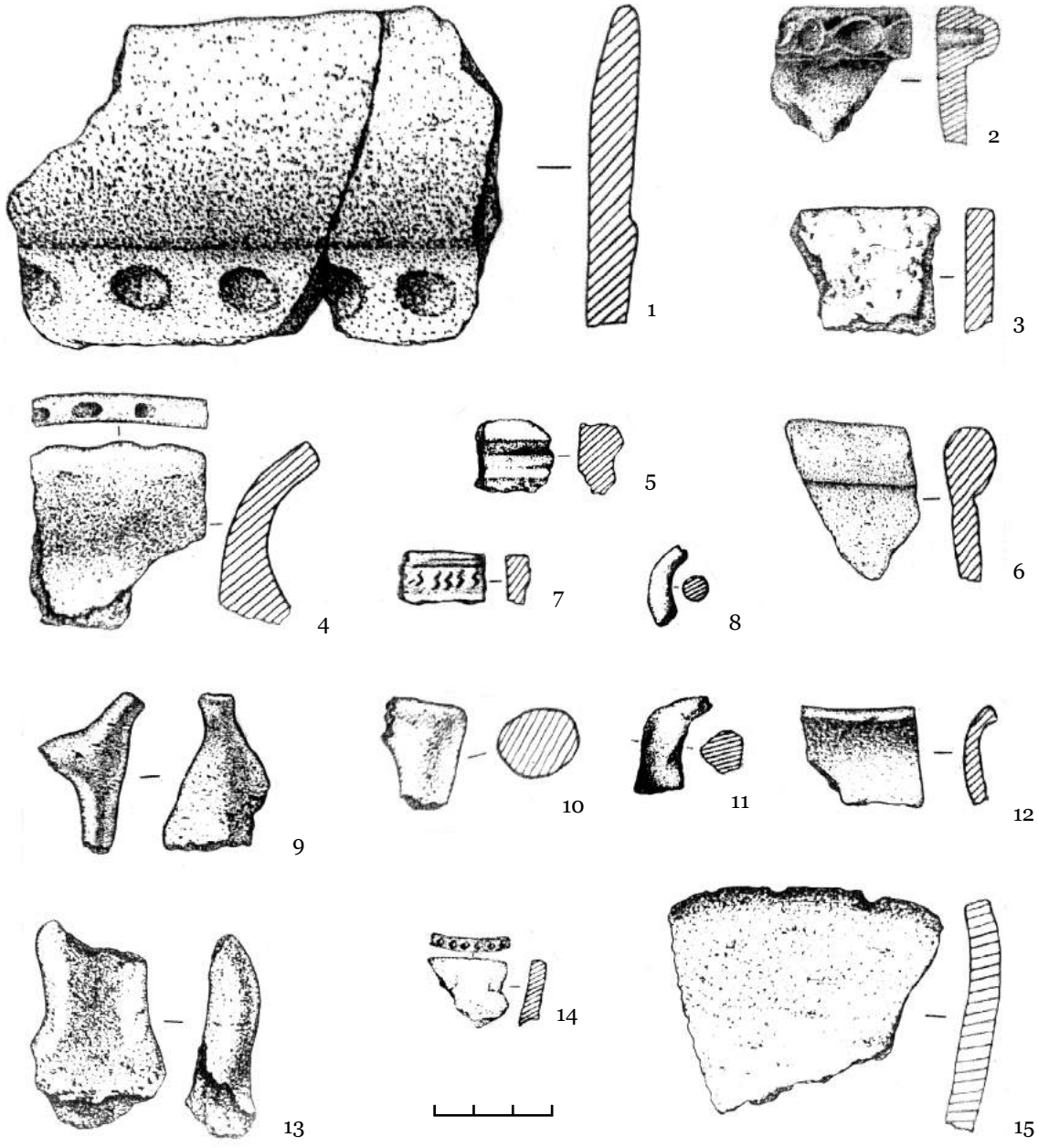


Рис. 3. Поселение Рудь XX. Керамика раннего железного века.

Преобладают фрагменты горшков. Можно лишь отметить, что это были сосуды несквозного обжига, красновато-серого цвета, иногда двухслойные в изломе. В качестве примесей к тесту добавлялся шамот, а иногда песок и мелкая дресва (толчёный гранит). Поверхности черепков шероховаты, иногда несколько заглажены. Толщина стенок 0,6-1,3 см. Венчики сосудов прямые или слегка отклонены наружу, край горизонтально срезан или округлый (рис. 3/1-4). Диаметр по венчику от 12 до 21 см и более. Очень редко сосуды по краю венчика были украшены ямочными вдавлениями (рис. 3/4) или под краем венчика орнаментированы налепными валиками с пальцевыми вдавлениями (рис. 3/1). Иногда на таких валиках с внутренней стороны наносились несквозные проколы (рис. 3/2). Сквозные проколы под венчиком иногда сочетаются с расположенным ниже налепным валиком с пальцевыми вдавлениями.

Редко встречаются ручки-упоры, а также орнамент в виде каннелюр (рис. 3/5). В одном случае найден фрагмент стенки с S-образным штамповым орнаментом (рис. 3/7). Днища сосудов плоские, диаметром от 7 до 18 см. Немногочисленные фрагменты корчаг выделяются лишь по обломкам заглаженных стенок. О наличии в ассортименте посуды кувшинов можно судить лишь по плоским, подовальным в сечении, ручкам (рис. 3/13).

Фрагментов мисок очень мало. Они маловыразительны. Поверхность заглажена. Стенки тоньше, чем у горшков. В тесте мелкий шамот. Обжиг более-менее совершенный. Цвет коричневато-серый. Некоторые миски имели усечённоконическую форму с загнутыми вовнутрь венчиками. Эти сосуды под венчиком иногда орнаментировались сквозными проколами (рис. 3/15).

О черпаках можно судить лишь по нескольким мелким фрагментам венчиков и ручек. Край венчиков у них прямой или несколько отклонён наружу, закруглён и слегка утолщён (рис. 3/12). Черепок тонкостенный, часто мягкий на ощупь. Цвет красноватый с различными оттенками. В тесте шамот, реже мелкая дресва. Поверхность шероховатая или заглажена. Диаметр по венчику около 8-10 см. Ручки овальные либо округлые в сечении, видимо, имели петлевидную форму, на изгибе украшались катушковидным (рис. 3/9) либо реберчатым выступом (рис. 3/10).

Миниатюрные сосуды имели коническую или банковидную форму. Они представлены тремя фрагментами венчиков. Венчики прямые или слегка отклонены внутрь, округлые или срезаны горизонтально. В одном случае край венчика орнаментирован мелкими ямочными вдавлениями (рис. 3/14). Поверхности заглажены. Тесто плотное с примесью мелкого шамота. Обжиг почти полный. Цвет красновато-серый. Диаметр по венчику от 2,5 до 3,5 см. Толщина стенок около 0,5 см.

В раскопе найдено 163 фрагмента красноглиняных и три фрагмента светлоглиняных эллинистических амфор. У красноглиняных амфор преобладают стенки, они очень мелкие, сильно окатаны, толщиной от 0,5 до 0,8 см. В тесте небольшая примесь мелкого песка. Обжиг сквозной, равномерный. Выделяется фрагмент венчика с утолщённым краем (рис. 3/6) (диаметр амфоры по краю венчика около 9,5 см) и четыре фрагмента ручек. Ручки овальные или округлые в сечении.

Лепную керамику по технологическим, орнаментальным и иным признакам очень трудно связать с каким-либо конкретным периодом раннего железного века. Небольшое её количество, выявленное на поселении в 1980 г., было отнесено к гетской культуре. В результате раскопок 1982 г. численность керамики раннего железного века несколько возросла. Несмотря на фрагментарность и невыразительность, в ней, наряду с гетскими чертами (грубое тесто, толстостенность, отсутствие чёткого деления на столовую и кухонную, отсутствие лощения, наличие обломков красноглиняных амфор), проявились признаки, присущие керамике фракийского гальштата (наличие проколов под венчиками сосудов, а также налепных валиков с пальцевыми вдавлениями, иногда пронизанных несквозными или сквозными проколами; наличие катушковидных выступов на перегибе петлевидных ручек черпаков; наличие каннелюр и S-образного штампового орнамента; почти полное отсутствие орнаментальных ручек-упоров; наличие фрагментов конических мисок с загнутыми вовнутрь краями венчиков, иногда пронизанных сквозными проколами).

На наш взгляд, наиболее близкие аналогии эта керамика находит на памятниках так называемой западноподольской группы позднего гальштата, которые датируются VII-VI вв. до н.э. и содержат в материальной культуре как скифские, так и фракийские черты.

Памятники заподноподольской группы расположены преимущественно на территории Украины. Н. Бандривский отмечает, что они выявлены не только в Западной Подолии (Тернопольское плато с прилегающими районами Левобережного Приднестровья), но также в Центральной и частично в Северной Подолии (Хмельницкая и частично Винницкая области), кроме того они встречаются в Северной Буковине и Покутье (Черновицкая и частично Ивано-Франковская области) (Бандрівський 2014, 105).

В результате разведочных работ поселения этого времени были найдены в Поднестровье

на севере Молдовы начиная от с. Наславчи и почти до г. Сорок (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 10; Романовская 1973, 416; Власенко 1985, 200-202).

Горизонт VII-VI вв. до н.э. многослойного городища раннего железного века Рудь «Ла Шанцурь» с 1970 по 1976 год исследовался М.А. Романовской, а с 1996 по 2002 год работы на памятнике проводились М.Е. Ткачуком, И.В. Манзурой и другими. Но, к сожалению, материалы этих раскопок до сих пор не опубликованы. Неподалёку от этого памятника было открыто и частично исследовано в 1993 г. сотрудниками ассоциации Рудь-Метониум новое многослойное городище, содержащее синхронные материалы (Sava et al. 1995, 292-299).

Древности VII-VI(V) вв. до н.э. выявлены в районе Шолдэнешть, на многослойном памятнике Глинжень II (Гольцева, Кашуба 1995, 38-40).

В последние годы О.Г. Левицким был исследован курганный могильник Тринка «Друмул фетештилор» в Единецком районе, датируемый периодом между серединой VII – первой четвертью VI в. до н.э. (Levițchi 2006, 116-131). Автор отмечает, что инвентарь могильника ближе всего к погребальным памятникам западноподольской группы Среднего Поднестровья и содержит элементы как раннескифской культуры, так и культуры позднего фракийского гальштата, при преобладании последней.

Таким образом, анализ немногочисленного массового керамического материала раннего железного века на поселении Рудь XX на данном этапе позволяет предварительно отнести этот культурно-хронологический горизонт к довольно длительному периоду времени – от позднего гальштата (VII-VI вв. до н.э.) до гетской культуры (IV-III вв. до н.э.).

Сооружение №2 (ступенчатая яма) (рис. 2; 4) обнаружено в центральной части раскопа на глубине 80 см. Верхняя часть ямы в плане имела неправильно-овальную форму, вытянута с юго-запада на северо-восток на 200 см, при наибольшей ширине в 180 см. Глубина 14-18 см от уровня обнаружения (95-100 см от современной поверхности). Стенки на 5-10 см скошены к горизонтальному дну. Заполнение состояло из чёрно-серого плотного грунта с вкраплениями мелких древесных углей и керамики.

Нижняя часть ямы меньших размеров, также подовальной формы, ориентирована с юго-запада на северо-восток (с небольшим отклонением к северу). Длина ямы по дну 150 см, наибольшая ширина 120 см, глубина 15 см от уровня обнаружения (110-115 см от современной поверхности). Заполнена нижняя часть ямы плотным интенсивно-чёрным жирным сажистым спёкшимся грунтом, насыщенным древесными углями. В заполнении найдено 16 фрагментов обмазки с растительными примесями (один с отпечатком прута), фрагмент гальки, обломок обожжённой бараньей косточки. Кроме этого в сажистом грунте заполнения встречались мелкие белые порошковидные вкрапления, видимо, остатки сильно пережжённых костей.

Материковое дно ямы было прожжено на глубину 10-12 см до ярко-красного кирпичного цвета. Прожог восточной стенки достигал 10 см, западной – 30 см.

В заполнении верхней части ямы найдено 68 фрагментов керамики раннего железного века, принадлежащих двум сосудам. Фрагменты мелкие, сильно окатаны, что препятствует восстановлению профилей.

К первому сосуду относятся 47 фрагментов (три венчика, 43 стенки, одно днище). Тесто с примесью шамота, на ощупь фрагменты очень мягкие. Обжиг не полный. Поверхность желтовато-серая, пятнистая. В изломе фрагменты одно- или двухслойные. Венчик прямой с утончённым округлым краем. На тулове (на некотором удалении от края венчика) расположен невысокий валик с пальцевыми вдавлениями (рис. 3/1). Диаметр сосуда по венчику 40 см. Днище диаметром около 30 см. Толщина стенок 0,8-1,0 см, дна – 1,5 см. Прилегающая стенка отклонена от плоскости дна на 143°. Высота сосуда не восстанавливается. По всей вероятности, эти фрагменты принадлежат крупному горшку с прямым невыделенным венчиком, широкой горловиной и днищем. Верхняя часть сосуда банковидной формы, нижняя – округлобокая.

Ко второму сосуду относится 21 фрагмент керамики (один венчик, 19 стенок, одна ручка).

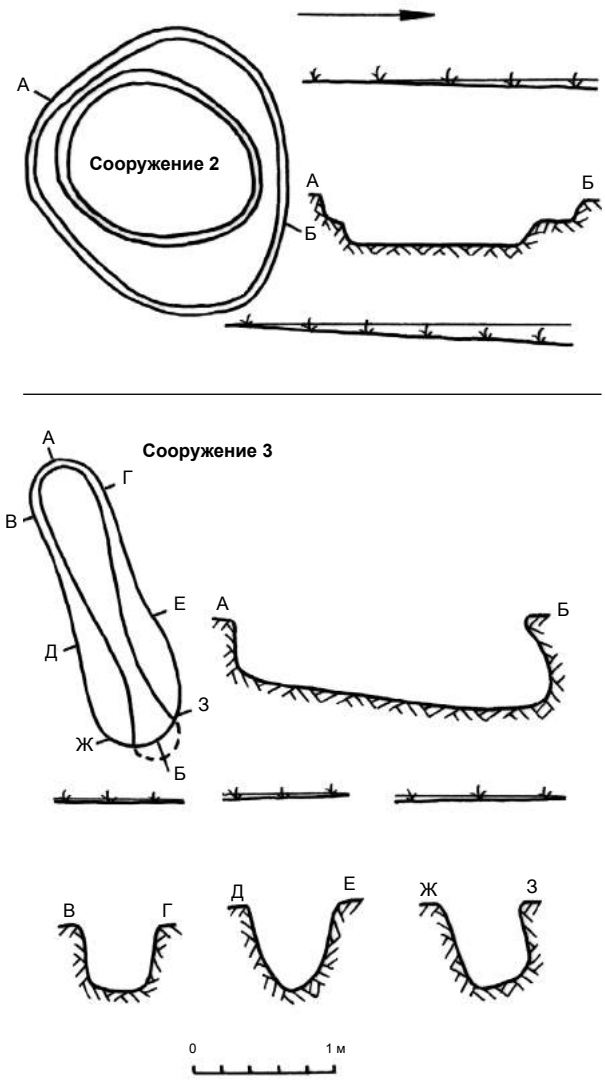


Рис. 4. Поселение Рудь XX. Планы и разрезы сооружений.

Тесто мягкое, плотное, с примесью мелкого шамота. Обжиг полный. Цвет светло-красный. Венчик почти прямой с округлым краем. Диаметр сосуда по венчику не восстанавливается. Толщина стенок 0,6-0,7 см. Сохранившийся небольшой фрагмент округлой в сечении ручки свидетельствует о её петлевидной форме. На перегибе прослеживается реберчатый выступ (рис. 3/10). По всей видимости, данный сосуд относится к черпакам.

Подобная посуда находит аналоги на памятниках гетской культуры и датируется IV-III вв. до н.э. (Moscalu 1983, 411, pl. XIX/1; 452, pl. LX/1, 2).

Слабая насыщенность культурного слоя керамикой раннего железного века свидетельствует о том, что на исследованной площади памятника не было гетского поселения. По всей видимости, это была окраина могильника, расположенного на более возвышенной части плато. А так как гетские погребения совершались путём кремации на стороне, то была выдвинута версия о том, что данное сооружение в виде сильно обожжённой ступенчатой ямы является гетским крематорием, который неоднократно использовался для сожжения покойников (Власенко 2010, 18-20). Расположение крематория в яме на окраине могильника было отмечено А.И. Мелюковой для гальштатского могильника у Шолдэнешть (Мелюкова 1958, 64), а также И.Т. Никулицэ для гетского могильника Ханска «Лутэрия» (Никулицэ 1972, 113-114).

Средневековый культурно-хронологический горизонт

К нему относятся пластовые индивидуальные находки из железа, керамики, кости и камня, 1262 обломка посуды раннесредневекового (VI-IX вв.) и 43 древнерусского (X-XI вв.) времени, три развала печей-каменок, а также остатки металлургического производства – железный шлак, фрагменты керамических сопел и небольшое количество железной руды.

Изделия из железа:

Втульчатый наконечник стрелы (рис. 5/9) по определению А.Ф. Медведева (Медведев 1966, 56-57, таб. 30/3) принадлежит к третьему типу ромбовидных втульчатых. Конец втулки слегка обломан в древности. Длина 7,4 см, длина пера 5 см, наибольшая ширина пера 1,5 см, диаметр втулки 0,8 см. Подобные наконечники характерны для финно-угорских народов. В западных районах они употреблялись славянами с VII-VIII вв. вплоть до XIV в. Но необходимо отметить, что позднее XI в. такие наконечники полностью исчезают у финно-угров, а в западных районах Руси встречаются крайне редко.

Черешковый наконечник стрелы (рис. 5/7) по классификации А.Ф. Медведева (Медведев 1966, 74-75, таб. 30/60) принадлежит к 63 типу лавролистных, с упором для древка и с округлым черешком. Длина 6,9 см, длина пера 4,7 см, ширина пера 1,9 см, диаметр черешка

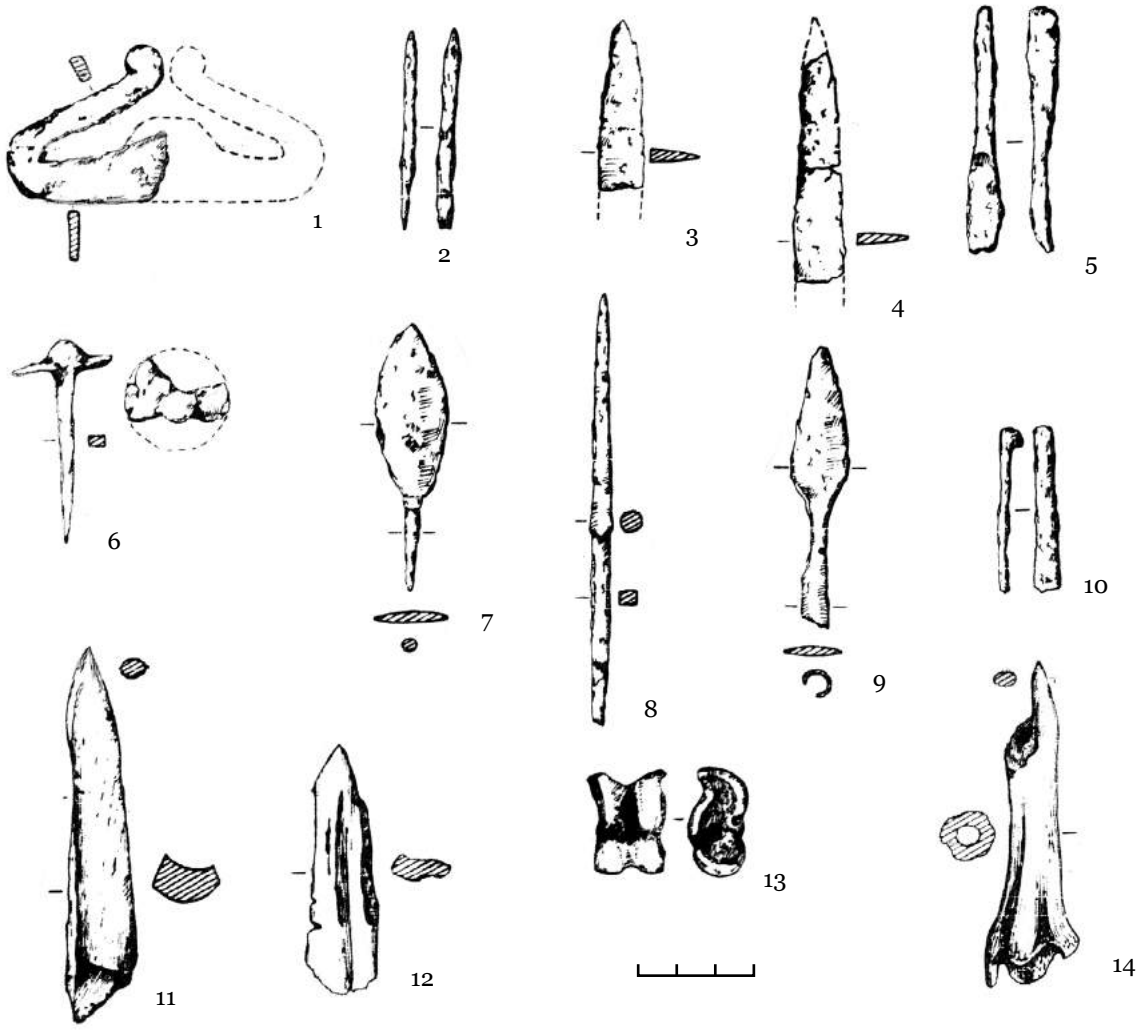


Рис. 5. Поселение Рудь XX. Раннесредневековые изделия из железа и кости.

0,4 см. Такие наконечники стрел в южной полосе Руси распространяются начиная с IX века.

Половинка калачевидного кресала (рис. 5/1) очень коррозирована. Язычок обломан и слабо прослеживается. Длина (в реконструкции) около 8 см, высота около 4 см. Калачевидные кресала с язычком датируются X-XI вв. (Колчин 1959, 103, рис. 83).

Шило (рис. 5/8) в виде штыря длиной 11,5 см. Остриё в сечении округлое, его длина 6,5 см, диаметр 0,2-0,5 см. Рукоять прямоугольная в сечении (0,2-0,3×0,3-0,4 см).

Шило (рис. 5/2) – небольшой округлый стержень с заострённым концом, противоположный, прямоугольный в сечении, конец расклёпан. Длина 5,1 см, диаметр сечения в средней части 0,3 см.

Два фрагмента лезвий ножей (рис. 5/3, 4) представлены кончиками клиновидных в плане и сечении ножей с прямыми спинками. Длина 4,4 см и 6 см, ширина 1,2 см и 1,3 см, толщина 0,3 см и 0,2 см.

Ложковидный предмет (рис. 5/5), подпрямоугольный в плане и сечении. Один конец длиной около 3 см расклёпан, слегка выгнут и обломан. К нему прилипла железная красноватого цвета руда. Другой конец слегка утолщён и закруглён. Длина 6,3 см, сечение концов – 0,4×0,8 и 0,4×0,7 см.

Гвоздь (рис. 5/6), клиновидный в плане, подквадратный в сечении с большой округлой, частично обломанной шляпкой. Длина 5,2 см, сечение у шляпки 0,4×0,7 см, диаметр шляпки 2,5 см.

Предмет (рис. 5/10) представлен прямоугольным в сечении стержнем, расплющенный конец которого обломан в древности, противоположный – слегка утолщён, изогнут и тоже обломан. Длина 4,4 см, ширина 0,4-0,7 см, толщина 0,2-0,3 см.

Пластинки – два небольших тонких плоских фрагмента длиной 2 и 2,8 см, шириной около 2 см.

Индивидуальные находки из обожжённой глины в слое представлены пряслицами, обломками миниатюрных сосудов и фрагментом зооморфной статуэтки.

Среди пряслиц два (целое и половинка) имели биусечённоконическую форму и почти одинаковые размеры (рис. 6/12, 13). Третье пряслице (сохранился фрагмент) было крупным, плоским, колёсиковидной формы (рис. 6/7).

Фрагмент миниатюрного плошкообразного лепного сосуда (рис. 7/4). Бортик имеет округлую форму, край его утончён и закруглён, дно не выделено. Диаметр бортика 6 см, высота 2 см, толщина 1 см. Тесто плотное, мягкое на ощупь, без видимых примесей. Обжиг неравномерный. Цвет красновато-серый. Подобные сосуды найдены на посаде городища Рудь в 1982 г. (Бейлекчи 1986, 112, рис. 8/6).

Фрагмент дна лепного миниатюрного сосуда, имевшего банковидную форму. Высота 2,5 см, диаметр дна 4 см, толщина стенок и дна около 1 см. Тесто плотное, без видимых примесей. Обжиг полный. Цвет красный, поверхность бугристая.

Фрагмент венчика миниатюрного лепного сосуда, по всей видимости, имевшего банковидную форму. Венчик прямой, по его округлому краю нанесены насечки. Диаметр по венчику 5 см, толщина стенки 0,6-0,7 см. Тесто с небольшой примесью мелкого песка. Обжиг полный. Цвет жёлтый. Поверхность бугристая.

Фрагмент зооморфной статуэтки (коня) (рис. 6/2). Сохранилась только голова со слегка выделенной мордой, гривой и толстой шеей. Длина 2,5 см, ширина 1,8 см, толщина 1,5 см. Тесто плотное, мягкое, без примесей. Обжиг полный. Цвет жёлтый.

Костяные изделия, выявленные в культурном слое, представлены проколками, изготовленными из расколотых вдоль больших трубчатых костей крупного рогатого скота с короткими широкими, треугольными в плане, хорошо отполированными остриями. Две проколки целые (рис. 5/ 11, 12) и одна обломанная. Также найдена проколка из трубчатой, с эпифизом, кости мелкого рогатого скота, с овальным в сечении остриём, оформленным на сколе (рис. 5/14).

Каменные находки из культурного слоя представлены сегментовидным фрагментом дисковидного точильного камня, изготовленного из мелкоструктурного песчаника со сработанными плоскостями (диаметр диска 16 см, толщина 3,5 см) (рис. 6/1), фрагментом оселка из подобного песчаника, в сечении имевшего квадратную форму (сработаны все грани) (рис. 6/14), а также тремя фрагментами оселков из пластин зелёного или красноватого сланца, в плане подтреугольной или подпрямоугольной формы, в которых для заточки режущих инструментов использовались боковые грани.

Раннесредневековая керамика

В культурном слое найдено 1236 фрагментов керамики VI-IX вв., а также 26 фрагментов в сооружениях (из них один фрагмент красноглиняной средневековой амфоры). Раннеславянская керамика по классификации И.А. Рафаловича (Рафалович 1972, 135) делится на две хронологические группы – VI-VII вв. и VIII-IX вв., из которых преобладает последняя. В связи с большой фрагментарностью керамического материала при делении керамики по хронологическим группам часто возникали затруднения, исходя из чего в нашей статистике возможны некоторые неточности.

К керамике I-ой хронологической группы относятся 363 фрагмента горшков. Целых форм этих сосудов не выявлено. Можно лишь отметить, что венчики с округлым утончённым краем у них были отогнуты или отклонены наружу (рис. 7/9). Орнамент либо отсутствует полностью, либо горшки изредка украшались по краю венчика насечками, реже ногтевыми или пальцевыми вдавлениями. На стенках орнамент встречается ещё реже, в виде одиночных волн. Возможно, что часть орнаментированной керамики относится к переходному периоду между двумя хронологическими группами, то есть к VII-VIII вв. Диаметр горшков

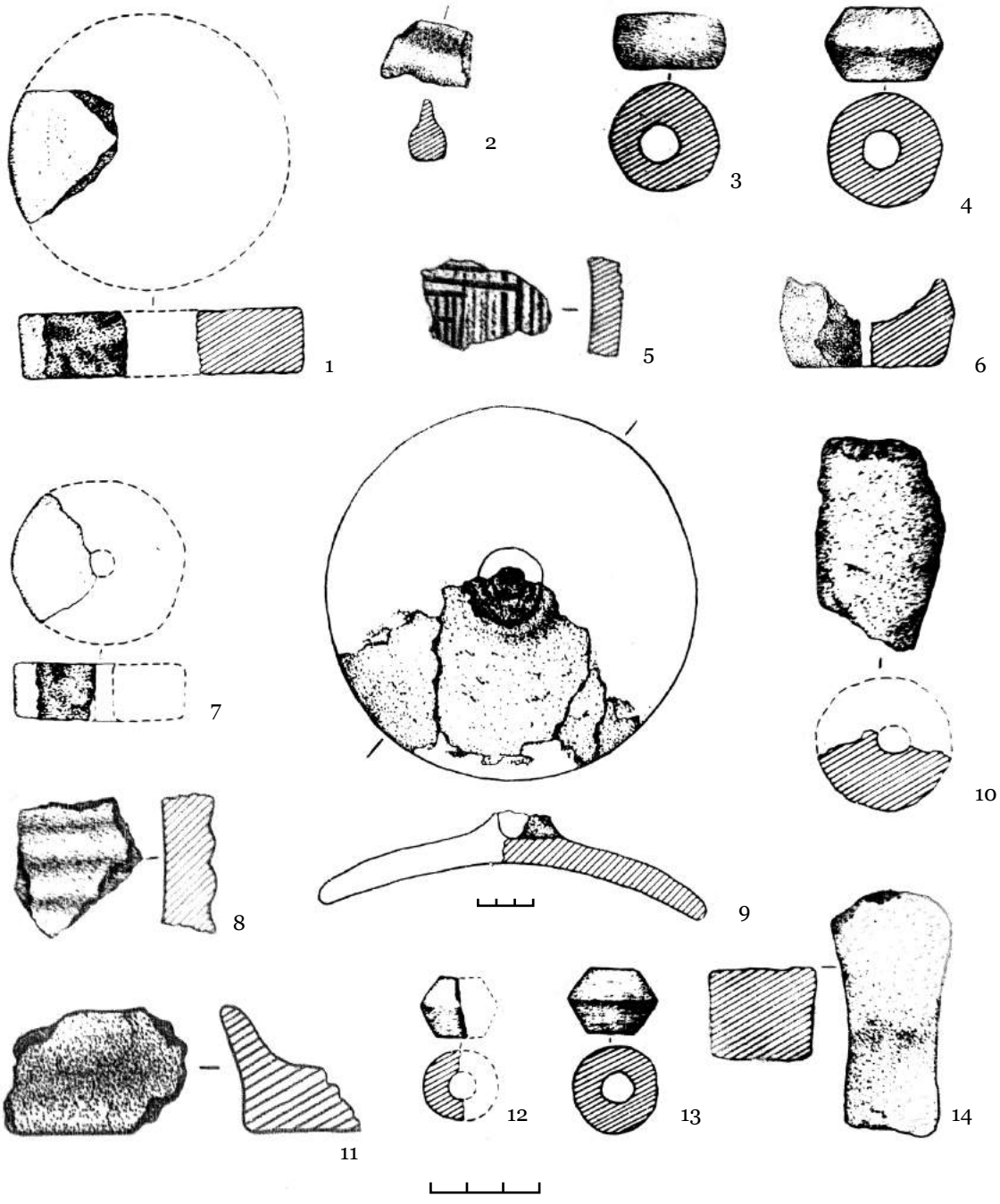


Рис. 6. Поселение Рудь XX. Раннесредневековые изделия из камня и керамики.

по венчикам от 14 до 25 см, толщина стенок до 1 см. Днища чуть толще прилегающих стенок. Их диаметр от 6 до 9 см. Сосуды изготовлены из теста, в которое добавлялся мелкий шамот, реже песок или сочетание шамота и песка. В большинстве случаев керамика первой хронологической группы более плотная, чем второй, поверхность сосудов слегка заглажена, иногда бугристая. Обжиг обычно сквозной, но неравномерный. В изломе черепки однослойные, реже – двухслойные. Поверхность часто пятнистая. Цвет жёлто-красно-коричневый с различными оттенками (в большинстве случаев оттенки сероватых тонов).

В керамике II-ой хронологической группы, как и в первой, преобладают фрагменты горшков. Из них 798 найдено в пластах и 20 в заполнении сооружений. Полные формы не восстанавливаются. Судя по фрагментам, венчики горшков были отклонены наружу, с

округлым, иногда утончённым краем, который обычно орнаментировался пальцевыми вдавлениями или защипами (рис. 7/15), прямыми или косыми насечками (рис. 7/8). Иногда по краю венчика встречается ямочный орнамент (мелкие вдавления). В отдельных случаях орнамент имел вид гребенчатого штампа и волн (рис. 7/11, 13). Шейка сосудов слабо выделена, плечики покатые. По плечикам и тулову сосуды часто покрывались углублёнными поясками прямых или волнистых линий, нанесённых многозубой гребёнкой.

Преобладает орнамент в виде многорядной волны (рис. 7/7) или различные сочетания линейного и волнистого орнамента, реже встречается линейный (рис. 7/5) или штамповый орнамент (рис. 7/13). На одном фрагменте стенки горшка (рис. 7/12) можно с интересом проследить, как использовалась для нанесения орнамента пятизубая гребёнка. Сначала её вели прямо по необожжённой поверхности сосуда (линейный орнамент), потом наблюдается короткая остановка (гребенчатый штамп), далее опять линейный орнамент, который в конце фрагмента переходит в волнистый.

Очень редко встречается углублённый орнамент, нанесённый палочкой. Он бывает линейным, линейно-волнистым (рис. 7/3) или ямочным (одиночные вдавления-штампы).

Диаметр горшков по венчикам от 14 до 21 см (в большинстве 15-18 см) толщина стенок от 1 до 2 см. Днища плоские, обычно толще стенок, диаметром от 7 до 13 см (чаще 8-10 см). На некоторых из них сохранились закраины от подставок. В тесте, из которого изготовлены сосуды, преобладает примесь шамота, обычно он более крупный, чем в сосудах VI-VII вв. В редких случаях вместо шамота добавлялся толчёный сланец коричневатого цвета. Керамика рыхловатая, пористая и мягкая на ощупь, стенки слегка заглажены. Обжиг не всегда полный. Черепки в изломе двух или трёхслойные. Цвет пятнистый красновато-жёлто-серый с различными оттенками.

Кроме фрагментов горшков в раскопе найдены обломки мисок, сковород, жаровен, одной крышки и миниатюрных сосудов. Довольно трудно отнести их к сосудам какой-либо хронологической группы, поэтому приводим только общее описание.

Миски представлены четырьмя фрагментами венчиков. Они почти прямые, края их округлые, утончённые, иногда загнутые внутрь. В одном случае по краю венчика прослежены пальцевые вдавления (рис. 7/2). В тесте мелкий шамот или толчёный коричневатый сланец.

Поверхность бугристая или слегка заглажена. Диаметр мисок по венчикам 14-17 см. Толщина стенок 0,7-1,5 см. Обжиг сквозной, но неравномерный. Цвет желтовато-серый, пятнистый. На двух фрагментах видны отпечатки злаков (пшеница?). По всей видимости, фрагменты этих мисок относятся к VIII-IX вв.

Сковороды представлены 16 фрагментами бортиков, 15 из которых найдены в пластах и один – в сооружении №5. Большинство из них (16 фрагментов) относятся к невысоким округлобоким пиалообразным сосудам с невыделенным дном и тонкими стенками (рис. 7/14). Край бортика утончён, округлён и слегка загнут вовнутрь. Иногда по краю или под краем бортика нанесены пальцевые вдавления (рис. 7/10). Диаметр по краю бортика около 20 см, высота 3-4 см. Толщина стенок 0,7-1,0 см. Дно несколько толще. Сковороды изготовлены из плотного теста, включающего в себя мелкий шамот. Поверхность бугристая, обжиг в большинстве сквозной, но не равномерный, цвет желтый или красновато-серый. Эти сосуды, видимо, относятся к VI-VII вв. Возможно, что некоторые из них могли использоваться в качестве тарелок.

Один фрагмент сковороды, принадлежащий к посуде второй хронологической группы, имеет плотное выделенное днище и почти прямой бортик с округлым утончённым краем (рис. 6/11). Высота сковороды 3,2 см, диаметр по краю бортика около 20 см. Толщина дна 1,5 см. Тесто средней плотности с примесью шамота. Поверхность слега заглажена. Обжиг сквозной, но неравномерный. Цвет желтовато-серый.

Жаровни представлены 59 фрагментами (рис. 7/1), из которых 57 найдено в пластах (17 бортиков и 38 стенок) и два бортика в заполнении сооружения №4. Судя по форме бортиков, одни жаровни имели прямоугольную, другие овальную форму, но были ли они стационарными или переносными, установить не удалось. Изготовлены жаровни из рыхлого теста

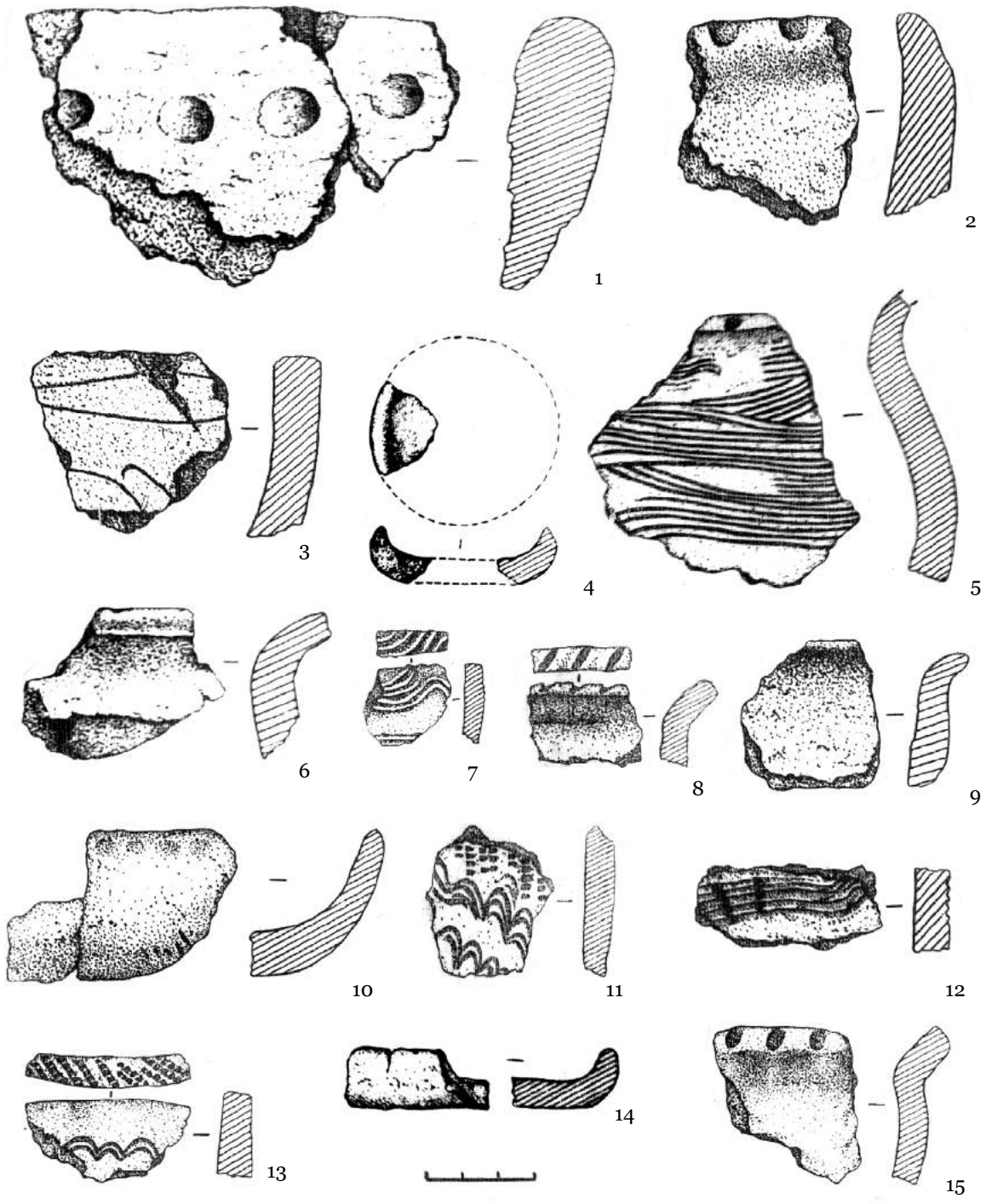


Рис. 7. Поселение Рудь XX. Раннесредневековая керамика.

с включением растительных добавок (соломы, половы, зёрен злаков), реже в качестве примеси использовался шамот. Бортики обычно прямые, высотой до 13 см, толщиной от 3 до 5 см. Под округлым краем бортиков иногда наносились пальцевые вдавления. Обжиг не полный. Поверхность красновато-серая, пятнистая. В изломе цвет чёрный.

Из фрагментов реставрирована полусферическая, несколько приплюснутая крышка с утончённым округлым краем и основанием цилиндрической катушковидной ручки (рис. 6/9). Высота до основания ручки 5 см, диаметр по краю около 21 см. Поверхность бугристая, слегка заглажена. Тесто плотное с примесью мелкого шамота. Обжиг нерегулярный.

Цвет варьирует от коричневатого к серому. По составу теста, способу обработки поверхности и обжигу эту крышку, по всей видимости, следует отнести к средневековью. Хотя подобные крышки ранним славянам и не присущи, но всё же они, видимо, изредка встречались на поселениях VI-VII вв. Об этом может косвенно свидетельствовать венчик массивного лепного горшка с глубоким пазом под крышку, найденный на раннесредневековом поселении Ханска «Ла Маткэ» (Постикэ, Тельнов 1981, 144).

Из импортной керамики можно отметить фрагмент стенки средневековой амфоры (нашёл отражение при описании материала из сооружения 4).

В культурном слое поселения найдено 39 обломков древнерусской и два балкано-дунайской керамики, принадлежащих горшкам. И та и другая керамика невыразительна и очень фрагментарна, что не позволяет судить о формах сосудов.

В целом древнерусская керамика является гончарной и датируется X-XI вв. Но среди неё можно выделить три фрагмента венчиков и несколько стенок, которые относятся к IX-X вв. Они лишь подправлены на гончарном круге, более толстостенны (до 1 см), цвет жёлто-красный. В тесте кроме песка прослеживается шамот. Венчики слегка отклонены наружу, края их косо срезаны. Диаметр сосудов по венчикам около 21 см (рис. 7/6).

В качестве отощающей массы к древнерусской круговой керамике добавлялся песок, мелкий шамот, реже слюда или пирит и известняк. Цвет её красный с различными оттенками. Некоторые фрагменты двухслойные в изломе (несквозной обжиг). Толщина стенок от 0,6 до 1 см. Украшена керамика углублённым линейным, реже – линейно-волнистым орнаментом. Керамика балкано-дунайского облика тоже круговая. Черепки красноватого цвета, сквозного равномерного обжига, покрыты в одном случае углублённым линейным, в другом – пересеченным линейным орнаментом (рис. 6/5). Толщина стенок 0,7 см. Тесто плотное, мягкое на ощупь, с включением песка и каких-то мелких растительных примесей. Эта керамика, видимо, попала на поселение в качестве импорта. Фрагменты балкано-дунайской керамики (венчики горшков с краем в виде округлого валика) в небольшом количестве были найдены на посаде городища Рудь «Фарфурия турчаскэ» (Власенко 2008, 331, рис. 8/7).

Наличие раннесредневековой (VI-VII вв.) и древнерусской (X-XI вв.) керамики, а также некоторого вещевого материала на поселении Рудь XX наводит на мысль, что на памятнике могут быть выявлены и синхронные сооружения.

Сооружение №1 (развал печи-каменки) (рис. 2; 8) обнаружено в северо-восточной части раскопа на глубине 30 см от современной поверхности по скоплению около 150 мелких и средних частично обожжённых известняковых и песчаниковых камней. Развал печи в плане имел форму подковы, ориентированной с юга на север, длиной 180, шириной 120-130 см. Мощность развала от 10 до 20 см. Нижние камни залегали в предматериковом суглинке, остальные находились во взвешенном состоянии в культурном слое. Внутри развала располагалась свободная от камней площадка размерами 110×50-60 см. На ней вдоль западной части развала в суглинке выявлено овальное в плане, линзовидное в сечении углубление длиной 90 см, шириной до 35 см, глубиной около 5 см. Пода или прожога материка под развалом камней сооружения не выявлено. В чернозёмном грунте заполнения между камнями обнаружены: мелкие древесные угольки, 200 г железного шлака, кость домашней свиньи, керамическое биусечённоконическое пряслице с вогнутыми основаниями (рис. 6/4), известняковое цилиндрическое пряслице (рис. 6/3), а также пять невыразительных стенок горшков. Из них один фрагмент относится к раннему железному веку и четыре к раннесредневековому времени. Исходя из выявленного материала, данное сооружение датируется VIII-IX вв.

Сооружение №4 (развал печи-каменки) (рис. 2; 8) обнаружено в северо-западной части раскопа на глубине 20-30 см от современной поверхности по скоплению около 60 песчаниковых и известняковых камней, имеющих небольшие и средние размеры. По подковообразной форме очень напоминает развал камней сооружения №1, только меньших размеров. Ориентирован развал с юга на север. Его

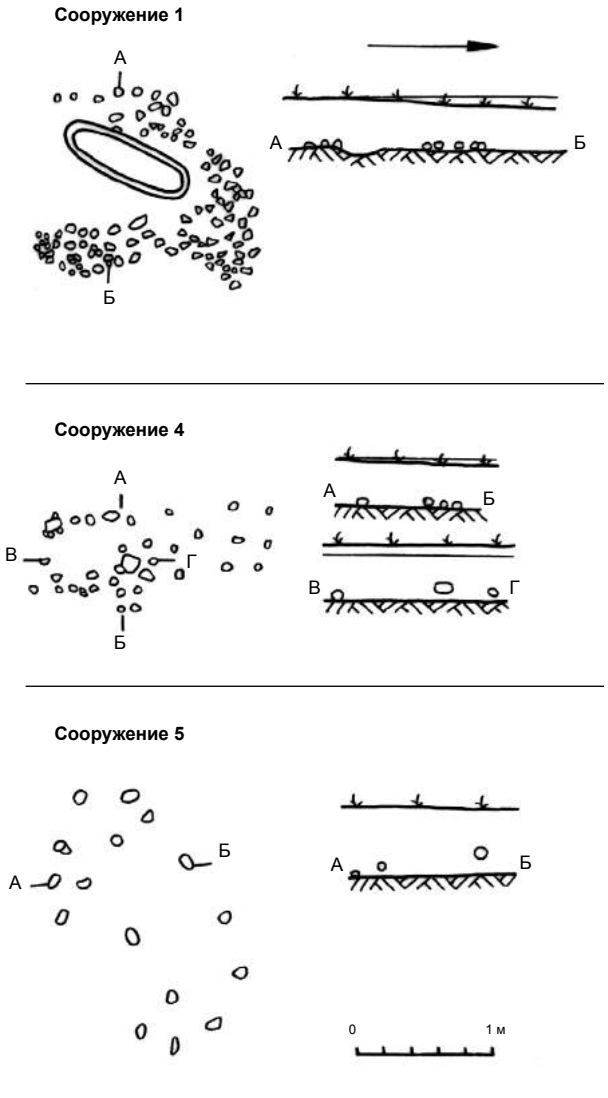


Рис. 8. Поселение Рудь XX. Планы и разрезы сооружений.

длина 80 см, ширина 60-70 см. По нескольку камней было найдено к югу и северу, видимо, они были растащены плантажным плугом. Камни находились во взвешенном состоянии и составляли слой от 10 до 20 см, нижние залегали на материке. Часть камней была обожжена, но под ними прожога не обнаружено.

В чернозёме между камнями найдены древесные угольки, около 100 г железного шлака, пять мелких фрагментов обмазки, девять фрагментов керамики. Из них четыре стенки горшков VIII-IX вв. (лепные, в тесте шамот, поверхность жёлто-серая, в изломе двухслойные), три бортика жаровни (толстостенные, с растительными примесями в тесте), четыре фрагмента стенки древнерусского горшка (гончарный, со слюдой в тесте), один фрагмент красноглиняной амфоры (рис. 6/8). Стенка амфоры характеризуется сильно выраженной бороздчатостью в виде правильных полукруглых в сечении желобков со сглаженными краями промежутков (каннелюры). В тесте мелкий песок и, видимо, какие-то мелкие растительные примеси. Цвет от тёмно-коричневого до серого (вторичный обжиг). Подобные амфоры производились в VIII-IX вв. в Таврике (Якобсон 1979, 30-31). Кроме массового материала в развале найден бараний астрагал с отверстием (рис. 5/13). Отверстие диаметром около 0,1 см расположено сбоку. Поверхность хорошо залощена.

Исходя из преобладания в заполнении раннеславянской керамики, сооружение датируется VIII-IX вв.

Сооружение №5 (развал печи-каменки) (рис. 2; 8). Обнаружено в северо-западном углу раскопа в 250 см к северо-западу от сооружения №4. В плане представляет собой разрозненное скопление камней овальной формы, вытянутое с северо-востока на юго-запад до 200 см при ширине 110 см. Камни (мелкие или средних размеров) песчаниковые и известняковые, в большинстве своём пережжённые, располагались во взвешенном состоянии в плотном чернозёме на глубине 20-60 см от современной поверхности; нижние залегали в предматериковом суглинке. Следов какого-либо прожога как в культурном слое, так и в материке не прослежено. Между камнями найдено 370 г железного шлака, мелкие древесные угольки, пять небольших фрагментов обмазки, один фрагмент керамического сопла. Также найдено 25 фрагментов керамики. Из них: 11 раннего железного века – девять стенок, два венчика (один от горшка, имеющего прямой венчик с округлым краем, по которому нанесены пальцевые вдавления, тесто мягкое, с мелким шамотом, цвет жёлто-серый, диаметр сосуда по венчику около 18 см); 14 фрагментов VIII-IX вв. – 12 стенок (один фрагмент с волнистым орнаментом), одно дно, один бортик сковороды (по его округлому краю нанесены пальцевые вдавления). Диаметр сковороды по бортику около 20 см. Дно не выделено, толщина дна и бортиков около 1 см. Тесто мягкое, цвет жёлто-серый.

Керамика позволяет отнести сооружение №5 к VIII-IX вв.

Выявленные развалы каменных сооружений относятся к печам-каменкам, имевшим подковообразную форму. О том, что все три печи были функциональными, свидетельствуют обожжённые камни. Поды не сохранились, видимо, были разрушены вспашкой. Обнаруженная в развалах печей керамика и вещевые находки позволяют датировать их VIII-IX вв.

Печи могли быть выносными, хотя расположение печей вне жилищ на раннеславянских селищах встречаются крайне редко (Рафалович 1972, 99). Две выносные печи-каменки, найденные на расположенном неподалёку посаде городища Рудь «Фарфурия турчаскэ», относятся к более позднему времени (Рошаль, Фёдоров 1973, 156). Видимо, больше вероятности в том, что печи-каменки являлись составными частями жилищ и входили в их интерьер. То, что печи располагались на значительном удалении, позволяет разместить жилища, в которых они, видимо, находились, на оптимальном расстоянии друг от друга. Жилища могли быть наземными, а в большей мере полуземляночными, слегка углублёнными в грунт, что не позволяло выявить в чернозёме их контуры. Так, на этом поселении в 1980 г. была обнаружена полуземлянка с печью-каменкой, углублённая в материк всего на 10-15 см. Камни печи, срезанные плантажным плугом, находились во взвешенном состоянии на разных уровнях не только в чернозёмном заполнении, но и за пределами котлована жилища (Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1981, 25-26).

Сооружение №3 (яма) (рис. 2; 4) обнаружено в южной части раскопа на глубине 70-90 см от современной поверхности. В плане яма имела подовальную форму, ориентирована с запада на восток с отклонением 30° к югу. В разрезе форма ямы подкорытовидная, стенки скошены ко дну (в средней части больше, чем по краям). В восточной части прослежен небольшой подбой. Длина по верхнему контуру 205 см, ширина от 55 до 65 см, глубина 120-140 см.

В заполнении плотный серовато-коричневый суглинок с включением древесных угольков и мелких фрагментов обмазки. Керамики и вещевых находок в заполнении ямы не обнаружено, поэтому яму затруднительно отнести к какому-либо хронологическому горизонту памятника, хотя подобная корытовидная яма без датирующего материала, выявленная на этом поселение в 1980 г., была отнесена к VIII-IX вв. (Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1983, 181-182).

К сожалению, сооружений, явно относящихся к железоделательному производству, на поселении не найдено, но были выявлены материалы, косвенно подтверждающие его наличие. Это железный шлак, фрагменты воздуходувных сопел, небольшое количество железосодержащих конкреций и железной руды.

В раскопе собрано около 10,5 кг железного шлака (сюда включены также немногочисленные фрагменты криц и стенок домниц с прикипевшим шлаком). Большая часть шлака была сконцентрирована в северо-западной части раскопа.

Из 45 мелких обломков керамических сопел большинство имело цилиндрическую форму (рис. 6/10) диаметром от 4 до 6 см (преобладают сопла диаметром 5 см). Прямоугольных или квадратных в сечении сопел было значительно меньше. Отверстия воздуходувных каналов были округлыми, диаметром от 0,8 до 1,5 см. Сопла изготовлены из огнеупорного теста, содержащего большую примесь мелкого песка. Часть фрагментов вторично обожжена до шлакообразного состояния. Цвет от красного до жёлтовато-чёрного.

Преобладающее большинство обломков сопел сосредоточено в северо-западной части раскопа, что наряду с высокой концентрацией железных шлаков должно указывать на наличие железоделательных сооружений. Возможно, что с процессом производства железа в какой-то мере были связаны вышеописанные печи-каменки.

В культурном слое раскопа собрано около 830 г мелких конкреций, содержащих железо. Это небольшие плотные желваки жёлтовато-коричневого цвета. Кроме всего, найдено несколько фрагментов мягкой на ощупь железной руды тёмно-красного цвета. Видимо, для выплавки железа использовались два вида сырья, местная болотная руда в виде железосодержащих конкреций и привозная ископаемая.

Несмотря на скромные результаты, полученные при исследовании поселения Рудь XX в 1982 г., была подтверждена многослойность памятника, впервые выделен слой раннего железного века, но из-за малочисленности и невыразительности керамического материала этот культурно-хронологический горизонт предварительно был отнесён к довольно длительному периоду времени, начиная от позднего гальштата (VII-VI вв. до н.э.) и кончая гетской культурой (IV-III вв. до н.э.). Выявленное сооружение в виде сильно обожжённой ступенчатой ямы в качестве гипотезы отнесено к гетскому крематорию. Подтверждён производственный характер раннесредневекового поселения (наличие железного шлака, обломков керамических сопел и железной руды).

Получена коллекция раннесредневековой керамики и индивидуальных находок VI-XI вв., исследованы остатки трёх печей-каменок VIII-IX вв.

Дальнейшие исследования должны разрешить ряд возникающих вопросов, связанных с горизонтом раннего железного века – уточнить его культурную принадлежность и хронологию, выяснить, к какому виду памятников он относится, – к поселению или могильнику. Средневековый горизонт поселения позволит выявить и изучить жилые, хозяйственные и особенно производственные сооружения.

Библиография

Бандрівський 2014: М. Бандрівський, Пам'ятки Верхнього Придністров'я у Постголіградський час: Михалківська група (періоди НаВ3-НаС1, 950/920-730/720 рр. до нар. Хр.). В зб.: Археологічні студії, випуск 5 (Київ-Чернівці 2014), 104-121.

Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1981: В.С. Бейлекчи, Н.П. Тельнов, И.Г. Власенко, Отчёт о раскопах славянского поселения Рудь XX в 1980 г. (Кишинёв 1981). Архив НМИМ, инв. №153.

Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1983: В.С. Бейлекчи, Н.П. Тельнов, И.Г. Власенко, Раскопки славянского поселения Рудь XX в 1980 г. В сб.: АИМ в 1979-1980 гг. (Кишинёв 1983), 171-183.

Бейлекчи 1986: В.С. Бейлекчи, Раскопки славянского поселения Рудь в 1981-1982 гг. В сб.: АИМ в 1982 г. (Кишинёв 1986), 96-115.

Власенко, Сорокин 1982: И.Г. Власенко, В.Я. Сорокин, Археологические памятники в зонах новостроек Севера и Центра Молдавии. В сб.: АИМ в 1977-1978 гг. (Кишинёв 1982), 179-193.

Власенко 2008: И.Г. Власенко, Поздние жилые комплексы раннесредневекового поселения Рудь. Tyragetia s.n. II/1, 2008, 319-338.

Власенко 2010: И.Г. Власенко, Гетский крематорий у с. Рудь (в качестве гипотезы). В: Sesiunea ştiinţifică a Muzeului Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei (ediţia a XX-a), 14-15 octombrie 2010, Program. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2010), 18-20.

Гольцева, Кашуба 1995: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.) (Тирасполь 1995).

Колчин 1959: Б.А. Колчин, Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА №65 (Москва 1959).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ, вып. 4 (Кишинёв 1974).

Медведев 1966: А.Ф. Медведев, Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. САИ Е1-36 (Москва 1966).

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА №64 (Москва 1958).

Никулицэ 1972: И.Т. Никулицэ, Исследование гетского могильника Ханска-Лутэрия. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинёв 1972), 105-121.

Постикэ, Тельнов 1985: Г.И. Постикэ, Н.П. Тельнов, Раннесредневековое поселение Ханска-ла Маткэ. В сб.: АИМ в 1981 г. (Кишинёв 1985), 142-152.

Рафалович 1972: И.А. Рафалович, Славяне VI-IX вв. в Молдавии (Кишинёв 1972).

Романовская 1973: М.А. Романовская, О работе гетского отряда. В сб.: АО 1972 г. (Москва 1973), 415-416.

Рошаль, Фёдоров 1973: М.Г. Рошаль, Г.Б. Фёдоров, Жилые и производственные сооружения древнерусского поселения Рудь. В сб.: АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинёв 1973), 155-176.

Свод памятников 1987: Свод памятников истории и культуры МССР. Северная зона. Макет (Кишинёв 1987).

Якобсон 1979: А.Л. Якобсон, Керамика и керамическое производство средневековой Таврики (Ленинград 1979).

Levițchi 2006: O. Levițchi, Necropolă hallstattiană târzie Trinca „Drumul Feteştilor” (Iaşi 2006).

Moscalu 1983: E. Moscalu, Ceramica traco-getică (Bucureşti 1983).

Sava et al. 1995: E. Sava şi colaboratorii, Investigaţiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărăuca Nouă-Arioneşti (r-nul Donduşeni, R. Moldova). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, vol. I (Bucureşti 1995), 281-357.

Aşezarea cu mai multe niveluri de locuire Rudi XX (săpăturile din anul 1982)

Cuvinte-cheie: bazinul Nistrului, epoca fierului, evul mediu; crematoriu; cuptor din piatră, piese din fier.

Rezumat: În articolul de faţă sunt prezentate rezultatele investigaţiilor arheologice din anul 1982 la aşezarea Rudi XX, raionul Soroca, Republica Moldova, începute în anul 1980. Ca urmare a săpăturilor a fost confirmată existenţa mai multor nivele de locuire. Printre ele fiind identificat şi un orizont atribuit epocii fierului. Însă, din cauza numărului mic şi a stării fragmentare a materialului ceramic din acest nivel, el a fost datat destul de larg, începând cu hallstattul târziu (sec. VII-VI a. Chr.) şi până în perioada getică (sec. IV-III a. Chr.). Groapa cu urme de arsură puternică, atestată aici, a fost considerată ipotetic drept crematoriu utilizat de geţi.

Descoperirea în nivelul medieval timpuriu a minereului şi a zgurii de fier, a fragmentelor unor duze din lut ars, confirmă îndeletnicirea comunităţii din această aşezare cu prelucrarea fierului. De asemenea, au fost atestate trei cuptoare portabile din piatră (sec. VIII-IX), precum şi un bogat inventar, reprezentat de piese din fier, piatră, os şi fragmente de vase din sec. VI-XI.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Locul amplasării aşezării Rudi XX: 1 - pe harta geografică; 2 - pe harta topografică.

Fig. 2. Aşezarea Rudi XX. Planul secţiunii.

Fig. 3. Aşezarea Rudi XX. Ceramică din epoca fierului.

Fig. 4. Aşezarea Rudi XX. Planul şi profilele complexelor.

Fig. 5. Aşezarea Rudi XX. Piese din fier şi os din perioada medievală timpurie.

Fig. 6. Aşezarea Rudi XX. Piese din piatră şi lut ars din perioada medievală timpurie.

Fig. 7. Aşezarea Rudi XX. Ceramică din perioada medievală timpurie.

Fig. 8. Aşezarea Rudi XX. Planul şi profilele complexelor.

Multi-layered settlement Rudi XX (excavations in 1982)

Keywords: the Dnister River basin, Iron Age, Middle Ages, crematorium, oven, iron products.

Abstract: This publication presents the results of investigations, which had began in 1980 at the Rudi XX settlement in the Soroca District of the Republic of Moldova, obtained in 1982. There was confirmed the multi-layered structure of the site and the horizon of the Iron Age was first identified. But because of the small number and inexpressiveness of the ceramic findings, this layer was previously dated by a rather long period of time – from the late Hallstatt (7th-6th centuries BC) to the Getic culture (4th-3rd centuries BC). The discovered structure in the form of a heavily burned pit was attributed, as a hypothesis, to the Getic crematorium.

The production character of the early medieval settlement has been confirmed (presence of iron slag, fragments of ceramic blowing nozzles and iron ore). The remains of three ovens of the 8th-9th centuries were investigated. The collection of medieval pottery of the 6th-11th centuries and individual findings of iron, stone and bone objects was assembled.

List of Illustrations:

Fig. 1. Location of the Rudi XX settlement: 1 - on a geographical map; 2 - on a topographic map.

Fig. 2. The Rudi XX settlement. Plan of the bottom part of the excavation.

Fig. 3. The Rudi XX settlement. Pottery of the Iron Age.

Fig. 4. The Rudi XX settlement. Plans and sections of structures.

Fig. 5. The Rudi XX settlement. Early medieval articles made of iron and bone.

Fig. 6. The Rudi XX settlement. Early medieval articles made of stone and clay.

Fig. 7. The Rudi XX settlement. Early medieval pottery.

Fig. 8. The Rudi XX settlement. Plans and sections of structures.

20.06.2017

Иван Власенко, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 Августа 1989, 121А, MD-2012, Кишинэу, Республика Молдова

COLECȚIA DE CERAMICĂ DE LA BUTUCENI DIN FONDURILE MUZEULUI NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

Aurel Zanoci
Natalia Mateevici

Cuvinte-cheie: cetate, geți, ceramică modelată cu mâna, amfore grecești, imitații.

Cetatea getică de la Butuceni a fost edificată pe un promontoriu înalt și stâncos, format de curbura râului Răut, situat la nord de localitatea eponimă din Codrii Orheiului (fig. 1; 2). Ea a fost descoperită în anul 1946 de către Gh. Smirnov (Смирнов 1949, 197), care în anii următori (1947-1949) va întreprinde cercetări arheologice la acest sit. Ca urmare au fost descoperite vestigiile a patru locuințe, ale zidului de apărare din piatră, precum și un bogat și variat inventar arheologic în a cărui cadru predomină materialul ceramic. Cu regret, rezultatele acestor investigații nu au fost publicate de către autor[1], parțial ele fiind valorificate mai târziu, de către Tudor Arnăut (2003, fig. 3-6, 8-10).

Între anii 1983 și 2000 cetatea a fost studiată de către cercetătorii de la Universitatea de Stat din Moldova sub îndrumarea profesorului Ion Niculiță. Rezultatele acestor investigați fiind publicate exhaustiv în mai multe studii (Никулицэ 1987, 72-77, 88-103; Niculiță 1996; Niculiță, Teodor, Zanoci 1995; Niculiță, Teodor, Zanoci 1997; ș.a.), precum și într-o monografie arheologică (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002). Recent (2013) cercetările au fost reluate de către arheologii de la Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă" (Munteanu, Iarmulschi, Moraru 2014; Munteanu, Moraru 2015; Munteanu 2016; Munteanu 2017), fiind concentrate, în special, în partea de vest a sitului.

Printre materialele atestate la Butuceni un interes deosebit prezintă piesele ceramice descoperite în anii 1947-1949. Recipientele recuperate, unele restaurate sub îndrumarea lui Gh. Smirnov (fig. 4), s-au păstrat la Academia de Ştiinţe (din 1986 la Muzeul de arheologie și etnografie al AȘM).

După reorganizările structurale din anul 2006, colecția a fost transmisă la Muzeul Național de Istorie a Moldovei. Odată intrată în fondurile muzeului, ea a fost prelucrată, iar vasele întregibile au fost restaurate de către restauratorii instituției. Astfel, la momentul de față, sunt disponibile pentru cercetare 21 recipiente, la care se adaugă nouă ștampile de amfore grecești.

Desenele unor vase, provenite din săpăturile lui Gh. Smirnov la Butuceni, au fost pe larg vehiculate în diferite publicații (История 1967; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974; Никулицэ 1977; Moscalu 1983; История 1987; Никулицэ 1987; Zanoci 1998; Arnăut 2003 ș.a.), însă, fără a fi însoțite de o anumită descriere. Iar dimensiunile lor, judecând după scară, din cauza preluării dintr-o publicație în alta, sunt departe de cele reale.

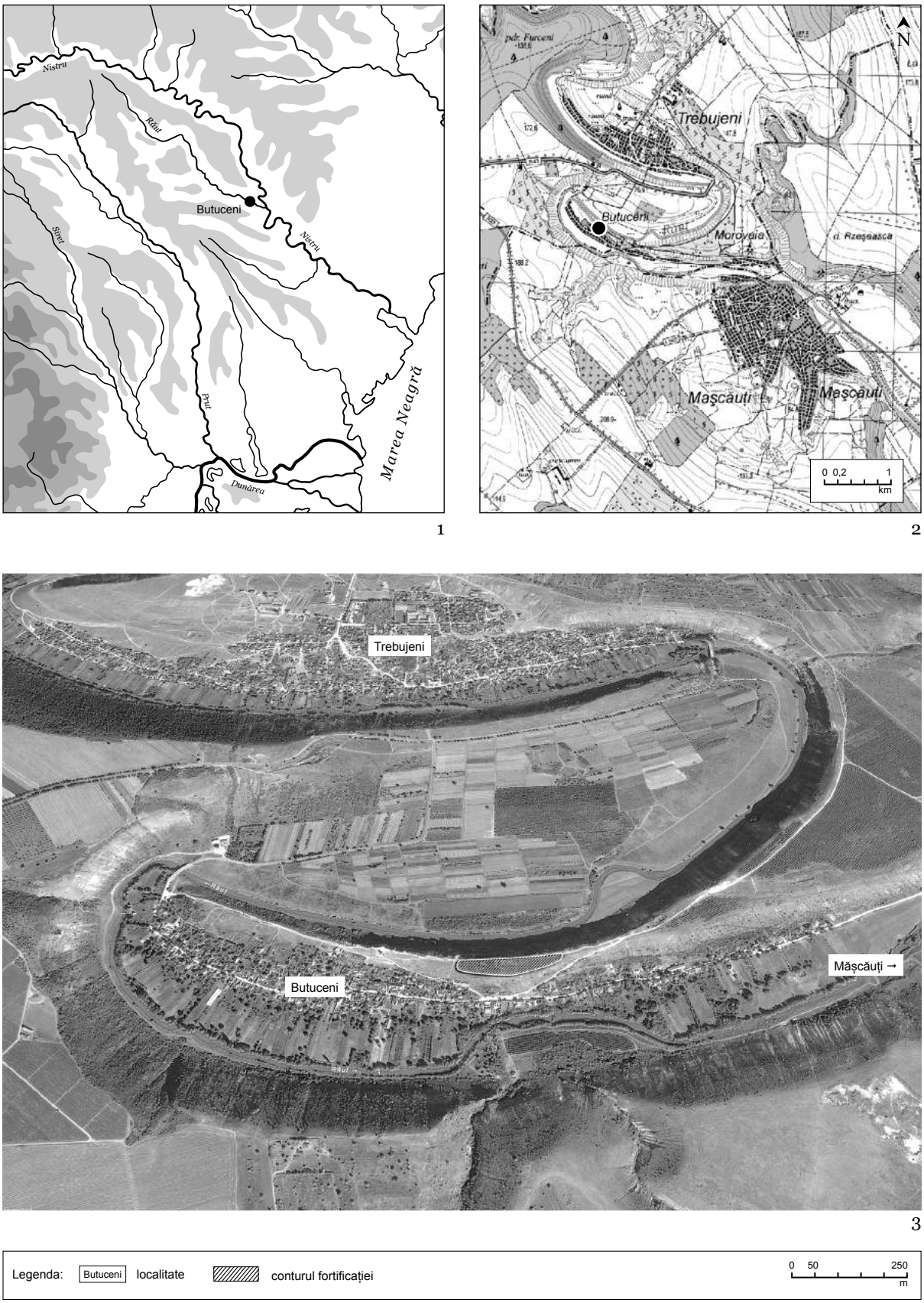
De asemenea, nu se cunoaște cu certitudine contextul descoperirii acestor recipiente. Însă, plecând de la imaginile publicate de T. Arnăut (2003, fig. 8-10), constatăm că cea mai mare parte a lor (14 vase) provine din locuințe[2].

După modul cum au fost realizate, vasele descoperite de către Gh. Smirnov la Butuceni, pot fi împărțite în două categorii: ceramică modelată cu mâna (18 vase) și ceramică lucrată la roata olarului (trei recipiente).

Ceramica modelată cu mâna a fost confecționată din pastă de lut cu degresant de cioburi pisate în compoziție. Arderea este neuniformă, iar culoarea variază de la negru la cărămiziu. Unele

[1] La momentul de față este cunoscut doar un raport de săpătură de la Butuceni, semnat de Gh. Smirnov, care se păstrează în Arhiva Națională a Republicii Moldova (Смирнов Г.Д., Раскопки скифского городища Бутучень, F. 3330, d. 87, p. 1-4).

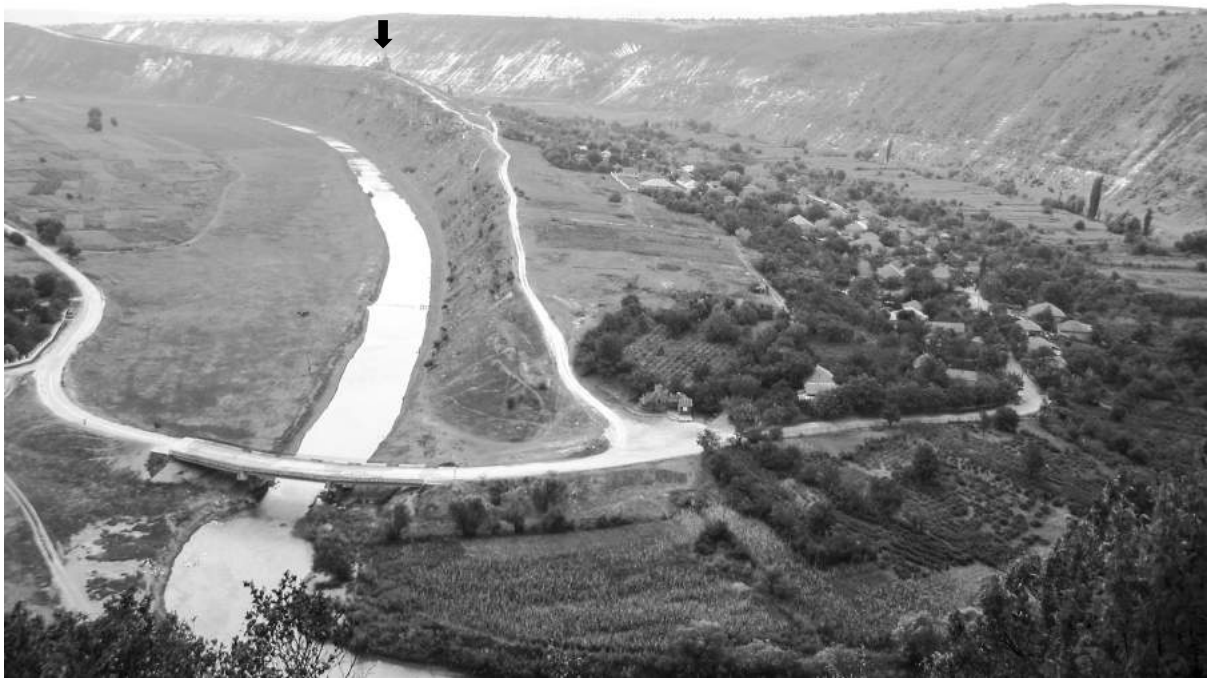
[2] Cinci vase provin din locuința nr. 1 (conform numerotării lui T. Arnăut), cinci – din locuința nr. 2 și patru – din locuințele nr. 3 și nr. 4 (în Arnăut 2003, fig. 10 nu este specificat care și unde a fost descoperite).



1 2

3

Fig. 1. Amplasarea sitului Butuceni: 1 - pe harta fizică; 2 - pe harta topografică; 3 - pe ortofotoplan (după Google Earth Pro).



1

2

Fig. 2. Butuceni. 1 - Locul amplasării fortificaţiei (vedere dinspre vest);
2 - vestigiile fortificaţiei (vedere dinspre sud).

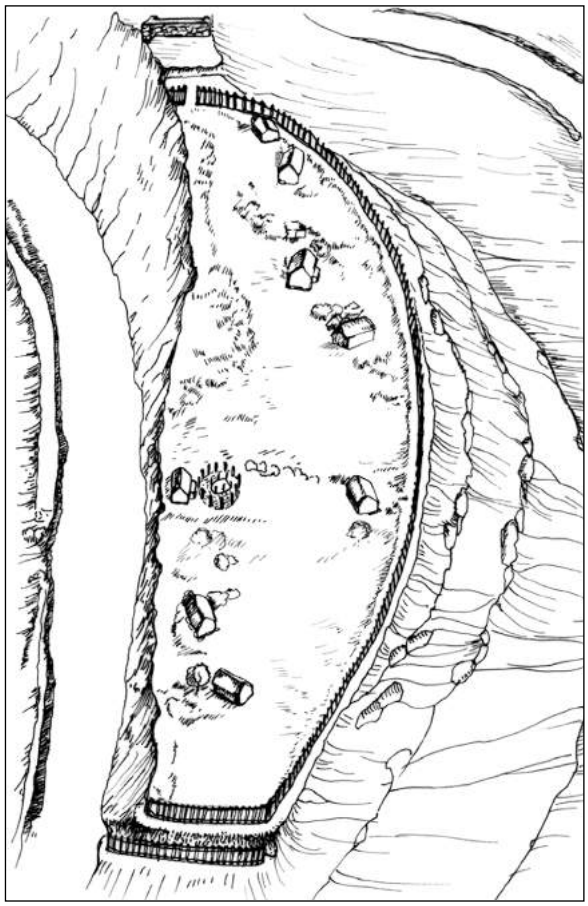


Fig. 3. Reconstituirea grafică a cetăţii Butuceni.

Fig. 4. Gheorghe Smirnov cu vasele restaurate de la Butuceni.

recipiente având suprafaţa lustruită. Această categorie este reprezentată de câteva tipuri.

Vase cu trunchiul bombat

Vas[3] (fig. 5/1) cu corpul globular, gâtul trompetiform şi buza arcuită spre exterior. Înălţimea recipientului – 68,5 cm, diametrul gurii – 35 cm, diametrul trunchiului – 45 cm, diametrul fundului – de 17,5 cm. Vasul, în zona joncţiunii trunchiului cu gâtul, este ornamentat cu un brâu simplu, sub care, pe umăr, este aplicat un decor în forma literei „Ω”, asociat cu ritoane schematizate. Pe linia diametrului maxim recipientul este înzestrat cu patru proeminenţe aplatizate masive. Un vas similar ca formă a mai fost descoperit la Butuceni în anii ’80 ai secolului trecut (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 80/3), precum şi în fortificaţia de la Stânceşti (Florescu, Florescu 2012, fig. 70/1).

Vas[4] (fig. 5/2) cu trunchiul globular şi gâtul înalt tronconic cu marginea buzei rotunjită. Înălţimea lui este de 64,5 cm, diametrul maxim al trunchiului – de 52 cm, diametrul gurii – de 37,5 cm, iar al fundului – de 18,5 cm. Recipientul a fost ornamentat pe umăr cu patru proeminenţe-buton, urmate mai jos de ritoane schematizate, iar sub linia diametrului maxim fiind înzestrat cu patru suporturi aplatizate. Un vas asemănător, pe care, însă, lipsesc proeminenţele-buton a fost descoperit în necropola getică de la Hansca „Lutărie” (Никулицэ 1972, рис. 3/6).

Vas[5] (fig. 5/3) cu corpul bombat, gâtul înalt şi uşor arcuit şi buza tăiată oblic. Înălţimea recipientului este de 50 cm, diametrul trunchiului – de 37,5 cm, diametrul gurii – de 25 cm, iar al fundului – de 16,5 cm. Pe umăr vasul a fost ornamentat cu patru proeminenţe cilindrice, iar sub linia diametrului maxim – cu patru suporturi aplatizate. Vase asemănătoare au fost atestate în siturile getice de la Poiana (Vulpe, Teodor 2003, fig. 143/1), Răcătău (Moscalu 1983, pl. XI/2), Saharna „La Revechin” (Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999, fig. 4/2; 6/2) etc.

[3] FB-29162-15. Descoperit în locuinţa nr. 2 (Arnăut 2003, fig. 9/2, 3). Ilustraţia vasului a fost publicată anterior în: История 1967, 31; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, рис. 17/2; Никулицэ 1977, рис. XII/1; Moscalu 1983, pl. XI/1; История 1987, 126; Никулицэ 1987, рис. 25/3; Zanoci 1998, fig. 93/5; Arnăut 2003, fig. 9/2, 3.

[4] FB-29885-5. Descoperit în locuinţa nr. 1 (Arnăut 2003, fig. 8/2). Vasul a fost ilustrat anterior în: Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, рис. 17/1; Никулицэ 1977, рис. XII/2; Moscalu 1983, pl. X/1; История 1987, 126; Никулицэ 1987, рис. 25/2; Zanoci 1998, fig. 93/1; Arnăut 2003, fig. 8/2.

[5] FB-29162-14. Locul exact al descoperirii nu a fost identificat. Inedit.

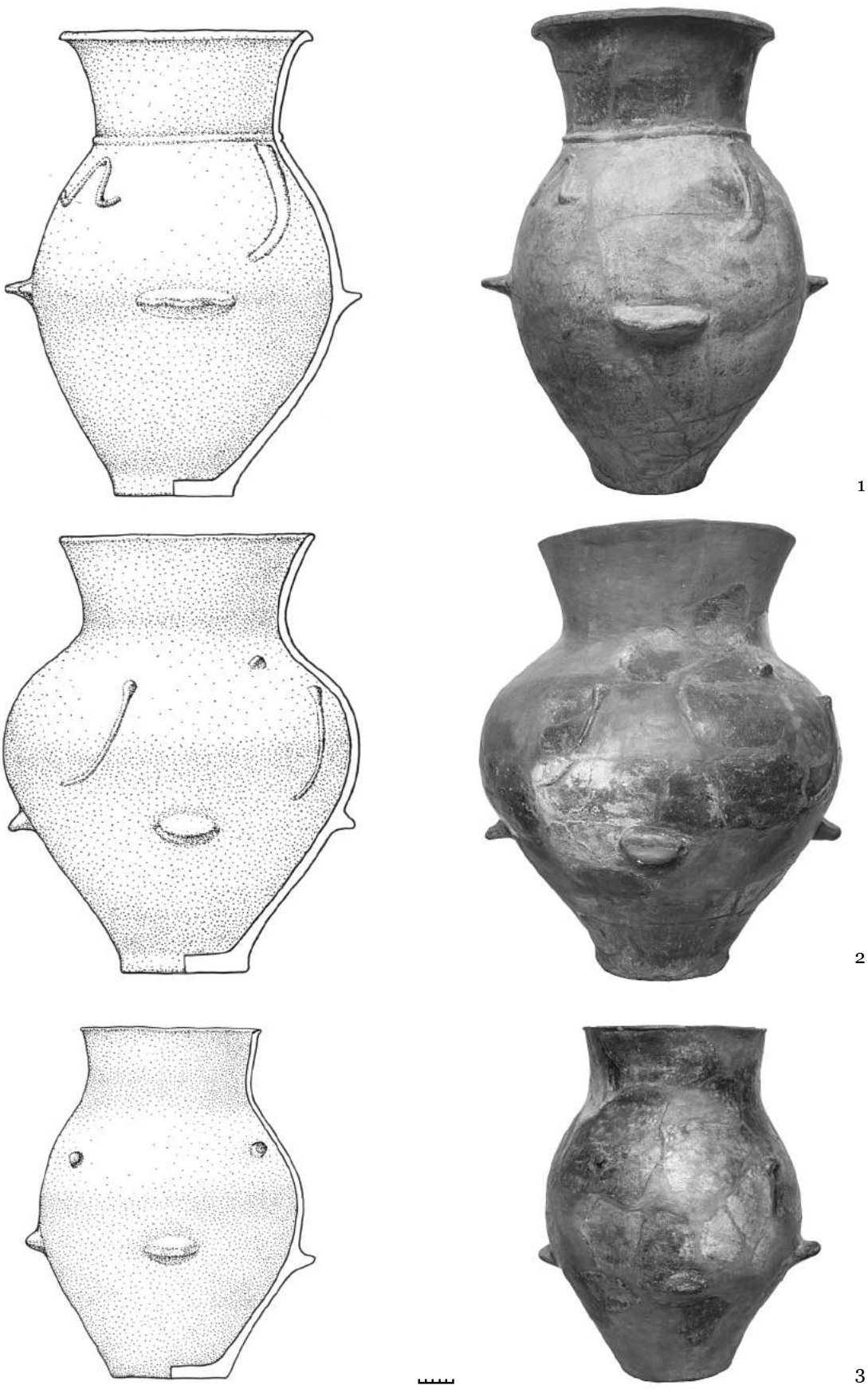


Fig. 5. Butuceni. Vase cu trunchiul bombat.

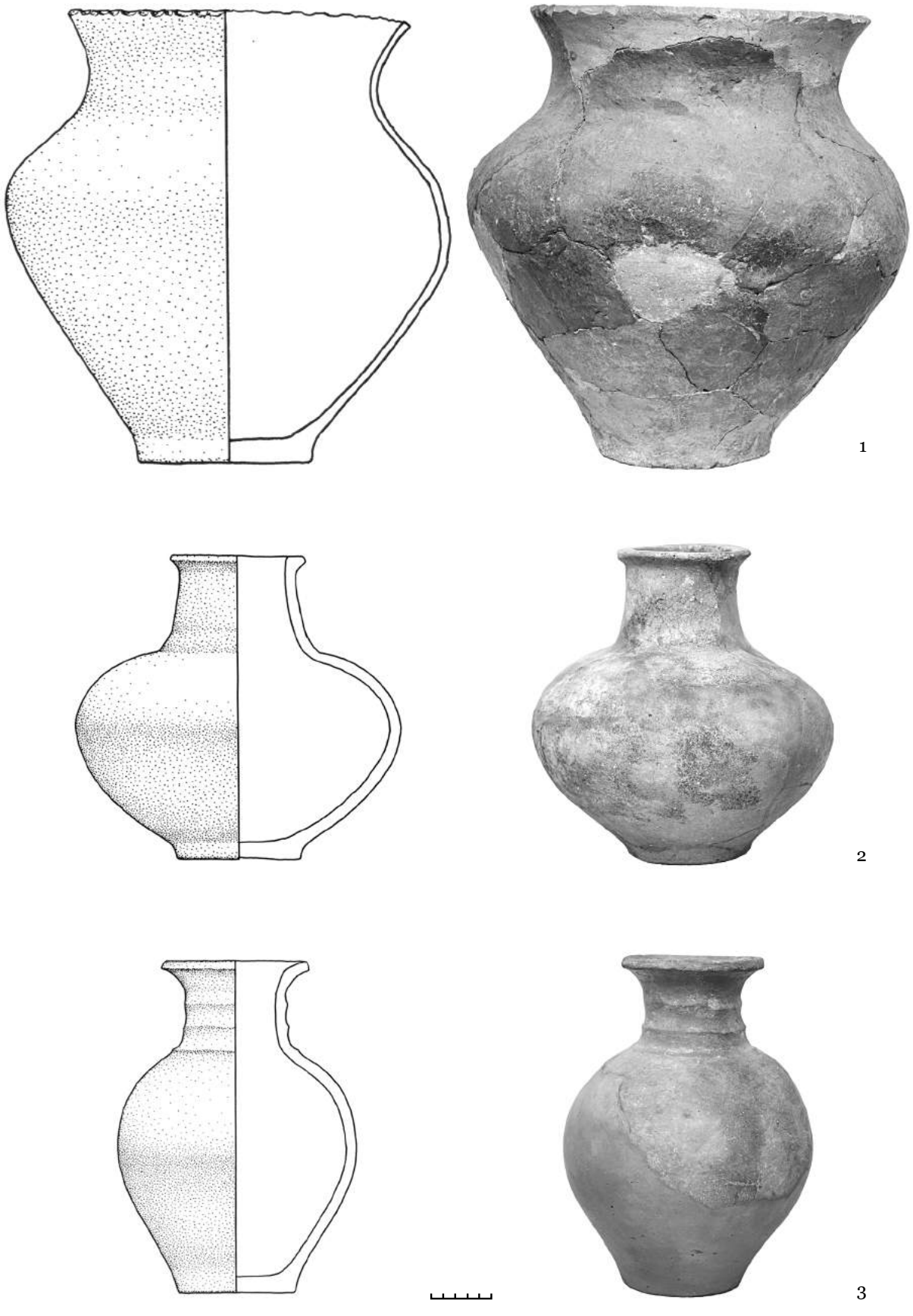


Fig. 6. Butuceni. Vase cu trunchiul bombat.

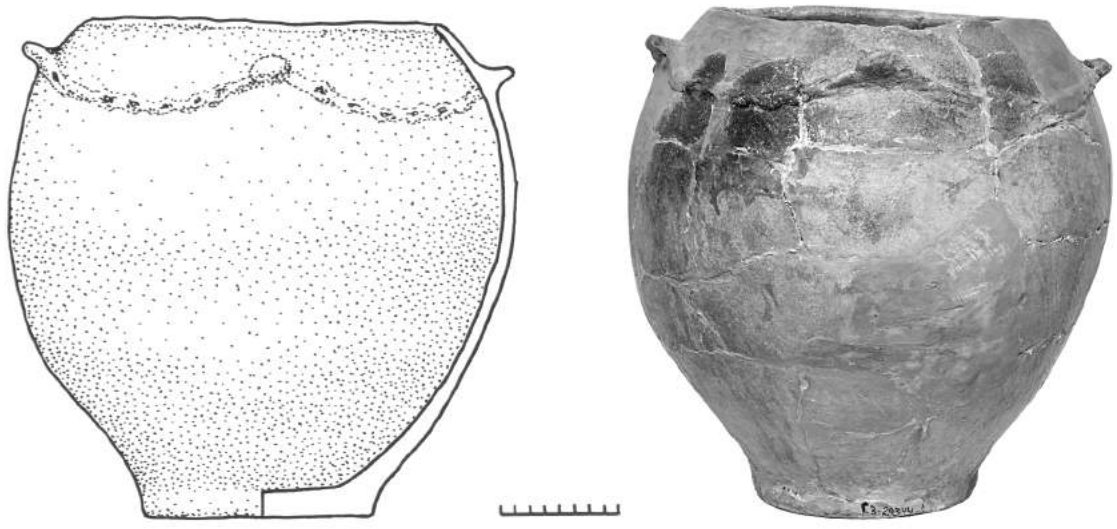


Fig. 7. Butuceni. Vas în formă de clopot.

Recipient[6] (fig. 6/1) cu trunchiul bombat, gâtul scund şi marginea arcuită spre exterior. Înălţimea vasului este de 38 cm, diametrul trunchiului – de 36 cm, diametrul gurii – de 28 cm şi diametrul fundului – de 14 cm. Marginea buzei a fost decorată cu un şir de alveole. Fragmente de la recipiente asemănătoare au fost atestate în fortificaţiile getice de la Saharna Mare şi Saharna „La Şanţ" (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 119/3; 169/1).

Vas[7] (fig. 6/2) cu trunchiul bombat, gâtul înalt care se îngustează puţin în partea superioară, buza îngroşată şi arcuită spre exterior. Înălţimea lui este de 25,2 cm, diametrul trunchiului – de 27 cm, al gurii – de 11,2 cm şi al fundului – de 10,2 cm. Acest recipient se aseamănă ca formă cu vasele întâlnite frecvent în siturile culturii Basarabi-Şoldăneşti (Лапушнян 1979, рис. 25/3; Kaşuba 2008, fig. 5).

Vas[8] (fig. 6/3) cu corpul globular, gâtul cilindric profilat şi buza arcuită în exterior. Înălţimea lui este de 28 cm, diametrul trunchiului – de 20 cm, al gurii – de 11,8 cm, al gâtului – de 8,4 cm şi al fundului – de 9,6 cm. Pe gât a fost aplicat un decor alcătuit din trei linii canelate. Acest recipient, ca formă, se aseamănă cu ulcioarele greceşti lucrate la roata olarului, descoperite în necropolele de la Murighiol (Simion 1995, fig. 3/a), Butor I (Синика, Разумов, Тельнов 2013, рис. 15; 43/4) etc. Un fragment de gât ornamentat cu linii canelate, similare celor de pe recipientul de la Butuceni, provine de la un vas lucrat la roată, atestat în aşezarea getică de la Hansca „Toloacă" (Рикман, Никулицэ 1985, рис. 2/3). După toate probabilităţile, exemplarul de la Butuceni reprezintă o imitaţie a ceramicii greceşti, însă modelată cu mâna. O imitaţie asemănătoare, dar care are şi toartă, a fost descoperită în necropola getică de la Enisala (Simion 2003, fig. 11/10).

Vas în formă de clopot

Exemplarul[9] descoperit la Butuceni (fig. 7) are profilul arcuit cu marginea curbată spre interior. Înălţimea vasului este de 33,5 cm, diametrul corpului – de 34 cm, diametrul gurii – de 23,2 cm, iar al fundului – de 15,2 cm. Pe umăr este aplicat un brâu alveolat, dispus în formă de ghirlandă, întrerupt de patru proeminenţe aplatizate. Astfel de recipiente au fost atestate în necropolele Hansca I (Мелюкова 1960, рис. XVII/1, 2; Arnăut 2003, fig. 46/1, 3), Enisala (Simion 2003, fig. 7/4), precum şi în fortificaţiile de la Saharna „La Revechin" (Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999, fig. 7/6, 7), Stohnaia III (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 236/4) etc.

[6] FB-29162-13. Descoperit în locuinţa nr. 1. Imaginea vasului a fost publicată anterior în: Arnăut 2003, fig. 8/6.

[7] FB-29858-4. Atestat în locuinţa nr. 1. Imagine publicată anterior în: История 1967, 31; Arnăut 2003, fig. 8/3.

[8] FB-29796-1. Locul exact al descoperirii nu a fost identificat. Acest vas este descris şi ilustrat de T. Arnăut (2003, 70, fig. 51/I B4). Însă, dimensiunile reale ale recipientului sunt cu mult mai mari decât cele publicate.

[9] FB-29344-1. Descoperit în locuinţa nr. 2. Fotografia vasului a fost publicată în: Arnăut 2003, fig. 9/4.

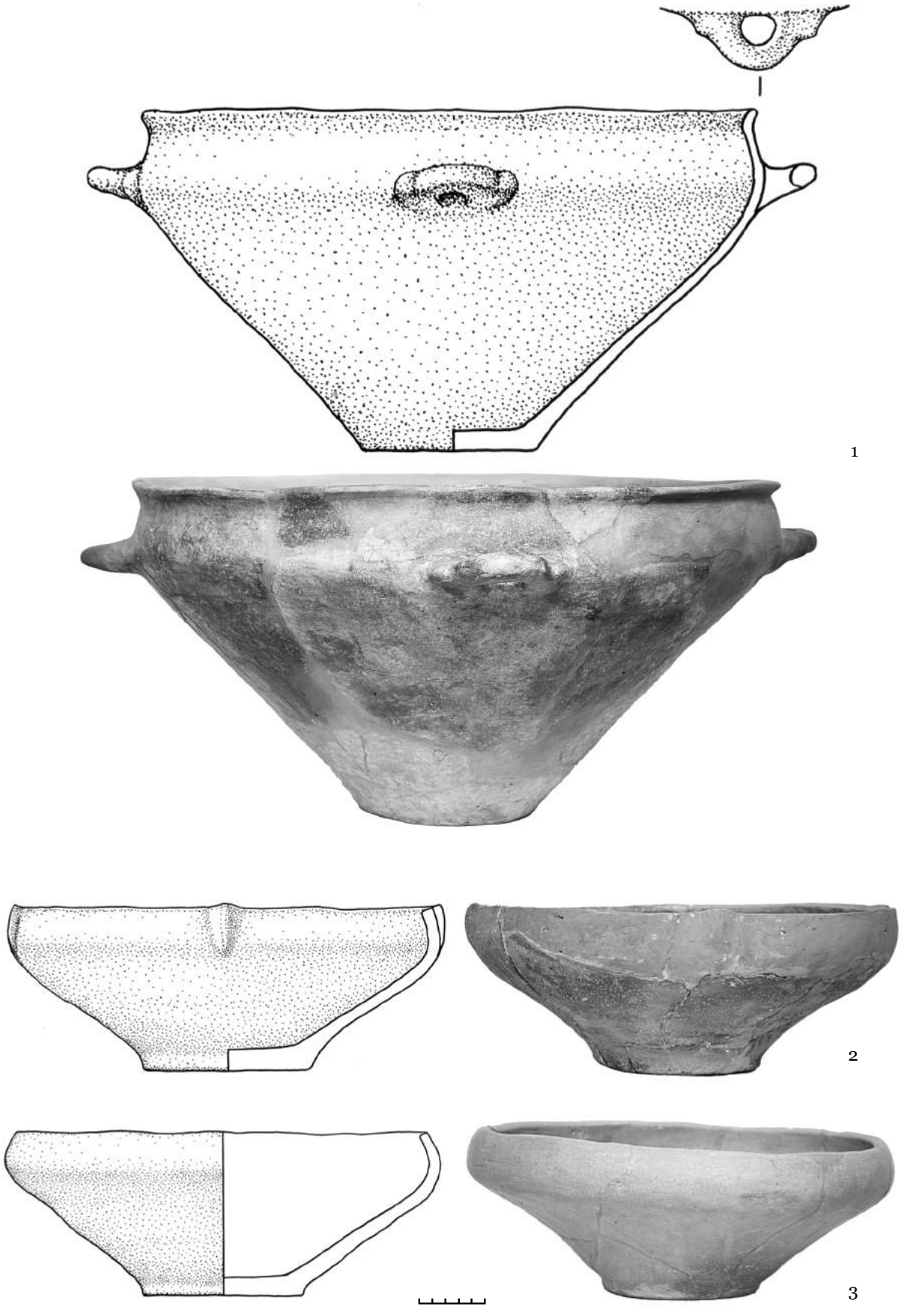


Fig. 8. Butuceni. Castroane şi străchini.

Vas-castron

Recipientul[10] atestat la Butuceni (fig. 8/1) are formă tronconică, cu gâtul scund, arcuit spre interior şi buza evazată. Vasul se evidenţiază prin porţiile sale mari, având înălţimea de 26,4 cm, diametrul maxim – de 48 cm, diametrul gurii – de 47,2 cm, iar al fundului – de 13,6 cm. Castronul este înzestrat cu patru toarte orizontale perforate, aplicate simetric pe linia diametrului mare. Un vas similar, dar de proporţii mai reduse, este cunoscut în necropola getică de la Giurgiuleşti „Vadul Boului" (Arnăut 2003, fig. 50/2). Un alt recipient asemănător ca formă provine din aşezarea Hansca „Limbari" (Никулицэ 1987, рис. 40/1).

Străchini

Strachină[11] (fig. 8/2) de formă tronconică cu marginea arcuită în interior şi buza tăiată oblic. Înălţimea ei este de 11,6 cm, diametrul maxim – de 30 cm, diametrul gurii – de 28,6 cm, diametrul fundului – de 11,6 cm. Pe marginea buzei au fost aplicate simetric patru proeminenţe verticale. Străchini de formă similară, dar lipsite de proeminenţe verticale, au fost descoperite la Butuceni şi în campaniile din 1983-2000 (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 94/3), precum şi în siturile din microzona Saharna (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 136/4; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 164/4). Vase cu ornament analogic, însă puţin diferite ca formă, au fost atestate în necropolele Hansca „Lutăria" (Никулицэ 1972, рис. 3/1, 2) şi Giurgiuleşti „Vadul Boului" (Arnăut 1999, fig. 4/2).

Strachină[12] (fig. 8/3) cu trunchiul tronconic rotunjit, cu marginea arcuită în interior şi buza tăiată oblic. Ea are înălţimea de 11,4 cm, diametrul maxim – de 30 cm, diametrul gurii – de 28 cm, iar al fundului – de 11 cm. Recipientele de acest tip sunt răspândite pe larg în siturile getice din microzona Saharna (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 173/2-4; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 164/3).

Strachină[13] (fig. 9/1) cu trunchiul tronconic rotunjit, cu marginea verticală şi buza tăiată orizontal. Aceasta se evidenţiază prin proporţiile sale reduse, având înălţimea de 3,5 cm, diametrul gurii de 8 cm, iar al fundului de 4,2 cm. Lateral, vasul a avut, probabil, o toartă de la care s-a păstrat doar un fragment.

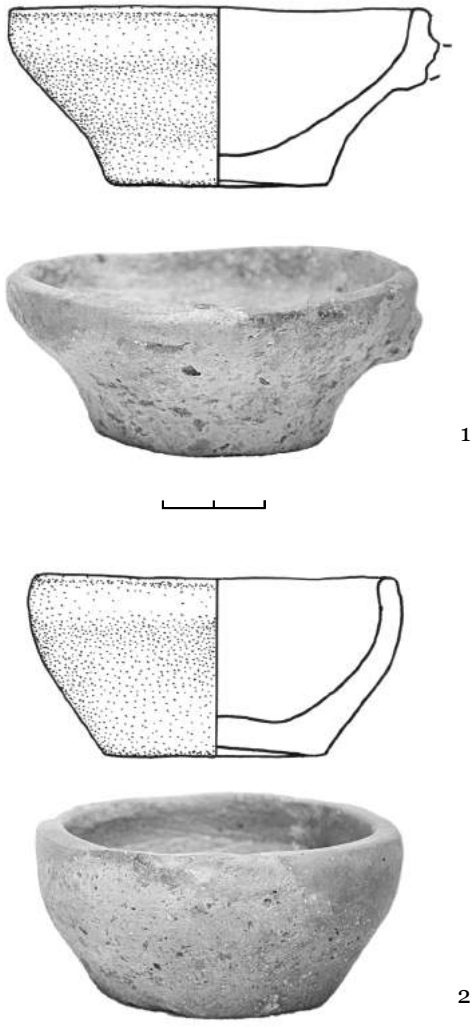


Fig. 9. Butuceni. Străchini miniaturale.

Strachină[14] (fig.9/2) cu profilul rotunjit şi cu marginea uşor arcuită în interior. Ea are înălţimea de 3,5 cm, diametrul gurii de 7 cm, iar al fundului de 4,2 cm.

Străchini miniaturale de tipul celor prezentate mai sus au fost atestate la Butuceni şi în anii '90 ai sec. XX (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 98/8), dar şi alte situri getice, cum ar fi Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 161/5-7).

[10] FB-29162-12. Atestat în locuinţa nr. 2. Ilustrat anterior în: Arnăut 2003, fig. 9/8.

[11] FB-29344-2. Locul exact al descoperirii nu a fost stabilit. Desenul străchinii a fost publicat în: Никулицэ 1977, рис. XII/14.

[12] FB-29796-4. Identificată în locuinţa nr. 2. Imaginea publicată anterior în: Arnăut 2003, fig. 9/11.

[13] FA-11696-3. Locul exact al descoperirii nu a fost identificat. Inedit.

[14] FA-11696-2. Contextul descoperirii nu este cunoscut. Inedit.

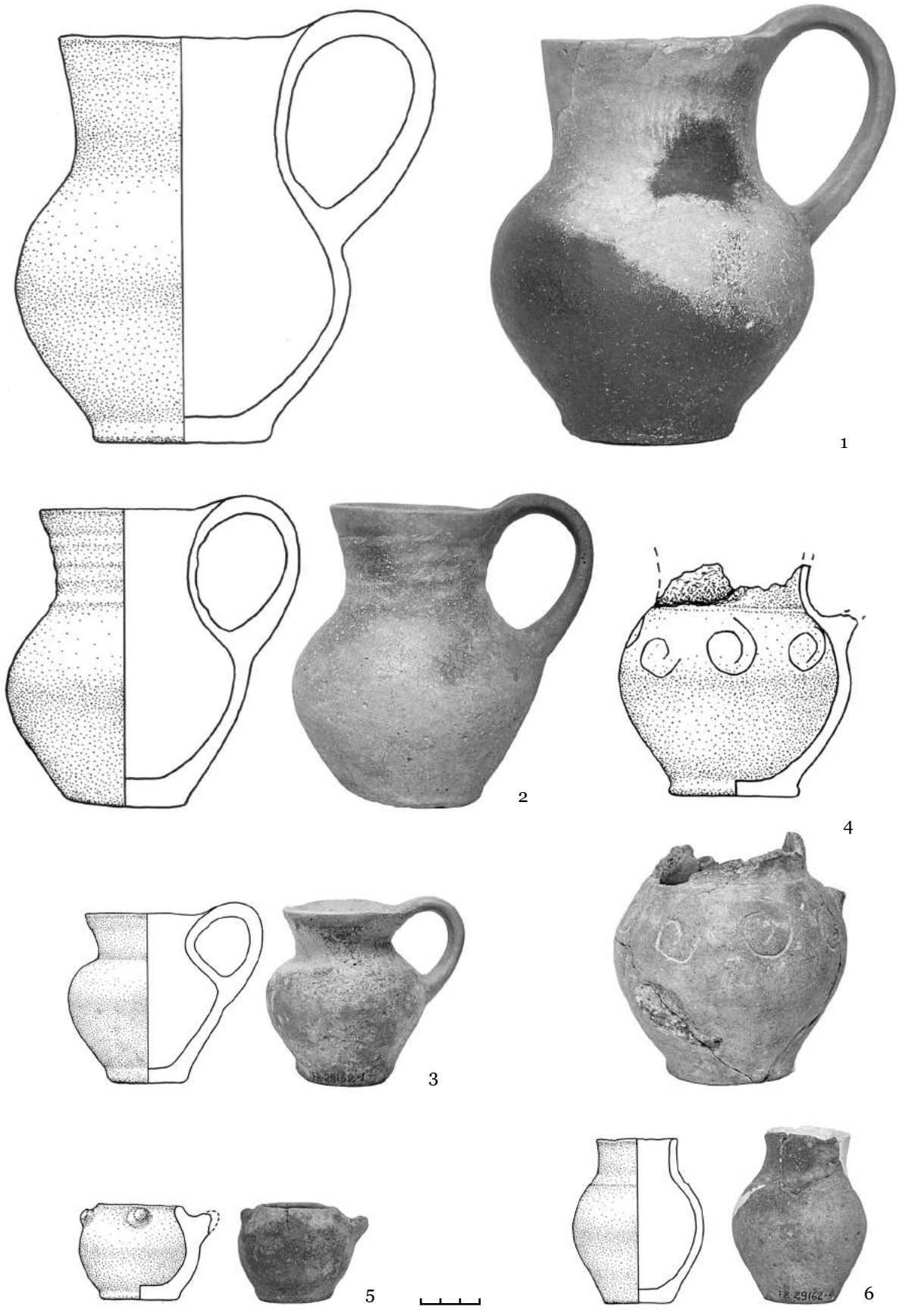


Fig. 10. Butuceni. Căni şi pahare.

Căni

Cană[15] (fig. 10/1) cu trunchiul globular, cu gâtul bine profilat arcuit spre exterior şi toartă supraînălţată, ce se prindea de corp pe linia diametrului maxim şi de buză. Înălţimea ei este de 21 cm, diametrul maxim – de 17 cm, diametrul gurii – de 12 cm, al gâtului – de 11 cm şi al fundului – de 9 cm. Vase similare au fost descoperite la Butuceni şi în campaniile din 1983-2000 (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 95/1), precum şi în alte situri getice: Poiana (Vulpe, Teodor 2003, fig. 164/5), Stânceşti (Florescu, Florescu 2012, fig. 72/3), Teliţa (Cantacuzino, Simion 1962, fig. 6/5) etc.

Cană[16] (fig. 10/2) cu corpul globular, cu gâtul arcuit spre exterior şi toartă supraînălţată, ce se prindea de vas pe linia diametrului maxim şi de buză. Înălţimea ei este de 15,2 cm, diametrul maxim – de 12,4 cm, diametrul gurii – de 8,5 cm, al gâtului – de 7,4 cm şi al fundului – de 6,4 cm. Pe gât, prin aplatizare, a fost redat un decor ce constă din patru caneluri orizontale. Căni de acest fel, însă lipsite de ornament, au fost atestate şi ulterior la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 96/1, 2). De asemenea, ele sunt răspândite pe larg atât în necropolele (Никулицэ 1969, рис. 2/1; Moscalu 1983, pl. LIX/19), cât şi în aşezările getice (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 210/2).

Cană[17] (fig. 10/3) cu trunchiul globular, gâtul scund tronconic şi toartă supraînălţată, prinsă pe linia diametrului maxim şi de buză. Vasul este de proporţii mici şi are înălţimea de 8,8 cm, diametrul maxim – de 8 cm, al gurii – de 6,2 cm, al gâtului – de 5 cm şi al fundului de 4,1 cm. Astfel de recipiente au fost atestate în necropolele getice Strahotin (Teodor 1999, fig. 38/10), Hansca „Lutărie”[18], precum şi în fortificaţiile de la Buneşti (Bazarciuc 1986, fig. 4), Cotu-Copălău (Şovan, Ignat 2012, fig. 14/4) etc.

Cană[19] (fig. 10/4) cu trunchiul globular şi fundul evidenţiat. Partea superioară şi toarta vasului nu au fost restaurate. Recipientul s-a păstrat pe o înălţime de cca 12 cm. Diametrul trunchiului este de 12 cm, al gâtului de 7,6 cm şi al fundului de 6,8 cm. Pe linia diametrului maxim cana a fost decorată cu şase spirale, realizate prin excizie.

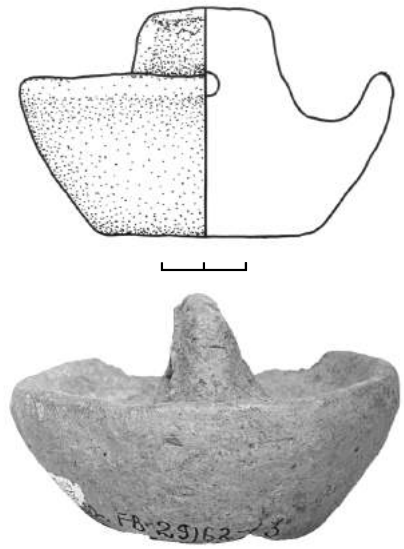


Fig. 11. Butuceni. Capac de vas.

Cană[20] (fig. 10/5) cu trunchiul globular, fără gât şi cu marginea arcuită în interior. Sub buză vasul este înzestrat cu proeminenţă-toartă segmentoidală, precum şi cu trei proeminenţe cilindrice. Cana are înălţimea de 5 cm, diametrul trunchiului – de 6,1 cm, al gurii – de 4,5 cm şi al fundului – de 4 cm. Recipiente asemănătoare au fost descoperite la Buneşti (Bazarciuc 1986, fig. 3, 4), Ghenci (Moscalu 1983, pl. LVII/12) etc.

Pahar

Recipientul[21] (fig. 10/6) are trunchiul bombat, gâtul cilindric şi buza uşor înclinată în exterior. Înălţimea vasului este 8,6 cm, diametrul maxim – de 6,8 cm, diametrul gurii – de 4 cm, iar al fundului – de 3,5 cm. Exemplare similare au fost atestate la Cotu-Copălău (Şovan, Ignat 2012, fig. 14/12), Buneşti (Bazarciuc 1983, fig. 2) etc.

Capac

Piesa[22] (fig. 11) are formă tronconică, cu marginea de sus ridicată. În partea superioară capacul a fost înzestrat cu mâner plat, perforat. Diametrul piesei în partea superioară este de 8,4 cm, iar în cea inferioară – de 5 cm.

[15] FB-29796-3. Descoperită în locuinţă (nr. 3 sau nr. 4). Ilustrată anterior în: Arnăut 2003, fig. 10/2.
[16] FB-29796-2. Atestată în locuinţă (nr. 3 sau nr. 4). O fotografie a vasului nerestaurat apare în: Arnăut 2003, fig. 10/5.
[17] FB-29796-1. Descoperită în locuinţă (nr. 3 sau nr. 4). O imagine a recipientului înainte de restaurare a fost publicată în: Arnăut 2003, fig. 10/3.
[18] Material inedit, păstrat în fondurile Muzeului de Antichităţi „Tudor Arnăut”, Universitatea de Stat din Moldova.
[19] FA-11696-1. Atestată în locuinţa nr. 1. Ilustrată anterior în: Arnăut 2003, fig. 8/7.
[20] FB-29162-5. Locul exact al descoperirii nu a fost identificat. Inedit.
[21] FB-29162-4. Atestat în locuinţa nr. 2. Imagine publicată anterior în: Arnăut 2003, fig. 9/6.
[22] FB-29162-3. Locul exact al descoperirii nu se cunoaşte. Publicat în: Arnăut 2003, 80, fig. 52/9.

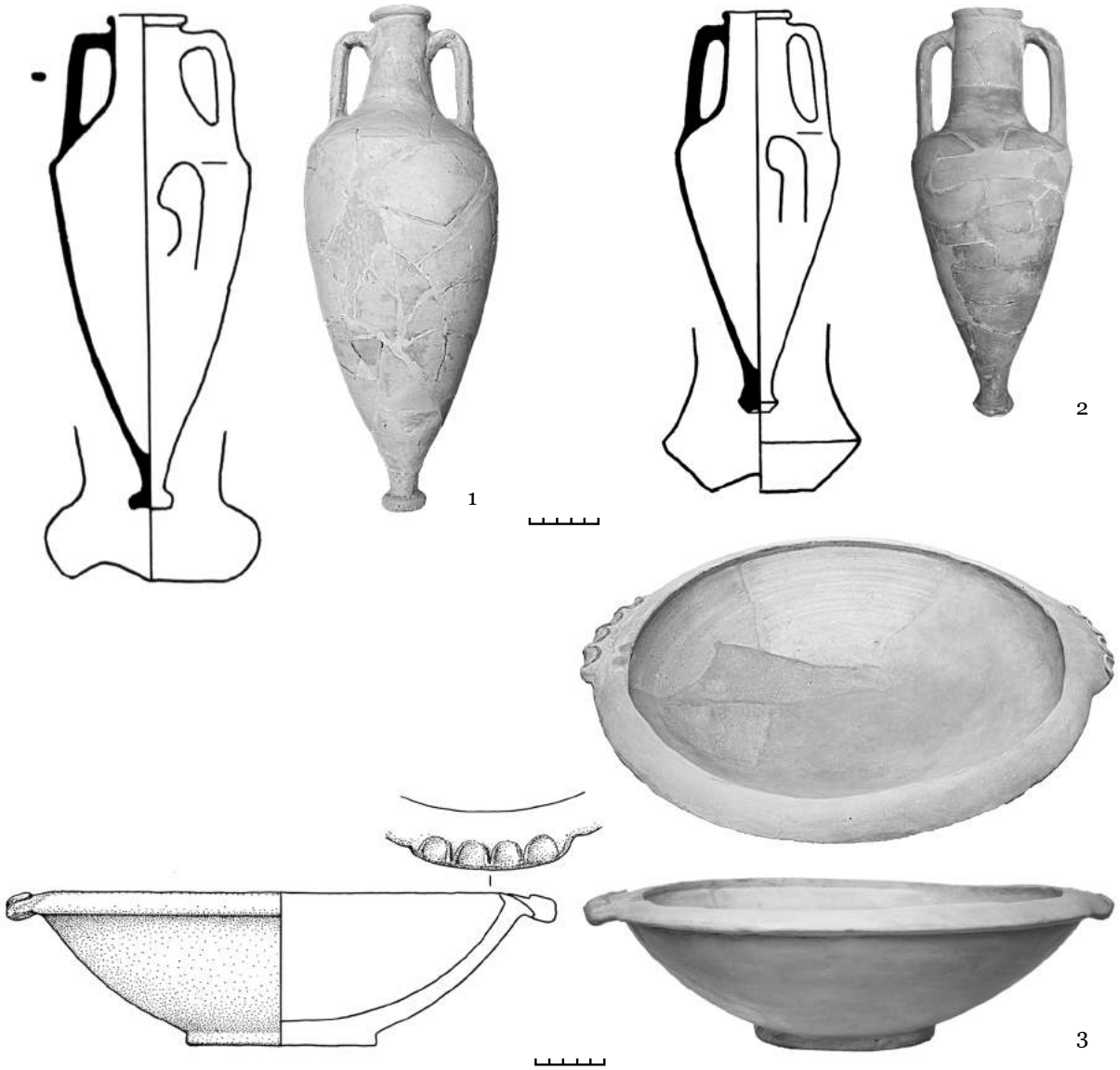


Fig. 12. Butuceni. Importuri greceşti: 1, 2 - amfore de Chersones; 3 - luteriu.

Din categoria ***ceramicii lucrate la roata olarului*** au fost restaurate două amfore şi un luteriu.

Prima amforă[23] (fig. 12/1) a fost modelată din pastă maronie-gălbuie. Ea are corpul bitronconic iregular alungit, buza în valţ evazată şi piciorul profilat cu o adâncitură mică în talpă. Înălţimea amforei este de 74 cm, diametrul maxim – de 27,8 cm, diametrul gurii – de 9,5 cm şi diametrul piciorului – de 6,5 cm. Astfel de recipiente au fost produse de Chersones şi sunt atribuite tipului 1A-3, conform cronologiei lui Monachov (Монахов 1999, т. 112/1), datat între ultimul sfert al sec. IV a. Chr. şi primul sfert al sec. III a. Chr. Aceste vase au capacitatea medie de 26,26 litri.

Cea de a doua amforă[24] (fig. 12/2) reprezintă un recipient de fracţie mică şi aparţine aceluiaşi centru producător grecesc. Recipientul, confecţionat din pastă maronie, are corpul bitronconic cu înălţimea de 57,8 cm şi diametrul maxim de 23 cm, cu piciorul profilat bitronconic cu diametrul de 5,4 cm, cu o adâncitură în talpă. Amforele fracţionare de Chersones, au capacitatea de 7-8 litri şi sunt

[23] FB-29858-7. Atestată în locuinţă (nr. 3 sau nr. 4) (Arnăut 2003, fig. 10/7).

[24] FB-29858-6. Contextul descoperirii nu este cunoscut.

întâlnite destul rar. Majoritatea lor se datează cu sfârşitul sec. IV - începutul sec. III a. Chr.

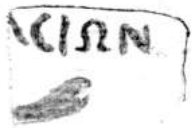
Luteriul[25] (fig. 12/3), vas folosit pentru spălarea pe mâini (corp?), reprezintă o strachină tronconică cu calota largă, dar nu prea adâncă, cu buza lată evazată, cu două toarte segmentoide orizontale, ornamentate cu decor în formă de „feston", aplicat prin apăsarea cu degetul pe pasta crudă. Vasul are înălţimea de 11,6 cm, diametrul gurii – de 34 cm şi al fundului – de 14,2 cm. În mediul barbar şi grecesc de pe litoralul nord-vest pontic se întâlnesc luterii produse în Chersones sau Sinope. Componenţa pastei şi culoarea recipientului indică o producţie sinopeană, datată în sec. IV-III a. Chr. Un alt luteriu întregibil, însă cu decorul aplicat pe buză, a fost descoperit la Butuceni în anul 1983 (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 121/11).

De asemenea, din colecţia de ceramică de la Butuceni, provenită din cercetările din anii 1947-1949, prezintă interes şi nouă ştampile de amfore greceşti. Două aparţin unor amfore de Thasos, patru – producţiei Chersonesului Tauric, două – amforelor sinopiene şi una – amforelor de Cos.

Toate ştampilele de Chersones aparţin unui singur magistrat şi au fost executate cu aceiaşi matrice, ceea ce denotă achiziţionarea, în multe cazuri, „en gros", a amforelor din acest centru.

Thasos

1. Ştampilă pe toartă[26].
[Θα]σίων
delfin←
.....



Ştampilă în relief. Primul sfert al sec. III a. Chr., mai degrabă după anii '70 ai sec. III a. Chr., când în scrierea de la Thasos apare transcripţia sigmei „lunare".
Mateevici 2007, 141, nr. 54.

2. Ştampilă pe toartă[27].
Θασ[ίων]
amfora←
[..]ιχ[..]

Ştampilă în relief. Datată, posibil, cu sfârşitul sec. IV - începutul sec. III a. Chr.
Mateevici 2007, 140, nr. 52.

Chersones

3. Ştampilă pe toartă[28].
[Π]ολυστ[ράτου]
{ΣΤΡ}ἀστυνόμου

Ştampilă în relief. Aparţine magistratului (astynomului) Polistratos, datat cu grupa 1B (300-285 a. Chr.), conform cronologiei lui V. Kats (Кац 1994). Întocmai la: Ахмеров 1947, рис. IV/ 21, 22; Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, nr. 902; Борисова 1974, таб. XI/13; Lungu 1992, pl. VII/ 74; Попова, Коваленко 2005, 104, №38.
Mateevici 2007, 196, nr. 354.

4. Ştampilă pe toartă[29].
Πολυστρά[του]
{ΣΤΡ}ἀστυνόμ[ου]

Ştampilă în relief. Aparţine magistratului (astynomului) Polistratos, datat cu grupa 1B.
Mateevici 2007, 196, nr. 355.

5. Ştampilă pe toartă[30].
Πολυ[σ]τρά[του]
{ΣΤΡ}αστυνόμο[υ]

[25] FB-29796-5. Descoperit în locuinţa nr. 1. Imaginea vasului a fost publicată în: Arnăut 2003, fig. 8/9.
[26] FB-21873-3, inv. 11033.
[27] FB-21873-13, inv. 11043.
[28] FB-21873-4, inv. 11034.
[29] FB-21873-4, inv. 11034.
[30] FB-21873-5, inv. 11035.

Ştampilă în relief. Aparţine magistratului (astynomului) Polistratos, datat cu grupa 1B.
Mateevici 2007, 196, nr. 356.

6. Ştampilă pe toartă[31].
Πολυστρά[του]
{ΣΤΡ}ἀστυνόμου

Ştampilă în relief. Aparţine magistratului (astynomului) Polistratos, datat cu grupa 1B.
Mateevici 2007, 196, nr. 357.

Sinope
7. Ştampilă pe toartă[32].
[ἀστυνο] μοῦντος
[’Απολλω]νίου τοῦ strugure
[Ποσι]δονίου
[.....]

Ştampilă în relief. Aparţine magistratului (astynomului) Apollonios al lui (feciorul lui) Posidonios. Datarea: subgrupa V-e (conform cronologiei lui N. Conovici). Întocmai la: Rădulescu et al. 1988-1989, 56, pl. III/20-21; Conovici 1998, 150, nr. 573.
Mateevici 2007, 188, nr. 217.

8. Ştampilă pe toartă[33].
[.....]
[.....]χ...
Simbol Εστ[.....] ?

Ştampilă în relief. Aparţine magistratului. Posibil, în ultimul rând numele producătorului Estiaios?
Mateevici 2007, 191, nr. 261.

Cos
9. Ştampilă pe toartă[34].
MOC

Ştampilă în relief. Ştampilă de producător, a cărui nume este redat în forma prescurtată. Datarea: începutul sec. III a. Chr. Штаерман 1951, рис. 5, № 128.
Mateevici 2007, 197, nr. 376.

Cercetările ulterioare, efectuate la cetatea Butuceni în anii ‘80-‘90 ai sec. XX, au scos în evidenţă, deopotrivă cu centrele menţionate mai sus, materiale amforistice din alte 11 oraşe greceşti, producătoare ale acestui ambalaj de transport şi păstrare a substanţelor lichide (Mateevici 1999, 177-195; Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 53-59, fig. 102-119).

Plecând de la analogiile pentru ceramica modelată cu mâna, cunoscută şi în alte situri din spaţiul populat de comunităţile getice, precum şi de la datarea recipientelor de import de la Butuceni, considerăm că vasele prezentate în rândurile de mai sus se încadrează perfect în sec. IV-III a. Chr. Această datare este confirmată şi de rezultatele investigaţiilor arheologice din anii 1983-2000 (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 63-65).

Astfel, introducerea în circuitul ştiinţific a recipientelor getice şi greceşti, descoperite la Butuceni în anii 1947-1949, vine să completeze informaţia cu privire la bogatul inventar arheologic din acest sit, cunoscut anterior doar în urma săpăturilor din 1983-2000, precum şi din ultimii ani.

[31] FB-21873-8, inv. 11038.
[32] FB-21873-9, inv. 11039.
[33] FB-21873-10, inv. 11040.
[34] FB-21873-11, inv. 11041.

Bibliografie

Arnăut 1999: T. Arnăut, Necropola getică de la Giurgiuleşti. In: (Ed. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) Studia in honorem Ion Niculiţă (Chişinău: Cartdidact 1999), 135-145.

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Bazarciuc 1983: V.V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Buneşti, jud. Vaslui. MCA XV, 1983, 211-217.

Bazarciuc 1986: V.V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Buneşti-Avereşti, jud.Vaslui. MCA XVIII, 1986, 88-91.

Cantacuzino, Simion 1962: G. Cantacuzino, G. Simion, Cercetările arheologice de la Telița. MCA VIII, 1962, 373-382.

Conovici 1998: N. Conovici, Les timbres amphoriques. 2. Sinope. In: Histria, VIII (Bucarest-Paris 1998).

Florescu, Florescu 2012: A. Florescu, M. Florescu, Cetăţile traco-getice din sec. VI-III a. Chr. de la Stânceşti (jud. Botoşani) (Târgovişte: Editura Cetatea de Scaun 2012).

Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969: M. Gramatopol, Gh. Poenaru-Bordea, Amphora Stamps from Callatis and South Dobroudja, Dacia N.S. XIII, 1969, 127-282.

Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999: Al. Levinschi, O. Şcipachin, Gh. Dulea, Rezervaţia istorico-naturală „Saharna" – primele investigaţii. Tyragetia VIII, 1999, 51-68.

Lungu 1992: V. Lungu, Circulaţia amforelor ştampilate în zona Capul Dolojman, Pontica XV, 1992, 69-97.

Mateevici 1999: N. Mateevici, Contribuţii la cercetarea şi studierea materialului ceramic grecesc de la cetatea getică de la Butuceni. In: (Eds. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) Studia în honorem I. Niculiţă (Chişinău 1999), 177-195.

Mateevici 2007: N. Mateevici, Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Moscalu 1983: Em. Moscalu, Ceramica traco-getică (Bucureşti 1983).

Munteanu, Iarmulschi, Moraru 2014: O. Munteanu, V. Iarmulschi, S. Moraru, Noi cercetări arheologice ale sistemului defensiv din extrema vestică a fortificaţiei Butuceni. In: Sesiunea ştiinţifică a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (16-17 octombrie 2014, Chişinău). Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2014), 26-27.

Munteanu, Moraru 2015: O. Munteanu, S. Moraru, remodelări ale sistemului defensiv getic de pe promontoriul de la Butuceni. In: Conferinţa ştiinţifică internaţională „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor" (Chişinău, 26-28 mai 2015). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2015), 33.

Munteanu 2016: O. Munteanu, Noi descoperiri defensive în partea de vest a promontoriului Butuceni, raionul Orhei (cercetările arheologice din anul 2015). Tyragetia s.n. X/1, 2016, 237-252.

Munteanu 2017: O. Munteanu, Generalităţi şi particularităţi ale sistemului defensiv din vestul promontoriului Butuceni / General and particular features of the defense system from the west side of promontory Butuceni. In: (Eds. A. Zanoci, V. Sîrbu, M. Băţ) Iron Age fortifications on the Tisa-Dniestr spase. Proceedings of Saharna Summer Colloquium (July 14th-17th, 2016) (Chişinău-Brăila 2017), 65-112.

Niculiţă 1996: I. Niculiţă, Habitatul traco-getic de la Butuceni. Thraco-Dacica XVII/1-2, 1996, 139-167.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 1995: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei, 1993-1994. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, I (Bucureşti 1995), 472-490.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 1997: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei, 1995-1996. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, II (Bucureşti 1997), 292-339.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu. Siturile din zona Saharna (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău 2016).

Rădulescu et al. 1988-1989: A. Rădulescu, M. Bărbulescu, L. Buzoianu, N. Cheluţă-Georgescu, Importuri amforice la Albeşti: Sinope. Pontica XXI-XXI, 1988-1989, 23-89.

Simion 2003: G. Simion, Geto-dacii din nordul Dobrogei în descoperirile de la Enisala. In: G. Simion, Culturi antice în zona Gurilor Dunării, vol. I (Cluj-Napoca 2003), 259-320.

Şovan, Ignat 2012: O.L. Şovan, M. Ignat, Aşezarea getică fortificată de la Cotu-Copălău (Târgovişte: Editura Cetatea de Scaun 2012).

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î. d. Hr. Consideraţii generale şi repertoriu arheologic (Bucureşti 1999).

Vulpe, Teodor 2003: R. Vulpe, S. Teodor, Piroboridava. Aşezarea geto-dacică de la Poiana (Bucureşti 2003).

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Ахмеров 1947: Р.Б. Ахмеров, Амфоры древнего Херсонеса. ВДИ 1, 1947, 160-176.

Борисова 1974: В.В. Борисова, Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. Нумизматика и Эпиграфика XI, 1974, 99-124.

История 1967: История РСС Молдовенешть, вол. I (Кишинэу 1967).

История 1987: История Молдавской ССР (Кишинев 1987).

Кац 1994: В.И. Кац, Керамические клейма Херсонесса Таврического. Каталог-определитель (Саратов 1994).

Лапушнян 1979: В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X - начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ, вып. 4 (Кишинев 1974).

Мелюкова 1960: А.И. Мелюкова, Отчет о работе скифского отряда Молдавской экспедиции ИА и Молдавского филиала АН СССР в 1960 г. (Кишинев 1960). Arhiva Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, inv. nr. 26; 399.

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары (Саратов 1999).

Никулицэ 1969: И.Т. Никулицэ, Исследование гетского могильника Лутэрия у с. Ханска. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 134-145.

Никулицэ 1972: И.Т. Никулицэ, Исследование гетского могильника Ханска-Лутэрия. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинев 1972), 105-121.

Никулицэ 1977: И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).

Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).

Попова, Коваленко 2005: Е.А. Попова, С.А. Коваленко, Историко-археологические очерки греческой и позднескифских культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища) (Москва 2005).

Рикман, Никулицэ 1985: Э.А. Рикман, И.Т. Никулицэ, Гетское поселение Ханска. В сб.: АИМ в 1981 г. (Кишинев 1985), 118-124.

Синика, Разумов, Тельнов 2013: В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Буторы (Тирасполь 2013).

Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. В сб: Ученые записки Института истории, языка и литературы, II (Кишинев 1949), 189-202.

Штаерман 1951: Е.М. Штаерман, Керамические клейма из Тиры. КСИИМК XXXVI, 1951, 31-50.

Collection of ceramic items from Butuceni in the National Museum of History of Moldova

Keywords: fortress, Getae, hand-shaped pottery, Greek amphorae, imitations.

Abstract: In 2006, a collection of ceramic objects from the archeological excavations of the Getae fortress of Butuceni, which had been carried out by G. Smirnov in 1947-1949, was transferred to the National Museum of History of Moldova. In the museum, the collection was processed, and the vessels, which were amenable to reconstruction, were restored by specialists of the institution. Thus, 18 hand-shaped and three wheel-made vessels are currently available for research, as well as nine stamps of Greek amphorae. In this article, in the form of a catalog, the restored vessels and amphora stamps are described.

The introduction into the scientific circulation of the vessels discovered in Butuceni in 1947-1949 will replenish the rich archaeological finds from this site, already known after the excavations of 1983-2000, as well as in recent years.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the Butuceni site: 1 - on physical map; 2 - on topographical map; 3 - on orthophotomap (after Google Earth Pro).

Fig. 2. Butuceni. 1 - location of the fortification (view from the west); 2 - remains of the fortress (view from the south).

Fig. 3. Graphical reconstruction of the Butuceni fortress.

Fig. 4. Georgy Smirnov with restored vessels from Butuceni.
Fig. 5. Butuceni. Vessels with a convex body.
Fig. 6. Butuceni. Vessels with a convex body.
Fig. 7. Butuceni. Bell-shaped vessel.
Fig. 8. Butuceni. Pots and bowls.
Fig. 9. Butuceni. Miniature bowls.
Fig. 10. Butuceni. Mugs and cups.
Fig. 11. Butuceni. Lid of a vessel.
Fig. 12. Butuceni. Greek imports: 1, 2 - Chersones amphorae; 3 - louterion.

Коллекция керамики из Бутучень в фондах Национального музея истории Молдовы

Ключевые слова: городище, геты, лепная керамика, греческие амфоры, имитации.

Резюме: В 2006 году в фонды Национального музея истории Молдовы была передана коллекция керамики из археологических раскопок гетского городища Бутучень, проводившихся Г. Смирновым в 1947-1949 годах. Попав в фонды музея, коллекция была обработана, а сосуды, поддающиеся воссозданию, были восстановлены специалистами-реставраторами учреждения. Таким образом, в настоящее время доступны для исследований 18 лепных и три гончарных сосуда, а также девять клейм греческих амфор. В данной статье в виде каталога описаны восстановленные сосуды, а также амфорные клейма.

Введение в научный оборот сосудов, обнаруженных в Бутучень в 1947-1949 годах, пополнит богатый археологический инвентарь этого памятника, уже известный после раскопок 1983-2000 годов, а также за последние годы.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение памятника Бутучень: 1 - на физической карте; 2 - на топографической карте; 3 - на ортофотоплане (по Google Earth Pro).
Рис. 2. Бутучень. 1 - расположение городища (вид с запада); 2 - остатки городища (вид с юга).
Рис. 3. Графическая реконструкция городища Бутучень.
Рис. 4. Георгий Смирнов с восстановленными сосудами из Бутучень.
Рис. 5. Бутучень. Сосуды с выпуклым туловом.
Рис. 6. Бутучень. Сосуды с выпуклым туловом.
Рис. 7. Бутучень. Колоковидный сосуд.
Рис. 8. Бутучень. Горшки и миски.
Рис. 9. Бутучень. Миниатюрные миски.
Рис. 10. Бутучень. Кружки и чашки.
Рис. 11. Бутучень. Крышка сосуда.
Рис. 12. Бутучень. Греческий импорт: 1, 2 - амфоры из Херсонеса; 3 - лутерий.

19.09.2017

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: azanoci@gmail.com

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: amforaelada@yahoo.com

CETATEA GETICĂ DE LA CRIVEŞTI (COMUNA STRUNGA, JUD. IAŞI)

Dumitru Boghian
Alexandru Berzovan
Sergiu-Constantin Enea

Cuvinte-cheie: epoca fierului, geți, cetate, Podișul Moldovei, cercetări arheologice.

Introducere

Semnalată de Alexandru Odobescu în al său *Cestionariu arheologic* (*Cestionariu sau Isvod de întrebările la cari se cere a se da respunsuri în privinţa vechilor aşedeminte ce se află în deosebitele comune ale României*, 1871-1873)[1], cetatea de la Criveşti (com. Strunga, jud. Iaşi) a fost cercetată prin repetate investigaţii perieghetice de către Constantin Cihodaru (1951), Nicolae Zaharia în 1955 (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970, 184-185), Vasile Chirica în 1983 (Chirica, Tanasachi 1985, 380), Dumitru Boghian şi Constantin Mihai între 1985 şi 1987 (materiale inedite). Datorită faptului că acest monument arheologic este destul de puţin cunoscut în literatura de specialitate, cu precizări cultural-cronologice insuficiente, prin noi cercetări de teren (noiembrie 2016), studierea aprofundată a materialelor cartografice istorice şi a fotografiilor aeriene şi satelitare şi valorificarea materialelor arheologice recuperate, în diferite etape, dorim să facem o serie de completări legate de această fortificaţie (cod LMI- IS-I-s-B-03568[2]).

Cadrul geografic şi descrierea cetăţii

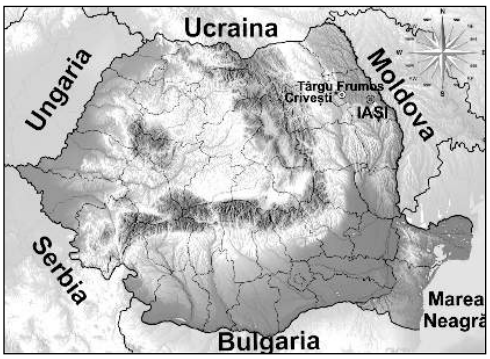
Din punctul de vedere al amplasamentului general (fig. 1), localitatea Criveşti se găseşte în sectorul sudic al Şeii Ruginoasa-Strunga (subunitate a Podişului Sucevei), într-un relief colinar care coboară sub 300 m altitudine, la contactul cu Câmpia Moldovei (subsectorul Bahlui-Bahluieţ) şi segmentul nord-vestic al Coastei Iaşilor (componenta nord-nord-estică a Podişului Central Moldovenesc), pe un micro-culoar transversal (V-E), de-a lungul pârâului Criveşti (Criva), care leagă bazinul mijlociu al Siretului de cursul mijlociu al Bahluieţului (zona Târgului Frumos).

Zona are o structură geologică sarmaţian-basarabiană (pentru acest areal fiind binecunoscute *gresiile şi calcarele oolitice de Criveşti*), cu o înclinare generală NV-SE, peste care se găseşte o pătură subţire de depuneri cuaternare (*QP3*) şi sedimente holocene, mai ales pe albiile pârâurilor. Astfel, micro-arealul Criveşti ne apare, din punctul de vedere al reliefului, ca o interesantă asociere de platouri structurale şi sculpturale, delimitate şi/sau străbătute de numeroase pârâuri şi văi torenţiale foarte mici şi mici. Un asemenea platou este *Dealul Cetăţii* (numit aşa în perioada interbelică) sau *Dealul Viei* (cum apare în hărţile topografice inter- şi postbelice), individualizat spre est din Dealul Movileni-Criveşti pe care se află pădurea Criveşti (335 m altitudine).

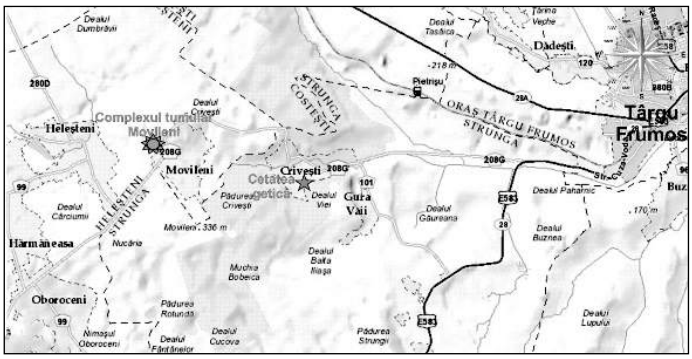
Acest lob estic are o formă cvasi-rectangulară/trapezoidală (circa 1000 m, pe direcţia NNV-SSE, şi 800/900 m, pe axele de SSV-NNE, prezintă o înălţime maximă de 235 m şi o înclinare NV-SE, către curba de nivel de 200 m, şi este jalonat de Valea Zaharia (la NV) şi Valea Găureana (la S, SE şi E), ambele tributare ale cursului pârâului Criveşti (la N, cca 100 m altitudine). Singura zonă accesibilă mai facil, cea dinspre platou, se găseşte spre SV. În aceste condiţii, întreg platoul se înfăţişează ca o cetăţuie naturală, cu pantele deosebit de abrupte ale amplasamentului (25-50%, pe laturile de NV, N şi E; 10-25% spre S şi VSV) o altitudine relativă de aprox. 100 m şi o suprafaţă totală de 90 ha, având vizibilitatea deschisă spre nord, nord-est şi est (fig. 2).

Pe acest platou (fig. 3), în colţul de NV se găseşte situl *La Cetate* (repere: 300 m S de vatra localităţii şi 1 km SE de biserica satului Criveşti; 3 km ESE de complexul tumular (cele două movile mari) de

[1] Al. Odobescu, *Cestionariu,* vol. VII, ms. 229, fila 94.
[2] http://www.monumenteiasi.ro/situri_arheologice_localitati.php?id=56



1



2

3

Fig. 1. Amplasarea geografică a sitului Criveşti-*Cetate* (1-3);
(suporturi cartografice ANCPI, Google Earth).

la Movileni (com. Heleşteni) şi 0,9 km VNV de biserica satului Gura Văii (Găureana); coordonate geografice: 47°11'38.64"N; 26°55'50.37"E). Şi în cazul acestei fortificaţii, se observă îmbinarea elementelor antropice (valul şi şanţul de apărare adiacent, posibil şi un turn) cu cele naturale, mai ales pe laturile de nord şi VNV (pantele abrupte de până la 50%). Forma cetăţii este ovală/cvasi-elipsoidală (poate rectangulară cu colţurile rotunjite, în vechime) cu axul lung de aprox. 190 m, pe direcţia NV-SE, şi circa 120 m, pe axul transversal, SV-NE[3], suprafaţa acesteia fiind, în realitate, mai mare (cca 2,5 ha) decât s-a estimat anterior, 80/90 m × 40-50 m (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970, 184; Chirica, Tanasachi 1985, 380) şi/sau mai mică decât cea indicată de A.C. Florescu de 4-10 ha[4] sau 1,5 ha, ulterior (Florescu 1980, 12-13).

Precizăm că aceste date prezintă relativitatea de rigoare, cu atât mai mult cu cât erodarea unor segmente importante ale traseului valului (alunecările de teren de pe laturile de nord şi nord-est), aplatizarea acestuia în zona sud-estică şi atenuarea şanţului, prin acoperire în urma locuirii medievale târzii din sec. XVII (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970, 185) şi a lucrărilor agricole (plantarea şi scoaterea viei, repetatele arături adânci) ne invită la prudenţa ştiinţifică. În acelaşi timp, arătăm că elementele de fortificare ale cetăţii au fost afectate şi prin lucrările genistice (tranşee, puncte de observare şi comandă aferente liniei de fortificare a Siretului din timpul celui de-al

[3] Dimensiunile sunt date între marginile exterioare ale şanţului care înconjoară valul.

[4] Nu ştim ce dimensiuni ale acestui monument a avut în vedere A.C. Florescu când a încadrat cetatea de la Criveşti în seria fortificaţiilor cuprinse între 4-10 ha, alături de Cotnari-*Cătălina*, Moşna şi Brăhăşeşti (Florescu 1971, 108).

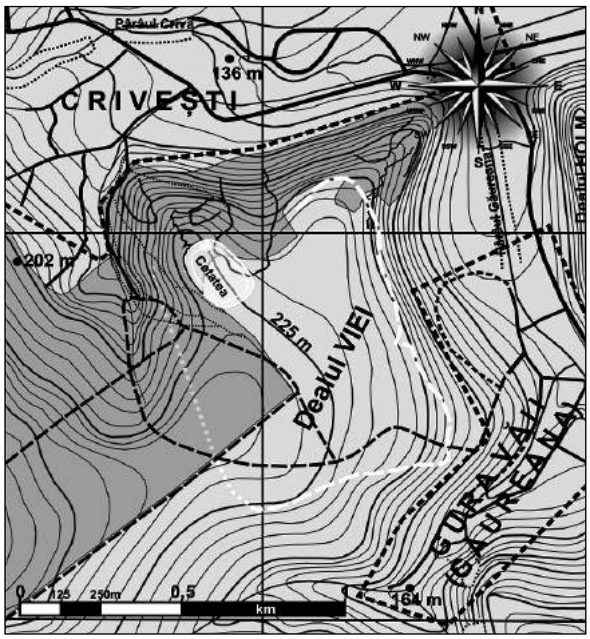


Fig. 2. Detaliu topografic Criveşti-*Cetate*.

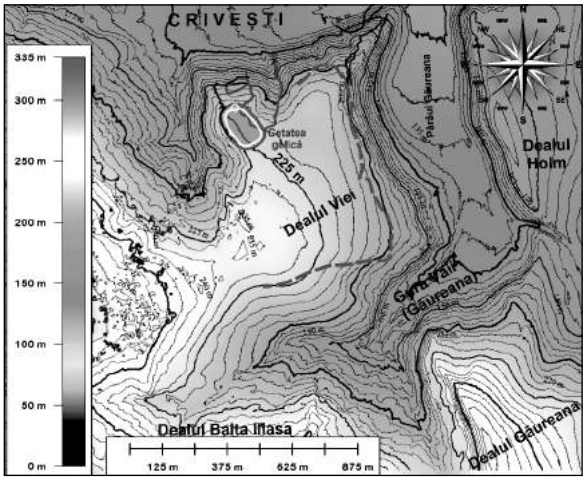


Fig. 3. Detaliu topografic şi hipsometric Criveşti-*Cetate*.

Doilea Război Mondial, bombardamente intense, aprilie-mai 1944, Bătăliile de la Târgu Frumos), ale căror urme sunt foarte vizibile în jurul fortificaţiei şi pe laturile platoului).

Materiale arheologice

Materialul arheologic recuperat, deşi nu foarte numeros şi aflat într-o stare puternic fragmentară, ne oferă posibilitatea să facem câteva observaţii. Din punct de vedere numeric, predomină net ceramica de factură getică. Prezenţa câtorva bucăţi de vase cucuteniene pictate (faza A3), dar şi a unor buze de ulcele medieval-târzii indică vieţuiri sporadice în acest punct şi în alte intervale cronologice.

În ceea ce priveşte ceramica getică, se remarcă borcanele cu caracteristici morfologice specifice veacurilor IV-III a. Chr. (fig. 4/6, 7; fig. 5/12-15). Sunt arse mixt şi lucrate destul de neglijent. Urmele consistente de ardere secundară şi afumare sugerează utilizarea acestor vase la gătit. Corespondenţele sunt foarte numeroase: Huşi-*Corni* (Teodor 1999, fig. 28), Cotu-Copălău (Şovan, Ignat 2005, pl. 6/9-10; pl. 10/9; pl. 12/6, etc.), Stânceşti (Florescu, Florescu 2012, fig. 69/1, 4), Ibăneşti (Şadurschi, Moscalu 1989, fig. 5/1; 6/1-2), Dobrovăţ-*Cetăţuia* (Berzovan 2016, pl. 13/19-21), etc. Străchinile, de diverse tipuri, sunt şi ele destul de bine reprezentate (fig. 4/1-5). Observăm şi prezenţa unui vas cu pereţii aproape drepţi (fig. 4/8), dar şi a unei oale cu două torţi (fig. 5/9).

Consideraţii finale

După formă şi dimensiunile elementelor de fortificare, cetatea de la Criveşti se înscrie, credem, în seria construcţiilor defensive simple, de dimensiuni mici, care îmbină elementele naturale de apărare (pantele abrupte şi văile perimetrale) cu cele antropice (şanţ exterior, val şi, probabil, palisadă). Valul de pământ al acestei fortificaţii se păstrează pe circa 30% din lungimea sa (jumătate din latura de V-SV şi arcuirea de NV), unde are o lăţime de până la 8-10 m şi o înălţime de până la 1,5 m. În acest sens, e posibil, dacă nu reprezintă doar un punct militar de comandă, amenajat şi bombardat în anul 1944, ca o amenajare circulară (cca 30 m diametru), din arcul/curbura de nord a cetăţii să reprezinte baza unui eventual turn.

Cu toate acestea, nu este exclus ca această fortificaţie să fie doar partea întărită cu val şi zid de lemn/palisadă a unui ansamblu defensiv şi habitaţional care a ocupat toată sau cea mai mare parte a platoului (având în vedere răspândirea materialelor tipice şi în afara valului şi şanţului), ceea ce îi sporea eficacitate. Evident, cercetări non-distructive, de tip magnetometric, şi săpăturile arheologice ar avea posibilitatea să ofere noi date referitoare la planimetria sitului şi monumentului, precum o mai precisă încadrare cultural-cronologică a acestuia.

În ceea ce priveşte încadrarea din urmă, pe baza materialelor recoltate perieghetic, considerăm că această cetate poate fi datată în perioada de început a *Latène*-ului getic (sec. IV-III a. Chr.), fapt pentru care Adrian C. Florescu a considerat-o cvasi-contemporană cu fortificaţiile de la Cotnari-*Cătălina*, Moşna, Brăhăşeşti (Florescu 1971, 103-118; Florescu 1980, 11-18).

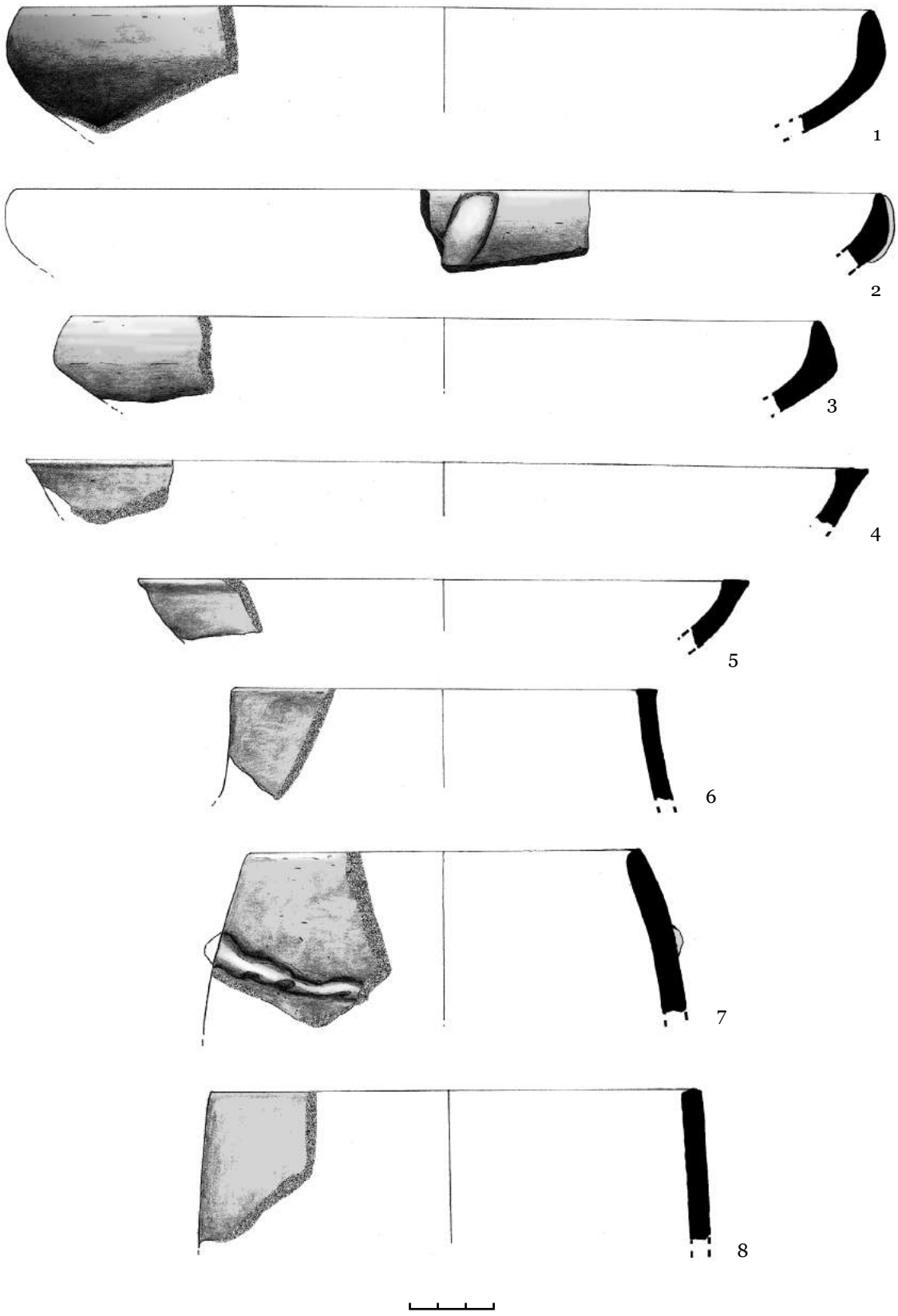


Fig. 4. Criveşti-*Cetate*. Ceramică getică lucrată cu mâna.

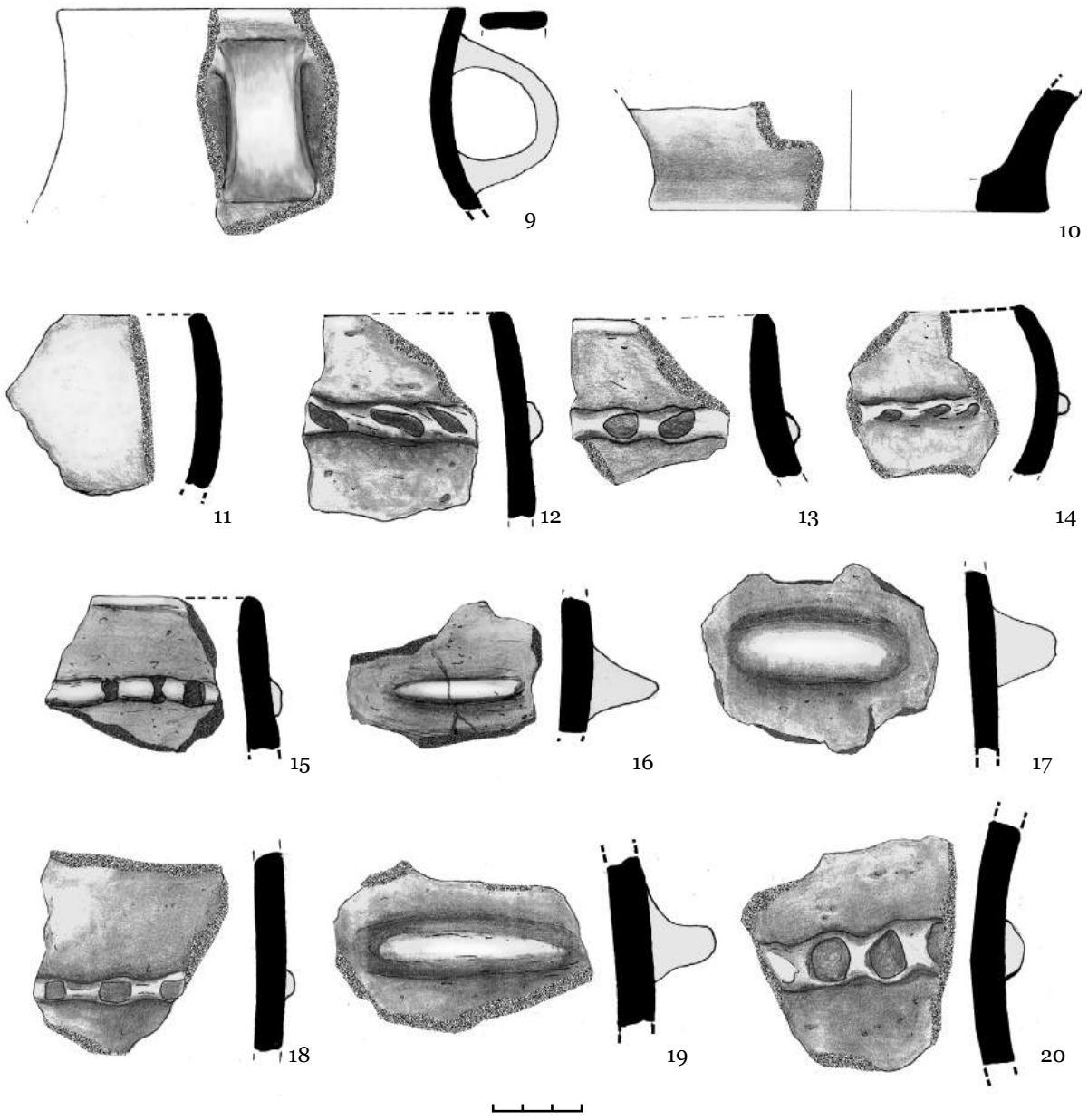


Fig. 5. Criveşti-*Cetate*. Ceramică getică lucrată cu mâna.

Bibliografie

Berzovan 2016: A. Berzovan, Consideraţii privind două cetăţi getice din Podişul Moldovei: Poiana Mănăstirii - Între Şanţuri şi Dobrovăţ - Cetăţuia, jud. Iaşi (sec. V - III î. Hr.). In: (Ed. D. Micle) Arheovest IV. In Honorem Adrian Bejan. Interdisciplinaritate în Arheologie şi Istorie, 1 (Szeged 2016), 215-246.

Florescu 1971: A.C. Florescu, Unele consideraţiuni asupra cetăţilor traco-getice (Hallstattiene) din mileniul I î.e.n. de pe teritoriul Moldovei. Cercetări Istorice SN II, 1971, 103-118.

Florescu 1980: A.C. Florescu, Aspecte noi privind fortificaţiile traco-geto-dacice din a doua jumătate a mileniului I î. e. n. descoperite în Moldova. Revista muzeelor şi monumentelor - Monumente istorice şi de artă XLIX/1, 1980, 11-18.

Florescu, Florescu 2012: A.C. Florescu, M. Florescu, Cetăţile traco-getice din secolele VII-III a.Chr. de la Stânceşti (jud. Botoşani) (Târgovişte 2012).

Chirica, Tanasachi 1985: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, II (Iaşi 1985).

Şadurschi, Moscalu 1989: P. Şadurschi, E. Moscalu, O nouă cetate getică aparţinând aspectului cultural Canlia la Ibăneşti (judeţul Botoşani). Hierasus VII-VIII, 1989, 183-200.

Şovan, Ignat 2005: O. Şovan, M. Ignat, Aşezarea getică fortificată de la Cotu - Copălău, jud. Botoşani (Târgovişte 2005).

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î.d.r. Consideraţii generale şi repertoriu arheologic (Bucureşti 1999).

Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: N. Zaharia, M. Petrescu-Dîmboviţa, Em. Zaharia, Aşezări din Moldova. De la paleolitic până în secolul al XVIII-lea (Bucureşti, 1970).

The Getic fortress from Criveşti (Strunga Commune, Iaşi County)

Keywords: Iron Age, Getae, fortress, Moldavian Plateau, archaeological investigations

Abstract: The present article discusses the Getic fortress from Criveşti. Situated in a strategic location on a hill, it has an oval shape, approximately 190×120 meters. Archaeological materials allow it to be attributed to the period from 4th to 3rd centuries BC, and, therefore, it, at least in part, is a contemporary of other Getic fortress of the Moldavian Plateau. Our research is designed to shed more light on the chronology and importance of this fortress.

List of illustrations:

Fig. 1. Geographical location of the Criveşti-*Cetate* site (1-3); (National Agency of Cadastre, Land Resources and Geodesy; Google Earth).

Fig. 2. Topographical detail Criveşti-*Cetate*.

Fig. 3. Topographical and hypsometric detail Criveşti-*Cetate*.

Fig. 4. Criveşti-*Cetate*. Hand-shaped Getic pottery.

Fig. 5. Criveşti-*Cetate*. Hand-shaped Getic pottery.

Гетское городище в Кривешть (коммуна Струнга, Ясский уезд)

Ключевые слова: железный век, геты, крепость, Молдовская возвышенность, археологические исследования.

Резюме: В данной статье рассматривается гетское городище в Кривешть. Расположенная в стратегическом месте, на холме, она имеет овальную форму, примерно 190×120 метров. Археологические материалы позволяют отнести ее к периоду с IV по III век до н.э., и, следовательно, она, по крайней мере, частично, является современницей других гетских крепостей Молдовской возвышенности. Наши исследования призваны пролить больше света на хронологию и значение это городища.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Географическое положение памятника Кривешть-*Четате* (1-3); (Национальное агентство кадастра, земельных ресурсов и геодезии, Google Earth).

Рис. 2. Топографическая деталь Кривешть-*Четате*.

Рис. 3. Топографическая и гипсометрическая деталь Кривешть-*Четате*.

Рис. 4. Кривешть-*Четате*. Лепная гетская керамика.

Рис. 5. Кривешть-*Четате*. Лепная гетская керамика.

06.06.2017

Dr. Dumitru Boghian, Universitatea „Ştefan cel Mare”, str. Universităţii, 13, Suceava, România,
e-mail: dumitruboghian@yahoo.com

Dr. Alexandru Berzovan, Institutul de Arheologie, str. Codrescu nr. 6, Iaşi, România,
e-mail: berzovanalexandru@gmail.com

Dr. Sergiu-Constantin Enea, Liceul Teoretic „Ion Neculce”, str. Cuza Vodă nr. 65, Târgu Frumos, România,
e-mail: eneasergiu2014@yahoo.com

ПРЕДЧЕРНЯХОВСКИЙ ГОРИЗОНТ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНИЦА I

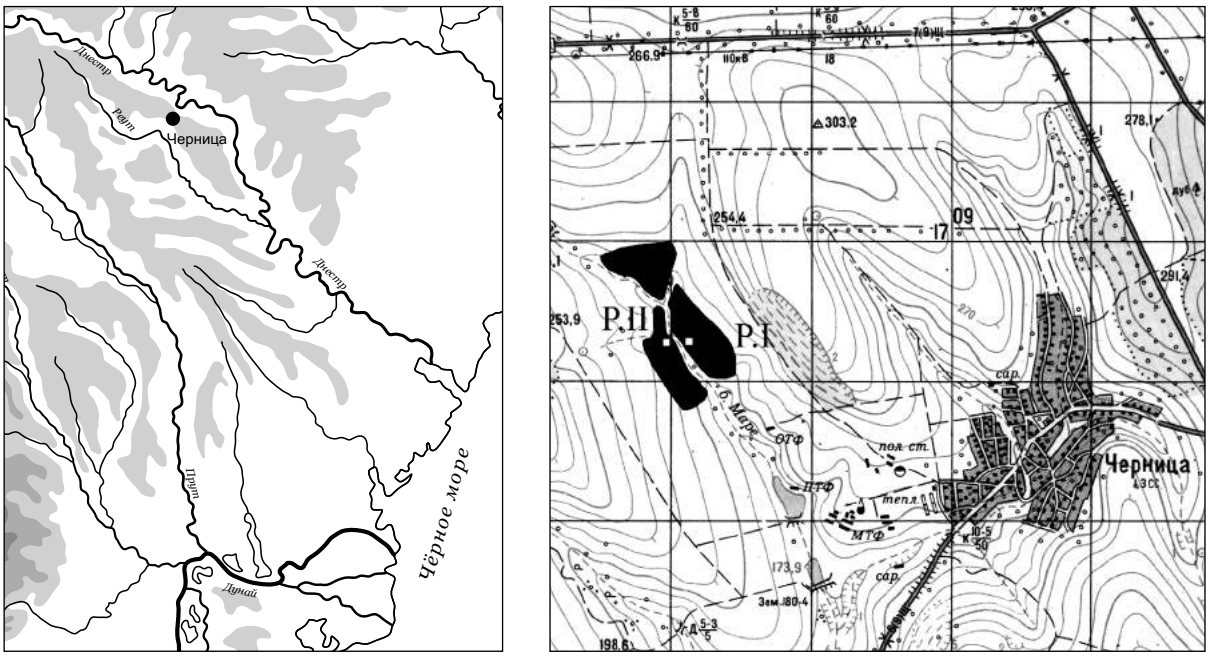
Сергей Курчатов

Ключевые слова: горн, памятники типа Этулия, Бельцкая степь, Днестровско-Прутское междуречье, III в. н.э.

Поселенческие древности, хронологически предшествовавшие сложению в северной части Днестровско-Прутского междуречья культуры Сынтана-де-Муреш – Черняхов, до настоящего времени целенаправленно практически не исследовались. Соответствующие им памятники типа Алчедар-Этулия Бельцкой степи и сопредельных территорий, достаточно широко представленные на многочисленных поселениях региона, нашли слабое отражение в научной литературе (Курчатов 1989; Фокеев 1998; Дзиговский и др. 2003). Их исследование началось лишь в 1984 г. с раскопок могильника у с. Алчедар (Курчатов 1989). Позднее исследование этого памятника продолжили Т.А. Щербакова и М.Т. Кашуба (Щербакова 1988; Щербакова, Кашуба 1990а; Щербакова, Кашуба 1990б). Поселения настоящего культурно-исторического горизонта известны преимущественно по поверхностным сборам. В результате сложилось несколько одностороннее представление о характере развития памятников типа Алчедар-Этулия в регионе. Характерная для них керамика в небольшом количестве встречалась, вне каких либо комплексов, в культурном слое при исследовании более ранних слоев на городищах Рудь I-Ла Шанцурь (Rudi I-La Şanţuri), Тэтэрэука-Ноуэ V-Пискул-Гол (Tătărăuca Nouă V-Piscul Gol) (Sava et al. 1995, 298, fig. 19,3; 21) и Хлинжень II (Гольцева, Кашуба 1995, 46, табл. XCIX/4). При аналогичных обстоятельствах Т.Д. Тодоровой, исследовавшей позднетрипольский горизонт многослойного поселения Черница I, был открыт производственный комплекс интересующего нас времени (Тодорова 1990). Если домостроительство и погребальный обряд населения, оставившего памятники типа Этулия, благодаря исследованиям в южной зоне региона в общих чертах нам известны (Гудкова 1999, 271-279), то следы производственной деятельности на поселениях до настоящего времени не встречались. В результате сложилось представление о развитии на этулийских памятниках лишь домашних промыслов (Гудкова 1999, 298). В связи с этим настоящий комплекс представляет несомненный интерес.

Многослойное поселение Черница I находится в верховьях небольшой долины, известной среди местного населения как Балка-Маре (Balca Mare), у истоков р. Шерна, на расстоянии 2,5 км к западу от северной окраины с. Черница Флорештского района (рис. 1; 1/2). Поселение, судя по всему, впервые было обследовано в 1971 г. В.И. Маркевичем (Маркевич 1973, 111; Свод 1987, 823), отметившим, однако, в обоих сообщениях только энеолитический горизонт. Между тем в 1989 г., при ревизии сельскохозяйственных участков, попадавших в зону посадки многолетних насаждений, в северной части долины, на мысу, образованном двумя небольшими балками, выходящими в долину р. Шерна с севера, было открыто крупное поселение культуры Сынтана-де-Муреш – Черняхов. Южнее черняховские материалы частично перекрывали остатки позднетрипольского селища, вытянутого двумя шлейфами на обоих пологих склонах долины. Сложно сказать, какое отношение настоящее поселение имеет к открытому В.И. Маркевичем памятнику. Крайне условная локализация не позволяет соотнести его с тем либо иным памятником непосредственно на местности. Не исключено, что северная окраина поселения осталась неизвестна автору, осмотревшему его южную периферию.

При визуальном осмотре памятника в его северо-западной части, на небольшом мысу, образованном пологим правым берегом Балка-



1 2

Рис. 1. 1 - Местоположение поселения Черница I в Днестровско-Прутском междуречье; 2 - ситуационный план расположения поселения у с. Черница.

Маре и выходящей в нее с запада сухой долиной на современной поверхности, к северу от поселения, на расстоянии 15-25 м друг от друга были отмечены от 7 до 10 скоплений мелкой обожженной обмазки оранжевого цвета. Для выяснения их возникновения на месте концентрации одного большого пятна, вытянутого, в соответствии со склоном, с северо-запада на юго-восток, размерами 6×4 м, был разбит раскоп II. После снятия чернозема в его средней части, в предматериковом слое, удалось локализовать скопления обмазки округлой формы из комковатой глины с примесью органики, размерами 0,7×0,7 м, происходившей от разрушенной вспашкой верхней части сооружения. Ниже него относительно плотный завал крупных кусков обмазки от рухнувшего свода, размерами 0,25×0,1 - 0,3×0,25 и толщиной до 0,07 м, с хорошо прослеживаемыми отпечатками деревянной конструкции, состоявшей из плах и жердей диаметром 4-7 см, практически закупоривал углубленную в материковую глину часть сооружения, представлявшего собой круглую в плане яму диаметром 1,5-1,57 м с линзовидным дном. Плавно сужавшиеся ко дну стенки в придонной части незначительно расширялись под острым углом, образовывая грибовидной формы сегмент. Заполнение нижней части ямы состояло из слоя пережженной земли черного цвета, насыщенного большим количеством древесного угля с включениями плитчатых песчанистых камней и крупных фрагментов керамики, характерной для памятников типа Алчедар-Этулия. Отмеченная глубина сооружения 0,85 м, от современной поверхности 1,4 м (рис. 2/1).

Функциональное назначение настоящего комплекса не совсем понятно. Прямых аналогий ему мне не известно. Отнесение его автором раскопок к категории одноразовых металлоплавильных горнов представляется неубедительным. Глубина сооружения, отсутствие сопел или продухов и, следует особо отметить, отходов металлургического производства свидетельствуют о его использовании в иных, в настоящее время трудноуловимых целях. Нахождение сооружения за пределами поселения, конструкция и наличие купольного свода не дают также оснований для его отнесения к группе обычных хозяйственных ям. Не исключено, что настоящий горн мог использоваться для обжига сосудов. Основанием для такого вывода могут служить конструктивно близкие «горны» более мелких размеров, известные на поселениях позднезарубинецкой и

киевской культур. Устоявшегося мнения об их функциональном назначении нет (Терпиловский 2004, рис. 35, 36; Памятники 2007, 90). Наличие к северу от раскопанного сооружения многочисленных развалов обмазки, судя по всему, от аналогичных комплексов, могут свидетельствовать о вероятности существования на поселении производственного центра, служившего для изготовления некой продукции не только для внутреннего пользования, но, не исключено, и на вывоз.

Этулийский горизонт представлен на исследованной части поселения исключительно находками фрагментированной керамики. Все собранные черепки принадлежат лепным горшкам. Фрагменты вторично обожжены, преимущественно светло-оранжевого цвета. Изготовлялись сосуды из хорошо отмученного теста с примесью шамота.

Всего на территории раскопа II в переотложенном состоянии удалось собрать 47 фрагментов сосудов, характерных для памятников типа Этулия. Аналогичная керамика встречалась также в слое на раскопе I, расположенном на противоположном склоне балки, где было собрано 43 мелких обломка лепных сосудов, из которых выделяется только один фрагмент венчика горшка с коротким цилиндрическим горлом. Венчик прямой. Край с внешней стороны выделен небольшим утолщением в виде закраины и горизонтально срезан (рис. 2/2). По классификации А.В. Гудковой, сосуды с аналогичными венчиками относятся ко 2 виду горшков вытянутых пропорций с высокими цилиндрическими венчиками. Подобные сосуды не получили широкого распространения на этулийских поселениях Буджакской степи и лишь периодически встречаются на отдельных памятниках. Единичные горшки сходной формы известны на позднезарубинецких памятниках Среднего Поднепровья, Южного Буга и Верхнего Поднестровья. По наблюдениям ряда исследователей, не исключено, что настоящая форма имеет прямые истоки в пшеворской культуре (Максимов 1972, 126; Гудкова 1999, 282-283).

В северной зоне Днестровско-Прутского междуречья и сопредельных территориях аналогичные сосуды известны на городище Тэтэрэука-Ноуэ V-Пискул-Гол (Sava et al. 1995, 298, fig. 21/1) и из поверхностных сборов на поселении Александровка I в Тилигуло-Днестровском междуречье (Дзиговский и др. 2003, рис. 123/2).

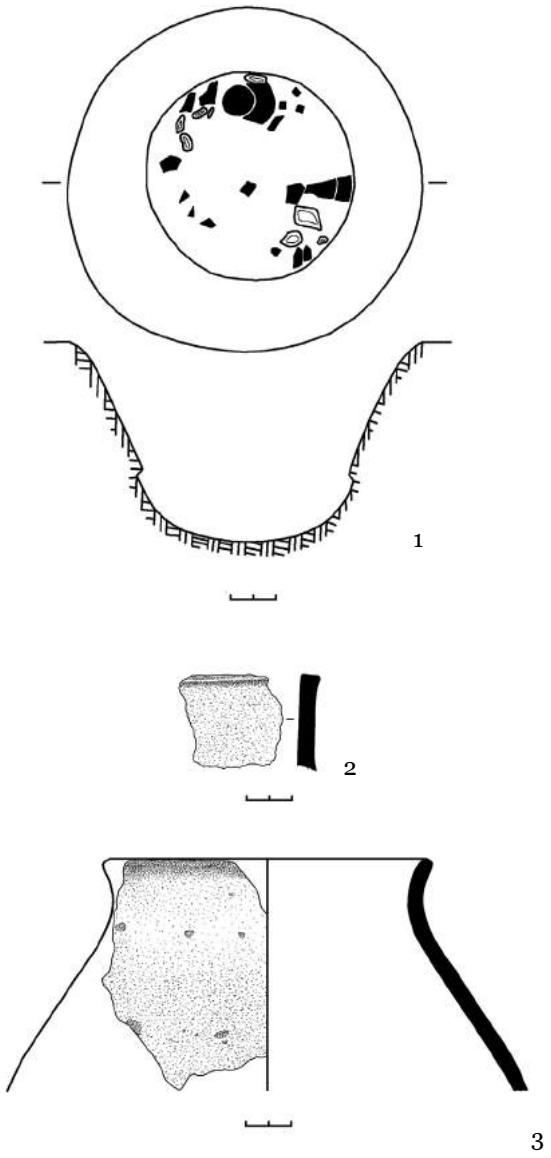


Рис. 2. 1 - План и профиль горна; 2, 3 - фрагменты венчиков лепных сосудов из культурного слоя раскопа I, II.

Остальные определяемые фрагменты сосудов происходят из культурного слоя раскопа II и со дна производственного комплекса. Вне пределов сооружения найден крупный фрагмент верхней части горшка с низким отогнутым венчиком с закругленным краем, плавно переходящим в покатые плечики. Высота сохранившейся части сосуда 9,7 см, диаметр венчика 14 см (рис. 2/3). В заполнении и на

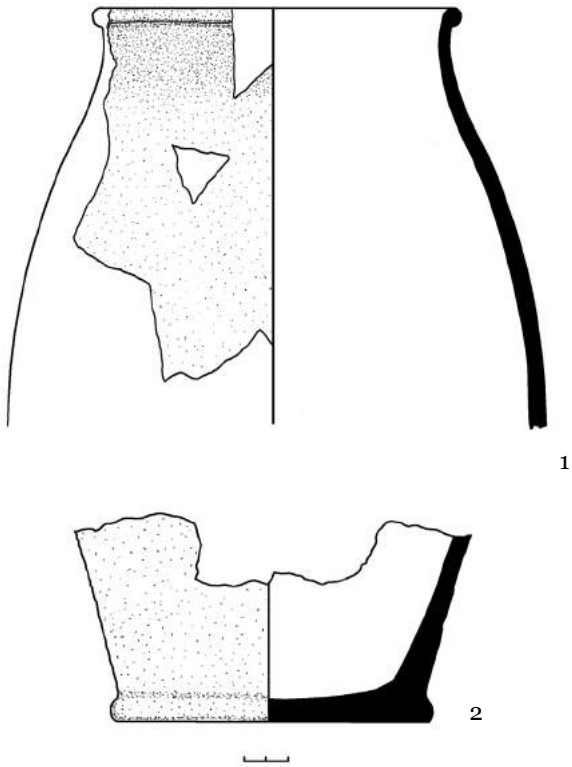


Рис. 3. Фрагменты лепного сосуда из заполнения горна.

дне горна были собраны фрагменты, судя по всему, от одного крупного горшка вытянутых пропорций. Слабо отогнутый короткий венчик округлой формы плавно переходит в средних размеров горло. Плечики покатые. Высота сохранившейся части сосуда 18 см, диаметр венчика 16 см (рис. 3/1). Здесь же находилось конусовидной формы дно горшка на плитчатом поддоне с рельефно выделенной закраиной. Высота сохранившейся части 9,5 см, диаметр 15 см (рис. 3/2). Реконструируемая высота сосуда составляла от 30 до 35 см.

Согласно классификации А.В. Гудковой оба сосуда относятся к 3 виду этулийских горшков. Если формы, аналогичные экземпляру из культурного слоя, широко представлены практически на всех памятниках культурного горизонта Алчедар-Этулия, то сосуды со сформованными венчиками менее распространены. Морфологически близкие горшку из горна формы в северной зоне региона мы находим лишь на могильнике Алчедар (Щербакова, Кашуба 1990а, табл. 40/2) и на поселении Александровка I в Тилигуло-Днестровском междуречье (Дзиговский и др. 2003, рис. 123/4). Аналогичные сосуды получили широкое распространение на памятниках позднезарубинецкой культуры Полесья, Среднего Днепра и раннекиевских поселениях Поднепровья. Изредка они встречаются и в ареале пшеворской культуры (Баран 1981, 171; Гудкова 1999, 285).

Как видим, керамический комплекс предчерняховского горизонта поселения Черница I демонстрирует синкретический облик культурного горизонта типа Алчедар-Этулия, характерный для всего ареала рассматриваемых памятников. Проблема этнокультурного отождествления его носителей не входит в задачи настоящей публикации. Следует, однако, заметить, что набор керамических форм на различных памятниках северной зоны Днестровско-Прутского междуречья несколько разнится. Если на алчедарском могильнике отмечено значительное количество мисок зарубинецкого облика с прямым либо загнутым внутрь венчиком, то на других памятниках региона они либо отсутствуют вовсе, либо единичны. Отмечаются также различия в погребальном обряде ранней фазы развития могильника (Курчатов 1989), находящего близкие аналогии в материалах могильников киевской и латенских культур Висло-Одерского бассейна, с обрядом, практиковавшимся на его позднем этапе развития (Щербакова, Кашуба 1990а) и на могильнике Этулия XII (Фокеев 1998, 9). Последнее, судя по всему, свидетельствует о еще недостаточной консолидации полиэтничного этулийского общества, объединявшего культурные традиции пшеворской, позднезарубинецкой и киевской культур на раннем этапе проникновения их носителей в Северо-Западное Причерноморье.

Относительно времени сооружения горна следует отметить, что отсутствие в заполнении производственного комплекса гончарной керамики черняховского облика косвенно свидетельствует о его более раннем сооружении, предположительно в первой половине III в.

Библиография

Баран 1981: В.Д. Баран, Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу (Київ 1981).

Гольцева, Кашуба 1995: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.) (Тирасполь 1995).

Гудкова 1999: А.В. Гудкова, I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (Культура оседлого населения). Stratum plus 4, 1999, 235-404.

Дзиговский и др. 2003: О.М. Дзиговський, Т.Л. Самойлова, С.П. Смольянінова, В.П. Ванчугов, Археологичні пам'ятки Тилігуло-Дністровського межиріччя (Одеса 2003).

Тодорова 1990: Т.Д. Тодорова, Отчет о полевых исследованиях Флорештской новостроечной экспедиции в 1989 г. (Кишинев 1990). Архив НМИМ, инв. №305.

Курчатов 1989: С.И. Курчатов, Могильник II-III вв. н.э. у с. Алчедар. АИМ в 1984 г. (Кишинев 1989), 163-179.

Максимов 1972: Е.В. Максимов, Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры (Киев 1972).

Маркевич1973: В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. АКМ, вып. 2 (Кишинев 1973).

Памятники 2007: Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III - начало V в. н.э.). Раннеславянский мир, вып. 10. Отв. ред. А.М. Обломский (Москва 2007).

Свод 1987: Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона. Макет. Отв. ред. Н.А. Демченко (Кишинев 1987).

Терпиловский 2004: Р.В. Терпиловский, Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Monumenta studia Gothica III (Lublin 2004).

Фокеев 1998: М.М. Фокеев, Населення Буджацького степу у I ст. до н.е. – IV ст. н.е. Автореферат диссертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук (Одеса 1998).

Щербакова 1988: Т.А. Щербакова, Отчет о полевых исследованиях Алчедарской новостроечной археологической экспедиции у с. Алчедар, Черненковского р-на в 1987 г. (Кишинев 1988). Архив НМИМ, инв. №355.

Щербакова, Кашуба 1990а: Т.А. Щербакова, М.Т. Кашуба, Отчет о полевых исследованиях Алчедарской новостроечной археологической экспедиции на многослойном памятнике „Алчедар" у с. Алчедар, Шолданештского р-на МССР 1988-1989 гг. (Кишинев 1990). Архив НМИМ, инв. № 370.

Щербакова, Кашуба 1990б: Т.А. Щербакова, М.Т. Кашуба, Два новых культурно-хронологических горизонта на посаде древнерусского городища Алчедар (МССР). В сб.: Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Часть II. Археология. Тезисы докладов (Белгород-Днестровский 1990), 117-119.

Sava et al. 1995: E. Sava, I. Manzura, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Guchin, R. Alaiba, M. Bădău-Wittenberger, Investigaţiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărăuka Nouă-Arioneşti (r-nul Donduşeni, Republica Moldova). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, vol. I (Bucureşti 1995), 281-357.

Orizontul precerniahovean din aşezarea cu mai multe niveluri de locuire Cerniţa I

Cuvinte-cheie: cuptor, monumente de tip Etulia, Câmpia Bălţilor, interfluviul Nistru-Prut, sec. III p. Chr.

Rezumat: În aşezările de tip Etulia vestigiile ce denotă activitatea meşteşugărească sunt puţin cunoscute. Cercetările efectuate în situl cu mai multe niveluri de locuire Cerniţa I, din partea de nord a spaţiului pruto-nistrean, au scos la iveală un cuptor, care, probabil a fost utilizat pentru arderea ceramicii. Prezentarea şi descrierea acestei descoperiri constituie subiectul de bază a articolului de faţă.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. 1 - Amplasarea aşezării Cerniţa I în spaţiul pruto-nistrean; 2 - amplasarea aşezării pe planul topografic al zonei satului Cerniţa.

Fig. 2. 1 - Planul şi profilul cuptorului; 2, 3 - fragmente de buze de la vase modelate cu mâna provenite din secţiunile I şi II.

Fig. 3. Fragmente ale unui vas modelat cu mâna, descoperit printre ruinele cuptorului.

Pre-Chernyakhov horizon of the multilayer settlement of Chernitsa I

Keywords: kiln, Etulia type monuments, Balţi Steppe, Dniester-Prut interfluves area, 3rd century AD.

Abstract: Traces of craft activities are poorly represented in the cultural horizon of the Etulia type settlements. This paper introduces into scientific use a kiln possibly used for firing pottery, which was discovered in the multilayer settlement of Chernitsa I in the northern zone of the Dniester-Prut interfluves area.

List of illustrations:

Fig. 1. 1 - Location of the Chernitsa I settlement in the area between the Dniester and the Prut; 2 - plan of the settlement.

Fig. 2. 1 - Plan and profile of the kiln; 2, 3 - fragments of lips of hand-shaped vessels from the cultural layer of the excavation I, II.

Fig. 3. 1, 2 - Fragments of hand-shaped vessels from the filling of the kiln.

03.04.2017

Сергей Курчатов, Институт культурного наследия, Академия наук Республики Молдова, бул. Штефана чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: serg-kurchatov@mail.ru

ДРЕВНИЕ ВАЛЫ И ДОРОГИ РАЙОНА ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ У ОЗЕРА КАРТАЛ: опыт картографической стратиграфии

Игорь Сапожников

«*Такова должна быть военная дорога вне города: вольная, прямая и совершенно безопасная*»

Л.-Б. Альберти

Ключевые слова: переправа через Дунай, озеро Картал, Орловское и Новосельское II городища, оборона переправы, древние валы и дороги, оборонительный укрепленный район, скифы, римляне, готы.

Данную тему автор затрагивал в нескольких работах (Сапожников 2011; 2013; 2017; Дзиговский, Сапожников 1989; и др.), но в последние годы появились новые или неизвестные ранее данные и картографические материалы, анализу которых посвящена эта статья. Некоторые из них оказались настолько информативными, что позволили уточнить и кардинально пересмотреть ряд аспектов, касающихся устройства переправы у Картала в римское время и ее использования для нападения и обороны в иные периоды истории.

Исследуемый район является частью степного междуречья озер-лиманов Кагула и Ялпуга-Кугурлуя, между низовьями которых и руслом Дуная расположено оз. Картал. У его южного берега есть место, удобное для переправы на правый берег реки, где ниже местечка Исакча ее течение омывает участок коренного берега долины[1]. Дальнейшее движение войск, переправившихся на левый берег Дуная, было возможно только в обход оз. Картал слева (через Картальский мыс) или справа (через остров Новосельский). После этого они вынуждены были следовать далее на север до верховьев озер Кагул и Ялпуг, где за пределами межлиманья могли выйти на оперативный простор[2]. В целом же особенности района давали возможность не только для функционирования более или менее постоянной переправы, но и для организации обороны как на возвышенном правом, так и на более низком левом берегу Дуная.

Из иных характеристик местности отметим наличие между юго-западным краем оз. Картал и течением реки довольно-таки высокой (до 4 м) и широкой (до 300-400 м в сухие периоды) береговой полосы, которая сужается и понижается к середине, где ранее озеро сливалось с руслом Дуная (рис. 1). Между берегом и склонами долины находится пойма (заливные луга с озерами, протоками-гирлами и ериками, которые во время паводков покрывались половодьем, иногда даже вместе с высокими участками берега). Что касается уровней воды на пойме, то ранее в реке и озере они были почти одинаковые (+1,7 м для осени 1940 г.), а в настоящее время, из-за подпора воды шлюзами на протоке Табачелло у бывшего монастыря и со стороны Дуная, в летнее время они превышают естественные почти на 1,0 м.

Важным фактором, который, без сомнения, повлиял на палеоландшафт микрорегиона, является антропогенный, выразившийся в застройке и распашке большей части суходолов и поймы, возведении защитной дамбы вдоль берега Дуная и грунтовой дороги вдоль нее, почти полном срытии кастеля Каменная Гора у Орловки и оборонительного вала у городища Новосельское II, устройстве чек рыбных питомников, засыпании и изменении направления русел проток, а также в прокладке через весь район до Дуная и далее на правый берег нескольких веток газопровода Ананьев-Измаил и линий электропередач. Названные про-

[1] Его ориентиром на правом берегу является редут Эски Кале – Eschi Cale (рис. 1).

[2] Лишь в 1940-1950-х гг. были насыпаны дамбы вдоль южного берега Кагула, через Ялпуг (между сс. Новосельское и Новая Некрасовка), и по ним проложена шоссейная дорога Рени-Измаил.

Рис. 1. Район переправы через Дунай у оз. Картал (карты 1941 г.).

цессы были наиболее интенсивными в конце 1950-х - 1980-х годах, а потому следы древних валов и дорог следует искать на картах, датированных более ранним временем.

История картографирования Буджака через призму Траяновых валов и иных линейных полевых укреплений более или менее подробно изложена ранее (Сапожников 2011; Сапожников 2013). Здесь скажу, что первые информативные для нашей цели карты и планы района Картальской переправы были сняты в 1770-1771 гг. в ходе российско-турецкой войны. Эти работы выполнили российские гражданские и военные топографы под руководством Ф.В. Бауэра (Сапожников, Кожокару 2001). Из них более всего нас интересуют изображения двух валов для обороны Картальского и Новосельского II городищ (Сапожников 2011, фото 4, 6; Сапожников 2017).

Следующий этап картографирования района связан с работами Военно-топографической комиссии Бессарабии 1817-1827 гг. под руководством С.И. Корниловича (до 1824 г.), Е.В. фон Руге и др., но большинство созданных тогда карт и планов до сих пор остается неопубликованными (Сапожников 2013, 213-214). Определенный интерес представляет «План переправы российских войск 27 мая 1828 г., но в нем есть неточности в изображении и наименовании проток Кишковая и Табачелло, а на левом берегу Дуная не отмечен ни один археологический объект (Сапожников 2017, рис. 3).

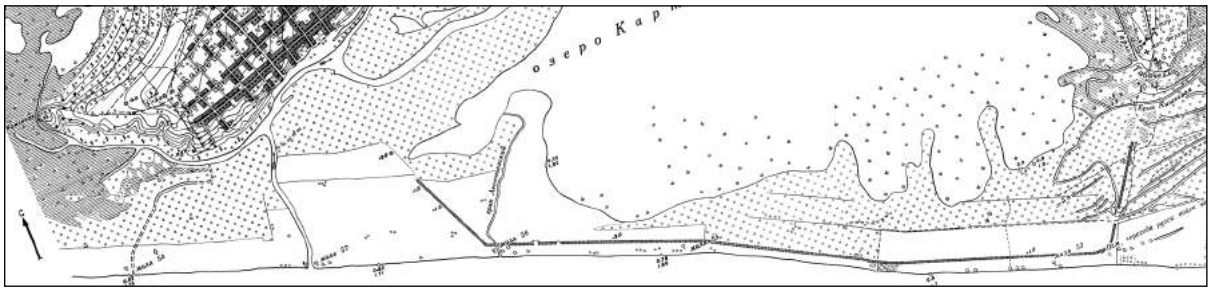


Рис. 2. Вал-дорога вдоль Дуная (карты 1941 г.).

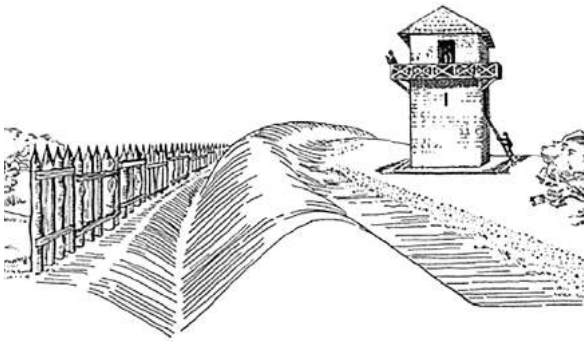


Рис. 3. Конструкция римского лимеса.

По материалам этих работ и рекогносцировок 1853-1855 гг. были созданы бессарабские листы «Военно-топографической карты западной части Российской империи» («трехверстки», М 1 : 126 000), впервые напечатанные в 1856 г. Из них нас интересуют два листа – XXXIII-6 и XXXIII-7, которые не отличаются детализиацией, но на втором из них отмечен вал, идущий от монастыря св. Ферапонтия на стрелке Новосельского полуострова до места переправы российских войск через Дунай в 1828 г. и даже сам понтонный мост. Отметим, что на базе этой съемки был составлен целый ряд более поздних карт, например, 1-километровая румынская (лист N-X 1908-1910 гг.).

Правда, еще ранее увидел свет детальный «План древнего поселения близ Картала» (М 200 саж. в дюйме), снятый в 1848 г. экспедицией графа А.С. Уварова, на котором изображен Картальский вал и кастель вместе с другими археологическими объектами (Уваров 1853, лист XXXVIII).

В 1868 г. в Бессарабии провели рекогносцировку, на основании которой в трехверстку внесли исправления, но они не коснулись многих листов, в том числе и двух «наших». В 1870 г. здесь же начали съемку в масштабе 1 : 21 000, на базе которой в 1880-х - 1935 гг. печатались листы 1-верстовой (М 1 : 42 000) и 2-верстовой (М 1 : 84 000) карты (Сапожников 2011, 215). Не так давно большая часть бессарабских листов второй из них была выложена на сайте «Archiwum Map Wojskowego Instytutu Geograficznego». К сожалению, среди них отсутствуют карты исследуемого нами района, изображенного на листах L-25 и L-26 (сняты в 1884 г.).

После 1884 г. съемки не велись здесь до конца 1940-х - начала 1950-х гг., если не считать рекогносцировок: двух-трех румынских и советской 1940 г. На основании сказанного можно заключить, что из доступных на сегодня топографических источников для наших целей наиболее информативными являются карты Генштаба РККА 1941 года (М 1 : 25 000, кв. L-35: 93-Г-г, 94-В-в, 105-Б-б и 106-А-а), которые были «перечерчены по оригиналам полуверстной съемки 1884 г., обрекогносцированным в 1940 г. и досоставленным по румынским картам издания 1917-1938 гг.». Они также выставлены на польском сайте «Archiwum Map»[3].

А теперь опишем основные валы и дороги микрорегиона переправы у оз. Картал, упустив оборонительные сооружения Нового времени («турецкие батареи» на городище Орловка, российский редут на правом берегу оз. Ялпуг у восточной окраины с. Новосельское и пр.),

[3] Ее немецким аналогом является серия «Russland - Bessarabien» (М 1 : 25 000; листы 5454 «Luncaviţa», 5554 «Satul Nou» и 6663 «Isaccea» 1941 г.), но по «археологическому» содержанию она значительно уступает советскому (отсутствует Картальский вал, большинство курганов и пр.), тем более, что в моем распоряжении имеются не сканы, а фотографии не самого лучшего качества.

которые были описаны ранее (Сапожников 2011; Сапожников 2013). Первые два объекта известны в научной литературе лучше других:

Вал городища Картал

Вал ограничивает городище с северо-востока по почти прямой линии С-СЗ - Ю-ЮВ, будучи дополнительной преградой на подходе к кастелю-замку на Каменной горе. Он насыпан между берегами озер Кагул и Картал, ров выкопан с напольной восточной стороны. Его первое картографическое изображение относится к 1770 г., хотя оно не подписано и не отличается точностью. Более детальным является план 1848 г. (Уваров 1853, лист XXXVIII; Сапожников 2011, 217, фото 4 и 5). Заметим, что в текстовом описании объекта сам А.С. Уваров писал не вале, а о рве, у западного края которого он видел остатки стены (Уваров 1851, 183).

В настоящее время значительная часть юго-восточной оконечности объекта занята усадьбами с. Орловка, а на оставшемся участке его высота редко превышает 1,0 м (рис. 1, 7). В 2003 г. его исследовал В.М. Кожокару в составе Нижнедунайской экспедиции ОАМ НАНУ. Поперечная траншея, заложенная в 300 м от берега Кагула, показала, что ширина грунтовой насыпи вала достигала у основания 10-12 м, а рва – до 8 м при глубине до 2-2,6 м (Кожокару 2008).

Вал городища Новосельское II

Сооружен у южной оконечности так называемого «Новосельского полуострова» между берегами озер Картал и Кугурлуй. Перепад высот между крайними точками его основания составляет +5-6 м на восточном, более высоком и даже обрывистом берегу Картала (рис. 1). Впервые отмечен на двух планах 1771 г. В то время к северу от вала располагалось с. Табачель, а с. Новосельское имело название Еникой. Позднее вал не отмечался ни на одной известной мне карте XIX и XX вв. (Сапожников 2011, 217-218, фото 6).

Не исключено, что первым его упомянул И.П. Липранди в 1821-1822 гг. во фразе: «На берегу к Сатунову видны остатки укреплений» (Липранди 1827, 9). Подробную характеристику этому объекту в 1837 г. дал А.Ф. Вельтман по личным наблюдениям, сделанным в мае 1828 г. во время переправы частей российской армии через Дунай: «Спускаясь от Рени, по дороге к Измаилу, проходящей между Дунаем и Карталом… и от селения Сатунова к Дунаю, по тропинке между плавнями, на пути через Дунай, персов (за 508 лет до Рождества Христового) и русских (в 1828 году), есть след подобного же вала, который, как ограда между озерами Карталом и Кугурлуем, перегораживал этот путь; и может быть служил мостовым укреплением Дарию при отступлении его из Скифии» (Вельтман 1837, 235).

Насыпь вала имела, по-видимому, какие-то конструктивные элементы из рваного «добруджанского камня». Местные жители называли его «Траяновым» и вспоминали, что ранее он имел высоту 5-6 м, а ширину – до 8,5-9,5 м (Карышковский, Кожокару 1992, 174). Вал зафиксирован автором и А.Н. Дзиговским в 1973 г. в ходе работ разведочной экспедиции ОГУ, когда его насыпь достигала высоты 1,5-2,0 м. Есть сведения, что сооружение пострадало в 1960-1970-х гг., когда из него брали землю для насыпи дамбы-дороги, ведущей к Дунаю, а позже при прокладке магистрального газопровода (Кожокару 1990; Кожокару 2008, 155; Бруяко, Ярошевич 2001, 7-8).

Вал раскапывался дважды. Первый раз его исследовала в 1997 г. Нижнедунайская украинско-молдавско-румынская экспедиция, разрезавшая основание каменно-земляной насыпи шириной около 11-14 м и два неглубоких рва с северной (напольной) стороны (Vančugov et al. 1999; Ванчугов и др. 1999, 29-30; Бруяко, Ярошевич 2001, 10, рис. 7; и др.). Вторую траншею у западного края объекта заложили в 2006 г. В.М. Кожокару и С.М. Агульников. В ней были вскрыты остатки вала, но с одним более глубоким (до 2,2 м) рвом с той же стороны, но его ширина не указана. Отмечается, что объемы вынутого из рва грунта были явно недостаточными для сооружения насыпи вала с названной местными жителями высотой (Кожокару 2008, 155; Кожокару 2009). По-видимому, в XIX-XX вв. остатки вала не были настолько внушительными, иначе на это отреагировали бы топографы.

Сегодня считается, что кастелями Орловка и Новосельское II вместе с прилегающими к их городищам валами со рвами и исчерпывалась

оборона Картальской переправы в древности, хотя некоторые авторы не признали существования Новосельского вала (Сапожников 2011, 216). Но при этом ученые даже не пытались ставить и решать вопрос о том, как именно функционировала система этих укреплений.

Вал между городищами Орловка и Новосельское II

Изучение упомянутых выше карт позволило выявить этот объект на нескольких из них. Впервые он был отмечен в 1856 г. на трехверстке (лист XXXIII-7), но лишь частично (от южной оконечности Новосельского острова до места переправы 1828 г.). В XX в. его рисовали уже на всю длину от указанной точки до левого берега Картальского полуострова, как, например, на румынской 1-км карте 1938 г., листы 5050 «Brăila» и 5550 «Tulcea».

На использованной нами советской 250-метровой карте 1941 г. данный вал показан сплошной, слегка ломаной линией из трех участков по левому берегу Дуная, от которой под тупыми углами отходят два прямых отрезка по направлению к южному краю Новосельского острова и Картальскому мысу в районе. Его длину легко измерить по стоящим вдоль Дуная милевым столбам (от 0-й мили в устье), так как он расположен на участках знаков от 52 до 57 мили на протяжении около 8550-8600 м. Его высота на разных участках была разной – от 1,0 до 2,0 м. Другие параметры, даже наличие или отсутствие одного или двух рвов вдоль вала, установить по карте невозможно, но, скорее всего, вал не перекрывал протоки Каменную и Леонтьевскую у с. Орловка, Кишковую (в двух местах) и Табачелло у Новосельского мыса, через которые, вероятнее всего, были сооружены мосты и переходы на сваях. Заметим, что на использованной нами карте вал не доходит до южной стрелки Новосельского острова на расстояние 820 м, а до коренного склона Картальского полустрова на 1550 м, хотя наличие там возвышения высотой 2,0 м позволяет приблизить его к склону еще примерно на 300 м (рис. 2).

Очевидно, что отмеченные промежутки между обоими окончаниями вала и коренными берегами были связаны мостовыми переходами на сваях, причем остатки такого перехода у с. Картала сохранялись до середины XIX в. Ф.К. Брун сообщил, что «близ колонии Картал… начинаются ряды свай, образуемых рекой, то есть следы деревянного моста», но связал их с турецкими переправами через Дунай в 1620 и 1789 гг. (Брун 1874, 10).

Как видим, перед нами вал-дорога, которая надежно и во все периоды года связывала место переправы с Картальским и Новосельским II городищами, а оба названных укрепления друг с другом. Последний факт имеет особое значение, так как по этой тыловой дороге могли беспрепятственно перебрасываться войска с одного участка обороны на другой. Поскольку конструкция римских лимесов хорошо известна (рис. 3), у нас нет оснований полагать, что римляне по каким-то причинам отступили от своих стандартов у дунайского озера Картал. Правда, здесь следует отметить один важный момент. Хотя данный вал, лежащий между Дунаем и оз. Кагул, находился вроде бы в тылу, он не мог не иметь оборонительного значения уже потому, что в зимнее время озеро Картал и все протоки покрывались льдом, по которому при желании можно было выйти к переправе напрямую в обход оборонительных сооружений городищ.

О том, что новосельский отвершек картальского вала одновременно служил и дорогой, причем задолго до устройства здесь переправы для российских войск в 1828 г., свидетельствуют письменные источники. Так, И.П. Липранди в начале 1820-х гг. записал: «Прежде существовала дорога прямо из Сатунова до места мною предполагаемого удобнейшим для переправы, – по которой турки бежали после поражения их при Кагуле, но дорога сия теперь не удобна потому, что отойдя 5 верст [5,334 км] от Сатунова, надо переправляться через довольно глубокий и до 20 сажень ширины пролив (где мост может легко быть устроен), идущий из озера Картал в пролив Табачинский, за сим проливом, надо еще в нескольких местах проезжать по воде довольно глубокой; в дожди сей путь делается даже весьма трудным» (Липранди 1827, 9). Возникает уверенность, что речь идет именно об этом участке, как по числу форсируемых проток, так и потому, что вся длина Новосельского острова по карте 1941 г. составляет около 5,3 км.

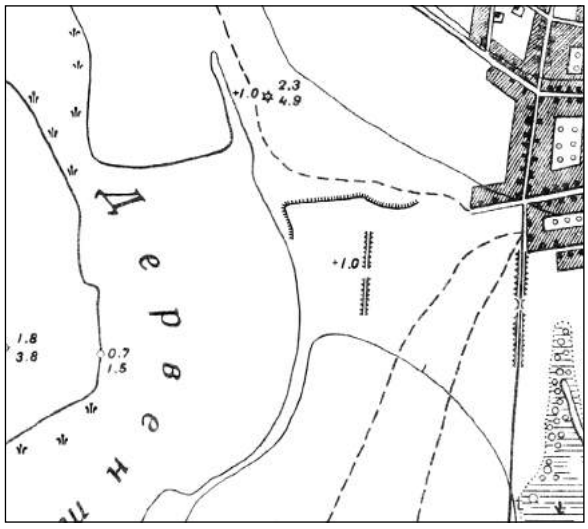


Рис. 4. Дамба и оборона у северного края о. Новосельского (карта 1941 г., растительность снята).

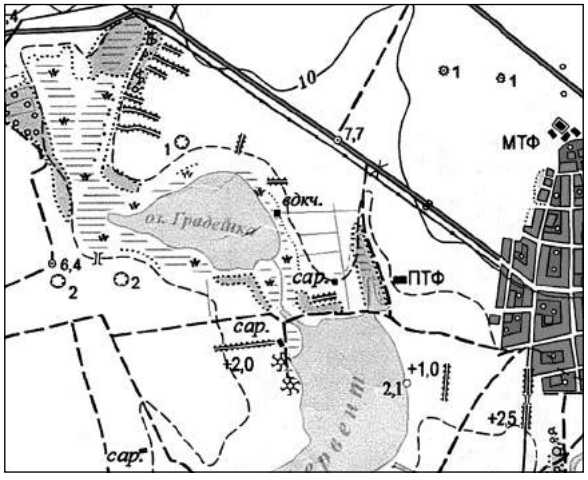


Рис. 5. Участки валов к северу от о. Новосельского (карта конца 1940-х гг., растительность снята).

Предвидя критические замечания по поводу датировки придунайского вала, заметим, что он присутствует на картах съемки 1884 г., когда ни в указанном микрорегионе, ни в соседних местах никто даже не задумывался о строительстве защитных дамб вдоль Дуная. Более того, его конструкция (а именно – наличие значительных промежутков между валом и коренными склонами) на выполнение такой задачи и не была рассчитана (рис. 1-2). Искать же других авторов и исполнителей такого хорошо продуманного военно-инженерного проекта среди более ранних или, наоборот, более поздних обитателей региона, по-моему, было бы пустой тратой времени.

Более 20 лет тому назад было написано о том, что «стационарную трассу от переправы к римской крепости у с.Орловка еще предстоит найти» (Щукин, Бейлекчи 1994, 257). Сейчас можно сказать, что нами найдена стационарная трасса к обоим римским кастелям, а исследованный этими авторами участок недостроенного аггера как раз и был не основной дороги, но к нему мы вернемся ниже.

Что касается перспектив археологического исследования данного объекта, то они, конечно же, существуют, хотя позднее на одних его участках (вдоль Дуная) вал наверняка неоднократно досыпался, а на других (на пойме у с. Орловки) планировался.

Оборона северной части о. Новосельского

Насколько мне известно, ранее никто, даже известные соавторы экскурсов «Ландшафтно-географическая характеристика местоположения городища Новосельского II» и «Транскультурный феномен “дунайского замка”» (Бруяко, Ярошевич 2001, 14-26), не обратили внимание на то, что так называемый Новосельский мыс или полуостров по своей геоморфологии является полноценным островом, который еще сравнительно недавно был отделен от материка протокой между озерами Дервент и Кугурглуй (нижняя часть Ялпуга). До сих пор половина этого понижения шириной до 400 м наполовину заполнена водой даже в сухое время года, не говоря о периодах половодья (рис. 1).

Изучение изображений его северной части на картах показало, что ранее через эту протоку существовала дамба с мостом, которая в 1940 г. имела высоту 1 м. Она находилась в 520 м к востоку от аналогичного современного объекта, а на карте выглядит как два участка насыпи длиной 120 и 130 м в одну линию с перерывом до 20 м. На той же карте к северу от нее отмечено полевое укрепление неправильной в плане формы с выгнутым фасом, направленным на север (рис. 4).

На 500-метровой карте конца 1940-х годов остатки дамбы также представлены, но уже одним сплошным отрезком. Однако на ней, в основном на участке между северной частью острова Новосельского и верхней частью оз. Дервент (местное название Градешка), отме-

чено еще 10 отрезков валов разной протяженности. Шесть из них составляют одну группу, связанную с левым берегом оз. Градешка: они параллельны, имеют ориентацию примерно по линии СЗ - ЮВ и теоретически могут быть связаны с защитой северного побережья оз. Кагул от проникновения противника на него в зимнее время (см. выше). Остальные отрезки, очевидно, в какую-либо систему не вписываются, но все эти объекты нуждаются в детальном осмотре и, возможно, в исследованиях путем проведения раскопок.

Дороги района Картальской переправы

Как уже говорилось, во время функционирования римской переправы через Дунай одной из главных коммуникаций микрорегиона являлась дорога между двумя городищами, которая могла быть проложена по описанному выше валу и (или) вдоль него (рис. 2; 3). Однако в картографических источниках есть сведения о других путях, которые с этим и другими валами не связаны.

На использованной выше карте конца 1940-х гг. в между Дунаем и Новосельским островом отмечено несколько местных дорог, одна из которых вела от переправы не на южную стрелку названного острова, а в обход проток Кишковая и Табачелло слева, причем первую из них также можно было пересечь по броду глубиной всего 0,8 м с твердым дном (рис. 6).

Важно, что начало этой дороги от реки по месту и ориентации почти совпадает с остатками римской дороги, выявленной В.М. Кожокару и исследованной рядом археологов в 1989-1993 гг. Из итоговых работ об этих раскопках видно, что было исследовано 6 участков дороги (два рядом не в линию) длиной 532 м на протяжении 811 м, ориентированных по линии ЮЗ - СВ (рис. 7). Крайняя ЮЗ точка объекта располагалась в 650 м от берега Дуная и в 3,05 км от стрелки Новосельского острова. Насыпь дороги имела наименьшую ширину около 5 м, высоту 0,15-0,35 м и состояла из двух-трех слоев обломков ракушечника, битой плинфы, черепицы, керамики и даже архитектурных деталей. Определимые обломки амфор датируются рубежом эр и III-IV вв. н.э. Высказана мысль, что это была дорога-аггер (насыпная дорога, вал), «проложенная легионерами Ва-

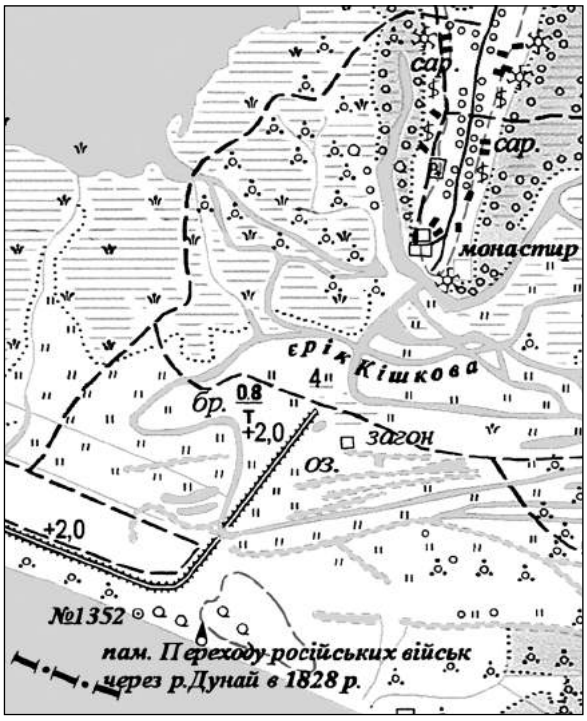


Рис. 6. Грунтовая дорога от Дуная (карта конца 1940-х гг.).

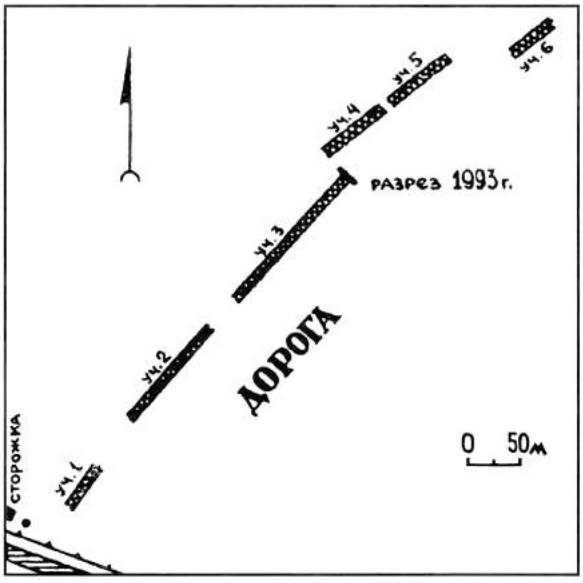


Рис. 7. Участки недостроенной римской дороги от Дуная (по Щукин, Бейлекчи 1994).

лента [переправившимися через Дунай по наплавному мосту в 369 г.] через плавни левобережной поймы для выхода на кореной берег в районе необнаруженного пока римского сторожевого поста» (Щукин, Бейлекчи 1994; Щукин и др. 1995).

Не отрицая определения этого объекта как дороги, сразу же замечу, что, судя по ее плану (рис. 7) и конструкции (разрезам), она, скорее всего, насыпалась одновременно на разных участках и не была завершена. Кроме этого, ориентация прослеженного участка позволяет допустить ее дальнейшее направление как по маршруту упомянутой выше грунтовой дороги, так и на стрелку острова (рис. 6). Сами авторы раскопок увидели в ней ряд отличий от классических римских дорог (Щукин, Бейлекчи 1994, 257), а прослеженные на ней следы колей от повозок имели ширину около 1,6 м, в то время как римские стандарты составляли 1,43 м.

Но главной проблемой этой дороги является вопрос, откуда происходят материалы, составляющие ее насыпь, и на него пока нет внятного ответа. Отправной точкой в поисках является факт, что в середине III в. кастель на Каменной Горе был сожжен и прекратил свое существование (Бондарь 1973, 155). Этот факт напрямую перенесен на городище при переправе на основании умозаключения, что при этом «автоматически отпадает надобность и в пока что виртуальном укреплении на мысу южнее Новосельского». Далее допускается, что солдаты Валента могли разбирать руины бывших крепостей, «наводя переправу и оборудуя подступы к ней», но шансы открытия на Новосельском II «фундаментальной фортификационной постройки» оценивались скептически (Бруяко, Ярошевич 2001, 71-72).

А теперь обратимся к первоисточнику, а именно к книге Аммиана Марцеллина «Римская история», в которой, как оказалось, переправа через Дунай у Картала упоминается еще раз в 376 г. в связи с переселением визиготов во Фракию. Цитируем:

«Когда дело стало выясняться в его истине и слухи были подтверждены прибытием посольства варваров, которое настойчиво просило о принятии бездомного народа на правый берег реки, приняли это скорее с радостью, чем со страхом. Поднаторевшие в своем деле льстецы преувеличенно превозносили счастье императора, которое предоставляло ему совсем неожиданно столько рекрутов из отдаленнейших земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив свои и чужие силы, и государственная казна получит огромные доходы из военной подати, которая из года в год платилась провинциями. С этой надеждой *отправлены были разные лица, чтобы устроить переправу диких полчищ*... Получив от императора разрешение перейти через Дунай и занять местности во Фракии, переправлялись они целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев. А так как река эта – самая опасная из всех и *уровень воды был выше обычного вследствие частых дождей* [курсив мой], то много народа утонуло, как те, кто при крайней переполненности судов слишком решительно плыли против течения, так и те, кто бросался вплавь» (Амм. Марцеллин XXXI, 4, 4-5; Брун 1874, 9-10).

Поясню, что на левом берегу Дуная готы оказались в сложнейшем положении: продовольствия для долгого ожидания итогов переговоров им не хватало, с востока нависали гунны, а Валент дал согласие только осенью (Копаев 2012, 98-99). Только после этого началось «устройство переправы» и сам процесс перевоза через разлившийся Дунай нескольких десятков тысяч визиготов, что заняло еще немало времени.

На мой взгляд, ситуация, описанная А. Марцеллином, гораздо лучше объясняет незавершенную попытку строительства дополнительной дороги от городища Новосельское II к переправе, прерванную паводками. Очевидно, что в ходе нее тысячи готов просто снесли большинство построек римского кастеля, который вдруг стал никому не нужным. Это укрепление и городище, судя по датам амфор с дороги, имели не менее двух основных периодов существования – на рубеже эр и в III-IV вв. н.э. (Щукин, Бейлекчи 1994, 257), но до 376 г. от РХ. Во время второго из них кастель у Новосельского и вся система переправы функционировали без замка на Каменной горе, возможно, потому что в районе первого имелась более эшелонированная оборона, включающая в себя естественную преграду и укрепления у северного края острова (рис. 4).

Существенным аргументом в пользу высказанной точки зрения является наличие на городище Новосельское II материалов чер-

Рис. 8. Линейная полевая оборона между оз. Кагул и Ялпуг (западный участок; карта 1941 г., растительность и полевые дороги сняты).

няховской культуры, выявленных в раскопах 1986 и 1988 гг. (Бруяко, Ярошевич 2001, 69).

А ищущим второй ключ от дунайского замка можем посоветовать изучать классические письменные источники, в которых внимательный читатель может найти простые ответы на самые сложные вопросы.

Оборонительный район между озерами Кагул и Ялпуг

А теперь перейду к характеристике комплекса объектов, с которыми я лично столкнулся впервые. Речь идет об очень необычной линии обороны, отмеченной на трех листах той же 250-метровой советской карты, кв. L-35 (93-Г-г, 94-В-в и 105-Б-б). Она отмечена линиями разной длины (от 60-100 до 700-800 м) с перпендикулярными черточками с одной стороны, которые в справочниках условных обозначений топографических карт значатся как «окопы». Подавляющее число этих знаков обращено черточками к югу – юго-востоку[4], и они занимают пространство между левым берегом оз. Кагул и правым берегом оз. Ялпуг длиной около 8,6 км (рис. 1). Скорее всего, они представляли собой валы со рвами со стороны черточек, высота и глубина которых на момент съемки в 1884 г. не превышала 1 м, иначе это было бы отражено на карте[5].

Детальный планиграфический анализ показал, что перед нами целиком продуманная система несплошных полевых линейных укреплений, сооруженных в две двойные линии, проложенные согласно рельефу местности, с учетом высот и наличия двух балок, ориентированных с севера на юг. Первая от Дуная линия была выкопана на абсолютных высотах от 21 до 29 м с повышением на левом фланге (к югу от кургана Чауш) до 42-44 м. Вторая

[4] Несколько отрезков линий с иной ориентацией (не более 6) сосредоточены на правом фланге обороны, к северу от с. Орловка (рис. 8).

[5] Возле одного окопа к ЮЗ от кургана Чауш нарисована выемка или яма глубиной – 1,2 м (рис. 9).

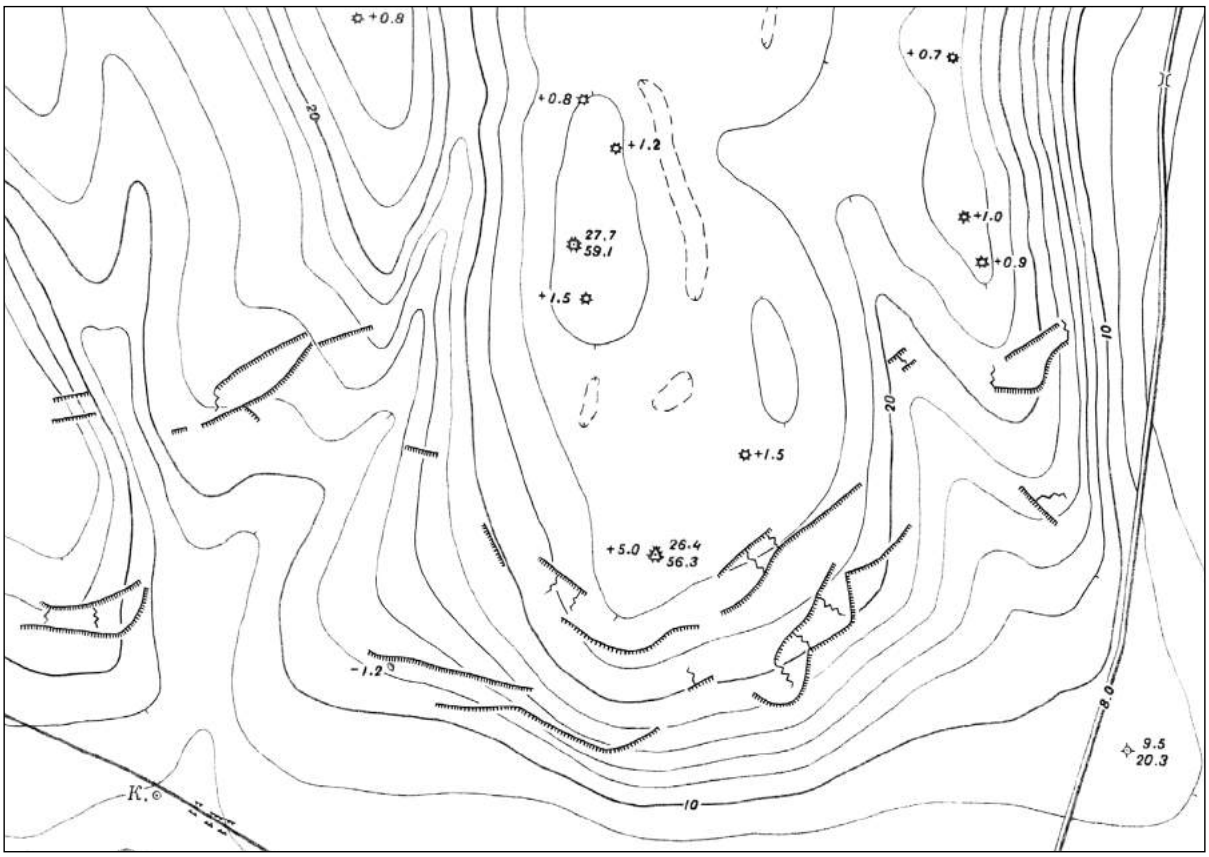


Рис. 9. Линейная полевая оборона между оз. Кагул и Ялпуг (восточный участок; карта 1941 г., растительность и полевые дороги сняты).

линия возвышалась на правом фланге на высоту 25-34 м (кроме склонов Картальской балки), а на левом – до 47-61 м (кроме склонов балки Каменной). Замечу, что в этом районе наивысшие точки водоразделов достигают на правом фланге 40 м (курган к С от Орловки), а на левом – 58-61 м (курганы Чауш и Циганка). Примечательно, что вокруг двух последних курганов был сформирован своеобразный укрепленный район, выступающий фас которого имел ориентацию на юг. Подобная, но менее выраженная конструкция прослеживается и на правом фланге у северо-восточной окраины Орловки (рис. 8; 9).

Из особенностей планиграфии укрепленного района отметим полное отсутствие окопов между правым берегом оз. Ялпуг и дорогой между сс. Новосельским и Плавнями (рис. 9), что можно легко объяснить традиционным использованием местным населением северной части данного участка под виноградники, требующие более глубокой распашки (рис. 1).

Понятно, что теперь первоочередной задачей являются исследования описанного нами объекта традиционными археологическими и геофизическими методами, а также поиски тех его частей, которые не были отмечены на картах по тем или иным причинам.

Так или иначе, сегодня следы данной обороны можно интерпретировать как защиту от войск (в первую очередь, конницы), переправившихся на левый берег Дуная. Исходя из исторических фактов и наличия в районе более или менее значительных масс населения, способных соорудить такой внушительный укрепленный район, можем предположить, что он принадлежит скифам, построившим его в 331 г. до н.э. против войск Зопириона – полководца Александра Македонского, которые оставили в междуречье Кагула и Ялпуга целый ряд могильников и курганов IV в. до н.э.

Впрочем, если говорить строго, нельзя исключить, что описанную линию обороны устроили готы, ожидавшие переправы легионов Валента в 368-369 гг. Вот что написал об этом А. Марцеллин: «С таким же рвением сделал он [Валент] попытку проникнуть на вражескую территорию и в следующем [368] году. Но, встретив препятствие в виде более широкого разлива Дуная, оставался на одном месте до глубокой осени в постоянном лагере, который разбил близ одного селения карпов. Так как вследствие сильнейшего разлива вод нельзя было ничего предпринять, он вернулся оттуда в Маркианополь на зимние квартиры. Проявляя ту же настойчивость и на третий год, Валент воздвиг у Новиодуна мост на судах для переправы через реку, прорвался в землю варваров и после продолжительного похода напал на воинственное племя гревтунгов» (Амм. Марцеллин XXVII, 5, 5-6).

В любом случае, оба варианта, как и эпизод с недостроенной визиготами дорогой, следует проанализировать историкам на основании всей массы письменных источников.

Выводы

Главный вывод статьи заключается в том, что, как было показано, ученые еще не исчерпали всей совокупности археологических источников, которые в данном случае были найдены не в полях, а на листах старых топографических карт. В данном случае удалось выявить не известные ранее составляющие римской обороны – переправы через Дунай у оз. Картал, вал-дорогу между кастелями Орловка и Новосельское II, укрепления у северного края острова Новосельского, а также мощную полевую оборонительную систему между оз. Кагул и Ялпуг. Кроме того, нам удалось уточнить дату незавершенной позднеримской дороги, ведущей к переправе. И хотя теперь все эти объекты предстоит найти и исследовать на месте, опыт применения метода картографической стратиграфии для изучения сравнительно небольшого, хотя и неординарного микрорегиона показал свою высокую эффективность и перспективность.

Автор благодарит за исторические консультации и ценные советы д.и.н. А.Н. Дзиговского.

Библиография

Аммиан Марцеллин 1994: Аммиан Марцеллин, Римская история (Санкт-Петербург 1994).

Бондарь 1973: Р.Д. Бондарь, Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса. ВДИ 3, 1973, 144-159.

Брун 1874: Ф. Брун, Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России (Санкт-Петербург 1874)

Бруяко, Ярошевич 2001: И.В. Бруяко, Ю.И. Ярошевич, Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае (Одесса 2001).

Ванчугов и др. 1999: В.П. Ванчугов, И.В. Бруяко, В. Сырбу, И.Т. Никулицэ, Раскопки Нижнедунайской археологической экспедиции в 1997-1998 гг. В сб.: Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области, вып. I (Одесса 1999) 28-33.

Вельтман 1837: А.Ф. Вельтман, Воспоминания о Бессарабии. Современник, т. 7, № 3, 1837, 226-249.

Дзиговский, Сапожников 1989: А.Н. Дзиговский, И.В. Сапожников, Особенности пространственного распространения сарматских памятников Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции (Запорожье 1989), 39-41.

Карышковский, Кожокару 1992: П.О. Карышковский, В.М. Кожокару, Следы римского укрепления на юго-восточном побережье озера Картал. Древности степного Причерноморья и Крыма 3, 1992, 174-177.

Кожокару 1990: В.М. Кожокару, К изучению оборонительных валов Бессарабии. В.: Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов конференции, ч. II: Археология (Белгород-Днестровский 1990), 42.

Кожокару 2008: В.М. Кожокару, Ещё раз о древних оборонительных сооружениях на территории Бессарабии. В: Краткие сообщения ОАО (Одесса 2008), 153-159.

Кожокару 2009: В.М. Кожокару, Раскопки оборонительного сооружения городища Новосельское в 2006 г. Старожитності степового Причерномор'я і Криму XV, 2009, 69-70.

Копаев 2012: М.Ю. Копаев, Варвары на Истре: начало Готской войны (375-377 гг.). Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология, № 2, 2012, 97-100.

Липранди 1827: И.П. Липранди, Некоторые сведения о правом береге Дуная, собранные в 1826 году (Санкт-Петербург 1827).

Сапожников 2011: И.В. Сапожников, Древние валы Бессарабии или Буджака: из истории картографирования в XVIII-XIX вв. МАСП 12, 2011, 206-236.

Сапожников 2013: И. Сапожников, Новые картографические материалы о древних валах Бессарабии. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 345-354.

Сапожников 2017: И. Сапожников, Османские крепости Добруджи: описания и обзор источников 1820-х годов. Scriptorium nostrum 1 (7), 2017, 291-341.

Сапожников, Кожокару 2001: И.В. Сапожников, В.М. Кожокару, Российские карты земель Юго-Западной Украины и Молдовы времен войны 1768-1774 гг. В: Наукові записки Інституту українскої археографії та джерелознавства НАНУ, т. 6 (Київ 2001), 189-194.

Уваров 1851: А.С. Уваров, Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 1 (Санкт-Петербург 1851).

Уваров 1851: А. Уваров, Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Чёрного моря (Санкт-Петербург 1853).

Щукин, Бейлекчи 1994: М.Б. Щукин, В.В. Бейлекчи, Римская дорога у с. Новосельское. В.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э. Материалы докладов II международной конференции (Тирасполь 1994), 254-257.

Щукин и др. 1995: М.Б. Щукин, В.В. Бейлекчи, В.М. Кожокару, Следы переправы императора Валента через Дунай в 369 г. В сб.: Фортификация в древности и средневековье. Материалы методологического семинара ИИМК (Санкт-Петербург 1995), 65-66.

Vančugov et al. 1999: V.P. Vančugov, I.V. Brujako, V. Sîrbu, I.T. Niculiţă, Cercetările de la Novosel'skoe - Satu-Nou. Campaniile 1997-1998. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, vol. 3 (Bucureşti 1999), 223-277.

Valuri şi drumuri antice în regiunea trecerii peste Dunăre de lângă lacul Cartal: experienţă de stratigrafie cartografică

Cuvinte-cheie: trecerea peste Dunăre, lacul Cartal, fortificaţiile Orlovka şi Novosel'skoe II, apărarea trecerii, valuri şi drumuri antice, spaţiu fortificat, sciţi, romani, goţi.

Rezumat: În articol sunt expuse rezultatele utilizării metodei stratigrafiei cartografice pentru un spaţiu restrâns – regiunea trecerii peste Dunăre de lângă lacul Cartal. Autorul, folosind vechi hărţi topografice, a identificat o serie de construcţii (valuri, diguri, drumuri) necunoscute anterior, precum şi un spaţiu fortificat ce consta din patru linii de apărare, datat cu anul 331 a. Chr. A fost trasă concluzia că elementul de bază al apărării romane în regiunea trecerii era valul-drum de-a lungul Dunării. De asemenea, autorul pune în legătură drumul roman nefinisat din preajma fortificaţiei Novosel'skoe II cu locul trecerii vizigoţilor în Tracia în anul 376.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Regiunea trecerii peste Dunăre de lângă lacul Cartal (hartă din anul 1941).

Fig. 2. Valul-drum de-a lungul Dunării (hartă din anul 1941).

Fig. 3. Elemente ale limesului roman.

Fig. 4. Digul şi linia defensivă de lângă marginea de nord a insulei Novosel'skoe (hartă din anul 1941, fără vegetaţie).

Fig. 6. Sectoare ale valurilor la nord de insula Novosel'skoe (hartă de la sfârşitul anilor 1940, fără vegetaţie).

Fig. 6. Drumul de ţară dinspre Dunăre (hartă de la sfârşitul anilor 1940).

Fig. 7. Sectoare ale drumului roman nefinisat de la Dunăre (după Щукин, Бейлекчи 1994).

Fig. 8. Linia de apărare dintre lacurile Cahul şi Ialpug (sectorul de vest; hartă din anul 1941, fără vegetaţie şi drumuri de ţară).

Fig. 9. Linia de apărare dintre lacurile Cahul şi Ialpug (sectorul de est; hartă din anul 1941, fără vegetaţie şi drumuri de ţară).

Ancient defensive walls and roads around the Danube crossing near Lake Kartal: Experience of cartographic stratigraphy

Keywords: the Danube crossing, Lake Kartal, Orlovka and Novoselsky II hillforts, defense of the river crossing, ancient walls and roads, defensive fortified area, Scythians, Romans, Goths.

Abstract: The article is devoted to the results of the application of cartographic stratigraphy to a single micro-region – the Danube crossing area near Lake Kartal. The author, using old topographic maps, has identified several previously unknown structures (walls, dams, and roads) and a defensive area consisted of four lines of field fortifications (dated 331 BC). It is concluded that the core of the Roman defense of the Danube crossing was a ramparts along the banks of the river. In addition, the author linked an unfinished late Roman road near the Novoselsky II hillfort with the penetration of the Visigoths into Thrace in 376.

List of illustrations:

Fig. 1. The the Danube crossing area near Lake Kartal (maps of 1941).

Fig. 2. The wall-road along the Danube (maps of 1941).

Fig. 3. The construction of Roman limes.

Fig. 4. Dam and defense near the northern edge of Novoselsky Island (map of 1941, vegetation removed).

Fig. 5. Fragments of walls to the north of Novoselsky Island (map of the late 1940s, vegetation removed).

Fig. 6. A ground road from the Danube (map of the late 1940s).

Fig. 7. The segments of the unfinished Roman road from the Danube (after Щукин, Бейлекчи 1994).

Fig. 8. Line of field fortifications between the lakes of Cahul and Yalpug (western section, map of 1941, vegetation and field roads removed).

Fig. 9. Line of field fortifications between the lakes of Cahul and Yalpug (eastern section, map of 1941, vegetation and field roads removed).

05.04.2017

Др. хаб. Игорь Сапожников, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: igors@gcn.ua

UN POSIBIL QUAESTOR JUSTINIANUS EXERCITUS: GERMANUS, FIUL LUI DOROTHEUS

Vasile Mărculeţ

Cuvinte-cheie: Germanus, Justinianus, Quaestura Justiniana exercitus, Quaestor Justinianus exercitus, huni koutrigouri, Chersonesul Thracic.

Situate la limita Barbaricum-ului, provinciilor Moesia Secunda şi Scythia Minor, le-a revenit o importanţă geostrategică şi militară deosebită în cadrul politicii dunărene a Imperiului Romano-Bizantin. Expuse însă neîntrerupt loviturilor barbare, provinciile de la Dunărea de Jos au suferit devastări cumplite, ceea ce a condus la o gravă decădere a lor din punct de vedere economic, acestea ajungând, în secolul al VI-lea, în situaţia de a fi în imposibilitatea de a mai putea asigura singure întreţinerea forţelor militare care staţionau pe teritoriul lor, respectiv de a mai putea plăti annona militaris soldaţilor din compunerea acestora. Considerentele de ordin strategic şi militar, precum şi constrângerile economice l-au determinat pe Justinianus I (527-565) să le confere o organizare specifică incluzându-le într-o structură numită Quaestura Justiniana exercitus, care avea să funcţioneze până la începutul secolului al VII-lea.

Quaestura Justiniana exercitus şi comandanţii săi

Din secolul al IV-lea şi până în primăvara anului 536, provinciile Moesia Secunda şi Scythia Minor au fost reunite într-un vicariat al Thraciei (Notitia Dignitatum, Orientis, I.33; cf. Wiewiorowski 2011, 385-400). Subordonat direct prefectului Orientului, vicarius Thraciarum îşi avea reşedinţa la Odessos, în Moesia Secunda (Madgearu 2009a, 190; Madgearu 2009b, 140).

La 18 mai 536, împăratul Justinianus I emitea Novella XLI, Constitutio ad Bonum quaestore exercitus, care avea să modifice radical statutul politico-juridic al provinciilor de la Dunărea de Jos. În temeiul respectivei Novella, cinci provincii din Praefectura Orientis, anume Moesia Secunda şi Scythia Minor (din dioceza Thracia), Cypru (din dioceza Orientis), Caria, şi Insulele Ciclade (din dioceza Asiana) au fost incluse într-o structură specifică, Quaestura Justiniana exercitus, supusă autorităţii unui quaestor Justinianus exercitus (CIC, III, Novella XLI; Fontes, II, 380/381; cf. Iulianus 1965, Constitutio XXXVIII; cf. Lassard 2014, Const. XXXVIII; cf. Lassard 2015, Nov. XLI), numit şi „prefect al Scythiei (Σκυθίας ὕπαρχον / Σκυθίας ἐπάρχῳ / praefectum Scythiae)" sau „prefect comandant al trupelor din Scythia (ἔπαρχον ἐπόπτην τῶν Σκυθκῶν / praefectum Scythicarum)" (Lydus 1837, 192-193).

Novella XLI stabilea, pe lângă provinciile care intrau în componenţa noii structuri, şi structura biroului quaestor-ului, precum şi responsabilităţile sale privind distribuirea annonei militaris. Referitor la primul aspect, Novella preciza că quaestor exercitus dispunea de un aparat birocratic identic cu cel al unui praefectus praetorio (CIC, III, Novella XLI; cf. Iulianus 1965, Constitutio XXXVII; cf. Lassard 2014, Const. XXXVIII; cf. Lassard 2015, Nov. XLI). Cu privire la al doilea aspect, Novella stabilea că quaestor exercitus era responsabil de strângerea şi distribuirea annonei tuturor soldaţilor aflaţi sub comanda lui, atât celor din unităţile de comitatenses, cât şi celor din trupele de limitanei (CIC, III, Novella XLI; cf. Iulianus 1965, Constitutio XXXVIII; cf. Lassard 2014, Const. XXXVIII; cf. Lassard 2015, Nov. XLI).

Termenele de funcţionare a noii structuri erau definitivate de Justinianus I prin Novella L emisă la 18 august 537. Noua Novella îndrepta disfuncţionalităţile înregistrate după constituirea quaesturii exercitus, pe parcursul funcţionării acesteia în intervalul de timp cuprins între 18 mai 536, data constituirii, şi 18 august 537. Totodată, Novella L stabilea cadrul în care urmau să îşi exercite atribuţiile, îndeosebi, cele juridice quaestor exercitus şi locţiitorul său (CIC, III, Novella L; cf. Lassard 2015, Nov. L).

Statutul quaestor-ului exercitus a fost identificat diferit de istorici. Unii dintre aceştia, scoţând

mai mult în evidenţă atribuţiile sale civile, administrative şi juridice, au văzut în el un funcţionar civil, pe care l-au asimilat unui preafectus praetorio. Alţii, accentuând atribuţiile sale militare, l-au echivalat cu un magister militum. Toţi sunt însă de acord că quaestor exercitus a reunit sub autoritatea lui, atât atribuţiile civile, cât şi comanda trupelor din cadrul structurii.

Bazaţi pe asemenea concluzii, unii istorici au identificat în quaestura Justinianus exercitus o unitate administrativă asemănătoare unei prefecturi de pretoriu, alţii un eşalon al armatei romano-bizantine, însărcinat cu aprovizionarea trupelor care operau la Dunăre. Din punctul nostru de vedere, informaţiile pe care le deţinem cu privire la rolul structurii, la atribuţiile civile şi militare ale quaestor-ului exercitus, ne determină să considerăm quaestura exercitus ca fiind, atât o unitate militar-administrativă a Imperiului Romano-Bizantin, cât şi un eşalon al armatei imperiale.

Potrivit opiniei celor mai mulţi istorici, asemenea fostului vicarius Thraciarum, reşedinţa respectivului quaestor Justinianus exercitus s-a aflat tot la Odessos (Caimi 2008, 350; Barnea 1957, 350; Zahariade 2006, 51; Inscripţiile 1976, nr. 47; Gkoutzioukostas 2008, 109). Există însă şi opinii care nu exclud posibilitatea ca respectivul demnitar romano-bizantin să fi avut reşedinţa la Tomis (Băbuş 2003, 144) sau chiar în Samos (Pieri 2007, 5).

Sursele literare şi sigilografice ne permit identificarea câtorva dintre demnitarii bizantini care au îndeplinit, în anumite perioade, funcţia de quaestor Justiniani exercitus. Primul dintre aceştia a fost generalul Bonus, menţionat în această funcţie, atât de cele două edicte imperiale, respectiv Novella XLI, din 18 mai 536 (CIC, III, Novella XLI; cf. Iulianus 1965, Constitutio XXXVIII; cf. Lassard 2014, Const. XXXVIII; cf. Lassard 2015, Nov. XLI), şi Novella L, din 18 august 537 (CIC, III, Novella L; cf. Lassard 2015, Nov. L), cât şi de istoricul Agathias din Myrina, în 552 (Agathias, I.19.1). Aceste informaţii i-au determinat pe unii istorici, precum J.R. Martindale sau Jacek Wiewiorowski, să admită, că fie o funcţionare a generalului Bonus ca quaestor exercitus s-a prelungit între 536 şi 552, fie ca acesta a exercitat funcţia în două rânduri (Martindale 1992, 240-241; Wiewiorowski 2006, 327).

Al doilea quaestor exercitus, cunoscut după unele surse literare, a fost generalul Justinus-Boraides, nepotul împăratului Justinianus I. Acesta a ocupat funcţia probabil încă înainte de 562 sau 563, concluzie spre care conduc, în primul rând, două informaţii transmise de cronicarii Menander Protector şi Evagrius Scholasticus. Primul relatează că după sosirea avarilor la Dunărea de Jos, Justinus-Boraides „nu înceta deloc pregătirile pentru a supraveghea trecerile peste râu, căci încredinţase lui Bonus, comandantul trupelor mercenare şi domestice, paza fluviului" (Menander 1829, 286), iar cel de-al doilea că generalul romano-bizantin „îşi petrecea timpul lângă Istros şi împiedica încercările de trecere ale avarilor" (Evagrius, V.1). Comanda exercitată de Justinus-Boraides la Dunărea de Jos, în calitate de quaestor exercitus, s-a închieat odată cu urcarea pe tron a vărului şi contracandidatului său la tronul imperial, Justinus II (565-578) (Mărculeţ 2015, 246; Mărculeţ 2016, 38-39).

Următorul quaestor exercitus, atestat de surse a fost generalul Baduarius. Conform informaţiilor transmise de Theophylaktus Simocatta în anii 566 şi 567 acesta a fost comandantul „oştilor din Scythia şi Moesia" (Simocatta, VI.10.10).

Un deceniu mai târziu, în anul 578, funcţia de comandant al quaesturii exercitus, era exercitată de generalul Ioannes. Fără îndoială, acesta ocupa funcţia dintr-un an anterior. Din lucrarea lui Menander Protector ştim că la data respectivă, Ioannes „avea în seamă conducerea insulelor şi fusese numit guvernator peste oraşele din Praefectura Illyricum" (Menander 1829, 405). Pe baza acestei informaţii suntem în măsură să conchidem că în anul 578 generalul Ioannes cumula funcţiile de quaestor exercitus şi magister militum per Illyricum (Mărculeţ 2015, 247; Mărculeţ 2016, 39). În această dublă calitate, el a fost cel care a negociat, în numele împăratului Tiberius II Constantinus, cu khaganul Baian al avarilor, o acţiune de anvergură a acestora împotriva sclavinilor din sudul Daciei şi a asigurat logistica necesară ducerii ei la îndeplinire (Chiriac 1993, 191-203; Kardaras 2006, 31-33).

Prin 580 în fruntea quaesturii exercitus a ajuns, se pare, prefectul Julianus. Acesta apare menţionat în Historia eclesiastica a episcopului Ioannes de Ephesus cu titlul de praefectus, transcris parţial în limba syriacă, respectiv ὑπαρχος (eparchos) NSYWS (John of Ephesus 1860, 220; Martindale 1992, 737). Istoricul J.R. Martindale îl identifică cu un quaestor Iustinianus exercitus sau un prae-

fectus insularum (Martindale 1992, 737). Este posibil ca el să-i fi urmat în funcţie chiar generalului Ioannes.

În primii ani ai secolului al VII-lea, funcţia de quaestor exercitus a fost deţinută, se pare, de generalul Bonosus. Spre o asemenea concluzie conduce o informaţie transmisă de Theophylaktus Simocatta, care precizează că în vara anului 602 Bonosus deţinea comanda flotei romano-bizantine trimisă să opereze pe Dunăre alături de forţele terestre, comandate de generalul Petrus, fratele împăratului Mauricius, trimise împotriva sclavinilor (Simocatta, VIII.5.10-11).

Un sigiliu de plumb descoperit la Tomis poartă legenda „Theodoro praef[ectus] insular[um]", respectiv „prefect al insulelor" (Rostotsew, Prou 1900, 280; Cantacuzène 1927-1932, 611). Sigiliul a fost datat de diferiţii săi editori, între secolul al V-lea şi al VII-lea (Cantacuzène 1927-1932, 611; Zacos, Veglery 1972, 1.659; Jordanov 2003, nr. 37.1; Martindale 1992, 1.266). Theodorus, praefectus insularum, este atestat, de altfel, prin cinci sigilii, provenite din matriţe diferite (Gkoutzioukostas 2008, 111-112). Pe baza respectivelor piese, istoricul Andreas Gkoutzioukostas l-a identificat în demnitarul romano-bizantin cu un posibil comandant al quaesturii exercitus, respectiv cu un quaestor exercitus (Gkoutzioukostas 2008, 111-112). Titlul deţinut de Theodorus confirmă întru totul o asemenea opinie.

Istoricul grec nu exclude posibilitatea ca funcţia de quaestor exercitus să fi fost deţinută şi de eparchii Sergius (secolul VI) şi Photius (secolele VI-VII), ale căror sigilii au fost descoperite la Dunărea de Jos în aria de jurisdicţie a quaesturii exercitus (Gkoutzioukostas 2008, 114). Acestora li s-ar putea adăuga eparchii sau foştii eparchi, Areobindus (secolul VI), Chrestus (secolul VII) sau Theodosius (secolul VII), ale căror sigilii provin din aceeaşi regiune (Curta 2002, 9-17; Curta 2016, 6-20; Madgearu 2009a, 193; Madgearu 2009b, 142). Neconfirmate însă de alte surse, aceste opinii rămân deocamdată doar ipoteze sau simple supoziţii.

Germanus, fiul lui Dorotheus, quaestor exercitus?

Într-o monografie dedicată istoriei Scythiei Minor, publicată cu puţin peste un deceniu în urmă, istoricul Mihail Zahariade emitea opinia potrivit căreia, în ultima parte a domniei lui Justinianus I, funcţia de quaestor Justinainus exercitus a fost exercitată de generalul Germanus (Zahariade 2006, 51).

Din perioada domniei lui Justinianus I cunoaştem doar doi generali cu acest nume. Primul a fost vărul împăratului. Un excelent militar, Germanus, s-a remarcat în timpul unchiului său, împăratul Justinus I (518-527), în calitate de magister militum per Thraciam, prin câteva victorii zdrobitoare obţinute asupra sclavinilor şi anţilor. Moare subit în anul 550 în Thracia, în timp ce conducea o expediţie spre Italia (Prokopios 2014, 7.40.6-9; cf. Russu 1976, 133). Acesta a fost tatăl unui alt talentat general, Justinus-Boraides, quaestor exercitus, spre sfârşitul domniei lui Justinianus I. Cel de-al doilea a fost Germanus, fiul lui Dorotheus, care s-a remarcat în luptele cu hunii koutrigouri din anul 559, când a apărat cu succes Chersonesul Thracic, prilej cu care a fost rănit (Agathias, V. 21. 2-8, 22. 1-9, 23. 1-4; cf. Russu 1976, 138).

Pe care dintre cei doi generali cu numele Germanus îl creditează cu funcţia de quaestor exercitus, Mihail Zahariade nu precizează în lucrarea sa. În ceea ce ne priveşte, într-o lucrare recentă am respins această opinie, pe care am considerat-o o confuzie între demnitatea tatălui şi cea a fiului. Ca urmare, am conchis că „faptul că Germanus, vărul împăratului, a fost tatăl generalului Justinus-Boraides a generat probabil confuzia" (Mărculeţ 2016, 38).

O serie de informaţii cuprinse în Istoria lui Agathias din Myrina ne determină să reluăm discuţia asupra acestui subiect şi, într-o anumită măsură, să ne reconsiderăm opinia, mai ales că aceste ştiri, analizate dintr-o anumită perspectivă, conduc spre ipoteza potrivit căreia generalul Germanus, fiul lui Dorotheus, ar fi putut ocupa la un moment dat funcţia de quaestor exercitus. Ştirile la care facem referire, şi pe care le vom analiza în continuare, sunt în relaţie cu evenimentele militare consumate cu ocazia marii invazii a hunilor koutrigouri în imperiu din anul 559, sub conducerea căpeteniei Zabergan.

Debutul atacului barbar a fost datat de autorii romano-bizantini şi bizantini. Agathias din Myrrina se pronunţă indirect pentru cumpăna anilor 558-559 (Agathias, V.11.6). În schimb, Ioannes Malalas afirmă fără echivoc că invazia koutrigourilor a debutat în martie 559 (Malalas 1986, 18.129). O datare identică este susţinută indirect şi de The-

ophanes Confessor (Theophanes 1997, AM 6051 [AD 558/9]).

Cunoaştem din relatarea lui Agathias din Myrina că hunii koutrigourii, comandaţi de Zabergan, însoţiţi de cete de protobulgari şi de sclavini, profitând de faptul că în perioada iernii „fluviul a îngheţat pe o adâncime considerabilă", au trecut Dunărea „ca pe uscat", favorizaţi fiind de slaba apărare a limes-ului danubian, unde „nu au întâlnit nici o armată de pază" şi „găsind localităţile de acolo pustii şi neîntâlnind nicio piedică în înaintarea lor", au devastat regiunea (Agathias, V.11.6; cf. Fontes, II, 356-357, nr. XLVII).

Provinciile Scythia Minor şi Moesia Secunda, aflate pe direcţia principală a invaziei, au căzut pradă atacului barbarilor (Agathias, V.11.6). Invadatorii au pătruns apoi în Thracia, au înfrânt forţele romano-bizantine din zonă, iar generalii Sergius şi Edermas, comandanţii acestora, au fost făcuţi prizonieri (Malalas 1986, 18.129; Theophanes 1997, AM 6051 [AD 558/9]; Agathias, V.11.6).

În faţa puternicei invazii barbare, Justinianus I a iniţiat rapid măsuri, care să permită imperiului preluarea iniţiativei militare şi alungarea barbarilor. Referindu-se la astfel de demersuri, cronicarii Ioannes Malalas şi Theophanes Confessor relatează că împăratul „porunci să fie construite corăbii cu două punţi, care să meargă pe Dunăre şi să înfrunte în lupte pe barbarii care încercau să treacă fluviul" (Malalas 1986, 18.129; Theophanes 1997, AM 6051 [AD 558/9]). Fără îndoială, informaţiile cronicarilor amintiţi referitoare la construirea unei întregi flote sunt imposibil de admis. În primul rând, timpul prea scurt nu ar fi permis o asemenea întreprindere de amploare. Foarte probabil, a fost constituită o flotă din vasele avute la dispoziţie, pentru a fi trimisă apoi pe Dunăre.

Succesele iniţiale, înregistrate pe fondul lipsei de ripostă a armatei imperiale, i-au permis lui Zabergan să lărgească aria de acţiune a forţelor sale. În acest scop el şi-a divizat forţele. Agathias din Myrina susţine că după pătrunderea în Thracia, şeful koutrigour „şi-a împărţit armata, şi a trimis o parte în Grecia să prade şi să jefuiască locurile neapărate, iar şi un al doilea corp de oaste în Chersonesului Thracic" (Agathias, V.11.7).

Împărţirea forţelor sale în mai multe corpuri de oaste, capabile să opereze independent, conduce spre concluzia că şeful koutrigour a avut sub comanda lui un număr însemnat de războinici. Informaţiile cronicarilor romano-bizantini cu privire la acest aspect sunt însă contradictorii. Spre exemplu, episcopul Ioannes de Antiochia le estimează la un număr total de 7.000 de luptători (Fontes, II, 356-357, nr. XLVII). În opoziţie cu estimarea lui Ioannes de Antiochia, Agathias din Myrina lasă să se înţeleagă că forţele barabre care au atacat imperiul au fost mult mai numeroase, el susţinând că cei 7.000 de luptători au constituit doar efectivul corpului de oaste care a operat sub comanda lui Zabergan însuşi (Agathias, V.12.5).

Din punctul nostru de vedere, bazaţi pe informaţiile transmise de sursele cunoscute cu privire la modul de acţiune al forţelor barbare, considerăm că Zabergan şi-a împărţit armata în cel puţin trei corpuri de oaste, capabile să opereze independent. Înseşi informaţiile transmise de Agathias din Myrina conduc spre o astfel de concluzie (Agathias, V.23.5-6).

Una din grupările koutrigoure a pătruns în Grecia, până la Thermopyle, masacrând populaţia şi distrugând totul în cale, îndeosebi teritoriile Macedoniei şi Thessaliei. O a doua grupare, sub comanda lui Zabergan însuşi, a atacat regiunea capitalei, reuşind să pătrundă dincolo de zidul lui Anastasius de unde a fost alungată de o oaste romano-bizantină, organizată în pripă, pusă sub comanda bătrânului general Belisarius (Agathias, V.11.6-7; Theophanes 1997, AM 6051 [AD 558/9]; cf. Diehl, Marçais, 1936, 72; cf. Bréhier 1948, 31; cf. Vasiliev 1932, I, 184-185). În sfârşit, cel de-al treilea corp de oaste barbar, a avut ca obiectiv atacarea Chersonesului Thracic. Pentru subiectul abordat de noi, singurele informaţii care prezintă importanţă sunt cele legate de evenimentele derulate în cursul atacului koutrigourilor din acest corp de oaste asupra Chersonesului Thracic.

Din relatarea lui Agathias din Myrina, autorul care realizează cea mai detaliată şi mai completă prezentare a luptelor pentru Chersonesul Thracic, cunoaştem că organizarea şi conducerea apărării acestuia a fost încredinţată de împărat tânărului şi talentatului general Germanus, fiul lui Dorotheus (Agathias, V.21-22; Theophanes 1997, AM 6051 [AD 558/9]; cf. Russu 1976, 138). Acesta, consemnează cronicarul romano-bizantin, dispunea de o „capacitate proprie înnăscută", care îi permitea să „intuiască situaţia" şi să identifice

„cel mai bun mod de a-i face faţă", care ştia însă să „plece urechea la sfatul soldaţilor în vârstă şi mai experimentaţi din personalul său" (Agathias, V.21.5). Pe lângă forţele terestre, acesta avea sub comanda lui şi o flotă.

Potrivit relatării lui Agathias din Myrina, într-o primă fază a bătăliei pentru Chersonesul Thracic, koutrigourii au încercat prin atacuri repetate să ia cu asalt fortificaţiile peninsulei. Eşuarea acestor acţiuni i-a determinat pe barbari să abandoneze această tactică şi să recurgă la încercarea de a cuceri regiunea prin atacuri de pe mare. În acest scop, relatează cronicarul romano-bizantin barbarii au recoltat cantităţi mari de stuf „foarte lung cu o grosime şi o rezistenţă excepţională" pe care l-au legat cu sfori în fascicule din care au confecţionat bărci de mari dimensiuni în care puteau intra patru bărbaţi înarmaţi (Agathias, V.21.7). În acest fel, susţine cronicarul romano-bizantin, „au fost construite nu mai puţin de o sută cincizeci ambarcaţiuni de acest tip" (Agathias, V.21.7).

Cu această flotă improvizată, koutrigourii au încercat o manevră prin surprindere prin apele golfului Aenus. În acest scop, barbarii au încercat „să lanseze pe ascuns toate vasele în mare în apropierea ţărmului vestic al golfului, care mătură ţărmul în jurul oraşului Aenus" (Agathias, V.22.1). În aceste vase, susţine Agathias din Myrina, au fost îmbarcaţi „aproximativ şase sute de oameni", dotaţi cu lopeţi pentru vâslit dar şi „puternic înarmaţi şi gata de acţiune" (Agathias, V.22.2).

Telentatul general romano-bizantin a intuit cu mare precizie punctele slabe ale acţiunii barbarilor. Ca urmare, el a trimis împotriva flotilei acestora o escadră formată din „douăzeci de skifuri repide cu cârme la prova şi pupa", cu echipaje complete „de vâslaşi şi cârmacii şi bărbaţi înarmaţi cu platoşe, scuturi, arcuri şi săgeţi şi secure", care „au acostat, ferite vederii, la gura de intrare în apă, în spatele zidului" (Agathias, V.22.4).

În momentul în care bărcile barbarilor au încercat să acosteze la mal, a intrat în acţiune escadra romano-bizantină. A urmat o confruntare inegală, în cadrul căreia puternicele vase imperiale au spulberat complet escadra barbarilor (Agathias, V.22.5-9). La finalul confruntării, scrie Agathias, barbarii „au pierit la un om şi nici unul dintre ei a trăit să vadă din nou pământ uscat" (Agathias, V.22.9).

Succesul pe mare i-a permis generalului romano-bizantin să declaşeze contraofensiva împotriva forţelor koutrigoure care acţionau pe uscat. Ca urmare, „câteva zile mai târziu", soldaţii săi „s-au înarmat şi au întreprins o ieşire prin surprindere împotriva asediatorilor, al căror număr era încă foarte mare, dar al căror moral era la cel mai scăzut nivel datorită faptului că aceştia nu se refăcuseră după recenta şi fulgerătoarea lor înfrângere" (Agathias, V.23.2). În timpul acestei confruntări, luptând cu impetuozitate în fruntea ostaşilor săi, Germanus însuşi a fost destul de grav rănit. Referitor la aceste aspecte, Agathias scrie că, „Germanus, care fiind încă foarte tânăr, nu a fost într-adevăr suficient de matur pentru a-şi împiedica impulsurile sale naturale, ci, în schimb, a fost mai uşor influenţat de ardoarea tinerească şi dragostea de glorie decât de considerente de prudenţă şi de siguranţă, s-a grăbit curajos în lupta împotriva duşmanului. Cu această ocazie, el însuşi nu s-a limitat la a da ordine şi la a-şi încuraja oamenii săi ca un general, ci a purtat greul luptei ca un soldat de rând. Ca rezultat al acestei impetuozităţi a fost lovit în coapsă de o săgeată şi foarte aproape obligat să se retragă din luptă. Dar, urgenţa situaţiei şi importanţa întreprinderii s-au dovedit mai puternice decât durerea lui, astfel că el nu a încetat să exercite comanda şi să-i îndemene pe ceilalţi până când a provocat pagube considerabile duşmanulor şi a nimicit un număr mare de ei" (Agathias, V.23.3).

Informaţiile de care dispunem determină două întrebări. 1. Cărei structuri îi aparţinea flota imperial care a operat sub comanda generalului Germanos pentru apărarea Chersonesului Thracic? 2. Care a fost rangul generalului Germanus în ierarhia romano-bizantină? Un răspuns categoric este imposibil de dat acestor întrebări. Pe baza informaţiilor pe care le deţinem putem însă construi unele ipoteze cu un grad destul de ridicat de veridicitate.

Cu privire la prima întrebare, trei răspunsuri ar fi cât se poate de plauzibile: 1. Generalul romano-bizantin a putut avea sub comandă o escadră navală desprinsă din flota imperială care îşi avea baza la Constantinopol. 2. Dacă avem în vedere faptul că Chersonesul Thracic se situa în aria de operaţii a Quaesturii exercitus, credem nu este exclusă nici posibilitatea ca flota comandată de Germanos să fi putut aparţine acestei structuri, care aflată în imposibilitatea de a opera pe Dună-

re din cauza îngheţării apelor fluviului, va fi fost retrasă în porturile din provinciile micro-asiatice şi egeene. 3. Este de asemenea posibil faptul ca flota aflată sub comanda generalului Germanus să fi fost chiar cea organizată din dispoziţia expresă a lui Justinianus I după atacul koutrigourilor, pentru a opera pe Dunăre. Având în vedere destinaţia ei, aproape sigur această flotă era pusă la dispoziţia Quaesturii exercitus.

În cazul în care ipoteza noastră se confirmă, şi Germanus a comandat flota aparţinând de Quaestura exercitus, nu este exclus ca generalul romano-bizantin să fi îndeplinit chiar funcţia de quaestor exercitus. Care a fost cursus honorum al generalului imperial până în 559, la momentul însărcinării cu apărarea Chersonesului Thracic, nu ştim. Din relatarea lui Agathias cunoaştem că Germanus era probabil un thraco-roman (Russu 1976, 138), originar din Illyricum, din oraşul Bederiana Dardaniei, asemenea împăratului, care, la vârsta de opt ani l-a adus la Constantinopol, unde „a primit o educaţie şcolară aleasă şi apoi a mers la universitate, unde a studiat limba latină, precum şi limba greacă" (Agathias, V.21.3). În momentul atacului koutrigourilor, împăratul l-a însărcinat cu apărarea Chersonesului Thracic, atât pentru a-i da un impuls în carieră, cât şi pentru „a-l împiedica de a-şi risipi energiile şi de a-şi irosi averea în escapade sălbatice în atmosfera turbulentă a Hippodromului cu cursele sale de care şi cu facţiunile sale populare, care toate tind să aibă un efect profund nesănătos asupra minţii tinerilor" (Agathias, V.21.4). La momentul respectiv, generalul romano-bizantin ar fi avut, potrivit calculelor făcute de Ion I. Russu, „mai mult de 25 de ani", fiind născut „înainte de 534" (Russu 1976, 138).

Pe baza informaţiilor transmise de Agathias din Myrina, putem aprecia că funcţia de comandă primită în primăvara anului 559 a fost prima exercitată de generalul Germanus. Nu este exclus ca aceasta să fi fost chiar cea de quaestor exercitus. Precizăm însă faptul că în abesenţa unor informaţii certe, opinia noastră rămâne o ipoteză de lucru.

În concluzie, în cazul în care ipoteza noastră se confirmă, putem conchide că generalul romano-bizantin Germanus, fiul lui Dorotheus, a comandat Quaestura Justiniana exercitus la începutul anului 559. În acest caz, el ar deveni cel de-al doilea comandant cunoscut care a deţinut funcţia de quaestor Justinianus exercitus, după generalul Bonus. Într-o asemenea situaţie, este posibil ca el să fi exercitat comanda în Quaestura exercitus până anterior anului 562 sau 563, când a fost înlocuit de un alt talentat general de origine thraco-romană, Justinus-Boraides, nepotul împăratului Justinanus I.

Bibliografie

Agathias: Agathiae Myrinei, Historiarum libri quinque. Cum versione Latina et annotationibus Bon. Vulcanii, B.G. Niebuhrius, Graeca recensuit (Bonnae MDCCCXXVIII) [Agathias, The Histories. Translated with an Introduction and short Explanatory Notes by J.D. Frendo (Berlin-New York 1975)].

Barnea 1957: I. Barnea, Un vicar de Odessos la Tomis. SCIV VIII/1-4 1957, 347-352.

Băbuş 2003: Em. Băbuş, Bizanţul, istorie şi spiritualitate (Bucureşti 2003).

Bréhier 1948: L. Bréhier, Le monde byzantin, I. Vie et mort de Byzance (Paris 1948)

Caimi 2008: J. Caimi, La legge e gli astri: nota a Nov. Iust. 41. In Studii in onore di Remo Martin, vol. I (Siena 2008), 349-356.

Cantacuzène 1927-1932: G. Cantacuzène, Poinds inédits trouvés dans la Petite Scythie. Dacia. Recherches et decouvertes archéologiques en Roumanie III-IV, 1927-1932, 602-611.

Chiriac 1993: C. Chiriac, Expediţia avară din 578-579 şi evidenţa numismatică. ArhMold XVI, 1993, 193-203.

CIC, III: Corpus Iurus Civilis, editio stereotypa quarta, volumen tertium: Novellae, recognovit Rudolfus Schoell, opus Schoellii morte interceptum, absolvit Guilelmus Kroll (Berolini MCMXII).

Curta 2002: Fl. Curta, Quaestura exercitus: The evidence of lead seals. Acta Byzantina Fennica, New Series I, 2002, 19-26.

Curta 2016: Fl. Curta, Amphorae and Seals: the "Sub-Byzantine" Avars and the Quaestura exercitus". In: (Ed. A. Bollók) Festschrift for Csanád Bálint für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag (Budapest 2016), 1-28.

Diehl, Marçais 1936: Ch. Diehl, G. Marçais, Histoire du Moyen Age, vol. III. Le monde oriental de 395 à 1081. Histoire générale, publiée sous la direction de G. Glotz (Paris 1936).

Evagrius: Evagrius Scholasticus, The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus, translated with an introduction by Michael Whitby (Liverpool 2000) [Evagrius, A History of the Church in six books, from A.D. 431 to A.D. 594, a new translation from the Greek: with an account of the author and his writings. In: Ecclesiastical History (London 1846)].

Fontes, II: Fontes Historiae Dacoromanae (Izvoarele istoriei României), vol. II, Scriptores: 2. Ab anno CCC usque ad annum M (Autori: 2. De la anul 300 până la anul 1000), edidit H. Mihăescu et al. (Bucureşti 1970).

Gkoutzioukostas 2008: A. Gkoutzioukostas, Published Lead Seals Concerning Quaestura Exercitus. In: (Ред. И. Йорданов) Юбилеен сборник. Сто години от рождението на д-р Васил Хараланав (1907-2007) (Шумен 2008), 112-116.

Inscripţiile 1976: Inscripţiile greceşti şi latine din secolele IV-XIII descoperite în România, culese, traduse în româneşte, însoţite de indici şi comentate de Em. Popescu (Bucureşti 1976).

Iulianus 1965: Iulianus, Epitome latina Novellarum Iustiniani. Ad XX librorum manuscriptorum et principalium editionum fidem recognovit prolegomenis adnotatione addendis quibus compendia epitomes a Boherio Sennetonis fratibus pesnoto edita tabulae synopticae capitulorum omissorum et translatorum continentur, instruxit Gustavus Haenel, Reimpressio phototypica editionis 1873 (Osanbrück 1965).

John of Ephesus 1860: John Bishop of Ephesus, The Third Part of the Ecclesiastical History. Now First Translatedfrom the Original Syriac by R. Payne Smith (Oxford 1860).

Jordanov 2003: I. Jordanov, Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria, vol. 1. Byzantine Seals with Geographical Names (Sofia 2003).

Kardaras 2006: G. Kardaras, The Byzantine-Avar Cooperation against the Slavs (578). In: (red. J. Zabojnik) Aevum Medium. Zborník na počest Jozefa Hošša (Bratislava 2006), 31-33.

Lassard 2014: Y. Lassard, The Roman Law Library. Iulianus Epitome Latina Novellarum Iustiniani, 1. Iulianus Epitome Latina Novellarum Iustiniani: 1-80 (Hänel), https://www.academia.edu/6219033/Iuliani_Epitome_Latina_Novellarum_Iustiniani_1-80_Hänel_ (accestat: 15.08. 2016).

Lassard 2015: Y. Lassard, The Roman Law Library. Corpus Iuris Civilis: Iustiniani Novellae, 2015, https://umpf-grenoble.academia.edu/YvesLASSARD/Corpus-Iuris-Civilis (accestat: 15.08. 2016).

Lydus 1837: I. Lydus, Περὶ ἀρχων τῆς ,Ρωμαίων πόλιτεια. In: Ioannes Lydus ex recognitione Immanuelis Bekkeri (Bonnae MDCCCXXXVII).

Madgearu 2009a: Al. Madgearu, Un eşalon logistic din armata romano-bizantină din secolul al VI-lea – quaestura exercitus Iustiniani. Gândirea Militară Românească 20/4, 2009, 189-194.

Madgearu 2009b: Al. Madgearu, A Logistic Echelon of the Romano-Byzantine Army in the Sixth Century – quaestura exercitus Iustiniani. In: Romanian Military Thinking 5/3, 2009, 139-144.

Malalas 1986: The Chronicle of John Malalas. A Translation by Elizabeth Jeffreys, M. Jeffreys and R. Scott (Melbourne 1986).

Martindale 1992: J.R. Martindale, The Prosography of the Later Roman Empire, vol. III. A.D. 527-641, vol. IIIA (Abandanes-ʾIyād ibn Ghanm), vol. IIIB (Kâlâdji-Zudius) (Cambridge 1992).

Mărculeţ 2015: V. Mărculeţ, O structură militar-administrativă romano-bizantină la Dunărea de Jos în secolele VI-VII: Quaestura Iustiniani Exercitus. Scurtă cercetare. In: (coord. D.-C. Rogojanu, Gh. Boda) Cercetarea în era globalizării. Mize, provocări şi perspective (Târgovişte 2015), 237-251.

Mărculeţ 2016: V. Mărculeţ, Imperiul Bizantin la Dunărea de Jos în secolele VI-XII. Organizarea militar-administrativă (Constanţa 2016).

Menander 1829: Ex Historia Menandri Protectoris. In Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Historiarum quae supersunt, e recensione Imm. Bekkeri et B.G. Niebuhrii C.F. Cum versione latina per Io. Classenum emendata, accedunt Eclogae Photii Ex Olympiodoro, Candido, Nonnoso et Theophane, et Procopii Sophistae Panegyricus, graece et latinae, Prisciani Panegyricus, annotationibus Henr. Valesii Labbei et Villoisonis, et indices Classeni (Bonnae MDCCCXXIX).

Notitia Dignitatum: Notitia Dignitatum accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae et Laterculi Prouinciarum, edidit O. Seeck (Berolini MDCCCLXXVI).

Pieri 2007: D. Pieri, Béryte dans le grand commerce méditerrannéen. Production et importation d'amphores dans le Levant protobyzantin (Ve-VIIe s. Ap. J.-C.). In: (edit. M. Sartre) Productions et échanges dans la Syrie gréco-romaine. Actes du 2e colloque international sur la Syrie antique (Tours, 12-13 juin 2003), suppl. Topoï, 8, 2007, 297-327.

Prokopios 2014: Prokopios, The Wars of Justinian, Translated by H.B. Dewing. Revised and Modernized, with an Introduction and Notes, by A. Kaldellis (Indianapolis-Cambridge 2014).

Rostotsew, Prou 1900: M. Rostotsew, M. Prou, Catalogue des plombs de l'antiquité du Moyen Âge et de temps modernes conservés au département des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale (Paris 1900).

Russu 1976: I.I. Russu, Elementele traco-getice în Imperiul Roman şi în Byzantium (secolele III-VII) (Bucureşti 1976).

Simocatta: The History of Theophylact Simocatta. An English Translation with Introduction and Notes Michael and Mary Whitby (Oxford 1997) [T. Simocata, Istorie bizantină. Domnia împăratului Mauricius (582-602), trad. H. Mihăescu (Bucureşti 1985)].

Vasiliev 1932: A.A. Vasiliev, Histoire de l'Empire Byzantin, tome I. (324-1081) (Paris 1932).

Wiewiorowski 2006: J. Wiewiorowski, Quaestor Iustinianus exercitus – a Late Roman Military Commander?. In Eos, XCIII, 2006, 319-342.

Wiewiorowski 2011: J. Wiewiorowski, Vicarius Thraciarum in the 4th and 5th Centuries: some remarks. Byzantinische Forschunge XXX, 2011, 385-410.

Zacos, Veglery 1972: G. Zacos, A. Veglery, Byzantine Lead Seals, vol. I, part. 3 (Basel 1972).

Zahariade 2006: M. Zahariade, Scythia Minor. A History at Later Roman Province (284-681) (Amsterdam 2006).

Posible quaestor Justinianus exercitus: Germanus, son of Dorotheus

Keywords: Germanus, Justinian I, Quaestura Iustiniana exercitus, quaestor Justinianus exercitus, Kutrigur Huns, Chersonesus of Thrace.

Abstract: On May 18, 536, Emperor Justinian I created a military-administrative formation called Quaestura Iustiniana exercitus. The new structure included five provinces of the Prefecture of the East: Moesia Secunda and Scythia Minor (from the Diocese of Thrace), Cyprus (from the Diocese of the East), Caria and the Cyclades Islands (from the Diocese of Asia). Justinian's Quaestura exercitus was ruled by a quaestor exercitus, who had both civil and military powers. A possible quaestor exercitus was General Germanus, son of Dorotheus. In the spring of 559, he ensured the defense of Chersonesus of Thrace against the attacks of the Kutrigur Huns.

Возможный военный квестор Юстиниана: Герман, сын Дорофея

Ключевые слова: Герман, Юстиниан I, юстинианова военная квестура, гунны-кутригуры, Херсонес Фракийский.

Резюме: 18 мая 536 г. император Юстиниан I создал военно-административное образование под названием военная квестура. В состав новой структуры входили пять провинций Восточной префектуры: Мезия II и Малая Скифия (из Фракийского диоцеза), Кипр (из Восточного диоцеза), Кария и Кикладские острова (из Азиатского диоцеза). Юстинианову военную квестуру возглавлял квестор, обладавший как гражданскими, так и военными полномочиями. Возможно, военным квестором был генерал Герман, сын Дорофея. Весной 559 г. он обеспечил оборону Херсонеса Фракийского от нападений гуннов-кутригур.

08.02.2017

Dr. Vasile Mărculeț, Colegiul Tehnic „Mediensis", str. Sticlei, nr. 9, RO-551130 Mediaş, jud. Sibiu, România, e-mail: vasmarculet@yahoo.com; web: vasilemarculet.vze.com

МЕТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Стела Дончева

Ключевые слова: Метрическая система, пропорциональность, христианская архитектура, золотое сечение.

Пропорции – это основа всех гармоничных архитектурных композиций, несущих определенные идеи и конкретные цели. Создание плана здания состоит в уточнении, определении идеи (Ле Корбюзье 1972, 241). В раннехристианской архитектуре идея заключается в сотворении пространства, воссоздающего обитель Бога, материализирующая перед христианином невидимую божественную атмосферу. Поскольку архитектура базируется на математических расчетах и стандартах, одновременно являясь выразителем форм и идей, то отвечала требованиям новой духовной атмосферы и на протяжении длительного периода времени после официального признания христианства в IV в.

Композиция архитектурного произведения призвана проявлять внутреннюю сущность, художественную идею и предназначение здания, т.е. порядок определяет структуру, как в целом, так и во взаимосвязи его частей. Отдельные этапы установления единого архитектонического строя предшествовали созданию пластичной формы (παραδειγμα). Модуль дает возможность извлечения числа, т.е. модуль пропорциональности в конкретном результате. Это дает соразмерность всех составляющих, и в модуле возникает такое совершенство и пропорциональность, которые древние называли «эвритмия». «Эвритмия» – писал Витрувий – «состоит в красивой внешности и подобающем виде сочетаемых воедино членов. Она достигается, когда высота членов сооружения находится в соотношении с их шириной, ширина с длиной, и когда, одним словом, все соответствуют должной соразмерности» (Витрувий 1936, кн. I, гл. 2, 3).

В математике пропорциональность – это равенство между двумя отношениями. В архитектуре пропорциональность это соотношение между архитектурным объектом и его частями, в согласии с общей композицией и стилем эпохи. Использование пропорций художественных форм – это процесс, сочетающий эстетику и историю. Обязательно затрагивается трактовка эстетических проблем, рассматривающихся на фоне исторического развития. Анализ метрических зависимостей в раннехристианских памятниках доказывает приложение двух основных методов пропорционирования – арифметический и геометрический.

При арифметической системе пропорции определяются абстрактным путем (от числа). Разновидностью этого способа является модульная система, при которой любая часть здания (например его длина или диаметр) принимается за единицу (модуль), и по отношению к ней все остальные размеры выражаются простыми числами. При геометрической системе пропорционирование всех трех проекций сооружения определяется путем геометричного построения (в основном квадрата или круга). Значимую роль здесь играет принцип подобия частей.

Первые свидетельства о пропорциональности относятся к середине III тыс. до н. э, ко времени, которым датируется шумерская статуя Гудеа (Михайлов 1967, 34-36; Владимиров 1944; Ван дер Варден 1959; Грим 1935). На каменной скульптуре показана таблица с изображением плана здания, в масштабе в 16 делений. Проявление теоретических знаний и умений пропорционирования – это так называемые «каноны», первоначально определявшие постоянные соотношения правильно развитого тела человека. Создателем первого канона считает ся Имхотепа, принявший рост человеческой фигуры равным 6 шагам (один шаг = 0,3047 м.). Частое использование диагоналей квадрата в ранней египетской архитек-

туре привело к открытию пропорции золотого сечения – 1/0,618. Огюст Шуази пришел к заключению, что в архитектуре египетских храмов присутствуют одновременно простые отношения и целые числа, что и составляет основную сущность пропорций. При этом часто использовались треугольники со сторонами в соотношении 3:4:5. Из «простых» соотношений предпочитали такие, которые совпадают с геометричным построением т.е. методом треугольников (графический) и методом модульных соотношений (арифметический) дающие почти совпадающие результаты.

Особенности пропорциональности пирамид состоят в одновременном построении плана и разреза по горизонтальной земной поверхности, при котором достигается полная привязанность величин и пропорций к трем координатам. Помимо геометрического пропорционирования свое приложение находит и числовой модуль, который определяет кратность частей относительно целого. Разбивка плана делалась или по ориентировочной схеме, постоянным каноническим методом, или при непосредственном участии архитектора. Такой способ египтяне использовали как определенную теорию о пропорциях и отражении их художественной идеи, направленной не к переменным, а к постоянным, не к символичным выражениям настоящего, а к постижению одной вечности вне времени (Панофски 1986, 14; Воринґер 1993). Эта теория, воплощенная в идеи христианской образности и объединения под эгидой церкви, нашла свое выражение и при строительстве христианских храмов.

В настоящей работе представлен анализ метрических параметров более двадцати построек времени раннего средневековья, происходящих из почти всех значимых центров, где сохранились подобные памятники. Сравнение планов, схем и геометрической соразмерности показывают как сходство, так и некоторые отличия в элементых плана и в основных принципах проектирования. Основное внимание нами уделено базиликальным строениям и многочисленным сооружениям, построенным после принятия Христианства в качестве официальной религии империи. Центричных построек, исполнявших функции мартирий и баптистерий, также немало, но они все второстепенны и во многих случаях находятся поблизости от основного храма или являются его частью.

В начале исследований стоит один из самых величественных памятников рассматриваемоо времени – храм Св. Софии в Константинополе, построенный в 532-537 г. План центрического здания со значительными элементами купольной базилики (диаметр купола 31 м) (Якобсон 1983, 26) отличается динамичностью композиции, движением архитектурных форм и сложным ритмом повторяющихся прямых и дугообразных элементов, создающих разнообразные зрительные эффекты. В основе всей пространственной перспективы лежат пропорции золотого сечения, которое просматривается и в плане, и в объеме (рис. 1). Соразмерность начинается со стороны подкупольного квадрата, которая равна диаметру, вписанной в него окружности. Посредством диагоналей полуквадрата определяется северная и южная стороны, а также глубина притвора, т.е. зависимость $\sqrt{5/2}$ = 1,118 или

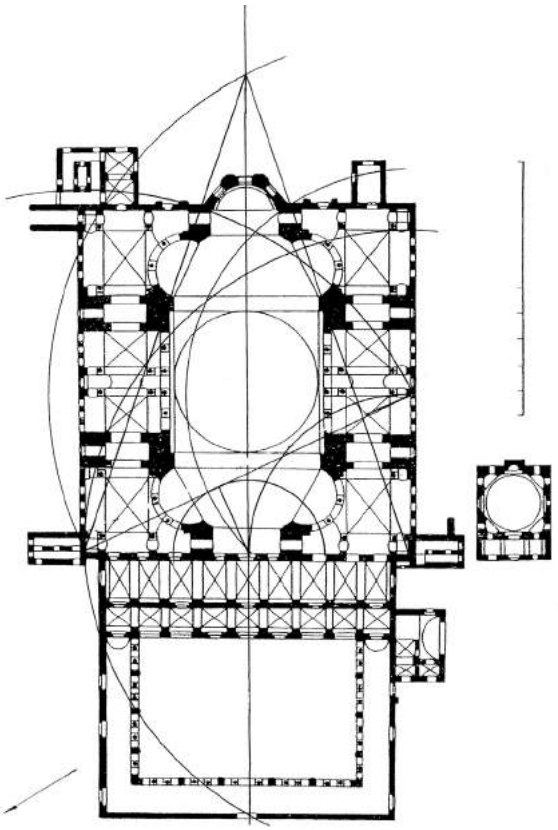


Рис. 1. Храм Св. Софии в Константинополе. 532-537 гг. План (по A. van Milingen).

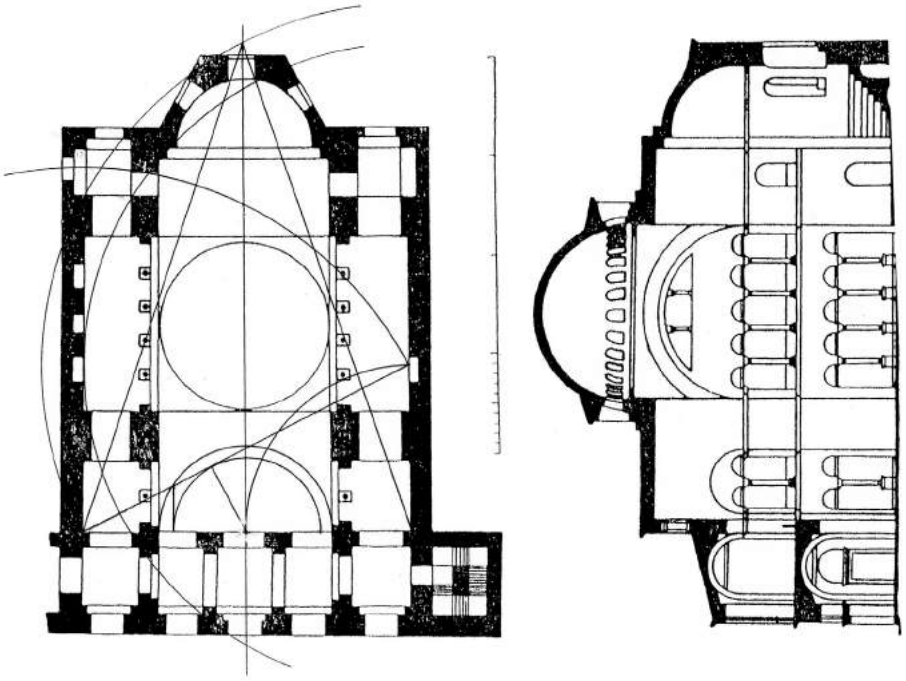


Рис. 2. Храм Св. Ирины в Константинополе. 532 г. План (по A. van Milingen).

1/0,618. Геометрическое построение пропорции «золотого сечения», которое начинается от ширины наоса, определяет остальные элементы композициционного плана – основные купольные опоры, колонны между ними, апсиды, глубину атрия и т.д.

Архитектура Св. Софии оказала огромное влияние на последующее зодчество Византии. Развитие идей пропорциональности проявилось и храме Св. Ирины в Константинополе, который строился одновременно с храмом Св. Софии и императорским дворцом (Millingen 1912, 84-104). В композиции трехнефного здания с притвором и атрием ясно выражен ориентированный принцип в виде градации с куполом, возвышающимся над остальным пространством. В основе соразмерности храма стоит производная «золотого сечения» – «функция», т.е. f : F : f = 0,236 : 0,528 : 0,236. Геометрическое выражение этой зависимости начинается от ширины наоса и определяет центральный неф и сторону подкупольного квадрата (рис. 2). Отношение длины к ширине отражено золотым сечением, т.е. 1,618 : 1,000. Последовательное нанесение этой зависимости на основные осевые координаты приводит к построению всего плана. Те же принципы лежат и в объемной постановке здания.

Немного раньше, в 463 г., построен храм Св. Иоанна Студита в Константинополе. Принципиальное различие между классической трехнефной базиликой, чем является это строение, и рассматриваемыми выше купольными храмами заключается в колоннаде. В первом случае колоннада представляет собой самый активный элемент и направляет движение к алтарю, а во втором случае преобладает центральное соотношение объема, и тогда колоннада отступает на второй план. Считается, что купольные базилики представляют следующий этап в развитии такого вида построек. Особенности планов, построенных в одно и то же время, и дошедших до нас в полнностью или частично сохраненном виде, доказывают сосуществование отмеченных двух типов.

Классическая эллинистическая базилика Св. Иоанна Студита является трехнефной, с галереями, притвором и трехсторонней апсидой на внешней стороне стены. Она несет определенные черты предшествущей архитектуры, проявившихся в мелочных пропорциях и внутреннем оформлении пространства. Над колоннами стоят не арки, а архитрав, как в римских храмах IV-V вв. (Krautheimer 1965, 78-79). План построен согласно принципу золотого сечения, где доминирующей является ширина

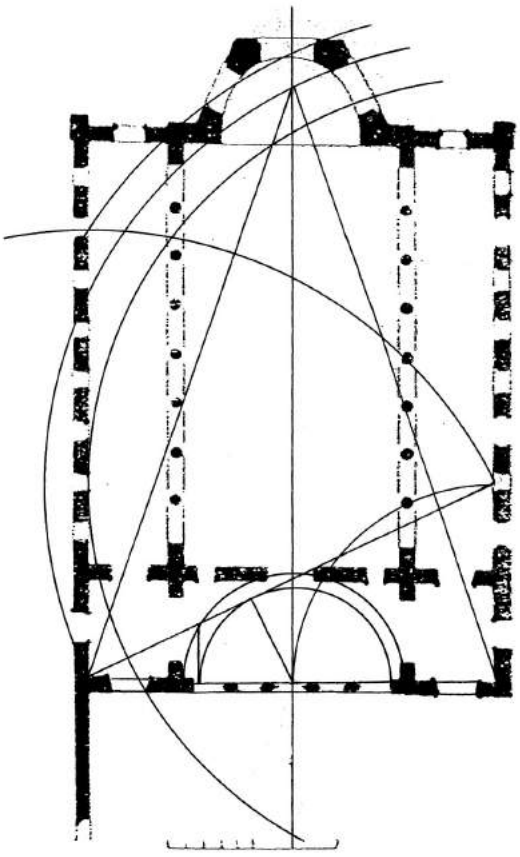


Рис. 3. Храм Св. Йоана Студита в Константинополе. 463 г. План (по A. van Milingen).

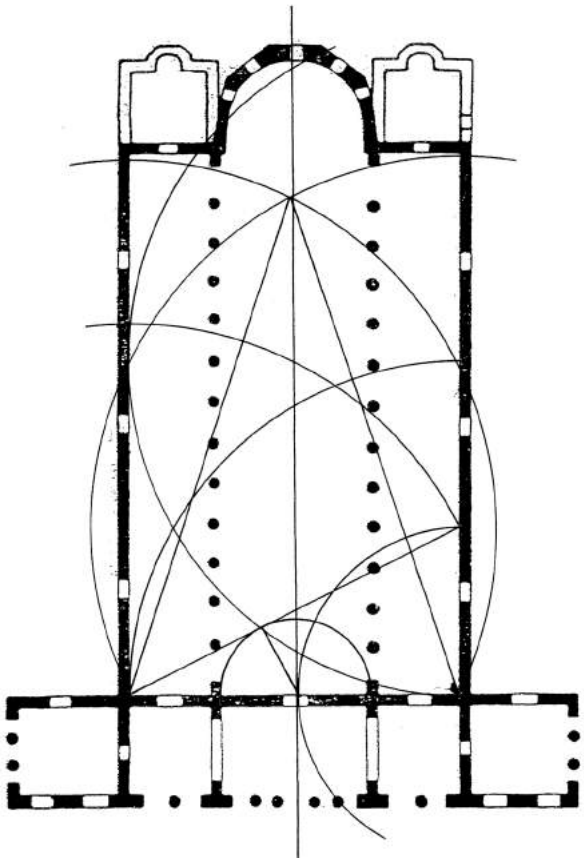


Рис. 4. Храм Св. Аполинария в Равене. 532-549 гг. План (по A. van Milingen).

всего здания (рис. 3). Соразмерность начинается не от наоса, а от притвора, что приводит к сокращению длины. Ширина среднего нефа – это следствие «функции» золотого сечения, геометрически построенного в притворе. Длина определяется высотой равностороннего треугольника, который рассчитан согласно пропорции золотого сечения, 1,618 : 1,000.

Показательно, что существует и постройка, в которой одновременно сочетались и классический храм, и купольная базилика. Это храм Св. Аполлинария в Равенне, строившийся в 532-549 гг., в то же время, когда и храмы Св. Софии и Св. Ирины в Константинополе (рис. 4). Пропорциональность плана сделана строго по приницпу золотого сечения, где ведущей является ширина наоса. Отношение среднего нефа к боковым составляет 1,000 : 0,618, т.е. 0,2764 : 0,4472 : 0,2764. Последовательное наложение гипотенузы на прямоугольный треугольник, полученное после построения золотого сечения, 1,000 : 1,118 по северной и южной сторонам храма, определяют остальные элементы – длину постройки в восточном направлении, глубину апсиды, ширину притвора.

В провинции империи культовые здания создавались более простых форм. Несмотря на это, задачи культовой архитектуры в раннем средневековье оставались теми же, когда , для вместительности большего числа людей в храмах необходимо было максимальное пространство. Базилика полностью соответствует этим требованиям. В Греции, например, такую задачу выполнял трехнефный храм с укороченными пропорциямии и деревянным покрытием. С восточной стороны устроена одна полукруглая апсида, а с западной стороны прибавлен узкий притвор. Нефы разделены мраморными колоннами, поддерживающими галереи. Существуют и некоторые исключения, такие, как например, солунская пяти-

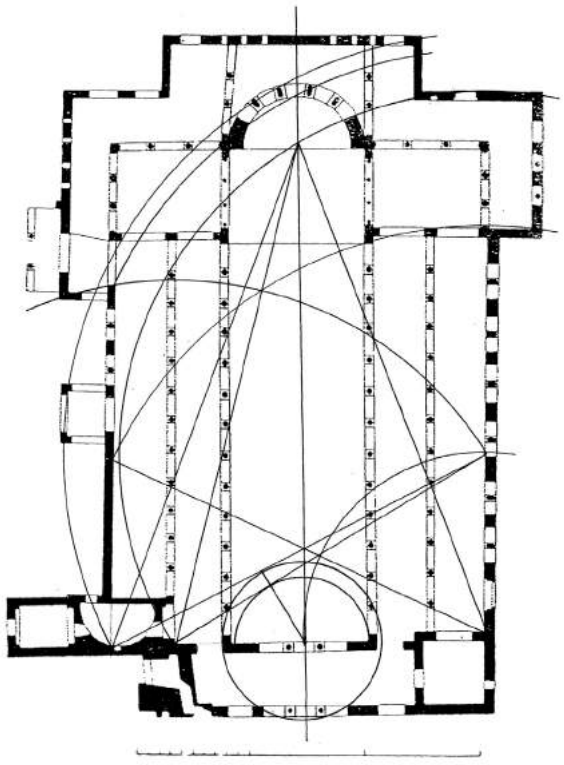


Рис. 5. Храм Св. Димитра в Солуне. Конец V века. План (по В. Полевому).

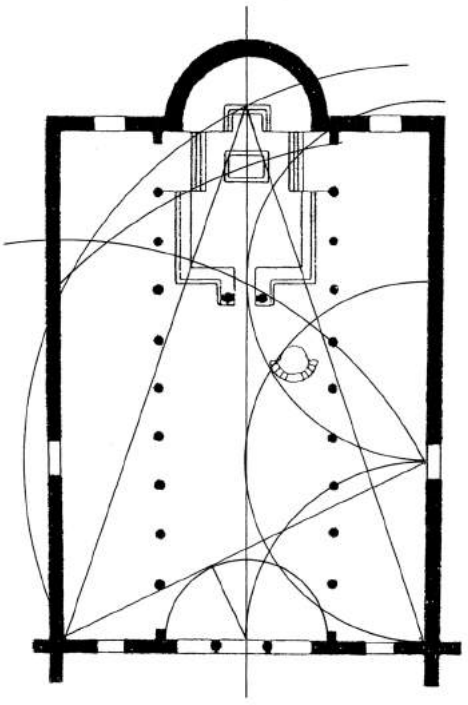


Рис. 6. Храм Нового Анхиала в Тиве, Греция. V-VI в. План (по В. Полевому).

нефная базилика с трансептом Св. Дмитрия, построенная в конце V в. (Полевой 1973, 36-37) (рис. 5). Исследования метрических принципов этого внушительного храма показывают, что кроме геометрических пропорций здесь присутствуют и кратные величины стофутового канона, основанного на греческом футе (0,31 м) (Полевой 1973, 27). Анализ метрических величин в плане храма Св. Дмитрия подтверждает приложение диагональной системы и ее производной пропорции золотого сечения. Ведущая ширина наоса, принята за исходную величину, от которой геометрические зависимости золотого сечения, после построения на плане, соразмеряют целый план. На производный от нее равносторонний треугольник определяется линия восточной стороны трансепта и ось апсидной дуги. Гипотенуза прямоугольного треугольника намечает внутреннюю линию апсиды и определяет границу дополнительной стены с востока.

Соотношение между средним и боковыми нефами равно 1,000 : 0,618, что совпадает с глубиной притвора с западной стороны. Так, этот, на первый взгляд, сложный план может быть прослежен быстро и легко с помощью шнура и циркуля.

В трехнефной базилике V-VI вв. в Греции наблюдаются те же пропорции. Представлены два примера – храмы в Тиве (рис. 6) и на острове Кос (Якобсон 1983, 40) (рис. 7). Первый соразмерен согласно золотому сечению, а второй – по его функции, т.е. f : 2F : f = 0,236 : 0,528 : 0,236. Отношение между средним и боковыми нефами кратны этим пропорциям. Высота равностороннего треугольника определяется длиной здания и началом апсиды с восточной стороны в отношении 1,000 : 1,618 относительно основной мерной величины – ширины наоса, от которой и начинается все построение.

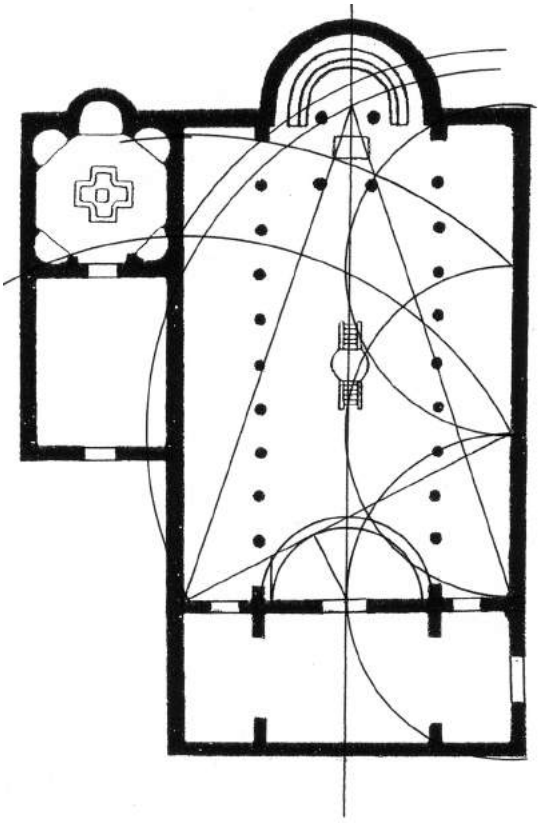


Рис. 7. Храм на острове Косе, Греция. V-VI в.
План (по В. Полевому).

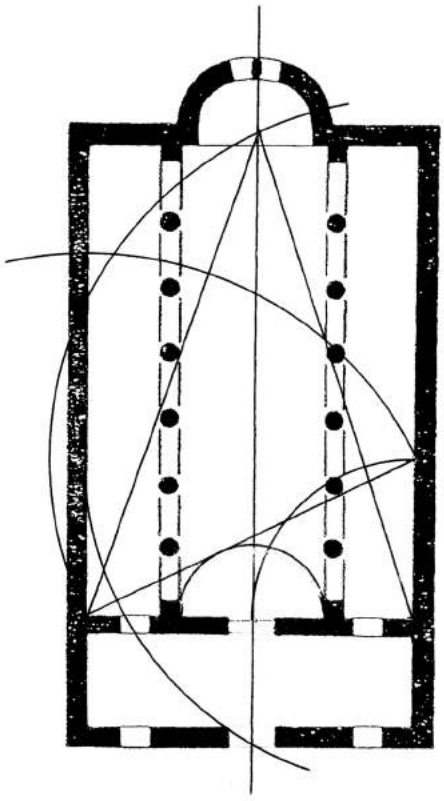


Рис. 8. Храм в Климаксе в Малой Азии. V в.
План (по А. Якобсону).

В эпоху раннего средневековья Малая Азия являлась частью Византийской империи и имела важное стратегическое и экономическое значение. Поэтому принятие христианства различными этническими группами протекало очень интенсивно. В монументальной архитектуре преобладали храмы различных вариантов. В западных районах, вблизи островоа Эгейского моря, господствовали трехнефные базилики эллинистического типа с нартексом, широко распространенные в Греции. Пример, рассматриваемый в настоящей работе – это базилика в Климаксе, Малая Азия, построенная в V в. (Rott 1908, 27). Базиоика трехнефная, с полукруглой апсидой и однодольным притвором; пропорциональна согласно принципу золотого сечения в соотношении среднего нефа к боковым, 0,2764 : 0,4472 : 0,2764, а это ширина к длине – 1,000 : 1,618 (рис. 8). Основной мерой является ширина наоса, которая нанесена от вершины прямоугольного треугольника к продольной оси строения, определяя глубину притвора и линию строения с запада.

Храмы южного побережья Малой Азии в Киликии, Ликии, Памфилии существенно отличаются от западномалоазийских и греческих вариантов (Якобсон 1983, 56-57). Особенностями здесь являются пастофории по обеим сторонам апсиды, которые очень сильно вытянуты и выходят за пределы ее полукруга, придавая алтарю тройничную композицию. Это сближает южномалоазийские базилики с сирийскими. Пропорциональность обоих храмов в Киликии – центральной базилике в Мериамлике, построенной в 470 г. (рис. 9) и Корикосе (рис. 10) середины VI в., подтверждает приложение диагональной системы и золотого сечения. Отношение длины к ширине определяется производной равностороннего треугольника 1,000 : 1,618. Его вершина определяет наос с востока и радиус апсидной дуги. Последовательное нанесение гипотенузы на построенный по принципу золотого сечения прямоугольный треугольник с отношением сторон 1,000 : 1,118 соразмеряет остальные габариты строения – притвор, апсиды в восточ-

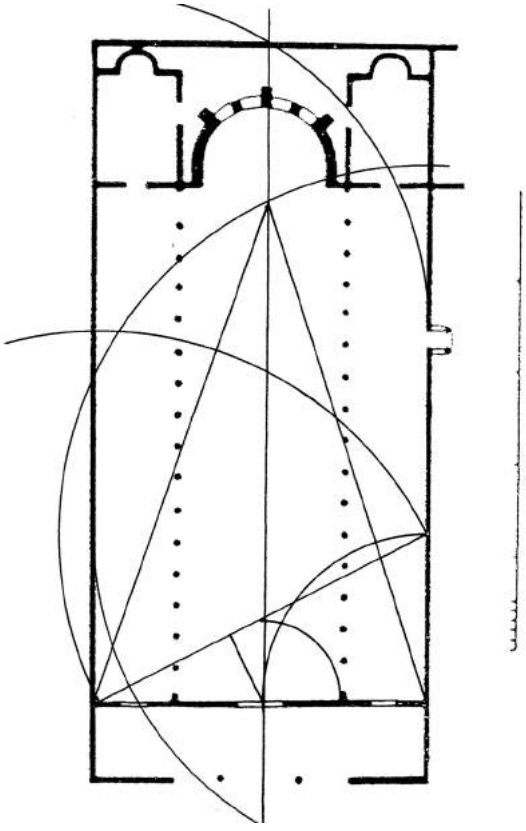


Рис. 9. Храм в Мериамлике в Киликии, Малой Азии. 470 г. План (по А. Якобсону).

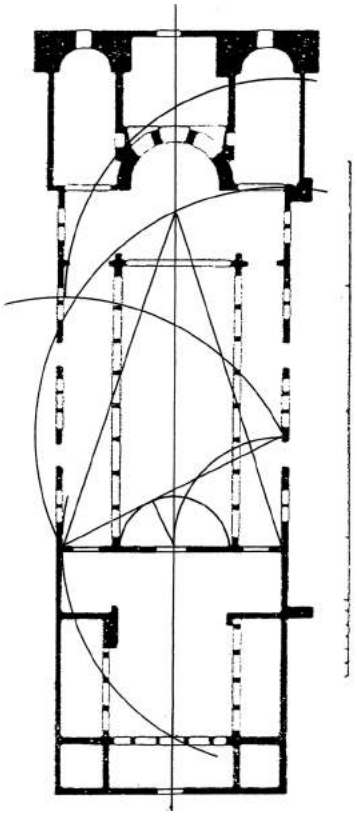


Рис. 10. Храм в Корикосе в Киликии, Малой Азии. VI в. План (по А. Якобсону).

ной пастофории (Корикоса) и линии сплошных стен с востока (Мериамлик).

Отношение между центральными нефами и боковыми также согласуется с золотым сечением, т.е. 1,000 : 0,618 или 0,2764 : 0,4472 : 0,2764.

В культовой архитектуре Сирии преобладают однонефные церкви (тип зала), но также и трехнефные базилики с деревянным покрытием, притвором и галереями (Krautheimer 1965, 105-120). Композиция основной группы базилик разработана и закончена. Общие черты этой группы отражены в продолговатом массиве, разделенном на три нефа, деревянном покрытии, узком притворе и западном портике – наследии античных традиций. К некоторым базиликам добавлен и атриум. В большинстве храмов центральная полукруглая апсида фланкирована пастофориями, которые выходят за очертания прямоугольного массива здания. Над пастофориями возвышаются купола, подобно тем, что в притворе, и это становится типичным для сирийской архитектуры V-VI вв. Подобную планировка имеют и относящиеся к этому времени приведенные здесь примеры – базилики в Калб-Лозе (рис. 11), в Турманине (рис. 12) и в Кератине (рис. 13) (Якобсон 1983, 87). Все эти три церкви пропорциональны и построены по принципу геометрической зависимости золотого сечения, как и та, что в Турманине спроектирована по его функции. Остальные элементы – длина строений, распределение конструктивных элементов и объемная постановка – производные этих пропорций. Основной исходной величиной является ширина притвора, 1,000 : 0,618. Высота равнобедренного треугольника соразмерна относительно его основы, т.е. ширина наоса 1,000 : 1,618. После последовательного нанесения этой длины как диагонали на прямоугольный треугольник, в основе которого лежит соотношение к ней в 1,000 : 1,118, проектируется весь план площади здания.

Из проделанного обзора метрических принципов в строительстве некоторых характер-

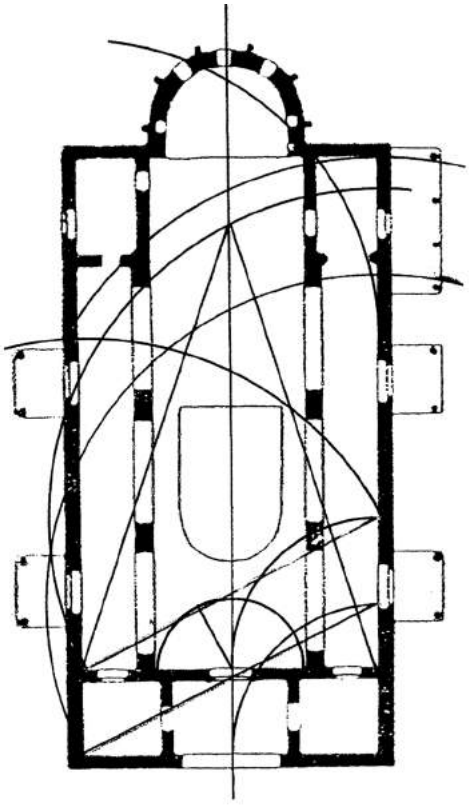


Рис. 11. Храм в Калб-Лозе в Сирии. V-VI в.
План (по А. Якобсону).

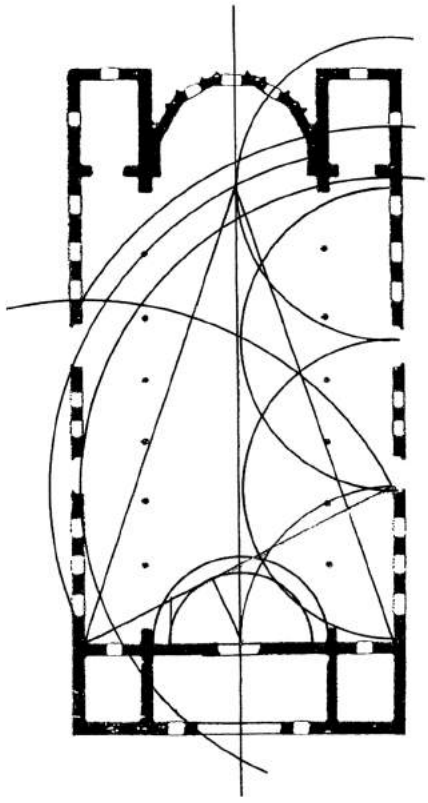


Рис. 12. Храм в Турмалине в Сирии. V-VI в.
План (по А. Якобсону).

ных памятников раннего средневековья в главных областях Византийской империи видно, что основные этапы архитектурного развития в этот период во всех районах одинаковы, несмотря на то, что выражены в разных формах. Эти заключения в полной степени важны и для метрических зависимостей, и для пропорциональных отношений, лежащих в основе их проектирования и строительства. Построенные на территории Болгарии памятники того времени не являются исключением.

Самые компактные группы раннехристианских церквей открыты на Черноморском побережье в больших позднеантичных административных и торговых центрах, в поселениях, расположенных на главных дорожных артериях (Чанева-Дечевска 1999, 13-20). В настоящее временя известно свыше 160 храмов, но есть данные о наличии и других подобных построек, и что важно – в местах, о которых имеются письменные свидетельства о существовании там раннехристианского культового строительства. Не углубляясь в историю распространения христианства в провинциях Мизии и Фракии, которая выходит за рамки настоящей темы, обратим внимание на принципы пропорциональности и структуру некоторых значимых памятников. В первую очередь, это церковь Св. Софии в городе Софии – одна из монументальных сохранившихся построек, занимающих определенное место в истории архитектуры и рассмотренная в работах многих исследователей (Филов 1913; Бояджиев 1967). Церковь представляет собой одноапсидную, со сводами, трехнефную базилику с трансептом и куполом, с галереей и притвором, фланкированным двумя помещениями с полукруглыми конхами с востокв и запада (рис. 14). По своей планировке она сочетает черты малоазийский и сирийской архитектуры и относится ко второй половине V в. – началу VI в. Анализ метрических зависимостей показывает приложение классических пропорций золотого сечения и его производных. Отношение между средним и боковыми нефами 1,000 : 0,618 или 0,2764 : 0,4472

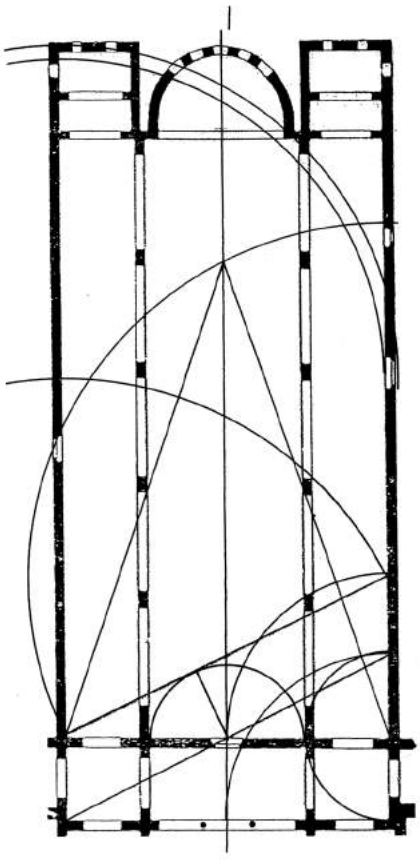


Рис. 13. Храм в Кератине в Сирии. V-VI в.
План (по А. Якобсону).

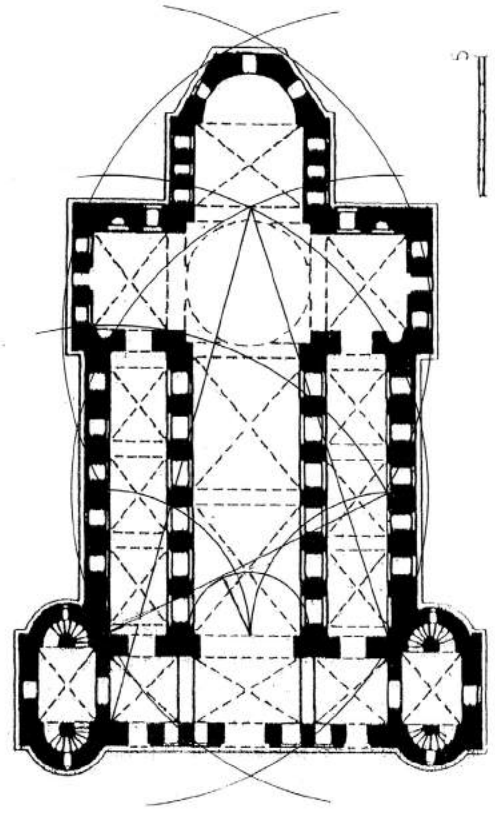


Рис. 14. Храм Св. Софии в Софии. V-VI в.
План (по Ст. Бояджиеву).

: 0,2764. Основная мера – ширина наоса. Равносторонний треугольник, производный от метода золотого сечения, определяет восточную линию трансепта и начало предапсидного пространства, которое выступает к востоку. Последовательное нанесение ½ основной меры по продольной оси храма указывает на границы трехгранной апсиды с востока и на конхи с запада, с притворами. Таким способом определяется положение опор, разделяющих центральное пространство трех нефов, а также стен трансепта с севера и юга. Объемно-пространственная постановка церкви – это производная плана в пропорциональном отношении относительно золотого сечения.

Еще один значимый памятник – базилика около с. Голямо Белово (Пазарджикская обл., Болгария), концепция плана которой близка церковной малоазийской архитектуре и всем раннехристианским церквям с продольными нефами, пперекрытыми массивными сводами; но имеется и несколько существенных отличий (Бояджиев 1969, 10-20) . Базилика построена в конце V - начале VI в. и представляет собой сводчатую базилику с тридельным алтарем и притвором, разделеную четырьмя парами столбов на три нефа, и первоначально задуманную как укрепленное культовое здание (рис. 15). К южной стороне притвора пристроен триконхальный баптистерий. Над притвором и боковыми нефами не было галерей, а п над нефами возвышались балдахиновые своды. Метрические зависимости, лежащие в основе ее построения, следуют установившимся традициям и отвечают пропорциям золотого сечения, а также производной его диагональной системы. Основная величина – ширина наоса. Распределение колонн в нем и соотношение между центральным и боковыми нефами – производное тех же геометрических зависимостей. Высота в равностороннем треугольнике определяет длину постройки, вместе с толщиной стены центральной апсиды, 1,000 : 1,618. После последовательного нанесения этих отношений (гипотенузы на золотой треугольник) определятся глубина притвора и

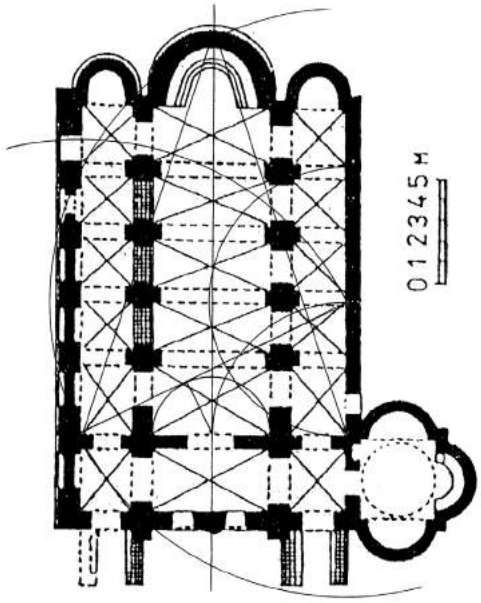


Рис. 15. Храм в Голямо Белово, район Пазарджик. V-VI в. План (по Ст. Бояджиеву).

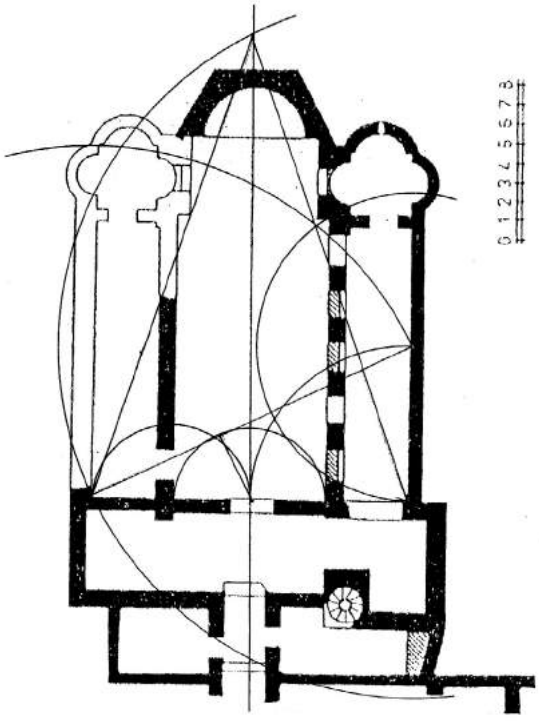


Рис. 16. Храм Елеусы в Несебре. V-VI в. План (по Д. Съселову).

предапсидного пространства. Объемное пространственное строительство подчинено тем же соотношениям.

Базилика Елеуса в Несебре также трехнефная и трехпсидная, но боковые апсиды в ней заканчиваются помещением с тремя конхами, оформленным как самостоятельное околоалтарное пространство (рис. 16) (Иванова 1922/1925, 506). Сам он заканчивается трехсторонней апсидой. Притвор тридолен, а нефы разделены четырьмя парами столбов. Композиция алтарного пространства дала возможнность определить дату церкви VI веком. Метрический анализ показывает приложение установленных зависимостей и в остальных памятниках, лежащих в основе трехнефного распределения пространства наоса, длины постройки, начала боковых апсид и западных границ.

В двух базиликах в Хисаря (Диоклецианополь), включенных в настоящий обзор, наблюдается похожая картина. Одна из них – это базилика № 6 (рис. 17), а другая – базилика № 8 (рис. 18) (Чанева-Дечевска 1999, 271-274 и пос. лит.). Обе они трехнефные, одноапсидные и с атриумом, но у первой в восточной части есть дополнительно построенные жертвенник и диаконник, связанные с центральным и боковыми нефами, а у второй такие отделения отсутствуют. Различаются они и по притворам – у № 6 тридолен, а у № 8 – однодолен. Соразмерность постройки следует принципам «динамичных» фигур квадрата и производных, образованных от него, между ними и прямоугольником $\sqrt{5}$, являющиеся геометрически построенными на пропорциях золотого сечения. Высота производного равнобедренного треугольника определяет длину храма вместе с апсидами, а также длину притворов. Пространственная организация подлежит зависимостям, отраженным в планах зданий. В этой последовательности нельзя не обратить внимание на Старую митрополию в Несебре, один из сохранившихся памятников раннехристианской архитектуры на землях Болгарии (Bojadziev 1962, 321-346). Храм представляет одноапсидную трехнефную базилику с тридольным притвором и обширным атриумом. Апсида внешне трехгранная, с трехступенчатым синтром и большой аркой, подчеркнутой двойной архивольтой из кирпичей. Квадрат-

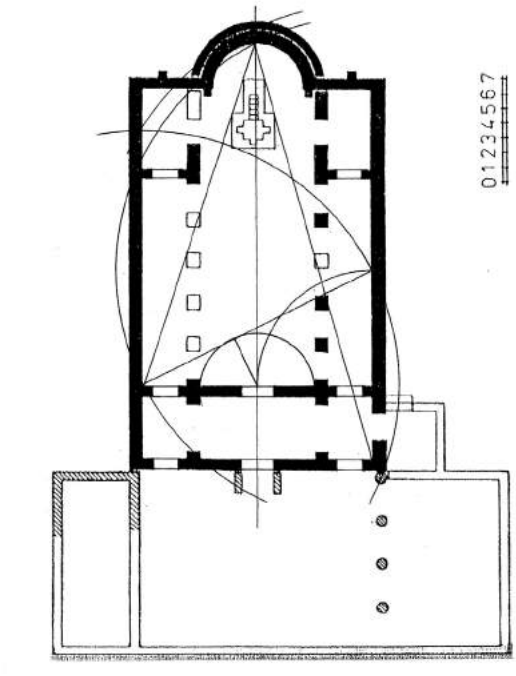


Рис. 17. Храм No 6 в Хисаре (Диоклецианополе). VI в. План (по Д. Цончеву).

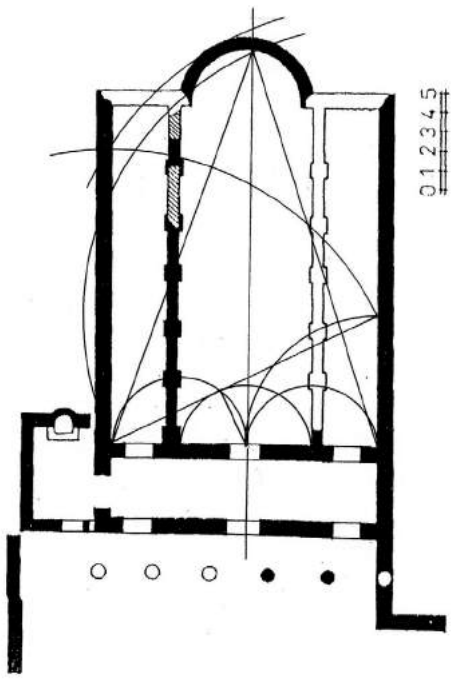


Рис. 18. Храм No 8 в Хисаре (Диоклецианополе). VI в. План (по Д. Цончеву и К. Маджарову).

ный наос разделен на три части пятью парами массивных колонн. Остается спорный вопрос о существовании галереи над боковыми нефами, т.е. имела ли базилика в первоначальном виде базиликальный или псевдобазиликальный силуэт. Однако по плану она схожа с церковью Св. Иоанна Студита в Константинополе, о которой упоминалось выше. В ней был галерейный этаж над нефами и притворами, что предполагает и их наличие в подобной церкви. Строительство храма датируется исследователями V-VI вв. Пропорциональность постройки следует зависимостям геометрической фигуры квадрата и его производных – диагонали, половины диагонали, производным, являющимися пропорциями золотого сечения. Основной величиной является здесь ширина наоса (рис. 19). Одновременное построение этих соотношений, которые отсчитываются от наоса и притвора, дают соответственную длину постройки до западной стены и до изгиба апсиды. Распределение остальных элементов – колонн в наосе, оконных проемов, атриума и др. также есть результат этой зависимости.

Последним взятым нами примером является базилика в Марцианополе (Девня) (рис. 20), (Чанева-Дечевска 1999, 183-184). По плану она трехнефная с трансептом, с одной полукруглой апсидой с синтроном и узким притвором. Трансепт образован колоннами, которые вне направления двух основных осей колоннады. Последняя состоит из пяти пары колонн, часть которых сохранилась и сегодня. Храм строился в два этапа, первый в IV в., а второй – в VI в. Метрический анализ плана базилики показывает точное соблюдение зависимости золотого сечения. Оно проявляется в наосе, в качестве ширины последней ведущей замерной единицы. Отношение центрального и боковых нефов 1,000 : 0,618, а это ширина к длине всей постройки – 1,000 : 1,118. Исследование метрической зависимости в храмах империи, в которых распространялось христианство в ранний период, приводит к некоторым существенным выводам. Система пропорций, которая открывается в раннехристианских строениях на основе квадрата и его «производные», так называемая «система диагоналей» (Хэмбидж 1936). Одна из этих производных это пропорция «золотого сечения», лежащая

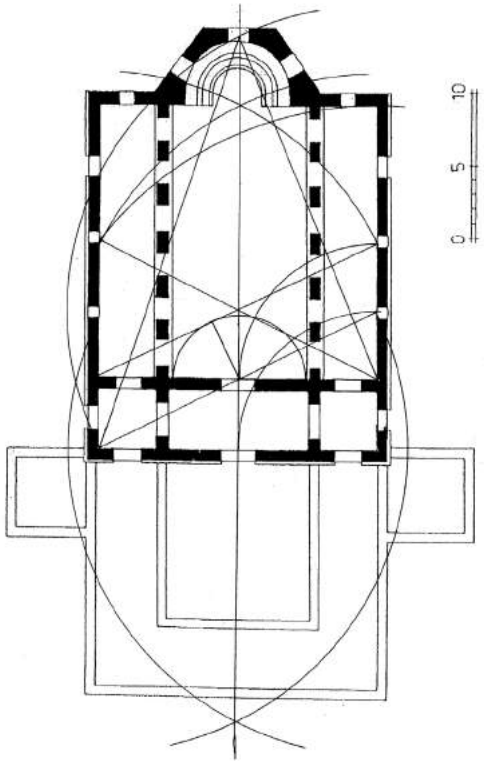


Рис. 19. Храм Старой митрополии в Несебре. V-VI в. План (по Ст. Бояджиеву).

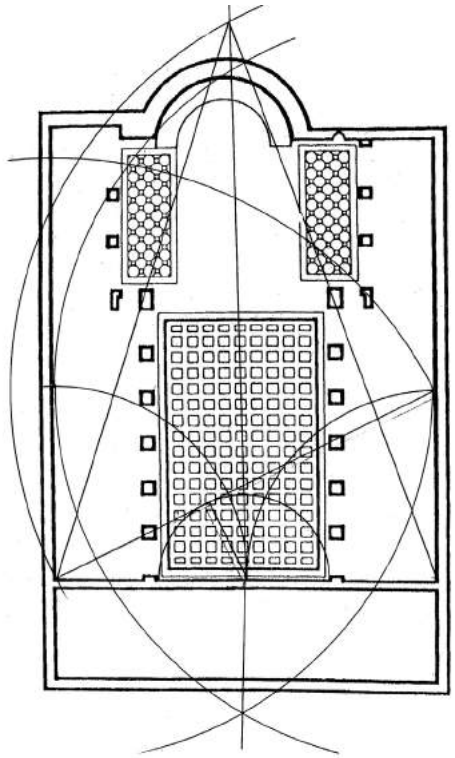


Рис. 20. Храм в Девне. V-VI в. План (по Г. Тончеву и В. Попову).

в основе проектирования и строительства почти всех храмов этого периода (рис. 21) (Дончева 2008, 150-174). Эти фигуры имеют различные свойства квадрата и являются основной формой в египетской архитектуре. Связанный с ним прямоугольник с отношением сторон квадрата к его диагонали это $\sqrt{2}/1$ = 1,4142 или $1/\sqrt{2}$ = 0,7071. Третья фигура с соотношением сторон: $1:\sqrt{3}$ = 0,5773 или $\sqrt{3}/1$ = 1,7321, как половина ее образует прямоугольный треугольник с меньшей стороной, равной половине гипотенузы и с углами <90° и <60° и с соотношением большого катета к гипотенузе в треугольнике с углом <60° = $\sqrt{3}/2$ = 0,8660. Четвертая фигура это прямоугольник, состоящий из двух квадратов. Отношение диагонали к большой стороне $\sqrt{5}/2$ = 1,1185 совпадает с «функций» «золотого сечения», где диагональ к малому катету равна $1/\sqrt{5}$ = 0,4472.

Кроме квадрата использовалась и фигура равностороннего треугольника с отношением сторон a/h = $\sqrt{3}/2:1$ = 0,866 или $1:\sqrt{3}/2$ = 1,155 = a/h. Все эти фигуры могут быть построены без специальных приспособлений, с помощью простой веревки или циркуля. В системе квадрата и его производных построение начинается от части к целому. Поэтому в пропорциональном анализе находят начальную минимальную величину, от которой начинается соразмерность не только отдельного архитектурного объекта, но и целого комплекса (рис. 22).

На практике целое разделено на отдельные строительные единицы в основе единного модуля. В начале устанавливаются основные математические зависимости и связь их с геометрическим построем, где исходной величиной является число. Средняя пропорциональная, т.е. «золотое сечение» это универсальная гармоничная связь между объектом в космосе и это установлено еще пифагорейцами (рис. 21-22). По их представлению совершенной фигурой является квадрат, и его сторона служит гармоничной серединой между двумя основными крайностями – единицей и двойкой. Находя среднюю пропорциональную между

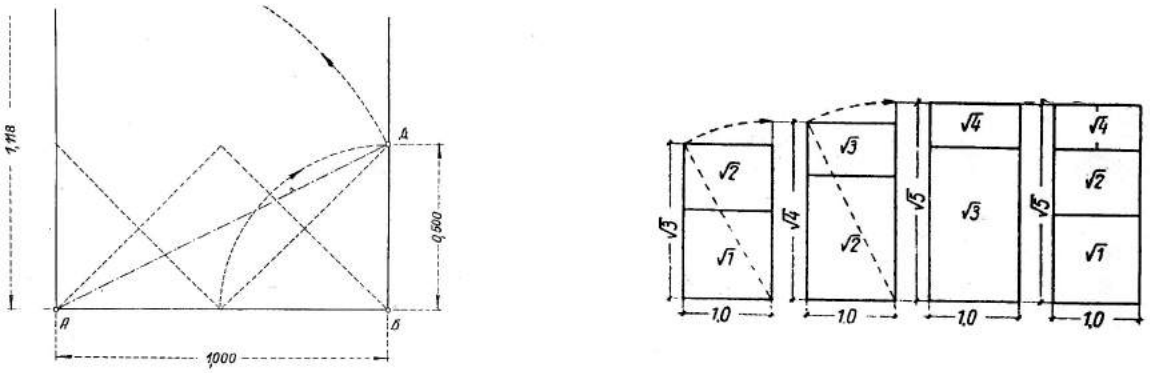


Рис. 21. Здания, основанные на принципе золотого сечения и производных.

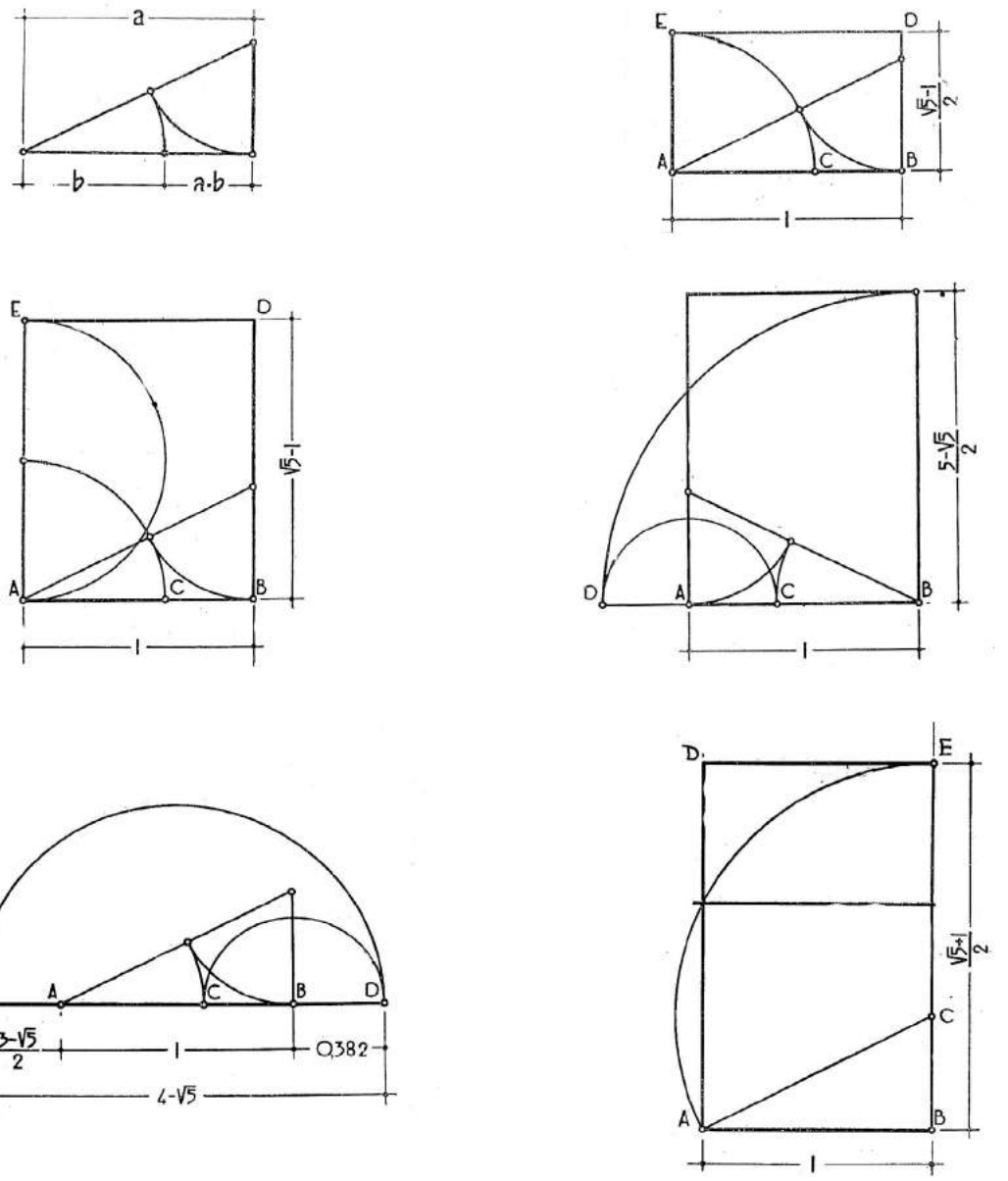


Рис. 22. Здания, основанные на принципе золотого сечения и производных.

единицей и двойкой открывается и значение иррациональности в лице квадрата со сторонами, равными на $\sqrt{2}$ (Евклид 1948; Брунов 1936, 17 сл.). Любой поиск средней пропорциональной приводит к нахождению квадрата, равному заданному прямоугольнику. Чаще ширина здания, полученная при измерении основ, откуда начинается построение классической раннехристанской базилики. Геометрические принципы порождаются стремлением не только найти «абсолютные» и «гармоничные» пропорции, а «построение», повторяющее в натуре отношения, открытые при проектировании. Большинство базилик соразмерны тройным делением по ширине m+M+m, равно на 1: $\sqrt{5}$, т.е. отношение ширины среднего нефа к общей ширине. В купольных храмах ведущей величиной является диаметр купола, который производен от той же величины. Эстетическая выразительность – это ритм и тектоника, а по пути к их создания, как композиционный центр накладывает купол. Идея купола является определяющей в формировании замысла, так как исходит из центрального пространства при проектировании всей композиции.

С помощью тригонометрической функции или пропорционального множителя вычисляется другой размер (длина или высота), который всегда совпадает с действительными величинами, измеренными по плану здания. Для всех теоретиков, которые являются и строителями-практиками, работа начинается с построения на плоскости основных схем в виде вписанных один в другой квадраты (рис. 21-22). Стороны этих квадратов и их диагонали служат модулями при построении, а ортогональные элементы на плане удаляются. Высота элементов выражается целыми кратными числами модуля, а иррациональные величины преобладают при определении ширины, в результате чего получается строение, высота которого выводится на плане. Геометрические схемы служат не только для воспроизводства формы, но и для определения их основных пропорциональных соотношений.

Разбивка плана осуществляется как графически, так и арфиметически. Для геометрического способа используется шнур, длина которого равна целому, а арифметический способ основывается на предварительно выбранном размере, с помощью которого определяется числовая ширина будущего здания. Пропорциональные соотношения отображаются линейным выражением композиционных элементов (длины и высоты), т.е. сторонами прямоугольника, в который вписан данный элемент композиции.

Это объясняет, почему еще в раннем средневековье ведущей становится практическая геометрия, а стиль определяется как плоскостной. Для средневекового мышления творец создавал метафизические образы из определенного внутреннего представления формы или «псевдоидеи», предшествовавшей произведению. Св. Августин Блаженный признавал, что искусство создает что-то прекрасное для созерцания, что присуще не только природным вещам, а скорее витает в уме самого художника и непосредственно оттуда может быть перенесено в материю. Эта видимая красота является лишь слабым подобием невидимого, и восхищение отдельными прекрасными образами, которые присутствовали в душе искусного мастера – посредника между Богом и материальным миром – становятся видимыми в его творениях. Но так как мир возник не случайно, а создан Богом посредством слова, то в Божественном уме существует форма, по подобию которой создан мир. В этом состоит понятие (ration) идея, а художники (архитекторы) предстают в роли посредников между божественным и видимым миром самого акта творения материального проявления (Панофски 1999, 24-31; Гика 1935).

Методы пропорционирования в большинстве раннехристианских зданий основываются на гармонии между отдельными элементами определенного архитектурного сооружения, а отношения открывают все части целого, независимо от многообразия в измерительной системе. Связь и единство композиции определяется пропорциональной зависимостью между составными элементами. Раннесредневековые архитекторы обращались к геометрическим построениям простых фигур, которые брали за модули при пропорциональном соотношении плана и разреза.

Еслт египетский метод можно назвать конструктивным, а метод классической античности – антропометричным, то метод средневековья определяется как схематический. Про-

странственное восприятие настолько реально, что переход к плоскостному изображению невозможен. Эта техника не нарушает строгие пропорциональные зависимости между отдельными элементами, ясные и из текстовых описаний. Поэтому необходимо делать различие между характеристиками самих изображений и средствами, которыми они передаются (Зубов 1956, 233-250; Panofsky 1945, 61-68; Frankl 1945, 46-61). В большинстве случаев отношение ширины к высоте совпадает с соотношением ширины основы и высоты равнобедренного треугольника. Средневековое строительство никогда не отказывалось от первоначальных простых пропорциональных соотношений. Самые значимые – пропорции при поперечном сечении, и особенно разрез среднего нефа. Из них вычитаются остальные зависимости, что видно из анализа особенностей планов раннехристианских построек. Секрет средневековых архитекторов основывается на античной теории и вытекает из связи между реальной практикой и мистическим содержанием. Предпочитание специфического сочетания между квадратом и треугольником связывает платоническую мифологии и геометрическую космологию и основывается на пифагорейском учении простых чисел, которые материализируются в геометрические фигуры квадрата и треугольника. Стройная и иррациональная система воспринимается при строительстве храмов в раннем средневековье, отражая значение христианской философии и знаковый характер богослужебной практики.

Библиография

Бояджиев 1969: Ст. Бояджиев, Раннохристиянската църква край Голямо Белово. Археология 3, 1969, 10-20.

Брунов 1936: Н. Брунов, Пропорции античной и средневековой архитектуры (Москва 1936).

Ван дер Варден 1959: Б. Ван дер Варден, Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона, Греции (Москва 1959).

Витрувий 1936: Витрувий, Десять книг об архитектуре (Москва 1936).

Владимиров 1944: В. Владимиров, Египет. Архитектура, скульптура, живопись (Москва 1944).

Воринger 1993: В. Воринger,. Абстракция и вчувстване (София 1993).

Гика 1935: М. Гика, Эстетика пропорции в природе и искусстве (Москва 1935).

Грим 1935: Г. Грим, Пропорциональность в архитектуре (Москва 1935).

Дончева 2008: С. Дончева, Кръстокуполните църкви в Първото българско царство. Архитектурен облик (В. Търново 2008).

Евклид 1948: Евклид, Начала. Т. I-IV (Москва-Ленинград 1948).

Зубов 1956: В. Зубов, О роли чертежей в строительной практике Западноевропейского средновековья. В: Труды института истории естествознания и техники, т. VII (Москва 1956), 233-250.

Иванова 1922-1925: В. Иванова, Стари църкви и манастири в българските земи (IV-XII в.). ГНМ 4, 1922/1925, 429-586.

Ле Корбюзье 1972: Ле Корбюзье, Мастера архитектуры об архитектуре (Москва 1972).

Михайлов 1967: Б. Михайлов, Витрувий и Елада (основы античной теории архитектуры) (Москва 1967).

Панофски 1986: Е. Панофски, Смисъл и значение в изобразителното изкуство (София 1986).

Панофски 1999: Э. Панофски, Idea (К истории понятия в теориях искусство от Античности до Классицизма) (Санкт Петербург 1999).

Полевой 1973: В. Полевой, Искусство Греции. Средние века (Москва 1973).

Филов 1913: Б. Филов, Софийската църква „Св. София“ (София1913).

Хэмбидж 1936: Д. Хэмбидж, Динамическая симетрия в архитектуре (Москва 1936).

Чанева-Дечевска 1999: Н. Чанева-Дечевска, Раннохристиянската архитектура в България IV-VI в. (София 1999).

Якобсон 1983: А. Якобсон, Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры (Ленинград 1983).

Bojadziev 1962: S. Bojadziev, L'ancienne église métropole de Nessebâr. Byzantino-Bulgarica 1, 1962, 321-346.

Frankl 1945: P. Frankl, The secret of the mediaeval masons. Art Bulletin, vol. 27, 1945, 46-61.

Krautheimer 1965: R. Krautheimer, Early Christian and byzantine architecture (London 1965).

Millingen 1912: A van Milingen, Byzantine churches in Constantinople (London 1912).

Panofsky 1945: E. Panofsky, Explanation of Stornaloco's formula. The secret of the medieval masons. Art Bulletin, vol. 27, 1945, 61-68.

Rott 1908: H. Rott, Kleinasiatische Denkmäler (Leipzig 1908).

Sistemul metric şi proporţionalitatea în arhitectura creştină timpurie

Cuvinte-cheie: sistem metric, evul mediu timpuriu, arhitectura creştină, simetrie, proporţie, secţiunea de aur.

Rezumat: În articol sunt analizaţi parametrii metrici a peste 20 de edificii medievale timpurii de pe teritoriul Imperiului Bizantin. Accentul este pus pe bazilici, care devin cea mai numeroasă formă de temple, răspândită în imperiu, după recunoaşterea creştinismului drept religie oficială. Pentru construcţia bazilicilor în perioada evului mediu timpuriu a fost acceptat un sistem bine proporţionat şi iraţional, ce reflecta filosofia creştină şi simbolismul practicii liturgice.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Templul Sf. Sofia din Constantinopol. Anii 532-537. Plan (după A. van Milingen).
Fig. 2. Templul Sf. Irina din Constantinopol. Anul 532. Plan (după A. van Milingen).
Fig. 3. Templul Sf. Ioan Studios din Constantinopol. Anul 463. Plan (după A. van Milingen).
Fig. 4. Templul Sf. Apollinare din Ravena. Anii 532-549. Plan (după A. van Milingen).
Fig. 5. Templul Sf. Dumitru din Thessaloniki. Sf. sec. V. Plan (după B. Polevoy).
Fig. 6. Templul Noul Anhialo în Thiva, Grecia. Sec. V-VI. Plan (după B. Polevoy).
Fig. 7. Biserica de pe insula Kos, Grecia. Sec. V-VI. Plan (după B. Polevoy).
Fig. 8. Templul din Klimaks în Asia Minor. Sec. V. Plan (după A. Jacobson).
Fig. 9. Templul din Meriamlike din Cilicia, Asia Minor. Anul 470. Plan (după A. Jacobson).
Fig. 10. Templul Korikos din Cilicia, Asia Minor. Sec. VI. Plan (după A Jacobson).
Fig. 11. Templul Kalb-Loonse John Raw. Sec. V-VI. Plan (după A. Jacobson).
Fig. 12. Templul din Tourmaline în Syria. Sec. V-VI. Plan (după A. Jacobson).
Fig. 13. Templul din Keratin în Syria. Sec. V-VI. Plan (după A. Jacobson).
Fig. 14. Biserica Sf. Sofia din Sofia. Sec. V-VI. Plan (după A. Boyadzhiev).
Fig. 15. Templul din Golyamo Belovo în Pazardzhik. Sec. V-VI. Plan (după A. Boyadzhiev)
Fig. 16. Templul Eleusa în Nessebar. Sec. V-VI. Plan (după D. Saselov).
Fig. 17. Templul Nr. 6 în Hissar (Diocletianopolis). Sec. VI. Plan (după D. Tsonchev).
Fig. 18. Templul Nr. 8 în Hissar (Diocletianopolis). Sec. VI. Plan (după D. Tsonchev, K. Madzharov).
Fig. 19. Biserica veche orăşenească din Nessebar. Sec. V-VI. Plan (după A. Boyadzhiev).
Fig. 20. Templul din Devnja. Sec. V-VI. Plan (după G. Tonchev şi V. Popov).
Fig. 21. Construcţii bazate pe secţiunea de aur şi derivate.
Fig. 22. Construcţii bazate pe secţiunea de aur şi derivate.

Metric systems and principles of dimensioning in early Christian architecture

Keywords: Metric system, Early Middle Ages, Christian architecture, symmetry, proportions, golden ratio.

Abstract: This article discusses the metric parameters of over twenty religious structures built during the Early Middle Ages on the territory of the Byzantine Empire. An emphasis is made in this paper on basilicas that were the most numerous temples after Christianity became the official religion of the empire. Well-proportioned and irrational system was accepted for the construction of the early Christian religious buildings, reflecting the meaning of the Christian philosophy and symbolic nature of liturgical practice.

List of illustrations:

Fig. 1. Temple St. Sophia in Constantinople. 532-537. Plan (after A. van Milingen).
Fig. 2. Temple St. Irene in Constantinople. 532. Plan (after A. van Milingen).
Fig. 3. Temple St. Ioan Studios in Constantinople. 463. Plan (after A. van Milingen).
Fig. 4. Temple St. Apolinary in Ravena. 532-549. Plan (after A. van Milingen).
Fig. 5. Temple St. Demetrius in Thessalonica. The end of the V century. Plan (after B. Polevoy).

Fig. 6. Temple of New Anhialo in Tiva, Greece. V-VI c. Plan (after B. Polevoy).
Fig. 7. Church on the island of Kos, Greece. V-VI c. Plan (after B. Polevoy).
Fig. 8. Temple in Klimaks in Asia Minor. V c. Plan (after A. Jacobson).
Fig. 9. Temple in Meriamlike in Cilicia, Asia Minor. 470. Plan (after A. Jacobson).
Fig. 10. Temple Korikos in Cilicia, Asia Minor. VI c. Plan (after A. Jacobson).
Fig. 11. Temple Kalb-Loonse John Raw. V-VI c. Plan (after A. Jacobson).
Fig. 12. Temple in Tourmaline in Syria. V-VI c. Plan (after A. Jacobson).
Fig. 13. Temple in Keratin in Syria. V-VI c. Plan (after A. Jacobson).
Fig. 14. Church of St. Sofia in Sofia. V-VI c. Plan (after A. Boyadzhiev).
Fig. 15. Temple at Golyamo Belovo, Pazardzhik district. V-VI c. Plan (after A. Boyadzhiev)
Fig. 16. Temple Eleusa in Nessebar. V-VI c. Plan (after D. Saselov).
Fig. 17. Temple No 6 in Hissar (Diocletianopolis). VI c. Plan (after D. Tsonchev).
Fig. 18. Temple No 8 in Hisar (Diocletianopolis). VI c. Plan (after D. Tsonchev, K. Madzharov).
Fig. 19. Old Metropolitan Church in Nessebar. V-VI c. Plan (after A. Boyadzhiev).
Fig. 20. Temple in Devnja. V-VI c. Plan (after G. Tonchev and V. Popov).
Fig. 21. Constructions based on the golden ratio and its derivatives.
Fig. 22. Constructions based on the golden ratio and its derivatives.

15.12.2016

Др. Стела Дончева, НАИМ-БАН, ул. Генерал Тошев, 4, BG-9700 Шумен, Болгария,
e-mail: donchevastela@yahoo.com

BASARABI-MURFATLAR ŞI CORBII DE PIATRĂ – UNELE CONTRIBUŢII CRIMEENE ÎN BISERICILE ROMÂNEŞTI DIN EVUL MEDIU TIMPURIU

Vlad D. Ghimpu

Unul din cele mai mari complexe monahale rupestre s-a aflat în Dobrogea, la Basarabi-Murfatlar, descoperit într-un masiv de cretă, cu mai multe bisericuţe săpate în roca moale, chilii şi galerii adiacente. Între anii 1957 şi 1962, în urma unor investigaţii arheologice lângă satul Basarabi-Murfatlar[1], conduse de Ion Barnea, la circa 15 km de or. Constanţa, s-a studiat şi o carieră de cretă din care se exploatau blocuri pentru zidul din coama unui val de piatră care ar fi fost construit cel mai probabil în timpul împăratului bizantin Vasile II Bulgaroctonul (976-1025). În cuprinsul carierei s-au descoperit diferite monumente, şase bisericuţe, câteva încăperi, unele galerii şi morminte, cioplite în masivul de cretă în perioada de timp cât a funcţionat cariera şi în strânsă legătură cu aceasta. În carieră şi înăuntrul monumentelor, cei care au activat sau numai au trecut pe acolo, au lăsat diferite vestigii importante din punct de vedere istoric: unelte de muncă, însemnări şi alte reprezentări sau semne incizate pe pereţii albi şi uşor de zgâriat, ceramică etc. Unele dintre ele, printre care şi ceramica, s-a folosit la datarea carierei în ultimele decenii ale secolului al X-lea sau primul sfert al secolului al XI-lea. Bisericuţele de dimensiuni mici, de plan dreptunghiular, au câte o absidă semicirculară la est, sau la sud-est, un naos, iar altele şi pronaos, una şi o contraabsidă, cu tavanele boltite şi cu arcade semicirculare ale intrărilor (Barnea, Bilciurescu 1959, 541-563; Barnea, Ştefănescu 1971, 180-233; Barnea 1981, 16-17; Barnea 1987, 81-124). În succesiunea cercetării monumentelor de la Basarabi-Murfatlar, Petre Diaconu (în colaborare) a adus unele precizări etnice importante asupra posibililor protagonişti ai bisericuţelor rupestre, după unele informaţii ale unui cărturar german, Walahfrid Strabo, care a furnizat date despre o colonie gotică din secolul IX, în apropiere de oraşul Tomis (Diaconu, Petre 1969, 443-456).

În anul 1981, tot în judeţul Constanţa, localitatea Dumbrăveni (com. Cerchezu), s-a descoperit încă un complex rupestru cu biserică săpată în stâncă, care a fost evaluată de autorul cercetării, C. Chiriac, cu analogie foarte apropiată de bisericile din Basarabi-Murfatlar, inclusiv, aproximativ şi cu aceeaşi datare, secolele X-XI (Chiriac 1988-1989, 249-269) (fig. 1). Tot aici, se admite şi pentru complexul descoperit de I. Barnea o datare mai largă, inclusiv fondarea mai timpurie, cât şi o durată mai lungă, înainte de construcţia valului de piatră, inclusiv într-o perioadă de contemporaneitate între cele două monumente, complexul monastic şi activitatea carierei de cretă (Chiriac 1988-1989, 249-269). Ceva mai târziu, s-au întreprins şi alte analize de la Basarabi-Mulfatlar în contextul unui „orizont al aşezămintelor monahale rupestre" (Damian, Samson, Vasile 2009, 121-143) din Dobrogea, un concept înaintat mai devreme (Chiriac 1988-1989, 266). Autoarea studiului, O. Damian, consemnând în mare evaluările anterioare dintr-o bibliografie bogată, atrage atenţia la reprezentările animaliere, punându-le într-o relaţie strânsă cu iconoclasmul, însă nu poate evalua mai strict cronologia complexului, deoarece îi lipsesc reperele sigure (Damian 1999, 135). O cercetare de amploare a publicat la aniversarea a 50-a de la descoperirea monumentului de la Basarabi-Murfatlar un grup de cercetători în anul 2009 (Damian, Samson, Vasile 2009, 117-158). Ei fac o trecere în revistă a rezultatelor cercetărilor arheologice desfăşurate în situl de la Murfatlar-Basarabi, dublată de prezentarea planului general al ansamblului şi de valorificarea unor situaţii şi materiale arheologice rămase inedite. De asemenea, după noi studii şi măsurări pe teren, fac anumite precizări referitoare la structura unor compartimente şi detalii. Autorii susţin o datare pentru secolul al X-lea. După un simbol cu tamgaua dinastiei ruse a Riuricilor, s-au adus argumente de vizitare a complexului de la Basarabi-Murfatlar şi în perioada războaielor ruso-bizantine din 968-971, inclusiv dovezile cele mai credibile de excludere a unor influenţe vikinge în desenele lăsate pe pereţii din lăcaşele ru-

[1] Mai recent a fost redenumit Murfatlar.

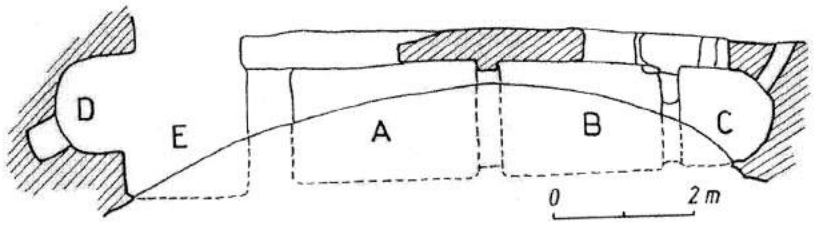


Fig. 1. Planul bisericii rupestre de la Dumbrăveni, jud. Constanţa (apud C. Chiriac).

pestre (Agrigoroaei 2005, 33-59). După părerea noastră, tamgaua de pe peretele de cretă, sau la I. Barnea „coarnele de consacraţie" (Barnea 1981, 54-55), ar fi putut reprezenta de fapt o rună cu două braţe (ФТ 1974, 87, рис. 27/28), având un rol sacru creştin, de exemplu, ca la monogramele lui Iisus Christos. Mai nou, a publicat şi alte noi contribuţii la studierea complexului monastic de la Basarabi-Murfatlar cercetătorul bulgar G. Atanasov, reluând şi planurile tuturor bisericuţelor rupestre, inclusiv cu o serie de simboluri comune de la alte mănăstiri rupestre din Bulgaria, care îl datează în secolele IX-X, înainte de extracţiile din cariera de cretă, ale cărei lucrări, cum consideră dânsul, i-ar fi provocat şi sfârşitul. Tot aici, autorul sus-numit aderă la părerea potrivit căreia instituţia monahală din Dobrogea, „chilii separate cu lavră", să fi fost întemeiată la începutul secolului IX de o sectă gotică menţionată de P. Diaconu mai devreme în apropierea oraşului Tomis (Атанасов 2010, 467-485).

În continuare, noi vom aborda cronologia complexului monastic de la Basarabi-Murfatlar după analiza structurală a monumentelor. În descrierea structurii bisericuţelor rupestre de la Basarabi-Murfatlar de către I. Barnea şi colaboratorii, se relatează despre „cancelli şi templum", drept elemente paleocreştine, fără să fie analizate cu vreo contribuţie reală de datare. Deşi a stabilit cronologia bisericuţelor rupestre în secolele X-XI, însuşi I. Barnea prezenta adeseori şi argumente de o încadrare mai timpurie. Bisericuţa E3: „Planul şi împărţirea ei interioară se prezintă ca o excepţie, imitând pe acelea ale unei bazilici paleocreştine" (chiar să nu fi avut contraabsidă, nici pronaos? - *n.n.*) (Damian, Samson, Vasile 2009, 123): „O balustradă înaltă de 1,02 m şi cu grosimea de 0,33 m, cruţată de asemenea în acelaşi masiv, separa altarul de naos. În mijlocul balustradei se afla o deschidere largă de 0,66 m, singura ce făcea legătura între altar şi naos. Balustrada se prelungea în partea de sus cu arcade susţinute de stâlpi cu câte patru laturi, pe care, ca şi pe feţele balustradei, erau incizate figuri de oranţi, păsări, cruci, inscripţii cu caractere runice". Repetă cele scrise, plus alte detalii, şi în anul 1981: „...numai bisericuţa E 3 avea o balustradă cu stâlpi înalţi din loc în loc – fază intermediară între *cancelli* din perioada paleocreştină şi tâmpla bizantină" (Barnea, Ştefănescu 1971, 190-191; Barnea 1981,18), sau, puţin deplasat, altfel a formulat mai târziu – „fază de tranziţie între cancelli şi iconostas" (Barnea 1987, 101). Asemenea balustradă apare pentru prima oară în biserica Sf. Sofia din Constantinopol, anul 537, formând templonul bizantin, ca barieră dintre altar şi naos, care avea în premieră icoane în arhitravă (Лазарев 1967, 170-172). Însă, autorul repetă afirmaţiile precedente de datare mai timpurie şi la prezentarea inciziilor cu figuri: „După cruce, un loc aparte îl deţin reprezentările de oranţi sau orante, întâlnite mai ales în mica bazilică E 3 – încă un indiciu al caracterului său arhaizant, ducând chiar la presupunerea că este cea mai veche dintre bisericuţele de la Basarabi, poate anterioară faţă de carieră" (Barnea 1981, 18). Nu a insistat, dar avea dreptate. În ce măsură?, vom urmări mai departe.

La vest de bisericuţa E 3 se află o altă încăpere, „păstrată aproape în întregime", denumită convenţional E 5. „Resturile de balustradă (cancelli), cruţată în stânca de cretă, din partea de vest a celor trei nişe, arată că aici se afla un altar, iar încăperea E5 îndeplinea funcţia de paraclis sau capelă funerară, în strânsă legătură cu camerele şi galeriile funerare dimprejurul ei. În acest caz, cele două nişe laterale îndeplineau funcţia de prothesis şi diaconicon. Înălţimea balustradei era de aproximativ 0,60 m, după cum arată stâlpul masiv de cretă, înalt de 0,66 m, rămas cât se pare întreg, în colţul de nord al altarului. Intrarea în altar se afla la mijlocul balustradei, unde se observă pragul larg de 0,55 m, uşor tocit la mijloc...

Două găuri de grosimea degetului, existente în pereţii laterali ai altarului, la înălţimea de 1,35 m de la paviment, serveau probabil, pentru fixarea unei vergele de care se atârna perdeaua (catapeteasma) de pe latura de vest a altarului" (Barnea, Bilciurescu 1959, 556). Ulterior, în alte publicaţii aceeaşi descriere este redată puţin diferit: „Altarul era separat de restul încăperii printr-un perete (*templum*) sau balustradă (*cancelli*), cruţată în masivul de cretă, din care s-a păstrat numai partea inferioară. O mică deschidere în mijlocul peretelui despărţitor servea pentru comunicarea între cele două încăperi ale paraclisului" (Barnea, Ştefănescu 1971, 191; Barnea 1981, 82; Barnea 1987, 103). Templum-templon sau cancelli, era o diferenţă, „s-a păstrat numai partea inferioară"? Probabil era, totuşi, un perete despărţitor, sau să fi fost stâlpi cu balustradă, ca la E3, descris mai sus, oricum avea o barieră de altar. Adăugată cu o perdea, să-i mai spună şi catapeteasmă. Şi astăzi iconostasele folosesc perdeaua, suplimentară, la funcţia lor de închidere, care uneori se încurcă şi i se spune greşit tot catapeteasmă (Drăguţ 1976, 83). Apreciem că grupul de bisericuţe E3, E5 cu plan dreptunghiular simplu, naos şi altar din sud-vestul masivului de cretă sunt cele mai vechi din complex, iar a doua, E 5, în cazul că avea un perete despărţitor între altar şi naos, pare să fie ulterioară lui E 3. Apărut în secolul VI la Sfânta Sofia, *templonul* (forma greacă a lui *templum*) a căpătat forma lui dogmatică (omogenă), cu două registre şi un număr variabil de icoane la începutul secolului VIII (Бетин 1970a, 43). Putem vedea o fază a lui intermediară din secolul VII, în imitaţie, la bisericuţa la fel săpată în cretă de la Peştera lui Bechir de lângă Soroca (Гимпу 2013, 135-138; Ghimpu 2012). Astfel, bisericuţele E3 şi E5 ar fi putut fi săpate, succesiv, tot pe la începutul secolului al VIII-lea, sau ceva mai târziu în acest secol, ca o reflecţie a curentului dat evoluţiei barierei de altar în bisericile bizantine.

Pe panta de nord e un alt grup de bisericuţe B1, B2, B3, B4. Bisericuţa B1, singura păstrată în întregime, este orientată cu altarul spre est şi imită o biserică de plan dreptunghiular, cu tavanul uşor boltit, având circa 6 m lungime a câte 2 m lăţime şi înălţime. Interiorul se compune din trei încăperi: pronaos, naos şi altar, separate prin doi pereţi cruţaţi în masivul de cretă, fiecare perete gros de circa 0,50 m şi prevăzut în mijloc cu câte o deschidere arcuită în partea de sus (Barnea, Bilciurescu 1959, 543). Un plan familiar bisericilor româneşti de mai târziu, cu excepţia felului delimitării altarului. Dar să acordăm atenţie la pereţii groşi despărţitori, astfel să vorbim şi de datare, – privind spre altar. Acum bariera altarului are un rol esenţial prin locul ei fix de ocrotire a tainelor sfinte din interior şi acela de rugăciune în faţa icoanelor. Zidul plin dintre altar şi naos deja era egalul aceleiaşi versiuni de templon stabilit, mai întâi în oraşele bizantine, iar la periferie să fie şi în variantă simplificată. Oricum, lumea de aici, călugării în special, au văzut temploane în bisericile orăşeneşti, le-au imitat în bisericuţa E 3, în E 5, dar şi în bisericuţa B1, care despărţea, am spune, dur, altarul cu perete, pe care se puteau agăţa sau sprijini icoane. Bisericuţa B2 are dimensiuni de 4,0×2,20 m. Jumătatea superioară a bisericuţei s-a prăbuşit încă în vechime, pereţii ei păstrându-se astăzi pe înălţimea de cel mult 1,50 m (sic !). Naosul... comunică cu altarul printr-o singură deschidere, tăiată la mijlocul unei balustrade, poate iniţial un perete, având grosimea medie de 0,35 m (Barnea, Ştefănescu 1971, 197; Barnea 1987, 96). O descriere cu ambiguităţi, ori e perete, ori balustradă? În fapt, după grosime, 0,35 m (mai mică de 0,50 m decât la B1), trebuia să fie o balustradă. Se păstrase până la o înălţime de 1,50 m. Se pare, că nu avea stâlpi şi arcade, atunci era un perete plin de grosimea unei balustrade. Evoluţia balustradei-templon de tip Sf. Sofia spre peretele plin? O fază intermediară între E3 şi B1, dar mai aproape de ultima. Bisericuţa B3, un paraclis funerar, avea o deschidere tăiată la mijlocul peretelui de nord al altarului, care a fost găsit prăbuşit aproape în întregime, dedesubt, înăuntrul bisericuţei B4, făcea legătura între acesta şi naos (Barnea, Ştefănescu 1971, 199), ea stă sub aceeaşi barieră de altar – cu perete plin, şi cu anumite diferenţe în interior, are masa sfântă desprinsă de peretele altarului, un detaliu mai evoluat decât la celelalte biserici. Mai adăugăm în altar mici bazine pentru spălări liturgice şi urme de prindere a „catapetesmei" (iarăşi a unei perdele) între altar şi naos (Barnea 1981, 54; Barnea 1987, 96). Spălări cu apă sunt în islam, să fi fost o influenţă de acolo?

Bisericuţa B4 de la Basarabi-Murfatlar, cioplită sub B3, este cea mai mare (7,0×3,5 m), situată la nivelul cel mai de jos şi cea mai importantă pentru inscripţiile şi reprezentările de pe stâlpii şi pereţii săi interiori. Ea se deosebeşte cel mai tare de celelalte prin trei intrări arcuite în altar şi este foarte posibil şi cea mai târzie din tot complexul.

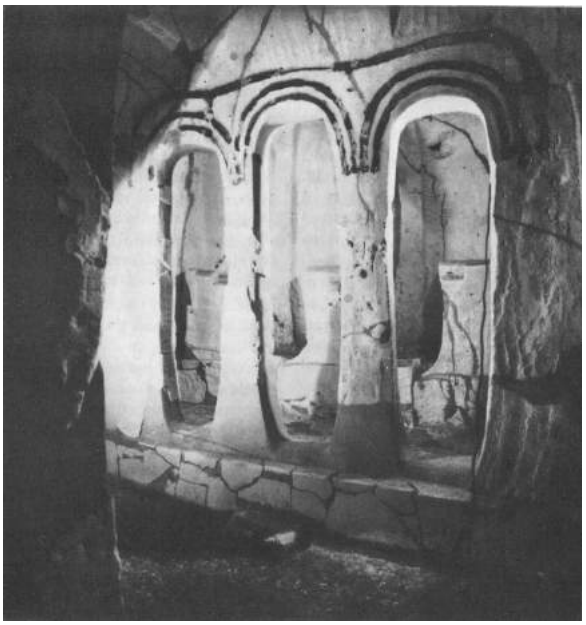


Fig. 2. Vedere spre altarul bisericii rupestre B4 de la Basarabi-Murfatlar.

Ne oprim la descrierea ei: „Altarul este cu o treaptă mai sus şi comunică cu naosul prin trei intrări arcuite în partea de sus. Faţa dinspre naos a celor trei arcade este decorată într-un mod simplu şi original (fig. 2). Deasupra fiecărei arcade s-au săpat câte două şănţuleţe arcuite, paralele, care s-au umplut cu mortar de cretă, peste ele aplicându-se un strat subţire de vopsea roşiatică, feruginoasă. Mai sus, o a treia bandă roşiatică, executată după acelaşi procedeu, cuprinde arcele mai mici sub arcada ei largă. Voind să înlăture monotonia albului de cretă din interior prin benzile de culoare roşie amintite şi să sublinieze totodată linia arcadelor, meşterii au recurs la procedeul arătat, dându-şi seama că stratul de culoare aderă şi rezistă mai bine pe cel de mortar de cretă decât pe suprafaţa netedă şi compactă a masivului alb" (Barnea, Ştefănescu 1971, 202-203; Barnea 1981, 58; Barnea 1987, 97-98). Este vorba de lucruri simple, dar nu atât de originale. Era secolul X-XI, conform autorului, şi nu în peşterile din neolitic. Ce vedeau creştinii atunci în Sf. Sofia, sau în alte catedrale, dar şi în alte biserici? Întrebarea însă era, pentru ce? Să preamărească altarul, acolo se întâmplau tainele sfinte, liturghia, de asemenea, pregătirea pâinii şi a vinului pentru sfânta cuminecătură. De fapt, în locul liniilor arcuite trebuia să se afle un templon, cu icoane, ca la Cetăţuia Negru-Vodă (fig. 3). Astfel, ne apropiem de explicaţia mai clară, cine şi când au venit la Basarabi-Murfatlar, ce au trăit în sihăstrie probabil o perioadă mai lungă

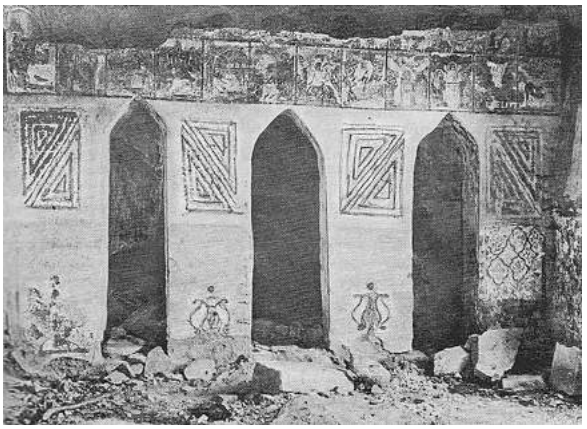


Fig. 3. Templonul de la biserica rupestră Cetăţuia Negru-Vodă (începp. sec. XX) (apud Drăghiceanu).

decât 50 de ani, cum considera I. Barnea. Un număr de la câţiva, până la maximum 12 călugări, aflaţi în chiliile din apropiere nu mai erodau atât de tare stratul de cretă, cu atât mai mult să fi avut şi intermitenţe, cu lipse, apoi după o prăbuşire de biserică şi chilii să vină din nou. Activitatea carierei este posibil să îngreunat aflarea monahilor, dacă nu chiar să o întrerupă brutal, cum consideră G. Atanasov (Atanasov 2010, 471). Se deosebeşte bisericuţa B4 şi după naos, care repetă o bazilică trinavată (Theodorescu 2002, 120-127), sau încearcă să imite un plan de biserică în cruce greacă înscrisă? Astfel, noi putem formula datarea după felul barierei altarului pentru E3 şi E5 spre secolul al VIII-lea, iar pentru B4 cu templon dezvoltat şi B1 cu perete plin între altar şi naos, pentru secolul al IX-lea. Bisericuţa B2, cu perete plin mai subţire să fie intermediară, dar mai apropiată de B1, pe când B3, capelă mortuară, perete plin şi masa altarului accesibilă împrejur, mai târzie decât B2, sau şi decât B1?

Pronaosul în bisericuţele de la Basarabi-Murfatlar. În istoria creştinismului celui care adera la noua religie spre sfârşitul secolului II a fost adăugată o perioadă de probă a catehumenului, pentru a se testa autenticitatea experienţei sale. În timpul acesta de verificare catehumenul lua parte la servicii în nartexul bisericii, neavând permisiunea de a se închina în naos. În această perioadă a apărut botezul copiilor mici (Cairns 1992, 113). Spre începutul secolului IV creştinii au construit biserici după modelul bazilicii romane, o clădire dreptunghiulară cu absidă la un capăt şi cu un portic sau nartex la capătul opus, unde se închinau catehumenii sau novicii (Cairns 1992, 113). Aflaţi în secolele VIII şi IX, ce rol îndeplinea pro-

naosul (sinonim nartexul) (Drăguţ 1976, 248) la Basarabi-Murfatlar? Veniţi pe un teritoriu nou, călugării de la Basarabi-Murfatlar puteau primi şi novici, dintre slavii necreştinaţi, dar în special pronaosul era destinat pentru femei, o dovedesc imaginile de orante – femei de pe pereţi. Au fost, însă, şi femei-călugăriţe printre sihaştri în acest complex mănăstiresc, atunci când au lipsit bărbaţii, probabil. Argumentul îl găsim după mormintele de femei semnalate de I. Barnea şi lipsa celor de copii (Barnea, Bilciurescu 1959, 558, 559, 562). Cercetările de mai târziu au atestat două schelete de femei (Soficaru, Constantinescu, Mirţoiu 2009, 162), ce s-au nevoit în sihăstrie, adică dornice de isihie (linişte), cum formula Ioanichie Bălan viaţa monahală retrasă din spectacolul lumii (Bălan 1982, 6).

În fine, avem încă o întrebare de structură la acest complex, a fost sau nu pronaos la biserica E3, aşa cum descrie I. Barnea şi redă în plan şi G. Atanasov? (Атанасов 2010, 477).

Prin cercetarea jubiliară din 2007, „după realizarea unui plan complet", fixat şi în desen, autorii menţionaţi sunt "înclinaţi să creadă că bisericuţa E3, la fel ca bisericuţa E5 este compusă doar din 2 camere: naos şi altar". Ca să formuleze inconsecvent la concluzie: „Unele (bisericuţe) au naos, pronaos şi altar (B1, B2, B4, E3?), altele au doar două încăperi – altar şi naos (B3, E5)" (Damian, Samson, Vasile 2009, 123, fig. 8). În fapt, constatarea de la urmă poate fi plauzibilă pentru perioada mai veche a complexului monastic, atunci când sihaştrii nu aveau vreo legătură cu oarecare comunităţi de oameni, ei nici nu aveau nevoie de pronaos. Însă, prezenţa pronaosului la bisericile din Basarabi-Murfatlar mai relevă şi altă situaţie. Separarea pronaosului de naos de la bisericuţa B2 cu doi stâlpi, apoi cu trei sau patru la B4, finalizează cu delimitarea netă, contactând doar cu o singură intrare în B1 (fig. 4). Aprecierile prin care se crede că aceste bisericuţe *nu se leagă în nici un fel de manifestările mai târzii din evul mediu românesc pe tărâmul arhitecturii* (Theodorescu 1974, 94), sunt o eroare. Iconoclaştii au adus biserica de plan dreptunghiular cu un singur altar şi cu separarea totală a spaţiului de rugăciune în încăperi distincte: lângă altar pentru bărbaţi în naos şi, urmând acesta, pentru femei în pronaos, sub influenţa islamului. Aceste trăsături îi individualizează în ortodoxie pe români şi pe slavii de sud ortodocşi faţă de alte popoare creştine. Este vizibil acest fenomen şi arhitectural, în special, începând din sudul ţării, aflate în contact nemijlocit cu Bisericile slave de la sudul Dunării – biserica din Niculiţel (secolul al XIII-lea) (fig. 5), din Drobeta-Turnu Severin, secolul al XIII-lea (fig. 6), Sânicoară de la Curtea de Argeş (secolele XIII-XIV), dar şi în bisericile de tip triconc (cf. mănăstirea Vodiţa, fig. 7). Paradoxal, dar acest fenomen de separare atestat în biserici mai târzii din Moldova, a fost încă mai puternic, ulterior, această delimitare strictă fiind, însă, treptat abandonată. Mai mulţi cercetători au văzut deficienţe la schitul rupestru (sau chilii cu lavră) de la Basarabi-Murfatlar şi au căutat să le explice

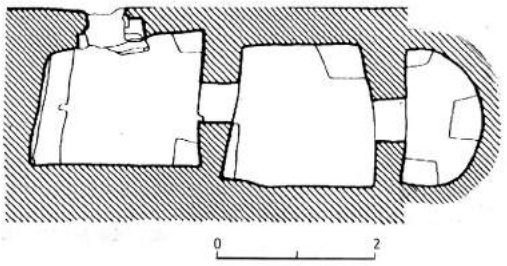


Fig. 4. Planul bisericuţei B1 de la Basarabi-Murfatlar (apud I. Barnea).

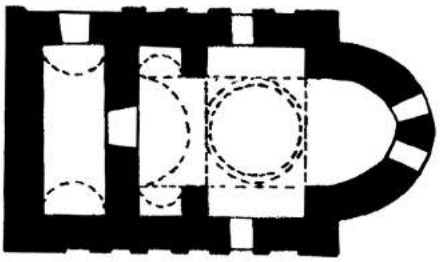


Fig. 5. Biserica Sf. Atanasie din Niculiţel, jud. Tulcea (secolul XIII).

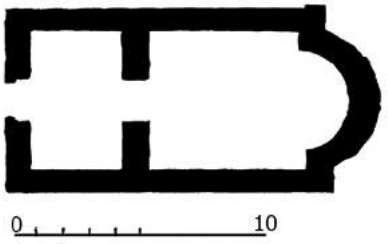


Fig. 6. Fundaţia bisericii de plan dreptunghiular (curtea liceului) din or. Drobeta-Turnu Severin (secolul XIII).

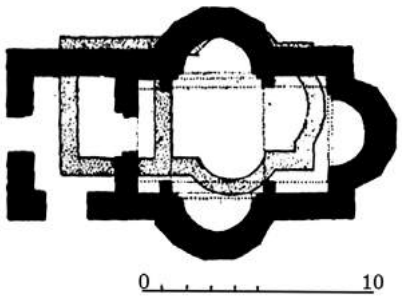


Fig. 7. Bisericile de tip triconc ale mănăstirii Vodiţa, jud. Mehedinţi, construită de domnitorul Ţării Româneşti Vladislav-Vlaicu (1364-1377).

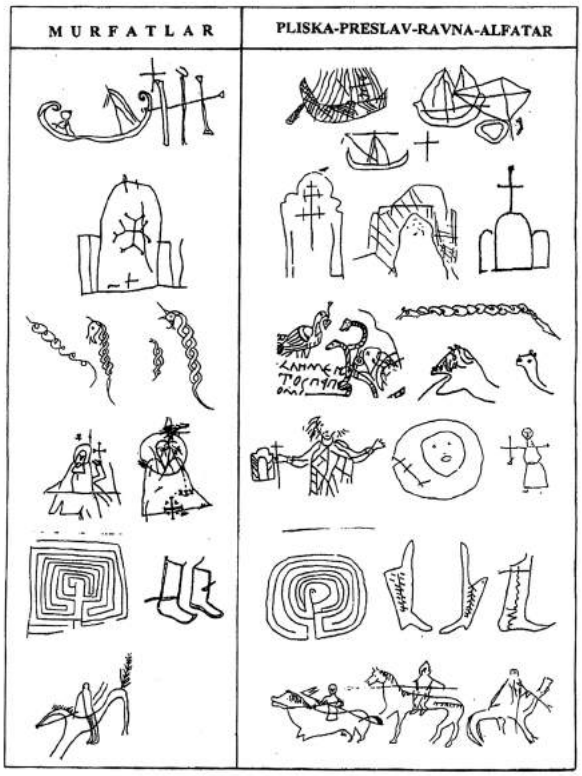


Fig. 8. Elemente de decor parietal de la Basarabi-Murfatlar şi biserici rupestre din Bulgaria (apud G. Atanasov).

într-un mod sau altul. Lecturând descrierile şi imaginile de la acest complex creştin, în afară de câteva chipuri de sfinţi, sau poate numai ierarhi, nu am văzut icoane aici. Nu sunt ele în special acolo unde trebuiau să existe, lângă altar, în altar. Creştinismul este o religie a imaginii, un postulat fără tăgadă. Imagini, inscripţii sunt în abundenţă la Basarabi-Murfatlar, le-au lăsat şi mai mulţi vizitatori, care îngreunează studiul lor, dar ce fel de imagini? În perioada iconoclasmului se interziceau icoanele, dar trebuia de pus ceva în loc, în bisericile din oraşe se preluau scene din arta laică, reprezentări de animale, motive vegetale, decor geometric, unele au rămas din templon şi până astăzi în ornamentul iconostasului, tocmai din acele vremuri (Лазарев 1967, 172-173). Astfel, monahii din acest grup erau adepţi fervenţi ai iconoclasmulu, susţinuţi şi de unele comunităţi de mireni din preajmă, cum se vede. Imagini comune cu reprezentări laice, animaliere din Dobrogea şi nord-estul Bulgariei aduce şi G. Atanasov (Atanasov 2010, 477) (fig. 8). Pe parcursul secolelor VIII-IX, şi posibil mai târziu la Basarabi-Murfatlar a activat un complex ce a vieţuit într-o succesiune, şi, posibil, cu unele întreruperi. Mai întâi câţiva călugări sihaştri izolaţi, inclusiv două călugăriţe, apoi mai mulţi monahi până la 12, în relaţii cu unele comunităţi din preajmă, iar ulterior să se mai fi izolat nişte călugări eremiţi (singuratici) care au fost vizitaţi uneori de oaspeţi, mai mult sau mai puţin cucernici, mireni, unii au şi lăsat, după cum se vede, anumite însemne, scrise sau numai liniate. Oana Damian şi-a expus opiniile mai aproape de adevăr prin asemănarea elementelor parietale de cruci, animaliere, vegetale etc. produse de mişcarea iconoclastă, inclusiv sintetizând elaborările lui Petre Diaconu, să facă o legătură strânsă a acestora cu goţii, atât prin paralele de la Dunărea de Jos, cât şi cele din Spania (Damian 1999, 134). Însă a le lega de Capadocia sau Asia Mică nu există temei, după părerea noastră. Influenţe ori similitudini cu Capadocia şi Asia Mică s-au putut răspândi şi în Crimeea. După răscoala creştinilor din Goţia Crimeeană împotriva hazarilor din anul 787, conduşi de episcopul Ioan al Goţiei (Баранов 1974, 151-162), un ierarh creştin susţinător al icoanelor, o parte dintre opozanţii iconodulilor, mai apropiaţi de hazari, s-au refugiat, probabil, prin Dobrogea în Bulgaria şi Balcani. Inclusiv runele atestate ca mărci de meşter pe olanele din Crimeea de sud (Якобсон 1973, 50) (fig. 9) par să fie asemănătoare cu cele de la Basarabi-Murfatlar. Biserici dreptunghiulare cu un singur altar au existat în Crimeea şi în centrele fortificate din regiunea muntoasă (Мыц 1991, 34). Creştinismul în Crimeea s-a impus mai greu, condiţionat de localizarea sa îndepărtată cât şi de mai slaba legătură pe mare sau pe uscat prin strâmtoare cu Asia Mică, adus de colonişti din această regiune, ce au impus apoi în morminte practica acoperirii cu lespezi de piatră, începând din secolul VII (Айбабин 1991, 34). Creştinis-

Fig. 9. Semne de meşter cu litere greceşti, rune şi diferite simboluri pe olane din Crimeea (secolele VIII-IX) (apud A. Iakobson).

mul în masă a pătruns în oraşul grecesc cel mai însemnat Hersones în secolul VI, iar în anul 548 se trimite din Bizanţ un preot orthodox şi goţilor arieni (Зубарь, Павленко 1988, 66-71). Structura definitivă a tipului de biserică cu spaţii bine separate între bărbaţi şi femei, însă, a fost creată mai târziu de iconoclaştii crimeeni din Hazaria, aflaţi într-un mediu destul de ostil imaginilor din partea altor două religii prezente acolo, mozaică şi musulmană, deci şi mai înverşunaţi împotriva Bisericii bizantine iconodule. Ea a fost proliferată şi de unii goţi şi de alani, numiţi în izvoare şi împreună: *gotalani*; sau ceva mai târziu şi de unii protobulgari, toţi provenind din Crimeea. În fine, ca atare, structura, naos – pronaos, pentru bărbaţi şi femei, ulterior abolirii iconoclaste, putea fi acceptată ca un dat al obiceiului prestabilit deja şi de acei creştini ce au acceptat icoanele.

În cadrul bisericilor creştine ortodoxe biserica rupestră din comuna Corbii de Piatră (satul Jgheaburi), de la nord-vest de Câmpulung, s-a numărat între lăcaşele cu cea mai veche pictură interioară din Ţara Românească, având un caracter insolit şi din structura altarului cu două abside (Dumitrescu 1975, 23-51). Asemenea biserici de zid cu două abside sunt cunoscute în Crimeea, iar semnele cu rune de pe stânca rupestră (Păun 1991, 106-107) ar putea proba aducerea acestor forme de biserici în Carpaţi şi în Balcani de călugări crimeeni într-o perioadă de până la creştinarea Bulgariei, în secolul VIII-IX. O asemenea biserică de zid s-a păstrat până în secolul XII la mănăstirea Sf. Ivan Rylski din Trapeziţa (Мавродинов 2016, 103, 122). După creştinarea oficială, când scrierea şi limba liturgică s-a trecut la slavona scrisă, adoptată de Chiril şi Metodiu pentru slavii din Moravia, apoi afirmată de discipolii lor la sud de Dunăre, acest tip de biserici s-ar fi asimilat în arta bulgară, inclusiv în biserici rupestre, dar şi mai departe în Balcani şi, posibil, de aici până în Grecia şi Italia. Totuşi, atât originea cât şi destinaţia acestor biserici rămâne învăluită în mister, de aceea vom urmări începuturile lor în monumente din Crimeea.

Biserica de pe râul Sotera (18 km de Aluşta) a fost descoperită într-o aşezare nu prea mare din secolele VIII-X, are o structură cu două abside la est cu dimensiuni interioare fără abside de 4,6×4,6 m, despărţită în două nave longitudinale de două arcade, ce se sprijină pe un stâlp din centru şi pe pilaştri în linia de mijloc Pe extradosul absidelor s-au păstrat urme de tencuială pictată, iar pe peretele dinspre vest, opusă absidelor (important!), a avut câte o uşă de acces în fiecare navă (Паршина 1984, 313). Biserica a cunoscut două perioade de funcţionare, cu unele detalii de refacere după ce aşezarea a suferit de pe urma unor surpări de teren, iar ulterior fiind refăcută din nou. Pe linia peretelui de sud s-au descoperit patru morminte de inhumaţie. Într-o altă informaţie, aflăm despre încă o biserică cu două abside ce s-a descoperit în cetatea Sudak (Sugdea), însă fără o descriere mai desfăşurată (Домбровский 1986, 518-535).

O a treia biserică cu două abside s-a investigat în fundaţie de către E. A. Aibabina, lângă cetatea Funa, datată în secolele XIII-XV, într-o necropolă aflată în strânsă legătură cu cetatea din Principatul de Mangup şi cu un sat Funa (Demergi), alăturat, care a durat până în secolul XX, căreia i s-a făcut o analiză mai cuprinzătoare (Айбабина 1991, 194-205). Este o biserică relativ mică, cu dimensiuni exterioare de 6,0×4,0 m, cu două nave laterale, de 1,0 m si 1,30 m lăţime, având două abside, ce s-au construit concomitent, deoarece prezintă o întreţesere de zidărie, una, de sud, din dreapta, mai mare, cu deschiderea arcului de 1,30 m şi cea de nord de 1,08 m. Absida din dreapta (de sud) nu numai că e ceva mai lată, dar este şi mai adâncă, ieşind în afară (mai lungă) cu 0,22 m faţă de cea

nordică. Intrarea în lăcaş o avea pe latura de sud (în capătul lateral din nava dreaptă). Biserica a avut două faze de construcţie, în prima, cu absidele tencuite şi pictate, iar în alta, mai târzie, intradosul absidelor a fost umplut cu zidărie, formând în interior o linie dreaptă, în felul acesta unificând spaţiul lor şi, probabil, şi cele două altare într-unul singur. În interiorul bisericuţei cu două abside (ca şi în afară) s-au descoperit mai multe morminte acoperite cu lespezi de piatră, inclusiv de copii, repartizate pe toată suprafaţa, fără a fi diferenţiate cele mai timpurii, fie în ambele nave, sau numai după ce s-au unit altarele în biserica de tip sală (sau paraclis). E.A. Aibabina a evaluat bisericile cu două abside în sensul că ele ar reprezenta o biserică, cu absida din dreapta, mai mare, iar cu cea mai mică, oarecum subordonată, ca paraclis. Originea acestora autoarea o găsea în estul Asiei Mici, unde au existat biserici cu două nave longitudinale, dar cu o singură absidă. Asemenea biserici cu două nave s-au atestat şi în Georgia, inclusiv una datată în secolul XIII, ce avea două abside alăturate, asemenea cu cea din Funa, una mai mare, din dreapta, şi alta, subordonată, din stânga, mai mică (Гомелаури 1982, табл. 2).

Biserica rupestră din satul Jgheaburi (com. Corbii de Piatră, jud. Argeş) are două apside semicirculare (ovoidale sau în formă de potcoavă) către est, una mai largă cu circa 0,50 m, din dreapta, şi alta, din stânga, mai mică, subordonată. Pentru a evita orice îndoială de interpretare, se poate afirma sigur că a avut iniţial şi două altare, reprezentate şi de prestolurile cruţate în rocă şi alipite rudimentar (neevoluat) laturii de est a absidelor, ca mai la toate bisericuţele de la Basarabi-Murfatlar, iar cel din dreapta avea şi un mic bazin pentru spălări liturgice, probabil de influenţă musulmană, prezent şi în complexul dobrogean, ca şi supraînălţarea altarului. Aceste caracteristici s-au adus din Crimeea[2], gradarea spaţiilor compartimentelor bisericeşti, sub influenţa islamului din estul Asiei Mici, fiind amplificată în peninsulă sub dubla ofensivă a două religii în perioada iconoclastă, în special, musulmană, dar şi mozaică, ultima adoptată în secolul VIII oficial şi de statul hazar (Герцен, Махнева 1989, 35). Altarele au comunicat între ele, posibil, de la bun început (ca la bisericile de zid), altfel de ce s-ar fi construit într-o singură biserică? Bolta s-a păstrat în arc frânt, dar ceea ce se vede în zilele noastre şi se ştie pe durata a vreo două secole, este ultima fază de construcţie, care a rămas la vedere, dar de la început biserica de la Corbii de Piatră trebuia să fi avut două nave longitudinale, ca şi prototipurile originare din Crimeea.

Carmen Laura Dumitrescu a găsit mai multe analogii ale unor biserici rupestre cu două abside în Bulgaria şi în Balcani, în Grecia, până în sudul Italiei, susţinând, împreună cu alţi cercetători, că la un nivel evoluat arhitectura rupestră imită prototipurile bisericilor de zid, cum le considera pe cele din Macedonia greacă şi iugoslavă din sec. al XIII-lea şi începutul sec. al XIV-lea (Dumitrescu 1975, 28). Concluzia finală o rezumă însă, după unii autori greci, care s-ar datora unei influenţe a artei bizantine orientale, microasiatice, preluată în Grecia şi în Italia de sud (Dumitrescu 1975, nota 8 bis). După noi, influenţa a venit din Crimeea, prin Balcani şi spre sud, dar cum s-ar explica ea în Capadocia? Tot din Crimeea, pe altă filieră? Cu siguranţă, explicaţia apariţiei şi semnificaţia acestor biserici cu două abside ne-ar putea da răspunsul. C.L. Dumitrescu, sintetizând prezentările istoriografice, redă situaţia unora dintre nave, departajate cu stâlpi longitudinali, ca având rolul de capele funerare, iar cele care erau cu o biserică-sală şi două abside, să ia naştere în mediul unor comunităţi mici de călugări, care au renunţat în altar la diaconicon (Dumitrescu 1975, 28), oarecum supraevaluând importanţa unui element nesemnificativ din biserici, uneori lipsă, sau redat şi printr-o nişă de mici dimensiuni. Cât priveşte celălalt punct de vedere, putem crede că unele nave în biserici să se fi transformat în capele funerare, dar asemenea treceri aveau loc în mai multe tipuri de biserici. Ce rost avea să se mai inventeze unul nou cu acest scop?

Exemplele din Crimeea nu susţin nici capelele funerare, dar nici bisericile unor comunităţi mici de călugări, acestea toate au aparţinut unor mireni. Dimpotrivă, în baza lor noi putem formula nişte raţionamente despre circumstanţele apariţiei şi semnificaţia bisericilor cu două abside. Aşa cum scria E.A. Aibabina, biserici cu două nave longitudinale şi cu o singură absidă au apărut în estul Asiei Mici la mici comunităţi de creştini (Айбабина 1991, 199). După noi, ele au constituit, posibil, primele lăcaşe de dimensiuni mici cu separarea pe sexe, acolo unde ele se aflau la contactul apropiat de religia islamică. În Crimeea le vom surprinde cu două abside şi două nave. Dar aici va

[2] Biserică unde altarul, naosul şi pronaosul sunt înălţate cu trei trepte una faţă de alta, cf. Домбровский 1974, 19-21.

lua naştere şi varianta mai dură, cea a pronaosului, aflat în poziţie secundară, ca a doua încăpere separată a femeilor, răspândită de gotalani şi posibil, de unii protobulgari, în Balcani şi la români (cf. supra), în condiţiile de refugiu spre Bulgaria încă păgână, iar printre români în teritoriile dominate politic de nomazi, fără prea multe posibilităţi de evoluţie liberă. Desigur, Crimeea avea şi ea o istorie destul de complicată, politică, etnică, confesională, aflată, ba sub autoritate bizantină, ba hazară, ba a altor nomazi. Crimeenii, populaţie de greci veniţi din Asia Mică, împreună cu goţi, alani, turanici, au cunoscut perioade prospere în cadrul Imperiului Bizantin, opresiuni ale hunilor, hazarilor sau ale altor turanici, ca şi o dezvoltare confesională creştină dar şi iconoclastă în condiţiile ostile ale două religii aflate şi într-o dispută teologică acută din cauza cultului icoanelor (Grabar 1991, 137-145, 194-205). Situaţia bisericilor creştine de aici poate fi ilustrată după exemplul principalului oraş-polis al Crimeei, Hersonesul, din toată istoria sa paleocreştină şi medievală, s-au cercetat: 12 bazilici, două lăcaşe de plan central, cinci cruciforme, şapte în cruce greacă înscrisă şi 20 bisericuţe de cartier din secolele XII-XIV (Романчук 1986, 160). Dintre aceste biserici de cartier, o parte mică erau cu naos şi pronaos, dar mai multe erau paraclise. Ce însemna asta? Unii cercetători, arheologi, le-au considerat nişte biserici jalnice (după cele avute în epoca bizantină), alţii, „de familie", ce au căutat să sublinieze prin aceasta sărăcirea populaţiei, însă răspunsul probabil era altul. În unele lucrări se demonstra, de pildă, exemple de acareturi sau alte construcţii bogate în acelaşi Hersones, sau averi impunătoare ale ierarhilor (Романчук 1986, 174-175), dar situaţia în regiunea premontană şi muntoasă era cu şi mai multe biserici paraclise (Домбровский 1974, 18-19), în unele cazuri explicabile, când se aflau în cetăţi, dar astfel de bisericuţe mici (sau foarte mici) se construiau şi în localităţi. Ca o influenţă politico-confesională rezultată din opresiunea hazară, în special, în biserici, probabil, era oprit accesul aproape în totalitate al femeilor. Asemenea concluzie noi o extragem şi din descrierea mai târzie a caselor de rugăciune ale karaimilor crimeeni (Герцен, Махнева 1989, 35), care se crede că ar fi urmaşi ai hazarilor, atestaţi într-o incintă cu câteva compartimente (numită kenasă), acolo unde femeile aveau dreptul doar de a se afla într-un mic balcon ascuns, fiind total neobservate de bărbaţi, şi doar să asculte tăcut serviciul religios (Герцен, Махнева 1989, 38-39).

Biserica rupestră de la Corbii de Piatră cu două abside, una mai mică, subordonată, şi alta mai mare, şi două altare (fig. 10), trebuia să aibă, de asemenea, de la bun început două nave longitudinale, sprijinite pe stâlpi, cu departajarea strictă pentru femei în stânga, altfel nu s-ar putea explica existenţa ei în apropierea unor localităţi săteşti, ca mănăstire pentru maici, la care, cel puţin ocazional, la sărbători, puteau veni şi mireni din vecini, locuitorii cărora erau ataşaţi unor norme, impuse mai devreme. Astfel, după ce au lărgit biserica în interior în anul 1814 (Dumitrescu 1975, 49), probabil după suprimarea stâlpilor de pe mijloc, rămaşi ataşaţi tradiţiei, să construiască alături un pronaos care să includă altă delimitare, deşi târziu, dar şi posibilitatea de participare mai departe la serviciul religios al femeilor. Tot atunci s-a făcut şi o nouă masă sfântă, ce unifica un singur altar, din stâlpul de susţinere, redus la mai puţin de jumătate, rămas, însă, neschimbat (ori reînnoit) prin pictura timpanului dintre arcadele intrărilor, care s-a manifestat ca un singur templon comun dintr-o perioadă destul de veche. Icoane de tipul Deisis s-au pus în registrul de sus în temploanele bizantine de la începuturi, secolul al VI-lea în medalion la Sf. Sofia, inclusiv atestate în alte biserici şi în anii 30 ai secolului VII (Бетин 1970b, 57 şi nota 2). Însă ar fi greu de crezut ca biserica să fi fost pictată îndată după excavare, adică în secolele VIII-IX, luând în calcul şi posibilul ataşament al călugărilor crimeeni pentru iconoclasm, asemenea ca la Basarabi-Murfatlar. În acest context, datarea picturii interioare de la biserica cu două

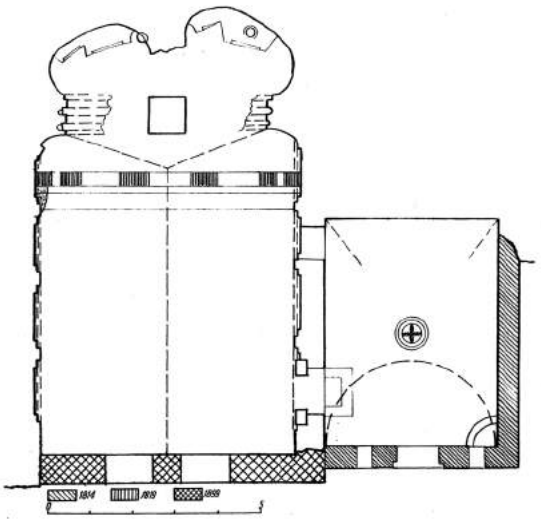


Fig. 10. Planul bisericii rupestre cu două abside de la Corbii de Piatră (jud. Argeş).

abside de la Corbii de Piatră s-ar putea susţine din perioada secolelor XI-XII, când Bizanţul a recucerit Bulgaria, atunci au venit şi unii călugări greci, alături de cei români, care au adus cu ei şi pictori, pentru a decora lăcaşul rupestru. Această tradiţie s-a transmis românilor fără intermediul scrierii slavone, dar asimilată şi păstrată numai în limba greacă, iar pomelnicul bisericii consemna doar ctitorii români, eventual după plecarea sau lipsa grecilor, începând de la primul domnitor Basarab I (Dumitrescu 1975, 44-47).

În practica creştină, unele imagini arată în locurile în care stăteau de obicei suveranii, ca la Sfânta Sofia din Constantinopol, ei erau întotdeauna separaţi unul de celălalt, înconjuraţi fiecare de propria lor suită. Astfel, ei dădeau urmare obiceiului general care cerea ca, în timpul slujbelor bisericeşti, bărbaţii şi femeile să nu stea laolaltă (Grabar 1991, 328). Şi în bisericile vestice, bărbaţii şi femeile de cele mai multe ori erau despărţiţi de o parte şi de alta a măreţelor nave ale bazilicii (Ariès, Duby 1994, 276-277). În literatura de specialitate de la noi s-a scris întotdeauna despre pronaos, ca spaţiu pentru femei, drept ceva obişnuit pentru acest compartiment, existent şi în bisericile paleocreştine antice. Era, totuşi, o altă situaţie, cu o diferenţă, atât cronologică, cât şi de conţinut, pe care noi am arătat-o de la primele biserici ale evului mediu timpuriu, apărută în nişte condiţii specifice.

Concluzii. Bisericile cu două abside (şi două altare) nu au avut o răspândire prea mare, probabil fiind susţinute numai de reprezentanţii direcţi care le-au proliferat în noile teritorii. Tot ce-i posibil, ele nu au putut concura cu bisericile existente cu trei altare şi trei nave, în Bizanţ treimea a avut atât o predilecţie concepţională, dar şi de construcţie, în cazul bisericilor. Slavii de sud, după ce au primit şi modele, şi populaţie, care s-a ataşat situaţiei lor până la creştinarea oficială, au adoptat unele biserici cu două abside, dar mai pe larg pe cele mononavate şi cu un singur altar. Acelaşi lucru l-au făcut şi românii, fie din cauze comune şi de influenţă din Biserica bulgară şi sârbă, dar, cum se vede, şi direct de la călugări crimeeni, care au migrat şi prin teritoriile noastre, într-o perioadă când erau dominate de nomazi şi fără posibilităţi prea mari de dezvoltare independentă.

Bibliografie

Agrigoroaei 2005: V. Agrigoroaei, Vikingi sau ruşi. Noi cercetări asupra complexului de la Basarabi-Murfatlar. în "Studia Patzinakia", 2005, 33-59.

Ariès, Duby 1994: Ph. Ariès şi G. Duby, Istoria vieţii private de la Imperiul Roman la anul o mie, vol. 1, traducere de I. Heridan (Bucureşti 1994), 276-277.

Barnea 1981: I. Barnea, Arta creştină în România, secolele VII –XIII, vol. 2 (Bucureşti 1981).

Barnea 1987: I. Barnea, Monumente creştine şi viaţa bisericească în secolele VII – XIV, în Monumente istorice şi izvoare creştine, mărturii de străveche existenţă şi de continuitate a românilor pe teritoriul Dunării de Jos şi al Dobrogei, (Galaţi 1987), 81-127.

Barnea, Bilciurescu 1959: I. Barnea, V. Bilciurescu, Şantierul arheologic Basarabi (reg. Constanţa), în (MCA) „Materiale şi cercetări arheologice", vol. VI (Bucureşti 1959), 541-563.

Barnea, Ştefănescu 1971: I. Barnea, Ş. Ştefănescu, Din istoria Dobrogei, vol. III, Bizantini, români şi bulgari la Dunărea de Jos (Bucureşti 1971).

Bălan 1982: I. Bălan, Vetre de sihăstrie românească, secolele IV – XX (Bucureşti 1982).

Cairns 1992: E. E. Cairns, Creştinismul de-a lungul secolelor. O istorie a Bisericii creştine (Dallas 1992).

Chiriac 1988-1989: C. Chiriac, Un monument inedit: complexul rupestru de la Dumbrăveni (jud. Constanţa), în: "Pontica", XXI-XXII (Constanţa 1988-1989), 249-269.

Damian 1999: O. Damian, Aspecte ecleziastice la Dunărea de Jos, în „Istros", vol. IX (Brăila 1999), 121-143.

Damian, Samson, Vasile 2009: O. Damian, A. Samson, M. Vasile, Complexul Murfatlar-Basarabi la jumătate de secol de la descoperire, în: „Materiale şi cercetări arheologice", s. n., V (Bucureşti 2009), 117-158.

Diaconu, Petre 1969: P. Diaconu et N. Petre, Quelques observation sur le complexe archeologique de Murfatlar (Basarabi), în: „Dacia", Revue d'archeologie d'histoire ancienne, tom XIII, n.s. (Bucureşti 1969), 443-456.

Drăguţ 1976: V. Drăguţ, Dicţionar enciclopedic de artă medievală românească (Bucureşti 1976).

Dumitrescu 1975: C.L. Dumitrescu, Biserica rupestră Corbii de Piatră cel mai vechi ansamblu de pictură cunoscut astăzi din Ţara Românească, în "Studii şi Cercetări de Istoria Artei, seria artă plastică", t. 22 (Bucureşti 1975), 23-51.

Farmer 1999: D. N. Farmer, Dicţionar al sfinţilor (Bucureşti 1999).

Ghimpu 2012: V.D. Ghimpu, Un templon în biserica paleocreştină de lângă Soroca. In: Buletinul Comisiei Monumentelor Istorice, nr. 1-2 (Bucureşti 2012), 9-17.

Grabar 1991: A. Grabar, Iconoclasmul bizantin, dosarul arheologic (Bucureşti 1991), 137-145, 194-205.

Păun 2000: S. Păun, Absida altarului (Bucureşti 2000).

Soficaru, Constantinescu, Miriţoiu 2009: A. Soficaru, M. Constantinescu, N. Miriţoiu, Date antropologice privind materialul osteologic de la Murfatlar-Basarabi, în: „Materiale şi cercetări arheologice", s. n., V (Bucureşti 2009), 159-162.

Theodorescu 1974: R. Theodorescu, Bizanţ, Balcani, Occident, la începuturile culturii medievale româneşti (secolele X – XIV) (Bucureşti 1974).

Theodorescu 2002: R. Theodorescu, Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400 – 1400) (Bucureşti 2002).

Айбабин 1990: А. И. Айбабин, Хронология могильников Крыма позднеримского и
раннесредневекового времени, în „Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии", вып.1 (Симферополь 1990).

Айбабина 1991: Е.А. Айбабина, Двухапсидный храм близ крепости Фуна, în Византийская Таврика. Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов) (Киев 1991), 194-205

Атанасов 2010: Г. Атанасов, Още за датировка и монашеската организация в скалната обител Мурфатлар (Басараби), în Великотърновският университет „Св. Кирил и Св. Методий" и Българската археология, 1 (Велико Търново 2010), 467-485.

Баранов 1974: И.А. Баранов, О восстании Иоанна Готского, în Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма (Киев 1974), 151-162.

Бетин 1970a: Л.В. Бетин, Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов, în Древнерусское искусство. Художественая культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV-XVI вв. (Москва 1970a), 41-56.

Бетин 1970b: Л.В. Бетин, Исторические основы древнерусского высокого иконостаса, în Древнерусское искусство. Художественая культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV-XVI вв. (Москва1970b), 57-72.

Герцен, Махнева 1989: А.Г. Герцен, О.А. Махнева, Пещерные города Крыма (Симферополь 1989).

Гимпу 2013: В. Гимпу, Древнейшая церковь Пещеры Бекира возле города Сорока. Археологические вести 19, 2013, 135-138.

Гомелаури 1982: И. Гомелаури, Мгвимеви. Памятник грузинской архитектуры XIII в. (Тбилиси 1982).

Домбровский 1974: О.И. Домбровский, Средневековые поселения и "исары" Крымского южнобережья, în Феодальная Таврика, Материалы по истории и археологии Крыма, (Киев 1974), 19-21.

Домбровский 1986: О.И. Домбровский, Средневековый Крым X – XУ вв., în Археология Украинской ССР, Т. 3, Раннеславянский и древнерусский периоды (Киев 1986), 518-535.

Зубарь, Павленко 1988: В. М. Зубарь, Ю. В. Павленко, Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси (Киев1988), 66-71.

Лазарев 1967: В.Н. Лазарев, Три фрагмента расписных эпистилиев и византинский темплон. В: Византиййский временник, том XXVII (Москва 1967).

Мавродинов 2016: Н. Мавродинов, Старобългаркото изкуство XI – XIII в. (София 2016).

Мыц 1991: В.Л. Мыц, Укрепления Таврики X-XV вв. (Киев 1991).

Паршина 1991: Е.А. Паршина, Раскопки в урочище Сотера, în "Археологические Открытия 1982 года" (Москва 1984).

Романчук 1986: А.И. Романчук, Херсонес XII-XIV вв. Историческая топография (Красноярск 1986).

ФТ 1974: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма (Киев 1974).

Якобсон 1973: А.Л. Якобсон, Крым в средние века (Москва 1973).

Якобсон 1983: А.Л. Якобсон, Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры (Ленинград 1983).

Basarabi-Murfatlar and Corbii de Piatră – about the Crimean influence on the architecture of the Romanian churches of the early Middle Ages

Keywords: churches, Byzantium, Crimea, early Middle Ages, influences.

Abstract: Structural studies of the cave chalk churches in Basarab-Murfatlar (Constanţa County) allow a new way to date this monastery complex the 8th-9th centuries and show that these temples were created under the influence of monks-iconoclasts from the Crimea, which had a great impact on the religious life of Romanians and Orthodox peoples in the Balkans. The churches with the two apses (and altars) did not have a long distribution, perhaps they ex-

isted only during the life of the monks who came from the Crimea to new territories. In all likelihood, these temples could not compete with the existing churches, with three apses and three naves, of the Byzantine tradition, where the Trinity was especially revered, which was reflected in architecture. Southern Slavs, having received both samples of churches and the population that joined them before the official Christianization, adopted churches with two apses, but mostly churches with one altar, nave and narthex. The same happened with the Romanians, both under the influence of the Bulgarian and Serbian Churches, and, as we see, directly from the Crimean monks who came to our lands that were under pressure from nomads and did not have much opportunities for independent development.

List of illustrations:

Fig. 1. The plan of the rupestrian church from Dumbrăveni, Constanţa County (after C. Chiriac).

Fig. 2. View to the altar of the rupestrian church B4 from Basarabi-Murfatlar.

Fig. 3. Templon of the rupestrian church from Cetaţuia Negru-Vodă (Arges County), early 20th c.

Fig. 4. The plan of the church B1 from Bessarabi-Murfatlar (after I. Barnea).

Fig. 5. The plan of the Saint Atanasie Church from Niculiţel, Tulcea County (13th c.).

Fig. 6. Foundation of the church (13th c.) from Drobeta-Turnu Severin, in the yard of a high school.

Fig. 7. Three-conch churches of the Vodiţa Monastery, Mehedinţi County, built by the Wallachia ruler Vladislav-Vlaicu (1364-1377).

Fig. 8. Elements of wall decoration from Basarabi-Murfatlar and rupestrian churches of Bulgaria (after G. Atanasov).

Fig. 9. Stamps of masters with Greek letters, runes and symbols on the tiles from Crimea dated the 8 th c. - 9th c. (after A. Iakobson).

Fig. 10. The plan of a rupestrian church with two apses from Corbii de Piatră (Argeş County).

Басарабь-Мурфатлар и Корбий-де-Пятрэ – о крымском влиянии на архитектуру румынских церквей раннего средневековья

Ключевые слова: церкви, Византия, Крым, раннее средневековье, влияния.

Резюме: Структурные исследования пещерных меловых церквей в Басарабь-Мурфатларе (уезд Констанца) позволяют по-новому датировать этот монастырский комплекс VIII-IX веками и свидетельствуют о том, что эти храмы создавались под влиянием монахов-иконоборцев из Крыма, оказавших большое воздействие на религиозную жизнь румын, а также православных народов на Балканах. Церкви с двумя апсидами (и алтарями) не имели длительного распространения, возможно, они существовали только при жизни самих монахов, пришедших из Крыма на новые территории. По всей вероятности, эти храмы не могли конкурировать с существовавшими церквями, с тремя апсидами и тремя нефами, византийской традиции, где особенно почиталась Троица, что отражалось и в архитектуре. Южные славяне, получив и образцы церквей, и население, которое присоединилось к ним до официальной христианизации, переняли и двухапсидные церкви, но в основном церкви с одним алтарем, нефом и нартексом. То же самое произошло и у румын, как под влиянием Болгарской и Сербской Церквей, так и, как мы видим, напрямую от крымских монахов, которые приходили на наши земли, находившиеся под давлением со стороны кочевников и не располагавшие большими возможностями к самостоятельному развитию.

Список иллюстраций:

Рис. 1. План скальной церкви из Думбрэвень, уезд Констанца (по К. Кирияк).

Рис. 2. Вид на алтарь скальной церкви B4 из Басарабь-Мурфатлара.

Рис. 3. Темплон скальной церкви Четэцуя-Негру-Водэ, начало XX в. (по Дрэгичану).

Рис. 4. План церкви B1 из Басарабь-Мурфатлара (по И. Барня).

Рис. 5. Церковь св. Атанасия из с. Никулицел (уезд Тулча), XIII в.

Рис. 6. Фундамент церкви из г. Дробета-Турну-Северин (во дворе лицея), XIII в.

Рис. 7. Трехконхиальные церкви монастыря Водица (уезд Мехединць), построенные господарем Валахии Владиславом-Влайку (1364-1377).

Рис. 8. Элементы стенного декора из Басарабь-Мурфатлара и скальных церквей Болгарии (по Г. Атанасов).

Рис. 9. Клейма мастеров с греческими буквами, рунами и изображениями на черепице из Крыма (VIII-IX вв.) (по А. Якобсон).

Рис. 10. План двухапсидной скальной церкви из Корбий-де-Пятрэ (уезд Арджеш).

07.06.2017

Dr. Vlad D. Ghimpu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: vladdghimpu@mail.ru.

ПОЛОВЕЦКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ 2 МОГИЛЬНИКА КИСЛЯКОВСКИЙ 13 (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)

Борис Раев
Максим Белов
Анна Жадаева

Ключевые слова: Краснодарский край, половецкие погребения XII-XIII веков, украшения, курганные погребения номадов, курганные святилища.

Могильник Кисляковский 13 находился в 2,0 км к юго-юго-востоку от ст. Кисляковская, на 1162 км трассы М 4 «Дон», по обеим сторонам дороги (рис. 1/1). Исследования кургана производились в 2008 году экспедицией Южного научного центра Российской Академии наук. Насыпь распахана, высота ее была около 0,15 м, на поверхности поля курган фиксировался по светлому пятну распаханного выкида из могилы.

В центральной части читалось заполнение двух ям. Северная яма узкая, с вертикальными стенками, заполнена плотной мешаной глиной со значительными примесями чернозема и комками рыхлой глины, находится в 2,0 м к северу от центра насыпи. Южная яма широкой воронкой спускается до уровня материка в самом центре насыпи. Заполнение состоит из плотной мешаной глины с прослойками материковой глины и черной земли (рис. 1/2).

Всего в кургане было исследовано два погребения, ров и одна яма неясного назначения. Во рву фиксировались отдельные находки, обозначенные как “Объекты”.

Погребение 1

Расположено в 2,0 м к северо-северо-западу от центра кургана. Стенки вертикальные, прослежены в придонной части на высоту 0,10-0,25 м. Яма в форме вытянутого овала неправильной формы длинной осью ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Размер ямы 2,47×0,8-0,6 м. Дно неровное, глубина 1,57-1,6 м, заполнение из плотной мешаной глины с примесью чернозема и комками рыхлой глины (рис. 2/4).

На дне, вытянуто на спине черепом к востоку-северо-востоку, лежал костяк взрослой женщины (?). Кости плохой сохранности, череп завалился на левую височную кость.

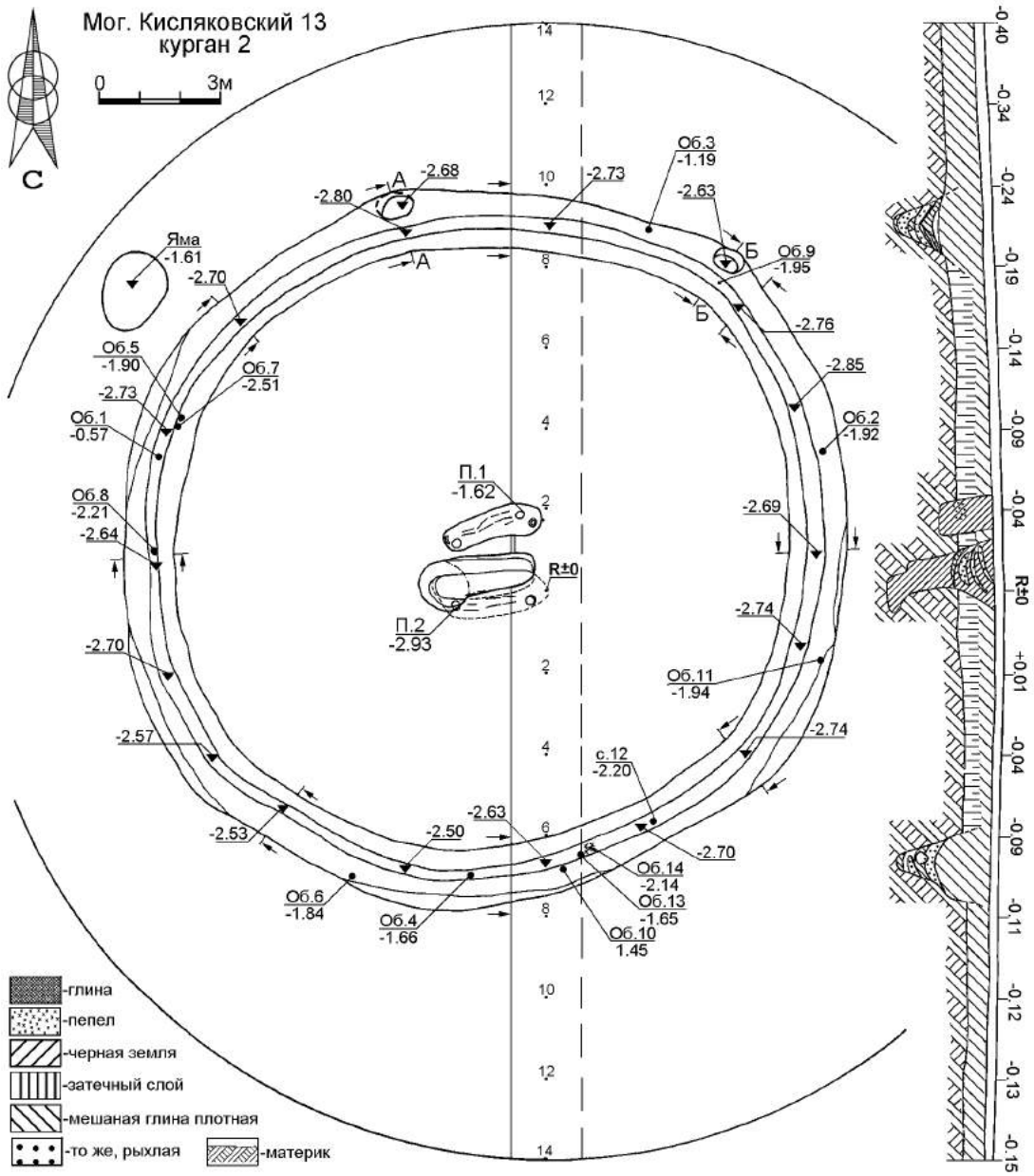
Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, кисть под правым крылом таза. Плечевая кость левой также вытянута вдоль туловища, кости предплечья сохранились в виде нескольких участков костного тлена, в локтевом суставе угол около 150°, кисть на лобковых костях.

Кости левой ноги вытянуты, правой – слабо согнуты в тазобедренном и коленном суставах; в тазобедренном угол 140°, в коленном – 140°, кости голеней параллельны, стопы сведены вместе.

Инвентарь:

1. В 15 см от бедренной кости левой ноги – обломок черешка железного наконечника стрелы со следами дерева от древка. Сверху сохранился тонкий слой органики (обмотка кожей?). Дл. 3,0 см, диаметр 0,8 см (рис. 4/2).
2. В 12 см от костей голени левой ноги – фрагмент железного ножа с прямой спинкой и клиновидным в сечении лезвием. Черенок обломан, у его основания сохранились следы деревянной рукояти. Дл. 11,0 см, толщина спинки лезвия 0,6 см (рис. 2/5).
3. Вплотную к костям стоп левой ноги – лепной сосуд. Сохранилась нижняя часть стенок с плоским дном. Тесто с примесью органики и шамота. Диаметр макс. 24,5 см, диам. дна 10,0 см, толщина стенок 0,7 см, толщина дна 1,0 см (рис. 4/1).
4. Вплотную к западу от лепного сосуда – сероглиняная кружальная миска. Поверхность залощена, сохранился фрагмент бортика с

1



2

Рис. 1. Курганный могильник Кисляковский 13:
1 - место расположения могильника; 2 - курган 2, общий план.

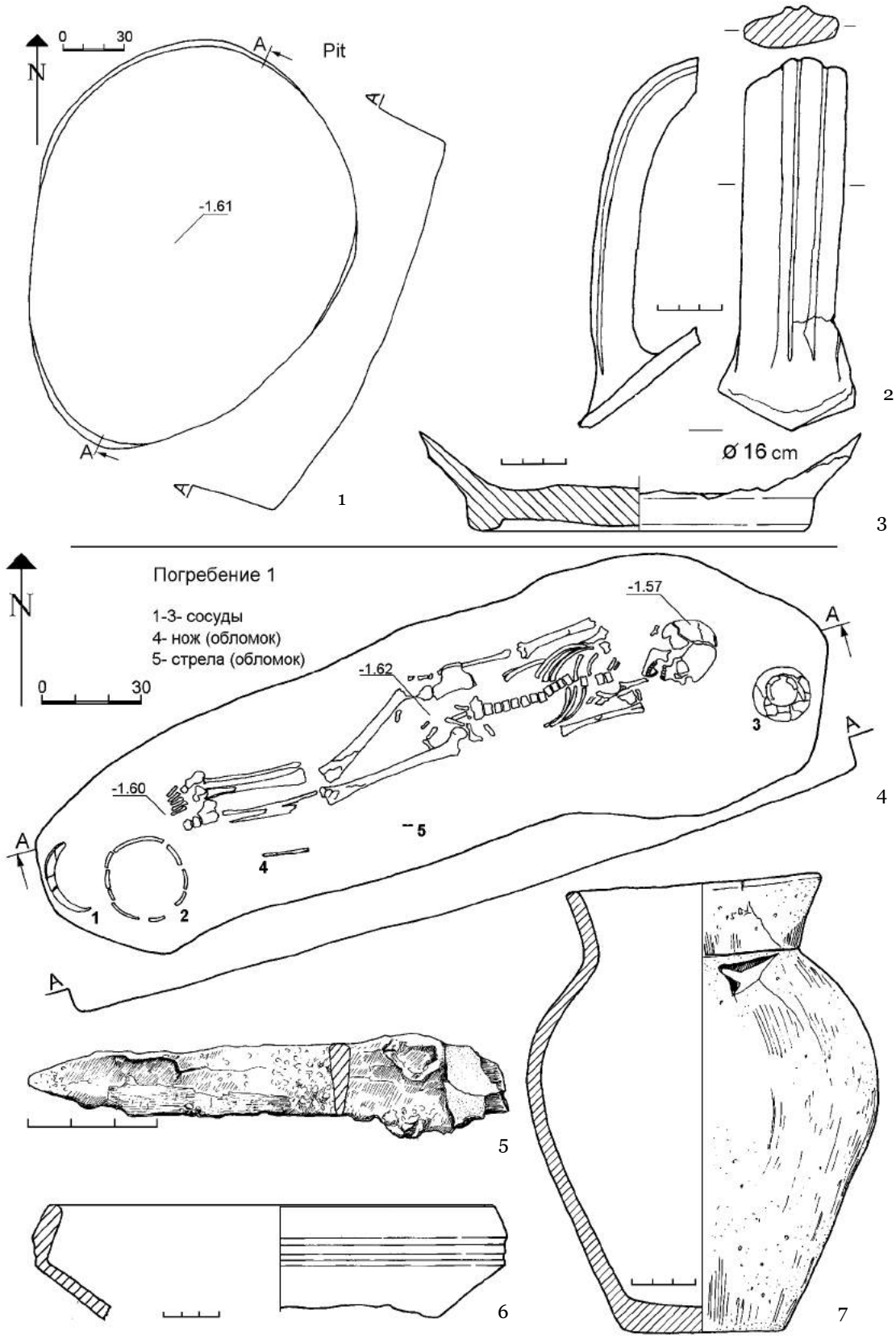


Рис. 2. Курган 2: 1 - яма 1, план и разрез; 2, 3 - объект 1, фрагменты красноглиняного кувшина; 4 - погребение 1, план и разрез; 5-7 - находки из погребения 1.

острым ребром в месте перехода в стенки. Выше ребра бортик украшен двумя широкими желобками. Диам. венчика 23,4 см, толщина стенок 1,0-0,5 см (рис. 2/6).

5. В 15 см к юго-востоку от черепа, вплотную к стенке ямы – лепной сосуд с плоским дном и высоким воронковидным горлом. На внешней поверхности следы заглаживания травой. Высота 21,5, диам. дна 8,0, диам. венчика 11,7 см (рис. 2/7).

Погребение 2

Расположено в центре насыпи, совершено в подбое. Длинной осью яма ориентирована по линии запад–восток с отклонением от оси 9°. Яма вытянутой прямоугольной формы со скругленной короткой восточной стенкой. Длина ее и форма западной стенки не восстанавливаются, поскольку в этой части яма разрушена грабительским ходом. Заполнение ямы состояло из рыхлой мешаной глины с незначительными вкраплениями мелких комков чернозема.

Длина пятна погребения вместе с примыкающим пятном грабительского хода составляла 2,85 м, ширина в сохранившейся части 0,85 м (рис. 3). Стенки грабительского лаза в западной части ямы вертикальные, западная стенка его сужается уступами. На глубине около 2,3 м, где лаз почти достиг уровня ступеньки, работа грабителей была прервана. По какой причине проникновение грабителей в погребение было прекращено, остается не выясненным.

Стенки ямы ровные, восточная вертикально, а северная слегка сужаясь, спускаются до глубины 2,37 м. Южная стенка до этой же глубины расширяется, образуя подбой глубиной до 0,15 м. На этой глубине вдоль северной стенки проходит ступень шириной 0,3 м. Ниже ступени дно по всей длине углублено до уровня около 3,0 м, образуя ступеньку высотой 0,45 м. Вход в подбой сделан под южной стенкой. Дно подбоя ровное, от низа ступеньки к задней стенке подбоя равномерно понижается в восточной части с глубины 2,87 до 2,98 м (рис. 3, разрез С–С). В западной части низ ступеньки на глубине 2,81 м, с этой отметки дно резко понижается к центру подбоя, а далее до задней стенки дно почти горизонтально (рис. 3, разрез В–В). Подбой овальной в плане формы, длинная ось его параллельна оси входной ямы, ширина от низа ступеньки до задней стенки 1,0 м. Длина подбоя 2,8 м, вероятно, равна длине входной ямы, но подбой смещен к востоку на 0,35 м. В результате под восточной стенкой образовалась ниша такой же глубины.

У задней стенки подбоя вытянуто на спине черепом к западу лежал костяк взрослой женщины. Череп на правой височной кости лицевым отделом к югу. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, кисть под правым тазобедренным суставом. Кости левой также параллельны туловищу, но на расстоянии 12-18 см от него, кисть на расстоянии 13 см от верхнего эпифиза левой бедренной кости.

Кости ног вытянуты параллельно друг другу, расстояние между стопами 5-7 см.

Под костями голеней и под костями предплечья левой руки на дне подбоя прослежен слой древесного тлена толщиной до 1,0 см. Древесный тлен такой же толщины перекрывал эти кости сверху. К западу от черепа погребенной дно подбоя было посыпано мелом на площади 20×40 см, толщина слоя подсыпки 0,2-0,5 см.

Инвентарь:

1. В 12 см к северу от черепа – железный черешковый нож с прямой спинкой. Сечение лезвия клиновидное, на черенке остатки дерева от рукояти. Дл. 13,4 см, ширина лезвия 1,7 см (рис. 4/4).
2. Вплотную к затылочной кости – полое височное кольцо из серебра. Трубочка, из которой сделано кольцо, свернута по длинной оси из тонкого листа металла и плакирована тонким слоем золота. Необработанный шов хорошо виден на внутренней стороне кольца. Диам. 3,7 см, диам. трубочки 0,75-0,85 см (рис. 4/5).
3. Второе такое же кольцо найдено под черепом при разборке костяка. Диам. 4,0 см, диам. трубочки 0,65-0,75 см (рис. 4/5).
4. На шейных позвонках – серебряная гривна. Сделана из перевитого прута, сечение которого в середине прямоугольное, а к концам переходит в квадратное. Самые кончики прута расплющены и закручены в колечки. Размер 20,9×14,6 см, сечение в центральной части 1,2×0,3 см, у концов около 0,3×0,3 см (рис. 7а).

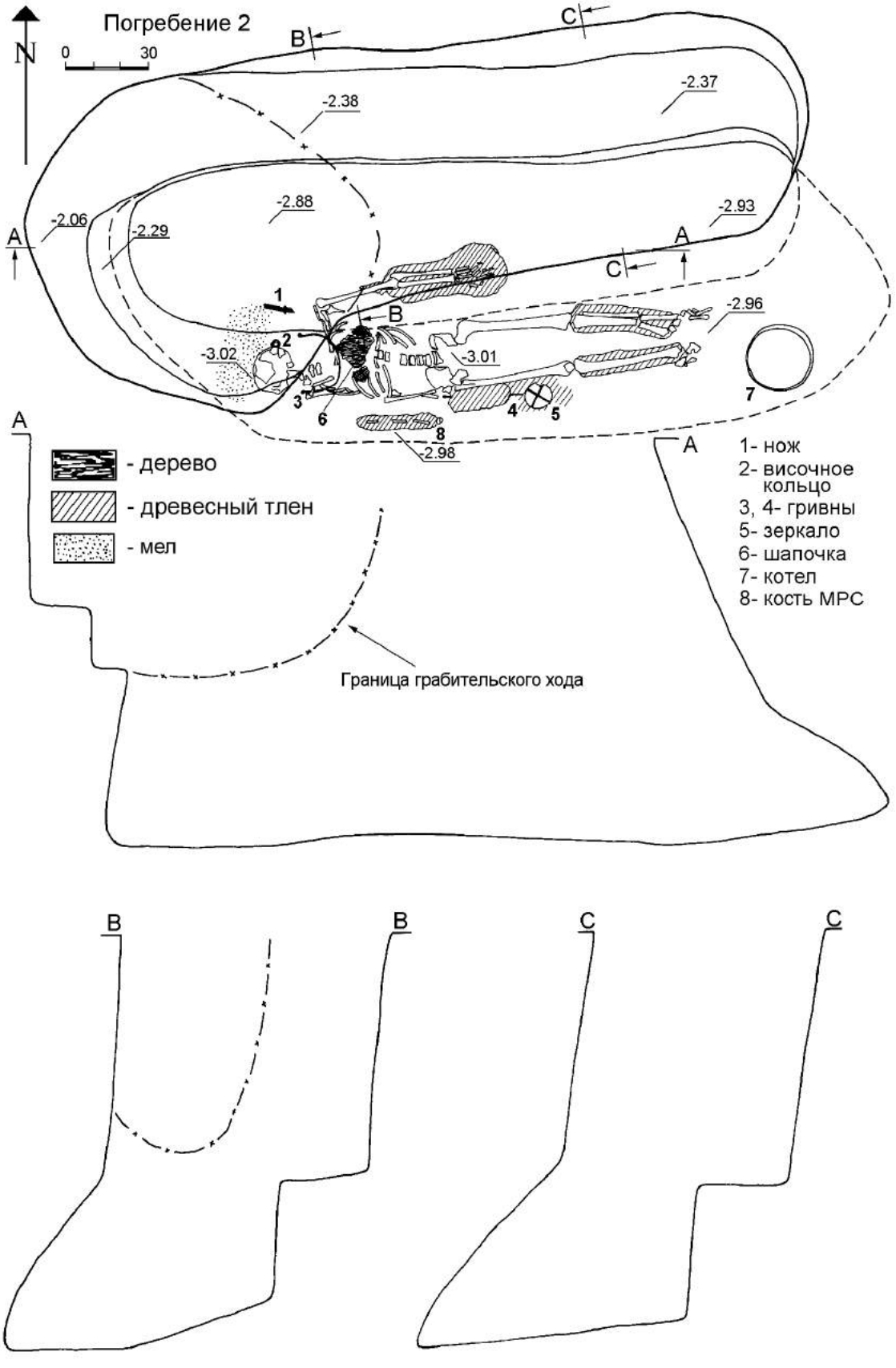


Рис. 3. Курган 2. Погребение 2, план и разрез.

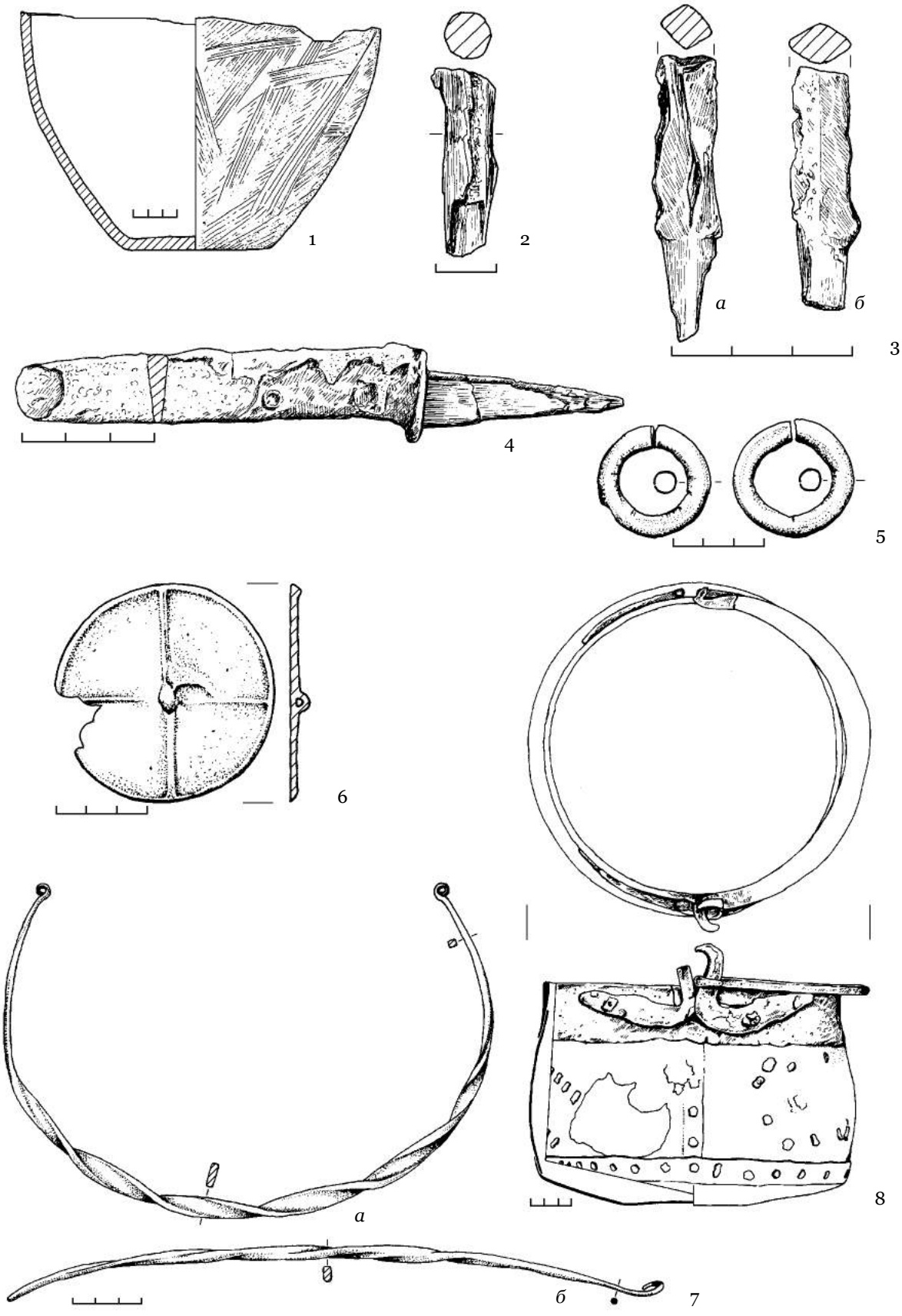


Рис. 4. Курган 2: 1, 2 - находки из погребения 1; 3-7 - находки из погребения 2.

5. Вдоль правой бедренной кости лежала вторая гривна, сделанная из перевитого прута, сечение которого в середине, где он перевит, прямоугольное, а к концам переходит в круглое, утончающееся до острого. Острый кончик прута загнут в петлю, второй – обломан. Гривна положена в могилу в распрямленном виде, под ней фиксировался слой древесного тлена толщиной до 0,5 см, такой же толщины древесный тлен перекрывал гривну сверху. Дл. 28,3 см, сечение в центральной части 0,7×0,4 см, диам. от 0,3 до 0,05 см (рис. 4/7б).
6. На том же слое древесного тлена у бедренной кости правой ноги – литое зеркало из белого сплава с центральной петлей. На оборотной стороне диска орнамент в виде радиального креста, бортик вдоль края выражен слабо, на некоторых участках периметра его вовсе нет, там поверхность просто повышается к краю диска. Часть диска в древности была утрачена, или это результат литейного брака. Края недостающего сектора отшлифовали, им придали фигурную форму. Диам. 7,2 см, толщина диска 0,3 см (рис. 4/6).
7. На грудной клетке фрагменты деревянного каркаса, войлока (?), ткани и серебряной с позолотой фольги от головного убора.

   Хорошо сохранилась конусообразная верхняя часть деревянного каркаса и подстилающая его ткань, сложенная в несколько слоев (рис. 5а). В центре конусообразной деревянной части сделано отверстие, в которое вставлен деревянный штырек (см. разрез на рис. 5). Отверстие, вероятно, предотвращало поломку детали при естественной деформации из-за повышения влажности или пересыхания дерева, а также служило пазом для вставки деталей головного убора.

   Снизу под слоем ткани виден фрагмент тканой ленты и обрывок веревочки. Ткань изготовлена на станке, на серебряной фольге заметны детали неопределяемого тисненого орнамента (рис. 5б). Размер верхней части 10,3×9,1 см, высота 5,0 см.
8. У костей стоп, вплотную к юго-восточной стенке подбоя, медный котел. Тулово с расширением в центральной части свернуто из цельного куска металла, соединенного заклепками по вертикальному шву. Дно выпуклое, с загнутыми вертикальными краями, изготовлено отдельно. Вертикальные края дна напущены сверху на тулово и соединены с ним заклепками.

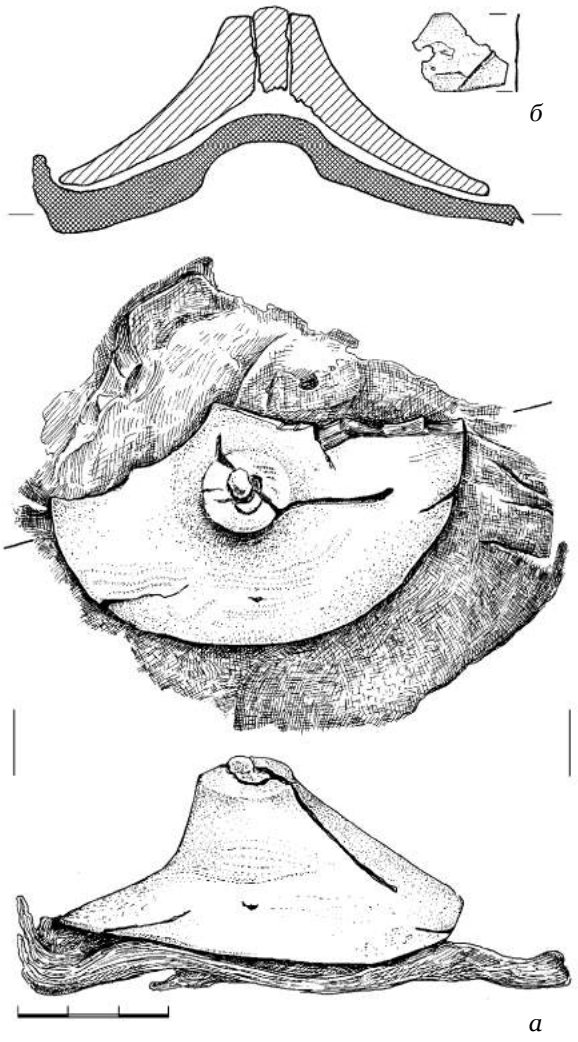


Рис. 5. Курган 2. Погребение 2, детали головного убора.

Сверху по периметру котел опоясан широкой железной полосой, которая образует его венчик. К противоположным сторонам железной полосы приклепаны, четырьмя заклепками каждая, кованые петли для ручки. Мобильная ручка железная, кованая, прямоугольная в сечении. Концы ее расклепаны, загнуты крючком и вставлены в петли.

Котел, вероятно, использовали долго: на тулове имеются несколько заплат из медного листа, которые приклепаны изнутри. Вы-

сота (без петель) 16,0 см, диам. дна 9,1 см, диам. устья 21,7 см. Ширина железной полосы 4,2-4,4 см, сечение ручки 2,0×0,9 см (рис. 4/8).

9. У костей предплечья правой руки, на слое древесного тлена толщиной 0,5-0,7 см, костяной предмет, изготовленный из длинной трубчатой (?) кости животного. Кость плохой сохранности, рассыпалась, назначение предмета не определено.
10. В заполнении могильной ямы выше ступеньки на разной глубине были найдены:

– обломок железного наконечника стрелы с частью черешка. Перо в сечении широкое ромбовидное. На черешке сохранились следы дерева от древка. Длина 4,6 см, сечение пера 0,8×0,9 см (рис. 4/3а);
– обломок железного наконечника стрелы с частью черешка. Перо в сечении ромбовидное, на черешке сохранились следы дерева от древка. Дл. 3,9 см, сечение пера 0,9×0,7 см. (рис. 4/3б).

Яма

Помимо двух погребений, под насыпью была расчищена яма. Она расположена в 12,7 м к северо-западу от центра насыпи. Пятно ямы в форме широкого неправильного овала было зачищено на уровне материка. Размер ямы 2,0×1,55 м, длинной осью она ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Стенки вертикальные, на отдельных участках сужаются к дну (рис. 2/1). Заполнение состояло из плотной мешаной глины.

Дно неровное, нарушенное многочисленными норами грызунов. Глубина дна в центре ямы 1,61 м, к стенкам дно повышается на 10-15 см.

Никаких находок в заполнении ямы и на дне не было.

Ров

Вокруг курганной насыпи был сооружен ров, выявленный на уровне материка. Выше он не прослеживался, т.к. верхняя честь была заполнена плотной черной землей без каких-либо вкраплений. Диаметр его невелик – 17,5-18,0 м (рис. 1/2).

Для фиксации характера заполнения рва при его исследовании были сделаны 8 разрезов, перпендикулярных периметру сооружения; 4 из них по странам света и четыре промежуточных по линиям СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ.

Верхний слой заполнения рва от уровня зачистки до глубины около 1,7-1,8 м состоит из плотной черной земли. Только на западном и южном профилях заполнения, из-за более высокого уровня зачистки рва, этот слой перекрыт слоем чернозема (рис. 6/2, 3). Ниже характер заполнения на отдельных участках рва различен. В южном и северном секторах оно состоит из рыхлой мешаной глины с включением прослоек чернозема, плотной мешаной глины и вкраплений чистой материковой глины. В придонной части залегали слои черной земли (на юге (рис. 6/3), юго-западе (рис. 7/2) и в северном секторе (рис. 6/4)) или плотной мешаной глины (на юго-востоке (рис. 7/3) и северо-востоке (рис. 4/4)). На самом дне рва по всему периметру, кроме северной (рис. 6/4) и северо-восточной (рис. 7/4) части, лежал тонкий слой чистой материковой глины.

Заполнение восточного и западного участков рва отличалось от описанного. В восточном профиле видно, что между верхним слоем затечного чернозема и слоем рыхлой мешаной глины залегает прослойка чернозема толщиной до 0,2 м. Ниже идет еще один слой черной земли, а далее до дна заполнение состоит из тонких перемежающихся прослоек материковой глины, чернозема и рыхлой мешаной глины (рис. 6/1). В западном профиле ниже черного затечного слоя до самого дна перемежаются тонкие прослойки материковой глины, рыхлой и плотной мешаной глины, черной земли (рис. 6/2). По характеру заполнения западный профиль самый «пестрый» из всех.

При небольшом диаметре – 17,5-18,0 м – глубина рва составляет до 2,5 м от современной дневной поверхности. Наименьшая глубина от вершины насыпи, 2,50–2,57 м, была в юго-западной части рва, наибольшая, 2,80-2,85 м, – в северной и северо-восточной части. Ширина по дну от 0,25 м в западной части до 0,6 м в восточной, стенки прямые, равномерно расширяются от дна до уровня предматерика, где ширина рва составляет 1,3-1,5 м. Там, где стенки были прослежены выше, в южном (рис. 6/3), западном (рис. 6/2) и юго-восточном (рис. 7/3) секторах, они резко расширяются к верху рва.

В северной части рва, симметрично оси север – юг, в его внешней стенке сделаны две ниши-ступеньки. Северо-западная расположена в

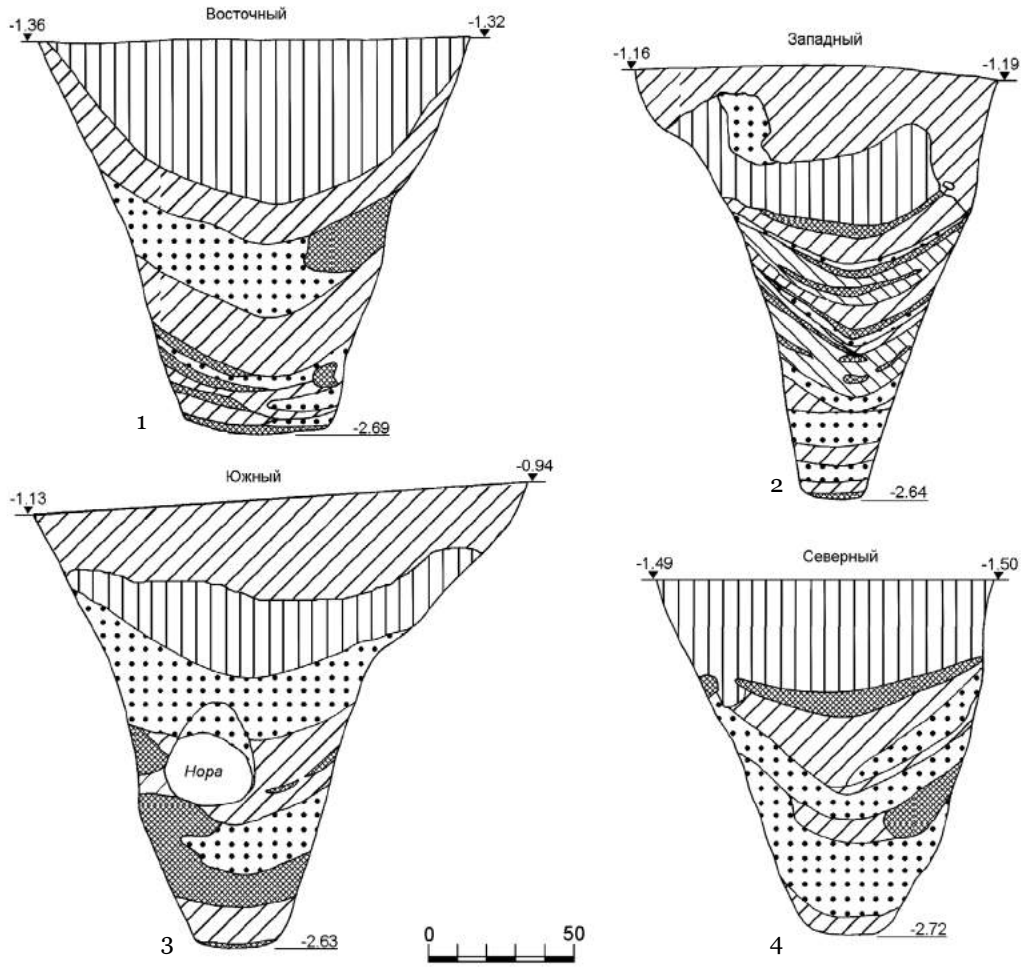


Рис. 6. Курган 2: 1-4 - разрезы заполнения рва.

3,5 м к западу от оси бровки. Дно ступеньки неровное, уровень его на 0,2 м выше уровня дна рва на этом участке, размер 0,8×0,55 м, глубина 2,68 м. Задняя стенка ниши расширяется к дну, образуя подбой глубиной до 10 см (рис. 7/6). Вторая ниша-ступенька расположена от оси север–юг в 4,5 м к востоку. Она меньшего размера, площадь ее 0,35-0,38×0,75 м, глубина 2,63 м, на 0,17 м выше уровня дна рва на этом участке (рис. 7/5). Ни в заполнении рва у ступенек, ни на них никаких находок не было. Назначение ниш-ступеней остается не определенным.

В заполнении рва были найдены отдельные кости животных и фрагменты керамики, зафиксированные и описанные как «объекты» (рис. 1/2).

Объект 1. В 10,2 м к ЗСЗ от центра насыпи в плотном черноземе на глубине 0,57 м зачищены фрагменты дна, стенок и ручки кружального красноглиняного кувшина. Ручка с вертикальным валиком на лицевой стороне. Высота сохранившейся части ручки 18,2 см, сечение овальное, 1,8×4,5 см. Дно на кольцевом поддоне, диам. 16,0 см (рис. 2/2, 3). Развал сосуда находился точно надо рвом, и можно уверенно связывать его с этим объектом.

Объект 2. В 7,7 м к ВСВ от центра насыпи на глубине 1,92 м найдены зуб и обломки трубчатой кости МРС и обломок трубчатой кости КРС.

Объект 3. В 9,5 м к ССВ от центра насыпи на глубине 1,19 м найден позвонок коровы или лошади.

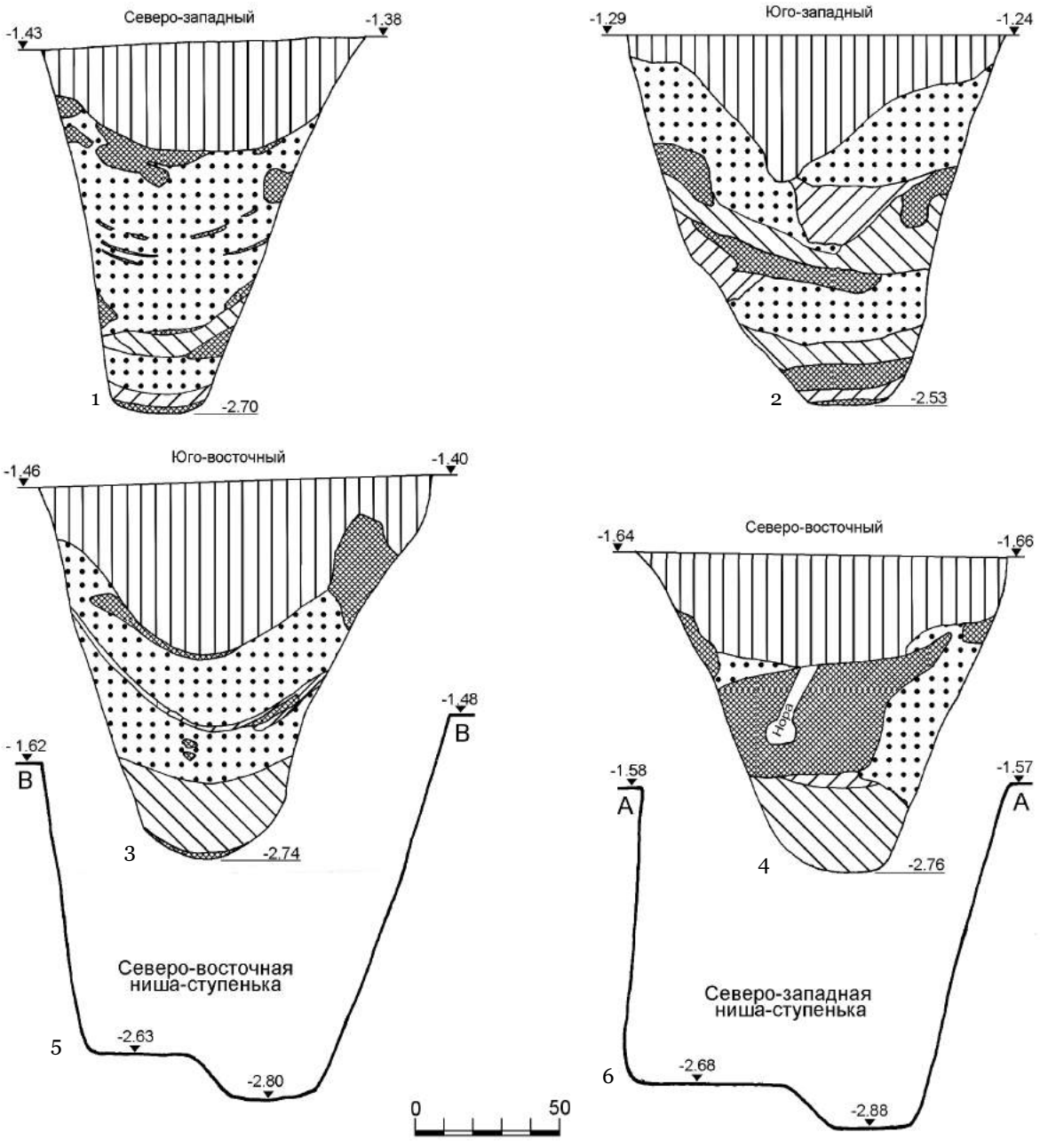


Рис. 7. Курган 2: 1-4 - разрезы заполнения рва; 5, 6 - сечение ниш в северной части рва.

Объект 4. В 7,2 м к ЮЮЗ от центра насыпи на глубине 1,66 м найдены неопределимые обломки костей животного.

Объект 5. В 10,0 м к СЗ от центра насыпи на глубине 1,9 м – обломок трубчатой кости коровы или лошади.

Объект 6. В 8,7 м к ЮЮЗ от центра насыпи на глубине 1,84 м – часть нижней челюсти и несколько костей конечностей лошади.

Объект 7. В 10,0 м к ЗСЗ от центра насыпи на глубине 2,51 м зачищен череп лошади, лежащий на левой стороне затылочной частью к центру кургана, мордой на запад. Рядом, в 8 см к северу, поясничный позвонок лошади.

Объект 8. В 9,8 м к западу от центра насыпи на глубине 2,21 м найден позвонок лошади или коровы.

Объект 9. В 8,7 м к ССВ от центра насыпи на глубине 1,95 м найдены два зуба лошади.

Объект 10. В 6,7 м к югу от центра насыпи на глубине 1,45 м найден обломок трубчатой кости овцы или лошади.

Объект 11. В 7,1 м к ВЮВ от центра насыпи на глубине 1,94 м найдена часть лопатки овцы.

Объект 12. В 6,1 м к ЮЮВ от центра насыпи на глубине 2,2 м найден позвонок лошади.

Объект 13. В 6,4 м к ЮЮВ от центра насыпи на глубине 1,65 м найдены обломки костей коровы или лошади.

Объект 14. Там же, под объектом 13 на глубине 2,14 м, слой пепла и золы светло-серого цвета толщиной 0,3–0,5 см, от сожженной травы.

Стратиграфические наблюдения позволяют восстановить последовательность совершения погребений в кургане. Заполнение могильной ямы погребения 1, датирующегося серолощеной миской с желобчатым бортиком первыми веками н.э., прослеживается в профиле перемычки от пахотного слоя. Вероятно, оно было совершено в каком-то естественном холме, и над ним насыпь не возводилась. Во всяком случае, судя по профилю, погребение 2 впускалось с того же уровня. Разница в характере заполнения верхней и нижней части ямы погребения 2 (ср. профиль перемычки на рис. 1) связана с тем, что в перемычке сохранилась часть широкого грабительского лаза. Ниже, на уровне материка, когда было определено пятно ямы, широкий лаз был сужен до небольшой круглой в плане шахты (см. выше, описание погребения 2).

Ряд признаков позволяет соотнести погребение 2 из кургана 2 могильника Кисляковский 13 с половецкими захоронениями эпохи до монгольских завоеваний.

В Волго-Донском междуречье, где концентрация половецких захоронений особенно велика, количество исследованных комплексов составляет около 300, причем 2/3 из них являются впускными в насыпи курганов более раннего времени. Традиция использования уже существующих курганных насыпей прослеживается у кочевого населения степей Евразии и в предшествующие эпохи, причем связывается с периодом начального освоения территории пришлым населением (Раев 2014, 188). Некоторые из половецких захоронений междуречья Волги и Дона обнаруживают значительное сходство с Кисляковским. Близким по характеру сопровождающего инвентаря является погребение из курганного могильника Колдыри, которое было окружено рвом, правда, без каких-либо находок в его заполнении. Само погребение было перекрыто тонкими плашками, на дне могилы фиксировалась камышовая прослойка, под которой сохранилось несколько фрагментов деревянных дощечек от погребальных носилок (Беспалый 1983, 20-23, Альбом, рис. 64-65, 67-72, 74).

Инвентарь женского захоронения в Кисляковском кургане представлен достаточно стандартным для половецких погребений набором вещей. По общим характеристикам погребение можно отнести к элитным захоронениям среднего уровня, так как в наборе вещей отсутствуют детали конской упряжи и само захоронение коня. Из набора вещей, которые положены в могилу, котел и две гривны, одна из которых распрямлена, являются показателем довольно высокого социального положения погребенной. Таких комплексов в степной зоне Восточной Европы насчитывается менее десяти. Территориально они группируются в районах Нижнего Дона и в Прикубанье.

Особенно показательной является находка пары гривен, определяющих высокое социальное положение погребенной. Широкое распространение гривен у кочевого населения отмечала С.А. Плетнева (1990, 45, 71), но именно распрямленные гривны служили символом высокого положения, указывали на принадлежность к аристократии, а у мужчин этот символ подчеркивал право владеть определенным количеством людей. Наличие распрямленной гривны в женском погребении могло быть показателем не только принадлежности погребенной к половецкому обществу, но и наличия у нее определенной власти (Плетнева 2003, 162-164). Общепризнанным считается факт заимствования этого украшения кочевниками у славянского населения Восточной Европы. Так, авторы соответствующего раздела в «Археологии Украинской ССР» отмечают, что гривна не является для кочевого населения типичным украшением и была заимствована при установлении контактов со славянами (Моця, Козловский, Рут-

ковская 1986, 511). К такому же варианту заимствования гривен склоняется и А.В. Евглевский (1988, 146-147).

Бронзовый котел с железной ручкой можно отнести к подтипу I типа II классификации М.Л. Швецова (Швецов 1980, 196). Это котлы, или казаны, подцилиндрической формы, которые изготовлены из нескольких листов бронзы или меди, соединенных между собой заклепками в один ряд. В одном случае, у котла из погребения 3 кургана 1 могильника Ажинов I, отмечена оковка края венчика и дна железной полоской (Мошкова, Максименко 1971, 11, табл. IV/7, 8). Нужно отметить тот факт, что казаны в быту кочевников были распространены и в более ранние периоды. С.А. Плетнева упоминает о котлах похожих форм, изготовленных в той же технике, происходящих из комплексов салтовской культуры VIII-X вв. (Плетнева 1960, 154).

Котлы, по форме близкие Кисляковскому, происходят из комплексов XII - начала XIII вв., исследованных в Подонье и Волго-Донском междуречье. Так, в погребении у г. Ростова-на-Дону был найден аналогичный котел, тулово которого изготовлено из соединенных клепкой пластин, устье опоясано широкой железной пластиной, к которой приклепаны петли для железной дуговидной ручки (Прокофьев, Трубников 2008, 136, рис. 1/2). Еще один казан был найден в погребении 2 кургана 1 могильника Нижняя Добринка. Изготовлен он из листовой меди способом стыковки зубцов. Тулово имеет цилиндрическую форму, дно выгнуто наружу. В верхней части стенок прикреплены две железные петли, в которых закреплена дуговидная железная ручка[1].

В более позднее время, с началом золотоордынского завоевания, традиция помещения котла в погребение сохраняется, но изменяются формы казанов и технология их изготовления: корпус становится цельнокованым или пластины, из которых он собирался, соединены не заклепками, а спаяны.

Казан небольших размеров с округлым дном и сужающимися к устью стенками, спаянный из отдельных листов бронзы, был найден в курганном могильнике Высочино II в мужском погребении 1 кургана 11. В верхней части к противоположным стенкам приклепаны два железных ушка, в которые вставлена дуговидная железная ручка (Беспалый, Лукьяшко 2008, 44). Наличие в инвентаре костяных орнаментированных накладок на колчан позволяет датировать это погребение начальными этапами золотоордынских завоеваний в Восточной Европе (Федоров-Давыдов 1974, 168). Цельнокованые казаны с железными ручками были обнаружены на юге Воронежской области, в мужском погребении в кургане 2 и в женском погребении в кургане 3 могильника Высокая Гора (Кравец, Березуцкий, Бойков 2000, 117, рис. 4/10; 122, рис. 7/1).

В состав погребального инвентаря Кисляковского погребения входит зеркало из белого сплава, у которого отсутствует небольшой фрагмент диска. Такой же дефект – результат литейного брака – есть у аналогичного зеркала, найденного в женском погребении 1 кургана 7 могильника Колдыри (Беспалый 1983, 22, Альбом, рис. 74)[2]. У обоих зеркал дефектные края заглажены, им придана фигурная форма, после чего они, как предметы малопригодные в бытовом использовании, были положены в погребения. Зеркала с похожим орнаментом встречаются в могильниках Волго-Донского междуречья. Одно зеркало было найдено в погребении 1 кургана 70 могильника Бахтияровка. Диск зеркала без литейного брака, на оборотной стороне орнамент в виде креста и ушко в центральной части (Кригер 1984, 30, рис. 102, 107/10). В погребении вместе с зеркалом были найдены два дирхема Джанибека, и один – Бердибека. Последний – чеканки 1357-1358 гг., что и определяет *terminus post quem* для этого захоронения. Большое количество таких зеркал встречено при раскопках Болгара (Полякова 1996, 223, рис. 69/16). Встречаются они и на территории Приазовья, Нижнего Дона, Калмыкии (Пьянков, Раев 2004, 221, рис. 2/1 и предшествующая литература). Зеркала такого типа были распространены у кочевого населения Золотой Орды, как элемент материальной культуры, заимствованный у предшествующего населения – хазар и половцев. Г.А. Федоров-Давыдов отмечал наличие изображения зеркала

[1] Материал не опубликован, хранится в фондах Волгоградского областного краеведческого музея.

[2] В тексте отчета зеркало описано как «бронзовое посеребренное», что маловероятно.

с орнаментом в виде креста на каменных половецких изваяниях (Федоров-Давыдов 1966, 170, рис. 26/3-4).

Головной убор, найденный в погребении, сохранился в виде деревянной основы с подкладкой из войлока и ткани. Точных аналогий в археологическом материале найденному головному убору нам неизвестно. Встречаются близкие по форме и материалу шапочки, но у них есть очелье, или так называемое «рогатое» украшение. Находки подобных украшений были сделаны в упомянутых погребениях у с. Пришиб в Воронежской области и в кургане у с. Верхняя Тарасовка в Среднем Поднепровье (Швецов 1993, 108, рис. 1/1-7). Здесь были найдены фрагменты кожаных шапочек с очельем и с фрагментами «рогов», шелк и парча, которыми покрывался верх шапочки, и элементы креплений в виде плотных нитей и пластин. Однако основным источником для реконструкции внешнего вида половецкого головного убора являются каменные изваяния. Женщины на них изображены в богатых одеяниях, и обязательно в головных уборах. На изваяниях можно увидеть высокую шапку с плоским верхом и изогнутыми полями, из-под которых по плечам спускается косынка (Плетнева 1974, 117, табл. 1/2; 119, табл. 3/11). Этот тип головного убора относится к домонгольскому периоду – XII - началу XIII века.

В период со второй половины XIII века и в более позднее время находки аналогичных головных уборов в археологическом контексте неизвестны. С приходом монголо-татар материальная культура половцев растворяется в привнесенной культуре завоевателей. С этого времени в ней переплетены традиции ислама, культурные традиции глубинной Азии и сохранившиеся традиции племенных культов кочевников-половцев. Эти тенденции ярко отражены и в традиционной одежде. Женские головные уборы золотоордынской знати восходят к традиционным головным уборам Китая. В сочинениях Ибн Батутты есть описание традиционной шапочки-бокка: «На голове хатуни – бугтак, т.е. нечто вроде маленькой короны, украшенной драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху… На голове визирши и хаджибы шелковое покрывало, убранное по краям золотом и драгоценными камнями. У каждой из «дочерей» на голове шапочка, похожая на колпак, с золотым венчиком поверху, который украшен драгоценными камнями, и с павлиньими перьями над ними…» (Цит. по: Тизенгаузен 1884, 292-293). Китайские головные уборы детально прорисованы на средневековых портретах императриц династии Юань (Ср.: Dschingis Khan 2005). Таким образом, как по внешнему виду, так и по конструктивным особенностям женские головные уборы половецкой знати не имеют аналогов в более позднее время и отождествление их с шапочкой-бокка лишено оснований.

Весь комплекс находок дает основания отнести время совершения захоронения в погребении 2 кургана 2 могильника Кисляковский 13 к рубежу XII-XIII веков.

Особенностью Кисляковского кургана является наличие глубокого рва. По статистике половецких подкурганных погребений, окруженных рвом, насчитывается чуть больше 40. Большая часть из них тяготеет к бассейну Дона и Волго-Донскому междуречью. Помимо упомянутого кургана в могильнике Колдыри, это захоронения в могильниках Ясырев I (Семенов 1988, 104-105, рис. 4а, № 98), Кастырский 5 (Житников 1985, 137), Кривая Лука XXVII (Федоров-Давыдов 1984, 80 и сл.) и др. При этом рвы сооружались вокруг насыпей, в которых половецкие погребения были как основными, так и впускными.

Судя по характеру залегания слоев в придонной части рва, образоваться они могли только при одновременном затеке грунта с наружной и внутренней стороны сооружения. То есть при его сооружении грунт складывался не только на насыпь, но и кольцом по внешнему периметру рва. Характер заполнения в целом позволяет предположить, что ров долгое время стоял открытым и заполнялся затечным грунтом. Позже этот грунт был перекрыт слоем глины (выкид из погребения 2?), глубина залегания которой совпадает с глубиной, на которой в заполнении рва находились остатки тризны (кости животных).

Не исключено, что описанная площадка, окруженная рвом, какое-то время использовалась как святилище, после чего в нем было совершено погребение знатной половчанки и произведена досыпка насыпи.

Библиография

Беспалый 1983: Е.И. Беспалый, Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 году. Архив Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, № 10190/83, 84.

Беспалый, Лукьяшко 2008: Е.И. Беспалый, С.И. Лукьяшко, Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник Высочино (Ростов-на-Дону 2008).

Евглевский 1988: А.В. Евглевский, Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв. Археологический альманах, № 7 (Донецк 1988), 141-156.

Житников 1987: В.Г. Житников, Раскопки курганов в зоне Константиновской оросительной системы. В сб.: Археологические открытия 1985 года (Москва 1987), 137.

Кравец, Березуцкий, Бойков 2000: В.В. Кравец, В.Д. Березуцкий, А.А. Бойков, Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области. Донская археология 3-4, 2000, 114-127.

Кригер 1984: В.А. Кригер, Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 году.

Мошкова, Максименко 1974: М.Г. Мошкова, В.Е. Максименко, Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. В сб.: Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II (Москва 1974), 5–79.

Моця, Козловский, Рутковская 1986: А.П. Моця, А.А. Козловский, Л.М. Рутковская, Памятники кочевых племен Степного Поднепровья IX-XIII вв. В кн.: Археология Украинской ССР, т. 3 (Киев 1986), 504-512.

Плетнева 1960: С.А. Плетнева, От кочевий к городам. МИА, вып. 142 (Москва 1960).

Плетнева 1974: С.А. Плетнева, Половецкие каменные изваяния. САИ. Е 4-2 (Москва 1974).

Плетнева 1990: С.А. Плетнева, Половцы (Москва 1990).

Плетнева 2003: С.А. Плетнева Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV-XIII века (Воронеж 2003).

Полякова 1996: Г. Ф. Полякова, Изделия из цветных и полудрагоценных металлов. В кн.: Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков (Казань 1996), 154-258.

Прокофьев, Трубников 2008: Р.В. Прокофьев, В.В. Трубников, Позднекочевническое погребение у Ростова-на-Дону. В сб.: Военная археология, вып 1 (Москва 2008), 135-141.

Пьянков, Раев 2004: А.В. Пьянков, Б.А. Раев, Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск). В сб.: Материалы по археологии Волго-Донских степей (Волгоград 2004), 219-250.

Раев 2014: Б.А. Раев, Археологические данные к проблеме взаимоотношений кочевого и оседлого населения варварской периферии античного мира. В сб.: Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа 2014), 183-190.

Семенов 1988: А.И. Семёнов, К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. АСГЭ 29, 1988, 97-111.

Тизенгаузен 1884: В.Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т.1. Из сочинения Ибн Баттуты «Порядок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» (Санкт-Петербург 1884).

Федоров-Давыдов 1966: Г.А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Москва 1966).

Федоров-Давыдов 1974: Г.А. Федоров-Давыдов, Города Поволжья в средние века (Москва 1974).

Федоров-Давыдов 1984: Г.А. Федоров-Давыдов, Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье. В сб.: Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник (Кемерово 1984), 80-94.

Швецов 1980: М.Л. Швецов, Котлы из погребений средневековых кочевников. СА 2, 1980, 192-202.

Швецов 1993: М.Л. Швецов, О головном уборе половчанки. В сб.: Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск 1993), 104-114.

Dschingis Khan 2005: Dschingis Khan und seine Erben: das Weltreich der Mongolen (München 2005).

Mormântul cuman din tumulul 2 al necropolei Kisljakovskij 13 (regiunea Krasnodar)

Cuvinte-cheie: regiunea Krasnodar, înmormântări cumane din sec. XII-XIII, piese de podoabă, înmormântări tumulare ale nomazilor, sanctuare tumulare.

Rezumat: Necropola tumulară Kisljakovskij 13 a fost cercetată în anul 2008 de către expediţia Centrului ştiinţific de Sud al Academiei de Ştiinţe a Rusiei. Sub mantaua tumulului 2 au fost descoperite două înmormântări. Prima a fost atribuită epocii fierului, care, conform inventarului, se încadrează în primele secole ale erei noastre. Cea de-a doua, care prezintă subiectul articolului de faţă, a fost datată cu epoca medievală.

Înmormântarea a fost realizată într-o groapă cu nişă laterală. A fost atestată o tentativă de jefuire, însă aceasta nu a afectat mormântul, care a rămas intact.

În mormânt a fost descoperit scheletul unei femei de 35-40 de ani, depus pe spate cu capul orientat spre vest. Inventarul bogat consta dint-un cazan de bronz, un cuţit din fier şi din piese de podoabă şi toaletă (două torquesuri din argint, inele de tâmplă şi o oglindă). Pe cutia toracică a defunctei au fost atestate rămăşiţele unei construcţii de lemn, bucăţi de pânză şi de la o folie de argint aurită, ce a aparţinut unei piese de coifură.

În jurul tumulului a fost săpat un şanţ în care, în partea de nord, au fost săpate două trepte. În umplutura şanţului au fost descoperite urme ale ceremoniei funerare – oase de animale şi fragmente de ceramică.

Şanţul se evidenţiază prin calitatea lucrărilor de amenajare şi prin construcţia sa unicală. Plecând de la situaţia stratigrafică, s-a constatat că solul extras din şanţ a fost depus atât în mantaua tumulului, cât şi la exterior, formând în aşa fel un cerc. De asemenea, s-a stabilit că şanţul a rămas deschis o perioadă îndelungată.

Inventarul mormântului este caracteristic pentru înmormântările cumane din sec. XII-XIII, iar bogăţia lui vorbeşte despre statutul social înalt al defunctei.

Nu se exclude faptul că platforma înconjurată de şanţul amintit, a reprezentat iniţial un loc de cult (sanctuar), iar ulterior fiind realizată înmormântarea unei cumane înstărite.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Necropola tumulară Kisljakovskij 13: 1 - locul amplasării necropolei; 2 - tumulul 2, plan general.

Fig. 2. Tumulul 2: 1 - groapa 1, plan şi profil; 2, 3 - fragmente de urcior din complexul 1; 4 - mormântul 1, plan şi profil; 5-7 - obiecte din mormântul 1.

Fig. 3. Tumulul 2. Mormântul 2, plan şi profil.

Fig. 4. Tumulul 2: 1, 2 - piese din mormântul 1; 3-7 - piese din mormântul 2.

Fig. 5. Tumulul 2. Mormântul 2, detalii ale piesei de coifură.

Fig. 6. Tumulul 2: 1-4 - secţiuni prin umplutura şanţului.

Fig. 7. Tumulul 2: 1-4 - secţiuni prin umplutura şanţului; 5, 6 - secţiuni ale părţii de nord a şanţului.

A grave of a Cuman noble woman in the Kislyakovsky 13 kurgan cemetery (Krasnodar Kray)

Keywords: Krasnodar Kray, Cuman burials of the 12th-13th centuries, personal adornments, kurgan nomadic burials, kurgan sanctuaries

Abstract: The Kislyakovskiy 13 kurgan cemetery was excavated in 2008 by an expedition of the Southern Scientific Center, RAS. Kurgan 2 contained two graves – one dated to the first centuries AD, the other to the Middle Ages, when the North Black Sea steppes were inhabited by the nomadic Polovets tribes. This article discusses grave 2.

The burial was made in a chamber in the form of a niche. Robbers destroyed one of the grave's walls but the burial remained undisturbed.

The buried woman of 35-40 years old was laying extended on back, head to west. Decayed wood from the funerary stretchers preserved under the skeleton. The rich grave goods included a bronze cauldron, an iron knife, two silver torques, hair rings, and a mirror. Fragments of the wooden frame, felt, textile, and gilded silver foil from a headdress preserved in area of the woman's chest.

The kurgan was encircled by a ditch; its northern part had two ledged niches made in the outer wall. Animal bones and ceramic shards with remains of the funerary feast were unearthed on the ditch bottom.

The ditch was thoroughly made and has unique construction features. Judging by its lower layers, the dug-out soil was stacked not only on the kurgan's surface but also round the ditch's outer perimeter. The ditch remained opened for a long time and was gradually filled with flooded soil.

Grave goods are typical for the Cuman graves of the 12th - early 13th centuries. The assemblage suggests a high social status of the buried woman. It is possible that for some time the area surrounded by the ditch was used as a sanctuary; afterwards the burial of a noble woman was performed, the kurgan was covered with a layer of soil.

List of illustrations:

Fig. 1. Kislyakovskiy 13 kurgan cemetery: 1 - location of the cemetery; 2 - kurgan 2, general plan.

Fig. 2. Kurgan 2: 1 - pit 1, plan and cross-section; 2, 3 - object 1, shards of a red clay jug; 4 - grave 1, plan and cross-section; 5-7 - finds from grave 1.

Fig. 3. Kurgan 2. Grave 2, plan and cross-section.

Fig. 4. Kurgan 2: 1, 2 - finds from grave 1; 3-7 - finds from grave 2.

Fig. 5. Kurgan 2. Grave 2, fragments of a headdress.

Fig. 6. Kurgan 2: 1-4 - cross-sections of the ditch.

Fig. 7. Kurgan 2: 1-4 - cross-sections of the ditch; 5, 6 - cross-section of niches in the northern part of the ditch.

20.10.2017

Др. Борис Раев, Археологическая лаборатория, Южный научный центр Российской Академии наук, пр., Чехова, 41 346006 Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: boris_raev@mai.ru

Максим Белов, Археологическая лаборатория, Южный научный центр Российской Академии наук, пр., Чехова, 41 346006 Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: mmmaxxx8422@rambler.ru

Анна Жадаева, ООО «Кубаньархеология», Кубанская набережная, 37/11, 350063 Краснодар, Россия,
e-mail: jadaevaanna@yandex.ru

ВЫСТАВКА «ВИЗАНТИЯ СКВОЗЬ ВЕКА» В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Юрий Пятницкий

Ключевые слова: Византия, византийская выставка, Государственный Эрмитаж, выставочный дизайн, наследие Греции, византийское искусство, иконы.

2016 год был перекрестным годом обменных культурных мероприятий между Грецией и Россией. В рамках этого года в Государственном Эрмитаже проходила выставка «Византия сквозь века». В конечном результате это был совместный проект музея и Министерства культуры и спорта Греческой Республики – проект, прошедший довольно сложный и ухабистый путь, но закончившийся исключительно успешным результатом. Работа над выставкой в течение трех лет имела различные стадии, и то заходила в безнадежный тупик, то приводила в отчаяние нарушением достигнутых с большим трудом договоренностей, то поражала внезапными компромиссами и уже неожидаемой щедростью. Впрочем, все кому довелось работать над крупной международной выставкой, сталкивался с подобными проблемами и прекрасно знает, какие непредсказуемые повороты ожидают куратора на пути реализации таких проектов. В данном конкретном случае было несколько специфических особенностей, наложивших отпечаток на совместную работу. Во-первых, Эрмитаж работал не с конкретными музеями и библиотеками напрямую, а только с Отделом выставок Министерства культуры и спорта Греции, что удлиняло процесс и усложняло достижение компромисса относительно конкретных предметов. Во-вторых, в процессе переговоров стало понятно, что предлагаемые греческой стороной варианты концепций и списки предметов были изначально обречены на провал, поскольку не учитывали особенности восприятия Православного искусства в России и уровень собственной византийской коллекции Эрмитажа – одной из лучших в мире. Практически в течение всего подготовительного периода и даже во время монтажа экспонатов эрмитажникам пришлось «бороться» с амбициями штатного архитектора Отдела выставок Министерства культуры и спорта Греции; по-человечески ее желание быть дизайнером выставки в прославленном Эрмитаже вполне понятно и объяснимо, но, к сожалению, ее взгляд на экспозицию и предложения по оформлению не соответствовали задачам проекта и не учитывали особенности парадных залов Зимнего дворца. В процессе подготовки проекта нам пришлось отказаться от памятников второй половины XV-XVII веков, и сосредоточить внимание на произведениях собственно византийского периода. Тем самым были значительно ограничены возможности неожиданных «замен» одних произведений на другие. Вместе с тем, окончательное согласие на предоставление целого ряда важных «знаковых» икон было достигнуто практически в самый последний момент и лишь благодаря благосклонному решению министра культуры и спорта Греции А. Балтаса.

Хотя подобные трудности характерны для всех выставочных проектов, о них редко упоминают; в результате не только у рядового посетителя, но и у определенной категории специалистов, например, у преподавателей учебных заведений, складывается искаженное представление о процессе подготовки выставок. В частности, о «Византия сквозь века» пришлось услышать недовольство одного из московских профессоров: «А что, ничего другого, поинтереснее, нельзя было выбрать в музеях Греции»? У автора этих слов было четкое представление, что для организации международной выставки куратор ездит по странам, осматривает экспозиции и фонды музеев и выбирает то, что ему понравится. На самом деле, конечно, это не так. Хотя осведомленность о том, что хранится в музеях, естественно, необ-

ходима, но достигается она, в первую очередь, хорошим знанием научной литературы, особенно каталогов и публикаций в периодике. Когда куратором выставки выступает специалист-музейщик, он пристальное внимание обращает на сохранность экспоната и возможность его транспортировки. Нередко приходится с печальным вздохом отказываться от выигрышного, но хрупкого или сложного по состоянию сохранности предмета, понимая, что главная задача музея – сберечь произведение искусства для потомков. Поэтому так неприятно слышать на выставках замечания посетителей: «А в таком-то музее есть иконы и получше...»; а особенно неприятно слышать это от людей, мнящих себя профессионалами.

Другая проблема, с которой приходится сталкиваться устроителям выставок – это восприятие экспозиции. Как ни покажется странным, но наиболее негативно к выставке обычно относится посетитель-специалист, который часто воспринимает ее с позиций своих меркантильных интересов. Например, чтобы преподавателю вуза было удобно вести занятие на выставке для студентов, чтобы экспонаты были расположены так, как необходимо ему для лекции и так далее. Иногда специалисты сетуют, что стекло мешает им разглядывать икону, а запрет на фотографирование «ущемляет их профессиональные права». В частности, в Эрмитаже одна «научная дама» возмущалась, что она «не может сделать стилистический анализ живописи, поскольку она не имеет фотографий с деталями иконы», а стилистический анализ она делает исключительно по фотографиям. Безусловно, одна из задач любой выставки – дать возможность посетителю, в том числе и историкам искусства, увидеть собственными глазами подлинное произведение, однако, нередко метафору «прикоснуться к шедевру» многие воспринимают почему-то в самом прямом смысле. Как бы ни были странны или даже анекдотичны многие высказывания и требования посетителей и коллег, вместе с тем, они отражают определенный взгляд на работу куратора выставки.

Организация в Эрмитаже совместной греко-российской выставки, посвященной искусству Византии – задача чрезвычайно сложная. С конца 1990-х годов в США и Европе были реализованы крайне успешные международные проекты, посвященные Византии, на которых были собраны самые знаменитые шедевры из многих стран. В первую очередь, это выставки в музее Метрополитен в Нью-Йорке «The Glory of Byzantium», 1997 и «Byzantium. Faith and Power», 2004; «Holy Image. Hallowed Ground», 2006 в Музее Поля Гетти в Лос-Анджелесе, «Byzantium», 2008 в Королевской Академии в Лондоне, «De Byzance à Istanbul», 2009 в Гранд Пале в Париже и «From Byzantium to Istanbul», 2010 в музее Сакип Сабанчи в Стамбуле, «Transition to Christianity», 2011 в Центре Александра Онассиса в Нью-Йорке, «Heaven and Earth», 2013 в Вашингтоне и Лос-Анджелесе; а также группа выставок в Греции: «Treasures of Mount Athos», 1997 и «Everyday Life in Byzantium», 2001 в музее Византийской культуры в Фессалониках, «Mother of God», 2000 в музее Бенаки, «Byzantium: An Oecumenical Empire», 2001 и «A Mystery Great and Wondrous», 2001 в Византийском и Христианском музее в Афинах. Эрмитаж не имел возможности пойти аналогичным путем и собрать самые лучшие памятники из разных музеев мира. Могли быть использованы только собственное собрание Эрмитажа и те произведения из хранилищ Греции, которые согласится дать Министерство культуры и спорта. Хотя наш музей обладает одной из лучших в мире коллекций византийского искусства, но, по нашему мнению, в совместном проекте эрмитажные предметы не должны были доминировать, не должны были «задавить» экспонаты, предоставленные греческой стороной. К счастью, фонды позволили показать публике неизвестные или малоизвестные византийские иконы, которые помогли отразить многообразие иконописных центров Византии, а также представить образцы ранневизантийского серебра из находок XIX века в Крыму и в Молдавии. Учитывая вышеизложенное, понятно, что идти по традиционному пути показа византийского искусства было нельзя, ведь сравнение с перечисленными выставками было неизбежно, и оно было бы не в пользу Эрмитажа. Выставка Православного искусства в России, а именно таким является искусство Византии, дело одновременно и простое и сложное. С одной стороны, вековые традиции византийской культуры в Древней Руси, с другой – борьба за церковную незави-

симость и 70 лет Советской власти; Византия и Православие постоянно «на слуху», но часто рассуждающие о них проявляют незнание самых элементарных основ.

Византия была Великой державой, возникшей в результате разделения Римской империи в 395 году на две части: Западную и Восточную. Именно последняя, со столицей в Константинополе (Царьград в русских летописях), более десяти столетий контролировала политику, торговлю и культуру Европы и Средиземноморья. Построенный императором Константином Великим в 324/330 годах на берегах Босфора, в месте соединения Азии и Европы, Константинополь поражал своим благоустройством, пышностью и великолепием, стал манящей сказкой-легендой для всего Средневекового мира. Византия соединила в себе роскошь древних восточных культур, римскую логику и практичность, изысканность и тонкость эллинизма, классику Древней Греции. Государство, которое сами византийцы называли «Ромейская империя», было полиэтничным; все были равноправными гражданами империи, представителями цивилизованного мира. Возникло даже понятие «византийское содружество наций». Важным, хотя и не единственным, фактором объединения было Православие. Особую славу приобрело византийское искусство, поражавшее несравненной красотой, эстетикой и изысканным художественным языком. Оно органично, пропорционально, взвешенно, отличается тонким сочетанием формы и цвета; художественные эффекты и высокая духовность характерны даже для светских предметов. Удивительно прекрасное византийское искусство часто бывает довольно сложным в восприятии, поскольку по своей сущности это искусство ассоциативно-эмоциональное. В нем много условного, например, стабильность иконографии, дающая быструю узнаваемость сюжета; но именно это позволяло мастерам сосредоточить свое внимание на эстетических и художественных аспектах произведения.

Искусство Византии нередко ассоциируют исключительно с иконами и предметами религиозного культа, и хотя Православие действительно играло ведущую роль в культуре «Ромейской державы», но это не было государство аскетично-монашеское или фанатично-религиозное. Византийцы любили жизнь и умели жить: женщины украшали себя драгоценностями; мужчинам нравилась банкеты, охота и свобода нравов военных походов; придворные плели интриги, соревновались в роскоши домов и вилл, одежд и оказанных им «высочайших милостей»; тщеславные украшали жилища своими портретами и бюстами; интеллектуалы погружались в недра софистики, риторики и логики, писали правдивые и не очень правдивые «истории и хронографии», сокрушались о падении нравов и интриговали с тонким цинизмом. Византийцы, включая самих императоров, грешили и каялись, плакали и смеялись, любили и ненавидели. Вся их жизнь разворачивалась на фоне изумительной средиземноморской природы, с которой соперничала рукотворная красота дворцов и храмов, мозаик, фресок и икон, золотой, серебряной и бронзовой утвари, тканей и завес, шитых цветным шелком, золотыми и серебряными нитями, ювелирных изделий и многого другого. Показать эту красоту, дать посетителям возможность полюбоваться «осколками» некогда великой цивилизации, подарить наслаждение глазу и пищу уму – вот то, что нам хотелось продемонстрировать на выставке, где были собраны исключительные по своей художественной ценности произведения из музеев Греческой Республики и Государственного Эрмитажа.

В течение трех месяцев в одном из парадных залов Зимнего дворца были представлены памятники от I до середины XV столетия; заключительным аккордом являлась картина «Апостол Петр» (ок. 1600-1607) знаменитого Доменикоса Теотокопулоса, более известного как Эль Греко. Несмотря на широкие хронологические границы и видовое разнообразие, экспонаты выставки, даже такой представительной, не могли отразить все особенности византийского искусства и с исчерпывающей полнотой показать его хронологическое, региональное и тематическое развитие. Впрочем, организаторы выставки и не ставили перед собою таких задач. «Византия сквозь века» была развернута в Николаевском зале Зимнего дворца, одном из самых больших (1103 м^2) и импозантных помещений бывшей резиденции российских императоров. Он был создан архитектором Дж. Кваренги в 1790-х годах в

классических формах и лишь немного видоизменен В. П. Стасовым во время восстановления дворца после пожара 1837 года. Николаевский или Большой зал является одним из лучших созданий позднего классицизма; его торжественность и пропорциональность, белый цвет стен и коринфских колонн идеально подходит для показа византийского искусства и подчеркивает красоту и изысканность древних памятников. Архитектор-дизайнер Эрмитажа В.Б. Королев с удивительным мастерством и тактом органично вписал современное выставочное оборудование в архитектурное пространство зала, который и сам стал частью экспозиции; его устремленная ввысь белоснежная колоннада ассоциировалась с беломраморными храмами Древней Греции (фото 1, 2). Выставка имела три равноценных входа с трех разных сторон; на каждом посетителя встречали «знаковые» памятники: мраморные бюсты и напольные раннехристианские мозаики I-V веков, «Апостол Андрей из Евхаристии» – фрагмент настенной мозаики позднего XI - раннего XII века из Серр, картина «Апостол Петр» Эль Греко. Концепция выставки была сугубо искусствоведческой: показать особенности художественного языка византийского искусства. Поэтому куратор отказался как от строгой хронологической последовательности, так и от формирования тематических и регионально-географических разделов.

Центральное пространство Николаевского зала занимали памятники позднего римского и ранневизантийского времени, они демонстрировали тот базис, на котором шло формирование нового христианского искусства, шло не в яростной борьбе, как иногда считают, а естественным и органичным, хотя и непростым путем. Именно эллинистическо-римская культура была той основой, которая сплотила космополитичную Византию. Культура, искусство, стремление ко всему прекрасному – вот те аспекты византийской цивилизации, которые магически завораживали Средневековый мир; и это те аспекты, которые Эрмитаж стремился продемонстрировать на выставке. Основав новую столицу, Константин Великий наполнил ее многочисленными сокровищами древних мастеров;

Фото 1. Вид экспозиции выставки «Византия сквозь века» в Николаевском зале Зимнего дворца, 24 июня - 2 октября 2016 г.

Фото 2. Вид экспозиции выставки «Византия сквозь века» в Николаевском зале Зимнего дворца, 24 июня - 2 октября 2016 г.

со всех концов Империи свозились шедевры искусства на берега Босфора. Мраморные и бронзовые скульптуры, бюсты, колонны, обелиски наводнили столицу. Византийцы жили, окруженные великими произведениями древней пластики, к которым они быстро привыкли и довольно спокойно воспринимали и их языческое происхождение, и их «обнаженное бесстыдство». Насыщенность Константинополя замечательными памятниками древности, несомненно, сыграла важную позитивную роль в формировании рафинированного художественного стиля столицы. Пропорциональные соотношения, положение тела в пространстве, поворот головы, характер складок драпировок и многое другое столичные мастера с успехом заимствовали у своих предшественников. На основе свезенных из разных регионов Империи разновременных и разностильных, но выдающихся произведений древности оттачивали византийцы свое удивительное художественное мастерство. Константинополь недаром называли «горнилом», где разнообразие региональных, стилевых и технических особенностей переплавлялось в нечто единое, неподражаемое и глубоко прекрасное. Художественное наследие веков явственно и однозначно ощущается в памятниках византийского искусства на протяжении всего существования Ромейской империи.

Однако не только славное прошлое волновало, восхищало и стимулировало развитие искусства. Византийцы были на редкость восприимчивы ко всему, что происходило и в регионах самой Империи, и за ее пределами; они как губка впитывали и новые формы, и новую стилистику, и новые технические приемы; впитывали, перерабатывали и создавали нечто свое особое византийское, вызывавшее восхищение окружающего мира.

Отдельный раздел выставки «Византия сквозь века» составляли памятники IX-XII веков из музеев Греции, которые отражали культуру местных средневековых центров, находившихся на территории современной Эллады. Мраморные рельефы, керамика, перегородчатые эмали, бронзовая литургическая утварь,

фрагмент настенной мозаики, иконы и иллюминированные рукописи ярко демонстрировали художественный язык столичного и локального регионального искусства. В первую очередь внимание привлекали мозаика «Апостол Андрей» из декора базилики Святых Феодоров в Серрах конца XI - начала XII века, изысканные иллюминированные рукописи X-XII веков и знаменитые перегородчатые эмали на золоте – все эти памятники были исполнены константинопольскими мастерами. К столичному производству относится и белоглиняная керамика с псевдокуфическими надписями, находимая во время археологических раскопок в Херсонесе в Крыму, в Коринфе и других регионах. Включение в декор произведений имитаций куфических букв свидетельствует о сильном восточном влиянии. Кроме керамики подобный псевдо-куфический декор можно наблюдать на мраморных рельефах, использовавшихся в темплоне – алтарной преграде; несколько таких рельефов было показано на выставке. Вместе с псевдо-куфическими надписями в X-XI веках в византийскую пластику вошла и «звериная» тема. Борьба животных, часто мифологических, звери по сторонам Древа Жизни, отдельные фигуры животных, или такие «экзотические» сцены, как «Лев, поедающий финики с пальмы» (фото 3) активно вторглись в декор храмов и дворцов. Влияние восточной, прежде всего, персидской и арабской пластики – несомненно. Представленные на экспозиции мраморные рельефы, исполненные в местных провинциальных центрах Аттики, Аргоса, Халкидики, Беотии, Пелопоннеса, показывают, что традиции скульптуры и рельефной резьбы не исчезли и не прерывались в средне-византийское время, а лишь видоизменялись. Высокий уровень исполнения, отточенность художественных форм, органичное соединение разных традиций, творческая переработка «модных» тем и декора свидетельствуют, что развитие искусства в провинциальных центрах Греции было не менее активным, процветающим и оригинальным, чем в рафинированных мастерских столицы. О том же свидетельствуют и иконы XII века из Кастории и Святого Афона, которые можно было видеть на выставке. Одна из них – «Богоматерь с Младенцем Одигитрия / Христос во гробе», исполненная в последней четверти столетия мастером из Кастории, своей пронзительной эмоциональностью и глубокой духовностью, своими художественными достоинствами может быть поставлена в ряд выдающихся произведений византийской живописи.

Фото 3. Мраморный рельеф «Лев, поедающий финики с пальмы». Византия. Ок. 1000 г. Археологический музей Древнего Коринфа.

Следующий раздел выставки был связан с особым явлением – искусством крестоносцев в Византии. Четвертый крестовый поход и взятие Константинополя в 1204 году западноевропейскими рыцарями привели к созданию целой сети «латинских» государств, княжеств и владений на значительной части бывшей Ромейской империи. Однако начавшийся еще в XII столетии процесс децентрализации Византии, этим не закончился и с переменным успехом продолжался вплоть до XV века, пока не был остановлен завоеваниями Османов. Трагедия 1204 года привела к созданию независимых греческих государств «на развалинах» Византии: Никейская и Трапезундская империи, Эпирское царство. Одновременно возникли

Латинская империя с центром в Константинополе, Фессалоникское королевство, Ахейское княжество, Афинская сеньория, с 1260 года ставшая герцогством, владения госпитальеров на Родосе и островах Додеканеса, прибрежные и островные владения венецианцев. Восстановление Византии, правда, в весьма усеченных размерах, произошло лишь в 1261 году, когда император Михаил Палеолог отвоевал Константинополь. Наступил последний, так называемый Палеологовский период развития византийского искусства. Несмотря на негативное отношение к захватчикам-латинянам, несмотря на сознательную ориентацию на стиль памятников средне-византийского времени, пятьдесят с лишним лет латинского владычества не прошли бесследно. Особенно это сказалось на культуре местных центров Эллады, где в архитектуре и скульптурном убранстве можно видеть влияние романского и готического стиля, а нередко встречаются и памятники, созданные приглашенными западноевропейскими мастерами. В живописи появился особый, хорошо узнаваемый стиль, который в искусствоведении получил название «мастерские крестоносцев». Он возник на основе византийской живописи, но обладает целым рядом специфических черт. Например, нередко фон из тисненого левкаса имитирует чеканные серебряные оклады. Рисунок стал нервно-графичным, колорит более контрастным и менее изысканным. Стиль «мастерских крестоносцев» был представлен на выставке в Эрмитаже такими знаковыми памятниками, как иконы «Святой Георгий со сценами жития / Святые Марина и Екатерина или Ирина» и «Богоматерь с Младенцем» из Византийского музея в Афинах, «Чудо Святого Георгия» с острова Аморгос; фреской 1233-1234 года из пещерного комплекса в Пентели, фреской «Каталанская Богоматерь» середины XV века из церкви Святого Ильи в Афинах.

Возрождение Византийской империи в 1261 году вызвало новый расцвет искусства, получивший у историков искусства название «Палеологовский Ренессанс». Тяжелое политическое и экономическое положение, постепенное сужение границ и потеря провинций, теологические споры, сотрясавшие государство, борьба со сторонниками унии, династические раздоры – отличительные черты времени правления Палеологов и Кантакузинов. На фоне всех этих проблем и бед, фантастическим цветком расцвела византийская живопись, удивительно совершенная, рафинированно-изысканная, наполненная особой духовностью и глубоким теологическим содержанием. Отталкиваясь от наследия прошлого, культивируя осознанное повторение форм X-XII веков, мастера создали новый выразительный стиль, утонченный и звучный, как струна. Это новый стиль, эти первые изменения демонстрируют два замечательных памятника XIII века: мозаичная портативная икона «Богоматерь с Младенцем Эпискепсис» (фото 4) и вышитая шелком, золотом и серебром «Фессалоникская плащаница».

Одна из стен Николаевского зала на всю его длину – более 66 метров, – была занята витринами с Палеологовскими иконами XIV - середины XV века. Взглядом можно было охватить этот удивительный ряд крупных и маленьких, ярких и сдержанно-аскетичных образов. Одни

Фото 4. Мозаичная икона «Богоматерь Эпискепсис». Византия, Константинополь. Конец XIII в. Византийский и Христианский музей в Афинах.

заставляли остановиться и долго разглядывать миниатюрное письмо, другие вызывали непонятную дрожь своим пристальным взглядом, с третьих на вас смотрели ласково и всепрощающе, но перед всеми иконами чувствуешь благоговение и восхищение. Здесь были показаны образцы высокого искусства Константинополя и Фессалоник, памятники, происходящие со Святой Горы Афон, иконы местных школ Кастории и Верии, Мистры и Крита. В Палеологовское время провинциальные произведения часто не уступали своим великолепием столичным образцам, а нередко, как, например, иконы Праздничного ряда из Кастории, своей непосредственной наивностью и эмоциональностью искупали художественное несовершенство. Волей обстоятельств на эрмитажной выставке в этом ряду живописных икон мощной нотой прозвучало искусство Фессалоник – второго по значимости центра Ромейской империи, центра, близкого к монастырям Святого Афона, близкого к движению исихастов. Иногда, как в случае с двусторонней иконой из Митилен, трудно сказать, был ли мастер выходцем из Константинополя или из Фессалоник. Столь же трудно сказать, был ли он последователем исихазма или принадлежал к гуманистическому направлению. Однако нетрудно увидеть, что резкие светоносные белильные разделки, нанесенные мастером на ликах, напоминают вспышки света и созвучны учению исихастов о Божественных энергиях.

Иконы первой половины XV столетия – обстоятельные и декоративно-красочные; сюжеты нередко перегружены деталями, излишне повествовательны, рисунок мелочен. Но удивительно красив колорит, с пряными цветами, пронзительными оттенками, с изысканно-отточенными цветовыми контрастами. Нередко в сюжет вплетены бытовые сценки, как, например, беседа монахов перед храмом на иконе «Рождество Христово» или реалии окружающего быта: сосуды, посуда, опахала, купели и прочее. Включение подобных элементов часто было обусловлено желанием заказчика. В XV веке мастера широко стали применять шаблоны и образцы, стандартизировали технические приемы, регламентировали цветовые сочетания. Сочная красочность и внешняя красивость были доведены мастерами так называемой Критской школы до совершенства. Однако они не забыли о духовной сущности иконописи, а просто перенесли акценты, придав святым образам нежность и задумчивую грусть, сделав их более близкими и человечными.

Благодаря стараниям и таланту эрмитажного архитектора-дизайнера В.Б. Королева (фото 5), эрмитажная выставка была построена так, что можно было охватить взглядом весь зал, увидеть поразительное единство и разнообразие представленных памятников, почувствовать их вечную духовную ценность, ощутить себя в особом художественном пространстве искусства, где все «вневременно и внепространственно или всевременно и всепространственно» (Бычков 1977, 159).

К выставке издательством Государственного Эрмитажа было издана небольшая книжка «Искусство дивной красоты и духовности», написанная куратором проекта Ю.А. Пятницким (Пятницкий 2016). Позднее, ранней весною 2017 года, был опубликован роскошный,

Фото 5. Монтаж выставки «Византия сквозь века» в Николаевском зале Зимнего дворца, июнь 2016 г.

богато иллюстрированный том «Византия сквозь века» (фото 6), в определенной степени являющийся каталогом прошедшей выставки (Византия 2017). Это издание совмещает и обычные элементы выставочных каталогов (приветствия министров культуры и директоров музеев, вступительные эссе, каталожные описания памятников), и приемы альбомов по искусству (блок иллюстраций с эффектными деталями), и традиции сугубо научных изданий (аналитические и информационные статьи). Весьма примечательна структура книги и приемы подачи материала. Центральное место занимают роскошные, полностраничные иллюстрации всех предметов, которые были показаны на выставке. Для многих из них даны детали и виды с разных ракурсов, что, особенно интересно, например, для круглой скульптуры. В размещении произведений соблюдается хронологический принцип, но сочетание и последовательность конкретных памятников внутри хронологических периодов не случайны, а тщательно продуманы и отражают взгляд научного редактора издания Ю.А. Пятницкого. Перед читателем, перелистывающим иллюстративную часть, разворачивается картина развития художественного языка византийского искусство на примере разнообразных памятников живописи, пластики и ювелирного дела. Особо следует отметить подачу иллюминированных рукописей, которые показаны во всем многообразии своего декора. Крупные иллюстрации и наличие многочисленных деталей расширяет круг потенциальных читателей данного издания. Оно представляет интерес не только для широкой публики, но и для специалистов по византийскому искусству.

Вся информация о памятниках включена в каталожные описания, расположенные в конце книги; она включает довольно большую библиографию, что позволит читателям самостоятельно углубиться в рассмотрение конкретных проблем и атрибуционных вопросов. В начале книги, до альбома иллюстраций, помещен обширный текстовой блок. В него входят небольшие приветствия директора Эрмитажа, министра культуры и спорта Греции, представителей Министерства культуры и спорта Греческой республики; затем следует статья куратора выставки с объяснениями

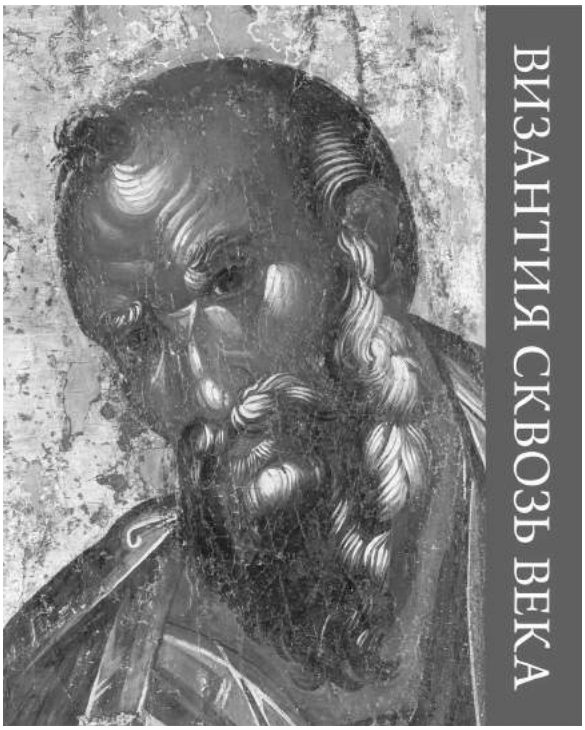


Фото 6. Обложка издания «Византия сквозь века» (Санкт-Петербург, 2017).

концепции, разделов и приемов экспонирования древних памятников, она проиллюстрирована великолепными фотографиями внешнего вида выставки. Таким образом, эта статья позволяет читателю окунуться в атмосферу самой выставки, возбудить воспоминания и чувства тех, кто видел ее летом 2016 года в Эрмитаже. Следующая статья посвящена хранителям Византийской коллекции Эрмитажа в 1888-1985 годах и открывается замечательным портретом Н.П. Кондаковым и краткой оценкой значения этого выдающегося ученого в мировой византинистике. Включение в издание специальной статьи о тех, кто работал в музее, кто сохранял и изучал византийское наследие – дань памяти и уважения современных эрмитажников своим предшественникам. Интересно, что в качестве иллюстраций использованы только живописные произведения – картина, рисунки, акварель, и даже шарж, что органично вписывается в художественную ткань построения книги. Отдельный текстовой блок составляют три обширные статьи: по истории Византийской империи, об ее искусстве IV-XV веков, и об эстетике и художественных приемах византийской иконы.

Разнообразные по научному подходу, стилю и манере изложения, эти статьи отличаются высоким профессионализмом и представляют интерес для всех, кто интересуется Византией, но могут быть полезны и узким специалистам. Конечно, приходится сожалеть о том, что издание вышло так поздно и многочисленные посетители выставки были лишены возможности сразу же получить более обширную информацию о заинтересовавших их произведениях. Задержка книги была вызвана как объективными, так и не очень объективными причинами. Следует иметь в виду, что музей Эрмитаж находится в России, и ему, как государственному учреждению, присущи все пороки и все проблемы, которые имеются в стране. Одной из таких проблем является произвол редакторов издательств, которые считают себя в праве активно вмешиваться в авторский текст и не согласовывать правку с авторами. Поэтому весьма нередко их вмешательство не только искажает авторский текст, но и вносит в него грубые смысловые ошибки. К сожалению, не избежало такой участи и издание Государственного Эрмитажа. Внимательный читатель наверняка обратит внимание, что книга имеет ответственного научного редактора – директора Эрмитажа М.Б. Пиотровского, научного редактора издания – Ю.А. Пятницкого, и при этом статьи последнего имеют примечание «печатается в авторской редакции». Несмотря на подобные примечания, которые должны гарантировать неприкосновенность авторского текста, редактор издательства Государственного Эрмитажа А.А. Иконников-Галицкий без согласования с автором внес свои изменения и исправления в текст. Впрочем, то же самое он сделал и со всеми другими текстами, не согласовывая правку с научным редактором издания, который в таком случае уже и не является научным редактором. С подобным произволом приходится довольно часто встречаться всем, кто публикует свои работы. Глубина порочности ситуации в данном случае заключается в том, что А.А. Иконников-Галицкий, позиционирующий себя как поэт, путешественник, «писатель на исторические темы», а теперь еще и редактор научных изданий Государственного Эрмитажа, не имеет диплома о высшем образовании и вообще никогда не учился в гуманитарном вузе, то есть не является ни историком, ни филологом, но при этом он посчитал себя вправе вмешаться и внести изменения в профессиональные научные тексты. Волей-неволей на ум приходят строчки басни Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, / А сапоги точать пирожник».

«Византия сквозь века» – прекрасная выставка в одном из лучших музеев мира, вызвавшая неподдельный интерес и восхищение публики; фундаментальное, столь же прекрасное по оформлению и структурированности издание с тем же названием – огромный труд многих профессиональных людей, и все это испачкано мелким амбициозным стареющим неучем… Поневоле вспомнишь поэта В.К. Кюхельбекера: «Тяжелее всех судьба казнит Россию».

В конце мая 2017 года Art Newspaper Russia опубликовал рейтинг самых посещаемых музеев и самых успешных выставок 2016 года. На первом месте в России лидирует Государственный Эрмитаж, в котором побывало 4 100 000 посетителей; а самой успешной выставкой 2016 года была названа «Византия сквозь века», которую за 87 дней работы увидели 1 408 000 человек.

Библиография

Бычков 1977: В.В. Бычков, Византийская эстетика. Теоретические проблемы (Москва 1977).

Византия 2017: Византия сквозь века. Отв. научн. ред. М.Б. Пиотровский, научн. ред. издания Ю.А. Пятницкий (Санкт-Петербург 2017).

Пятницкий 2016: Ю.А. Пятницкий, Искусство дивной красоты и духовности. Выставка «Византия сквозь века» из музеев Греции и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург 2016).

Expoziţia „Bizanţul prin secole” la Ermitajul de Stat din Sankt-Peterburg

Cuvinte-cheie: Bizanţ, expoziţie de artă bizantină, Ermitajul de Stat, design expoziţional, moştenirea Greciei, artă bizantină, icoane.

Rezumat: În perioada 24 iunie - 2 octombrie 2016 la Ermitaj s-a desfăşurat expoziţia „Bizanţul prin secole”, care s-a bucurat de un mare succes în rândurile publicului de rând, dar şi ale profesioniştilor. În cadrul expoziţiei au fost prezentate icoane bizantine necunoscute încă publicului sau mai puţin cunoscute, care au reuşit să reflecte diversitatea centrelor iconice din Bizanţ, precum şi unele iconiţe bizantine timpurii din argint, descoperite în secolul al XIX-lea în Crimeea şi Moldova.

Concepţia expoziţiei a fost una strict legată de artă având drept scop prezentarea particularităţilor limbajului artistic al artei bizantine. Pornind de la aceste consideraţii, curatorul expoziţiei a renunţat la o consecutivitate cronologică, la fel şi la divizarea pe compartimente tematice sau regional-geografice.

Expoziţia a fost desfăşurată în sala *Nicolaev*, unde au fost etalate exponate datate din sec. I până la mijlocul secolului XV, acordul final fiind pus pe tabloul *Apostolul Pavel* semnat de El Greco.

Centrul sălii a fost completat cu monumente din epoca romană târzie şi bizantină timpurie, care au reuşit să demonstreze ce anume a stat la baza creării noii arte creştine. Un compartiment aparte a fost dedicat artefactelor din secolele IX-XII din muzeele Greciei, oglindind cultura centrelor medievale locale, aflate pe teritoriul Eladei contemporane, precum şi secäiunea legată de arta cruciaţilor în Imperiul Bizantin. Unul din pereţii sălii a fost ocupat de vitrine conţinând icoane din epoca Paleologilor din secolul XIV — mijlocul secolului XV, reprezentând exemplare de înaltă artă creată la Constantinopol, Tesalonic, dar şi de pe muntele Athos, icoane provenite din şcolile locale din Kastoria şi Veria, Mystras şi Creta.

Datorită arhitectului – designerului, expoziţia a fost amplasată în aşa mod încât privirea să poată cuprinde întreaga sală, fiind vizibilă diversitatea monumentelor expuse, ca vizitatorul să simtă eterna valoare spirituală, şi să se transpună într-un spaţiu artistic deosebit.

Cu prilejul organizării expoziţiei au fost editate două lucrări — un mic volum cu titlul „Arta frumuseţii izbitoare şi a spiritualităţii” / „Искусство дивной красоты и духовности” (Пятницкий 2016) şi un volum bogat ilustrat „Bizanţul prin secole” / „Византия сквозь века” (Византия 2017).

Список иллюстраций:

Foto 1. Vedere din expoziţia „Bizanţul prin secole” în sala Nicolaev a Palatului de Iarnă, 24 iunie - 2 octombrie 2016.

Foto 2. Vedere din expoziţia «„Bizanţul prin secole” în sala Nicolaev a Palatului de Iarnă, 24 iunie - 2 octombrie 2016.

Foto 3. Relieful de marmură „Leu, mâncând curmale din palmier”. Bizanţ, cca anul 1000. Muzeul de Arheologie a Corintului Antic.

Foto 4. Icoana în mozaic „Maica Domnului Episkepsis (Înduioşare)”. Imperiul Bizantin, Constantinopol, sf. sec. XIII, Muzeul Bizantin şi Creştin din Atena.

Foto 5. Montarea expoziţiei „Bizanţul prin secole” în sala Nicolaev a Palatului de Iarnă, iunie 2016.

Foto 6. Coperta volumului „Bizanţul prin secole” / „Византия сквозь века” (Sankt-Peterburg, 2017).

Exhibition “Byzantium through the Centuries” at the State Hermitage Museum, St Petersburg

Keywords: Byzantine, Byzantine exhibition, State Hermitage Museum, exhibition design, Greek heritage, Byzantine art, icons.

Abstract: From June 24 to October 2, 2016, the Hermitage Museum held the exhibition *Byzantium through the Centurie*s that enjoyed an exceptionally great success among the general public and professionals.

The exhibition included unknown or little-known icons presented the variety of iconographic centers of Byzantium, and also Early Byzantine silver specimen found in the 19th century in the Crimea and Moldova. The concept – and this defined the structure of the exhibition – was purely art historical: to show the distinctive characteristics of the artistic language of Byzantium.

The exhibition was displayed in the Nicholas Hall where visitors could see the art works from the 1st to the mid-15th century; the final chord was the painting *Apostle St Peter* of the famous El Greco. The objects of the Late Roman and Early Byzantine periods demonstrated the basis that served as foundation for the new Christian art. Works of the 9th - 12th centuries from the museums of Greece, those themed with the art of the Crusaders in Byzantium, and

Palaiologan icons of the 14th - mid-15th century – all reflected culture of local medieval centers and the high art of different schools of icon painting.

The design of the exhibition made possible to grasp the whole hall, see the amazing unity and diversity of art works, feel their eternal spiritual value, and feel yourself in a special artistic surrounding.

In connection with the exhibition the Hermitage issued two publications, a brochure *The Art of Devine Beauty and Spirituality* (Пятницкий 2016), and a richly illustrated volume *Byzantium through the Centuries* (Византия 2017).

List of illustrations:

Foto 1. View of the exhibition *Byzantium through the Centuries* in the Nicholas Hall of the Winter Palace, June 24th - October 2nd, 2016 г.

Foto 2. View of the exhibition *Byzantium through the Centuries* in the Nicholas Hall of the Winter Palace, June 24th - October 2nd, 2016 г.

Foto 3. Marble relief *A Lion Eating Dates from a Palm Tree*. Byzantium, ca. 1000. Archaeological Museum of Ancient Corinth.

Foto 4. Mosaic icon Mother of God the Episkepsis. Byzantium, Constantinople, late 13th century. Byzantine and Christian Museum, Athens.

Foto 5. The installation of the exhibition *Byzantium through the Centuries* in the Nicholas Hall of the Winter Palace, June of 2016.

Foto 6. Cover of the publication *Byzantium through the Centuries* (St Petersburg, 2017).

13.04.2017

Юрий Пятницкий, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, RU-190000 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pyatnitsky@ hermitage.ru

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (XI)

Ana Boldureanu

Cuvinte-cheie: descoperiri monetare, drahmă histriană, stater, denar, groș, aspru.

În ediția curentă a Cronicii prezentăm emisiunile monetare descoperite şi cele de care am luat cunoştinţă în a doua jumătate a anului 2016 şi în prima jumătate a anului 2017.

Cele mai vechi monede înregistrate în acest răstimp sunt patru emisiuni de drahme ale cetăţii greceşti Istros (Histria). Nu se cunoaşte locul exact al descoperii pieselor, dar conform posesorului, este posibil ca ele să fi făcut parte din tezaurul comunicat de noi în anul 2015, care ar fi fost găsit undeva în stânga Nistrului (Boldureanu 2015, 115-116). Monedele au pe avers două capete umane alăturate, unul fiind inversat, iar pe revers un vultur pe delfin spre stânga şi legenda indicând numele cetăţii (IΣTP sau IΣTPI). Monedele au o greutate cuprinsă între 5,2 g şi 6,5 g. Conform noii cronologii propuse de cercetătorul român Mihai Dima (Dima 2013), aceste drahme, încadrate stilistic şi conform greutăţii în grupa a IV, pot fi datate sigur în secolul al III-lea a. Chr.

Semnalăm descoperirea unui stater de aur, undeva în raionul Edineţ. Este o emisiune de tip Lysimach, bătută la Callatis în contextul războaielor mitridatice din prima parte a secolului I a. Chr. În catalogul lui Fr. de Callatay (Callaty 1997) este publicată o piesa callatiana cu aceeaşi monograma în câmp stânga, iar din ilustraţie se pare a fi bătută cu aceeaşi pereche de ştanţe. Stateri postumi de tip Lisimach au mai fost atestaţi pe teritoriul Republicii Moldova. Este vorba despre tezaurul de la Gura Galbenei, raionul Cimişlia, descoperit în anul 1964, din a cărui componenţă este înregistrat un singur exemplar (Нудельман 1976, 45, nr. 20).

Am notat mai multe descoperiri de monede romane, unele provenite din săpături izolate, altele descoperite întâmplător. Menţionăm dintre acestea un denar găsit în localitatea Cobâlea, raionul Şoldăneşti. Informaţia referitoare la descoperirea unui tezaur de monede romane în această localitate am aflat-o de la profesoara de istorie de acolo. Moneda pe care o semnalăm a fost adusă la şcoală de către fiul descoperitorilor. Este un denar de la împăratul Traian (98-117), datat între anii 114-117 p. Chr.

Au fost înregistrate două monede bătute de împăratul Septimius Severus. Una din ele este un denar descoperit în localitatea Hădărăuţi, raionul Ocniţa, bătut la Roma, în anii 196-197 p. Chr. Ce-a de-a doua provine din localitatea Speia, raionul Anenii Noi, reprezentând o emisiune cu nominalul: *4 assaria*, bătută la Tyras.

Denari din perioada acestui emitent au fost descoperiţi pe teritoriul Republicii Moldova în componenţa mai multor tezaure. Menţionăm tezaurul de la Solonceni, raionul Rezina, descoperit în perioada interbelică, aflat într-o colecţie particulară din Bucureşti, care are în componenţa sa denari de la Traian la Septimius Severus. Tezaurul descoperit la Varniţa în anul 1914 este compus din denari de la Vespasian la Septimius Severus , iar cel de la Larga, raionul Briceni, care cuprinde şi el emisiuni de la Septimius Severus, are cea mai recentă monedă datată între anii 193-196 p. Chr. Tezaurele menţionate aparţin unui singur orizont de tezaurizare, care poate fi datat în primele decenii ale secolului III p. Chr.

Monedele de bronz sunt mult mai rar atestate pe teritoriul Republicii Moldova. Acestea sunt însă mai numeroase în sudul Basarabiei, datorită Tyrasului. Acestea reprezintă cca 80% dintre emisiunile provinciale din sudul Basarabiei numărând 107 ex., restul fiind bătute la Olbia, Thessalonic, Macedonia, Marcianopolis etc. Este cunoscut printre descoperiri tezaurul găsit pe partea stânga a estuarului Nistrului, între Ovidiopol şi Rocsolani, alcătuit din 20-25 de bronzuri de Tyras, bătute în perioadele de domnie a lui Commodus, Septimius Severus, Geta, Carracala şi Severus Alexander pentru Iulia Mamaea (Dima 2015, 47).

Printre descoperirile medievale menţionăm o monedă poloneză de jumătate de groş emisă de Ioan Albert (1492-1501), provenită de la Hădărăuţi, raionul Ocniţa. Monedele acestui emitent sunt mai rar atestate în Moldova, emisiunile poloneze intrând într-un flux mai mare pe piaţă începând cu jumătatea domniei regelui Sigismund I (1506-1548).

Ca şi în anii precedenţi, am introdus în Cronică monede descoperite în urma săpăturilor arheologice sistematice sau de salvare. Astfel, cercetările efectuate la biserica *Adormirea Maicii Domnului* din Căuşeni au rezultat cu şase monede. Trei dintre acestea sunt parale otomane, emise în timpul sultanilor Mustafa III (1171-1185 AH / 1757-1774) şi Abdülhamid I (1187-1203 AH / 1774-1789), două sunt emisiuni ale Hanatului Crimeei şi acestea bătute în secolele XVII-XVIII, iar una pare a fi o imitaţie moldovenească a unui şiling polonez sau suedez din secolul al XVII-lea de Riga.

Agenţia Naţională Arheologică cu prilejul săpării unui şanţ pe teritoriul sitului arheologic Orheiul Vechi la solicitarea Moldtelecom, a depistat două monede emise de Hoarda de Aur, dintre care una de argint de la Said Ahmad (843-865 AH / 1439-1460) la Ordu Bazar şi o emisiune cu rozetă de tipul celor introduse în circulaţie de hanul Canibek (1341-1357).

Săpăturile sistematice de la cetatea Soroca efectuate în anul 2016 s-au finalizat cu 17 monede. Cele mai numeroase, ca şi în alţi ani, sunt monedele poloneze. Lotul debutează cu un poltorak de la Sigismund III (1587-1632), emis la 1621, urmat de un şiling de la acelaşi emitent din anul 1615. Majoritate monedelor poloneze însă o reprezintă emisiunile de şilingi din timpul lui Ioan Cazimir (1648-1668), bătute pentru Coroană şi pentru Lituania. Am înregistrat încă o monedă falsă produsă după asprii otomani ai lui Bayezid al II-lea. Astfel de falsuri au mai fost găsite şi în cetatea Soroca, dar şi la Balinţi, în acelaşi raion.

Din păcate nu am putut stabili locul descoperirii a doi ducaţi veneţieni şi a unei imitaţii după aceştia, despre care am aflat la sfârşitul verii 2017. Dar cum monedele de aur reprezintă apariţii mai rare pentru Republica Moldova, am hotărât să le publicăm în prezenta ediţie a Cronicii. Ducaţii au fost emişi de dogii Francesco Molin (1645-1655) şi Bertucio Velier, iar prototipul imitaţiei este neprecizat.

Semnalăm şi două monede de Sadagura, una descoperită la Speia, raionul Anenii Noi, din anul 1772 şi una de la Hădărăuţi, raionul Ocniţa, datată la 1773.

I. Monede greceşti

1. *Edineţ*, raion. Ca şi provenită de pe teritoriul raionului Edineţ am reuşit să înregistrăm informaţia despre un stater de aur, care ar fi fost descoperit în vara anului 2017.
Macedonia, Mitridate VI Eupator (120-63 a. Chr.)
Callatis, *stater*
Av. Capul diademat al lui Alexandru cel Mare, divinizat;
Rv. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ; Atena Promachos tronând spre stânga; cu cotul stâng odihnindu-se pe scut, ţine statuia zeiţei Nika în mâna dreaptă întinsă; A deasupra genunchiului, KAL sub tron, trident în exergă.
AV 8,3 g; 19 mm

Callataÿ 1997, 139, D3R1, anii c. 120-72 a. Chr.
Informaţie: Ana Boldureanu.

2. *Republica Moldova*, passim. În anul 2017 am luat cunoştinţă de descoperirea a câtorva monede istriene de argint, văzute într-o colecţie particulară. Monedele au o greutate cuprinsă între 5,2 şi 6,23 grame. Sunt emisiuni de tip clasic, având pe avers două capete de tineri, dintre care unul inversat, iar pe revers emblema cetăţii, vulturul pe delfin şi numele oraşului.

Informaţie: Ana Boldureanu.

II. Monede romane

3. *Călmăţui-Oana?*, raionul Hânceşti. Au fost semnalate patru monede romane, aflate în această zonă. În anul 2016 un localnic a găsit doi denari emişi de Hadrian în perioada 125-128 p. Chr. şi unul de la Commodus emis intre 186-187 p. Chr., precum şi o piesă de bronz de la Constanţiuns II, datată între 348-351 p. Chr. Un alt denar a fost descoperit în cursul unor lucrări de salvare din primăvara anului 2017, reprezentând un denar roman de la Fustina Junior (147-175 a. Chr.).
Matveev, Vornic 2017, 12.

4. *Ciuteşti*, raionul Nisporeni. În anul 2000, locuitorul satului Ciuteşti Spiridon Povestca a găsit în pădure trei monede. Una dintre ele este un denar roman din sec. al II-lea, celelalte fiind din perioada medievală.
IMPERIUL ROMAN Marc Aureliu (161-181 p. Chr.), *denar*
Av. M ANTONINVS AVG TR P XXV; cap laureat spre dreapta
Rv. COS III; Jupiter aşezat spre stânga, stăpânind tunetul şi ţinând cu mâna stângă sceptrul
AR 3,16 g; 17-18 mm; anii 170-171 p. Chr.

RIC III 227.
Povestca 2005, 81-82.
Precizări: Ana Boldureanu.

5. *Cobâlea*, raionul Şoldăneşti. Informaţia referitoare la descoperirea unui tezaur de monede romane în această localitate ne-a fost relatată de profesoara de istorie de acolo. Moneda a fost adusă la şcoală de către elevul său, fiul descoperitorilor.
IMPERIUL ROMAN
Traian (98-117),
Av. IMP CAES NER TRAIANO OPTIMO AVG GER DAC; bust laureat, drapat şi cuirasat spre dreapta
Rv. P M TR P COS VI P P SPQR; Marte avansând spre dreapta, ţinând suliţă şi trofeu.
AR *denar*, Roma, anii 114-117

RIC II 338.
Informaţie: Ana Boldureanu

6. *Ecaterinovc*a, raionul Cimişlia. În anul 2016, în limitele aşezării Ecaterinovca-Valea Jeparului la nord şi sud de Valul lui Traian, au fost descoperite la suprafaţă două monede antice.
IMPERIUL ROMAN
Antoninus Pius (138-161 p. Chr.), *denar*
Av. ...NINVS AVG PI-VS...; bust spre dreapta.
Rv. Neclar.
1. AE argintat 2,20 g; 17,5 mm.

Constantius (337-361 p. Chr.), *nummus*
Av. legenda tocită; bust perlat, diademat, drapat şi cuirassed spre dreapta.
Rv. ...PARATIO; soldat spre stânga, străpungând un călăreţ căzut.
2. AE 1, 82 g; 15×15,9 mm; perforată.
Matveev, Vornic 2017, 11-12.

7. *Hădărăuţi*, raionul Ocniţa. Moneda a fost adusă la Muzeu pentru determinări de către fiica profesorului de istorie din localitate Mariana Ţopa.
IMPERIUL ROMAN, Septimius Severus (193-211 p. Chr.), *denar*
Av. [L SEP]T SEV PERT [AVG IMP VIII]; cap laureat spre dr.
Rv. ADVENTVI A[VG FELICISSIMO]; împăratul călare spre dr., cu mâna dreaptă ridicată.
AR ↓ 2,19 g; 17×18,2 mm

RIC, IV/1, 100, nr. 74, Roma, anii 196-197 p. Chr.
Informaţie: Ana Boldureanu.

8. *Lipoveni*, raionul Cimişlia. Au fost semnalate două monede romane descoperite în zona localităţii numită La Nisipărie. Una dintre ele, găsită în anul 2013, este din perioada de domnie a lui Commodus (180-192 p. Chr.) şi se păstrează la muzeul din localitate, iar a doua, bătută sub Gordinus III (240-241 p. Chr.), a fost găsită de un localnic.
Matveev, Vornic 2017, 11.

9. *Sobari*, raionul Soroca. Au fost comunicate două monede descoperite în timpul săpăturilor arheologice pe teritoriul sitului Sobari I - *La Cetăţuie*. Prima monedă, din anul 2014 este un denar de la Faustina Junior (145-161 p. Chr.), găsită la suprafaţa solului, iar a doua, descoperită în anul 2015 în limitele Secţiunii XI (Locuinţa 2), cu urme puternice de ardere, pare fi un folis de la Constantin cel Mare din perioada 309-337 p. Chr.

Matveev, Vornic 2017, 11-12.
10. *Speia*, raionul Anenii Noi. Nu se cunosc date exacte referitoare la locul descoperii monedei, dar se ştie că provine de pe teritoriul localităţii. A fost adusă la Muzeu de către directorul Muzeului din Speia Dumitru Valentin.

IMPERIUL ROMAN
Septimius Severus (193-211), Tyras: *4 assaria*,
Av. Λ CЄΠ CЄ – VHPOC ΠЄPT AVΓ; cap laureat spre dreapta
Rv. TY – PA NΩ – [N]; în stânga jos Δ; Heracles spre dreapta, ţinând măciucă şi blana leului.
Cf. Zograf, p. 94, nr. 66 (unde autorul a plasat grupul AVT la finalul legendei citindu-l AVΓ: Λ CЄΠ CЄ – VHPOC ΠЄPT), altă distribuire a legendei de revers şi Δ în dreapta jos; pentru revers cf. p. 96, nr. 72 (Septimius Severus: Caracalla, anii 198-211 p. Chr.); Frolova 2006, Seria II (198-199 p. Chr.), tip II, 76-77, fig. XXIV, 10,
AE 8,16 g; 22,3×25,5 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

III. Monede medievale şi moderne
11. *Buzduganii de Jos*, raionul Ungheni. În zona din preajma localităţii, numită de localnici Ţuţora, ar fi fost descoperit în anul 2017 un tezaur alcătuit din circ 400 de monede medievale de argint. Semnalatorul acestei descoperiri a prezentat structura aproximativă a componenţei tezaurului: Ţara Românească, Vladislav I (70 ex.); Radu I (160 ex.); Dan I şi Mircea cel Bătrân (40 ex.) Moldova, Petru Muşat, groşi (22 ex.); Bulgaria, Sracimir (110 ex.). Ciocanu 2017, 15-16.

12. *Căuşeni*, oraş. În timpul săpăturilor arheologice, efectuate în anul 2016, dirijate de către arheologul Ion Tentiuc la biserica medievală din secolul al XVII-lea Adormirea Maicii Domnului, au fost găsite şase monede.

IMPERIUL OTOMAN
Para
Mustafa III (1171-1185 AH / 1757-1774)
Islâmbol
1. AR 0,49 g; 15,2 mm; Pere 639.

Mısır

2. AR 0,48 g; 15,1 mm; Pere 643

Abdülhamid I (1187-1203 AH / 1774-1789)

Kostantiniye
3. AR 0,46 g; 14,9 mm; Pere 681.

HANATUL CRIMEEA
Selim Ghiray I (1082-1088 AH /1671-1678; 1096-1103 AH /1684-1691), *beşlîk*, Bagčisaray
4. AR 0,71 g; 16,2 mm. Rv. incus.

Selim Ghiray III (1178-1180 / 1764-1768, *beşlîk*, Bagčisaray
5. 0,57 g; 13,5×16 mm.

MOLDOVA
Imitaţie Dabija Vodă (1661-1665), Suceava. Prototip Suedia sau Polonia, Riga, şiling
6. AE 0,32 g; 15,2 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu şi Ion Tentiuc.

13. *Ciuteşti*, raionul Nisporeni. În anul 2000 locuitorul satului Ciuteşti Spiridon Povestca a găsit în pădure trei monede, printre care un denar roman (vezi mai sus nr. 4) şi două medievale.

POLONIA. Coroana, Sigismund III (1587-1632), *1,5 groşi*, 1623
AR ↙ 1,07 g; 19,3 mm.

IMPERIUL RUS, 5 copeici, 1786.

AE 51,19 g; 41 mm
Informaţie: Anatol Povestca şi Ana Boldureanu.

14. *Ecaterinovca,* raionul Cimişlia. În anul 2016, în limitele aşezării Ecaterinovca-Valea Jeparului la nord şi sud de Valul lui Traian, alături de monedele antice menţionate mai sus (vezi nr. 6), au mai fost găsite o monedă otomană şi una rusească.

IMPERIUL OTOMAN
Ahmed III (1703-1730), para, Kostantaniye, 1115 AH
1. AR ↖ 0,53g; 14,4 mm, perforată; Pere 523.

IMPERIUL RUS, 2 copeici, 1812, Ecaterininburg
2. AE ↑ 11,67 g; 30,5 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

15. *Hădărăuţi*, raionul Ocniţa. Moneda a fost adusă la Muzeu pentru determinări de către fiica profesorului de istorie din localitate Mariana Ţopa.

POLONIA
Ioan Albert (1492-1501), *polgroş*
1. AR ↗ 0, 83 g; 17×17,5 mm; sub coroană - roza, semnul de monetar al marelui vistier Peter Kurozwencki (1478-1499). Gumowski 1960, 467.

MOLDOVA şi VALAHIA, Sadagura, *2 para / 3 copeici,* 1773
2. AE ↑ 15,52 g; 34,8 mm.

IMPERIUL RUS, *2 copeici*, 1812
3. AE 16,19 g; 30 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

16. *Lipoveni*, raionul Cimişlia. Împreună cu două monede antice menţionate mai sus (vezi nr. 8), au fost semnalate şi trei monede medievale, descoperite în anul 2016, în zona localităţii numită *La Nisipărie*.
IMPERIUL OTOMAN
Bayezid II (886-918 AH / 1481-1512), *aspru*, Kostantaniye
1. AR ↘ 0,43 g; 10,8×11,4 mm; tip Nicolae 2003 Bc

UNGARIA
Matei Corvin (1458-1490), *denar*
2. AR → 0,34 g; 14,8 mm.

Matveev, Vornic 2017, 11.

17. *Orheiul Vechi* (Trebujeni), raionul Orhei. În anul 2016 colaboratorii Agenţiei Naţionale Arheologice cu prilejul săpării unui şanţ la solicitarea Moldtelecom, la cca 15 m sud-est de la intrarea în cetatea medievală au găsit o monedă de argint, iar la sud-vest de cetate – o emisiune de cupru.

HOARDA DE AUR
Said Ahmad b. Kerim Berdî (843-865 AH / 1439-1460)
Ordu Bazar
1. AR ↙ 0,35 g; 12,9×15 mm.

Canibek (1341-1357), *pul*
2. AE 1,73 g; 15,6×17 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu şi Vlad Vornic.

18. Republica Moldova, passim. În vara anului 2017 în nordul ţării au fost descoperite trei monede de aur, păstrate într-o colecţie particulară.

VENEŢIA
Ducaţi
Francesco Molin (1645-1655)
1. AV ↓ 3,4 g; 21,84 mm.

Bertoluci Velier (1656-1658)
2. Av 3,5 g; 21,09×21,61 mm.

Imitaţie ducat
Prototip neprecizat
3. Av ↑1,9 g; 20,50×20,94 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu
1
9. Soroca, oraş. În timpul campaniei arheologice dirijate de profesorii Sergiu Musteaţă şi Ion Tentiuc din anul 2016 efectuate în împrejurimile cetăţii Soroca au fost descoperite mai multe monede medievale.

Fals după IMPERIUL OTOMAN
Bayezid II (886-918 AH / 1481-1512), *aspru*,
1. AE 0,73 g; 10×11,3 mm.

POLONIA
Sigismund III (1587-1632)
Poltorak, 1621

2. AR →; 0,78 g; 19,1 mm.

Secţiunea XIV, str. 8, car. 4, adâncimea 90 cm.

Solidus, 1615
3. Bi 0,79 g; 18 mm.

Secţiunea XIV, str. 8 (şanţ), adâncimea 170-175 cm.

Ioan Cazimir (1648-1668)
Solidus
Coroana
1664
4. AE ↑1,01 g; 16 mm, perforată

Secţiunea XIV, str. 14, car. 5190, adâncimea 80 cm.

Lituania
1661
5. AE ↗1,08 g; 15,6 mm; 1,16 g; 16 mm

Secţiunea XIV, str. 3, car. 7, adâncimea 80 cm.

1666
6. AE →1,12 g; 15,6 mm; 1,16 g; 15,8 mm
Secţiunea XIV, din aruncătură.

An neprecizat
7. AE 0,58 g; 15,2 mm; puternic tocită.
Descoperită secţiunea XIV, strat V, adâncimea 90 cm.
8. AE 0,91 g; 15,3 mm, tocită
Secţiune XIV, car. I, adâncime 150 cm.
9. AE 1,19 g; 15,8 mm, tocită, oxidată
Secţiune XIV, str. 8, adâncime 145 cm.
10. AE 1,15 g; 15,1 mm, puternic tocită
Secţiune XIV, car. 6, adâncime 135 cm.

IMPERIUL RUS
½ copeică, 1899
11. AE ora 12 1,33 g; 16 mm, deformată
Secţiunea XIV, car. 4, str. 4, ad. 90 cm.
1 copeică, 1828
12. AE 4,01 g; 26,4 mm; deteriorată, oxidată.
Secţiunea XIV, adâncimea 75 cm.

5 copeici, an neprecizat
13. AE 19,12 g; 33 mm; tocită
Secţiunea XIV, car. 9, str. 4, adâncimea 75 cm.

ROMÂNIA
Ferdinand I (1867-1924), *1 leu*, 1924
14. AE ↓3,22 g; 21 mm;
Descoperită în secţiunea XIV, strat V, adâncimea 105 cm.

15. AE 3,28 g; 23 mm, ruptă dintr-o parte.
Secţiunea XIV, car. 9, str. 4, adâncimea 90 cm.

Neprecizată
16. AR 1,43 g; 17×30 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu

17. AE 0,27 g; 10,5 mm
Secţiunea XIV, car. 7, adâncimea 80 cm.
18. AE 0,13 g; 14 mm, ruptă pe margini
Secţiunea XIV, carou 5, adâncimea 115 cm.
19. AR 0,07 g; 15,1 mm, fragment; tocită.
Secţiunea XIV, carou 2, adâncimea 130 cm.
Informaţie: Ana Boldureanu şi Ion Tentiuc.

19. *Speia*, raionul Anenii Noi. Directorul muzeului din satul Speia, Dumitru Valentin, ne-a adus pentru determinări două monede de cupru.

MOLDOVA şi VALAHIA
Sadagura, *para 3 denghi*, 1772
1.AE ↑10,56 g; 28,5 mm.

IMPERIUL RUS, 2 copeici, 1820, E-M/ Ecaterinburg
2. AE ↑ 12,92 g; 30,2 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu

Bibliografie

Boldureanu 2015: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (IX). Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 315-322.

Callatay 1997: Fr. de Callataÿ, L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies (Louvain-la-Neuve 1997).

Ciocanu 2017: M. Ciocanu, O nouă emisiune a Țării Românești cu numele voievozilor Vladislav I și Radu I. In: Al XVII-lea Simpozion de Numismatică (Chișinău, 4-6 octombrie 2017). Programul și rezumatele comunicărilor (Chișinău 2017), 15-16.

Dima 2013: M. Dima, Monedele de argint ale cetății Istros în epoca elenistică. SCN s.n. XVI, 2013, 7-72.

Dima 2015: M. Dima, Monedele Imperiului Roman timpuriu. In: Moneda în Republica Moldova (Chișinău 2015), 32-47.

Huszár 1979: L. Huszár, Münzkatalog Ungarn (Budapesta 1979).

Gumovski 1960: M. Gumovski, Handbuch der polischen Numismatik (Graz 1960).

Matveev, Vornic 2017: S. Matveev, V. Vornic, Descoperiri monetare de pe teritoriul Republicii Moldova. In: Al XVII-lea Simpozion de Numismatică (Chișinău, 4-6 octombrie 2017). Programul și rezumatele comunicărilor (Chișinău 2017), 11-12.

Nicolae 2003: E. Nicolae, Moneda otomană în Țările Române în perioada 1451-1512 (Chișinău 2003).

Pere 1968: N. Pere, Osmanlılarda madenî paralar (Coins of the Ottoman Empire) (Istanbul 1968).

Povestca 2005: A. Povestca, O monedă romană descoperită în comuna Ciuteşti, Nisporeni. Tyragetia XIV, 2005, 81-82.

RIC: The Roman Imperial Coinage, I-X (London 1923-1994).

Нудельман 1976: А.А. Нудельман, Топография кладов и единичных находок (Кишинев 1976).

Фролова 2006: Н.А. Фролова, Каталог монет античной Тиры (Москва 2006).

Chronicle of coin findings (XI)

Keywords: coin findings, drachma from Istros, stater, denarius, groschen, akçe.

Abstract: The author introduces into the scientific circulation the coins, which were registered during the second half of 2016 and the first half of 2017. Most of them were discovered as a result of archaeological excavations, and some coins were brought to the National Museum of History of Moldova to attribute them.

The earliest of the antique coins are several specimens of drachmae from Istros, the place of which finding is unknown, as well as the golden stater of Mithridates VI Eupator (120-63 BC), minted in Callatis. Into the Chronicle there are also included 9 coins of the Roman period. Among them is the denarius of Trajan (98-117 AD), dated between 114-117, which was found in the village of Cobîlea of the Şoldăneşti District, and two coins of the times of Septimius Severus, one of which was minted in Tiras.

Medieval finds are represented by coins found during excavations at the 17th century church in the village of Căuşeni, near the Soroca Fortress, during the rescue excavations in the territory of Old Orhei, etc.

Хроника монетных находок (XI)

Ключевые слова: монетные находки, истрийская драхма, статер, денарий, грош, акче.

Резюме: Автор вводит в научный оборот монетные находки, которые были зарегистрированы на протяжении второй половины 2016 года и первой половины 2017 года. Большинство из них были выявлены в результате археологических раскопок, а некоторые монеты были принесены в Национальный музей истории Молдовы на атрибуцию.

Самыми ранними из античных монет являются несколько экземпляров истрийских драхм, место обнаружения которых неизвестно, а также золотой статер Митридата VI Евпатора (120-63 до н.э.), отчеканенный в Каллатисе. В «Хронику» включены 9 монет римского периода. Среди них – денарий времен правления императора Траяна (98-117 н.э.), датированный периодом между 114-117 годами, который был найден в селе Кобыля Шолданештского района, а также две монеты времен Септимия Севера, одна из которых отчеканена в Тирасе.

Средневековые находки представлены монетами, найденными во время раскопок при церкви XVII века в селе Кэушень, вблизи Сорокской крепости, во время спасательных работ на территории Старого Орхея и прочими.

22.10.2017

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

George Bilavschi,
UNELTE AGRICOLE DIN MOLDOVA MEDIEVALĂ

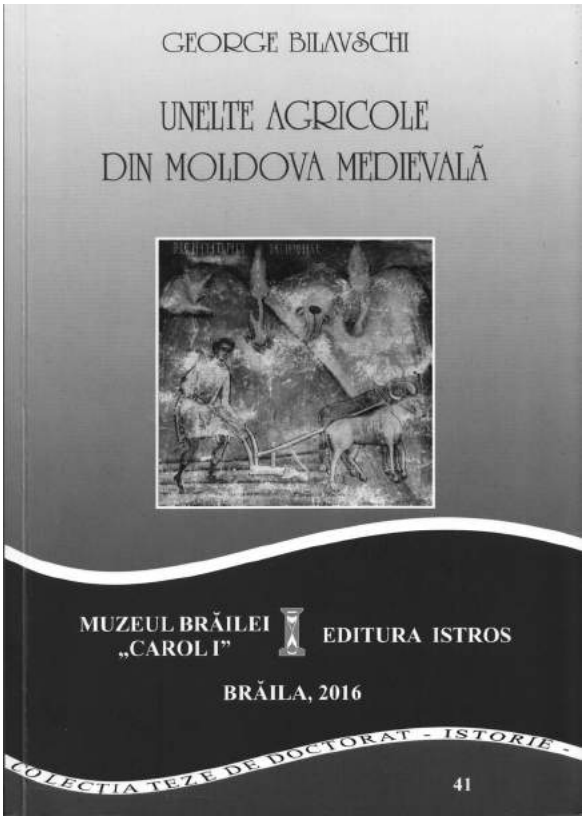
Brăila: Editura Istros, 2016, 488 p. ISBN: 978-606-654-222-7

Studierea spaţiului rural din Moldova medievală, a vieţii cotidiene a ţăranului şi a activităţilor agricole conjugate cu alte preocupări legate de obţinerea resurselor alimentare constituie o temă importantă în istoriografia românească cu perspective de cercetare interdisciplinară, care a atras atenţia cercetătorilor din domenii diferite, precum arheologia, istoria, etnografia, lingvistica, istoria artei ş.a. O contribuţie semnificativă la această temă, din perspectivă arheologică aparţine cunoscutului medievist Vasile Neamţu, care în anul 1975 a publicat o remarcabilă sinteză despre tehnica producţiei cerealiere din Moldova şi Ţara Românească până în secolul al XVIII-lea, reprezentând o formă dezvoltată a tezei de doctorat susţinută la Cluj-Napoca sub îndrumarea academicianului Ştefan Pascu.

După patru decenii de descoperiri notabile şi acumulări istoriografice, o nouă sinteză consacrată problematicii uneltelor agricole din Moldova medievală a fost publicată recent de către colegul George Bilavschi, cercetător în cadrul Institutului de Arheologie din Iaşi, care prin aportul său completează substanţial seria contribuţiilor referitoare la istoria vieţii agrare din spaţiul de la est de Carpaţi de-a lungul evului mediu.

Lucrarea, apărută în condiţii grafice foarte bune la Editura Istros din Brăila, este prefaţată de către distinsul magistru Victor Spinei, erudit medievist ieşean, membru al Academiei Române, sub a cărui îndrumare ştiinţifică autorul şi-a realizat studiile doctorale la Facultatea de Istorie din cadrul Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" din Iaşi, şi care ne înfăţişează necesitatea elaborării acestei monografii şi temeinicia conţinutului ştiinţific diseminat.

Înainte de expunerea analizei detaliate a tuturor uneltelor agricole folosite în spaţiul carpato-nistrian, autorul ne prezintă motivaţia temei abordate, metodele de cercetare folosite şi stadiul cercetărilor (p. 11-17), izvoarele scrise şi o prezentare istoriografică asupra contribuţiilor istorice, arheologice, lingvistice şi etnografice (p. 19-38). De asemenea, un capitol valoros din cuprinsul acestei cărţi se referă la terminologia agrară românească (p. 39-69), incluzând rezultatele analizei sensurilor unor termeni specifici pentru uneltele agricole şi a instrumentelor manipulate din spaţiul rural medieval din Moldova, dar şi a terminologiei privind terenurile agricole şi practicile tradiţionale româneşti din domeniul agriculturii.



Pentru a ilustra conexiunile dintre modul de viaţă al comunităţilor umane din aria est-carpatică şi evoluţia formelor uneltelor agricole medievale din acest spaţiu, colegul George Bilavschi ne schiţează cadrul fizico-geografic, relevând caracteristicile solurilor şi ale condiţiilor climatice. În continuare, autorul tratează anumite aspecte referitoare la problema metalurgiei fierului la est de Carpaţi în Evul Mediu (p. 76-87), cum ar

fi distribuţia resurselor de minereu de fer, îmbunătăţirea tehnicilor de exploatare a depozitelor de minereu feros, perfecţionarea cuptoarelor pentru reducerea minereului, obţinerea aliajului din care erau realizate uneltele ş.a. Totodată, este abordat aspectul locului de producere a utilajului agricol recuperat prin săpături arheologice pe teritoriul Moldovei. După cum bine se arată în acest capitol, în perimetrul siturilor medievale studiate au fost adunate destule mărturii arheologice de o certă valoare referitoare la producerea unor unelte agricole din fier de către meşteri specializaţi în anumite aşezări rurale sau urbane, precum Baia, Suceava, Hlincea, Bârlad, Izvoare, Lozna, Tg. Trotuş, Hansca, Pohorniceni-Petruha, Trebujeni-Scoc, Orheiul Vechi ş.a. În acest sens, au fost arătate descoperirea resturilor metalurgice (zgură metalică, fragmente de mangal, lupe de fier nefolosiţi, rebuturi), a unui număr semnificativ de obiecte neprelucrate şi de unelte specifice meseriei de fierar, instalaţii pentru reducerea minereului feros şi prelucrarea metalelor, dar şi depozite de artefacte necesare practicării acestui meşteşug (nicovale, cleşti, ciocane, dălţi). Se cuvine să menţionăm atenţia deosebită a autorului îndreptată asupra datelor cuprinse în sursele documentare, care reflectă atât existenţa unor meşteri locali specializaţi în producerea uneltelor folosite în activităţile agricole, cât şi importul lingourilor de fier sau a instrumentelor finisate din Transilvania sau Polonia.

Partea cea mai consistentă a lucrării, capitolul V, cuprinde prezentarea detaliată a uneltelor agricole medievale din spaţiul est-carpatic (p. 89-244). Autorul realizează un studiu complex al celor trei categorii mari de vestigii agricole: unelte de arat (brăzdare, cuţite de plug, otice), unelte de săpat (sape, hârleţe, târnăcoape), unelte pentru recoltarea cerealelor (seceri, coase, cosoare), unelte pentru tăiat şi despicat (topoare, securi, bărzi), evidenţiind anumite caracteristici din punct de vedere funcţional, tipologic şi cronologic. Aici, George Bilavschi îşi propune, totodată, clarificarea unei serii de chestiuni referitoare la proveniența şi evoluţia instrumentarului agricol, la tehnicile folosite în cultivarea solului, precum şi unele aspecte ale vieţii agrare tradiţionale, relevând, de asemenea, direcţiile de studiere ale universului rustic medieval şi metodologia ştiinţifică vest-europeană, pe care le adaptează cu pricepere la realităţile istorice din acest spaţiu.

Autorul stabileşte o metodologie coerentă de clasificare, prin care reuşeşte definirea etapelor evolutive ale tipurilor funcţionale, ale formelor şi variantelor tipologice ale unui eşantion semnificativ de artefacte recuperate atât prin săpături arheologice sistematice sau de salvare, precum şi scoase la iveală fortuit sau păstrate în colecţii particulare. Alături de cunoscutele vestigii atestate la Baia, Iaşi, Piatra Neamţ, Suceava, Zăhăreşti etc., au fost luate în studiu şi materialele găsite în stânga Prutului, cum ar fi depozitul de unelte agricole de o incontestabilă valoare istorică descoperit la Orheiul Vechi, artefactele de la Hansca, Lucaşeuca, Măşcăuţi, Moleşti, Poiana, Stâncăuţi ş.a. Astfel, spre deosebire de contribuţiile istoriografice anterioare referitoare la istoria vieţii agrare din Moldova în evul mediu, care valorificau vestigii descoperite în hotare geografice clar stabilite de raţiuni politice începând cu perioada postbelică, George Bilavschi depăşeşte cu fermitate aceste limite, oferind o imagine completă şi complexă asupra problemei originii şi evoluţiei instrumentarului agricol, a tehnicilor utilizate în prelucrarea solului în Moldova medievală de pe ambele maluri ale Prutului.

Autorul întocmeşte un valoros repertoriu al descoperirilor de unelte agricole medievale, care constituie un instrument de lucru necesar cercetătorilor interesaţi, însumând circa 600 de piese descrise riguros după scheme bine alese. Cuvinte de laudă se cuvin şi pentru realizarea ilustraţiei bogate (60 de planşe color şi alb-negru) şi a hărţilor descoperirilor de utilaj agricol, realizate pe perioade cronologice şi categorii de unelte, precum cele destinate aratului, săpatului, recoltării cerealelor, care ilustrează în mod fericit conţinutul lucrării.

În concluzie, menţionăm că monografia elaborată de către George Bilavschi reprezintă o expresie a acribiei şi dăruirii unui cercetător veritabil, care a îmbinat în scopul realizării proiectului său istoriografic consistenţa teoretică, analiza riguroasă şi concluziile pertinente.

20.05.2017

Dr. Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, MD-2001 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ludmila.pirnau@gmail.com

NIKOLAUS BOROFFKA
sau
lupta cu inerţia

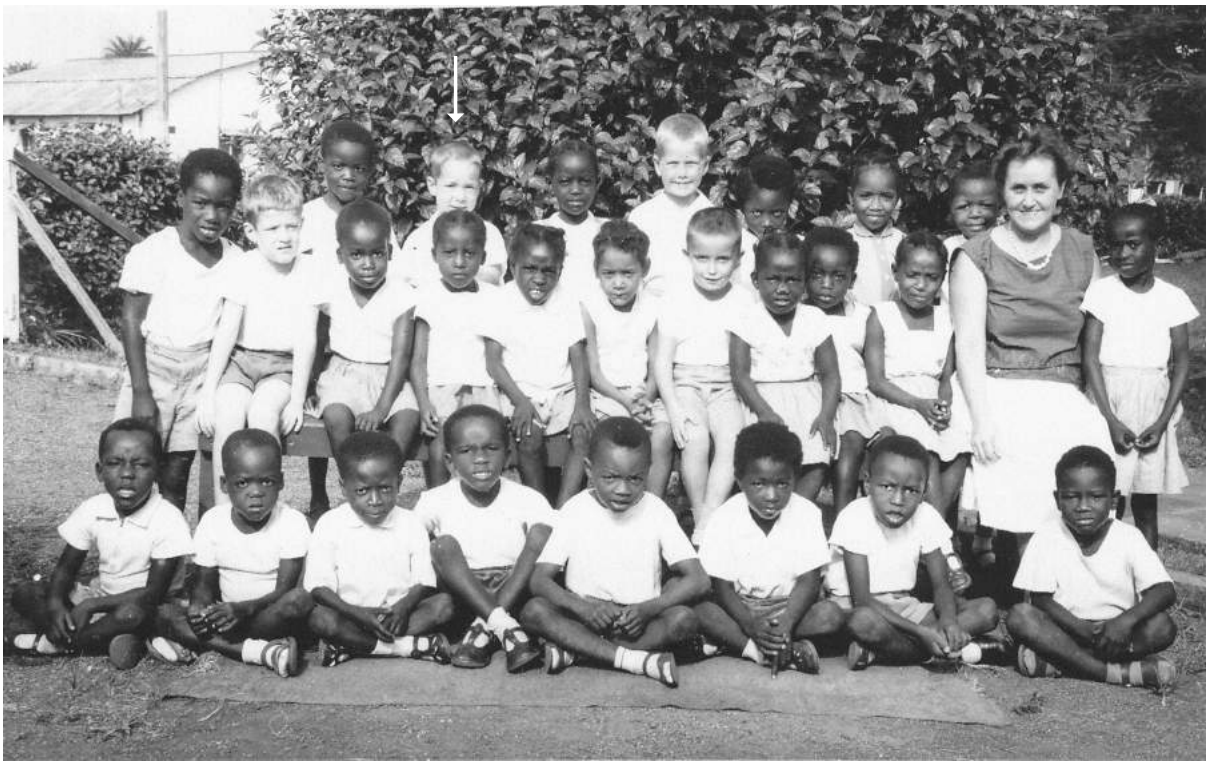
Încercând să schiţăm drumul străbătut de un coleg de breaslă atât de apropiat şi, evident, personalitatea lui, se iveşte inevitabil tentaţia de a urma întrucâtva tiparele unui articol cu subiect arheologic: prezentarea descoperirii, cronologia, interpretarea descoperirii etc. Subiectul rândurilor de faţă, prin toate caracteristicile lui umane şi ştiinţifice, se sustrage însă unei asemenea tratări şablonarde. Pentru creionarea unui portret autentic al prietenului şi colegului nostru se impune, deci, de a părăsi cărările bătătorite, relaţia rândurilor de faţă cu arheologia şi cu limbajul de specialitate, rămânând totuşi un fapt de neevitat.

Primele trăsături de creion, care sunt destinate contururilor generale ale portretului lui Nikolaus Boroffka ating involuntar „straturile din profunzime", originile, care se dovedesc a fi foarte vechi, fiind situate la sute de ani de istorie. În sec. al XIX-lea o parte din familie emigrează în Rusia, prefigurându-se prin aceasta dimensiunea internaţională a familiei. Ea va deveni până în ziua de azi o constantă, atât a familiei în sine, cât şi a legăturilor cu prieteni şi cunoştinţe din nenumărate ţări. Cei doi fraţi mai mici ai lui Nikolaus, Florian şi Konstantin, au lucrat şi lucrează mult în străinătate, în vreme ce mezina familiei, Susanne, este stabilită şi activează în Olanda.

Ramura din Rusia, respectiv din Uniunea Sovietică, numără, printre alţii, şi un cunoscut arheolog, specialist îndeosebi în epocă scitică, G.I. Borovka (1894-1942), victimă a represiunii staliniste, reabilitat de-abia în 1989. Colegul nostru a preluat însă nemijlocit atracţia spre arheologie de la bunicul matern, Otto Jäger, medic şi pictor, ale cărui interes şi colecţie arheologică au determinat în bună măsură atracţia spre arheologie şi preistorie a colegului nostru. Foarte legat a fost şi de bunica lui maternă, Barbara von Renthe-Fink, medic şi om politic social-democrat din Berlinul de Vest.

Iată cadrul general în care îşi începe Nikolaus Boroffka drumul vieţii: pornirea în această călătorie are loc la 9 decembrie 1957, la Berlin, unde va reveni, cu mari ocolişuri şi cu intermitenţe, până la urmă definitiv. La relativ scurtă vreme după naşterea acestui prim copil, părinţii, Alexander şi Nora Boroffka, ambii medici, vor pleca pentru câţiva ani în Nigeria, unde tatăl va contribui substanţial la dezvoltarea şcolii naţionale nigeriene de psihiatrie. Ultimul act al acestei munci în Africa este şi redactarea de către dr. Alexander Boroffka, în ultimii ani de viaţă, a bibliografiei psihiatriei din Nigeria. Pentru copilul Nikolaus Boroffka, dar şi pentru fraţii lui, şederea în această ţară înseamnă contactul cu o lume fundamental diferită de cea europeană, luând în considerare fie oamenii şi arhitectura, fie mentalitatea în general, fie animalele, vegetaţia şi clima. Aici învaţă să gândească, de mic copil, că „un altul e altfel" şi că respectul reciproc este ceva firesc, neţinând nici de culoarea pielii, nici de conturile din bancă, ci de comportamentul şi valoarea umană. Anii de şcoală primară petrecuţi la Corona School, în Lagos (1963-1966), parţial împreună cu fraţii lui Florian şi Konstantin, vor fi într-un anume fel hotărâtori pentru tot restul vieţii. O pauză berlineză îl aduce, împreună cu părinţii, în Europa. La Berlin va continua şcoa-

N. Boroffka în Uzbekistan.



Lagos (Nigeria), 1964.

Familia Boroffka. Lindaunis an der Schlei (Germania), 1970.

la primară (Löcknitz Schule, 1965-1966) şi va începe gimnaziul (Goethe Gymnasium, 1966-1967). Acesta îl va continua, din cauza unui nou sejur al părinţilor în Nigeria, la International School, Ibadan (1967-1971), după care va fi trimis în Anglia, la Ackworth School, Pontefract (1971-1976), unde întâlneşte, încă o dată, un cu totul alt mediu uman, social şi climatic: locuirea la internat, stilul de viaţă în general, dar şi o disciplină de muncă şi un pensum de cunoştinţe care îi folosesc, credem noi, şi în clipa de faţă. La Ackworth School şi-a dat în 1976 examenul de bacalaureat, care a fost recunoscut şi în Schleswig-Holstein.

Dimensiunea internaţională – caracterul cosmopolit, în sensul vechi şi bun al cuvântului – îi va determina şi stilul de muncă, completat cu experienţele ulterioare; acestea se orânduiesc pe un fond format dintr-o curiozitate nativă, sănătoasă, dublată de o tenacitate remarcabilă, care îl va ajuta să treacă şi prin momente dificile, dar să şi realizeze studii fundamentale.

Fără îndoială că toate aceste calităţi şi experienţe nu ar fi avut rezultatele de mai târziu fără şcoala de arheologie preistorică germană, care l-a format dintru început. Perioada de studii de la Kiel, la Institut für Ur- und Frühgeschichte al Universităţii Christian-Albrecht (1976-1982) sub conducerea tânărului profesor Bernhard Hänsel este completată cu studii de geologie, geografie şi etnologie, care îi deschid un orizont larg, dându-i în acelaşi timp cunoştinţe nemijlocit folositoare şi în meseria de arheolog. Atunci când B. Hänsel obţine profesura din Berlin, o grupă de studenţi,

printre care şi N. Boroffka, îşi urmează profesorul, după un vechi obicei, în noul centru universitar. Şi aici orizontul studentului Nikolaus Boroffka se lărgeşte necontenit; alături de continuarea studiului în specialitatea geologie, el frecventează cursuri şi seminarii privind arheologia Orientului Apropiat şi Mijlociu, care îi vor folosi din plin mai târziu. Tot aici se încadrează şi colaborarea la organizarea expoziţiei „Das mykenische Hellas. Heimat der Helden Homers“, precum şi activitatea de „studentische Hilfskraft”, la Kiel şi Berlin, prima treaptă pentru învăţarea elementelor de bază ale muncii ştiinţifice.

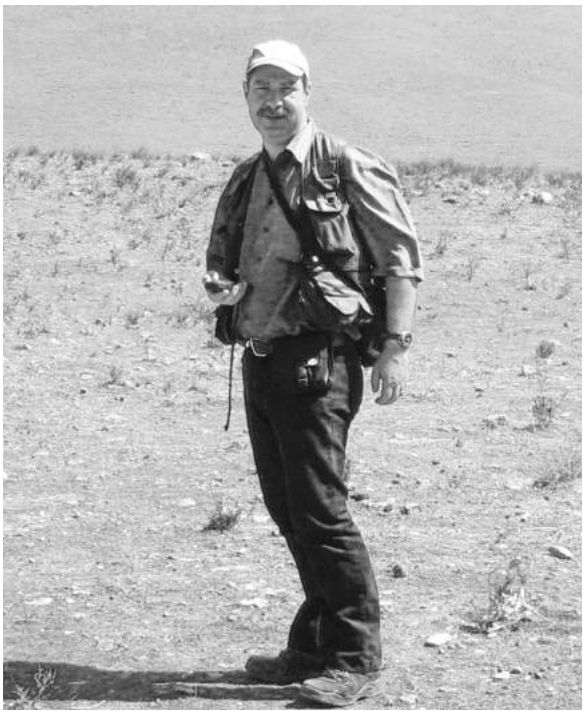
În aceeaşi perioadă (1976-1983) participă la numeroase şantiere arheologice în Germania, Grecia, Israel şi România, acumulând o experienţă impresionantă în domeniu. La îndemnul conducătorului de doctorat îşi alege o temă legată de epoca bronzului în Transilvania, care îşi propunea să studieze în profunzime civilizaţia de tip Wietenberg. Acest efort ştiinţific îl pune în legătură cu o lume pe care o cunoscuse doar în trecere, fiindu-i dat acum să se familiarizeze cu tărâmuri noi, atât ştiinţifice, cât şi istorice, sociale şi umane şi reuşind, nu rareori, să depăşească cunoştinţele istorice şi adâncimea de gândire a multor localnici. Învăţarea temeinică a limbii române îi prilejuieşte posibilitatea de a cunoaşte din primă mână literatura de specialitate şi cercurile ştiinţifice din ţară, dar îi deschide, în mod logic, nenumărate şi dintre cele mai diferite porţi în România. El reuşeşte astfel redactarea unei monografii care întrece tot ceea ce se scrisese până atunci din exteriorul fruntariilor ţării despre o temă de preistorie locală.

Cu susţinerea tezei de doctorat în februarie 1992 (magna cum laude) la Berlin şi cu publicarea ei în 1994 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 19) se încheie etapa de formare a cercetătorului Nikolaus Boroffka. Această monografie delimitează şi grupa lucrărilor de început – colegul nostru debutase încă din 1987 –, el păşind de acum pe un drum propriu, care va fi în continuare determinat pe de o parte de o viziune istorică tot mai amplă în timp şi spaţiu, pe de altă parte de grija pentru detaliu, pentru cercetarea tuturor faţetelor unei teme restrânse.

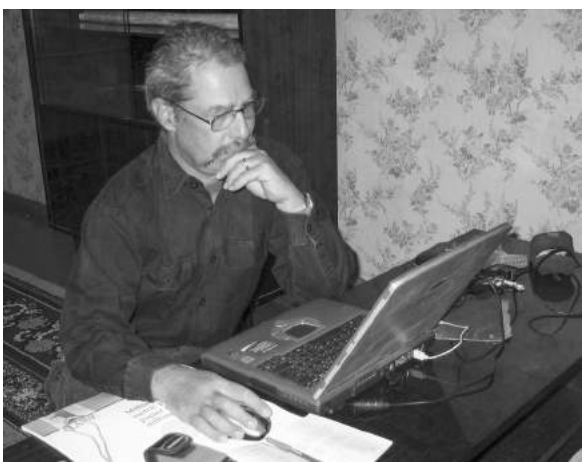
Noua fază presupune şi o nouă conştiinţă de sine, dar şi grija inevitabilă pentru ziua de mâine. Câteva săpături în Brandenburg şi în România reprezintă un intermezzo până la obţinerea bursei Feodor von Lynen a Fundaţiei Humboldt, care îi permite un sejur ştiinţific de trei ani (1993-1995), în cadrul Institutului de Arheologie din Bucureşti, bun prilej de a cunoaşte noi colegi, noi situri arheologice, de a face noi experienţe de viaţă. Spre deosebire de anii ’80 ai secolului trecut el reîntâlnea o Românie care încerca să revină pe drumul normalităţii. Ca şi atunci, şi acum întreprinde călătorii de studii, documentează un vast material, vede regiuni noi, citeşte mult despre istoria României şi a regiunilor înconjurătoare, devenind – alături de arhiepiscopul de Bucureşti, Raymund Netzhammer (1905-1924), dar fiecare în stilul lui propriu, – unul dintre „călătorii străini în Ţările Române” cu cele mai profunde şi ramificate cunoştinţe despre acest colţ de lume. Mai mult decât atât, prin căsătoria cu Rodica Medinceanu (1995), Nikolaus Boroffka devine „român prin alianţă”, nepierzând prin aceasta nimic din ceea ce este bun în sufletul german şi în stilul corespunzător de viaţă, dar câştigând un plus de lejeritate şi o mult mai necomplicată, rapidă şi exactă cunoaştere a oamenilor şi a situaţiilor. Tot în aceşti ani din România continuă să-şi îmbogăţească şi experienţa de muzeolog, prin participarea la organizarea unor expoziţii la muzeele din Alba Iulia, Sighişoara şi Bucureşti. Încă din această perioadă începe să se contureze un nou câmp de activitate, şi anume cel didactic: în anii 1993-1995 debutează în cariera universitară, ţinând prelegeri la Universităţile din Alba Iulia, Sibiu şi Bucureşti, continuate mai apoi, în anul 2001, doar la Bucureşti.

Liteni (România), 1983, împreună cu Tudor Soroceanu.

Cu Rodica Boroffka și un coleg din Tadjikistan, Duşanbe (Tadjikistan), 2004.



Lojlagan (Uzbekistan), 2004.



Duşanbe (Tadjikistan), 2004.

La revenirea în Germania (decembrie 1995) se vede confruntat cu o perioadă de săpături de salvare (1996), menite să asigure traiul de zi cu zi al tinerei familii, anul următor aducând o nouă schimbare prin apropierea tot mai strânsă de cercetarea îndeosebi a Asiei Centrale, Nikolaus Boroffka devenind treptat un expert în materie: alături de sejururi mai scurte în Iran, Pakistan, Afganistan, centrul de greutate se fixează în Uzbekistan, Tadjikistan, Turkmenistan, Kazahstan, unde conduce nenumărate săpături (începând din 1997 până azi). Învăţarea limbii ruse, ca element ineluctabil al aclimatizării la mediu şi al deschiderii faţă de oamenii cu care lucrează îi prilejuieşte şi de această dată o adâncire a cunoştinţelor. Lista impresionantă a lucrărilor reflectă nemijlocit această bifurcare a preocupărilor, care durează şi în momentul de faţă, fără ca laturile să se deranjeze una pe cealaltă; dimpotrivă cele două direcţii aparent divergente s-au dovedit reciproc fertile. În această perioadă „asiatică” legătura cu România nu este uitată, aşa acum ne-o dovedesc săpăturile de la Pănade şi Teleac, legate şi de îndrumarea studenţilor din străinătate şi din ţară.

Este momentul să revenim asupra unei aptitudini a prietenului nostru, şi anume aceea de a învăţa repede şi uşor limbi străine: lăsând la o parte limba locală din Africa, în care ajunsese să se înţeleagă cu conşcolarii lui nigerieni, engleza, româna, rusa, franceza şi spaniola i-au ajutat, aşa cum am mai amintit, în mod hotărâtor la asimilarea bibliografiei de specialitate, la ţinerea la curent cu noile descoperiri, teorii şi metode de cercetare, la lărgirea orizontului general, dar şi la stabilirea unor cauzalităţi care in alte condiţii ne scapă. Oglinda celor afirmate aici este în primul rând lista lucrărilor ştiinţifice.

Anul 1997 aduce o primă apropiere concretă a lui Nikolaus Boroffka de Secţia pentru Eurasia a Institutului German de Arheologie – ca angajat al ei –, care, după mai multe meandre birocratice, este încoronată de angajarea lui definitivă (2014) la această instituţie în calitate de colaborator ştiinţific, ca referent pentru Asia Centrală. Habilitarea survenită în 2008 la Freie Universität Berlin îi conferă şi titlul de „Privatdozent”, deschizând şi oficial cariera universitară a celui pe care îl omagiem aici şi prilejuindu-i o serie de cursuri şi seminarii de înalt nivel. La altitudinea atinsă au contribuit mulţi factori deja amintiţi în cadrul de faţă; această altitudine, dar şi cunoaşterea

Cu Horia Ciugudean la Teleac (România).

aprofundată, nemijlocită a multor şcoli naţionale de arheologie i-au conferit însă şi dreptul, chiar datoria de a privi uneori critic anumite tendinţe manifestate în cercetarea şi învăţământul superior din zilele noastre în spaţiul eurasiatic. Din păcate, vocea lui a fost prea puţin ascultată.

Articolele şi cărţile lui Nikolaus Boroffka, elementul peren, demonstrează nu numai dorinţa de perfecţionare proprie, ci şi cea de transmitere a tezaurului acumulat. Diferitele teme şi subiecte abordate oferă tot atâtea modele de urmat, indicându-ne în acelaşi timp o congruenţă ştiinţifică clară a unor elemente geografic şi temporal aparent disparate. Munca în aproape zece comitete de redacţie din Germania, România, Republica Moldova, Ucraina, dar şi multele volume editate, precum şi numeroasele traduceri de specialitate întregesc în chip fericit elaborarea propriilor lucrări, asigurându-i o experienţă complementară de mare valoare.

„Avanscena" lucrărilor şi în general a scrisului lui Nikolaus Boroffka a fost şi este, în mod firesc, participarea cu comunicări ştiinţifice, prezentate la un nivel profesional înalt, la diverse conferinţe internaţionale, diferite stagii şi realizarea proiectelor de cercetare în România, Republica Moldova, Ucraina, Rusia, Grecia, Austria, Franţa, Olanda, Spania, Polonia, Anglia etc. Ele i-au prilejuit întotdeauna şi un contact cordial susţinut cu colegii de meserie, ceea ce constituie şi liantul uman al ştiinţei.

Încercând să concentrăm toată strădania colegului nostru într-o singură formulă, se poate spune că avem de-a face cu un ecumenism ştiinţific de cea mai bună factură: având ca temelie însăşi experienţa lui de viaţă complexă, uneori chiar eterogenă, creaţia savantului Nikolaus Boroffka ne vădeşte o permanentă confruntare cu noul, cu necunoscutul. În perpetuă efervescenţă, el nu doarme pe titluri, ci le reînnoieşte, le înavuţeşte de la o zi la alta. Este nobila luptă cu inerţia, care ne atacă necontenit dinăuntru şi dinafară.

Din perspectiva celor 60 de ani pe care îi sărbătorim acum, se impune şi constatarea că Nikolaus Boroffka nu a păşit uşor prin viaţă: biografia lui ne arată că fiecare succes a fost cucerit prin înfruntare directă, ca un bastion bine apărat: nu numai greutăţile în sine au trebuit învinse, de multe ori a trebuit să trăiască şi amărăciunea de a-i fi fost refuzate posibilităţi oferite altora pe nedrept. Nu şi-a cruţat niciodată forţele şi a luat, în unele momente, poate chiar prea mult pe umerii săi, tocmai din dorinţa de a fi de folos şi de a face bine. Terenul spiritual pe care a păşit colegul şi

prietenul nostru a fost însă unul ferm, ceea ce i-a asigurat izbânda, lucru care se va întâmpla şi în mulţii ani pe care îi dorim şi de acum înainte.

Ar fi nedrept să încheiem portretul colegului nostru fără a aminti ceva care dă funciarmente culoare şi relief schiţei de faţă, şi anume omenia lui Nikolaus Boroffka, capacitatea şi dorinţa lui de a ajuta strict omeneşte pe cel aflat în nevoie: cine a trăit îndeosebi anii ’80 în România comunistă, când supravieţuirea nu era o vorbă goală, poate înţelege mai bine ce însemna acest lucru, realizat nu întotdeauna fără riscuri. În afară de firea lui generoasă, de dorinţa lui înnăscută de a ajuta, acest lucru fusese educat în familie, unde îndeosebi părinţii însemnaseră pentru el un exemplu permanent în acest sens. Ajutoarele (alimente, medicamente etc.) primite de nenumăraţi colegi de breaslă – şi nu numai de ei – din România nu pot fi înşirate şi preţuite îndeajuns, ele completându-se cu materiale desenate de el însuşi, cu atâtea publicaţii ştiinţifice, dar şi alte cărţi, care nu puteau fi procurate din varii motive şi a căror lipsă o resimţeam din plin. Nu trebuie trecută sub tăcere nici munca propriu-zisă, cum ar fi traducerile pe care le-a făcut pentru mulţi colegi.

O complementaritate a calităţii creionate mai sus este ospitalitatea în ţara lui de baştină. Zeci de colegi de breaslă din diferite colţuri ale lumii au avut, printre alţii, posibilitatea de a fi oaspeţi în casa familiei Boroffka, bucurându-se de o primire ieşită din comun.

Această omenie este şi liantul care face din tot ceea ce am trecut în revistă mai sus un tot unitar, un ansamblu uman irepetabil, ale cărui calităţi nu pot fi îndeajuns preţuite. Tactul, discreţia, respectul faţă de opiniile celuilalt, stăpânirea de sine şi însuşirea de a nu se plânge– dar nu în ultimă instanţă şi umorul – nu fac decât să întregească în chip fericit această imagine.

Aşa cum aminteam la început, Nikolaus Boroffka provine dintr-o veche familie, despre care de altfel vorbeşte puţin, fără emfază şi doar după ce îl cunoaşte bine pe interlocutorul lui. A înţeles de timpuriu că „gloria strămoşească pe strămoşi slăveşte / în zadar nepotul cu ea se mândreşte” şi că îndreptăţirea de a fi părtaş, de a te identifica cu acest trecut de prestigiu, se scurge prin canalele strâmte ale propriilor tale contribuţii: la patrimoniul cultural al familiei şi, prin aceasta, la patrimoniul cultural al unei grupe sociale, al unei naţiuni şi, dacă vrem, al omenirii. Aşa cum cel pe care îl omagiem în rândurile de faţă a făcut-o şi o va face cu toată dăruirea. Urarea noastră este ca această sinisforă a lui, pe tărâmul ştiinţei şi al omeniei, să se îmbogăţească neîntrerupt şi să dureze cât mai mult omeneşte posibil.

Ad multos faustosque atque opimos annos!

Tudor Soroceanu, Berlin
Eugen Sava, Chişinău

Lista publicaţiilor

Monografii

1. N. Boroffka, Die Verwendung von Eisen in Rumänien von den Anfängen bis in das 8. Jahrhundert v. Chr. Bemerkungen (Berlin 1991).
2. N. Boroffka, Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Südosteuropa. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 19. (Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH 1994).
3. H. Parzinger, N. Boroffka (unter Mitarbeit von K. Alimov, M. Bubnova, Ju. F. Burjakov, Ju. Jakubov, E. Pernicka, G. Weisgerber, mit Beiträgen von A. Atachodžaev, N. Benecke, J. Görsdorf), Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten. Archäologie in Iran, Turan 5 (Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern 2003).
4. A. Ioniţă, D. Căpăţână, N. Boroffka, R. Boroffka, A. Popescu, Feldioara-Marienburg. Contribuţii arheologice la istoria Ţării Bârsei/Archäologische Beiträge zur Geschichte des Burzenlandes. (Bucureşti: Editura Academiei Române 2004).

Articole

1. N. Boroffka, Folosirea fierului în România de la începuturi pînă în secolul al VIII-lea î.e.n. Apulum 24, 1987, 55-77.
2. N. Boroffka, Consideraţii asupra unor obiceiuri de depunere în epocile premetalice din Europa. SCIVA 43/4, 1992, 341-354.

3. N. Boroffka, Die Germanensiedlung von Perwenitz bei Berlin. Das Altertum 38, 1992, 231-238.
4. N. Boroffka, Altstadtgrabung in Cottbus. Archäologie in Deutschland 9/1, 1993, 46.
5. N. Boroffka, Descoperiri vechi din Muzeul de Istorie Aiud (I). SCIVA 44/3, 1993, 293-302.
6. N. Boroffka, Ein neuer Idoltyp aus Südosteuropa. Arheološki vestnik 44, 1993, 97-100.
7. N. Boroffka, Ausgrabung bei Perwenitz, Kr. Havelland. Veröffentlichungen des Brandenburgischen Landesmuseums für Ur-, Frühgeschichte 28, 1994, 105-134.
8. N. Boroffka, Consideraţii asupra culturii Wietenberg. Aşezarea de la Poiana Aiudului. SCIVA 45/1, 1994, 15-26.
9. N. Boroffka, Ein neues hallstattzeitliches Idol aus Teleac. Apulum 31, 1994, 75-78.
10. N. Boroffka, Probleme der jungbronzezeitlichen Keramik in Ostungarn, Westrumänien. In: (Eds. H. Ciugudean, N. Boroffka) The Early Hallstatt Period (1200-700 B.C.) in South-Eastern Europe. Proceedings of the International Symposium from Alba Iulia, 10-12 June, 1993. Bibliotheca Musei Apulensis 1. Muzeul Naţional al Unirii (Alba Iulia 1994), 7-23.
11. N. Boroffka, R. Harhoiu, Würdigung für Hans Zeiß (1895-1944). Dacia N.S. 38-39, 1994-1995 (1997), 457-458.
12. N. Boroffka, Descoperiri hallstattiene târzii la sud de Carpaţi. Apulum 32, 1995, 101-112.
13. N. Boroffka, Cultura Otomani/The Otomani Culture. In: (Eds. C. Stoica, M. Rotea, N. Boroffka) Comori ale epocii bronzului din România/Treasures of the Bronze Age in Romania (Bucureşti 1995), 215-217, 221-222.
14. N. Boroffka, Cultura Wietenberg/The Wietenberg Culture. In: (Eds. C. Stoica, M. Rotea, N. Boroffka) Comori ale epocii bronzului din România/Treasures of the Bronze Age in Romania (Bucureşti 1995), 274-276, 280-281.
15. N. Boroffka, Depozitul de la Uioara de Sus/The Deposit from Uioara de Sus. In: (Eds. C. Stoica, M. Rotea, N. Boroffka) Comori ale epocii bronzului din România/Treasures of the Bronze Age in Romania (Bucureşti 1995), 81, 103, fig. D/12.
16. N. Boroffka, S.A. Luca, Archäologische Metallfunde aus der Schulsammlung Beliu, Kr. Arad. In: (Hrsg.T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südösteuropa 10 (Berlin 1995), 225-228.
17. N. Boroffka, Th. Stapelfeldt, Bemerkungen zu einer balkanischen Gefäßform: Die Saucière. ArhMold 18, 1995, 277-288.
18. S. Luca, N. Boroffka, New prehistoric discoveries from Sibiu, Romania. Apulum 32, 1995, 73-82.
19. R. Harhoiu, N. Boroffka, R. Medinceanu, L. Antal, D. Harhoiu, Sighişoara, “Cartierul Viilor”. In: Cronica Cercetărilor Arheologice, Campania 1994 (Cluj-Napoca 1995), 83.
20. S. Luca, N. Boroffka, A. Ursuţiu, M. Căstăian, Orăştie - cercetări de suprafaţă. In: Cronica Cercetărilor Arheologice, Campania 1994 (Cluj-Napoca 1995), 64-65.
21. I. Paul, N. Boroffka, A. Luca, Z.-K. Pinter, M. Ciută, Orăştie. Dealul Pemilor, punct X8. In: Cronica Cercetărilor Arheologice, Campania 1994 (Cluj-Napoca 1995), 63.
22. Gh. Baltag, N. Boroffka, Materiale arheologice preistorice de la Albeşti, jud. Mureş. SCIVA 47/4, 1996, 375-393.
23. D. Popa, N. Boroffka, Consideraţii privind cultura Noua. Aşezarea de la Ţichindeal, jud. Sibiu. SCIVA 47/1, 1996, 51-61.
24. C.-M. Mantu, N. Boroffka, Funde der Bronze-, Hallstattzeit aus Poieneşti, Scînteia. In: The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. The 7th International Congress of Thracology. May 20-26, 1996. Constanta-Mangalia-Tulcea, Romania (Bucharest 1996), 298-299.
25. N. Boroffka, A. Ströbl, „Frühdeutsche“ Keramik neu datiert. Baubegleitende Untersuchungen in der Rathausstraße von Luckau, Landkreis Dahme-Spreewald. Archäologie in Berlin, Brandenburg 1997 (1998), 139-140.
26. S.A. Luca, N. Boroffka, O nouă descoperire paleolitică din Transilvania. Apulum 34, 1997, 1-4.
27. S.A. Luca, N. Boroffka, Neue paläolithische Funde aus Siebenbürgen. Forschungen zur Volks-, Landeskunde 40/1-2, 1997 (1999), 103-106.
28. N. Boroffka, Rasiermesser der Bronze-, Hallstattzeit aus Rumänien. In: (Hrsg. C. Becker, M.-L. Dunkelmann, C. Metzner-Nebelsick, H. Peter-Röcher, M. Roeder, B. Teržan) Χρόνος. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord-, Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel. Internationale Archäologie. Studia honoraria 1. (Espelkamp: Verlag Marie Leidorf GmbH 1997), 563-576.
29. N. Boroffka, Bronze-, früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien, ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud, Teil II. Eurasia Antiqua 4, 1998 (1999), 81-135.
30. N. Boroffka, A. Ströbl, Archäologie in Luckau 1996. Luckauer Heimatkalender 30, 1998, 25-28.

31. N. Boroffka, E. Sava, Zu den steinernen „Zeptern/Stössel-Zeptern“, „Miniatursäulen“, „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens. Archäologische Mitteilungen aus Iran, Turan 30, 1998 (1999), 17-113.
32. S.A. Luca, N. Boroffka, M. Ciută, Aşezarea neolitică aparţinând culturii Starčevo-Criş de la Orăştie - Dealul Pemilor. Punct X8 (Campaniile 1993-1994). Apulum 35, 1998, 17-29.
33. N.G.O. Boroffka, Ein neues hallstattzeitliches Grab aus Siebenbürgen. Arheološki Vestnik 49, 1998, 93-100.
34. N. Boroffka, I. Andriţoiu, Cercetări arheologice la Orăştie „Dealul Pemilor“. Punctul X5, campania 1995. Apulum 35, 1998, 87-90.
35. K. Alimov, N. Boroffka, M. Bubnova, Ju. Burjakov, J. Cierny, Ju. Jakubov, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, V. Radililovskij, V. Ruzanov, T. Širinov, D. Staršinin, G. Weisgerber, Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasien. Vorbericht der Kampagne 1997. Eurasia Antiqua 4, 1998 (1999), 137-199.
36. N. Boroffka, Zu einem Axtfragment aus „Ungarn“. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu)Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 59-69.
37. N. Boroffka, T. Soroceanu, Vorwort. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH 1999), 9-10.
38. Z.-K. Pinter, N. Boroffka, Neue mittelalterliche Gräber der Ciumbrud Gruppe aus Broos/Orăştie, Fundstelle Böhmerberg/Dealul Pemilor X8. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH 1999), 313-330.
39. N. Boroffka, Some cultural and social relations in Bronze Age Eurasia/Н. Бороффка, Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии. In: Complex Societies of Central Eurasia in III-I Millennia BC: Regional specifics in the light of global models. Materials for the conference August 25 - September 2 (Chelyabinsk, Arkaim 1999)/Н. Бороффка, Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсалных моделей. Материалы к международной конференции 25 августа - 2 сентября 1999 г. (Челябинск, Аркаим 1999), 80-83.
40. K. Alimov, N. Boroffka, Ju. Burjakov, J. Cierny, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, V. Ruzanov, T. Shirinov, G. Weisgerber, Research at Karnab, Uzbekistan. Preliminary notes from the 1997 campaign. История материальной культуры Узбекистана 30, 1999, 80-87.
41. N.G.O. Boroffka, Probleme der späten Otomani-Kultur. In: (Hrsg. J. Gancarski) Kultura Otomani-Füzesabony - rozwój, chronologia, gospodarka. Materiały z konferencji archeologicznej Dukla, 27-28.11.1997/Die Otomani-Füzesabony-Kultur - Entwicklung, Chronologie, Wirtschaft. Materialien der archäologischen Konferenz Dukla, 27-28.11.1997 (Krosno 1999), 113-129.
42. N. G. O. Boroffka, Problems of the late Otomani culture in Transylvania. Romanian Journal of Archaeology www.archaeology.ro, Dez. 2000.
43. Н. Бороффка, М. Бубнова, Г. Вайсгербер, Й. Луц, Г. Парцингер, Е. Перницка, Д. Старшнини, Я. Циерны, Ю. Якубов, Исследования в районе древних разработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон). Археологические работы в Таджикистане 27, 2000, 71-120.
44. N.N. Chegini, M. Momenzadeh, H. Parzinger, E. Pernicka, Th. Stöllner, R. Vatandoust, G. Weisgerber, in collaboration with N. Boroffka, A. Chaichi, D. Hasanalian, Z. Hezarkhani, M. Mir Eskandari, N. Nezafati, Preliminary report on archaeometallurgical investigations around the prehistoric site of Arisman near Kashan, western Central Iran. Archaeologische Mitteilungen aus Iran, Turan 32, 2000, 281-318.

Publicat în limba persană în 2002:

توماس شتولنر، هرمان پارزيڤگر، ارذ ست پرنيشكا، مرتضى مؤمن‌زاده، ناصر ذوروززاده چگينى، گرد وايزگربر، رسول وطن‌دوست، ذاهمكارى: ذيكلاس بروفكا، اميرخيز احمل چاتچى، داوود حسذعليان، محمود ميراسكذلرى، ذيما ذظافتى، زهرا سرارحى، عذوان: گزارش مقدماتى مطالعات فلز كارى و معدن كارى كهن درمحوطه هاى باستاني پيش از تارتج اريسمان ووشذوه (كاشان ، قم) (تهران ۱۳۸۱)

45. N. Boroffka, Schwarzmeergebiet. In: (Hrsg. H. Cancik, H. Schneider) Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike Bd. 11 Sam-Tal. (Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler Verlag 2001), Sp. 282-289.
46. N. Boroffka, Bemerkungen zu einigen Bernsteinfunden aus Rumänien. Archäologisches Korrespondenzblatt 31, 2001, 395-409.
47. Z.-K. Pinter, N.G.O. Boroffka, Necropola de tip Ciumbrud de la Orăştie “Dealul Pemilor”, Punct X8. Apulum 38/1, 2001, 319-346.
48. H. Parzinger, N. Boroffka, Woher stammt das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien? Archäologie in Deutschland 17/3, 2001, 12-17.
49. N. Boroffka, Vorstellung der Gedenkschrift für Kurt Horedt. Mitteilungen des Humboldt-Clubs Rumänien 5, 2001, 7.

50. N. Boroffka, Das hallstattzeitliche Grab (Fundstelle X_8). In: A. Luca, Z.-K. Pinter, Der Böhmerberg bei Broos/Orăştie. Eine archäologische Monographie. Bibliotheca Musei Apulensis 16 (Sibiu 2001), 91-95, 241-242 Taf. 60-61.
51. N. Boroffka, I. Andriţoiu, Die Ausgrabungen an der *Fundstelle* X_5. In: A. Luca, Z.-K. Pinter, Der Böhmerberg bei Broos/Orăştie. Eine archäologische Monographie. Bibliotheca Musei Apulensis 16 (Sibiu 2001), 96-97, 243 Taf. 62.
52. S.A. Luca, N. Boroffka, Die paläolithischen Funde. In: A. Luca, Z.-K. Pinter, Der Böhmerberg bei Broos/Orăştie. Eine archäologische Monographie. Bibliotheca Musei Apulensis 16 (Sibiu 2001), 26-27, 182, Taf. 1.
53. S. A. Luca, N. Boroffka, M. Ciută, Die Starčevo-Criş-Siedlung (*Fundstelle* X_8). In: A. Luca, Z.-K. Pinter, Der Böhmerberg bei Broos/Orăştie. Eine archäologische Monographie. Bibliotheca Musei Apulensis 16 (Sibiu 2001), 28-33, 183-188, Taf. 2-7.
54. Z.-K. Pinter, N.G.O. Boroffka, Das Gräberfeld der Ciumbrud-Gruppe (*Fundstelle* X_8). In: A. Luca, Z.-K. Pinter, Der Böhmerberg bei Broos/Orăştie. Eine archäologische Monographie. Bibliotheca Musei Apulensis 16 (Sibiu 2001), 98-114, 244-249, Taf. 63-68.
55. N. Boroffka, Thrakes, Thrake, Thraci V. Archäologie, Kultur. In: (Hrsg. H. Cancik, H. Schneider) Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike 12/1. Tam-Vel. (Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler Verlag 2002), Sp. 485-491.
56. N. Boroffka, Observaţii asupra descoperirilor preistorice de chihlimbar din România. Apulum 39, 2002 (2003), 145-168.
57. N. Boroffka, Mormântul hallstattian de la Batoş, jud. Mureş. Angustia 7, 2002, 233-240.
58. E. Sava, N. Boroffka, T. Soroceanu, Cluj „Strada Banatului". In: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr, Westkarpaten, mit Katalogbeiträgen von N. Boroffka, L. Dascălu, Gh. Dumitroaia, E.V. Jarovoj, T. Soroceanu. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 19 (Kiel 2002), 100-103, Taf. 137-140; 141/1-9.
59. N. Boroffka, Ja. Cierny, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, G. Weisgerber, Bronze Age tin from Central Asia: Preliminary notes. In: (Eds. K. Boyle, C. Renfrew, M. Levine) Ancient interactions: East and West in Eurasia (Cambridge 2002), 135-159.
60. Г. Парцингер, Н. Бороффка, Поселение металлургов эпохи бронзы в Карнаб-Сичкончи (Узбекистан). In: (Ред. В.В. Бобров) Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-лению со дня рождения Якова Абрамовича Шера (Новосибирск 2002), 163-167.
61. H. Parzinger, N. Boroffka, Zur bronzezeitlichen Zinngewinnung in Eurasien. Die Bergarbeitersiedlung bei Karnab, Uzbekistan. In: (Hrsg. B. Govedarica) Spomenica/Gedenkschrift Alojz Benac 1914-1992. Akademija Nauka i Umjetnosti Bosne i Hercegovine, Godišnjak 32. Centar za balkanološka ispitivanja 30 (Sarajevo, Frankfurt am Main, Berlin, Heidelberg 2002), 161-178.
62. H. Parzinger, N. Boroffka, New results on prehistoric tin- and bronze metallurgy in Central Asia. In: (Ed. E.N. Černych) Kargaly International Field Symposium - 2002. Earliest stages of mining and metallurgy in northern Part of Eurasia: Kargaly complex. Kargaly - Orenburg, 25 July - 1 August 2002. Proceedings of Symposium (Moskva 2002) / Г. Парцингер, Н. Бороффка, Новые результаты по изучению доисторической металлургии олова и бронзы в Центральной Азии. In: (Ред. Е.Н. Черных) Каргалинский Международный полевой Симпозиум - 2002. Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Севеной Евразии: Каргалинский комплекс. Каргалы - Оренбург, 25 июля - 1 августа 2002 года. Материалы симпозиума (Москва 2002), 71-75.
63. N. Boroffka, B.A. Prishchepa, A bronze hoard from Uzlissia, Ukraine. Dacia N.S. 46-47, 2002-2003 (2004), 173-184.
64. N. Boroffka, Urgeschichtliche Silexgewinnung in Schleswig-Holstein. In: (Eds. Th. Stöllner, G. Körlin, G. Steffens, Ja. Cierny) Man and Mining - Mensch, Bergbau. Studies in honour of Gerd Weisgerber on occasion of his 65th birthday. Der Anschnitt, Beiheft 16. Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum Bochum 114 (Bochum 2003), 65-71.
65. N. Boroffka, O piesă de argint din zona Târnavelor. In: (Eds. D.M. Istrate, A. Istrate, C. Gaiu) In memoriam Radu Popa. Temeiuri ale civilizaţiei româneşti în context european. Biblioteca Muzeului Bistriţa, Seria Historica 7 (Bistriţa 2003), 121-128.
66. N.G.O. Boroffka, Archäologische Beiträge zur Klimageschichte des Aral-Sees. Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie, Urgeschichte 24, 2003, 21-39.
67. N. Boroffka, Preliminary archaeological results of the Project INTAS-Aral 00-1030 „CLIMAN". In: (Eds. Mischke, B. Wuennemann, F. Riedel) International Symposium „Emvironmental Change in Central Asia. Climate-Geodynamics-Evolution-Human Impact", March 10-15, 2003, Freie Universität Berlin. Abstracts. Berliner Paläobiologische Abhandlungen 2 (Berlin 2003), 19.

68. N.G.O. Boroffka, K.M. Bajpakov, G.A. Achatov, A. Eržanova, D.A. Lobas, T.V. Savel´eva, J. Adam, Ein Kessel aus dem Vorland des Aral-Sees. Eurasia Antiqua 9, 2003, 221-236.
69. N. Boroffka, H. Parzinger, Research at Karnab Sichkonchi - A metallurgists settlement of the Bronze Age in the Samarkand district of Uzbekistan / Н. Бороффка, Г. Парцингер, Исследование Карнаб-Сичкончи – поселения металлургов эпохи бронзы на территории Самаркандской области Узбекистана. In: (Ред. Ю.М. Бровендер) Проблеми гірничної археології (Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару), с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської області, 21-25 липня 2003 р. (Алчевськ 2003), 7-20.
70. N.G.O. Boroffka, K.M. Bajpakov, G.A. Achatov, A. Eržanova, D.A. Lobas, T.V. Savel´eva, unter Mitarbeit von J. Boelscher, A. Hörnig, B. Wünnemann, mit Beiträgen von J. Adam, E. Pernicka, N. Benecke, R. Neef, Prospektionen am nördlichen Aral-See, Kazachstan. Archäologische Mitteilungen aus Iran, Turan 35-36, 2003-2004 (2005), 1-81.
71. N. Boroffka, Bronzezeitliche Wagenmodelle im Karpatenbecken. In: (Hrsg. M. Fansa, St. Burmeister) Rad, Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient, Europa. Wissenschaftliche Begleitschrift zur Sonderausstellung „Rad, Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient, Europa“ vom 28. März bis 11. Juni 2004 im Landesmuseum für Natur, Mensch, Oldenburg. Archäologische Mitteilungen aus Nordwestdeutschland, Beiheft 40 (Mainz am Rhein 2004), 347-354.
72. N. Boroffka, Nutzung der tierischen Kraft, Entwicklung der Anschirrung. In: (Hrsg. M. Fansa, St. Burmeister) Rad, Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient, Europa. Wissenschaftliche Begleitschrift zur Sonderausstellung „Rad, Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient, Europa“ vom 28. März bis 11. Juni 2004 im Landesmuseum für Natur, Mensch, Oldenburg. Archäologische Mitteilungen aus Nordwestdeutschland, Beiheft 40 (Mainz am Rhein 2004), 467-480.
73. N. Boroffka, J. Becker, Töpferöfen in Arisman. In: (Hrsg. Th. Stöllner, R. Slotta, Ab. Vatandoust) Persiens Antike Pracht. Bergbau – Handwerk – Archäologie. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 28. November 2004 bis 29. Mai 2005, Bd. 1. Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum Bochum 128 (Bochum 2004), 218-221.
74. К.М. Байпаков, Н. Бороффка, Т.С. Савельева, Г.А. Ахатов, Д.А. Лобас, А.А. Ержанова, Итоги археологических исследований северного Приаралья по проекту INTAS „CLIMAN“. Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан, Серия общественных наук/Хабарлары Қазақстан Республикасы Ұлттық, Ғылым Академиясының, Серия общественных наук 1 (242), 2004, 236-254.
75. Т. Ширинов, К. Алимов, С. Баратов, К. Рахимов, Н. Сапаров, Н. Бороффка, Б. Вюннеманн, Хр. Райнхардт, Ф. Соррель, С. Кривоногов, Полевые работы по проекту INTAS № 00-1030: „Климатические изменения в эпоху голоцена и развитие поселений человека в бассейне Аральского Моря“/“Holocene climate variability and evolution of human settlement in the Aral Sea Basin (CLIMAN)“. В сб.: Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год, вып. 4 (Самарканд 2004), 197-205.
76. N. Boroffka, Siedlungsmuster im bronzezeitlichen Siebenbürgen – Am Beispiel des Gebietes um Aiud, jud. Alba. In: (Hrsg. B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan) Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 121 (Bonn 2005), 125-142.
77. N. Boroffka, R. Boroffka, Ein neues Schwert aus Südrumänien. In: (Eds. V. Spinei, C.-M. Lazarovici, D. Monah) Scripta praehistorica. Miscellanea in honorem nonagenarii magistri Mircea Petrescu-Dîmboviţa oblata. Honoraria 1 (Iaşi 2005), 505-514.
78. N. Boroffka, F. Ridiche, Der Gußformenfund von Pleniţa, Kreis Dolj, Rumänien/Descoperirea de tipare pentru turnarea bronzului de la Pleniţa, judeţul Dolj. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien 2. Beiträge zur Veröffentlichung, Deutung bronze-, älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang/Descoperiri de bronzuri din România 2. Contribuţii la publicarea şi interpretarea descoperirlor de metal din epoca bronzului şi prima vârstă a fierului în contextul european. Biblioteca Muzeului Bistriţa 11 (Bistriţa, Cluj-Napoca 2005), 133-208.
79. N. Boroffka, K. Bajpakov, T. Shirinov, Archaeology and Climate: Human reactions and actions relating to water level changes of the Aral Sea. Geophysical Research Abstracts 7, 2005, 1607-7962/gra/EGU05-A-07458.
80. N.G.O. Boroffka, H. Oberhänsli, G.A. Achatov, N.V. Aladin, K.M. Baipakov, A. Erzhanova, A. Hörnig, Krivonogov, D.A. Lobas, T.V. Savel´eva, B. Wünnemann, Human settlements on the northern shores of Lake Aral and water level changes. Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change 10, 2005, 71-85.
81. N.G.O. Boroffka, Ph. Sorrel, K. Alimov, S. Baratov, K. Rachimov, N. Saparov, T. Širinov, Ch. Reinhardt, B. Wünnemann, Prospektionen am südlichen Aralsee, Uzbekistan. Archäologische Mitteilungen aus Iran, Turan 37, 2005 (2006), 247-306.

82. R. Létolle, N. Aladin, I. Filipov, N.G.O. Boroffka, The future chemical evolution of the Aral Sea from 2000 to the years 2050. Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change 10, 2005, 51-70.
83. N. Boroffka, R. Boroffka, VII. Materiale Preromane. In: R. Harhoiu, Gh. Baltag, Sighişoara „Dealul viilor". Monografie arheologică (Bistriţa, Cluj-Napoca 2006), 575-619.
84. N. Boroffka, Ausgrabungen in Bandixon, Provinz Surchandar´ja, Uzbekistan. In: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Aktuelle Forschungsprojekte (Berlin 2006), 54-55.
85. N. Boroffka, G. Heck, Resursele minerale din România şi stadiul actual al cercetărilor privind mineritul preistoric. Apulum 43/1, 2006, 71-94.
86. Е. Кайзер, Н. Бороффка, К. Чіппіндейл, Ф. Кол, Є.М. Черних, О. Лесков, К. Вителлі, Е.Р. Усманова, Від редколегії журналу «Археологія». Археологія (Київ) № 4, 2006, 95-107.
87. N. Boroffka, H. Oberhänsli, Ph. Sorrel, F. Demory, Ch. Reinhardt, B. Wünnemann, K. Alimov, Baratov, K. Rakhimov, N. Saparov, T. Shirinov, K. Krivonogov, U. Röhl, Archaeolgy and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea. Geoarchaeology 21/7, 2006, 721-734.
88. A.P. Drujinina, N.R. Boroffka, First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004. Bulletin of Miho Museum 6/3, 2006, 57-69.

A.P. ドゥルジニナ & N.R. ボロフカ タフティ・サンギン発掘中間報告 2004年 MIHO MUSEUM 研究紀要 第6号 2006.3.

89. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка, Памятники Бандихана. В сб.: Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 годы, вып. 5 (Самарканд 2006), 193-203.
90. N. Boroffka, Some thoughts on deposition-habits in the pre-metallic periods of Europe. In: (Ред. В.С. Ветров) Искусство и религия древних обществ. Сборник научных статей (Луганск 2007), 52-58.
91. N. Boroffka, H. Oberhänsli, Climate variability and human settlement in the Aral Sea basin during the past 2000 years. In: (Ed. V.N. Jagodin) The abstracts of papers. An International Symposium "Aral Sea on the Crossroads of Cultures" and the second field workshop "Archaeology of ancient Tashkirman Oasis", devoted to the centenary of the outstanding researcher of the Central Asia Sergey Pavlovich Tolstov. Nukus-Bustan-Beruni, 2-4 okjabrja 2007 goda (Nukus 2007) / (Ред. В.Н. Ягодин) Тезисы докладов Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур» и второго полевого семинара «Археология древнего Ташкирманского оазиса», посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Центральной Азии Сергея Павлович Толстова. Нукус-Бустан-Беруни, 2-4 октября 2007 года (Нукус 2007), 28.
92. N. Boroffka, L. Swerçkow, Ýaz medeniýeti: Özbegistanda geçirilen täze barlaglar/Н. Бороффка, Л. Сверчков, Культура Яз: Новые исследования в Узбукистане / N. Boroffka, L. Sverchkov, The Jaz Culture: New research from Uzbekistan. Miras № 1, 2007, 86-96.
93. H. Oberhänsli, N. Boroffka, P. Sorrel, Krivonogov, Climate variability during the past 2000 years and past economic and irrigation activities in the Aral Sea basin. Irrigation and Drainage Systems 21, No 3-4, 2007, 167-183.
94. Ph. Sorrel, H. Oberhänsli, N. Boroffka, D. Nourgaliev, P. Dulski, U. Röhl, Control of wind strength and frequency in the Aral Sea basin during the late Holocene. Quaternary Research 67, 2007, 371-382.
95. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка, Археологические исследования в Бандихане в 2005 г. В сб.: Труды Байсунской Научной Экспедиции. Археология, История и Этнография, вып. 3 (Ташкент 2007), 97-141.
96. Н. Бороффка, Глиняные модели повозок в Карпатах и проблема происхождения воевых колесниц. В: (Ред. А.И. Василенко) Происхождение и распространение количества. Сборник научных статей (Луганск 2008), 30-46.
97. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка, Комплекс периода Яз II из Бандихана. История материальной культуры Узбекистана/Ozbekistan Moddiy Madaniyati Tarixi 36, 2008, 50-54.
98. N. Boroffka, Simple technology: casting moulds for axe-adzes. In: (Eds. T.L. Kienlin, B. Roberts) Metals and society. Studies in honour of Barbara Ottaway. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 169. (Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH 2009), 246-257.
99. N. Boroffka, mit einem Beitrag von G. Heck, Mineralische Rohstoffvorkommen, der Forschungsstand des urgeschichtlichen Bergbaues in Rumänien. In: (Hrsg. M. Bartelheim, H. Stäuble) Die Wirtschaftlichen Grundlagen der Bronzezeit Europas / The economic foundations of the European Bronze Age. Forschungen zur Archäometrie, Altertumswissenschaft 4. (Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH 2009), 119-146.
100. N. Boroffka, Dr. Tudor Soroceanu la 65 de ani / Dr. Tudor Soroceanu zum 65. Geburtstag. Tyragetia s.n. III/1, 2010, 381-391.

101. H. Ciugudean, Cr. Fântâneanu, C. Inel, N. Boroffka, S. Hansen, Pănade „Sărături". In: Cronica Cercetărilor Arheologice din România, Campania 2008. A XLIII-a Sesiune Naţională de Rapoarte arheologice, Târgovişte, 27-30 mai 2009. Valahica 21, 2009, 166.
102. N. Boroffka, L. Sverchkov, The history of a microregion: Excavations at Bandikhan (Uzbekistan). 110th Annual Meeting, January 8-11, 2009, Philadelphia, Pennsylvania. Archaeological Institute of America, Abstracts 32 (Boston 2009), 30.
103. N. Boroffka, Excavations in the Late Bronze Age site of Majdatepa at Bandikhan, southern Uzbekistan. Abstracts of the Third Interantional Symposium on Middle Asia Intercultural Space (MAIS). Iranian Center for Archaeological Research (Tehran 2009), 7.
104. N. Boroffka, Eine Gründung Alexanders in Asien. Damals 41/10, 2009, 10-13.
105. N. Boroffka, Alexanders Festung in Uzbekistan. Antike Welt 40/5, 2009, 20-21.
106. N. Boroffka, Siedlungsgeschichte in Nordbaktrien – Bandichan zwischen Spätbronzezeit, Frühmittelalter. In: (Hrsg. S. Hansen, A. Wieczorek, M. Tellenbach) Alexander der Grosse, die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel. Begleitband zur Sonderausstellung „Alexander der Grosse, die Öffnung der Welt - Asiens Kulturen im Wandel" in den Reiss-Engelhorn-Museen Mannheim. Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen 36 (Regensburg: Schnell + Steiner 2009), 134-144.
107. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка, О некоторых проблемах археологического исследования культур росписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа. In: (Ред. Д.А. Алимова, Ш.Р. Пидаев) Ўзбекистон пойтахти Тошкент 2200 ёшда. Тошкент шахрининг 2200 йиллик юбилейига бағишланган халқаро илмий конференция материаллари / (Ред. Д.А. Алимова, Ш.Р. Пидаев) Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы международной научной конференции, посященной 2200-летнему юбилею города Ташкента / (Ed.D.A. Alimova, Š.R. Pidaev) 2200th Anniversary of Tashkent – The Capital of Uzbekistan. Proceedings of the International Scientific Conference devoted to the 2200th Anniversary of the City of Tashkent (Тошкент/Ташкент/Tashkent 2009), 33-39.
108. N. Boroffka, R. Boroffka, Merkezi aziýanyň arheologiýa ýadygärliklerиniň bütindünýä ähmiýeti. In: Täze galkynyş we beýik özgertmeler eýýamynda Türkmenistanyň arheologiýa we etnografiýa ylmy: Ýetilen sepgitler we öňde duran wezipeler. Halkara ylmy maslahatyň nutuklarynyň gysgaça beýany (2010-njy ýylyň 10-11-nji noýabry). (Aşgabat: Ylym 2010), 80/N. Boroffka, R. Boroffka, The archaeological importance of Central Asia for Old World history). In: Archaeology and ethnography of Turkmenistan in the epoch of new revival and great reforms: Achievements and new perspectives. Abstracts of reports of the International Scientific Conference (November 10-11, 2010). (Aşgabat: Ylym 2010), 200 / Н. Бороффка, Р. Бороффка, Мировое значение археологических памятников Центральной Азии. В: Археологическая и этнографическая наука Туркменистана в эпоху нового возрождения и великих преобразований: Достингнутые рубежи и новые персрективы. Материалы Международной научной конференции (10-11 ноября 2010 года) (Aşgabat: Ylym 2010), 316-317.
109. N. Boroffka, R. Boroffka, Ein alter bronzener Dolch aus Siebenbürgen. In: (Hrsg. N. Bolohan, Fl. Măţău, F.A. Tencariu) Signa Praehistorica. Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno. Honoraria 9 (Iaşi: Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" 2010), 189-202.
110. C.-M. Lazarovici, N. Boroffka, Descoperiri din perioada târzie a epocii bronzului de la Poieneşti, jud. Vaslui şi din hallstattul timpuriu de la Scânteia, jud. Iaşi. ArhMold 33, 2010 (Omagiu academicianului Mircea Petrescu-Dîmboviţa cu prilejul împlinirii a 95 de ani), 275-284.
111. H. Ciugudean, C. Fântâneanu, G.T. Rustoiu, N. Boroffka, S. Hansen, Pănade. In: Cronica Cercetărilor Arheologice din România, Campania 2009. A XLIV-a Sesiune Naţională de Rapoarte arheologice, Suceava, 27 – 30 Mai 2010. Muzeul Naţional de Istorie a României (Bucureşti 2010), 138.
112. N. Boroffka, Siedlungsgeschichte in Nordbaktrien – Bandichan zwischen Spätbronzezeit, Frühmittelalter. In: (Hrsg. S. Hansen, A. Wieczorek, M. Tellenbach) Alexander der Grosse, die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel. Katalog zur Ausstellung in der Kunsthalle Leoben 21.3.-1.11.2010. Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen 36, 2. Auflage (Regensburg: Schnell + Steiner 2010), 134-144.
113. N. Boroffka, Asentamientos del norte de Bactria: Bandichan desde la Edad del Bronce a la Edad Media. In: (Hrsg. S. Hansen, A. Wieczorek, M. Tellenbach) Alejandro Magno. Encuentro con oriente. Centro de Exposiciones Arte Canal, 3. Auflage (Madrid: Canal de Isabel II 2010), 134-143.
114. N.G.O. Boroffka, Archaeology and its relevance to climate and water level changes: A review. In: (Eds. A.G. Kostianouy, Al.N. Kosarev) The Aral Sea Environment. The Handbook of Environmental Chemistry 7. (Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag 2010), 283-303.
115. Н. Бороффка, Серебряная фигурная булавка из «Гробницы Ягнека» (18/1994) в Гонуре (некоторые соображения о музыке и ритуале). В: (Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова) На пути открытия

цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской Археологической Экспедиции 3 (Санкт-Петербург: Алтейя 2010), 258-265.

116. N. Boroffka, C.-M. Mantu-Lazarovici, Zwei Bronzesicheln der Noua-Kultur aus Poieneşti: Zur Wirtschaft in den bronzezeitlichen Steppen Euasiens. In: (Hrsg. E. Sava, B. Govedarica, B. Hänsel) Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit(5000 - 500 v. Chr.). Band 2. Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chişinău, Moldavien (4.-8. Oktober 2010). Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 27 (Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH 2011), 148-165.
117. N. Boroffka, N.N. Chegini, H. Parzinger, Excavations at Arismān, Area B. In: (Hrsg. A. Vatandoust, H. Parzinger, B. Helwing) Early mining and metallurgy on the western Central Iranian Plateau. The first five years of work. Archäologie in Iran, Turan 9 (Mainz: Verlag Philipp von Zabern 2011), 28-39.
118. N. Boroffka, A. Ivantchik, Ji. Mei, Technology transfer in Central Asia – Chinese, Greek and Scytho-Saka interactions in casting technology. In: International Symposium on Qin Period Metallurgy and its Social and Archaeological Context. Xi'an, Apr. 6th - 9th 2011. Conference abstracts (Xi'an 2011), 47-50.
119. N. Boroffka, Goňurdepedäki 18-nji gazyda geçirilen gazuw-agtaryş işleri barada gysgaça hasabat. In: (Ed. N. Kakalyýewa), Bürünç-Demir eýýamlary we Türkmeniň Maddy-Ruhy Mirasy. Halkara ylmy maslahatyň gysgaça beýany (2011-njiýylyň 10-11-nji noýabry) (Aşgabat: Ylym 2011), 10-11 / N. Boroffka, Excavations in area 18 at Gonur-Depe. In: (Ed. N. Kakalyýewa) Bronze and Iron Ages and material-spiritual heritage of Turkmenistan. Abstracts of reports of the International Scientific Conference (November 10-11, 2011). (Aşgabat: Ylym 2011), 130-133 / Н. Бороффка, Краткие сведения о раскопках на участке 18 Гонур-Депе. In: (Ed. N. Kakalyýewa) Бронзово-железный век и материально-духовное наследие туркмен. Материалы Международной научной конференции (10-11 ноября 2011 г.) (Aşgabat: Ylym 2011), 237-241.
120. Н. Бороффка, Ц.Ц. Мэй, Распростанение технологий в Центральной Азии: китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки. Вестник Древней Истории 2011, № 4 (279), 2011, 49-76.
121. N. Boroffka, R. Boroffka, Einige Bronzefunde aus Siebenbürgen, Rumänien. In: (Hrsg. R. Kujovský, Vl. Mitáš) Václav Furmánek a doba bronzová. Zborník k sedemdesiatym narodeninám. Archaeologica Slovaca Monographiae, Communicationes 13 (Nitra: Archeologický Ústav Slovenskej Akadémie Vied 2012), 51-60.
122. N. Boroffka, Uzboý hakyndaky orta asyr çeşmeleri we häzirki zaman ylmy-barlag işleri. Türkmenistanyň orta asyr şäherleri Ýewraziýa siwilizasiýasynyň ulgamynda. Halkara ylmy maslahatyň nutuklarynyň gysgaça beýany (2012-nji ýylyň 28-30-njy marty) (Aşgabat: Ylym 2012), 138-139 / N. Boroffka, Medieval sources on the water flow in the Uzboi and it´s effects on life in Khorezm and modern scientific research. Medieval cities of Turkmenistan in the system of the Eurasian Civilization. Abstracts of reports of the International Scientific Conference (March 28-30, 2012) (Aşgabat: Ylym 2012), 137 / Н. Бороффка, Средневековые источники и современные научные исследования об Узбое. Средневековые города Туркменистана в системе Евразийской цивилизации. Материалы международной конференции (28-30 марта 2012 года) (Aşgabat: Ylym 2012), 138.
123. Л.М. Сверчков, У. Син, Н. Бороффка, Раскопки Кызилтепа. В сб.: Археологические исследования в Узбекистане 2010-2011 годы, вып. 8 (Самарканд 2012), 253-261.
124. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка, Раскопки памятника кидаритского времени в Сурхандарье. Археология Узбекистана/O'zbekiston Arxeologiyasi 5, №2, 2012, 3-19.
125. N.G.O. Boroffka, Archaeology and its relevance to climate and water level changes: A review. In: Central Eurasian Climate History 1. Climate change and humans (Kyoto: Rinsen Book Co. 2012), 209-239 / 中央ユーラシア 環境史1. 環境変動と人間. 臨川書店 (京都市 2012), 209-239.
126. Н. Бороффка, К.-М. Манту-Лазарович, Зимовка степных скотоводов и два бронзовsx серпа из Пойенешть (Румыния). Российский Археологический Ежегодник 2, 2012, 172-193.
127. Н. Бороффка, Кратко об участии Немецкого археологического Института в раскопках Гонур Депе веской 2010 г. Труды Маргианской экспедиции 4, 2012 (Исследования Гонур Депе 2008-2011 гг.), 64-67.
128. N. Boroffka, (Nekrolog) Burger Wanzek (1953-2012). Archäologisches Nachrichtenblatt 17/4, 2012, 427-429.
129. V.I. Sarianidi, N.G.O. Boroffka, N.A. Dubova, Cultural contacts of Margiana, Turkmenistan, in the 3rd Millennium BC. New evidence from Gonur Depe, Burial 4150. Gandhāran Studies 6, 2012 (2013), 1-17.
130. N. Boroffka, Klimatische Schwankungen, Siedlungsgeschehen in der frühen Geschichte Kasachstans. In: (Hrsg. Th. Stöllner, Za. Samašev) Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens, Band 1. Katalog der Ausstellung des deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis 30. Juni 2013. Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum Bochum 192 (Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum 2013), 55-66.

131. N. Boroffka, J. Mei, Technologietransfer in Mittelasien – chinesische, griechische, skytho-sakische Interaktion in der Gusstechnik. In: (Hrsg. G. Lindström, S. Hansen, A. Wieczorek, M. Tellenbach) Zwischen Ost, West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Wissenschaftliches Kolloquium 30.9.-2.10.2009 in Mannheim. Archäologie in Iran, Turan 14 (Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern 2013), 143-169.
132. N. Boroffka, R. Boroffka, *Auf, singet, trinket den köstlichen Trank!* Gedanken zur Darstellung von Festen in der Ur-, Frühgeschichte. In: (Hrsg. Cl. von Carnap-Bornheim, W. Dörfler, W. Kirleis, J. Müller, U. Müller) Von Sylt bis Kastanas. Festschrift für Helmut Johannes Kroll zum 65. Geburtstag. Offa 69/70, 2012/13 (Neumünster: Wachholtz Verlag 2013), 171-188.
133. N. Boroffka, Romania, Moldova, and Bulgaria. In: (Hrsg. H. Fokkens, A. Harding) The Oxford Handbook of the European Bronze Age (Oxford: Oxford University Press 2013), 877-897.
134. Н. Бороффка, Х. Оберхэнсли, Заселение Приаралья и изменение уровня Аральского Моря (Новые данные к проблеме Узбоя). В сб.: (Ред. В.Н. Ягодин) Приаралье на перекритке культур (Самарканд 2013), 20-28.
135. Е. Сава, Н. Бороффка, Новые находки бронзовых предметов эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье. Revista Arheologică s.n. 9/1 (Omagiu domnului Valentin Dergaciov cu ocazia împlinirii a 70 de ani), 2013, 166-187.
136. K.-U. Heußner, N. Boroffka, Dendrochronological and radiocarbon dating of samples from Kurganzol (Uzbekistan). Леонид Михайлович Сверчков, Курганзол - Крепость Александра га юге Узбекистана (Tashkent: SMI-ASIA 2013), 182-184.
137. N. Boroffka, A new site of the Neolithic to Bronze Age in Turkmenistan – "Dashli-Depe". In: Heritage of south-east Turkmenistan in the system of Ancient and Medieval Cultures of Eurasia. Abstracts of reports of the International Scientific Conference (March 12-13, 2014) (Aşgabat: Ylym 2014), 216-217 / N. Boroffka, Daşlydepe – Türkmenistanyň çäginde täze daş we mis-daş asyryna degişli täze açylan ýadygärlik. In: Günorta-günogar Türkmenistanyň mirasy ýewraziýanyň gadymy we rta asyr medeniýetleriniň ulgamynda. Atly halkara ylmy maslahatyň nutuklarynyň gysgaça beýany (2014-nji ýylyň 12-13-nji marty) (Aşgabat: Ylym 2014), 8 / Н. Бороффка, Дашлт-Депе – Памятник эрохи неолита и бронзы. В: Наследие юго-восточного Туркменистана в системе древних и средневековых кульцур Евразии. Материалы Международной научной конференции (12-13 марта 2014 года) (Aşgabat: Ylym 2014), 388-389
138. K.-U. Heußner, N. Boroffka, Dendrochronological and radiocarbon dating of samples from Kurganzol (Uzbekistan). In: Л.М. Сверчков, Курганзол - Крепость Александра на юге Узбекистана (Ташкент: SMI-ASIA 2014), 180-182.
139. N. Boroffka, ROXIANA - Forschungen zu Metall, Keramik der späteren Urgeschichte zwischen Amu Dar´ja Becken, Indus. In: (Hrsg. S. Hansen) Aktuelle Forschungen in Eurasien (Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung 2014), 82-83.
140. N. Boroffka, Dashly Depe, Turkmenistan. In: (Hrsg. S. Hansen) Aktuelle Forschungen in Eurasien (Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung 2014), 84-85.
141. N. Boroffka, Gonur, Maryskij velajat, Turkmenistan. In: (Hrsg. S. Hansen) Aktuelle Forschungen in Eurasien (Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung 2014), 86-87.
142. N. Boroffka, Bandichan, Surchandar´ja, Uzbekistan. In: (Hrsg. S. Hansen) Aktuelle Forschungen in Eurasien (Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung 2014), 88-89.
143. N. Boroffka, Molali, Surchandar´ja, Uzbekistan. In: (Hrsg. S. Hansen) Aktuelle Forschungen in Eurasien (Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung 2014), 90-91.
144. N.G.O. Boroffka, L.M. Sverchkov, The Jaz II and III period pottery. Classification and chronology viewed from Bandykhan, Southern Uzbekistan. In: (Ed. M. Wagner) Pottery chronology of the Early Iron Age in Central Asia (Warszawa: Kazimierz Michałowski Foundation, Institute of Archaeology, University of Warsaw 2013 [2014]), 49-74.
145. В.И. Сарианиди, Н.Г.О. Бороффка, Н.А. Дубова, Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н.э. Новые данные по Гонур-Депе (погребение № 4150). Труды Марганской Археологической Экспедиции 5, 2014, 127-137.
146. N. Boroffka, G.T. Rustoiu, R. Ota, Preface/Prefaţa. In: (Eds. N. Boroffka, G.T. Rustoiu, R. Ota) Carpathian Heartlands. Studies on the prehistory and history of Transsylvania in European contexts, dedicated to Horia Ciugudean on his 60th birthday / Nucleul Carpatic. Studii privind preistoria şi istoria Transilvaniei în context european, dedicate lui Horia Ciugudean la aniversarea a 60 de ani. Apulum 51, 2014, XIX-XXII.
147. N. Boroffka, Memories with Horia/Amintiri cu Horia. In: (Eds. N. Boroffka, G.T. Rustoiu, R. Ota) Carpathian Heartlands. Studies on the prehistory and history of Transsylvania in European contexts, dedicated to horia Ciugudean on his 60th birthday / Nucleul Carpatic. Studii privind preistoria şi istoria Transilvaniei în context european, dedicate lui Horia Ciugudean la aniversarea a 60 de ani. Apulum 51, 2014, XXIII-XXX.

148. N. Boroffka, (Nekrolog) Viktor Ivanovich Sarianidi, September 23, 1929 – December 23, 2013. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 20.2, 2014, 267-270.
149. N. Boroffka, (Nekrolog) Burger Wanzek (18 ianuarie 1953 - 17 aprilie 2012. SCIVA 65/3-4, 2014, 383-386.
150. N. Boroffka, Gonur-Depe. Eine bronzezeitliche Königsstadt in Mittelasien. Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie, Urgeschichte 35, 2014 (2015), 15-24.
151. N. Boroffka, Gonur, Maryskij velajat, Turkmenistan. DAI, e-Forschungsberichte 2, 2015, 131-134.
152. N. Boroffka, Bandichan, Surchandar´ja, Usbekistan. DAI, e-Forschungsberichte 2, 2015, 135-137.
153. N. Boroffka, Molali, Surchandar´ja, Usbekistan. DAI, e-Forschungsberichte 2, 2015, 138-141.
154. N. Boroffka, Kurganzol. Archäologie Weltweit 1, 2015, 51-53.
155. N. Boroffka, A. Gurbanov, Merkezi Aziýanyň Neoliti we Eneoliti baradaky täze maglumatlar: Daşlydepe (Türkmenistan)/N. Boroffka, A. Kurbanov, New data on the Neolithic and Eneolithic of Central Asia: Dashlydepe (Turkmenistan)/Н. Бороффка, А. Курбанов, Новые данные по неолиту и энеолиту Центральной Азии: Дашлы-Депе (Туркменистан). Miras 2015, № 1, 38-55.
156. H. Ciugudean, N. Boroffka, Depozitele de bronzuri Pănade I şi II. In: H. Ciugudean, G. Bălan, Artizanii epocii bronzului. Descoperiri recente de depozite de bronzuri în Transilvania (Alba Iulia: Muzeul Naţional al Unirii Alba Iulia 2015), 33-38.
157. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка, Материалы поселения эпохи поздней бронзы Молали. Археология Узбекистана 10/1, 2015, 75-88.
158. N. Boroffka, (Nekrolog) Viktor Ivanovič Sarianidi, September 23, 1929 - December 23, 2013. Archäologische Mitteilungen aus Iran, Turan 45, 2013 (2015), 351-352.
159. N. Boroffka, B. Nessel, M. Prange, H. Ciugudean, M. Takács, Neues Licht auf alte Fragen - Einige besondere Metallobjekte aus dem Depotfund von Aiud, Kreis Alba, Rumänien. In: (Hrsg. M. Bartelheim, B. Horejs, R. Krauss) Von Baden bis Troia. Resourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer. Eine Jubiläumsschrift für Ernst Pernicka. Oriental and European Archaeology (OREA) 3 (Rahden/Westf.: Velrag Marie Leidorf GmbH 2016), 339-421.
160. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка, Период Яз-II: Этапы и хронология. Вестник Археологии, Антропологии и Этнографии № 1 (32), 2016, 5-18.
161. N. Boroffka, Marginal Elites. Some observations in modern Romania and their relevance to Prehistoric hoards and status expression. In: (Eds. S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta) Raum, Gabe, Erinnerung.Weihgaben, Heiligtümer in prähistorischen, antiken Gesellschaften. Berlin Studies of the Ancient World 38 (Berlin: Edition Topoi 2016), 311-330.
162. N. Boroffka, The “Miniature Columns” of Bronze Age Eurasia - New indications of ritual meaning from Gonur Depe, Turkmenistan. In: (Hrsg. A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitser, M. Băţ) Mensch, Kultur, Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur Frühen Eisenziet im nördlichern Eurasien. Beiträger zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava / Man, culture, and society from the Copper Age until the Early Iron Age in northern Eurasia. Contributions in honour of the 60th anniversary of Eugen Sava. Tyragetia International 1 (Chişinău 2016), 121-126.

Recenzii

1. N. Boroffka, Besprechung: Ioanis Aslanis mit Beiträge von Olga Psichogiou-Smith, Georgia Kortwai-Philippaki, I Proistoria Tis Makedonias, I, I Neolithiki Epochi Athin 1992, 402 mit Tabellen, Karten, Plänen im Text sowie 68 Tafeln am Ende des Bandes. Dacia N.S. 37, 1993 (1995), 336-337.
2. N. Boroffka, Besprechung: Simpozium international “Cultura Vinča - rolul şi legăturile sale”, Reşiţa, Băile Herculane, Timişoara. In memoriam prof. dr. doc. Vladimir Dumitrescu (19 oct./1 nov. 1991), (Banatica 11, 1991), Reşiţa, 1991, 325 p. mit zahlreichen Abbildungen, Tabellen im Text. Dacia N.S. 37, 1993 (1995), 337-338.
3. N. Boroffka, Besprechung: Cultura Vinca în România (Origine, evoluţie, legături). În memoria lui Nicolae Vlassa, Timişoara, 1991, 248 mit Abbildungen, Tabellen im Text, angehängtem, illustriertem Katalog. Dacia N.S. 37, 1993 (1995), 338-339.
4. N. Boroffka, Besprechung: Gh. Lazarovici, Grupul şi staţiunea Iclod, Cluj, 1991, 42 S., mehreren Abbildungen, Tabellen im Text. Gh. Lazarovici, Z. Maxim-Kalmar, Tărtăria, Cluj, 1991, 28 S., 6 Abbildungen, 4 Tafeln im Text. Z. Maxim-Kalmar, Turdaş, Cluj, 1991, 20 S., 8 Abbildungen. Dacia N.S. 37, 1993 (1995), 339-340.
5. N. Boroffka, Besprechung: Iuliu Paul, Cultura Petreşti, Bukarest, 1992, 205 S., 2 Tabellen, 54 Tafeln. Dacia N.S. 37, 1993 (1995), 340-341.

6. N. Boroffka, Besprechung: Richard Bradley, The passage of arms. An archaeological analysis of prehistoric hoards and votive deposits. xvi + 243 Seiten, 15 Tafeln, 41 Abbildungen. Cambridge University Press (Cambridge 1990). ISBN 0.521.38446.X. Praehistorische Zeitschrift (Berlin) 69, 1994, 99-102.
7. N. Boroffka, Besprechung: Heidi Peter-Röcher, Kannibalismus in der prähistorischen Forschung. Studien zu einer paradigmatischen Deutung, ihren Grundlagen. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 20, Aus dem Seminar für Ur-, Frühgeschichte der Freien Universität Berlin (Bonn 1994). SCIVA 46/1, 1995, 83-87.
8. N. Boroffka, Besprechung: Wolfhard Schlosser, Jan Cierny, Sterne, Steine. Eine praktische Astronomie der Vorzeit (Darmstadt 1996). European Archaeology - online www.archaeology.ro, Dez. 2000.
9. N. Boroffka, Besprechung: Pierre Gentelle, Prospections archéologiques en Bactriane Orientale (1974-1978) 1. Données paléogéographiques et fondements de l´irrigation. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale 3 (Paris 1989); Bertille Lyonnet, Prospections archéologiques en Bactriane Orientale (1974-1978) 2. Céramique et peuplememnt du Chalcolithique à la conquête arabe. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale 8 (Paris 1997); Jean-Claude Gardin (avec la collaboration d´Hélène Scour), Prospections archéologiques en Bactriane Orientale (1974-1978) 3. Description des sites et notes de synthèse. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale 9 (Paris 1998). Archäologische Mitteilungen aus Iran, Turan 33, 2001, 449-456.
10. N. Boroffka, Besprechung: Nation and national ideology. Past, present and prospects. Proceedings of the International Symposium held at the New Europe College, Bucharest, April 6-7, 2001 (Bucureşti 2002). Südosteuropa Mitteilungen 43/2, 2003, 105-106.
11. N.G.O. Boroffka, Besprechung: Josip V. Kobal´, Bronzezeitliche Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). Prähistorische Bronzefunde Abt. XX, Bd. 4 (Stuttgart 2000). Eurasia Antiqua 9, 2003, 323-327.
12. N. Boroffka, Besprechung: Pierre Briant (ed.), Irrigation et drainage dans l´Antiquité, qanāts et canalisations souterraines en Iran, en Égypte et en Grèce, séminaire tenu au Collège de France. Persika 2 (Paris 2001). Archäologische Mitteilungen aus Iran, Turan 35-36, 2003-2004 (2005), 451-455.
13. N. Boroffka, Besprechung: Josip V. Kobal´, Bronzezeitliche Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). Prähistorische Bronzefunde XX.4 (Stuttgart 2000). SCIVA 54-56, 2003-2005 (2007), 450-454.
14. N. Boroffka, Besprechung: Valentin Dergačev, Die äneolithischen, bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Prähistorische Bronzefunde XX.9 (Stuttgart 2002). Tyragetia Serie Nouă 2.1 (17.1), 2008, 387-392.
15. N. Boroffka, Besprechung: Valentin Dergačev, Die äneolithischen, bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Prähistorische Bronzefunde XX.9 (Stuttgart 2002). Eurasia Antiqua 14, 2008 (2009), 341-346.
16. N. Boroffka, Besprechung: Ion Motzoi-Chicideanu, Obiceiuri funerare în epoca bronzului la Dunărea Mijlocie şi Inferioară I-II. Editura Academiei Române (Bucureşti 2011). Materiale şi Cercetări Arheologice, Serie Nouă 8, 2012, 210-213.
17. N. Boroffka, Besprechung: Ion Motzoi-Chicideanu, Obiceiuri funerare în epoca bronzului la Dunărea Mijlocie și Inferioară I-II. Editura Academiei Române (Bucureşti 2011). Ancient Civilizations form Scythia to Siberia 18/2, 2012, 391-396.
18. N. Boroffka, Besprechung: Radu Băjenaru, Sfârşitul bronzului timpuriu în regiunea dintre Carpaţi şi Dunăre. (Cluj-Napoca: Argonaut 2014). Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 22, 2016, 165-169.

Editor și membru al colegiilor de redacționale

1. H. Ciugudean, N. Boroffka (eds.), The Early Hallstatt Period (1200-700 B.C.) in South-Eastern Europe. Proceedings of the International Symposium from Alba Iulia, 10-12 June, 1993. Bibliotheca Musei Apulensis 1 (Alba Iulia: Muzeul Naţional al Unirii 1994).
2. C. Stoica, M. Rotea, N. Boroffka (red.), Comori ale epocii bronzului din România / Treasures of the Bronze Age in Romania (Bucureşti 1995).
3. N. Boroffka, T. Soroceanu (Hrsg.), Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH 1999).
4. N. Boroffka, S. Hansen (Hrsg.), Archäologische Forschungen in Kasachstan, Tadschikistan, Turkmenistan, Usbekistan (Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien Abteilung 2010)/Н. Бороффка, С. Хансен (ред.), Археологические исследования в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане (Берлин: Германский Археологический Институт, Евразийский Отдел 2010)
5. N. Boroffka, S. Hansen (Hrsg.), Archäologische Forschungen in Kasachstan, Tadschikistan, Turkmenistan, Usbekistan (Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien Abteilung 2010)/ Н. Бороффка, С. Хансен (ред.), Қазақстан, Тәжікстан, Түркіменстан және Өзбекстандағиялық ғылыми зерттеулер (Берлин: *Германский Археологический Институт, Евразийский Отдел* 2010).

6. N. Boroffka, S. Hansen (Hrsg.), Archäologische Forschungen in Kasachstan, Tadschikistan, Turkmenistan, Usbekistan (Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien Abteilung 2010)/ Н. Бороффка, С. Ханзен (ред.), Козоғстон, Тожикистон, Туркменистон ва Ўзбекистонда археологик тадқиқот ишлари (Берлин: Германский Археологический Институт, Евразийский Отдел 2010).
7. N. Boroffka, G.T. Rustoiu, R. Ota (Hrsg.), Carpathian Heartlands. Studies on the prehistory and history of Transsylvania in European contexts, dedicated to Horia Ciugudean on his 60th birthday / Nucleul Carpatic. Studii privind preistoria și istoria Transilvaniei în context european, dedicate lui Horia Ciugudean la aniversarea a 60 de ani. Apulum 51, 2014.
8. Din anul 2000: Romanian Journal of Archaeology (www.archaeology.ro).
9. Din anul 2000: European Archaeology-online (www.archaeology.ro).
10. Din anul 2005: Revista Ancient Civilizations from Scythia to Siberia (Editura: Brill, Leiden).
11. Din anul 2007: Revista Tyragetia (Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău).
12. Din anul 2008: Revista Apulum (Muzeul Naţional al Unirii, Alba Iulia).
13. Din anul 2008: Revista Archäologische Mitteilungen aus Iran, Turan (Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Institutes, Berlin).
14. Din anul 2010: Revista Археологія (Национальн Академия Наук України - Інститут Археології, Київ).
15. Din anul 2011: Revista Peuce, Serie Nouă (Institutul de Cercetări Eco-Muzeal, Tulcea).
16. Din anul 2013: Revista Materiale și Cercetări de Arheologie, Serie nouă (Editura Academiei Române).

Traduceri

1. H. Ciugudean, Zur frühen Bronzezeit in Siebenbürgen im Lichte der Ausgrabungen von Ampoiţa, jud. Alba. Praehistorische Zeitschrift 66, 1991, 79-118.
2. C. Stoica, M. Rotea, N. Boroffka (eds.), Comori ale epocii bronzului din România / Treasures of the Bronze Age in Romania (Bucureşti 1995).
3. I. Motzoi-Chicideanu, M. Şandor-Chicideanu, Ein bronzezeitliches Grab aus *Năeni-Zănoaga*. Dacia N.S. 38-39, 1994-1995 (1997), 19-40.
4. R. Harhoiu, Über die steinverzierten Fibeln mit halbkreisförmiger Spiral-, rautenförmiger Fußplatte. Dacia N.S. 38-39, 1994-1995 (1997), 185-216.
5. R. Harhoiu, Joachim Werner (23.12.1909-9.01.1994). Dacia N.S. 38-39, 1994-1995 (1997), 489-491.
6. R. Vasić, Notizen zur frühen Eisenzeit im zentralbalkanischen Raum. In: (Eds. C. Becker, M.-L. Dunkelmann, C. Metzner-Nebelsick, H. Peter-Röcher, M. Roeder, B. Teržan) Χρόνος. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord-, Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel. Internationale Archäologie. Studia honoraria 1 (Espelkamp 1997), 637-643.
7. C.-M. Mantu, Cultura Cucuteni. Evoluţie, cronologie, legături. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis 5 (Piatra Neamţ 1998). Summary 171-192.
8. O. Bounegru, Erdemgil, Terra-Sigillata-Produktion in den Werkstätten von Pergamon-Ketiostal - Vorläufiger Bericht. Istanbuler Mitteilungen 48, 1998, 263-277, Taf. 29.
9. E. Zaharia, Brandgräber der Übergangsperiode zur Bronzezeit aus Bratei (Jud. Sibiu). In: (Eds. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 53-58.
10. C. Kacsó, Neue Daten zur ersten Phase der Suciu de Sus-Kultur. In: (Eds. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 91-106 (mit T. Soroceanu).
11. H. Ciugudean, Betrachtungen zum Ende der Wietenberg-Kultur. In: (Eds. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 107-131.
12. M. Rusu, E. Dörner, I. Ordentlich, Die Erdburg von Sântana-Arad in dem zeitgleichen archäologischen Kontext. In: (Eds. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 143-165.
13. A. László, Zur Herkunft der Streitmesser mit akinakesförmigem Griff. In: (Eds. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 215-218.

14. Z. Székely, Goten, Gepiden im Olt-Tal. In: (Eds. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 303-306.
15. O. Bounegru, Erdemgil, Töpfereiliste aus Pergamon-Ketiostal. Istanbuler Mitteilungen 50, 2000 (2001), 285-295.
16. O. Bounegru, Varia Cretaria Pergamena. Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte 21/2, 2002, 1-9.
17. M. Şandor-Chicideanu, Neue „Brotlaibidole“ aus Ton aus dem Becken der Unteren Donau. In: (Ed. C. Kacsó) Bronzezeitliche Kulturerscheinungen im karpatischen Raum. Die Beziehungen zu den benachbarten Gebieten. Ehrensymposium für Alexandru Vulpe zum 70. Geburtstag. Baia Mare 10.-13. Oktober 2001. Bibliotheca Marmatia 2 (Baia Mare 2003), 413-428.
18. I. Motzoi-Chicideanu, Ein neuer Fund vom Beginn der Hallstattzeit aus der Kleinen Walachei. Dacia N.S. 43-45, 1999-2001 (2003), 197-229 (mit R. Harhoiu).
19. M. Şandor-Chicideanu, Cultura Žuto Brdo-Gârla Mare. Contribuţii la cunoaşterea epocii bronzului la Dunărea Mijlocie şi Inferioară I-II (Cluj-Napoca 2003). Zusammenfassung 351-363.
20. H.I. Ciugudean, I.Al. Aldea, Der erste Depotfund von Cugir, Kr. Alba, seine Beziehungen zu den spätbronzezeitlichen Kulturphänomenen Siebenbürgens. In: (Hrsg. T. Soroceanu), Bronzefunde aus Rumänien 2. Beiträge zur Veröffentlichung, Deutung bronze-, älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang/Descoperiri de bronzuri din România. 2. Contribuţii la publicarea şi interpretarea descoperirlor de metal din epoca bronzului şi prima vârstă a fierului în contextul european. Biblioteca Muzeului Bistriţa 11 (Bistriţa, Cluj-Napoca 2005), 95-132 (mit T. Soroceanu).
21. A. Ioniţă, Spaţiul dintre Carpaţii Meridionali şi Dunărea inferioară în secolele XI-XIII (Bucureşti 2005). The region between the southern Carpathians and the lower Danube in the 11th-13th Centuries. Summary & Legends of figures 161-169.
22. W. Menghin, M. Nawroth (eds.), Under the Sign of the Golden Griffin. Royal graves of the Scythians. Guide to the exhibition (Berlin 2007).
23. C. Georgescu, Eine halb liegende Statuette aus Pietrele. Eurasia Antiqua 13, 2007, 71-80.
24. L.M. Sverčkov, On the State of Mi-mi, Mi Country and the “City of Memacens”. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 14/3-4, 2009, 317-335.
25. I. Motzoi-Chicideanu, Obiceiuri funerare în epoca bronzului la Dunărea Mijlocie şi Inferioară I-II (Bucureşti: Editura Academiei Române 2011). Summary pp. 683-826 (mit Ioana Zirra).
26. *Terra-Sigillata* - Produktion in den Werkstätten von Pergamon-Ketiostal - vorläufiger Bericht. O.z Bounegru, Mercator. Studien zur antiken Wirtschaft im Pontosgebiet, in der Ägäis. Antiquitas 2. (Kaiserslautern, Mehlingen: Parthenon Verlag 2013), 103-120.

Diverse

1. Matthias Hennies, Antiker »Ruhrpott« im Iran (Fotos: Barbara Helwing, N. Boroffka). Geo Nr. 9, 2001, 180-182 (publicat şi în Geo Korea Nr. 11, 2001, 6).

Lista abrevierilor

AAC	Acta Archaeologica Carpathica. Kraków
ACSS	Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
ActaMM	Acta Moldavie Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
ActaMP	Acta Musei Porolissensis. Zalău
AÉ	Archaeologiai Értesítő. Budapest
AIIA Iaşi	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol", Iaşi
AISC	Anuarul Institutului de Studii Clasice Cluj , Sibiu
AJA	American Journal of Archaeology, Boston
AMIT	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Berlin
ArchÉrt	Archaeologiai Értesítő, Budapest
L'Anthropologie	L'Anthropologie, Paris
Apulum	Acta Musei Apulensis. Arheologie, Istorie, Etnografie
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
Athenaeum	Athenaeum. Studi Periodici di Litteratura e Storia dell'Antichità
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassiensis, Iaşi.
BAVA	Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München.
BerRGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Institutes, Frankfurt am Main
BMA	Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, Piatra-Neamţ
BPS	Baltic-Ponties Studies, Poznan
Britannia	Britannia. A Journal of Romano-British and Kindred Studies
BSNR	Buletinul Societăţii Numismatice Române, Bucureşti
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice. Bucureşti
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CAANT	Cercetări arheologice în aria nord-tracă. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
CCA	Cronica cercetărilor arheologice
CCDJ	Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, Călăraşi
Chiron	Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts, München
Codrul Cosminului	Codrul Cosminului, Universitatea „Ştefan cel Mare" Suceava
Current Anthropology	Current Anthropology. Boston University, Boston
Dacia N.S.	Dacia. Nouvelle Série: Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, Bucureşti
Eurasia Antiqua	Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens, Berlin
FA	Folia Archaeologica. Budapest.
Hierasus	Hierasus. Acta Moldaviae Septentrionalis, Botoşani
Hyperboreus	Hyperboreus. Bibliotheca Classica Petropolitana, St. Petersburg
Historia	Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte, Wiesbaden
Ialomiţa	Ialomiţa (Studii şi comunicări). Muzeul Judeţean Ialomiţa, Slobozia

ISM	Inscripţiile din Scythia Minor, Bucureşti
Istros	Istros, Buletinul Muzeului Brăilei, Brăila
KözlKolozsvár	Közlemények az Erdély Nemzeti Múzeum, Érem- és Régiségtárából, Kolozsvár. Cluj-Napoca
LGPN	A Lexicon of Greek Personal Names, Oxford
LIMC	Lexicon iconographicum mythologiae classicae, Zürich
MAVA	Materialien zur Allgemeinem und Vergleichenden Archäologie. Mainz am Rhein
MCA	Materiale şi cercetări arheologice, Bucureşti
Memoria Antiqvitatis	Memoria Antiqvitatis. Acta Musei Petrodavensis, Piatra Neamţ
MMJ	Metropolitan Museum Journal
MitteArchIst	Mitteilungen des Archäologischen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Budapest.
Mousaios	Mousaios. Muzeul Judeţean Buzău, Buzău
PBF	Prähistoriche Bronzefunde. Stuttgart
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pontica	Pontica. Studii şi materiale de istorie, arheologie şi muzeografie, Constanţa
Prehistoire Europeenne	Prehistoire Europeenne. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, Liège
Przeglad archeologiczny	Przeglad archeologiczny, Poznan
PZ	Prähistorische Zeitschrift, Berlin
Quaternaire	Quaternaire, Paris
RE	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău
Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica. Universitatea „A.I. Cuza", Iaşi
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
SCN	Studii şi Cercetări de Numismatică, Bucureşti
Slovenska Archeologia	Slovenska Archeologia, Bratislava
Stratum plus	Stratum plus. Şcoala Antropologică Superioară, St.-Peterburg-Chişinău-Odessa
Thetis	Thetis. Mannheimer Beiträge zur Klassischen Archäologie und Geschichte Griechenlands und Zyperns, Mannheim
Thracia	Thracia, Sofia
Thraco-Dacica	Thraco-Dacica. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
UPA	Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bonn
Zargidava	Zargidava, Bacău
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

АЛЛУ	Археологічний Літопис Лівобережної України. Полтава
Археология	Археология, София
Археологія	Археологія, Кїив
Археологические вести	Археологические вести, Москва
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АКМ	Археологическая карта Молдавской ССР, Кишинев
АО	Археологические Открытия, Москва
АСГЭ	Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт Петербург
БКПЧП	Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода, Москва
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ГИМ	Государственный исторический музей
ЗООИД	Записки Одесского общества изучения древностей, Одесса
Карпатика	Карпатика. Институт Карпатоведения, Ужгород
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения Института Истории Материальной Культуры, Москва-Ленинград
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Археологического Музея, Одесса
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК	Известия государственной академии материальной культуры
МАК	Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР	Материалы по археологии России. Санкт-Петербург
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭ МССР	Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР, Кишинев
МИИКНСК	Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Москва
ПАЗ	Полтавський археологічний збірник. Полтава
РА	Российская Археология, Москва
РАЕ	Российский археологический ежегодник
РСМ	Раннеславянский мир
Сборник МАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии, Санкт-Петербург
СА	Советская Археология, Москва
СГЭ	Сообщения государственного Эрмитажа
САИ	Свод археологических источников, Москва
ССПК	Старожитності Степового Причономор'я і Криму, Запоріжжя
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея
Труды СУАК	Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов
УАВ	Уфимский археологический вестник. Уфа
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revistă prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere, (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se va prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 martie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Київ 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Київ, 1968), Київ 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 March

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате A4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG - не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 марта

BONS OFFICES
Casa Editorial Poligrafică

Casa editorial-poligrafică „Bons Offices”
mun. Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
tel/fax.: 500-894; tel.: 500-895, 500-578
e-mail: ion@bons.md